

Владлен Логинов

**ВЫБОР
ПУТИ**
Биография

**Владимир
ЛЕНИН**

Владлен Логинов

**ВЫБОР
ПУТИ**
Биография

Владимир ЛЕНИН

Москва
Издательство «Республика»
2005

УДК 93/99
ББК 63.3(2)6–8 ЛенинЗ
Л69

Логинов В. Т.

Л69 Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. – М.: Республика, 2005. – 447 с.
ISBN 5–250–01891–2

В книге известного ученого, доктора исторических наук, профессора В. Т. Логинова рассказывается о раннем этапе жизни В. И. Ленина: о его родителях, детстве, юности, о выборе жизненного пути, начале политической деятельности, сибирской ссылке, первой эмиграции. Многие события в биографии Ленина получали, особенно в последние полтора десятилетия, разные, зачастую тенденциозные толкования. Автор имеет это в виду. Он вводит в оборот новые источники, не использованные ранее документы, воспоминания – частью неизвестные, частью просто забытые или намеренно искаженные, привлекает обширную литературу русского зарубежья. В работе даются ответы на вопросы, не раз возникавшие в последние годы у наших соотечественников о тех или иных событиях жизни В. И. Ленина.

Книга адресована широкому кругу читателей.

ББК 63.3(2)6–8 ЛенинЗ

ISBN 5–250–01891–2

© Издательство «Республика», 2005

КАКОГО ЦВЕТА ГЛАЗА У ЛЕНИНА?

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

В физиономистику давно уже никто не верит. Не зря, видимо, говорят, что наиболее благообразной внешностью обладают карточные шулеры... И все-таки каждый раз, знакомясь с человеком, всматриваешься в его лицо. Первое впечатление может оказаться и очень точным, и очень обманчивым. За заурядной внешностью можно не заметить гения, и наоборот, за внешностью гения – заурядной посредственности.

Впервые встретив Ленина, Горький записал: «Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нем. Картавит и руки сунул куда-то под мышки, стоит фертom. И вообще, весь – как-то слишком прост, не чувствуется в нем ничего от «вождя»¹.

Первое впечатление от внешности Ленина действительно было таково. «Его невысокая фигура в обычном картузике, – пишет Г. М. Кржижановский, – легко могла затеряться, не бросаясь в глаза, в любом фабричном квартале. Приятное смуглое лицо с несколько восточным оттенком – вот почти все, что можно сказать о его внешнем облике. С такой же легкостью, приодевшись в какой-нибудь армячок, Владимир Ильич мог затеряться в любой толпе волжских крестьян, – было в его облике именно нечто как бы идущее непосредственно от этих народных низов, как бы родное им по крови»².

Любопытно, что спустя много лет Борис Пастернак, совсем по другому поводу, высказал мысль, довольно близкую к словам Кржижановского: «Гений – не что иное, как редчайший и крупнейший представитель породы обыкновенных,

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 2. С. 238.

² Там же. С. 10.

рядовых людей времени, ее бессмертное выражение. Гений ближе к этому обыкновенному человеку, сродни ему, чем к разновидностям людей необыкновенных... Гений – это *количественный полюс качественно однородного человечества*. Дистанция между гением и обыкновенным человеком воображаема, вернее, ее нет. Но в эту воображаемую и несуществующую дистанцию набивается много «интересных» людей, выдумавших длинные волосы... и бархатные куртки. Они-то (если допустить, что они исторически существуют) и есть явление посредственности. Если гений кому и противостоит, то не толпе, а этой среде...»¹

Вот, казалось бы, и найден тот угол зрения, который даст возможность подойти к анализу этой сложной исторической личности. Но стоит лишь напомнить, что старый большевик академик Кржижановский был не только горячим сторонником Ленина, но и близким его другом, как станет очевидной шаткость самой исходной позиции.

Потому что человек, не принимающий революцию, а стало быть, и Ленина, увидит и саму внешность его совсем другими глазами. Таким человеком был, например, писатель Александр Иванович Куприн. 26 декабря 1918 года он вместе с журналистом О. Л. Леонидовым побывал на приеме у Ленина, а в феврале 1921 года, будучи уже в эмиграции, опубликовал в Париже свой очерк «Моментальная фотография»...

Ленин, пишет он, «маленького роста, широкоплеч и сухощав. Ни отталкивающего, ни воинственного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина. Есть скуластость и разрез глаз вверх... Купол черепа обширен и высок, но далеко не так преувеличенно, как это выходит в фотографических ракурсах... Остатки волос на висках, а также борода и усы до сих пор свидетельствуют, что в молодости он был отчаянно, огненно, красно-рыж. Руки у него большие и очень неприятные...

На глаза его я засмотрелся... от природы они узки; кроме того, у Ленина есть привычка щуриться, должно быть, вследствие скрываемой близорукости, и это вместе с быстрыми взглядами исподлобья придает им выражение минутной раскосости и, пожалуй, хитрости. Но не эта особенность меня поразила в них, а цвет их райков (глазной радужницы. – В. Л.)...

Прошлым летом в Парижском зоологическом саду, увидев золото-красные глаза обезьяны-лемура, я сказал себе удовлетворенно: вот, наконец-то я нашел цвет ленинских глаз! Разница, оказывается, только в том, что у лемура зрачки большие, бес-

¹ Литературное обозрение. 1978. № 4. С. 105.

покойные, а у Ленина они точно проколы, сделанные тоненькой иглой, а из них точно выскакивают синие искры»¹.

Дело, конечно, не в том, что не был Ленин в молодости «огненно, красно-рыж», а в том, что стал он для Куприна фигурой знаковой, олицетворением ненавистной для него «красной смуты» и потому-то даже ленинские глаза приобрели у писателя якобы «золото-красный» тон.

Нынешние биографы Ленина возвели подобного рода позицию в принцип и сделали его основополагающим. Д. Волкогонов так и заявил: «Говорить и писать о Ленине – это прежде всего выразить свое отношение к ленинизму»². Поэтому, если вас все-таки интересуют ленинские глаза, а не «отношение к ленинизму», то придется пускаться в дальнейшие самостоятельные розыски.

Вернемся к воспоминаниям Кржижановского: «Стоило взглянуть в глаза Владимира Ильича, в эти необыкновенные, понижающие, полные внутренней силы и энергии, темно-темно-карие глаза, как вы начинали уже ощущать, что перед вами человек отнюдь не обычного типа. Большинство портретов Владимира Ильича не в состоянии передать того впечатления особой одаренности, которое быстро шло на смену первым впечатлениям от его простой внешности...»³

Свои зарисовки оставил и А. В. Луначарский: «Особенно прекрасным было его лицо, когда он был серьезен, несколько взволнован, пожалуй, чуточку рассержен. Вот тогда под его крутым лбом глаза начинали сверкать необыкновенным умом, напряженной мыслью. А что может быть прекраснее глаз, говорящих об интенсивной работе мысли! И вместе с тем все лицо его приобретало характер необыкновенной мощи»⁴.

С Кржижановским все ясно... Но ведь и Луначарский не сторонний наблюдатель, а самый горячий поклонник Ленина. А вот красивейшая женщина, известная в те времена писательница Ариадна Тыркова-Вильямс, гимназическая подруга Н. К. Крупской, одна из лидеров партии кадетов, которую называли «единственный мужчина в кадетском ЦК», приводит совсем иное мнение: «Злой человек, этот Ленин. И глаза у него волчьи, злые»⁵.

¹ Цит. по: Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 29–30.

² Там же. С. 12.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 10–11.

⁴ Ленин всегда с нами. Воспоминания советских и зарубежных писателей. М., 1969. С. 19.

⁵ Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 343.

Или другой пример... Василий Водовозов, о котором мы еще не раз упомянем в последующих главах, и самарский присяжный поверенный Григорий Клеменц были знакомы с Лениным примерно в одно и то же время – в 1890–1892 годах. И вот портрет, написанный Водовозовым в эмиграции в 1925 году: «Все лицо в целом поражало каким-то смещением ума и грубости, я сказал бы, какой-то животностью. Бросался в глаза лоб – умный, но покатый. Мясистый нос. В. И. был почти совершенно лысый в 21–22 года. Что-то упорное, жестокое в этих чертах сочеталось с несомненным умом»¹.

Вспомним и портрет, нарисованный Клеменцом в 1924 году: «Это был молодой человек небольшого роста, но крепкого сложения, со свежим румяным лицом, с едва пробивавшимися усами и бородкой – рыжеватого цвета – и слегка выющимися на голове волосами, тоже рыжеватыми. На вид ему было не более 23 лет. Бросалась в глаза его большая голова с большим белым лбом. Небольшие глаза его как будто постоянно были прищурены, взгляд серьезный, вдумчивый и пристальный. На тонких губах играла несколько ироническая, сдержанная улыбка...»²

И, судя по сохранившейся фотографии Владимира Ульянова, относящейся к 1891 году, на которой хорошо были видны и отнюдь не «мясистый» нос, и совсем не «покатый» лоб, и даже прическа, а не «лысина во всю голову», портрет Клеменца достаточно точен. Ну а портрет Водовозова выписан им лишь для того, чтобы сделать общее заключение об «аморализме» облика Ленина, хотя тут же следует оговорка: «Конкретных фактов, доказывающих аморализм Ленина, относящихся ко времени моего знакомства, я не знаю...»

Так неужели же нет свидетелей объективных, которые вообще не знали – кто это и о ком идет речь?

Оказывается, есть...

Однажды, в 1904 году, Луначарский, только что познакомившись с Лениным, зашел вместе с ним в мастерскую известного скульптора Натана Аронсона.

«Владимир Ильич разделся, – рассказывает Луначарский, – и в своей обычной живой манере обошел большую мастерскую, с любопытством, но без замечаний рассматривая выставленные там гипсы, мраморы и бронзы... Аронсон отвел меня в сторону.

¹ Водовозов В. Мое знакомство с Лениным // На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 175.

² Коммуна. Самара, 1924. 24 апр.

– Кто это? – зашептал он мне на ухо...

– Это один друг...

Аронсон закивал своей пушистой головой:

– У него замечательная наружность.

– Да? – спросил я с изумлением, так как я был как раз разочарован, и Ленин, которого я уже давно считал великим человеком, показался мне при личной встрече слишком похожим на среднего... хитроватого мужика.

– У него замечательнейшая голова, – говорил мне Аронсон, смотря на меня с возбуждением. – Не могли бы вы уговорить его, чтобы он мне позировал? Я сделаю хоть маленькую медаль. Он мне очень может пригодиться, например, для Сократа.

– Не думаю, что бы он согласился, – сказал я.

Тем не менее я рассказал об этом Ленину, о Сократе тоже. Ленин буквально покатывался со смеху, закрывая лицо руками¹. А прекрасная работа Аронсона – мраморная голова Владимира Ильича – многие годы украшала Центральный музей В. И. Ленина в Москве.

Однажды в беседе с молодым большевиком И. Ф. Поповым, ставшим позднее писателем и драматургом, Ленин, говоря о Плеханове, употребил выражение «*физическая сила ума*». «Что это такое, Владимир Ильич, физическая сила ума? – спросил Попов. – Я не пойму». Ленин ответил: «А вот вы можете ведь сразу увидеть и отличить в человеке физическую силу. Войдет человек, посмотрите на него, и видите: сильный физически... Так и у Плеханова ум. Вы только взгляните на него, и увидите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила»². Именно такое впечатление на окружающих производил и сам Ленин.

И на этот случай у нас тоже есть вполне авторитетный и «сторонний» свидетель...

Немецкий профессор О. Фёрстер, повидавший на своем веку немало знаменитых пациентов, познакомился с Владимиром Ильичем в 20-е годы. «Всякий, не принимавший личного участия, – рассказывает он, – в великом деле Ленина, попадал, как только сталкивался с ним, под магическое действие его мощной личности... И мне довелось испытать на себе прикосновение его сильного духа...

¹ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 84–85.

² Ленин всегда с нами. С. 94–95.

И теперь он стоит передо мной, как живой, со своей коренастой фигурой, со своими эластичными движениями, со своим великолепным закругленным, как своды мощного здания, черепом; из его глаз, которые то широко раскрыты и глядят спокойно и ясно, то полуприщурены, как будто бы для того, чтобы лучше и точнее взять прицел на мир, всегда лился искрящийся поток ума...

Его мимика отличалась сказочной живостью, всякая его черта выдавала постоянную и интенсивную умственную деятельность, а также глубочайшее внутреннее переживание»¹.

Характеристики внешности Владимира Ильича, оставленные современниками, сложны и противоречивы. Но еще более сложна другая проблема – рассказ о духовном облике Ленина. «...Ни один портрет не даст подлинного физического образа Владимира Ильича, не покажет его таким, каким он был в действительности, тому, кто не знал и не видел его никогда, – заметила как-то Л. А. Фотиева, наблюдавшая его чуть ли не ежедневно на протяжении многих лет. – Еще во много раз труднее нарисовать духовный образ Ленина... Только общими силами, только коллективной работой лиц, близко знавших его, собирая все новые штрихи и новые детали его облика, жизни и деятельности, можно создать этот образ»².

Сегодня, хотя это и парадоксально звучит, мы знаем о Ленине несравненно больше, чем его современники. Выпущено 55 томов его Собрания сочинений, 40 томов «Ленинских сборников», 14 томов «Декретов Советской власти», 12 томов «Биографической хроники», сотни сборников воспоминаний. Во всех этих изданиях было опубликовано около 30 тысяч ленинских документов. И все-таки до недавнего времени примерно 6,5 тысячи оставались лежать в архиве. Из них около 3 тысяч – официальные документы, лишь подписанные Лениным. Около 2 тысяч – так называемые «маргиналии» – пометки, подчеркивания на книгах, газетах, чужих письмах и т. д. И все-таки около тысячи его писем, записок и резолюций – весьма содержательны. Недавно опубликован целый том такого рода наиболее интересных ленинских документов – более 400, считавшихся ранее «совершенно секретными»...

Но удивительное дело: чем больше этой литературы выходит в свет, тем острее становятся сами проблемы анализа жизни и деятельности Ленина. На смену старым мифам приходят новые.

¹ Правда. 1925. 21 янв.

² Фотиева Л. А. Из жизни В. И. Ленина. М., 1967. С. 136.

И дело тут не столько в «загадочности» его фигуры, сколько в уже упомянутой излишней «политизации» и авторов, и проблем.

В свое время, работая над «Государством и революцией», Ленин писал о Марксе и Энгельсе:

«Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать, канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачения их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его»¹.

Та же судьба ждала Ленина...

На смену иконам Богоматери с младенцем и изображениям государя императора с наследником, а то и рядом с ними, в «красных углах» российских изб появились портреты Ленина. Образ его, как бы отделившись от реальной личности, становится своего рода символом новой эпохи, «новой веры», борьбы бедных против богатых за справедливость. И для миллионов он превращается в объект чуть ли не религиозного поклонения.

Вот почему в СССР любой серьезный государственный акт, как и любой политический лидер, получали легитимизацию лишь при «благословении» его Лениным. И по табели о рангах каждый лидер значился либо «верным учеником», либо «славным продолжателем» его дела. И кстати, вот почему искать корни проблем дня сегодняшнего в прошлых деяниях Ленина по меньшей мере недобросовестно, ибо это уже совсем другая история. Это то же самое, что винить Христа в крестовых походах и кострах инквизиции, хотя и в том и в другом случае клялись словом и именем Божиим.

«Когда временами в истории человечества, — размышлял Кржижановский, — появляются люди, освещающие другим дорогу жизни, как огненные столпы, и когда мы называем таких людей гениальными, мы нередко оказываемся беспомощными в попытках объяснить гениальность этих людей... Приходится, по-видимому, признать, что общее определение гениальности — неправильно поставленная задача, что она разрешима только в приложении к вполне определенному случаю, причем по отношению к разным лицам мы будем находить совершенно разные решения.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 5, 6.

Если поставить задачу таким образом, то придется признать необычайную трудность выявления во весь рост такой громадной фигуры, какой был Владимир Ильич. Но я, – заключает Кржижановский, – и не беру на себя ее решения, а ограничиваюсь лишь подбором некоторого материала»¹.

Дать лишь «некоторый материал» для размышлений, некоторые, может быть, малоизвестные, но важные детали биографии, «штрихи к портрету» великого Ленина – на большее не претендует и эта книга...

И все-таки... Какого же цвета были глаза у Ленина и, может быть, действительно был он «огненно-рыж»?

Объективное свидетельство есть.

В 1895 году жандармские чины составили словесный портрет лидера «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Владимира Ульянова: «Рост 2 арш. 5½ вершков (166,7 см. – В. Л.), телосложение среднее, наружность производит впечатление приятное, *волосы на голове и бровях русые, прямые, усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины*, голова круглая, *средней величины*, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши *средней величины*»².

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 9–10.

² Красный архив. 1934. № 1(62). С. 139.

Глава 1

НАЧАЛО ПУТИ

У КОРНЕЙ РОДОСЛОВНОГО ДРЕВА

«Биографическая хроника В. И. Ленина» начинается с записи: *«Апрель, 10 (22).*

Родился Владимир Ильич Ульянов (Ленин).

Отец Владимира Ильича – Илья Николаевич Ульянов был в то время инспектором, а затем – директором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из бедных мещан города Астрахани. Его отец ранее был крепостным крестьянином.

Мать Ленина – Мария Александровна была дочерью врача А. Д. Бланка».

Любопытно, что сам Ленин многих деталей своей родословной не знал. В их семье, как и в семьях других «разночинцев», было как-то не принято копаться в своих «генеалогических корнях». Это уж потом, после смерти Владимира Ильича, когда интерес к подобного рода проблемам стал расти, этими изысканиями занялись его сестры. Поэтому, когда в 1922 году Ленин получил подробную анкету партпереписи, на вопрос о роде занятий деда с отцовской стороны искренне ответил: «Не знаю»¹.

Дед, прадед и прапрадед Ленина действительно были крепостными. Прапрадед – Никита Григорьевич Ульянин – родился в 1711 году. По ревизской сказке 1782 года он с семьей младшего сына Феофана был записан как дворовый человек помещицы села Андросова Сергачской округи Нижегородского наместничества Марфы Семеновны Мякининой.

По той же ревизии его старший сын Василий Никитич Ульянин, 1733 года рождения, с женой Анной Семионовной и детьми Самойлой, Порфирием и Николаем проживали там же, но числились дворовыми корнета Степана Михайловича Брехова.

По ревизии 1795 года дед Ленина Николай Васильевич, 25 лет, холостой, поначалу проживал с матерью и братьями в

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 510.

том же селе, но значились они уже дворовыми людьми подпрапорщика Михаила Степановича Брехова.

Значиться он, конечно, значился, но в селе его уже не было...

В Астраханском архиве хранится документ – «Списки именные ожидаемых к причислению зашедших беглых из разных губерний помещичьих крестьян», где под номером 223 записан «Николай Васильев сын Ульянин... Нижегородской губернии, Сергачской округи, села Андросова, помещика Степана Михайловича Брехова крестьянин. Отлучился в 1791 году». Беглым он был или отпущенным на оброк и выкупившимся – точно неизвестно, но в 1799 году в Астрахани Николая Васильевича перевели в разряд государственных крестьян, а в 1808 году приняли в мещанское сословие, в цех ремесленников-портных.

Сохранились и его приметы: «Ростом 2-х аршин и 6 вершков (168,9 см. – В. Л.), волосы на голове, усы и борода светло-русые, лицом бел, чист, глаза карие...»¹ Сопоставьте эти приметы с полицейской справкой о Ленине, и вы увидите – «в кого пошел» внук.

Избавившись от крепостной зависимости и став свободным человеком, Николай Васильевич сменил фамилию «Ульянин» на «Ульянинов», а затем «Ульянов». Вскоре он женился на дочери астраханского мещанина Алексея Лукьяновича Смирнова – Анне Алексеевне, которая родилась в 1788 году и была моложе мужа на 18 лет.

Исходя из некоторых архивных документов, писательница Мариэтта Шагинян выдвинула версию, согласно которой Анна Алексеевна – не родная дочь Смирнова, а крещеная калмычка, вызволенная им из рабства и удочеренная якобы лишь в марте 1825 года. Бесспорных доказательств этой версии нет, тем более что уже в 1812 году от этого брака родился сын Александр, умерший 4 месяцев от роду, в 1819 году на свет появился сын Василий, в 1821-м – дочь Мария, в 1823-м – Феодосия и, наконец, в июле 1831 года, когда отцу было уже за 60, – сын Илья.

Поселились они в Астрахани, у Волги, на так называемой Косе, на бывшей Казачьей улице в двухэтажном доме с кирпичным низом и деревянным верхом. Вместе с ними всю жизнь проживала и сестра Анны Алексеевны – Татьяна Алексеевна Смирнова, которую считали «крестной». И когда в 1837 году состав-

¹ Правда. 1982. 2 ноября. Подробнее см.: *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В. И. Ленина). М., 1998. С. 78–79.

ляли списки рекрутского набора, мещанин Николай Ульянов и сыновья его Василий и Илья значились в них – *«коренного русского происхождения»*.

После смерти Николая Васильевича заботы по содержанию семьи и воспитанию детей легли на старшего сына Василия Николаевича. Работая в ту пору приказчиком известной в Астрахани фирмы «Братья Сапожниковы» и не обзаводясь собственной семьей, он сумел обеспечить в доме не только достаток, но и дал младшему Илье образование.

В 1850 году Илья Николаевич окончил с серебряной медалью Астраханскую гимназию, поступил на физико-математический факультет Казанского университета, а в 1854 году успешно закончил его, получив звание «кандидат физико-математических наук» и право преподавания в средних учебных заведениях. И хотя ему было предложено остаться при кафедре для «усовершенствования в научной работе» – и на этом настаивал знаменитый математик Н. И. Лобачевский, – Илья Николаевич предпочел «карьеру» учителя.

Первым местом его работы – с 7 мая 1855 года – стал Дворянский институт в Пензе. Служба шла успешно. Его утвердили в должности старшего преподавателя математики старших классов, а в 1860 году наградили медалью «В память войны 1853–1856 годов» и дали чин титулярного советника.

В июле 1860 года сюда же на должность инспектора Дворянского института приехал Иван Дмитриевич Веретенников. Илья Николаевич подружился с ним и его женой, и в том же году Анна Александровна Веретенникова (урожденная Бланк) познакомила его с Марией Александровной Бланк, которая на зиму приезжала к сестре в гости. Илья Николаевич стал помогать Марии Александровне в подготовке к экзамену на звание учительницы, а она ему – в разговорном английском. Молодые люди полюбили друг друга, и весной 1863 года состоялась помолвка.

15 июля того же года, после успешной сдачи экстерном экзаменов при Самарской мужской гимназии, «дочь надворного советника девица Мария Бланк» получила звание учительницы начальных классов «с правом преподавания Закона Божьего, русского языка, арифметики, немецкого и французского языка». А в августе сыграли свадьбу, и «девица Мария Бланк» стала женой надворного советника – чин этот ему пожаловали тоже в июле 1863 года – Ильи Николаевича Ульянова.

Родословную семьи Бланк исследовали А. И. Ульянова, М. И. Ульянова, а в недавние годы М. С. Шагинян, А. Г. Пет-

ров, М. Г. Штейн, В. В. Цаплин и другие. Анна Ильинична рассказывает: «Старшие не могли нам выяснить этого. Фамилия казалась нам французского корня, но никаких данных о таком происхождении не было. У меня лично довольно давно стала являться мысль о возможности еврейского происхождения, на что наталкивало, главным образом, сообщение матери, что дед родился в Житомире – известном еврейском центре. Бабушка – мать матери – родилась в Петербурге и была по происхождению немкой из Риги. Но в то время как с родными по матери у мамы и ее сестер связи поддерживались довольно долго, о родных ее отца, А. Д. Бланк, никто не слышал. Он являлся как бы отрезанным ломтем, что наводило меня также на мысль о его еврейском происхождении. Никаких рассказов деда о его детстве или юношестве у его дочерей не сохранилось в памяти»¹.

О результатах розысков, подтвердивших ее предположение, А. И. Ульянова сообщила Сталину в 1932 и 1934 годах. «Факт нашего происхождения, предполагавшийся мною и раньше, – писала она, – не был известен при его [Ленина] жизни... Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта»².

«Молчать о нем абсолютно» – таков был категорический ответ Сталина. Да и сестра ее Мария Ильинична тоже полагала, что факт этот «пусть будет известен когда-нибудь через сто лет»³.

Сто лет еще не прошло, но уже опубликованные данные позволяют с достаточной уверенностью прочертить родословную семьи Бланков...⁴

Прадед, Моше Ицкович Бланк, родился, видимо, в 1763 году. Первое упоминание о нем содержится в ревизии 1795 года, где среди мещан города Старокопанинского Волынской губернии под номером 394 записан Мойшка Бланк. Откуда появился он в здешних местах – неизвестно. Впрочем...

Несколько лет тому назад известный библиограф Майя Дворкина ввела в научный оборот любопытный факт⁵. Где-то в середине 20-х годов архивист Юлиан Григорьевич Оксман, занимавшийся по заданию директора Ленинской библиотеки Владимира Ивановича Невского изучением родословной Лени-

¹ Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 81.

² Там же. С. 78, 79.

³ Там же. С. 79.

⁴ См. там же. № 2. С. 38–46.

⁵ См.: *Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т.* Между правдой и истиной. С. 118.

на, обнаружил прошение одной из еврейских общин Минской губернии, относящееся якобы к началу XIX века, об освобождении от подати некоего мальчика, ибо он является «незаконным сыном крупного минского чиновника», а посему, мол, община платить за него не должна. Фамилия мальчика была – Бланк.

По словам Оксмана, Невский повез его к Каменеву, а затем втроем они явились к Бухарину. Показывая документ, Каменев буркнул: «Я всегда так думал». На что Бухарин ему ответил: «Что вы думаете – неважно, а вот что будем делать?» С Оксмана взяли слово, что он никому не скажет о находке. И с тех пор этого документа никто не видел.

Итак, документ обнаружен где-то около 1925 года. Спустя 45 лет, в 1970 году, Оксман все-таки рассказал о нем итальянскому историку Франко Вентури. При этом присутствовал В. В. Пугачев, который спустя 25 лет, в 1995 году, опубликовал в Саратове свой рассказ о данном факте¹.

Если Пугачев действительно запомнил дату документа точно, то никакого отношения к Моше Бланку вся эта история не имеет. В начале XIX века он был уже не мальчиком, а вполне зрелым мужем. Но надо учитывать и возможность того, что в многократный пересказ вкралась хронологическая неточность и мы имеем дело с «испорченным телефоном».

Так или иначе, но появился Моше Бланк в Староконстантинове будучи уже взрослым и в 1793 году женился на местной 29-летней девице Марьям (Марем) Фроимович. Из последующих ревизий видно, что Моше Бланк читал как по-еврейски, так и по-русски, имел собственный дом, занимался торговлей и плюс к тому у местечка Рогачево арендовал 5 моргов земли, которые засеивал цикорием.

В 1794 году у него родился сын Аба (Абель), а в 1799-м – второй сын Сруль (Израиль). В. В. Цаплин отмечает, что с самого начала у М. И. Бланка не сложились отношения с местной еврейской общиной. Он был «человеком, который не хотел или, может быть, не умел находить общий язык со своими соплеменниками»². Иными словами, община его просто возненавидела. И после того как в 1808 году во время пожара, а возможно и поджога, дом Бланка сгорел, семья переехала в Житомир.

¹ См.: Пугачев В. В., Динес В. А. Историки, избравшие путь Галилея. Саратов, 1995. С. 40–41.

² Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 40.

Много лет спустя, в сентябре 1846 года, М. И. Бланк написал письмо императору Николаю I, из которого видно, что уже «40 лет назад» он «отрекся от Евреев», но из-за «чрезмерно набожной жены», скончавшейся в 1834 году, принял христианство и получил имя Дмитрия лишь 1 января 1835 года.

Но поводом для письма стало иное: сохраняя неприязнь к своим соплеменникам, Дмитрий (Мойша) Бланк предлагал – в целях ассимиляции евреев – запретить им ношение национальной одежды, а главное – обязать их молиться в синагогах за российского императора и императорскую фамилию.

Любопытно, что в октябре 1846 года письмо это было доложено Николаю I и он полностью согласился с предложениями «крещеного еврея Бланка», в результате чего в 1850 году запретили ношение национальной одежды, а в 1854 году ввели соответствующий текст молитвы. М. Г. Штейн, собравший и тщательно проанализировавший наиболее полные данные о родословной Бланков, справедливо заметил, что по неприязни к своему народу Дмитрия Бланка «можно сравнить, пожалуй, только с другим крещеным евреем – одним из основателей и руководителей Московского Союза русского народа В. А. Грингмутом...»¹.

О том, что Бланк решил порвать с еврейской общиной задолго до своего крещения, свидетельствовало и другое... Оба его сына, Абель и Израиль, как и отец, тоже умели читать по-русски, и, когда в 1816 году в Житомире открылось уездное (поветовое) училище, они были зачислены в него и успешно окончили. С точки зрения верующих евреев, это было кощунство. И все-таки принадлежность к иудейскому вероисповеданию обрекала их на прозябание в границах «черты оседлости». И лишь событие, случившееся весной 1820 года, круто изменило судьбу молодых людей...

В апреле в Житомир прибыл в служебную командировку «высокий чин» – правитель дел так называемого «Еврейского комитета» сенатор и поэт Дмитрий Осипович Баранов. Каким-то образом Бланку удалось встретиться с ним, и он попросил сенатора оказать содействие сыновьям при поступлении в Медико-хирургическую академию в Петербурге. Баранов евреям отнюдь не симпатизировал, но довольно редкое в то время обращение двух «заблудших душ» в христианство было, по его мнению, делом благим, и он согласился².

¹ Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997. С. 39, 44, 46.

² См. там же. С. 43.

Братья сразу же поехали в Петербург и подали прошение на имя митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского Михаила. «Поселясь ныне на жительство в С.-Петербурге, – писали они, – и имея всегдашнее обращение с христианами Греко-российскую религию исповедующими, мы желаем ныне принять оную»¹.

Ходатайство удовлетворили, и уже 25 мая 1820 года священник церкви Преподобного Сампсония в Санкт-Петербурге Федор Барсов обоих братьев «крещением просветил». Абель стал Дмитрием Дмитриевичем, а Израиль – Александром Дмитриевичем. Новое имя он получил в честь своего восприемника графа Александра Апраксина, а отчество – в честь восприемника Абеля сенатора Дмитрия Баранова. А 31 июля того же года, по указанию министра просвещения князя Голицына, братьев определили «воспитанниками Медико-хирургической академии», которую они и закончили в 1824 году, удостоившись ученого звания «лекарей 2-го отделения» и презента в виде карманного набора хирургических инструментов.

Дмитрий Бланк остался в столице полицейским врачом, а первым местом работы Александра с августа 1824 года стала должность уездного врача в городе Поречье Смоленской губернии. Но в октябре 1825 года и он вернулся в Петербург, где был зачислен, как и его брат, в штат столичной полиции в качестве врача. В 1828 году А. Д. Бланка произвели в штаб-лекари. Пора было думать и о женитьбе...

Его крестный отец граф Александр Апраксин был в то время чиновником особых поручений министерства финансов. Так что Александр Бланк, несмотря на происхождение, вполне мог рассчитывать на приличную партию. Видимо, в доме другого благодетеля – сенатора Дмитрия Баранова, увлекавшегося поэзией и шахматами, – где бывал Пушкин и собирался чуть ли не весь «просвещенный Петербург», он познакомился с братьями Грошопфами и был принят у них в доме.

Глава этой весьма солидной семьи Иван Федорович (Иоганн Готтлиб) Грошопф – прибалтийский немец, среди предков которого, происходивших из Северной Германии, был Э. Курциус – домашний учитель кайзера Фридриха III, а среди дальних потомков – генерал-фельдмаршал вермахта В. Модель².

¹ Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. С. 10; ср.: Абрамова О., Бородулина Г., Колоскова Т. Между правдой и истиной.

² См.: Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. Кн. 1. С. 52.

Работал Иван Федорович консулентом Государственной Юстиц-коллегии Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел и дослужился до чина губернского секретаря. Его супруга Анна Карловна – в девичестве Эстедт – была шведкой, лютеранкой, родители которой являлись состоятельными купцами и жили сначала в шведском городе Упсала, а потом переехали в Петербург. Детей в семье Грошофф было восемь: сыновья – Иоганн, служивший в русской армии, Карл – вице-директор в департаменте внешней торговли министерства финансов, Густав, заведовавший рижской таможней, и пять дочерей – Александра, Анна, Екатерина (по мужу – фон Эссен), Каролина (по мужу – Биурберг) и младшая Амалия¹.

Познакомившись с этой семьей, А. Д. Бланк сделал предложение Анне Ивановне. Незадолго до этого она окончила пансион, владела несколькими языками и прекрасно играла на клави-кордах. Именно в ее исполнении Александр Бланк впервые услышал полюбившуюся ему «Лунную сонату» Бетховена².

Согласие на брак было получено, и уже 9 сентября 1830 года родился сын Дмитрий (покончил с собой в 1850 году 19 лет от роду, будучи студентом Казанского университета), 30 августа 1831 года – дочь Анна (по мужу – Веретенникова), 20 августа 1832-го – Любовь (по первому мужу – Ардашева, а по второму – Пономарева), 9 января 1834-го – Екатерина (по первому мужу – АLEX-хина, по второму – Залезская), 22 февраля 1835-го – Мария (по мужу – Ульянова) и 24 июня 1836-го – Софья (по мужу – Лаврова)³.

Дела у Александра Дмитриевича поначалу складывались неплохо. Как полицейский врач он получал тысячу рублей в год. За «рас-торопность и усердие» не раз удостоивался благодарностей. Но в июне 1831 года во время «холерных беспорядков» в столице взбунтовавшейся толпой был зверски убит его брат Дмитрий, дежурив-ший в Центральной холерной больнице. Эта смерть настолько потрясла А. Д. Бланка, что он уволился из полиции и более года не работал. Лишь в апреле 1833 года он вновь поступил на службу ординатором в больницу Св. Марии Магдалины, предназначенную для бедноты заречных районов Петербурга. Между прочим, именно здесь в 1838 году у него лечился Тарас Шевченко. Одновременно, с мая 1833 года по апрель 1837 года, А. Д. Бланк служил и в Морском ведомстве. В 1837 году после сдачи экзаменов он был признан ин-спектором врачебной управы, а в 1838-м медико-хирургом⁴.

¹ См.: Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. С. 102, 104, 111.

² См. там же. С. 53.

³ См. там же. С. 75, 111.

⁴ См. там же. С. 71, 72, 73, 77.

Расширялась и частная практика А. Д. Бланка. Среди его пациентов появились представители высшей знати. Это позволило ему переехать в приличную квартиру во флигеле одного из роскошных особняков на Английской набережной, принадлежавшего лейб-медику императора и президенту Медико-хирургической академии баронету Якову Виллие. Именно здесь в 1835 году родилась М. А. Бланк. Крестным отцом Машеньки стал их сосед – адъютант великого князя Михаила Павловича, а с 1833 года – шталмейстер императорского двора Иван Дмитриевич Чертков¹.

Слухи и сплетни о близости Марии Александровны ко двору породили в последние годы обширную литературу, в которой «маститые» авторы расписывали историю о том, как красавица Машенька стала любовницей императора Александра III (по другим версиям – великого князя), как родила она от государя сына Александра, после чего и была выдворена со всем семейством из столицы в Казанскую губернию. Для читателей, уже привыкших к пошлости, звучит все это вполне романтично и убедительно. Одна беда – Машенька покинула Петербург, когда ей исполнилось *шесть* лет. И совсем по другим обстоятельствам.

В 1840 году Анна Ивановна тяжело заболела, умерла и была похоронена в Петербурге на Смоленском евангелическом кладбище. А заботу о детях целиком взяла на себя ее сестра Екатерина Ивановна фон Эссен, овдовевшая в том же году. Александр Дмитриевич, видимо, и прежде симпатизировал ей. Не случайно родившуюся в 1833 году дочь он назвал Екатериной. После смерти жены они сближаются еще больше, и в апреле 1841 года А. Д. Бланк решает вступить с Екатериной Ивановной в законный брак. Однако подобные браки – с крестной матерью его дочерей и родной сестрой покойной супруги – закон не разрешал. И Екатерина Ивановна фон Эссен становится его гражданской женой².

В том же апреле 1841 года они покидают столицу и всем семейством переезжают в Пермь, где Александр Дмитриевич получил должность инспектора Пермской врачебной управы и врача Пермской гимназии. Именно здесь он познакомился с учителем латыни И. Д. Веретенниковым, ставшим в 1850 году мужем его старшей дочери Анны, и преподавателем математики А. А. Залежским, взявшим в жены Екатерину Бланк. Но это случилось позднее, а в марте 1843 года А. Д. Бланк стал заведовать госпиталем Юговского казенного завода, в сентябре 1845 года

¹ См.: Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. С. 20, 75, 76.

² См. там же. С. 78.

был назначен врачом Златоустовской оружейной фабрики, а с 21 мая 1846 года занял должность медицинского инспектора златоустовских госпиталей, где и закончилась его служба¹.

В историю российской медицины А. Д. Бланк вошел как один из пионеров отечественной бальнеологии – лечения минеральными водами. На пенсию он вышел в конце 1847 года с должности доктора Златоустовской оружейной фабрики, дослужился до чина надворного советника, дававшего право на дворянство, и уехал с Урала в Казанскую губернию, где в 1848 году в Лаишевском уезде на его сбережения, а в основном на средства Екатерины Ивановны, было куплено имение Кокушкино с 462 десятинами земли (503,6 га), водяной мельницей и 39 крепостными крестьянами². 4 августа 1859 года Сенат утвердил А. Д. Бланка и его детей в потомственном дворянстве, и они были занесены в книгу Казанского дворянского депутатского собрания.

Вот так Мария Александровна Бланк оказалась в Казани, а затем в Пензе, где познакомилась с Ильей Николаевичем Ульяновым...

Их свадьбу, как до этого и свадьбы других сестер Бланк, сыграли в Кокушкине 25 августа 1863 года. Но «медовый месяц» оказался слишком коротким. 7 сентября там же в Кокушкине скончалась крестная мать и воспитательница Марии Александровны Екатерина Ивановна фон Эссен. Лишь после ее похорон молодожены 22 сентября уехали в Нижний Новгород, куда Илья Николаевич получил назначение старшим учителем математики и физики мужской гимназии.

«ШЕСТИДЕСЯТНИКИ»

Все-таки неблагоприятное это занятие – собирать по веточкам «генеалогическое древо». Удовлетворяя законное любопытство, оно мало что объясняет...

И в самом деле, протягивая через столетия родственную нить, выводя одно поколение из другого, оно как бы вырывает судьбу каждого из контекста своего времени. И переносит центр тяжести на факторы чуть ли не генетические. А ведь конкретные обстоятельства и события того времени влияли на поступки, создавали альтернативы выбора пути, формировали образ жизни значительно сильнее, нежели кровнородственное наследство.

¹ См.: Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 81.

² См.: Зильберштейн И. С. Молодой Ленин в жизни и за работой. По воспоминаниям современников и документам эпохи. М., 1929. С. 41.

19 июля 1831 года, когда протоиерей Николай Ливанов в астраханской церкви Николы Гостинного крестил Илию – второго сына Николая Ульянова и его законной жены Анны, – в этот год император Николай I пожелал, «чтобы крепостные дети отнюдь не были отдаваемы для воспитания в такие учебные заведения, в коих они могли бы получить образование, превышающее состояние их...».

Когда же Илья Николаевич все-таки закончил гимназию и ее директор А. П. Аристов 10 июня 1850 года обратился к попечителю Казанского учебного округа с ходатайством об университетской стипендии для «даровитого мальчика», ему ответили, что для стипендии «происходящему из податного состояния» и «принадлежащего к мещанскому сословию... нет достаточного основания». И только помощь брата позволила И. Н. Ульянову закончить университет¹.

18 февраля 1855 года император Николай I скончался. Профессор МГУ историк С. Соловьев, шагая по арбатским переулкам, размышлял: «Я не был опечален смертью Николая, но в то же время чувствовалось не по себе, примешивалось беспокойство, опасение; что, если еще хуже будет?! Человека вывели из тюрьмы, хорошо, легко дышать свежим воздухом; но куда ведут? – может быть, в другую, еще худшую тюрьму?»

Этот безрадостный внутренний монолог прервал повстречавшийся коллега – профессор Т. Грановский. Первым словом Соловьева вместо приветствия было: «Умер». Грановский ответил: «Нет ничего удивительного, что он умер; удивительно, что мы с вами живы»².

А. И. Герцен записал: «Свободной России мы не увидим... Мы умрем в сених, и это не от того, что при входе в хоромы стоят жандармы, а от того, что в наших жилах бродит кровь наших прадедов – сеченных кнутом и битых батогами, доносчиков Петра и Бирона, наших дедов-палачей, вроде Аракчеева и Магницкого, наших отцов, судивших декабристов, судивших Польшу, служивших в III отделении, забивавших в гроб солдат, засекавших в могилу крестьян. От того, что в жилах наших лидеров, наших журнальных заправил догнивает такая же гадкая кровь, благоприобретенная их отцами в передних, съезжих и канцеляриях»³.

На престол вззошел император Александр II... И Н. А. Добролюбов в «Оде на смерть Николая I» написал:

¹ См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. Документальное повествование о семье Ульяновых, детстве и юности Владимира Ильича. М., 1985. С. 16, 17, 18.

² Там же. С. 27.

³ Там же. С. 20, 21.

*По неизменному природному закону,
События идут обычной чередой:
Один тиран исчез, другой надел корону,
И тяготеет вновь тиранство над страной.*

И вдруг в 1856 году для непосвященных как гром среди ясного неба – обращение Александра II к московскому генерал-губернатору:

«Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. В отвращение разных неосновательных толков по предмету столь важному, я считаю нужным объявить вам, что я не имею намерения сделать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу»¹.

А через шесть лет после восшествия на престол – после долгих обсуждений в дворянских комитетах, чиновничьих ведомствах и Государственном Совете – 19 февраля 1861 года Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права. «Все, что можно было сделать для ограждения выгод помещиков, – с удовлетворением заявил он, – сделано». 5 марта манифест был обнародован, и по всей России во всех церквях звонили колокола и с амвонов возносились молитвы в честь «царя-освободителя».

Мало кто устоял... Признавая заслуги Александра II, Герцен вспомнил библейские слова: «Ты победил, галилеянин!» Даже такой радикал, как Чернышевский, написал: «Уничтожение крепостного права благословляет времена Александра II славой, высочайшей в мире...» Надо было время, чтобы осознать и оценить происходящее...

Реформа косвенно затронула и семью Ульяновых. Имение А. Д. Бланка, куда летом приезжали все его дочери с семьями, тоже имело крепостных. Но, по свидетельству Анны Ильиничны Ульяновой, ненависти к хозяевам тамошние крестьяне не испытывали. Наоборот, как врач, принимавший больных со всех окрестных сел, Александр Дмитриевич пользовался всеобщим уважением. «Кокушкино, – рассказывает Анна Ильинична, – было благоприобретенное имение и поэтому между владельцами его и крепостными не могло быть тех отношений, которые

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 19–20.

складывались у родовитых помещиков, потомственно владевших крепостными душами»¹.

После 1861 года реформы следовали одна за другой. Получили новый импульс для своего развития промышленность и сельское хозяйство. Появились невиданные ранее учреждения – суд присяжных, земства. К руководству образованием допустили общественность. Стали создаваться губернские и уездные училищные советы. Разрабатывались проекты массовой народной школы. А такие лучшие умы, как «отец русской педагогики» К. Д. Ушинский, уже стали мечтать о ликвидации в России неграмотности.

«...Вся Россия, – вспоминал великий бунтарь князь П. А. Кропоткин, – говорила об образовании. Любимыми темами для обсуждения в прессе, в кружках просвещенных людей и даже в великосветских гостиных стало невежество народа, препятствия, которые ставились до сих пор желающим учиться, отсутствие школ в деревнях, устарелые методы преподавания, а как помочь всему этому... началось сильное движение для основания воскресных школ»². Точное слово, характеризующее тогдашнее состояние умов, нашел поэт Тютчев: «Оттепель!»

Если попытаться вычленить некую общую идею, которая определяла устроения «шестидесятников», то таковой, видимо, следует признать идею «общего блага» как гармонии личных и общественных интересов. В конце 60-х ее наиболее полно сформулировал в «Исторических письмах» Петр Лавров.

«Ясно понятые интересы личности, – писал он, – требуют, чтобы она стремилась к осуществлению общих интересов... Истинная общественная теория требует не *подчинения* общественного элемента личному и не *поглощения* личности обществом, а *слития* общественных и частных интересов. Личность должна развить в себе понимание *общественных* интересов, которые суть и *ее* интересы; она должна направлять свою деятельность на внесение истины и справедливости в общественные формы, потому что это есть не какое-либо отвлеченное стремление, а самый близкий эгоистический *ее* интерес»³.

Именно убеждение в возможности торжества «истины и справедливости» питало социальный оптимизм «шестидесятников», их веру в силу просвещения и благие перемены.

¹ Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 82.

² Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 34.

³ Лавров П. Л. Исторические письма. Изд. 5-е. Пг., 1917. С. 88.

Через всю эту полосу Великих Надежд прошел и Илья Николаевич Ульянов. В Пензе, где он работал с 1855 года, уже в ноябре 1860-го открыли воскресную школу – по общему счету всего лишь 59-ю в России. Ее учредили «для распространения грамотности в ремесленном и рабочем классе» и помимо русского языка и арифметики преподавали историю, географию и естественные науки. И вот, одновременно с работой в мужской и женской гимназиях, Илья Николаевич становится учителем и распорядителем и этой школы¹.

Но вслед за Великими Надеждами пришла и пора великих разочарований... История еще раз подтвердила, что во времена жестких правлений, когда даже малая надежда на послабление подавляется, неприятие режима, как правило, носит скрытый, латентный характер. Но когда «послабление» наступает, реформы уже не удовлетворяют слишком долго копившихся ожиданий и тогда недовольство выплескивается наружу. Короче говоря, если при «Николае Палкине» никто и пикнуть не смел, то при «Александре Освободителе» ждать и терпеть никто уже не желал.

Первыми негативно оценили «Великую реформу» сами крестьяне. Они сочли себя обманутыми, и полоса бунтов прокатилась по России...

«При освобождении крестьян, – свидетельствует А. И. Ульянова, – дед советовал им пойти на выкуп, но они не послушали его совета, предпочитая дарственную землю. Мой отец И. Н. Ульянов рассказывал мне о том, как волновало дедушку принятое крестьянами решение, как он несколько раз выходил к крестьянам, убеждая их пойти на выкуп, но крестьяне, очевидно, как говорил мой отец, внимая распускаемым в то время слухам о том, что земля должна отойти вся бесплатно, не послушали его»².

В Кокушкине обошлось... А вот в селе Бездна той же Казанской губернии уже в апреле 1861 года вспыхнули волнения, и, усмиряя их, генерал граф Апраксин расстрелял около ста крестьян. Убитые и раненые были и в селах Черногай и Кандеевка Пензенской губернии, где войска также стреляли в крестьян, выступивших под лозунгом «Земля вся наша!».

В ответ – в университете и Духовной академии Казани – начались волнения студентов. На устроенной ими демонстративной панихиде по убиенным профессор истории Афанасий Ща-

¹ См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 34, 35.

² Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 82.

пов – он умрет в сибирской ссылке – сказал, что своим подвигом безднские крестьяне разрушили предрассудок, будто русский народ «неспособен к инициативе политических движений»¹.

Помимо репрессий летом 1861 года правительство разрабатывает новые «Правила...», уничтожившие всякие университетские «вольности». Но осенью, с началом занятий, начинаются массовые стачки протеста и демонстрации в Петербургском и Московском университетах. Власти проводят повальные аресты, участников беспорядков бросают в Петропавловскую крепость, исключают из университетов, высылают в Сибирь.

«Куда же вам деться, юноши, от которых заперли науку?.. – пишет Герцен. – *В народ, к народу!* – вот ваше место, изгнанники науки, покажите... что из вас выйдут не *подьячие*, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русского!»²

«*Народ царем обманут!*» – заявлял издававшийся в Лондоне «Колокол» и звал молодежь к отпору и революционному действию. И в самом Петербурге той же осенью 1861 года появляется составленная публицистом «Современника» Н. В. Шелгуновым прокламация «К молодому поколению». В ней говорилось: «Государь обманул ожидания народа – дал ему волю не настоящую, не ту, о которой народ мечтал и которая ему нужна... Мы хотели бы, разумеется, чтобы дело не доходило до насильственного переворота. Но если иначе нельзя... мы зовем охотно революцию на помощь народу»³.

В 1861 году из сибирской ссылки – через Японию и Америку – бежал ставший анархистом Михаил Бакунин. «Мы понимаем революцию, – писал он, – в смысле разнуздания того, что *теперь* называется дурными страстями, и разрушение того, что *на том же языке* называется естественным порядком».

Надо было прожить сначала всю полосу шумных славословий в честь освобождения и свободы, а затем – ощущение полного, бесстыдного обмана всех надежд, чтобы понять степень ожесточения молодежи...

В 1862 году сын генерала, талантливый юноша П. Г. Зайцевский в прокламации «Молодая Россия» писал, что только «революция, революция кровавая и неумолимая», а за ней диктатура революционной партии, захватившей власть, способна дать народу истинную свободу. Ради этого он был готов уничто-

¹ Красный архив. 1923. № 4. С. 409.

² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1958. Т. XV. С. 175.

³ История ВКП(б). Т. 1. Вып. 1. М.; Л., 1926. С. 27.

жить сто тысяч помещиков, и прежде всего «императорскую партию»: «Когда будет призыв «в топоры», тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто не с нами, тот будет против; кто против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами»¹.

Илья Николаевич Ульянов был весьма далек от подобного рода умонастроений и, как свидетельствует Анна Ильинична, не одобрял «разную болтовню», внушавшую крестьянам мысль о переделе земли². Ненавидя до глубины души крепостничество во всех его проявлениях, он, как и многие другие представители поколения русских «шестидесятников», твердо верил в то, что после отмены рабства только просвещение и европеизация России смогут принести общее благоденствие и благосостояние.

Поэтому, когда его же ученики уже начинали помышлять о революционном терроре, Илья Николаевич лишь с еще большей энергией отдавался делу народного образования, и в частности Пензенской воскресной школе...

«...Эти люди в полушубках, чуйках, армяках, пестрядинных и китайчатых халатах, с черными мозолистыми руками, с испачканными лицами, с запахом и цветом, напоминающими ясно ремесло каждого, — писал в эти годы К. Д. Ушинский, — собрались сюда не шутку шутить, не из пустого любопытства, а собрались дело делать и... это дело, для которого они пожертвовали несколькими часами единственно свободного дня своей трудовой недели, кажется им не только делом полезным, серьезным, но каким-то святым, каким-то религиозным делом»³.

Вот и в Пензе педагоги не могли нарадоваться на своих подопечных, которые своим отношением к учебе намного превосходили гимназистов. Но в 1862 году очередь дошла и до них. 10 июня последовало Высочайшее повеление Александра II:

«Надзор, установленный за воскресными школами и народными читальнями, оказался недостаточным. В последнее время обнаружено, что под благовидным предлогом распространения в народе грамотности люди злоумышленные покушались в некоторых воскресных школах развивать вредные учения, возму-

¹ История ВКП(б). Т. 1. Вып. 1. С. 27, 28.

² См.: Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 82.

³ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 34–35.

тительные идеи, превратные понятия о праве собственности и безверие. В отношении к читальням равным образом обнаружено стремление пользоваться этими учреждениями не для распространения полезных знаний, а для проведения того же вредного социалистического учения». А посему государь император повелел: «Впредь до преобразования означенных школ на новых основаниях закрыть все ныне существующие воскресные школы и читальни»¹.

В июне 1862 года соответствующий циркуляр министра внутренних дел был вручен Илье Николаевичу, школу закрыли, а в августе следующего года – после свадьбы – он с женой уехал в Нижний Новгород. Город был большой, богатый, с совершенно иной, нежели в Пензе, интеллектуальной средой. Появились дети. 14 августа 1864-го родилась дочь Анна. Еще через полтора года – 31 марта 1866-го – сын Александр... Но вскоре – горестная утрата: появившаяся на свет в 1868-м дочь Ольга, не прожив и года, заболела и 18 июля в том же Кокушкине умерла...

Появились и новые друзья. Молодых учителей поселили на казенных квартирах в «красном флигеле» во дворе Дворянского института. Особенно подружились Ульяновы с семьями В. А. Ауновского и В. Н. Захарова, которых тоже перевели в Нижний из Пензы. По вечерам, уложив детей спать, собирались, беседовали, музицировали. Впрочем, Илья Николаевич все с той же полной самоотдачей уходил в работу. Дела по службе шли нормально. В ноябре 1865 года он получил свой первый орден – Святой Анны 3-й степени. Стал преподавать не только в Дворянском институте, но и в гимназии, на курсах лесных таксаторов, набирал уроки. И каждый раз, когда приносил жалованье, Мария Александровна тщательно, до мелочей расписывала бюджет на весь месяц. Надо было строить дом, воспитывать детей, помогать астраханским родственникам... Но пензенский период его жизни напомнил о себе и здесь, в Нижнем...

В апреле 1866 года газеты сообщили о неслыханном – первом в истории России покушении революционеров на государя императора.

4-го числа в Санкт-Петербурге, когда в четвертом часу полудни Александр II, закончив прогулку по Летнему саду, направлялся к экипажу, неизвестный выстрелил в него из пистолета. Но стоявший рядом крестьянин Комиссаров толкнул его под руку, и пуля пролетела мимо государя. Набежавшая толпа сбила

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 37.

стрелявшего с ног, стала бить, а он, закрываясь от ударов, повторял: «Что вы со мной делаете, дурачье?! Я же за вас, за вас! На пользу русскому мужику»¹.

Князь Петр Кропоткин рассказывал: «После... выстрела 4 апреля 1866 года Третье отделение стало всесильным. Заподозренные в «радикализме» – все равно, сделали они что-нибудь или нет, – жили под постоянным страхом. Их могли забрать каждую ночь за знакомство с лицом, замешанным в политическое дело, за безобидную записку, захваченную во время ночного обыска, а не то и просто за «опасные убеждения». Арест же по политическому делу мог означать все, что хотите: годы заключения в Петропавловской крепости, ссылку в Сибирь или даже пытку в казематах»².

А уже через несколько дней следственной комиссии стало известно, что преступник – дворянин Дмитрий Владимирович Каракозов, 1840 года рождения, проживал до 1860 года в Пензе, где учился в гимназии. В ней и в пензенском Дворянском институте учились и многие другие участники подпольного кружка, организованного в Москве двоюродным братом Каракозова – Николаем Ишутиным.

Для Ульяновых начались томительные дни ожидания и страха. Они знали и Каракозова, и Ишутину, но при допросах тот и другой Илью Николаевича не упомянули. А вот его ученик по Дворянскому институту Н. П. Странден в ходе следствия показал, что с Ульяновым был знаком. В деле фигурировало и рекомендательное письмо Ильи Николаевича, данное им другому подследственному с целью облегчить подателю поступление в Московский университет.

На запрос следственной комиссии по поводу преподавателей пензенского Дворянского института и гимназии, обучавших будущих заговорщиков, жандармы ответили, что наиболее «вредным» и «опасным» человеком, оказавшим пагубное влияние на воспитанников, является учитель словесности В. Н. Захаров, у которого учились, а одно время квартировали Каракозов и Ишутин. Ульянов упомянут не был, хотя и он недолго снимал квартиру у Захарова и именно от него принял воскресную школу.

Так или иначе, но на допрос Илью Николаевича не вызывали, и все вроде бы обошлось...

«Спасителю государя» Комиссарову даровали дворянство, возможность задаром пить водку в кабаках, а Каракозов 3 сен-

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 58.

² Там же. С. 54–55.

тября 1866 года был повешен. Ишутина здесь же у виселицы «помиловали» и заменили веревку бессрочной каторгой в Сибири, где он сошел с ума и в 1879 году умер. А в 1892 году, в состоянии запоя, повесился Комиссаров.

Среди многочисленных арестованных, прямо или косвенно причастных к этому делу, было немало столичных знаменитостей, таких, как издатель «Русского слова» Г. Благодетель, поэты В. Курочкин и Д. Минаев, критик В. Зайцев... И скромный, ранее ничем не скомпрометировавший себя нижегородский учитель математики и физики, видимо, выпал из поля зрения «недреманного ока» Третьего отделения.

А жизнь продолжала идти своим чередом. По-прежнему каждое утро Илья Николаевич уходил в гимназию, возвращался поздно. На гимназическом чердаке он устроил обсерваторию и установил телескоп. Отсюда ученики его всматривались в вечернее звездное небо. Для кабинета физики купили действующую модель паровоза, дабы убедились дети, что нет в «чугунке» нечистой силы.

Росли и свои дети – Анна и Александр, родившийся за четыре дня до выстрела Каракозова. В июле 1867 года Илья Николаевич получил новый чин – коллежского советника, по табели о рангах – никак не ниже майора. И все-таки работа в гимназии, особенно после опыта воскресной школы, полного удовлетворения не приносила. Он мечтал о ниве подлинно народного просвещения. Поэтому, когда его астраханский учитель словесности, а теперь инспектор Казанского учебного округа Александр Васильевич Тимофеев написал, что в Симбирске открылась вакансия инспектора губернских народных училищ, Илья Николаевич сразу дал согласие.

СИМБИРСК

Мария Александровна с детьми поехала в Астрахань провести ульяновских родственников, а Илья Николаевич направился в Симбирск устраиваться и подыскивать жилье. Назначение его на новую должность состоялось 6 сентября 1869 года, и вся семья, переехав в Симбирск, поселилась на Стрелецкой улице, сняв флигель во дворе дома Прибыловской. А вскоре, 10 (22) апреля 1870 года, здесь родился сын Владимир...

16 апреля священник Василий Умов и дьячок Владимир Знаменский крестили новорожденного. Крестным стал управляю-

ший удельной конторой в Симбирске действительный статский советник Арсений Федорович Белокрысенко, а крестной – мать сослуживца Ильи Николаевича коллежская асессорина Наталия Ивановна Ауновская¹.

Симбирск был в то время тихим провинциальным городком, насчитывавшим чуть более 40 тысяч жителей, из которых 57,5 процента значились мещанами, 17 процентов – военными, 11 – крестьянами, 8,8 – дворянами, а 3,2 процента – купцами и почетными гражданами. Соответственно и город делился на три части: дворянскую, торговую и мещанскую. В дворянской были керосиновые фонари и дощатые тротуары, а в мещанской держали по дворам всякую скотину, и живность эта, вопреки запретам, разгуливала по улицам.

Помимо заводиков – водочного, пивомедоваренного, винокуренного, воскосвечного и мукомольного – в Симбирске функционировали две гимназии: мужская и женская, кадетский корпус, духовное училище и семинария, фельдшерская школа и ремесленное училище, чувашская учительская школа и татарское медресе, несколько приходских школ, а также большая Карамзинская библиотека, народная библиотека имени Гончарова и, наконец, театр.

Можно сколько угодно спорить о приметах, верить в них или нет, но факт остается фактом – квартиру Ульяновы сняли рядом с тюрьмой. «Бледные, обросшие, какие-то дикие лица, – вспоминала Анна Ильинична, – глядели из-за решеток, слышалось лязганье цепей... Помню, как угнетало наши детские души это мрачное здание с его мрачными обитателями. Только увлечешься, бывало, чудным видом на Волгу, пением певчих птиц в сбегавших с обрыва фруктовых садах... как лязг цепей, грубые окрики или ругань заставляли нас вздрагивать и оглядываться. Вместе со страхом перед этими людьми наши детские души охватывало чувство глубокой жалости к ним. Помню его отражение в глубоких глазах Саши. И сейчас еще стоит перед моим взором одно худое тонкое лицо с темными глазами, жадно прильнувшее к решетке окна»².

Летом мать вывозит детей в Кокушкино – на дачу к деду. Анна Ильинична вспоминает «высокого худого старика, с сильной проседью в черных волосах, с ясными и живыми черными глазами, обычно ласково относившегося к нам, внучатам, и ба-

¹ См.: Ленин и Симбирск. Саратов, 1986. С. 36.

² Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 62.

ловавшего нас. В последнее лето помню, как он поднялся раз по лестнице в мезонин кокушкинского дома, где помещалась с нами мать, и как мать моя поднесла и показала ему нового внука, брата Володю, родившегося весной этого года. Вероятно, дед осматривал ребенка с точки зрения врача»¹.

И в это же лето – 17 июля 1870 года Александр Дмитриевич Бланк умер. Похоронили его в трех верстах от Кокушкина, на кладбище приходской церкви села Черемышево рядом с могилой Екатерины Ивановны фон Эссен. Еще через год, в 1871-м, умерла и астраханская бабушка Анна Алексеевна – мать Ильи Николаевича.

А семья продолжала расти. 4 ноября 1871 года родился четвертый ребенок – дочь Ольга. Родившийся в следующем году сын Николай умер, не прожив и месяца. 4 августа 1874-го на свет появился сын Дмитрий, а 6 февраля 1878-го дочь Мария. Шестеро детей... Ни о какой «светской жизни», а тем более об учительствовании Марии Александровне думать уже не приходилось. После переезда в Симбирск и рождения Володи кроме кухарки Насти в дом взяли няню – старую солдатку из села Лутовни Пензенской губернии Варвару Григорьевну Сарбатову. Если учесть, что у Ульяновых часто «гостевали» сестры Марии Александровны и их дети, то станет очевидным, что работы хватало всем.

С первых же дней Ильи Николаевич целиком погрузился в круг своих новых обязанностей. Казалось, исполнилась его мечта: действительно народные сельские школы, которые надо строить, расширять, разрабатывать новые учебные планы, внедрять новейшие методы обучения и воспитания. Но все началось с разочарований...

По всем официальным отчетам, в губернии значилось 460 сельских школ. Это воспринималось как свидетельство просвещенности местного дворянства, и симбирцев повсюду хвалили и ставили в пример. Однако первые же инспекторские объезды Ильи Николаевича показали, что нормально функционирует лишь 89 школ. Остальных либо не было вообще, либо они прекратили свое существование из-за отсутствия учителей или помещений².

Разочарование, однако, не привело к утрате интереса к делу. Наоборот, этот немолодой и физически не очень-то здоровый

¹ Отечественные архивы. 1992. № 4. С. 82.

² См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. М., 1985. С. 20.

человек проявил уйму энергии и полное самоотречение. Валериан Никанорович Назарьев, помещик Симбирского уезда, известный по тем временам публицист, писал об Ульянове: «Сидишь, бывало, в теплой комнате с книгой в руках, тревожно прислушиваясь к нестерпимому завыванию метели, гуляющей по степным раздольям и уже третьи сутки не выпускающей мужика из избы. Вдруг под самым окном звучит колокольчик. Хозяин спешит в прихожую встречать неожиданного гостя.

— Не изумляйтесь, Валериан Никанорович. Сейчас оттаю, стяну тулуп — и признаете Ульянова, вашего покорнейшего слугу. Уже четвертую неделю путешествую.

Назарьев видит перед собой занесенного снегом, с обледевшими бакенбардами и посиневшим от холода лицом инспектора народных училищ.

— Илья Николаевич, Боже милостивый! Вот это славно! Сейчас и обогреем и успокоим скитальца.

Начинаются хлопоты по приему гостя. Ульянов ходит тем временем по комнате, разминая заочеченные ноги, и ведет разговор о школьных делах, о своих заботах и надеждах. Продолжает об этом говорить во время чая, обеда, вечера. Вас клонит ко сну, а инспектор все говорит о школе. И первые слова, которыми он вас встречает поутру, — все та же школа...

И далее Назарьев пишет об Ульянове: «Как птица божья, он никогда не помышлял о чем-нибудь житейском, предоставляя это жене, никогда не унывал, не жаловался и безропотно продолжал скакать по губернии, на целые месяцы оставляя семью, продолжал голодать, угорать на съездах, рисковать жизнью, распинаться на земских собраниях или сельских сходах богатых торговых селений, среди равнодушной толпы мироедов, выпрашивая гроши, он утешал приунывших учителей и плаксивых учительниц, чтобы, возвратившись наконец в город, тотчас же бежать на свои педагогические курсы, при всей окружающей его неурядице, при постоянном физическом и моральном утомлении, при вечной войне с разжиревшими и явно глумившимися над ним волостными старшинами, писарями и плутами подрядчиками, он умудрялся не только удерживать в своих руках врученный ему светильник, но наперекор всему, в одном нашем уезде, вместо бывших номинально, организовать до 45 сельских школ...»¹

Сам Илья Николаевич, глубоко осознанно исполнявший свой долг, отнюдь не считал себя жертвой. Он строил школы, добы-

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 83–84.

вал буквари и дрова, подбирали новых молодых учителей, добивался повышения им жалованья... И считал все тяготы своей работы лишь неминуемой платой за осуществление своего сокровенного желания: быть полезным народу в его стремлении избавиться от тьмы и невежества¹.

Его хвалили. А. Д. Пазухин, предводитель дворянства Алатырского уезда, писал «с благодарностью о неутомимой деятельности... уважаемого И. Н. Ульянова. Благодаря его стараниям и энергии учреждались новые школы, открывались учительские съезды. Своим влиянием и примером он привлекал к делу народного образования людей, относившихся прежде к этому делу безучастно»².

25 ноября 1871 года Ульянов получил высокий чин – статского советника, а 22 декабря 1872-го – орден Святого Станислава 2-й степени. 1874 год стал пиком его карьеры: 11 июля Илью Николаевича назначили директором народных училищ Симбирской губернии, 21 декабря наградили третьим орденом – Святой Анны 3-й степени. В декабре 1877 года ему был присвоен чин действительного статского советника, равный по табели о рангах генеральскому званию и дававший права потомственного дворянства. Но, как напишет позднее Мария Ильинична, «для него были важны не чины и ордена, а... процветание его любимого дела, наилучшая постановка народного образования, во имя которого он работал не за страх, а за совесть, не щадя своих сил»³.

Впрочем, повышение жалованья позволило реализовать давнюю мечту. Сменив с 1870 года шесть наемных квартир и скопив необходимые средства, Ульяновы 2 августа 1878 года за 4 тысячи серебром купили, наконец, собственный дом у вдовы титулярного советника Екатерины Петровны Молчановой на Московской улице в приходе Благовещения Господня. Был он деревянным, в один этаж с фасада и с антресолями под крышей со стороны двора. А позади двора, заросшего травой и ромашкой, раскинулся прекрасный сад с серебристыми тополями, толстыми вязами, желтой акацией и сиренью вдоль забора...

Комнаты распределили так: внизу кабинет Ильи Николаевича, гостиная, столовая, проходная комнатка Марии Александровны и отдельная – со своим входом – у няни. В антресолях по

¹ См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 85.

² Там же. С. 77.

³ Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 24.

маленькой комнатке получили Саша, Аня и Володя, а на трех младших пришлась одна общая – «детская»¹.

«Обстановка была самая простая, какая вообще часто встречалась у разночинцев средней руки, – вспоминала Анна Ильинична, – многое покупалось по случаю, вообще определенного характера не было. Портретов и картин на стенах не было, вообще обстановка носила пуританский характер»². Но в доме был шредерский рояль, хорошая научная и художественная библиотека, а место картин на стенах занимали большие географические карты.

От самого раннего детства воспоминаний осталось немного... Кроме рассказов отца запомнил Владимир и рассказы о деревне няни Варвары Григорьевны. Много лет спустя, когда Крупская стала носить очки, он вдруг сказал:

– Очки чистые должны быть. Дай я тебе их протру. Я няне моей всегда очки протирал...

– Не забыл ее всю жизнь Владимир Ильич, – заметила Надежда Константиновна³.

Запомнилось и то, как, едва научившись читать, стал сам ходить в Карамзинскую библиотеку. По дороге на улице гуляли гуси. Владимир начинал дразнить их, а они, вытянув шеи, начинали наступать на него... И тогда он ложился на спину и отбивался ногами...

– Почему же не палкой? – спрашивал Николай Веретенников.

– Палки под рукой не было... Впрочем, все это пустяки, дурачество⁴.

Из больших событий запомнилась русско-турецкая война 1877–1878 годов. Все ее перипетии обсуждали не только взрослые, но и дети. Ровесник Владимира, а потом и его одноклассник, вспоминал: «Без всяких газет, лишь вчера научившись читать и писать, мы все же знали многое про геройские подвиги русской армии, друг другу с жаром пересказывая все слышанное, а больше подслушанное: про знаменитую Дунайскую переправу, тяжкую Шипку, неприступную Плевну... С языка, бывало, не сходили прославленные имена Скобелева, Гурко, Радецкого, Дубасова и др., вырезали, собирали их портреты».

¹ См.: Ленин и Симбирск. С. 233–234.

² Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 25.

³ См.: Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина (хранится в РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 51. Д. 94). С. 42.

⁴ См. там же. С. 47.

Запомнился и приход в Симбирск большой партии пленных турок. И некоторых из наиболее воинственных «патриотов» крайне удивило при этом, что жители города не проявили по отношению к туркам никакой злобы и встречали их «отнюдь не враждебно». Но главным событием 1878 года стало торжественное вступление в Симбирск вернувшегося с войны боевого пехотного Калужского полка. Все население высыпало на улицы, звонили колокола, играли оркестры, люди плакали, целовались, кричали «Ура!», пели «Боже, царя храни...»¹.

Но Владимир хорошо запомнил и другое: как на протяжении всей войны его любимая няня, «у которой родственники были взяты на войну и некоторые из них там убиты, постоянно с плачем говорила: «Русская кровь зря льется из-за каких-то нам чужих, проклятых болгар. На что они нам, у нас самих забот по горло». И «насколько помню», рассказывал позднее Ленин, с мнением няни «совпадало отношение к этой войне и моих родителей...»²

Ульяновы в этом отношении не были исключением. Ровесник Владимира князь Владимир Оболенский, проживавший в это время в Смоленской губернии, тоже вспоминал, как в их семье, собираясь щипать корпию для раненых, «рассказывали о хищениях интендантов, о замерзших на Шипке солдатах, для которых не было заготовлено теплых вещей, о том, как великий князь Николай Николаевич (старший), чтобы сделать Государю сюрприз в его именины, штурмовал Плевну и положил при этом бессмысленном штурме огромное количество солдат, и т. д. По случаю этого эпизода по рукам ходило стихотворение, начинавшееся так:

*Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит державному брату...»³*

Если бы кто-то захотел доказать, что главным в воспитании детей являются не «педагогические» нравоучения, не разговоры о добродетели и уж тем более не наказания, а прежде всего та особая повседневная атмосфера семьи, определяемая главными жизненными ценностями, которых искренне придерживаются родители, то лучшего объекта исследования, наверное, не надо было и искать.

От отца исходило, может быть, самое важное: признание абсолютной ценности знания и отношение к труду, направленно-

¹ Наумов А. Н. Мои воспоминания: В 2 т. Т. 1. Париж; Нью-Йорк, 1954. С. 31, 32.

² Валентинов Н. Недорисованный портрет... М., 1993. С. 410.

³ Оболенский В. А. Очерки минувшего. Белград, 1931. С. 42.

му не на личные, сугубо меркантильные интересы, а на общее благо. Детям не надо было долго объяснять и то, что такое честность и порядочность. Пример Ильи Николаевича стоял перед глазами. А отношение матери к его беззаветному служению своему долгу – делу народного просвещения – еще больше укрепляло силу воздействия отцовского примера.

Каждый раз после его возвращения из поездок вся семья собиралась в гостиной, и Илья Николаевич живописал свои наблюдения о крестьянской жизни и быте, произволе всяческого начальства, о случайно услышанных разговорах или выступлениях на сельских сходах... И, помимо прочего, это воспитывало в детях такое чувство, как сострадание – умение воспринимать чужие беды и чужое горе, как свое собственное.

Одним из первых стихотворений, выученным Володей наизусть, была «Песня бобыля» И. С. Никитина. И когда собирались гости, он с большим задором – плохо выговаривая, как и отец, букву «р» – декламировал:

*Богачу-дур-р-аку
И с казной не спится;
Бедняк гол как сокол,
Поет-веселится.*

В гимназическом сочинении старший сын Александр напишет: «Для полезной деятельности человека нужны: 1) честность, 2) любовь к труду, 3) твердость характера, 4) ум и 5) знание.

Чтобы быть полезным обществу, человек должен быть честен и приучен к настойчивому труду, а чтобы труд его приносил сколь возможно большие результаты, для этого человеку нужны ум и знание своего дела... Честность и правильный взгляд на свои обязанности по отношению к окружающим должны быть воспитаны в человеке с ранней молодости, так как от этих убеждений зависит и то, какую отрасль труда он выберет для себя, и будет ли он руководствоваться при этом выборе общественной пользой или эгоистическим чувством собственной выгоды»¹. Так что уроки отца даром не пропали.

Что касается матери, то от нее шло и другое начало – то, которое некоторые биографы Ленина называют порой «немецкий педантизм». Но вряд ли это определение верно. Скорее это понимание того, что человек сможет сделать нечто большое и зна-

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 95.

чительное лишь в том случае, если он не потратит жизнь на безалаберную суету, а сумеет организовать свое время и стать его хозяином.

Важным элементом такого воспитания она считала, в частности, жесткий распорядок дня. Дети вставали в 7 часов. Убирали свои кровати. Затем утренний туалет. Завтрак. Теперь старшим пора в гимназию... Впрочем, нет: дабы не простудиться после горячей пищи, надлежит выдержать десятиминутную паузу дома и лишь потом выходить на улицу.

Младшие тоже занимались: сначала с Марией Александровной – чтением, письмом, иностранными языками, музыкой, а по мере роста – с учителем Василием Андреевичем Калашниковым, готовившим их к поступлению в 1-й класс.

К обеду старшие возвращались из гимназии и всей семьей садились за стол. Съесть было положено все, что дают. И кстати сказать, Владимира понукать не приходилось. Аппетит у него в детстве был отменный. И не случайно, когда под руководством Саша дети стали выпускать еженедельный семейный журнал «Субботник», коренастый и плотный Володя получил псевдоним – свой первый литературный псевдоним – Кубышкин.

Дома дети не только убирали за собой. Девочки вязали, вышивали, следили за одеждой мальчиков: чинили, штопали, пришивали пуговицы. Мальчики, в свою очередь, должны были наливать водой бочки в саду, помогать переносить тяжести сестрам, няне и матери. А летом, когда чаепитие устраивали в беседке, все дети накрывали на стол.

Фруктов и ягод, произрастающих в саду, они наедались вволю. Но свой порядок и дисциплина существовали и здесь. Яблоки можно было брать лишь те, которые созрели и упали на землю. Остальные – для варенья на зиму. И в клубнике детям отведены определенные грядки – к другим не подходят. А вишню у беседки вообще нельзя трогать до 20 июля – дня ангела Ильи Николаевича¹.

Но и при такой жесткой системе случались срывы. Однажды мать чистила в кухне яблоки для пирога. «Кучка яблочной кожуры лежала на столе. Володя вертелся подле и попросил кожуры. Мать сказала, что кожуру не едят. В это время кто-то отвлек ее; когда она повернулась опять к своей работе, Володи в кухне уже не было. Она выглянула в садик и увидела, что Володя сидит там, а перед ним, на садовом столике, лежит кучка яблоч-

¹ См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 100; Ленин и Симбирск. С. 231.

ной кожурой, которую он быстро уплетает. Когда мать пристыдила его, он расплакался и сказал, что больше так делать не будет»¹.

Однако система нравственных и поведенческих запретов имела и свои границы. Когда учитель Василий Калашников впервые ступил в дом Ульяновых, он увидел детей, обряженных в самодельные «индейские» одежды. Потрясая копьями и луками, со страшными криками и воплями они носились по двору.

— Дети должны кричать, — очень серьезно сказала ему Мария Александровна.

В дальнем углу сада, у самого забора, Владимир и Ольга устроили шалаш — «вигвам». Он ходил на «охоту», она стерегла «очаг», готовила пищу. И никто из взрослых не должен был заглядывать в этот угол...

После гастролей в Симбирске какого-то цирка они с Ольгой в сарае натянули довольно высоко веревку и, рискуя свалиться, пытались повторить номер канатоходцев. И в этом им тоже никто не мешал.

Но еще более удивляло соседей то, что, если родители оказывались в чем-то не правы, они признавали свою ошибку. «Вот моду завели, — судачили кумушки, — перед детьми извиняются, если что... как перед взрослыми... Где ж это видано?»²

Эта не декларируемая, а совершенно естественная атмосфера взаимного уважения проявлялась с особой силой опять-таки тогда, когда вся семья была в сборе. Когда отец играл с детьми, рассказывал не только о школе и поездках, но и о великих путешественниках, о звездах, строении вселенной, читал любимые стихи Некрасова и пел русские народные песни. Когда мать присаживалась к роялю и дом наполняли звуки прекрасной музыки. Или когда в Кокушкине она вела всех в лес, где знала каждую тропку, собирать цветы, грибы и ягоды. А Илья Николаевич шутя приговаривал: «Как бы ягод насбирать и детей не растерять...»

Может быть, во время этих прогулок и зарождалась в детях та неистребимая любовь к русской природе, которую не могли потом вытеснить ни живописность швейцарских Альп, ни холодная красота Нормандии, ни лучезарные ландшафты Италии.

Требовательность Марии Александровны отнюдь не означала и того, что дети должны вертеться вокруг маминой юбки. В

¹ Ленин и Симбирск. С. 221.

² Семья Ульяновых. Изд. 2-е. М., 1986. С. 96.

Симбирске во время каникул она отпускала Сашу и Володю в многодневные лодочные походы по Волге.

Это запомнилось на всю жизнь, и много позднее Владимир Ильич рассказывал уже знакомому нам Ивану Попову: «Вы на Волге бывали? Знаете Волгу? Плохо знаете? Широка! Необъятная ширь... Так широка... Мы в детстве с Сашей, с братом, уезжали на лодке далеко, очень далеко уезжали... и над рекой, бывало, стелется неизвестно откуда песня... И песни же у нас в России!»¹

Их спутник Иван Яковлев тоже вспоминал: «В пути пели волжские песни. Подобные путешествия, в которых принимал деятельное участие и Володя Ульянов, длились с неделю, а иногда и более...»²

И в Кокушкине Мария Александровна разрешала Володе уезжать с деревенскими ребятами в ночное, отпускала в деревню, на реку. «Володя, я и другие двоюродные братья, – рассказывает Николай Веретенников, – с самого раннего детства любили полоскаться в воде, но, не умея плавать, должны были барахтаться на мелком месте у берега и мостков или в ящике-купальне. Старшие называли нас лягушатами, мутящими воду. Это обидное и пренебрежительное название нас очень задевало. Помню, как и Володя, и я, и еще один из сверстников в одно лето научились плавать. Вообще в семь-восемь лет каждый из ребятшек мог переплывать неширокую реку, а если мог и назад вернуться без отдыха на другом берегу, то считался умеющим плавать... Курс плавания на этом не кончался – мы совершенствовались беспрестанно: надо было научиться лежать на спине неподвижно, прыгать с разбега вниз головой; нырнув, доставать со дна комочки тины; спрыгивать в реку с крыши купальни; переплывать реку, держа в одной руке носки или сапоги, не замочив их...»³

Но любые забавы и игры допускались лишь до тех пор, пока не становились слишком опасными.

Один из приятелей Володи – Н. Г. Нефедьев вспоминал, как в Симбирске бегали они удить рыбу на Свягу, но кто-то из ребят предложил ловить рыбу в большой наполненной водой канаве поблизости, сказав, что там хорошо ловятся караси. Они пошли, но, наклонившись над водою, Володя свалился в канаву; илистое дно стало засасывать его. «Не знаю, что бы вышло, – рассказывает этот товарищ, – если бы на наши крики не прибе-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. М., 1960. С. 115–116.

² Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 64.

³ Веретенников Н. Володя Ульянов. М., 1975. С. 11, 12.

жал рабочий с завода на берегу реки и не вытащил Володю. После этого не позволяли нам бегать и на Свягу»¹.

О том, что надо быть правдивым, родители говорили и напоминали многократно. И это требование как-то вошло в повседневный быт. Старший брат Саша, который был любим всеми младшими и являлся для них абсолютным авторитетом, выражался еще категоричней и заявил, что более всего ненавидит такие пороки, как «ложь и трусость». Это, видимо, запомнилось.

И вот однажды, когда по дороге в Кокушкино Мария Александровна заехала в Казань к сестре Анне Веретенниковой, Володя, «разбегавшись и разыгравшись с родными и двоюродными братьями и сестрами, толкнул нечаянно маленький столик, с которого упал на пол и разбился вдребезги стеклянный графин.

В комнату вошла тетя.

— Кто разбил графин, дети? — спросила она.

— Не я, не я, — говорил каждый.

— Не я, — сказал и Володя.

Он испугался признаться перед малознакомой тетей в чужой квартире, — вспоминает Анна Ильинична, — ему, самому младшему из нас, трудно было сказать «я», когда все остальные говорили легкое «не я». Вышло, таким образом, что графин сам разбился». Так все и сошло...

Но носить эту «ложь и трусость» в себе ему оказалось просто не под силу. «Прошло два или три месяца. Володя уже давно уехал из Кокушкина и жил опять в Симбирске. И вот раз вечером, когда дети уже улеглись, мать, обходя на ночь их кровати, подошла и к Володиной. Он вдруг расплакался.

— Я тетю Аню обманул, — сказал он всхлипывая. — Я сказал, что не я разбил графин, а ведь это я его разбил.

Мать утешила его, сказав, что напишет тете Ане и что она, наверное, простит его...

Он не мог уснуть, — заключает Анна Ильинична, — пока не сознался»².

В семьях педагогов с наказаниями всегда проблема. Илья Николаевич до конца дней своих с ужасом вспоминал, как в Астраханской гимназии, где он учился, и в Пензенской, где работал, служитель перед поркой учеников распаривал березовые прутья, дабы дали они «свою настоящую пользу»³. Да и потом

¹ Ленин и Симбирск. С. 227.

² Там же. С. 221–222.

³ Семья Ульяновых. С. 26.

директору народных училищ Ульянову постоянно приходилось напоминать учителям, что недопустимы наказания «розгами, становление на колени, рванье за волосы или за уши, щелчки, пинки и т. п., как наказания, вредные для здоровья детей и поддерживающие грубость нравов»¹.

Между прочим, даже в семье земляка Ленина писателя Гончарова мать свирепо драла сына за уши и заставляла часами стоять на коленях в углу. Естественно, что у Ульяновых обходились увещеваниями, воспитательными беседами либо отводили в кабинет отца, усаживали в большое кожаное черное кресло и оставляли одного, дабы мог ребенок поразмыслить над своим поведением.

А между тем в России именно в это время вопрос о телесных наказаниях, и в частности о розгах, приобрел громкое политическое звучание.

С самого начала 70-х годов среди российской демократической молодежи стали широко распространяться «Исторические письма» Петра Лаврова. Этот именитый псковский дворянин, став революционером, писал о священном «долге» интеллигенции перед народом и необходимости идти «в народ» для того, чтобы расплатиться за этот долг.

«Надо было жить в 70-е годы, в эпоху движения в народ, – вспоминал Н. Рusanов, – чтобы видеть вокруг себя и чувствовать на самом себе удивительное влияние, произведенное «Историческими письмами»! Многие из нас, юноши в то время, а другие просто мальчишки, не расставались с небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой вконец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватившего нас безмерной жаждой жить для благородных идей и умереть за них... К черту и «разумный эгоизм», и «мыслящий реализм», и к черту всех этих лягушек и прочие предметы наук, которые заставили нас забывать о народе! Отныне наша жизнь должна всецело принадлежать массам!»²

И тысячи молодых людей, бросая все – состоятельные и родовитые семьи, престижные университеты и институты, будущую карьеру, – пошли в народ, к обездоленным и униженным. Из них около 4 тысяч были арестованы, сотни и сотни отправлены на каторгу, сосланы в Сибирь.

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 118.

² Рusanов Н. Социалисты Запада и России. СПб., 1909. С. 227, 228.

Ответом на эти насилия стал террор...

Утром 24 января 1878 года в приемную Петербургского градоначальника Ф. Трепова вошла симпатичная молодая женщина. Когда сам генерал-адъютант подошел к ней, она открыла сумочку, вынула пистолет и выстрелила в упор. Это была 28-летняя Вера Ивановна Засулич, и стреляла она в Трепова, после того как градоначальник приказал подвергнуть порке студента А. Боголюбова, осужденного за участие в демонстрации на 15 лет каторжных работ.

Суд над Засулич стал главной сенсацией, о которой писали и говорили повсюду. Ее адвокат П. Александров в защитительной речи заявил о том, что истязания, совершенные над Боголюбовым, являются позорным надругательством над честью и достоинством человека. Было время, говорил он, когда «розга царила везде: в школе, на мирском сходе, она была неременной принадлежностью на конюшне помещика, потом в казармах, в полицейском управлении». Но и после отмены крепостного права, несмотря на официальный запрет телесных наказаний, розга осталась как некий традиционный «русский сувенир»¹.

Трепов после ранения остался жив, и 31 марта 1878 года суд присяжных Веру Засулич оправдал. Общественное мнение было целиком на ее стороне. И когда московский гимназист Саша Гучков, с которым нам еще не раз придется встретиться, попытался у себя в классе осудить Засулич, одноклассники просто избили его².

Акты мести за гибель товарищей, за надругательства над человеческой личностью продолжились. Через несколько месяцев на юге России член организации «Земля и воля» Попко убивает жандармского офицера Гейкинга. Валериан Осинский покушается на жизнь царского прокурора Котляревского. А 4 августа 1878 года «землеволец» Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский ударом кинжала убивает в Петербурге шефа жандармов Н. Мезенцова.

«Мы, русские, – писал Степняк в брошюре «Смерть за смерть», – вначале были более какой бы то ни было нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание. Само правительство тянуло нас на тот кровавый путь, на который мы встали. Само правительство вложило нам в руки кинжал и револьвер».

¹ См.: *Русанов Н.* Социалисты Запада и России. С. 227, 228.

² См.: *Сенин А. С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 10.

Обо всем этом говорили и просто судачили повсюду. А когда правительство обратилось к обществу с призывом о помощи в борьбе с терроризмом, некоторые либеральные земства – Тверское, Черниговское, Харьковское – выступили с критикой самого правительства и завуалированными предложениями о введении Конституции. И военный министр Д. Милютин в июне 1879 года записал в своем дневнике: «Никто не верует в прочность существующего порядка вещей»¹.

ГИМНАЗИЯ

А в семье Ульяновых летом 1879 года Володе предстояло поступать в Симбирскую гимназию. Занятия с В. А. Калашниковым, потом с И. Н. Николаевым, а на заключительном этапе с Верой Павловной Прушакевич дали свои результаты. По тем главным критериям, которые определяли «годность», – по «Законам Божию», знанию «общеупотребительных молитв» и событий, изложенных в Ветхом и Новом Завете, умению читать по-церковнославянски, а также к «диктовке без искажения слов», громкой декламации стихотворений, разбору частей речи, склонений, спряжений и «умственному решению» арифметических задач – Владимир был подготовлен вполне.

Вступительные экзамены, проходившие с 7 по 11 августа, он сдал на высшие баллы и 14-го был зачислен в 1 класс «А». В четверг 16-го – день начала учебного года – Володя впервые надел поверх хромовых полусапожек темно-серые шаровары, затем темно-синий однобортный мундир с девятью посеребренными пуговицами и жестким стоячим воротником, подпирившим подбородок, темно-синее кепи с посеребренной кокардой, закинул за спину ранец установленного образца и вместе с Александром и Анной пошел на свой первый школьный урок. Саша шел уже в 5-й класс, а Аня – в выпускной класс Мариинской женской гимназии.

Первый день не обошелся без приключений. На перемене Володя вынул из ранца свой завтрак и доверчиво протянул какому-то гимназисту пакетик с домашними пирожками, рассчитывая, что тот удовольствуется одним. Но гимназист «со смехом отобрал все содержимое, оставив Володю без завтрака»².

¹ Краткая история СССР. Изд. 2-е. Л., 1972. Ч. 1. С. 285.

² Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988. С. 43.

Гимназию в семье Ульяновых недолюбливали. О том, во что превратились российские гимназии в 70–80-е годы после реформ министров народного просвещения графа Д. А. Толстого и И. Д. Делянова, хорошо написал А. П. Чехов в «Человеке в футляре»: «Не храм науки, а управа благочиния, и кислятиной воняет, как в полицейской будке». Писали об этом и В. Г. Короленко, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин-Михайловский и другие.

Муштра и зубрежка – эти два элемента определяли весь учебный процесс. Фиксировалось все: расстегнутый воротник мундира, шалости на перемене, «неуместные вопросы к преподавателям», «неимение на уроке Евангелия» и т. п. Провинившихся строго наказывали, вплоть до суточного заключения в карцер с содержанием на черном хлебе и воде¹.

Однако появление Владимира в гимназии совпало с ее реорганизацией. На смену проворовавшемуся И. В. Вишневскому директором назначили действительного статского советника Федора Михайловича Керенского. Позднее он напишет: «В округе гимназия по малоуспешности учеников была на самом плохом счету... В первый же учебный год по вступлении моем в должность директора уроки древних языков в старших классах были переданы отлично знающим свое дело и энергичным преподавателям, а преподавание словесности и логики взял я на себя. Через три-четыре года Симбирская гимназия снискала лучшую репутацию среди других гимназий округа»².

Естественно, что общее направление воспитания при этом не претерпело никаких изменений. «Главнейшее внимание было обращено на то, – писал Керенский в одном из донесений в Казань, – чтобы развить в учениках религиозное чувство, отдалить их от дурных сообществ, развить чувство повиновения начальству, почтительность к старшим, благопристойность, скромность и уважение к чужой собственности»³.

В провинции было принято ходить по праздникам в гости к друзьям и коллегам. И Федор Михайлович, питавший по отношению к Илье Николаевичу самое глубокое почтение, не раз наносил визиты Ульяновым всей семьей. Так что вполне очевидно, что родившийся здесь же в Симбирске 22 апреля (4 мая) 1881 года Александр Федорович – будущий премьер-министр

¹ См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 34–35.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 60.

Российской республики – в раннем детстве тоже переступал порог ульяновского дома.

До конца дней своих будет Ленин вспоминать о своей Симбирской гимназии как о «казенной», «нелюбимой» и даже «ненавистой». Спустя много лет он скажет: «Старая школа была школой... муштры, школой зубрежки... Она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову...»¹

Но это не мешало ему все 8 лет переходить из класса в класс с похвальными листами и «первым учеником». В этом смысле гимназический восьмилетний «искус», как выразилась Анна Ильинична, стал временем воспитания и закалки характера для всех детей Ульяновых, и особенно для Владимира, как наиболее подвижного и экспансивного ребенка.

В детстве «надо» и «хочется» довольно часто совпадали, а от того, чего не хочется, можно было как-то избавиться. Теперь же – причем ежедневно и ежечасно – надо было делать как раз то, чего не очень и даже совсем не хотелось.

Уроки начинались в 9 часов утра. Но за четверть часа до этого все гимназисты собирались в церковном зале на молитву. Затем до 12 часов шли три урока по 50 минут с короткими перерывами. А с 12 до 12.30 – большая перемена для гимнастики и завтрака. С 12.30 – еще два урока, кончавшиеся в 2 часа 30 минут. После этого, ошавев от почти 6-часового рабочего дня, гимназисты шумной гурьбой вываливались на улицу, хотя в гимназических правилах специально оговаривалось, чтобы шли они домой «каждый в свою сторону не гурьбой и не группами»².

Потребовалось прежде всего выработать в себе умение и привычку к систематичности занятий. На уроках он внимательно слушал объяснения преподавателей. Дома повторял этот урок по учебнику, в том числе и «зады», то есть пройденное ранее. А поскольку память была хорошей, то и задание усваивалось быстро.

Что же касается письменных работ, а их задавали очень много, то тут существовал определенный ритуал... Все гимназисты: Саша, Аня, Владимир, а потом Ольга – садились за большой обеденный стол и готовили домашние задания под наблюдением Марии Александровны. И только после того как уроки были сделаны и проверены, можно было заниматься чем-то другим. А утром, перед уходом на занятия, Владимир успевал повторить уроки еще раз.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 303.

² Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 125.

Николай Веретенников вспоминал эпизод, рассказанный ему Владимиром: «На уроках новых языков соединяли основной и параллельный классы. И вот первый ученик параллельного класса (кажется, Пьеро) просит у него списать слова к немецкому переводу.

– И что же, ты дал?

– Конечно, дал... Но только какой же это первый ученик?

– Так неужели с тобой никогда не бывало, что ты урока не приготовил?

– Никогда не бывало и не будет! – отрезал Володя».

Ему уже тогда, замечает Веретенников, были свойственны подобные короткие и решительные формулировки¹.

Все это требовало не только прилежания, полной концентрации внимания, огромного терпения, но и умения подавлять в себе эмоции, вполне естественную скуку, то есть того, что называют способностью «держаться в руках».

И тем не менее у отца и матери складывалось впечатление, что «Володе все слишком легко дается» и в нем «не вырабатывается трудоспособность»². Они еще больше усилили контроль, стали дополнять задания. А в старших классах Илья Николаевич попросил Владимира давать трижды в неделю бесплатные уроки по латыни и греческому учителю математики чувашской школы Никифору Михайловичу Охотникову, с тем чтобы за два года подготовить его в университет³.

Анна Ильинична написала еще об одной подоплеке этой жесткой системы: «Вполне правильной она была только для брата Владимира, большой самоуверенности которого и постоянным отличиям в школе представляла полезный корректив. Ничуть не ослабив его верной самооценки, она, несомненно, сбавила той заносчивости, к которой склонны бывают выдающиеся по способностям захваливаемые дети...»⁴

Покойная Екатерина Ивановна фон Эссен любила повторять фразу, которую хорошо запомнили все сестры Бланк: «Так надо!» Но ее «так надо» не объясняло причин. А Илья Николаевич, сам недолголюбивавший гимназию, объяснил своим детям, ради чего надо зубрить и терпеть: гимназия – «необходимый мост», без преодоления которого «нет доступа в университет»⁵.

¹ См.: Веретенников Н. Володя Ульянов. С. 37.

² Ленин и Симбирск. С. 226.

³ См. там же.

⁴ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 40.

⁵ Там же.

В минуту гнева Салтыков-Щедрин сказал как-то о министре народного просвещения графе Дмитрие Андреевиче Толстом, что он «своим дурацким классицизмом отправил десятки юношей на тот свет...»¹. И немалая доля истины была в этой оценке.

Именно в эти годы, хотя и был он на два года старше Владимира Ульянова, проходил курс 13-летнего «домашнего обучения» престолонаследник Николай Романов. Первые восемь лет отводились гимназическому курсу. Программу составлял сам Победоносцев. Так вот, латынь и древнегреческий он в нее вообще не включил. Зато значительно расширились занятия по английскому, французскому и немецкому языкам. Среди преподавателей были известнейшие ученые – Н. Н. Бекетов, Н. Х. Бунге, Ц. А. Кюи, Г. А. Леер и др. Впрочем, профессорам решительно запрещалось задавать вопросы ученику. Сам же он, как правило, ни о чем не спрашивал. Так что степень усвоения им наук так и осталась загадкой.

Владимиру Ульянову все восемь лет пришлось учиться по иной – полной «классической» программе. Преподавание древних языков – греческого и латыни – было поставлено на редкость занудно. Они были настоящим бичом для гимназистов и главной причиной неуспеваемости, второгодничества и «отсева». Тут Владимиру оказывали помощь и Александр, и отец, который сам вместе со старшим сыном стал изучать древнегреческий, ибо в Астраханской гимназии его не преподавали. Латынь сразу пошла у Владимира хорошо, причем он настолько увлекся ею, что пришлось даже умерять рвение, дабы не ущемлять другие предметы².

Новые языки давались легче, ибо немецким и французским дети занимались еще до гимназии с матерью. Учитель немецкого Яков Михайлович Штейнгауэр был милейшим человеком, которого в семье Ульяновых хорошо знали. Но научиться у него читать книги или говорить по-немецки было совершенно невозможно. На уроках все сводилось к заучиванию исключений в виде какой-то рифмованной мешанины. И все это сопровождалось бесконечными окриками и выкриками:

– Кто невнимательно слушать будет – всех в форточку вышвырну!.. Выньте голову из кармана, поставьте ее на плечи!.. Ничего не понять, что ты лепечешь...

На одном из первых уроков, когда отвечал Владимир, учитель в обычной своей манере закричал:

– Выплюнь кашу изо рта!

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 161.

² См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. М., 1968. С. 230.

– Извините, Яков Михайлович, – услышал он в ответ, – у меня никакой каши во рту нет! Это я немного неясно выговариваю некоторые буквы...

С тех пор Штейнгауэр никогда на него не кричал и лишь нахваливал за хорошее знание грамматики¹.

Преподавателей, говоря мягко, вообще не очень любили. «Состав учителей, – рассказывала Мария Ильинична, – был очень плохой. Некоторые выезжали на том, что заставляли зубрить, другие относились к преподаванию спустя рукава... Особого уважения к себе учителя не могли внушить»².

Мало того, если представлялся случай устроить им какую-либо гадость, гимназисты этой возможности не упускали. И тут уж начинал действовать школьный закон «круговой поруки»...

Древнегреческий в гимназии одно время преподавал Володин родственник – Александр Иванович Веретенников. Преподавал хорошо и отметки ставил строго, но справедливо. Однако постепенно у него стало развиваться тяжелое нервное заболевание, которое превратило его, как пишет ставший поэтом соученик Владимира Аполлон Коринфский, в жалкого «евангельски расслабленного» человека. Тут-то жестокая мстительность гимназистов и проявила себя сполна...

«Как только он появлялся в классе, – рассказывает Коринфский, – и садился на заранее политый чернилами или обильно смазанный мелом стул у кафедры, раздавался грохот всех парт, разом сдвигаемых со своих мест и загораживавших ход к двери. Начиналось настоящее «истязание» жалкого человека, еле-еле передвигавшего ноги и от малейшего волнения переживавшего настоящий нервный припадок. В лицо ему швыряли жеваную бумагу. Пачкали всякой дрянью его сюртук. Пели специально сложенные общими силами и весьма неприличные «гимны Холере»...

И однажды, услышав шум и заглянув в класс, все это беснование увидел директор Федор Михайлович Керенский...

– Что за мерзость! – закричал он. – Проделывать такую подлость с совершенно больным человеком, с величайшим трудом зарабатывающим себе здесь на черствый кусок хлеба и на необходимые лекарства!.. Весь класс ... в карцер, в нужник... без обеда!.. Назвать всех зачинщиков этого безобразия!..

Тут же повернувшись к «Ульяше», Керенский молча посмотрел на него и сказал:

¹ См.: Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 46.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 198.

– Я знаю, что вы не могли принимать участия в этом диком проступке. Соберите ваши книги с тетрадами и уходите домой! Не требую от вас и указания зачинщиков...

Ульянов вспыхнул, как зарево, до кончиков ушей и каким-то чужим, не своим голосом выкрикнул:

– Я не могу уйти, когда все мои товарищи, весь класс должны будут сидеть в карцере... позвольте же и мне остаться с ними! Я так же виновен, как и все остальные.

– Не верю я вам, Владимир Ульянов! Вы не могли! Понимаете, не могли быть заодно ни с зачинщиками, ни с участниками такой подлости... повторяю, вы свободны... идите домой!..

– Да не могу же я этой подлости сделать!

И после уроков, – завершает Коринфский, – Ульянов последовал за всеми товарищами в наш школьный «застеноч»... С трех часов мы просидели там (голодные и чуть не задыхаясь от вони, проникавшей сквозь щели перегородки и пола из уборной) до девяти часов вечера...»¹

Может быть, во время одной из таких «коллективов» Владимир впервые попробовал и закурить. Спустя много лет, в разговоре с красноармейцами, нещадно дымившими махрой, он рассказал: «Помню, когда был гимназистом, один раз вместе с другими так накурился, что стало дурно. И с того времени не курю». Была для этого отказа и еще одна причина: о курении узнала мать. Она попросила его бросить, и, как рассказывает Н. К. Крупская, Владимир дал слово «и с тех пор ни разу не дотронулся до папирос»².

Конечно, потребовались и определенные жертвы по отношению к тому, что мешало учебе, особенно в старших классах. Володя, например, научился довольно прилично кататься на коньках. Каток на Свияге, где по вечерам горели керосиновые фонари, играл военный духовой оркестр и собиралась симбирская молодежь, был его излюбленным местом. Он мог, как это делали кадеты, стоя во весь рост, скатиться с ледяной горки. Умел он делать и то, что называли тогда «фигурами». И это вызывало особый восторг гимназисток – Олиных подруг.

«Зимой он почти каждый день ходил на каток, – вспоминала Аня Орлова. – Сидишь у окна и видишь – идет он с коньками... Шинель на нем длинная, сшитая с запасцем на будущий рост... Ольга придет ко мне и скажет: «Нюра, пойдем на каток. Посмотрим, как Володя катается...» Быстро соберусь – и пойдем.

¹ Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 49–50.

² Рабочие и крестьяне России о Ленине. Воспоминания. М., 1958. С. 215.

Увидит Володя Ульянов, что мы на каток пришли, и подкатит к нам, сделав при этом по льду замысловатую фигуру. Ольга приходит в восторг: «Ах, как хорошо! А ну-ка еще раз так прока- тись!» Через минуту Володя Ульянов катит к нам по льду крес- ло. Ольга садится в кресло, и брат долго катает свою любимую сестру. Потом катает и меня»¹.

Но в старших классах Владимир стал появляться на катке все реже и реже. Позднее он рассказывал Крупской, что к концу дня уставал, «после коньков спать очень хотелось, мешало занимать- ся, — бросил»².

Один из ленинских биографов, которого мы помянем еще не раз, — Н. В. Валентинов услышал в 1904 году в Женеве фразу, брошенную Лениным: «Ухажерством я занимался, ког- да был гимназистом, на это теперь нет ни времени, ни охоты»³. Сам Валентинов — красавец и атлет, пользовался успехом у женщин. Он хорошо знал Симбирск, и в его воображении сра- зу же стали рисоваться картины того, как юный Владимир гу- лял с гимназисточками по берегам Свяги или в лесочке на окраине Симбирска.

Увы! Сестра Ольга перезнакомила Владимира со своими гим- назическими подругами, он с удовольствием помогал им гото- вить уроки, но «романа» так и не получилось. Девочки стесня- лись его — такого серьезного и начитанного. Саша Щербо рас- сказывала, например, что как-то Владимир пошел проводить ее домой: «Он меня расспрашивал об учителях так серьезно, дело- вито, что я робела и не знала, как получше сказать»⁴.

А однажды, когда Ольга заболела, она попросила брата пе- редать записку другой подруге — Вере Юстиновой. Но свидание не состоялось... Вера сказала, что он убежал от нее, а Владимир — что убежала она, сконфузившись перед старшеклассником. И в следующей записке Ольга пишет подруге: «Брат сообщил мне, что *не он от Вас убежал, а Вы от него*. Это можно объяснить взаимной храбростью...»⁵

Чувствуя себя совершенно свободно в общении с родными и двоюродными сестрами, с дочерью кухарки Леной⁶, он был край- не стеснителен с малознакомыми девочками.

¹ Семья Ульяновых. С. 254.

² Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 94.

³ Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 65, 68.

⁴ Семья Ульяновых. С. 254.

⁵ Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 51.

⁶ См.: Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 30.

Многодетные семьи, где есть братья и сестры, не только родные, но и двоюродные – а у Ульяновых было 33(!) кузена и кузины, – нередко оказываются для детей вполне «самодостаточными». Их потребность в общении и играх удовлетворяется дома полностью. Может быть, поэтому ульяновские дети, будучи контактными и общительными, тем не менее редко заводили близких друзей на стороне. Может быть, поэтому и у Владимира таких друзей, с которыми «душа нараспашку», среди одноклассников не было. М. Ф. Кузнецов, например, проучившись с ним с 1-го по 8-й класс, написал, что и он не мог «похвастаться интимной близостью с Ильичем»¹. О том же вспоминал в 1918 году и Аполлон Коринфский: «Товарищеские начала соблюдались им неуклонно и неизменно; но не было случая, когда эти отношения переходили бы на более интимную плоскость. Он был для всех – «наш», но ни для кого не был «своим»².

Это объясняет, почему воспоминания его одноклассников касаются лишь событий «внешних» и мало что говорят о формировании «жизни духа». Но попытки завязать дружбу были, ибо, как пишет Крупская, ему «ужасно хотелось с кем-нибудь поговорить о тех мыслях, которые зародились у него»³.

«Вторым учеником» в его классе был Саша Наумов. Он пришел в третий класс из военной гимназии, любил музыку, играл на скрипке и все шесть лет сидел за одной партой с Владимиром. По каким-то репликам на переменах показалось, что он не только умен, но и настроения вроде бы близкие... Сговорились пойти погулять к Свяге. Но разговора не получилось. Саша стал говорить о выборе профессии и о том, что нужна такая, которая позволит быстрее сделать блестящую карьеру и получше устроиться в этой непростой жизни. Владимиру стало скучно, и больше попыток сближения с «карьеристом» он не делал⁴.

А Александр Николаевич Наумов, не терзая себя размышлениями об «общем благе» и «неоплатном долге перед народом», карьеру-таки сделал. Стал земским начальником, потом уездным предводителем дворянства в Самарской губернии. В 1905-м его избрали губернским предводителем дворянства. Встретился с Николаем II и в 1908 году «по высочайшему повелению»

¹ Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 6.

² Вечернее слово. Пг., 1918. 1 июня. С. 3.

³ Крупская Н. К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1979. С. 34.

⁴ См.: Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 52.

был введен в Государственный Совет России. А в 1915-м возглавил министерство земледелия. Чем не карьера? Гимназия гордилась им. Александр Николаевич и дальше бы пошел, но помешал 1917 год...

Естественно, что Ленина он совсем не любил, но в мемуарах, изданных в эмиграции, написал: «Центральной фигурой во всей товарищеской среде моих одноклассников был несомненно Владимир Ульянов, с которым мы учились бок о бок, сидя рядом на парте в продолжение всех шести лет, и в 1887 году окончили вместе курс. В течение всего периода совместного нашего с ним учения мы шли с Ульяновым в первой паре: он — первым, я — вторым учеником, а при получении аттестатов зрелости он был награжден золотой, я же серебряной медалью.

Маленького роста, довольно крепкого телосложения, с немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной с боков головой, Владимир Ульянов имел неправильные — я бы сказал — некрасивые черты лица: маленькие уши, заметно выдающиеся скулы, короткий, широкий, немного приплюснутый нос и вдобавок — большой рот, с желтыми, редко расставленными, зубами. Совершенно безбровый, покрытый сплошь веснушками, Ульянов был светлый блондин с зачесанными назад длинными, жидкими, мягкими, немного выющимися волосами.

Но все выше указанные неправильности невольно скрашивались его высоким лбом, под которым горели два карих круглых уголька. При беседах с ним вся невзрачная его внешность как бы ступенькалась при виде его небольших, но удивительных глаз, сверкавших недюжинным умом и энергией.

Ульянов в гимназическом быту довольно резко отличался от всех нас — его товарищей. Начать с того, что он ни в младших, ни тем более в старших классах никогда не принимал участия в общих детских и юношеских забавах и шалостях, держась постоянно в стороне от всего этого и будучи непрерывно занят или учением, или какой-либо письменной работой. Гуляя даже во время перемен, Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно вдоль окон, весь уткнувшись в свое чтение. Единственно, что он признавал и любил как развлечение, — это игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при единовременной борьбе с несколькими противниками. Способности он имел совершенно исключительные, обладал огромной памятью, отличался ненасытной научной любознательностью и необычайной работоспособностью. Повторяю, я все шесть лет прожил с ним в гимназии бок о бок, и я не

знаю случая, когда «Володя Ульянов» не смог бы найти точного и исчерпывающего ответа на какой-либо вопрос по любому предмету. Воистину, это была ходячая энциклопедия, полезно-справочная для его товарищей и служившая всеобщей гордостью для его учителей.

Как только Ульянов появлялся в классе, тотчас же его обычно окружали со всех сторон товарищи, прося то перевести, то решить задачку. Ульянов охотно помогал всем, но насколько мне тогда казалось, он все ж недолюбливал таких господ, норовивших жить и учиться за чужой труд и ум.

По характеру своему Ульянов был ровного и скорее веселого нрава, но до чрезвычайности скрытен и в товарищеских отношениях холоден: он ни с кем не дружил, со всеми был на «вы», и я не помню, чтоб когда-нибудь он хоть немного позволил себе со мной быть интимно-откровенным. Его «душа» воистину была «чужая» и как таковая, для всех нас, знавших его, оставалась, согласно известному изречению, всегда лишь «потемками».

В общем, в классе он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но вместе с тем нельзя сказать, что его любили, скорее – его ценили. Помимо этого, в классе ощущалось его умственное и трудовое превосходство над всеми нами, хотя надо отдать ему справедливость – сам Ульянов никогда его не выказывал и не подчеркивал»¹.

1 МАРТА 1881 г.

Конечно, классическая гимназия не сахар. Но именно в ней за 8 лет учебы Владимир Ульянов получил основы самых различных знаний, два иностранных и два древних языка, прочитал всю русскую литературную классику, и, между прочим, именно в гимназии его научили писать...

Начиная с 4-го класса Керенский стал давать ученикам сочинения на «свободные» темы. Были там и сугубо назидательные, например «В чем должна выражаться любовь детей к родителям». Но более всего Федор Михайлович стремился воспитать у своих подопечных умение видеть красоту родной природы. И эти темы, соответственно, преобладали: «Описание весны», «Наводнение», «Волга в осеннюю пору», «Зимний вечер» и т. д. Впрочем, были и «репортажные» сюжеты, которые просто раз-

¹ Наумов А. Н. Мои воспоминания. Т. 1. С. 42–43.

вивали наблюдательность, такие, как «Ярмарочный день в городе». Так или иначе, но за все сочинения Владимир неизменно получал «пять».

Неизвестно, какой «ярмарочный день» имел в виду Керенский. Но если бы это был 1879 год, то тогда на торговой и базарной площадях Симбирска все читали «Объявление» министра внутренних дел Л. С. Макова о том, что слухи о «черном переделе» земли, распространяемые среди крестьян «злонамеренными людьми, неосновательны, ибо Государь Император подтверждает незыблемость частной собственности»¹.

Ну а если бы речь шла о мартовской ярмарке 1881 года, то в этот день весь город читал экстренное сообщение:

«Сегодня, 1 марта... при возвращении Государя Императора с развода... совершено было покушение на священную жизнь Его Величества, посредством брошенных двух разрывных снарядов... Разрыв второго нанес тяжелые раны Государю. По возвращении в Зимний дворец Его Величество сподобился приобщиться Святых тайн и затем в бозе почил – в 3 часа 35 минут пополудни».

В. Н. Назарьев писал известному литератору П. В. Анненкову, что эта весть пришла «в Симбирск во время ярмарки, при огромном стечении народа... Мужики всячески старались добыть первое роковое объявление, платили бог знает какие деньги и увозили домой»². А еще через день поползли слухи, что в одном из сел близ Симбирска крестьяне отказались идти на панихиду, а более смелые открыто заявили: «Зачем мы будем молиться за того, кто не дал и не хочет дать нам настоящей воли... Мы уж лучше будем молиться о студентах, которые хотят для нас настоящей воли»³.

Позднее В. Г. Короленко писал: «Я еще помнил, хотя это было в детстве, радостное оживление первых годов после освобождения крестьян, вызванное им в лучших элементах общества... Но скоро оказалось, что Александр II был гораздо ниже начатого им дела и слишком скоро изменил ему. От молодого царя, произносившего освободительные речи, к концу 70-х годов остался жалкий, раскисающийся и испуганный реакционер...»⁴

Нельзя сказать, что убийство царя явилось полной неожиданностью. Открытая «охота» террористов-народовольцев на

¹ Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 40.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 48.

⁴ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 107–108.

Александра II шла более двух лет. В августе 1878 года они хотели взорвать пристань в Николаеве, куда должен был сойти император. 2 апреля 1879-го на Дворцовой площади в государя стрелял А. К. Соловьев. В июле в Симферополе в него вновь готовились бросить бомбу. А всю осень того же года шла подготовка взрыва царского поезда под Одессой и под Александровом. 19 ноября под Москвой взрыв произошел, но под откос полетел не царский, а обычно следовавший за ним – свитский состав, на этот раз из предосторожности их поменяли местами. 5 февраля 1880 года столяр Степан Халтурин устроил взрыв в Зимнем дворце. Разрушено было помещение главного караула, пол в царской столовой, но государь, запоздавший на обед, не пострадал. В мае опять рыли подкоп для динамита в Одессе. В августе закладывали мины под Каменный мост в Петербурге. В январе 1881 года – под Малой Садовой улицей, где проезжал император... И о каждом из этих покушений подробно писала и мировая, и российская, и провинциальная пресса.

В одном из воззваний Исполкома «Народной воли», найденном и доставленном И. Н. Ульянову в 1880 году из сызранского училища, говорилось: «Нет деревушки, которая не насчитывала бы нескольких мучеников, сосланных в Сибирь за отстаивание мирских интересов, протест против администрации и кулачества. В интеллигенции – десятки тысяч человек нескончаемой вереницей тянутся в ссылку, в Сибирь, на каторгу, исключительно за служение народу... Александр II – главный... виновник судебных убийств; 14 казней тяготеют на его совести, сотни замученных и тысячи страдальцев вопиют об отмщении; он заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные»¹.

И вот 1 марта 1881 года это свершилось...

Выступая на суде, один из руководителей террористов-народовольцев – Андрей Желябов так объяснил причины перехода народников к террору: «Русские народолюбцы не всегда действовали метательными снарядами... В нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виною... Движение крайне безобидное по средствам своим... разбилось исключительно о многочисленные преграды, которые встретило в лице тюрем и ссылок. Движение совершенно бескровное, отвергавшее насилие, не революционное, а мирное – было подавлено... По своим убеждениям я оставил бы эту форму борьбы насильственной, если бы только явилась

¹ Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 43–44.

возможность борьбы мирной, т. е. мирной пропаганды своих идей, мирной организации своих сторонников»¹.

Другой руководитель «Народной воли», Софья Перовская заявила: «Кто знает нашу жизнь и условия, при которых нам приходилось действовать, не бросит в нас ни обвинения в безнравственности, ни обвинения в жестокости...»²

Надежда Крупская, которой в то время уже исполнилось 12 лет, вспоминала: «Впопыхах влетел старый товарищ отца по корпусу, военный, и стал рассказывать подробности убийства, как взорвало карету, и проч. «Я вот и креп на рукав купил», – сказал он, показывая купленный креп. Помню, я удивилась тому, что он хочет носить траур по царю, которого всегда ругал. А потом еще вот что подумала. Этот товарищ отца был очень скупой человек, и я подумала: «Ну, если он разорился, креп купил, значит, правду рассказывает». Я всю ночь не спала. Думала, что теперь, когда царя убили, все пойдет по-другому... Однако так не вышло»³.

На младшее поколение семьи Ульяновых и их ближайших друзей убийство царя, судя по всему, должного впечатления не произвело. Вспоминая о детских играх, в которых участвовал и Володя Ульянов, Миша Фармаковский – сын инспектора народных училищ – рассказывал, как, нарисовав взрыв, он стал комментировать его приятелям: «А вот убивают царя! Вот летит рука, нога!...» Старушка няня опешила: «Что ты, что ты, батюшка! Теперь и стены слышат!»⁴

Ну а те, кто постарше, с детства помнили Пушкина:

*Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу...*

Анна и Александр Ульяновы читали и тот томик Некрасова, где вместо вымаранных цензурой строк стояли точки и рукой отца Ильи Николаевича было вписано:

*Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденья, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь...*

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 144.

² Там же. С. 138.

³ Крупская Н. К. Моя жизнь. М., 1925. С. 19.

⁴ Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 48.

Но отец вписывал эти слова в молодости, теперь же убийство царя стало для Ильи Николаевича ударом. И дети его восприняли с удивлением, как он, надев свой парадный мундир, ушел в собор на панихиду. «Для него, прошедшего лучшие молодые годы при Николае I, царствование Александра II, особенно его начало, было светлой полосой, – писала Анна Ильинична. – Он был против террора»¹.

Незадолго до этого, в ноябре 1880 г., Илья Николаевич отметил 25-летие своей службы и отправил прошение об оставлении его в должности еще на пять лет. Но министр просвещения отказал, продлив срок службы лишь на один год. Для семьи это было бы просто катастрофой. Только после мартовских событий, с назначением нового министра – А. П. Николаи, на новое прошение Ульянова от 1 ноября 1881 года было дано 30 декабря согласие. Так что до 1887 года Илья Николаевич работой был обеспечен².

Обида, конечно, осталась. За 10 лет службы в Симбирске он построил 151 школу, и теперь в губернии исправно функционировало более 400 народных училищ. И похвалы на сей счет симбирцы могли принимать по праву. 1 января 1882 года И. Н. Ульянова наградили четвертым орденом – Святого Владимира 3-й степени. Но, увы! Время похвал по поводу успехов народного просвещения – кончилось... С восшествием на престол Александра III начались совсем иные веяния.

Их сформулировал бывший либерал, профессор Московского университета С. А. Рачинский. По его мнению, руководство российских народных училищ совершенно оторвалось от народа и не понимает его «истинных потребностей». Крестьянам не нужны все эти новейшие педагогические изыски и сомнительные истины естественных наук. Они хотят, чтобы дети их умели читать часослов, псалтырь, другие богослужебные книги и петь в церковном хоре. Поэтому главным учителем должен стать священник³.

Менялись взгляды и на методы воспитания, в частности на телесные наказания. Князь В. Мещерский, считавший себя духовным наставником Александра III, в редактируемой им газете «Гражданин» писал: «Прекрати сечь, исчезла власть. Как нужна соль русскому человеку, как нужен черный хлеб русско-

¹ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 46.

² См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 45, 49.

³ См. там же. С. 53.

му мужику – так ему нужны розги. И если без соли пропадет человек, так без розог пропадет народ... Человеколюбие требует розог»¹.

На местах «сигнал сверху» был принят. Друг министра графа Толстого богатый сызранский помещик Д. Воейков, выступая на уездном земском собрании, упрекал народные училища за то, что, вырывая крестьянских детей из привычной им среды, они воспитывают людей, «составляющих угрозу для порядка»².

Инспектор симбирских народных училищ К. М. Аммосов 17 марта 1882 года писал своему коллеге В. И. Фармаковскому: «Начальное народное образование чуть ли не возвращается опять к тем временам, когда оно состояло больше на бумаге, чем в действительности. Грустно»³.

И. Н. Ульянов со своим неизменным кучером Дуниным метался по губернии, спорил, доказывал, писал письма... Но остановить наступление церковников был уже не в силах. Число церковноприходских школ росло с каждым годом за счет утеснения и «преобразования» народных училищ, особенно чувашских. Теперь уже и губернская земская управа сформулировала свое мнение о том, что дети крестьянские сильны должны быть лишь в знании «слова Божия и пения духовного», в умении читать и считать на счетах. Не более того⁴.

А 13 июня 1884 года были опубликованы официальные «Правила о церковноприходских школах», которые фактически закрепляли ведущую роль священников в светской системе народного образования. Тот же князь Мещерский подчеркивал, что если реформа 1861 года дала мужику свободу и хлеб, то теперь, наконец, он получит и «духовную» пищу⁵.

Инспектор симбирских народных училищ А. А. Красев писал 12 июля 1884 года: «Местное духовенство... уличает нас в весьма неумелом и неискреннем отношении к вопросам школьного законоучительства и вообще набрасывает на нас такие тени, от которых может не поздоровиться всем нам в настоящее время»⁶. А известный педагог-просветитель Н. Бунаков об этом времени вспоминал: «Вести живое и полезное дело при таких условиях было невозможно: и здравый смысл, и простая

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 119.

² Там же. С. 182.

³ Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 53.

⁴ См. там же. С. 56.

⁵ См. там же. С. 70.

⁶ Там же. С. 71.

добросовестность заставляла уйти со сцены до более благоприятных времен»¹.

И для Ильи Николаевича это были грустные времена. Он все больше и больше начинал опасаться за судьбу детей. И если с Александром и Анной он любил прежде беседовать на общественно-политические темы, то теперь – с младшими – уже «никакого подчеркивания в смысле общественных идеалов не делал»².

Еще в 1880 году Анна окончила с большой серебряной медалью Мариинскую гимназию и с осени 1881-го пошла преподавать в начальную народную школу. А в августе 1883 года, окончив гимназию с золотой медалью, отправился в Петербургский университет Александр. Вслед за ним на филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов уехала в столицу и Анна³.

Но беспокойство за их судьбы лишь усилилось. Газеты сообщали о студенческих волнениях в Петербурге, Москве, Киеве. И когда летом 1885 года Александр и Анна приехали на каникулы в Симбирск, отец решил поговорить с сыном.

«Отец с братом, – рассказывает Дмитрий Ильич, – гуляли на средней аллее сада. Гуляли очень долго и говорили о чем-то тихо и чрезвычайно сосредоточенно. Лица их были как-то особенно серьезны... Иногда говорили горячо, но больше тихо, чуть внятно... Я совершенно убежден, что описанный разговор был на политические темы... Мои предположения вполне подтверждаются словами отца, сказанными Анне Ильиничне, уезжавшей в Петербург: «Скажи Саше, чтобы он поберег себя хоть для нас»⁴.

То обстоятельство, что Илья Николаевич являлся важным государственным чиновником министерства просвещения, ко многому обязывало детей и раньше. Все его знали, и сыновья и дочери прекрасно понимали, что должны беречь престиж отца. А если они забывали об этом, Мария Александровна напоминала.

В Кокушкине, когда они бродили по лесам и полям, Илья Николаевич любил напевать студенческую песню на слова А. Плещеева:

*По духу братья мы с тобой,
Мы в искупление верим оба.
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.*

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 116.

² Там же. С. 153.

³ См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 51, 65.

⁴ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 175, 179.

И вот, уже в Симбирске, играя у себя во дворе, эту песню запела Аня. Мать остановила ее и сказала:

– Не надо эту песню петь в городе. Можно навредить отцу. Ведь враги у всех есть. Скажут: «Вот какие запрещенные песни распевают во дворе директора народных училищ»¹.

Значит, надо было учиться помалкивать.

Это обстоятельство, возможно, как-то объясняет и другую кажущуюся «странность».

В те годы, когда Александр и Владимир учились в Симбирской гимназии, в ней – как и во многих других учебных заведениях России – выпускалась своя подцензурная литература и существовали различного рода нелегальные кружки и группы.

В 1878 году в Симбирске их создавал выпускник Казанского университета, учитель словесности В. И. Муратов. В 1883 году образовался нелегальный гимназический кружок во главе с Валентином Аверьяновым, учившимся одно время вместе с Александром Ульяновым. В следующем году в гимназии стала создаваться нелегальная библиотека. С помощью казанских студентов в нее попали работы Маркса, Энгельса, Лассаля, гектографированные революционные издания.

Слухи о ней дошли и до жандармов, и до Ф. М. Керенского. И после ареста нескольких гимназистов в августе 1885 года и повальных обысков, о которых знал весь город, библиотеку конфисковали. Но осенью того же года группа старшеклассников во главе с Аполлоном Коринфским стала выпускать нелегальный рукописный журнал «Дневник гимназиста», в котором помещались также и материалы социалистического толка.

Но ни Александр, ни Владимир Ульяновы во всех этих предприятиях участия не принимали, хотя и знали о них. А. Коринфский пишет, что Владимир «всякий раз просматривал с интересом все эти «журналы»... читал, интересовался, но сам не принимал ни в одном из этих «изданий» участия как сотрудник»².

Исследователь Ж. А. Трофимов, сопоставляя все факты, справедливо предполагает, что Илья Николаевич, по своему служебному положению получавший от жандармов запросы и соответствующую информацию, наверняка «на эту тему беседовал и с сыном Владимиром и предупредил о необходимости быть осмотрительным в делах такого рода»³.

¹ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 45.

² Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 86, 118.

³ Там же. С. 90.

И все-таки атмосфера вокруг И. Н. Ульянова продолжала сгущаться. Мария Ильинична писала: «Начальство ценило в нем исполнительного и ревностного работника, но стало косо поглядывать на него впоследствии, видя, что он недостаточно согласует свою работу с духом времени. А он оставался и в 80-е годы все тем же «шестидесятником, идеалистом», не способен был подделываться под новый курс...»¹

После отъезда Александра и Анны в Петербург Владимир остался старшим из детей в доме. И вся драма отца происходила на его глазах...

В конце 1885 года, когда Илья Николаевич приехал в Сызрань, он узнал, что тамошнее земское собрание не только выразило свою солидарность с курсом на всемерное развитие церковноприходских школ и усиление «духовно-нравственного» воспитания. Правые земцы выразили также и сомнение в том, что с этой задачей может справиться нынешняя «дирекция училищ Симбирской губернии». Это был открытый вотум недоверия лично Ульянову².

«В декабре 1885 года, будучи на третьем курсе, – рассказывала Анна Ильинична, – я приехала опять на рождественские каникулы домой, в Симбирск. В Сызрани я съехала с отцом, возвращавшимся с очередной поездки по губернии, и сделала вместе с ним путь на лошадях. Помню, что отец произвел на меня сразу впечатление сильно постаревшего, заметно более слабого, чем осенью... Помню также, что и настроение его было какое-то подавленное, и он с горем рассказывал мне, что у правительства теперь тенденция строить церковноприходские школы, заменять ими земские. Это означало сведение насмарку дела всей его жизни. Я только позже поняла, как тягостно переживалось это отцом, как ускорило для него роковую развязку»³.

Прибыли они домой 25 декабря, когда у Владимира, Ольги и Дмитрия начались рождественские каникулы. Но отцу было не до елки и не до праздников. Илья Николаевич уединился в кабинете и стал писать отчет за 1885 год.

Встретили Новый год. Пришло известие, что 1 января Ульянов И. Н. был удостоен пятого ордена – Святого Станислава 1-й степени с муаровой лентой через плечо. 6 января собрались немногие сослуживцы. Илья Николаевич даже польку станце-

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 111.

² См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 102.

³ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 72.

вал с Аней. Но пришла и другая весть: министр просвещения И. Д. Делянов вместо просимых пяти лет оставлял Ульянова на службе лишь на год, который истекал 1 июля 1887 года¹.

10 января Илья Николаевич занемог. Врач констатировал «гастрическое состояние желудка». А 12 января на руках у Марии Александровны, Анны и Владимира он скончался от кровоизлияния в мозг на 55-м году жизни.

В обширном некрологе, опубликованном после похорон, говорилось: «Все сослуживцы покойного, учащие и учащиеся в городских народных училищах, г. вице-губернатор, директор и многие учителя гимназии, кадетского корпуса и духовной семинарии и все читатели памяти покойного (а кто в Симбирске не знал и не уважал его), и огромное число народа наполнили дом и улицу около квартиры покойного. Высшие лица симбирского духовенства... совершили краткую литию. Гроб с останками покойного *был принят на руки его вторым сыном, ближайшими сотрудниками и друзьями...*»²

Вот так, по такому печальному поводу, и состоялось *первое упоминание* в печати Владимира Ульянова.

СТАРШИЙ СЫН В ДОМЕ

После похорон и окончания рождественских каникул Анна в Петербург не поехала, а задержалась дома почти на два месяца. Часто и долго прогуливаясь по зимнему саду, где можно было без помех «отвести душу», она беседовала с Владимиром и о житейских, семейных делах, и о жизни вообще.

«Он был настроен, – вспоминала Анна Ильинична, – очень оппозиционно к гимназическому начальству, к гимназической учебе, к религии также, был не прочь зло подтрунить над учителями (в кое-каких подобных шутках и я принимала участие), одним словом, был, так сказать, в периоде сбрасывания авторитетов, в периоде первого отрицательного, что ли, формирования личности... Но вне такого отрицательного отношения к окружающему – для него главным образом к гимназии – ничего определенно политического в наших разговорах не было». И она заключила: «Определенных политических взглядов у Володи в то время не было...»³

¹ См.: Семья Ульяновых. С. 75, 100.

² Там же. С. 76 (курсив мой. – В. Л.).

³ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 80.

И уж коли Анна Ильинична упомянула о религии, то, видимо, именно этой зимой – еще при жизни отца – произошло событие, о котором, со слов Владимира Ильича, рассказала Крупская.

У отца сидел какой-то педагог, с которым Илья Николаевич говорил о том, что дети плохо посещают церковь.

Володю, присутствовавшего при начале разговора, отец ус-
лал с каким-то поручением. И когда, выполнив его, Владимир проходил мимо, гость с улыбкой сказал:

– Сечь, сечь надо.

Тогда, выбежав во двор, Володя сорвал с шеи крест и бросил его на землю¹.

И отвечая в 1922 году на вопросы анкеты всероссийской переписи коммунистов: «Имеете ли какие-либо религиозные верования... Если Вы неверующий, то с какого возраста?» – Владимир Ильич ответил:

– Нет... С 16...²

Лев Николаевич Толстой снял с себя крест в 15 лет...

А вот Илья Николаевич Ульянов так и остался до конца дней своих глубоко верующим человеком. Его религиозное чувство, писала Анна Ильинична, «было, так сказать, глубоко «чистым», чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что «принято». Это было религиозным чувством Жуковского, поэта, любимого отцом, религиозным чувством гораздо более любимого Некрасова, выразившимся, например, в поэме «Тишина», отрывки из которой отец любил цитировать, именно то место, где говорится о «храме божием», пахнувшим на поэта «детски чистым чувством веры...».

Дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы. Когда же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявляли, что не пойдут в церковь... и никакому давлению не подвергались»³.

Дети принадлежали уже к другому поколению, которое, как писала Крупская, «росло в условиях, когда, с одной стороны, в школах, в печати строго преследовалось малейшее проявление неверия, с другой – радикальная интеллигенция отпускала насчет религии всякие шуточки, острые словечки. Существовал целый интеллигентский фольклор, высмеивающий попов, религию, разные стихи, анекдоты, нигде не записанные, передававшиеся из уст в уста»⁴.

¹ См.: *Крупская Н. К.* О Ленине. С. 34.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 509.

³ *Ульянова-Елизарова А. И.* О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 116–117.

⁴ *Крупская Н. К.* О Ленине. С. 71.

К этому поколению принадлежал и Антон Павлович Чехов. «Я давно растерял свою веру, – писал он как-то С. П. Дягилеву, – и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего». А когда Сергей Павлович рассказал ему о религиозных поисках вполне достойных и образованных людей, Антон Павлович ответил: «Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы философски-религиозные общества ни собирались... Религиозное движение, о котором мы говорили, есть пережиток, уже почти конец того, что отжило или отживает».

Впрочем, Чехов не был бы Чеховым, если бы он тут же не добавил: «Хорошо это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором Вы пишете, само по себе, а вся современная культура сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первой нельзя. Теперешняя культура – это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, может быть, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего бога, т. е. не угадывало бы, не искало бы в Достоевском, а познало ясно, как познало, что дважды два есть четыре. Теперешняя культура – это начало работы...»¹

Стоит лишь добавить, что в этом «безбожии» русской демократической интеллигенции было гораздо больше истинной веры – веры в народ, в его способность открыть России дорогу в будущее, нежели в постах и покаяниях «набожного» мещанства, старавшегося замолить бездуховную греховность всего уклада своей жизни.

«Бог – это правда, любовь, справедливость, – говорил известный народник А. Д. Михайлов, – и в этом смысле с чистой душой я говорю о Боге, в которого верую». В этом же смысле своим подвижничеством такая интеллигенция скорее напоминала тех первых христиан, которые в беззаветном стремлении избавить людей от страданий были всегда готовы к самопожертвованию. И не только интеллигенция. Программа 1878 года «Северного союза русских рабочих» призывала «воскресить учение Христа о братстве и равенстве, быть апостолами нового, но, в сущности, только непонятого и позабытого учения Христа».

¹ Чехов А. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 1985. Т. 12. С. 389, 391; см. также статью А. П. Чудакова (Новый мир. 1996. № 9. С. 186–192).

А в 1881 году, выступая на суде, приговорившем его к повешению, Андрей Желябов сказал о себе так: «Крещен в православии, но православие отвергаю, однако признаю сущность учения Иисуса Христа. Верю в истинность и справедливость этого учения, исповедую, что вера без дела мертва есть и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за права угнетенных и слабых и, если нужно, за них и пострадать»¹.

О том же, между прочим, писал позднее и Александр Федорович Керенский: образ Христа, по его мнению, стал источником «юношеской веры, которая впоследствии воплотилась... в идею самопожертвования во имя народа. На этой вере зиждился революционный пафос...»².

Но вернемся к Ульяновым. Теперь отца уже не было, и на осиротевшую семью сразу же обрушилась уйма проблем. 24 апреля Мария Александровна обратилась к попечителю учебного округа с просьбой о денежной помощи: «Пенсия, к которой я с детьми моими представлена за службу покойного мужа моего, получится, вероятно, не скоро, а между тем нужно жить, уплачивать деньги, занятые на погребение мужа, воспитывать детей, содержать в Петербурге дочь на педагогических курсах и старшего сына...»³

Тянул время и окружной суд. «Все оставшееся после мужа имущество, — писала туда Мария Александровна, — заключается в домашней движимости и капитале в две тысячи рублей, находящемся в Симбирском городском общественном банке по билету одного № 12465». Но и этими накоплениями — до решения суда о вступлении в права наследования — она воспользоваться не могла⁴.

Пришлось срочно сдать жильцам всю фасадную половину дома. Мать перебралась наверх к дочерям, а Владимир к Дмитрию. В конце концов, лишь на пятый месяц ожидания, в мае, решение о назначении всему семейству пенсии в 1200 рублей в год — состоялось⁵.

В мае из Петербурга вновь приехала Анна, а с нею и Александр. На похоронах отца Саши не было. В конце 1885 года он представил на конкурс естественного отделения физико-математического факультета работу «Исследование строения сегмен-

¹ *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... С. 425.

² Вопросы истории. 1990. № 6. С. 119.

³ *Трофимов Ж. А.* Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 128.

⁴ См.: *Семья Ульяновых.* С. 101.

⁵ См. там же.

тарных органов пресноводных». Но жюри известило о своем решении лишь в начале февраля: А. И. Ульянов награждался золотой медалью с надписью «Преуспевшему». И 8 февраля при ее вручении ректор И. Андреевский назвал Александра «гордостью университета».

То, что Сашу оставят при кафедре для подготовки к профессорскому званию, было очевидно, как и то, что он становился теперь главной опорой семьи. Поэтому, посоветовавшись, решили перебраться в Петербург. В мае четыре раза давали объявление о продаже дома с садом. Но подходящего покупателя тогда не нашлось. А позже, учитывая дороговизну жизни в столице, решили до окончания гимназии Владимиром и Ольгой оставаться в Симбирске.

Смерть Ильи Николаевича породила свои сложности и во внутрисемейных отношениях. Оставаясь «старшим мужчиной» в доме, 16-летний Владимир стал проявлять строптивость по отношению к матери...

Строг был по отношению к своим дочерям покойный Александр Дмитриевич Бланк. Воспитывал их в каждодневном труде. Увлеченный своим «водолечением», он экспериментировал и на них — если, к примеру, кто-то простуживался и начинался жар, немедленно заворачивал в мокрые холодные простыни... И помогало... И, несмотря на все строгости, дочери любили и уважали его.

Что-то от этой педагогической «системы» переняла, видимо, и Мария Александровна. Классный наставник Владимира А. Федотченко в июне 1886 года записал в кондуитном списке: «Живет у родителей под самым бдительным надзором»¹. Говоря о том, что жесткая «система» была правильной «только для брата Владимира», Анна Ильинична деликатно добавляла: «Для всех нас — особенно для девочек, страдавших потом от некоторого недоверия к своим силам, — были бы полезны в небольшой дозе и похвалы»².

Но сторонники жесткого режима и контроля — и в воспитании детей, и в управлении государством, даже если благотворное воздействие этого режима не подвергалось сомнению, — всегда должны быть готовы к тому, что со временем, или же с ослаблением контроля, «бунт» или «срыв» становятся естественными и чуть ли не неизбежными.

«Володя, — рассказывает Анна Ильинична, — переживал тогда переходный возраст, когда мальчики становятся особенно резки и задиричивы. В нем, всегда очень бойком и самоуверен-

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. М., 1970. С. 19.

² Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 40.

ном, это проявлялось особенно заметно, тем более тогда, после смерти отца, присутствие которого действует всегда сдерживающе на мальчиков». И особенно смущало и корбило Анну, что «его насмешливость, дерзость, заносчивость проявлялись по отношению к матери, которой он стал отвечать порой так резко, как никогда не позволял себе при отце»¹.

Анна поделилась своими наблюдениями с Александром и спросила:

— Как тебе наш Володя?

— Несомненно, человек способный, но мы с ним не сходимся...

— Почему?

— Так...

Но однажды Александр, также очень болезненно реагировавший на отношение Владимира к матери, все-таки высказался.

Как-то раз, когда братья сидели за шахматами, к ним подошла Мария Александровна и «напомнила Володе какое-то требование, которое он не исполнил. Володя отвечал небрежно и не спешил исполнить. Мать, очевидно, раздраженная, настаивала... Володя ответил опять какой-то небрежной шуткой, не двигаясь с места.

— Володя, или ты сейчас же пойдешь и сделаешь, что мама тебе говорит, или я с тобой больше не играю, — сказал тогда Саша спокойно, но так твердо, что Володя тотчас встал и исполнил требуемое»².

Те, кто пытался вложить в слова Александра «мы с ним не сходимся» смысл политический, видя в них чуть ли не начало разногласий народников с марксистами, явно грешат против истины. Как в начале 1886 года, когда Анна из бесед с Владимиром заключила, что его идейное самоопределение еще не наступило, так и летом в Кокушкине стало очевидно, что до политической ориентации ему еще далеко. Именно там в последнее для братьев совместное лето 1886 года, когда Саша упорно штудировал труды Маркса, Володя лежал рядом на своей кровати и с упоением читал и перечитывал повесть Тургенева «Андрей Колосов» об искренности в любви³.

Каникулы кончились, Аня и Саша уехали в Петербург, и как стали бы развиваться далее внутрисемейные отношения, трудно сказать. Но однажды в начале марта 1887 года прибежала их хорошая знакомая Вера Васильевна Кашкадамова и сообщила,

¹ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 78.

² Там же. С. 79.

³ См. там же. С. 80.

что из столицы пришло письмо с сообщением об аресте Саши, а вместе с ним и Анны...

Для всех без исключения членов семьи и родственников, мало того, даже для однокурсников и преподавателей Александра в университете, это был гром среди абсолютно ясного неба.

Приехав осенью 1883 года в столицу, Александр – как и в Симбирске – отдавал все свое время учебе. Его друг Иван Чеботарев писал: «Я принимал тогда деятельное участие в поволжском землячестве и на первых же порах заговорил с Александром Ильичем о вступлении его в члены этого землячества, равно как и с приехавшей вместе с ним сестрой его, Анной Ильиничной... Но сочувствия не встретил. Мне показалось, что оба они слишком для этого «благовоспитанны»... Приехали в Питер только «учиться» и заниматься «чистой наукой», а не «политикой»¹. И уже с первых курсов Ульянов обращает на себя внимание таких всемирно известных ученых, как Д. И. Менделеев, М. А. Бутлеров, затем зоолога Н. П. Вагнера. И наконец, золотая медаль за работу о кольчатых червях...

Но бурная общественная жизнь университета так или иначе постепенно затягивала и Александра. В ноябре 1885 года, в день именин М. Е. Салтыкова-Щедрина, вместе с депутацией студентов и курсисток-бестужевки Александр и Анна приходят на квартиру опального писателя с приветственным адресом. Тогда же он начинает ходить на лекции известного ученого В. И. Семевского по истории российского крестьянства. А когда в январе 1886 года профессора увольняют из университета за возбуждение «в молодых умах негодования к прошлому», то есть крепостничеству, Александр вместе с другими 309 студентами подписывает приветственный адрес Семевскому и вместе с Анной ходит к нему на квартиру для завершения курса лекций².

19 февраля, в день 25-летия «Великой реформы», он впервые участвует в демонстрации на Волковом кладбище, где студенты отслужили панихиду по «врагам крепостничества» и возложили венки на могилу Н. А. Добролюбова и других писателей-демократов. А в марте 1886 года Александр вступает в студенческое научно-литературное общество и здесь знакомится с О. Говорухиным, И. Лукашевичем, П. Андреюшкиным и В. Генераловым³.

¹ Семья Ульяновых. С. 216.

² См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 131, 132.

³ См. там же. С. 135.

Его избирают секретарем общества, но и тогда он продолжает сторониться нелегальных организаций.

Орест Говорухин прямо утверждал, что и на третьем курсе Ульянов «не участвовал еще ни в революционных организациях, ни в кружках самообразования», а о студентах, причастных к ним, говорил: «Болтают много, а учатся мало». Когда же Говорухин все-таки поставил перед ним вопрос о вступлении в организацию, Александр ответил:

– В революционные организации не вступаю потому, что я не решил еще многих вопросов, касающихся лично меня, а что еще важнее, вопросов социальных. Да и вряд ли скоро вступлю.

– Почему?

– Потому – больно уж сложны социальные явления. Ведь если естественные науки, можно сказать, только теперь вступают в ту фазу своего развития, когда явления рассматриваются не только с качественной, но и с количественной стороны, только теперь становятся, стало быть, настоящими науками, то что же представляют собой социальные науки? Ясно, что не скоро можно решить социальные вопросы. Я предполагаю, конечно, научное решение – иное не имеет никакого смысла, – а решить их необходимо общественному деятелю. Смешно, более того, безнравственно профану медицины лечить болезни; еще более смешно и безнравственно лечить социальные болезни, не понимая причины их¹.

И прежняя всепоглощающая страсть Александра к наукам естественным дополняется теперь такой же страстью к наукам общественным. Он старательно штудировал «Капитал» Маркса, его же работу «К критике гегелевской философии права», первые труды Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия». И постепенно он все больше склоняется к социалистическим идеям в их марксистской интерпретации.

Но в полном соответствии с изучавшимися им законами природы, где малая причина способна привести к большим последствиям, одно событие круто изменило эволюцию его взглядов. Таким событием стала так называемая добролюбовская демонстрация 17 ноября 1886 года.

Памятуя о том, что демонстрация 19 февраля прошла удачно, ибо полиция проворонила ее и прибыла слишком поздно, студенческие организации решили провести ее вторично, в день 25-летия со дня смерти Добролюбова. Но на сей раз «стражи порядка» не дремали, и когда полторы тысячи студентов подо-

¹ См.: Семья Ульяновых. С. 216–217.

шли к Волкову кладбищу, оно было окружено отрядом полиции во главе с полицмейстером. После криков возмущения и начавшихся было стычек с полицией группе студентов разрешили пройти к могиле и возложить венок. Эта маленькая победа еще более возбудила демонстрантов, и, помитинговав, они с песнями двинулись в центр к Казанскому собору. Но Лиговку перегородили конные казаки во главе с градоначальником генералом Грессером¹.

Участник этого шествия М. Брагинский рассказывает: «В продолжение всей демонстрации – а она длилась с утра до поздних сумерек – Ульянов был в сильно приподнятом настроении... Его настроение достигло крайней степени возбуждения, когда огромная толпа демонстрантов... была остановлена цепью конных казаков... и когда появился градоначальник генерал Грессер. Я находился в этот момент вблизи Ульянова, шедшего все время под руку со своею сестрой Анной Ильиничной и положительно заражавшего всех своим боевым настроением... Точно электрическим током всего пронизало его при виде ненавистной фигуры Грессера... С побледневшим лицом, с загоревшимися гневом глазами Ульянов с криком «вперед!», увлекая за собой других... устремился навстречу подходившему к нам градоначальнику, точно собираясь уничтожить его тут же, на месте»².

Но казаки, обнажив шашки, окружили демонстрантов, и началась «фильтрация»... Шел дождь, и мокрые, продрогшие студенты, стоявшие несколько часов прямо в лужах, выслушивали оскорбления и брань казаков, пока демонстрантов переписывали, а затем либо выпускали, либо арестовывали. Более 40 человек сразу же выслали из столицы. И именно здесь – после эйфории победного шествия – Александр впервые испытал то чувство приводящего в отчаяние бессилия и мерзейшего, мучительного унижения, которого не испытывал никогда прежде.

В листовке «17 ноября в Петербурге», написанной им на следующий день и размноженной на гектографе, говорилось: «У нас на памяти немало других таких же фактов, где правительство ясно показывало свою враждебность самым общекультурным стремлениям общества... Грубой силе, на которую опирается правительство, мы противопоставим тоже силу, но силу организованную и объединенную сознанием своей духовной солидарности»³.

В конце 1886 года будущая писательница Валентина Иововна Дмитриева встретила Александра на вечеринке своих знако-

¹ См.: Семья Ульяновых. С. 209.

² Там же. С. 209.

³ Там же. С. 210–211.

мых Хренковых. Хозяин квартиры – «непротивленец с полумистическим уклоном», поклонник философа Владимира Соловьева, отвергал террор и осуждал акцию 1 марта 1881 года, которая, по его мнению, лишь «привела к взаимному ожесточению и кровопролитию». Он часто повторял слова Ариэля из шекспировской «Бури»: «Прощение – выше мести...»

И вот во время вечеринки «кто-то заговорил о том, что террор после неудачи акта 1 марта доказал свою полную несостоятельность и что теперь нужно перейти к другим методам борьбы с реакцией. С подпольщиной нужно покончить навсегда, и все силы необходимо направить на культурную работу. Идти в земство, учить, лечить, бороться с невежеством народным не бомбами, а книгой...»¹.

И тут Дмитриева заметила Александра: «Смугловато-бледный, с большим лбом, нахмуренными бровями и крепко сжатым ртом, он сидел в уголке, молчал и исподлобья поглядывал на присутствующих. По-видимому, он внимательно прислушивался к разговору, но во всей его фигуре, в выражении лица, в этих напряженно сдвинутых бровях было что-то такое самоуглубленное, сосредоточенное, чуждое всему окружающему, что казалось, будто мысль его не здесь, что им владеет какая-то своя, особая, страшно важная и захватывающая идея»².

А спор между тем разгорался, «поднялся шум, слышались отдельные слова: «Революция... Эволюция... Статистика страшнее динамита... Агрономия – вот главная задача...» А Хренков неторопливо и проникновенно пытался усмирить эту бурю мнений...

– Не ищите мудрости, а ищите кротости. Победите зло в себе, не будет зла и в ближних ваших... Ибо зло питается злом.

И вдруг молчаливый студент точно проснулся. На смуглых щеках его проступил легкий румянец, изломанные хмурые брови приподнялись, в глазах и на губах заиграла насмешливая улыбка.

– Чудаки! Корочкой хлеба хотят человечество осчастливить...

К нему подошел Хренков.

– Вы что-то сказали, коллега?

– Ничего. Удивляюсь, из-за чего спорят люди. Агрономия, статистика, земство, непротивление злу – вот каша-то. А народ как издыхал в грязи, в темноте, так и издыхает.

– А по-вашему, что же нужно?..

– Это, знаете ли, длинная история... а мне пора уходить. В другой раз когда-нибудь...»³.

¹ Семья Ульяновых. С. 199–200.

² Там же. С. 199.

³ Там же. С. 200.

Эволюция взглядов Александра завершалась. Он принимал основные выводы марксизма и знал, что достижение конечных целей и идеалов станет возможным при достаточной зрелости общества. Он знал и то, что для продвижения к этой «зрелости» необходим хотя бы минимум свободы. И он пришел к убеждению, что принудить правительство к подобным «послаблениям» сможет только террор. И когда в самом конце 1886 года по инициативе студентов Петра Шевырева и Ореста Говорухина начинает складываться ядро «Террористической фракции партии «Народная воля», Ульянов примыкает к ним и вместе с Иосифом Лукашевичем приступает к изготовлению «метательных снарядов»¹.

Студент Сергей Никонов вспоминал: «Идея цареубийства в это время, так сказать, носилась в воздухе. До того сперлась политическая атмосфера, до того чувствовался гнет реакционной политики правительства Александра III, что очень многие задавали себе вопрос: неужели не найдется людей, которые возьмут на себя устранить грубого деспота?»²

Ульянов был не из тех, кто ждет, когда кто-то возьмет *это* на себя. От исполнения своего долга он не уклонялся никогда. И, придя к выводу о необходимости «лечения социальной болезни» с помощью теракта, он сразу стал действовать. А с отъездом Шевырева в Ялту, а Говорухина в Женеву подготовка покушения в значительной мере вообще легла на его плечи. К концу февраля 1887 года боевая группа метальщиков (В. Осипанов, П. Андреюшкин и В. Генералов) была готова...

И все это время, готовя динамит, инструктируя боевиков, Александр продолжал аккуратно ходить на лекции, вести лабораторные исследования. Именно в эти дни он взял и новую научную тему по изучению органа зрения у какого-то вида червей³.

Между тем уже с октября 1886 года вся студенческая группа, в которую входил Ульянов, была «под колпаком». А после того как Андреюшкин в перехваченном письме харьковскому приятелю намекнул на предстоящий акт, охранка уже ни на секунду не спускала с них глаз. И когда 1 марта 1887 года метальщики – в ожидании проезда Александра III в Петропавловскую крепость на панихиду по отцу – вышли на Невский, их тут же схватили. За несколько последующих дней арестовали и остальных.

4 марта в печати появилось краткое сообщение: «1-го сего марта, на Невском проспекте, около 11 часов утра задержано

¹ См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 137.

² Семья Ульяновых. С. 204–205.

³ См. там же. С. 230.

трое студентов С.-Петербургского университета, при коих, по обыску, найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что принадлежат к тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотру их экспертом, оказались заряженными динамитом и свинцовыми пулями, начиненными стрихнином»¹.

АТТЕСТАТ ЗРЕЛОСТИ

Когда В. В. Кашкадамова получила в Симбирске от Екатерины Ивановны Песковской (урожденной Веретенниковой) известие о событиях в Петербурге и аресте Александра и Анны, она тотчас послала в гимназию за Владимиром и вручила ему письмо. Он прочел, «долго молчал. Передо мной, – вспоминает Кашкадамова, – сидел уже не прежний бесшабашный, жизнерадостный мальчик, а взрослый человек, глубоко задумавшийся над важным вопросом. «А ведь дело-то серьезное, – сказал он, – может плохо кончиться для Саши»².

В прежних биографиях Ленина рассказывалось о том, как именно в эти дни перепуганное симбирское либеральное общество отшатнулось от Ульяновых и они оказались в полнейшей изоляции. Но это произошло позже. Как установил Ж. А. Трофимов, в первой половине марта никто из симбирцев, в том числе и губернское начальство, не могли иметь сведений об аресте Александра и Анны, а уж тем более об участии Ульянова в покушении на государя. Не подозревали этого Мария Александровна и Владимир, полагая, видимо, что волна студенческих арестов в связи с задержанием террористов случайно прихватила и Сашу с Аней. Так что за фразой о том, что арест «плохо кончится для Саши», могло стоять лишь опасение исключения из университета³.

Было, впрочем, одно настораживающее обстоятельство...

Довольно известный столичный публицист Матвей Леонтьевич Песковский, муж Екатерины Ивановны Веретенниковой, 3 марта обратился к директору Департамента полиции П. Н. Дурново с прошением: «Ульянов – очень дельный, чисто кабинетный, до угрюмости нелюдимый человек, зарекомендовавший себя блестящими успехами в науке... Ульянова – барышня в лучшем смысле слова, совершенно чуждая всего того, что может шокировать девушку...» Максимум, что может быть поставлено

¹ Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 139.

² Там же. С. 141.

³ См. там же. С. 142–143.

им в вину, какое-нибудь случайное «компрометирующее знакомство». А посему он просил освободить их под его «личное поручительство».

Но в тот же день Песковский узнал, что прошение его оставлено без последствий. Вот тогда-то, 3 марта, о случившемся и написали в Симбирск¹.

Письмо пришло к Кашкадамовой, видимо, 9 марта, и Мария Александровна, оставив семью на Владимира, выехала в Петербург. Уже 14-го, прибыв в столицу, она подала прошение о свидании с сыном. Но лишь после окончания следствия, 30 марта, Александр III, начертав на прошении: «А что же до сих пор она смотрела!» – свидание разрешил². И только тогда из протоколов допросов сына, показанных ей, узнала Мария Александровна о сути дела и полном признании Сашей своей руководящей роли в организации покушения.

Свидание состоялось 1 апреля и продолжалось два часа. «Он плакал и обнимал ее колени, прося простить причиняемое ей горе, – вспоминала рассказ матери Анна Ильинична, – он говорил, что кроме долга перед семьей у него есть долг и перед Родиной. Он рисовал ей бесправное, задавленное положение Родины и указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее...

– Да, но эти средства ужасны, – возразила мать.

– Что же делать, если других нет, мама, – ответил он»³.

Поскольку до суда, который должен был начаться 15 апреля, новых свиданий не разрешили, Мария Александровна сразу же вернулась в Симбирск, где у детей уже начались пасхальные каникулы. Она рассказала старшим о свидании и о том, что, если Саше дадут пожизненную каторгу, она с младшими детьми уедет за ним в Сибирь. 10 апреля поздравили с 17-летием Владимира, и в тот же день Мария Александровна вновь отправилась в Петербург.

13-го каникулы кончились, и Владимир пошел в гимназию, но все его мысли были там – в столице. 15 апреля начался суд. И именно в этот день Ф. М. Керенский устроил контрольное сочинение на тему «Причины благосостояния народной жизни», одним из пунктов которого был вопрос о «правильной организации государственного устройства». Что думал В. Ульянов об этом и что написал – неизвестно. Сочинение не сохранилось. Но, возвращая его, Керенский впервые сделал Владимиру замечание:

¹ См.: Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 142.

² См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 222.

³ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 104.

«О каких это угнетенных классах вы тут пишете, при чем это тут?» На перемене одноклассники обступили Владимира: «Что поставил?» На сочинении, как всегда, стояла «пятерка»¹.

А Верховный суд империи, начавшись 15-го, уже 19 апреля завершил работу: все 14 подсудимых приговаривались к смертной казни. Теперь приговор должен был утвердить государь, и еще оставалась надежда, что прошение на высочайшее имя смягчит участь осужденных. И поэтому пресса по-прежнему хранила молчание относительно дела «первомартовцев».

Мария Александровна вновь получила свидание с сыном и стала уговаривать его подать прошение о помиловании. Но Александр отказался. «Представь себе, мама, – сказал он, – что двое стоят друг против друга на поединке. В то время как один уже выстрелил в своего противника, он обращается к нему с просьбой не пользоваться в свою очередь оружием. Нет, я не могу поступить так...»

Эти слова и последнюю просьбу Александра – достать ему томик Генриха Гейне – записал товарищ прокурора Князев, присутствовавший на свидании. И он же выполнил эту просьбу – купил и передал «смертнику» сборник стихотворений Гейне².

А у Владимира именно в эти дни начинались выпускные экзамены на аттестат зрелости. Александр Наумов рассказывает, что за неделю до экзаменов ему и другим одноклассникам (за взятку) удалось получить из Учебного округа задачи по письменной математике, все диктовки и тему сочинения – «Характеристика Бориса Годунова по произведениям Пушкина». Но через несколько дней прошел слух, что об «утечке» узнали и темы всех письменных работ изменены. Среди выпускников началась паника. И единственный, как пишет Наумов, кто не принял участия во всей этой «постыдной истории», был Ульянов: «Очевидно, ему, с его поразительной памятью и всесторонней осведомленностью, было совершенно безразлично»³.

5 мая за сочинение «Царь Борис» по произведению А. С. Пушкина «Борис Годунов» В. Ульянов получил первую «пятерку». 7 мая он выполнил на «пять» письменную работу по латыни. На следующий день с утра была письменная математика. И именно в это утро, когда Владимир решал задачи, во дворе Шлиссельбургской тюрьмы началась казнь...

¹ Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 145–147.

² См.: Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 105, 106.

³ Наумов А. Н. Мои воспоминания. Т. 1. С. 67–69.

Семи осужденным Александр III заменил смертный приговор каторгой на сроки от 10 до 20 лет, двое — Лукашевич и Новорусский, подавшие прошение о помиловании, вместо виселицы получили пожизненную каторгу, и все они в 1905-м попали под амнистию и вышли на свободу. 8 мая 1887 года приводился в исполнение приговор над теми, кто отказался просить государя о милости.

На рассвете к виселице вывели Генералова, Андреюшкина и Осипанова. Они простились друг с другом, поцеловали крест и были повешены. Когда трупы убрали, во двор вывели Ульянова и Шевырева. Подошел священник. Ульянов приложился к кресту, а Шевырев отказался. Оба взойшли на эшафот, и через мгновение все было кончено...¹ И гром не грянул, и земля не разверзлась...

Валентинов, хорошо знавший революционную среду тех лет, написал: «При всем своем увлечении химией, естественными науками и «Капиталом» Маркса Александр был, конечно, религиозной натурой, жаждущей жертвенного подвига, готовый отдать свою жизнь за идеи, проникнутые любовью к человеку»².

Но ничего о событиях этого дня Владимир еще не знал. 8 мая он опять получил «пятерку» и стал готовиться к следующему экзамену. Но с утра 10 мая было опубликовано правительственное сообщение о казни. В Симбирске его расклеили чуть ли не на каждом столбе, и теперь о случившемся узнали все. «Я была слишком мала, — вспоминала Мария Ильинична, — чтобы понять весь ужас происшедшего, и меня, как это ни странно, больше поразил вид Владимира Ильича, через его горестные слова о брате я начала усваивать значение случившегося»³.

И тем не менее 12 мая он сдает на «пять» письменный экзамен по алгебре и тригонометрии, а на следующий день — письменный по греческому. 22 мая начинаются устные экзамены, и Владимир получает свою «пятерку» по истории и географии. И в тот же вечер из Петербурга приезжают мать и Анна, высланная под надзор полиции в Кокушкино.

Мать была в ужасном состоянии, и о случившемся он узнал из рассказов Анны. Единственная фраза Владимира, которую запомнила Кашкадамова: «Значит, Саша не мог поступить иначе, значит, он должен был поступить так»⁴.

¹ См.: Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 424.

² Там же. С. 425.

³ Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 149.

⁴ Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 428.

А экзамены продолжались: 27 мая – Закон Божий, 29-го – латынь, 1 июня – устный греческий и, наконец, 6 июня – устная арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия. На последних экзаменах «пятерки» уже получали лишь двое-трое: В. Ульянов и претендовавшие на серебряную медаль А. Наумов и А. Писарев.

В аттестате зрелости Владимира стояло 17 «пятерок» и одна «четверка» – по логике, которую, кстати сказать, преподавал в 7-м классе Ф. М. Керенский. В сложившейся ситуации она вполне могла бы стать поводом для отказа в золотой медали. Но этого не случилось. 10 июня педагогический совет постановил «наградить его, Ульянова, ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ». Тут было и признание заслуг и труда самого Владимира, на протяжении восьми лет шедшего из класса в класс «первым учеником». И память о заслугах его отца, к которому преподаватели испытывали чувство глубокого уважения. Так или иначе, но медаль открыла ему дорогу для поступления в университет.

Ныне почему-то нередко полагают, что в прежние времена, когда число образованных людей в России было невелико, все они представляли из себя достаточно однородное целое. Между тем уровень образования сближал отнюдь не всегда. И вполне образованный граф Михаил Николаевич Муравьев, дабы не путали его с еще более образованным декабристом Сергеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом, любил повторять, что он «не из тех Муравьевых, *которых* вешают, а из тех, *которые* вешают». И позднее, когда судили Софью Перовскую, главным ее обвинителем, настаивавшим на повешении, выступал двоюродный внук Михаила Николаевича Николай Валерьянович Муравьев. А ведь лет за двадцать до этого Сонечка Перовская, дочь петербургского губернатора, и Николенька Муравьев, любимый сынок псковского губернатора, были неперенными соучастниками веселых детских игр, ибо их высокообразованные семьи дружили между собой¹.

И наконец, в 1887 году прокурором по делу Александра Ульянова, требовавшим его повешения, был не кто иной, как Николай Адрианович Неклюдов, который буквально обожал своего учителя в Пензенском дворянском институте Илью Николаевича Ульянова². Говорят, что после казни Александра он даже занемог нервным расстройством. Но скоро выздоровел. И к 1895 году дослужился до высокой должности товарища министра внутренних дел.

¹ См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 48.

² См. там же. С. 227.

Проявилось другой своей стороной и симбирское «общество». Все те, кто совсем недавно искал встреч и знакомства с семьей директора народных училищ, теперь отворачивались при встрече, а потом шептались за спиной. Даже самые, казалось бы, близкие...

Молодой инспектор народных училищ Иван Владимирович Ишерский проработал с Ильей Николаевичем десять лет. К своему шефу и его семье он относился трепетно, с огромным уважением. А бывая в доме Ульяновых, с удовольствием пел своим приятным голосом душевные романсы под аккомпанемент Марии Александровны. И каждый раз – от глубины чувств – повторял: «Ах, под этот чудесный аккомпанемент поется особенно легко...»¹

Теперь, заняв пост директора народных училищ губернии, Ишерский никого из Ульяновых, как говорится, «не видел в упор».

И Ольга Ульянова рассказывала в одном из писем, как зашла она с подругой Ниной Стржалковской на почту и встретила там своих бывших гимназических учителей – тех самых, которые присудили ей за отличные успехи такую же золотую медаль, как и Владимиру. «Они кланялись Нине, а меня как будто и не замечали или не узнавали»², – с горечью писала Ольга.

Впрочем, симбирская либеральная публика была ничем не хуже столичной. Ректор Петербургского университета профессор полицейского права Андреевский – тот самый, который в феврале 1886 года назвал Александра Ульянова «гордостью университета», 6 марта 1887 года писал о нем как о «невыносимом позоре». И в адресе государю повергал «к священным стопам Вашего Величества чувства верноподданнической преданности и горячей любви», дабы не лишал он университет своей монаршей милости³.

Так что долго размышлять о том, куда поступать учиться и какую избрать профессию, Владимиру не приходилось. Университет – Казанский, ибо он находился в том учебном округе, где работал отец. Да и факультет был очевиден – юридический, ибо он давал возможность не служить в системе государственных учреждений, закрытых для брата «государственного преступника», а иметь более свободную профессию – адвоката в частной конторе присяжного поверенного.

Но этот выбор определялся не только подобного рода сугубо прагматическими соображениями. Своему двоюродному брату

¹ См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 229.

² Семья Ульяновых. С. 257.

³ См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 216.

Николаю Владимир сказал: «Теперь такое время, нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки...»¹

Остаться в Симбирске не было теперь никакого смысла, и еще 30 мая 1887 года в «Симбирских губернских ведомостях» вновь появилось объявление: «По случаю отъезда продается дом с садом, рояль, мебель. Московская улица, дом Ульяновой». И на сей раз покупатель на дом, сад и мебель нашелся быстро. 15 июня их приобрел за 6 тысяч рублей коллежский советник А. Н. Минин. А вот с роялем не захотели расстаться².

Накануне отъезда назначили распродажу оставшейся мебели и всякой всячины, которую решили не брать с собой в Казань. То-то радость была для соседок и кумушек, судачивших столько лет об Ульяновых, но так и не имевших возможности переступить порог их дома...

Кашкадамова рассказывает, как входили они с постными скорбными лицами, бегающими глазками обшаривали все вокруг и начинали причитать:

– Ох, матушка, горе-то у вас какое...

Мария Александровна встречала их холодно и повторяла одну и ту же фразу:

– Вам что угодно? Вы пришли что-нибудь купить?

Кумушки и мечтать не смели о том, что спустя сто с лишним лет, в 90-е годы XX столетия, все сплетни и слухи, распускавшиеся ими, вдруг выплеснут на телеэкраны, на страницы пухлых монографий, популярных брошюр, журналов и газет...

Опираясь на свидетельства соседей, многие годы подсматривавших через дырки в заборе за жизнью Ульяновых, одни «лениноеды» станут утверждать, что Мария Александровна на самом деле была провинциальной Мессалиной, эдакой «жрицей свободной любви». И старший сын Александр был рожден ею от Дмитрия Каракозова, а младший – Дмитрий – от домашнего врача Ивана Покровского. Потому-то, мол, и стал Александр «цареубийцей», а Дмитрий – врачом.

Но им возражают другие «лениноеды», которые уверены, что от Ивана Покровского Мария Александровна родила вовсе не Дмитрия, а самого Владимира Ильича. И что когда она раскрыла ему эту страшную тайну, о которой, естественно, знали все соседи, Владимир демонстративно отказался от своего отца Ильи Николаевича.

¹ Нафигзов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. Казань, 1995. С. 57.

² См.: Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 235.

Третьи, опираясь на показания иных соседей, видимо подглядывавших непосредственно в замочную скважину, станут доказывать, что на самом деле все было наоборот: Мария Александровна — это кроткая и святая женщина, всецело посвятившая себя семье и детям. А вот муж ее Илья Николаевич — прелюбодей и развратник, не пропускавший во время служебных командировок ни деревенских девок, ни молоденьких учительниц.

Пусть простит читатель за пересказ этой пошлятины. Можно лишь надеяться, что лживые «труды» эти, не делающие чести ни их авторам, ни их издателям, останутся лишь печальными памятниками того лихолетья, которое Россия пережила в 90-е годы XX века.

Не знаю, были ли известны Владимиру Ильичу все эти грязные сплетни, ходившие вокруг их семьи. Но презрение к сплетникам и кумушкам он сохранил на всю жизнь. И спустя много лет Ленин напишет: «...болтать и сплетничать... подогревать темные слухи, ловить и передавать дальше намеки, — о, интеллигентские кумушки такие мастера на это!.. Каждому свое. У каждого общественного слоя свои «манеры жизни», свои привычки, свои склонности. У каждого насекомого свое оружие борьбы: есть насекомые, борющиеся выделением вонючей жидкости». И он заключает: «Кто видел хоть раз в жизни эту среду сплетничающих интеллигентских кумушек, тот наверное (если он сам не кумушка) сохранит на всю жизнь отвращение к этим мерзостным существам»¹.

Сразу же после продажи дома семья уехала в Кокушкино.

Это лето 1887 года, помимо окончания гимназии, было связано еще с одним важным событием, как бы сказали нынче — с «новым прочтением» романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Казнь брата, помимо сугубо личного потрясения, связанного с потерей близкого и любимого человека, порождала множество вопросов. Как и почему избрал он этот тернистый путь? Долг перед народом, перед Отечеством? Да, это свято и это бесспорно! Да, пример отца показал, что надежды на постепенное реформирование и просвещение России в нынешних условиях оказались иллюзорными. Но разве исполнение своего долга перед Родиной обязательно связано с динамитом и гремучей ртутью?

В прошлое лето в Кокушкине Александр препарировал своих червей, которые вызывали у Владимира глубочайшее отвраще-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 342.

ние. Казалось, он был настолько погружен в науку, что до всего иного ему не было никакого дела. Но помимо этого он еще и много читал. И Владимир вспомнил давние восторженные отзывы брата о романе Чернышевского. Еще в гимназии Владимир попробовал читать «Что делать?», но тогда особого впечатления он на него не произвел. Теперь он решил вновь перечитать его.

Результат был ошеломляющим...

В 1904 году Ленин рассказывал дальней своей родственнице Марии Эссен: «Я роман «Что делать?» перечитал за одно лето раз пять, находя каждый раз в этом произведении все новые волнующие мысли». И Крупская подтверждает, что знал он роман до самых «тончайших штрихов» и «мельчайших подробностей»¹.

Как-то в том же 1904 году Николай Валентинов в присутствии Владимира Ильича небрежно заметил по поводу «Что делать?»: «Диву даешься, как люди могли увлечься и восхищаться подобной вещью? Трудно представить себе что-либо более бездарное, примитивное и в то же время претенциозное»².

Услышав это, Ленин «взметнулся с такой стремительностью, что под ним стул закрипел.

— Отдадите ли вы себе отчет, что говорите? — бросил он. — Недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?». Под его влиянием сотни людей делались революционерами... Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал. Когда вы читали «Что делать?»? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял его глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь»³.

И главный вывод, который извлек Владимир из романа, состоял в том, что в России «всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером...»⁴.

На том и закончилась его юность...

¹ Крупская Н. К. О Ленине. С. 92.

² Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 495.

³ Там же. С. 496.

⁴ Там же. С. 500.

Глава 2

«БРАТ ПОВЕШЕННОГО...»

КАЗАНЬ

В июле 1887 года семья Ульяновых переезжает в Казань. А 29 июля Владимир подает прошение о приеме на юридический факультет Императорского Казанского университета. Но фамилия Ульянова была слишком хорошо известна ректору Н. Кремлеву, и на прошении появляется резолюция: «Отсрочить до получения характеристики». В Симбирск направляют запрос. И теперь уже все зависело от характеристики Керенского.

Документ этот являлся конфиденциальным, и о его содержании ни Владимир, ни его близкие знать не могли. Но Федор Михайлович Керенский проявил если не мужество, то порядочность, написав 10 августа, что «ни в гимназии, ни вне ее не было замечено за Ульяновым ни одного случая, когда бы он словом или делом вызвал в начальствующих и преподавателях гимназии непохвальное о себе мнение. За обучением и нравственным развитием Ульянова всегда тщательно наблюдали родители... В основе воспитания лежали религия и разумная дисциплина».

Керенский не стал затрагивать обязательные для характеристики вопросы об отношении к «социальным вопросам» и «превратным учениям»¹ и в заключение написал: «Присматриваясь ближе к домашней жизни и характеру Ульянова, я не мог не заметить в нем излишней замкнутости и чуждаемости от общения даже со знакомыми людьми, а вне гимназии и с товарищами и вообще нелюдимости»².

«Религия и разумная дисциплина» в сочетании с «чуждаемостью от общения» вполне устраивали университетское начальство. И 13 августа на прошении Ульянова появляется новая резолюция: «Принять». С этого дня Владимир становится сту-

¹ Трофимов Ж. А. Дух революции витал в доме Ульяновых. С. 152.

² Там же.

дентом и подает новое прошение – об освобождении от платы за обучение. На факультете просьбу поддержали, и 8 сентября правление университета включило его в списки лиц «православного вероисповедания», нуждающихся в данной льготе «на основании свидетельств о бедности, баллов по аттестатам зрелости и характеристик гимназий». 12-го списки утвердили далее по инстанции. Но, видимо, уже в Петербурге Ульянова из «льготников» исключили: судя по всему, для чиновников министерства просвещения память о его брате была еще слишком свежа¹.

Память об Александре Ульянове будет еще долго сопровождать Владимира. Если в глазах начальства она станет предостережением и напоминанием об «опаснейшем государственном преступнике», то в студенческой среде – это повод для повышенного интереса и постоянного ожидания чего-то необычного и «ужасно революционного». И, вырвавшись из стен гимназии, с ее ежеминутным надзором за учениками, впервые окунувшись в студенческую «вольницу», Владимир просто обязан был оправдывать эти завышенные надежды.

Так что «нелюдимостью» и «излишней замкнутостью» он начальство не порадовал. Судя по воспоминаниям В. В. Адоратского, из университетской профессуры Владимир запомнил лишь присяжного поверенного профессора Н. В. Рейнгардта и профессора истории русского права Н. П. Загоскина. «Ну, – говорил он приятелю, направляясь в аудиторию к Загоскину, – пошли слушать лекцию о русском бесправии»².

Впрочем, занятия Владимир посещал уже не столь исправно, как в гимназии. Достаточно сказать, что в ноябре он присутствовал на лекциях лишь 8 дней³.

Гораздо больше его привлекала та студенческая жизнь, которая буквально бурлила в университете.

Сразу после зачисления Владимир дал расписку, в которой, согласно существовавшим правилам, обязался «не состоять членом и не принимать участия в каких-либо сообществах, как, например, землячествах и т. п., а равно не вступать членом даже в дозволенные законом общества без разрешения на то в каждом отдельном случае ближайшего начальства...»⁴. Но формальная расписка нисколько не помешала ему вступить в упомянутое землячество.

¹ См.: *Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом.* С. 64.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1984. Т. 2. С. 168.

³ См.: *Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом.* С. 65.

⁴ В. И. Ленин и Татария. Казань, 1964. С. 30.

В это время в университете функционировало 8 нелегальных землячеств-кружков, пользовавшихся среди студентов огромным авторитетом. Они поддерживали связи с аналогичными организациями в Петербурге, Москве и других университетских городах. Имели свои библиотеки с нелегальной литературой. И наиболее крупным среди них являлось как раз симбирское землячество. В его работе Владимир принял активное участие и сразу же был избран представителем в Совет землячеств университета.

В работе землячества участвовали и те, кто уже находился в поле зрения полиции: Л. Богораз, Н. Подбельский, С. Полянский, студенты Ветеринарного института И. Воскресенский, К. Выгорницкий, П. Дахно, Н. Мотовилов, А. Скворцов, а также высланные из Петербурга социал-демократки А. Амбарова, Ю. Белова. И контакты с ними Владимира были сразу же зафиксированы полицией. «Департамент придает особое значение, – сообщалось губернскому жандармскому управлению, – сношениям Богораз и Скворцова с Воскресенским, Константином Выгорницким и Владимиром Ульяновым, в особенности же с последними двумя, так как Выгорницкий был близок и состоял в сношениях с государственным преступником Андреюшкиным, казненным совместно с братом Владимира Ульянова по делу 1 марта 1887 года»¹.

Именно в это время – в июне – министр просвещения И. Д. Делянов издал циркуляр, вошедший в историю как «циркуляр о кухаркиных детях», который в несколько раз повышал плату за обучение в университетах и закрывал доступ в гимназии детям «низших сословий». Тогда же утвердили и Университетский устав, лишавший университеты остатков автономии и запрещавший сходки, собрания и любые студенческие организации. Одновременно существенно расширились права «инспекторов студентов», т. е., говоря современным языком, инспекторов «по режиму», которым фактически предоставлялись полицейские функции надзора и сыска.

Протест против указанных «нововведений» начался в университетах России с самого начала учебного года. Особого накала достиг он в ноябре. 23–25 ноября выступление московских студентов было жестоко подавлено полицией и казаками. Двоих студентов убили. В ноябре начались волнения и в Казани.

5 ноября студенты демонстративно бойкотировали торжественный акт годовщины университета. В последующие дни под видом танцевальных вечеров они собираются по квартирам, об-

¹ Красный архив. 1934. № 1. С. 65.

суждают план дальнейших действий и готовят листовки и петицию с требованием демократических реформ в университетах. На некоторых из этих встреч – как представитель симбирского землячества – присутствовал и Владимир.

А. М. Горький, работавший тогда в Казани, дал в «Моих университетах» коллективный портрет тамошнего студенчества: «Шумное сборище людей, которые жили в настроении забот о русском народе, в непрерывной тревоге о будущем России. Всегда возбужденные статьями газет, выводами только что прочитанных книг, событиями в жизни города и университета, они по вечерам сбегались в лавочку Деренкова со всех улиц Казани для яростных споров и тихого шепота по углам. Приносили с собой толстые книги и, тыкая пальцами в страницы их, кричали друг на друга, утверждая истины, кому какая нравилась... Я понимал, что вижу людей, которые готовятся изменить жизнь к лучшему, и хотя искренность их захлебывалась в бурном потоке слов, но – не тонула в нем... Часто мне казалось, что в словах студентов звучат мои немые думы, и я относился к этим людям почти восторженно, как пленник, которому обещают свободу»¹.

28 ноября в Казань приходит письмо из Москвы с информацией о расправе над студентами. Возбуждение достигает предела. 3 декабря утверждается окончательный текст петиции. На 4-е назначается сходка.

В одном из полицейских донесений сообщалось: «Ульянов Владимир... еще за два дня до сходки подал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курительной, беседуя с Зегрждой, Ладыгиным и др., уходил домой и снова возвращался, принося по просьбе других что-то с собой и вообще шушукаясь...»²

4 декабря к 11 утра в вестибюле, в шинельной и курилке стали собираться группы студентов. Около 12 с криками «На сходку, товарищи, на сходку!» они рассыпались по аудиториям, собирая всех в актовый зал. Двери его были заперты, но их взломали, и начался митинг. Сюда же пришла и большая группа студентов Ветеринарного института.

О том, какое настроение господствовало среди собравшихся, рассказал ставший позднее писателем участник событий Евгений Чириков: «До сих пор не могу забыть пережитых ощущений. Вся душа трепетала под наплывом особого гражданского

¹ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1951. Т. 13. С. 535–536.

² Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 93.

чувства и пылала жаждой гражданского подвига. Войди в зал солдаты и потребуй, под угрозами пуль, оставить зал, – мы не моргнули бы глазом и остались! Пропала логика разума, осталась только логика сердца. В каком-то экстазе я вскарабкался на кафедру и закричал, потрясая кулаками:

– Товарищи! Поклянемся, что мы все, как один человек, будем отстаивать наши требования, не предадим друг друга и, если будет нужно, принесем себя в жертву царящему произволу!

Дружный взрыв криков: «Клянемся!», поднятые к небу руки, какой-то вопль жаждущей подвига молодости... А затем – речи с разных пунктов огромного зала: с кафедры, со стульев, с подоконников...»¹

И тут в зале появился ненавистный «инспектор студентов» Потапов. Он стал угрожать войсками, полицией, и тогда студент-юрист К. Алексеев влепил ему пощечину. Потапов бежал, а явившемуся ректору Кремлеву вручили петицию, начинавшуюся словами: «Собрало нас сюда не что иное, как сознание невозможности всех условий, в которые поставлены русская жизнь вообще и студенческая в частности, а также желание обратить внимание общества на эти условия и предъявить правительству наши следующие требования...»²

Сходка завершилась около 16 часов. А помощники Потапова, служители и осведомители уже строчили свои отчеты. Буквально о каждом. И именно на их основе, характеризуя «зачинщиков», попечитель написал министру Делянову, что 4 декабря В. Ульянов «бросился в актовый зал в первой партии и вместе с Полянским первыми неслись с криком по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других; уходя же со сходки, отдал свой входной билет»³.

Дома он пишет прошение ректору: «Не признавая возможным продолжать мое образование в университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского университета»⁴.

На прошении он ставит дату – 5 декабря 1887 года. Однако в ночь на 5-е он был арестован и вместе с 40 другими студентами помещен в пересыльную тюрьму.

¹ Чириков Е. Цветы воспоминаний. Собр. соч. Т. XII. М., 1915. С. 48–49.

² Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 100.

³ Там же. С. 104.

⁴ Там же.

«Несмотря на арестантские халаты, в которые нас нарядили, на то, что большинство более суток не ели... на массу паразитов на нарах, — рассказывает участник сходки Е. Фосс, — среди молодежи царило радостное, веселое возбуждение, сочиняли прозой и стихами воззвания «на волю», пели революционные и просто студенческие песни, рассказывали о всевозможных эпизодах последних дней и пр. и пр. Владимир Ильич был все время молчалив, сосредоточен и не принимал никакого участия в общем оживлении. Кому-то пришлось в голову произвести «анкетный» опрос товарищей по заключению, кто что думает предпринять по освобождению... Когда очередь дошла до студента Ульянова... он после некоторой паузы, как бы очнувшись от задумчивости, слегка улыбнувшись, сказал, что перед ним одна дорога, дорога революционной борьбы». В другой публикации этих воспоминаний Е. Н. Фосс передает ответ Владимира точнее: «Мне что ж думать... Мне дорожка проторена старшим братом»... И сразу в камере стихли шум и смех... Жутко и неловко стало всем от этого простого, без всякой аффектации, ответа¹.

Размышляя над тем, что же определило жизненный путь Владимира Ульянова, некоторые авторы дают самый простой ответ: он мстил за повешенного брата. Но можно ли объяснять подобного рода выбор лишь причинами сугубо личного свойства?

А за кого мстила дочь петербургского генерал-губернатора Софья Перовская? Или орловский дворянин, генеральский сын Зайчневский? Или потомок старинного рода тверских дворян Михаил Бакунин? А Мартов и шестеро его братьев и сестер, выросших в достаточно благополучной семье?

Значит, существовали и иные мотивы, помимо сугубо «личных», определявшие жизненный выбор. И коль скоро речь идет о людях образованных, то несомненно, что один из них — интеллектуальные веяния данного времени, идеи и мысли, господствующие в обществе. А с тех пор как Петр Лавров в 1868 году написал о неоплатном долге перед народом, идея борьбы за его освобождение доминировала в среде передовой интеллигенции. Витала она и в той камере казанской пересыльной тюрьмы, в которую попал Владимир Ульянов.

В воскресенье, 6 декабря, освободили и выслали из Казани первую партию арестованных. Публика, собравшаяся у здания полиции, встречала их аплодисментами и приветственными кри-

¹ См.: Кондратьев И. Ленин в Казани. Изд. 2-е. Казань, 1962. С. 64; Первая тюрьма // Огонек. 1926. № 11.

ками, в сани летели пакеты с подарками. «...Общество, — писала Ольга Ульянова подруге, — отнеслось к студентам сочувственно: им прислали 300 рубл. в первые же дни арестов и высылки из Казани, также шубы и шарфы, потому что многим студентам не в чем ехать. Казанские дамы прислали им табаку и папирос, а гимназисты, особенно 1-й гимназии, отдавали все свои деньги, у кого были — часы, некоторые — даже свои шубы»¹.

7 декабря выпустили и Владимира. Он тоже высылался из Казани в Кокушкино, где с 23 июля 1887 года уже находилась под гласным надзором полиции старшая сестра Анна. Вечером того же дня вместе с матерью и сестрой Марией он выехал из Казани в санной кибитке. И до городской заставы их неотступно сопровождал полицейский чин, дабы убедиться, что приказ о «выдворении» исполнен.

КОКУШКИНО

В Кокушкине Владимир поселился во флигеле, в угловой комнате с окнами на север, где прежде жил Александр Петрович Пономарев² — друг А. Д. Бланка и второй муж его дочери Любови Александровны, за которого она вышла в 1870 году после смерти Александра Федоровича Ардашева.

В комнате стояла «деревянная койка на козлах, на стене полка с книгами, простой шкаф, два-три стула, складная табуретка, стол. Тут же, рассказывает Н. Веретенников, стоял у двери столлярный верстак: его хотели убрать, но Володя сказал, что убирать не надо — на него можно класть книги...»³.

Будущее представлялось весьма туманным. На семейном совете решили, что по прошествии некоторого времени надо будет попытаться либо восстановиться в Казанском университете, либо поступать вновь в любой другой российский университет. А пока Владимир мог сколько угодно играть на стареньком бильярде, стоявшем в самой большой комнате флигеля, читать, гулять, бродить по окрестным лесам, охотиться. Но ни бильярд, ни охота не заладились.

Поначалу, как бы вновь переживая случившееся, он находилась в крайне возбужденном, или, как пишет Анна Ильинична, в

¹ Кондратьев И. Ленин в Казани. С. 57.

² См.: Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 129.

³ Иванский А. Молодой Ленин. Повесть в документах и мемуарах. М., 1964. С. 416.

«повышенном настроении». Взявшись «с большим задором» за письмо приятелю с подробным рассказом о студенческой сходке, Владимир – как это часто бывает – именно теперь находил те самые слова, которые не были сказаны тогда. Он прохаживался по комнате, пишет Анна Ильинична, и «с видимым удовольствием» зачитывал «те резкие эпитеты, которыми он награждал инспектора и других властей предрежущих»¹.

Но письмо так и не было отправлено, возбужденное настроение прошло. А тут еще ударили январские морозы. И Владимир целиком погрузился в чтение, ибо содержимое книжных полок и шкафа Александра Петровича Пономарева было поистине примечательным.

«Кажется, никогда потом в моей жизни, – рассказывал Ленин зимой 1904 года Вацлаву Воровскому, – даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа. Я читал университетские курсы, предполагая, что мне скоро разрешат вернуться в университет. Читал разную беллетристику, очень увлекался Некрасовым, причем мы с сестрой состязались, кто скорее и больше выучит его стихов. Но больше всего я читал статьи, в свое время печатавшиеся в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Вестник Европы». В них было помещено самое интересное и лучшее, что печаталось по общественным и политическим вопросам в предыдущие десятилетия.

Моим любимейшим автором был Чернышевский. Все напечатанное в «Современнике» я прочитал до последней строчки, и не один раз... Я читал Чернышевского «с карандашиком» в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты. Тетрадки, в которые все это заносилось, у меня потом долго хранились. Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант – меня покорили. Узнав его адрес, я даже написал ему письмо и весьма огорчился, не получив ответа. Для меня была большой печалью пришедшая через год весть о его смерти... Существуют музыканты, о которых говорят, что у них абсолютный слух, существуют другие люди, о которых можно сказать, что они обладают абсолютным революционным чутьем. Таким был Маркс, таким же и Чернышевский».

Но эти слова о Марксе были сказаны зимой 1904 года. А тогда, в Кокушкине, зимой 1887/88 года Владимир о Марксе так

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 24–25.

еще не думал. «В бывших у меня в руках журналах, – рассказывал он, – возможно, находились статьи и о марксизме, например статьи Михайловского и Жуковского. Не могу сейчас твердо сказать – читал ли я их или нет. Одно только несомненно... они не привлекли к себе моего внимания, хотя благодаря статьям Чернышевского я стал интересоваться экономическими вопросами, в особенности тем, как живет русская деревня. На это наталкивали очерки В. В. (Воронцова), Глеба Успенского, Энгельгардта, Скалдина».

«Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли, и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса. От доски до доски были прочитаны великолепные очерки Чернышевского об эстетике, искусстве и литературе, и выяснилась революционная фигура Белинского. Прочитаны были все статьи Чернышевского о крестьянском вопросе, его примечания к переводу политической экономии Милля... Это оказалось хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу».

Но, повторяю, там, в Кокушкине, «встреча» с Марксом еще не произошла. В книжном шкафу покойного А. П. Пономарева его трудов не было. И «до знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова, – говорил Воровскому Ленин, – главное, подавляющее влияние имел на меня *только* Чернышевский, и началось оно с «Что делать?». Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления»¹.

При всех возможных неточностях этой записи В. В. Воровского ее значение неопределимо. Прежде всего, она перечеркивает многочисленные байки о том, что Ленин уже чуть ли не в гимназии стал марксистом и переводил на русский язык «Капитал» Маркса. Но главное даже не в этом. Она дает ключ к пониманию многих вопросов, связанных с формированием личности Ленина. Еще бы, ведь речь идет о том, «каким должен быть революционер» и «как к своей цели он должен идти...».

И вот, вдохновленный этой идеей, Н. В. Валентинов приступает к «реконструкции». Он перечитывает статьи Чернышев-

¹ Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 499–500.

ского и выделяет в них те места, которые, по его мнению, могли оказать столь мощное воздействие на юного Владимира. Но начинается он с романа «Что делать?».

Проштудировав 475 страниц романа, Валентинов извлекает из него следующий пассаж, который якобы не только утверждает «*исключительность*» революционеров, или, как выражался Чернышевский, «новых людей», но и ставит их *над* прочими «низкими людьми»: «Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней — теин в чаю, букет в благородном вине; от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли». И в этом акафисте «*избранности*» революционеров, полагает Валентинов, как раз и заключалась та главная идея романа, которая привлекла и «перепахала» Владимира Ульянова¹.

То, что людей, готовых бороться за свое и чужое человеческое достоинство, было в то время совсем немного, — это факт. В этом смог убедиться и сам Владимир. В 1887 году в Казанском университете обучалось 918 студентов. В сходке участвовали лишь 256, а уволили по прошению и исключили — 164². Так что элемент «исключительности» «протестантов» по отношению к общей студенческой массе и тут имел место.

Но при чем здесь «избранность», если Чернышевский постоянно повторяет в романе, что успеху «может служить только одушевление массы» и на той высоте, на которой стоят «новые люди», — «должны стоять, могут стоять все люди». И уж если говорить о главном, то ведь роман-то совсем о другом.

О том, что же делать тем, кто отвергает жизнь, основанную на несвободе, насилии и произволе. И о том, что нельзя обрести истинного душевного комфорта, если ты не осознал неразрывности личных интересов с общественными, если душа твоя не сопереживает, не разделяет судьбы своего отечества, если ты выгораживаешь свою жизнь из общего поля жизни своего народа и уходишь от «дел общественных». Ибо, как считал Чернышевский, без таких дел жизнь есть не что иное, как «злослышная пошлость или беспутная пошлость, в том и другом случае — бессмысленная пошлость».

¹ См.: Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 506, 507; ср.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. XI. С. 210.

² См.: Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 60, 110.

Заметил ли эту мысль романа Владимир? Видимо, да, ибо много лет спустя, как бы подводя некоторые итоги, он станет оценивать их именно по этой шкале и напишет, что судьбой его стала прежде всего борьба против пошлости – пошлости самой жизни, пошлости политиков, пошлости оппортунизма... И, как результат, – «ненависть пошляков из-за этого»¹.

Впрочем, чтение чужих мыслей: заметил – не заметил, оценил – не оценил – занятие малопочтенное и малопродуктивное. Особенно когда за ним легко угадывается желание во что бы то ни стало найти подтверждение собственных мыслей автора.

Но именно так происходит и с Валентиновым. В кругу кокушкинского чтения 18-летнего юноши он ищет то «чертово семя», которое через 30 лет явит миру «кровавого и безжалостного диктатора». И, препарируя статьи Чернышевского, Валентинов набирает коллаж цитат, которые, по его мнению, содержат апологию насилия и призывают не брезговать любыми средствами ради достижения поставленной цели.

«Великие люди, – цитирует он Чернышевского, – едва ли не потому только и бывают великими людьми, что спешат ковать железо, пока оно горячо... И Суворов, и Наполеон, да и все великие полководцы, начиная с Александра Македонского, известны тем, что *не жалели жертв* для одержания победы. Их сражения были вообще *страшно кровавопролитными*. Мы не хотим решать – хорошая ли вещь военные победы, но решайтесь – прежде чем начнете войну – *не жалеть людей*. То же самое надобно сказать и о всех *исторических делах*. Если вы боитесь или отвращаетесь тех мер, которых потребует дело, не принимайтесь за него»².

А вот и другая цитата: «Политический вождь должен быть решительным и, раз поставив себе определенную цель, *идти беспощадно до конца*». Вот, заключает Валентинов, «чему наставлял Чернышевский, иначе говоря, чему у него учился Ленин»³.

Цитаты, как говорится, «крутые», и метод анализа, предложенный Валентиновым, казалось бы, вполне оправдывает себя. Но попробуйте выйти за рамки предложенного им цитатного коллажа – и выводы его сразу же станут более чем сомнительными.

Возьмите, к примеру, предисловия к томам и комментариев Чернышевского к переведенной им «Всеобщей истории» Вебера. Из тома в том Николай Гаврилович не только отвергает деспотическую власть, подавляющую народ, не только выступает

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 340.

² Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 530.

³ Там же. С. 528.

против милитаризма, против «восхищения дурным и восхваления злодейств». Он утверждает, что опыт мировой истории свидетельствует: насилие, даже если оно приводит к намеченной цели, не проходит бесследно для самих насильников.

Так, германские племена, завоевав Римскую империю, заплатили за это непомерно высокую цену, ибо многие из них в ходе войн были истреблены полностью. Монголы Чингисхана, пришедшие для покорения Европы, частью погибли при завоевании России, а остальные были разбиты оправившимися от поражений русскими. Точно так же испанцы, опустошившие в свое время Запад, в конце концов разорились сами и наполовину вымерли от голода. И наконец, славные французы, завоевавшие при Наполеоне Европу, все-таки потерпели в 1814 году поражение и в последующие годы подверглись разорению и национальному унижению.

Принципиальный вывод Чернышевского, сформулированный явно в пику российскому самодержавию, состоит в том, что отнюдь не всякое средство ведет к цели, что в середине XIX столетия «даже турецкое правительство отказалось от попыток доставлять своему народу что-нибудь хорошее насилием над ним»¹.

Статьи Чернышевского, как и его роман «Что делать?», были написаны не только *в свое время*, но и *для своего времени*. И когда тот же Валентинов, в присутствии Веры Ивановны Засулич, заявил, что ему непонятно, почему люди ее поколения видели в Чернышевском «учителя жизни», она ответила:

— А вы его знаете?..

— Почему же не знаю, читал его, как все, и того, что вы и, например, Ленин в нем находите, не нашел...

— Не знаете, не знаете, не знаете, — упрямо твердила Засулич. — И вам трудно это знать. Чернышевский, стесненный цензурой, писал намеками, иероглифами. Мы умели и имели возможность их разбирать, а вы, молодые люди девятисотых годов, такого искусства лишены. Читаете у Чернышевского какой-нибудь пассаж, и вам он кажется немым, пустым листом, а за ним в действительности большая революционная мысль... Был в обращении, можно сказать, некий шифр для ясного понимания того, что, по принуждению, он выражал прикрито и очень темно. Такого шифра у вас ныне нет, а если нет, Чернышевского вы не знаете, а раз не знаете, то и не понимаете...²

¹Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 287–288; Вебер Г. Всеобщая история. Т. 10. М., 1888. С. XXXVII.

²См.: Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 78–79.

И уж если в этой связи опять вернуться к «Что делать?», станет понятным, почему современники менее всего обольщались художественными достоинствами романа. Замечание Валентинова о том, что Ленин якобы ставил язык Чернышевского «в один ряд с языком Толстого и Тургенева», бьет мимо цели. Не за «высокую прозу» почитали его. И роман стоял совсем в ином ряду, где существовала своя система ценностей. И поэтому, как справедливо заметила Крупская, Владимир Ильич любил «Что делать?» – «несмотря на малохудожественную, наивную форму его»¹.

А жизнь между тем шла своим чередом. И, рассказывая Воровскому о круге кокушкинского чтения, Ленин все-таки на первое место поставил «университетские курсы». Мысль о продолжении образования не покидала его. И уже 9 мая 1888 года Владимир и Мария Александровна направляют в Петербург два прошения: он – министру просвещения И. Д. Делянову, она – директору Департамента полиции П. Н. Дурново. В обоих просьба разрешить «бывшему студенту В. Ульянову» вновь поступить в Казанский университет.

Оба прошения отклоняются, а попечитель Казанского учебного округа поясняет, что родной брат казненного государственного преступника Александра Ульянова – «ни в нравственном, ни в политическом отношении лицом благонадежным пока быть не может»².

15 июля Мария Александровна вновь обращается с прошением к графу Дурново. Но Департамент полиции и на сей раз отклоняет просьбу, считая, что прием В. Ульянова в Казанский университет преждевременен³.

В конце августа в Казань приезжает сам министр просвещения Делянов, и 31-го Марии Александровне удается лично вручить ему еще одно прошение – о приеме Владимира в любой из российских университетов. «Сын, – пишет она, – единственная опора моей старости и троих меньших детей, оставшихся сиротами после смерти их отца, прослужившего 30 лет по министерству народного просвещения...» Ответа долго ждать не пришлось. Уже 1 сентября министр наложил резолюцию: «Ничего не может быть сделано в пользу Ульянова»⁴.

Тогда 6 сентября того же 1888 года Владимир пишет новое прошение на имя министра внутренних дел: «Для добывания

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 600.

² Красная летопись. 1924. № 1. С. 55.

³ См.: Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 128.

⁴ Там же.

средств к существованию и для поддержки своей семьи я имею настоятельную надобность в получении высшего образования, а потому, не имея возможности получить его в России, имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство разрешить мне отъезд за границу для поступления в заграничный университет»¹.

Но и на эту просьбу Владимир получает отказ. Мало того, еще 19 августа, по решению административного отдела кабинета министерства императорского двора, его имя вносится в секретную книгу лиц, коим навсегда запрещалась государственная служба².

Размышляя о тех факторах, которые формировали молодого Владимира Ульянова, необходимо, видимо, учитывать не только круг его чтения и знакомств, но и ту самую политику властей, которую он испытывал на себе. Позднее, в связи со студенческими волнениями 1901 года, Ленин напишет: «Поразительное несоответствие между скромностью и безобидностью студенческих требований – и переполохом правительства, которое поступает так, как будто бы топор был уже занесен над опорами его владычества»³. Точно так же и после казанской университетской сходки 1887 года «протестантам» власть имущие фактически не оставляли выбора. Своей бездушной казенной тупостью, ломая людские судьбы, они сами плодили своих непримиримых врагов.

Впрочем, и путь противостояния режиму не сулил Владимиру розовых перспектив. Казнь брата служила тому достаточным предостережением. Да и самое мирное, сугубо просветительское «хождение в народ», даже если оно не кончалось арестом и ссылкой, могло вызвать лишь разочарование тщетностью усилий и мизерностью результатов. И об этом Владимир тоже знал не из литературы...

Летом 1888 года в Кокушкино приехала умирать его двоюродная сестра Анна Ивановна Веретенникова. Она и в прежние годы не раз бывала здесь, приезжала в Симбирск, и Владимир всегда внимательно слушал ее рассказы. Подобно героине «Что делать?» Вере Павловне, Анна Ивановна стала одной из первых в России женщин-медиков. Она отвергла предложение остаться при петербургской клинике и уехала земским врачом в глухой Белебеевский уезд Уфимской губернии. Работать, работать и работать, облегчая долю народную...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 553.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 38.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 392.

«Передумать и переиспытать во время моей службы в земстве, — рассказывала Анна Ивановна, — пришлось много, страшно много. Дверь моей избы не затворялась с утра до вечера. У меня перебивалась масса хронических больных с нагноениями, костоедой, застарелыми язвами, сифилисом, глазными болезнями. Ежедневно приходило человек тридцать — сорок, страдающих лихорадкой, с просьбой дать им горького лекарства. Так они называли хинин. Но один из членов земской управы — передаю буквально его слова — сказал, что дорогие лекарства, как, например, хинин, «вредны для мужика, потому что у него натура грубая, и, чем грубее, а главное, дешевле лекарство, тем благотворнее должно на него действовать». Врачи не имели ни медикаментов, ни инструментов и, как большинство земских служащих, по несколько месяцев не получали содержание»¹.

Там, в деревне, она заболела чахоткой и вот теперь гасла буквально на глазах. 25 июля 1888 года Анна Ивановна скончалась, а 27-го ее хоронили, и Владимир бросил в могилу горсть земли².

«МУТНЫЙ ДОКЛАД»

В начале сентября Ульяновы вернулись в Казань всей семьей. Ходатайства Марии Александровны о необходимости лечения Анны Ильиничны возымели действие. Разрешили вернуться и Владимиру. Ссылка закончилась. И с 12 сентября они поселились в двухэтажном флигеле дома Орловой на Первой горе Арского поля. «Квартира большая, светлая, только что отделанная; при ней порядочный садик...» — писала Ольга Ильинична подруге. Кухни было две — на первом и втором этаже. И лишнюю кухню на первом занял Владимир. Она была уединенней и удобней для занятий, чем верхние комнаты. Ну а ненужную плиту застелили газетами, так что получился как бы второй стол помимо кухонного³.

Но тянуло Владимира в эти дни совсем не к занятиям. Именно в начале октября он получил официальное уведомление о запрете выезда за границу для продолжения образования, и садиться после этого опять за учебники настроения не было. Впрочем, и сама Казань — после вынужденного кокушкинского затворничества — казалась чуть ли не Парижем.

¹ Яковлев Е. Жизни первая треть. С. 46.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 38.

³ См.: Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 141.

Как раз в это время здесь гастролировала оперно-балетная труппа под руководством дирижера Александра Орлова-Соколовского. И ее солистом был знаменитый в те годы драматический тенор Юлиан Закржевский, выступавший на сценах Москвы и Варшавы, Венеции и Праги. Его считали кумиром молодежи — особенно студентов и курсисток. После спектаклей они буквально носили Юлиана на руках, а иной раз выпрягали лошадей и сами катили экипаж по ночным улицам.

Вершиной его творчества считалась партия Егiazара в опере Фромантала Галеви «Жидовка», известной в современном репертуаре под названием «Дочь кардинала». И именно эту оперу слушал в октябре 1888 года Владимир.

Дмитрий Ильич рассказывает, что зал был переполнен, и сидели они «где-то высоко на галерее». Появление Закржевского на сцене поклонники его таланта встретили такой овацией, что пришлось на несколько минут прервать действие. Прошла опера прекрасно, и домой Владимир вернулся «под впечатлением слышанной музыки и... в чрезвычайно приподнятом настроении». Он все время напевал понравившиеся ему мелодии, и в частности арию Егiazара «Рахиль, ты мне дана...»¹.

Много лет спустя, 9 февраля 1901 года, он напишет матери из Мюнхена: «Был на днях в опере, слушал с великим наслаждением «Жидовку»: я слышал ее раз в Казани (когда пел Закржевский) лет, должно быть, 13 тому назад, но некоторые мотивы остались в памяти»².

А 7 ноября с сестрой Ольгой они слушали «Фауста» Шарля Гуно. И опять многие мелодии этой оперы остались в памяти на всю жизнь. Особенно запомнилась каватина Валентина: «Бог всесильный, бог любви...» Впрочем, одно место он переиначил и напевал всегда по-своему:

*Там, в кровавой борьбе в час сраженья,
Клянусь, буду первым я в первых рядах...³*

После возвращения из Кокушкина Владимир начинает посещать и казанский шахматный клуб. Играть в шахматы он начал лет восьми-девяти. Играл с отцом, старшим братом, а поскольку Илья Николаевич всегда обыгрывал, достали они серьезное

¹ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 108.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 202.

³ См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. Воспоминания современников. Куйбышев, 1960. С. 35.

руководство по шахматной игре и после этого стали уже выигрывать не только у всех приятелей, но и у отца.

Теперь, в шахматном клубе, он встретил немало достойных соперников. Но особенно увлекла его игра по переписке с известным самарским адвокатом А. Н. Хардиным, знакомым с семьей Ульяновых еще по Нижнему Новгороду. По мнению М. И. Чигорина, Хардин принадлежал к числу сильнейших шахматистов России, и каждый раз, получая по почте его очередной ход, Владимир долго размышлял над ним, пытаясь разгадать логику противника. Эту партию он проиграл, но удовольствие получил огромное.

Его младший брат Дмитрий, сам заядлый шахматист, писал: «Обычно наблюдается обратное – больше нравится выигрывать, хотя бы и без особых усилий и труда. Владимир Ильич смотрел иначе: у него главный интерес в шахматах состоял в упорной борьбе, чтобы сделать наилучший ход, в том, чтобы найти выход из трудного, иногда почти безнадежного положения; выигрыш или проигрыш сами по себе меньше интересовали его. Ему доставляли удовольствие хорошие ходы противника, а не слабые»¹.

С годами увлечение шахматами постепенно уходит на второй план. Другие дела и заботы оттесняют. К тому же он был, видимо, вполне согласен с мнением Лессинга о шахматах: «Для игры слишком много серьезности, для серьезного слишком много игры...» Вот и тогда, в Казани, встретив прежних знакомых по университету, познакомившись с новыми людьми, Владимир целиком погружается в бурную общественную жизнь казанского студенчества.

За те месяцы, которые он провел в Кокушкине, в этой среде произошли кое-какие важные перемены. Помимо землячеств здесь стали возникать кружки, ставившие своей целью политическое саморазвитие и самообразование студенчества. В кружках этих все еще доминировали разные оттенки народничества и народовольчества. Но все больше давало знать о себе и новое – марксистское направление. И связано оно было с именем Николая Евграфовича Федосеева, одним из первых в Поволжье провозгласившего свою принадлежность к марксизму.

О заседании одного из казанских кружков того времени рассказывал в «Моих университетах» Горький: «В углу зажгли маленькую лампу. Комната – пустая, без мебели, только – два ящика, на них положена доска, а на доске – как галки на заборе –

¹ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 25.

сидят пятеро людей... На полу у стен еще трое и на подоконнике один, юноша с длинными волосами, очень тонкий и бледный. Кроме его и бородача, я знаю всех. Бородатый басом говорит, что он будет читать брошюру «Наши разногласия», ее написал Георгий Плеханов, «бывший народоволец».

Во тьме на полу кто-то рычит:

– Знаем!

Таинственность обстановки приятно волнует меня; поэзия тайны – высшая поэзия. Чувствую себя верующим за утренней службой во храме и вспоминаю катакомбы первых христиан. Комнату наполняет глуховатый бас, отчетливо произнося слова.

– Ер-рунда, – снова рычит кто-то из угла...

В комнате гудят пониженные голоса, они сцепились в темный хаос горячих слов, и нельзя понять, кто что говорит...

– Ренегат!

– Медь звенящая!..

– Это – плевок в кровь, пролитую героями.

– После казни Генералова, Ульянова...

С подоконника раздается голос юноши:

– Господа, – нельзя ли заменить ругательства серьезными возражениями, по существу?

... Юноша, наклонясь с подоконника, спрашивает меня:

– Вы – Пешков, булочник? Я – Федосеев. Нам надо бы познакомиться. Собственно – здесь делать нечего, шум этот – надолго, а пользы в нем мало. Идемте?»¹

Именно Федосеев составлял для кружков саморазвития программы чтения марксистской литературы, обзоры и рефераты по проблемам истории и социально-экономического развития России. Среди квартир, где под видом студенческих вечеринок Николай Евграфович проводил занятия кружков, была и квартира Л. А. Ардашевой-Пономаревой, тетки Владимира, но в этот кружок он не ходил и с Федосеевым лично знаком не был, хотя и слышал о нем².

– Фигура Федосеева настолько ярка, что для тех, кто изучал биографию Ленина этих лет, она как бы заслонила другие лица. А между тем на «втором плане» оказались люди, чья роль в судьбе молодого Владимира Ульянова стала довольно примечательной.

Среди новых его знакомых была вдова штабс-капитана Мария Павловна Четвергова (урожденная Орлова). Хотя к этому времени ей уже перевалило за 40, Мария Павловна, как старая

¹ Горький М. Собр. соч. Т. 13. С. 565, 566.

² См.: Нафизов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 146, 151.

народоволка, пользовалась среди казанской молодежи большим авторитетом. Еще в 1871 году она поступила в Цюрихский университет, затем училась в Вене и, получив диплом акушерки, в 1875-м вернулась в Россию. Тогда же ее арестовали по обвинению в пропаганде, выслали в Вятскую губернию и лишь в 80-е годы разрешили поселиться в Казани¹.

Вокруг Четверговой сложился народовольческий кружок, входивший в так называемую Сабунаевскую организацию. Впрочем, использовали квартиру Марии Павловны на Старо-Горшечной улице и студенческие кружки саморазвития Федосеева². Частенько заходил сюда и Владимир, которого с хозяйкой квартиры более всего сближала любовь к Чернышевскому. Они могли часами обсуждать его статьи, тончайшие оттенки тех или иных мыслей. «Я не знаю другого человека, – говорил позднее Ленин Крупской, – с которым было бы столь приятно и поучительно, как с Четверговой, беседовать о Чернышевском»³.

И вот зимой 1888/89 года на ее квартире Владимир услышал доклад студента Михаила Мандельштама о «Капитале» Маркса.

Карл Радек вспоминал, как «в 1915 году на прогулках за Берн, над синей Аарой, Владимир Ильич, будучи в хорошем задумчивом настроении, рассказывал многое из своей революционной молодости. Многие из его рассказов я забыл, многое конкретное из того, что я запомнил, улетучилось...». Но самый первый эпизод запомнился. «Ильич, – пишет Радек, – попал в народовольческий кружок. Там в первый раз он услышал о Марксе. Читал доклад студент Мандельштам, будущий кадет, и развивал в докладе взгляды «Освобождения труда». Доклад был очень мутный, но все-таки, как сквозь туман, Ильич увидел в нем мощную революционную теорию. Он добыл первый том «Капитала», который открыл ему новый мир...»⁴

Радек был известным острословом и ради «красного слова» вполне мог несколько «расцветить» эту историю. О Марксе, к примеру, Владимир слышал, еще будучи гимназистом, потом студентом. «Капитал» видел у брата. Но тогда это как бы проскакивало мимо. И вот теперь, после «кокушкинских чтений», лекция, видимо, действительно произвела впечатление.

¹ См.: *Зильберштейн И. С.* Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 205–206.

² См.: *Нафигов Р. И.* ...И стал убежденным марксистом. С. 160.

³ *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... С. 460–461.

⁴ *Радек К. Б.* Из рассказов тов. Ленина о его вступлении в революционное движение // *Рабочая Москва*. 1924. № 92.

Сам Михаил Львович Мандельштам узнал обо всем этом, уже будучи известнейшим адвокатом, из публикации Радека в 1924 году. В свое время он учился в Петербурге, дружил с Александром Ульяновым, в 1886 году был арестован и выслан на родину в Казань. Здесь он руководил кружками учащихся, а после декабрьской сходки 1887 года его выслали в Симбирск с запретом проживания в университетских городах.

«Но начиная с зимы 1888/89 г., – рассказывал Мандельштам, – я начал нелегально наезжать в Казань и возобновил занятия в своих кружках. Теперь уже больше внимания я уделял политической экономии, особенно же отличались мои занятия этого периода от предыдущего тем, что главное внимание я начал уделять знакомству моих слушателей с творениями Маркса.

Наши собрания с зимы 1888/89 г. происходили главным образом в пригородном саду «Швейцария», а также на квартире пользовавшейся тогда в Казани большим авторитетом старой народницы – Четверговой... Около Четверговой группировалось несколько старых народников и отчасти учащаяся молодежь... Из моих же товарищей в этом кружке бывал Евгений Чириков, также высланный на два года (в Астрахань) и часто наезжавший тайком в Казань. Чириков в это время был еще народником, и мне приходилось спорить с ним о необходимости террора, о необходимости борьбы не только экономической, но и политической. Вообще же в кружке кроме занятий часто разговоры обращались в споры о народниках и народниках, а также о социал-демократах (вернее, о группе «Освобождение труда»).

Основная группа моих слушателей была студентами Казанского университета, отчасти и Ветеринарного института, но нередко бывали случаи, когда приходила молодежь, фамилий которых я и не знал. В тогдашней Казани было несколько кружков, смутно догадывавшихся о существовании друг друга. Но зато в самих кружках – в целях конспирации – создавалось положение, при котором фамилии участников оставались неизвестными друг другу... Лишь теперь я узнал, что в числе моих слушателей в конспиративном кружке в Казани в зиму и весну 1888/89 г. был Ленин»¹.

Если прочесть брошюру М. Л. Мандельштама «Интеллигенция как категория капиталистического строя», изданную им в Казани зимой 1890 года, то станет понятным, почему Ленин мог шутя назвать его лекцию «мутной»: достоинства и недостатки автора брошюры вполне очевидны. Но сам Михаил

¹ Зильберштейн И. С. Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 205–207.

Львович на упрек в «мутности» ответил весьма остроумно: «При всей «мутности» моих лекций, именно они впервые направили Ленина на изучение Маркса. Полагаю, что это не так плохо и что даже если б это было единственным результатом моей работы, то моя политическая жизнь была бы оправдана...»

Другой мой слушатель, ныне уже старый большевик, Стопани, так отзывался о тех же лекциях: «Первый ценный урок из кладезя марксизма большинство нашей группы молодых студентов получили от обладавшего достаточной по тому времени марксистской эрудицией присяжного поверенного М. Л. Мандельштама (потом левый кадет в Москве)...»

Но Мандельштам тут же самокритично добавляет: «Ленин был прав, назвав мои лекции «мутными». Не говоря уже о том, что в то время русский марксизм был в зародыше, на моем марксизме не могла не отразиться еще идеология «Народной воли»... Мы не имели ни программы, ни руководителей, ни даже литературы. Мы должны были... сами прокладывать себе путь»¹.

Организационно Владимир не входил ни в кружок Четверговой, ни в кружок Мандельштама. Он продолжает заниматься самостоятельно, общаясь с теми, кто, подобно ему, осваивал марксистскую теорию. На этой почве складывается свой круг товарищей. И Анна Ильинична утверждает, что «в этом кружке руководителя не было: молодежь совершенно самостоятельно искала свою дорогу»².

«Капитал» Владимир штудировал по русскому изданию 1872 года. «Нищету философии» с сестрой Ольгой читали на французском. Но более всего приходилось переводить Маркса и Энгельса с немецкого. Чтение отдельных работ не давало, однако, цельного представления о марксизме. И вот в ту же зиму 1888/89 г. ему попадает в руки программа, составленная Федосеевым.

Подобные программы являли собой в те годы особый и весьма почитаемый вид нелегального творчества революционеров. Их начали составлять еще народники. В систематизированном виде давались списки – зачастую довольно подробно аннотированные – по самым различным вопросам, в том числе по философии, политэкономии, истории, естествознанию, а также перечень художественной литературы; все это должно было способствовать выработке не только научного, но и социально-этического «цельного мировоззрения».

¹ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 15.

² Деятели СССР и революционного движения в России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 501.

Марксистские программы такого рода пытались создать в те годы во многих городах – в Петербурге, Киеве, Тамбове, Челябинске. В Уфе ее писал ссыльный В. Н. Крохмаль. В Харькове – Ф. А. Липкин-Череванин. В Вологде – будущий философ Н. А. Бердяев¹. Но в Поволжье наиболее известной стала «Казанская программа», составленная Н. Е. Федосеевым осенью 1888 года².

А. М. Горький, посещавший федосеевский кружок и получивший эту программу от Николая Евграфовича, рассказывал Валентинову в 1915 году: «Каталог Федосеева был, на мой взгляд, кладом премудрости, но я не интересовался тогда марксистской теорией, к тому же сей каталог мне был не по зубам. Я повертел его, перелистал... и отослал его обратно»³.

Но когда в 1908 году на Капри Горький рассказал об этом Ленину, тот ответил, что «лучшего пособия в то время никто бы не составил» и именно эта работа Федосеева, содержащая помимо Маркса и Энгельса конспект основных изданий группы «Освобождение труда», оказала ему «огромную услугу» и открыла «прямой путь к марксизму»⁴.

Если это так, то становится понятным, почему 17-летнего Федосеева Ленин всегда уважительно называл только по имени и отчеству, а в конце жизни – зимой 1922 года – написал, что «для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»⁵.

Радек, передавая слова Ленина, писал, что прочитанный до того «Капитал» Маркса открыл Владимиру «новый мир, но он не нашел там еще ответа на специально русские вопросы»⁶. Теперь издания группы «Освобождение труда», и прежде всего работы Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», приблизили его к ответам и на эти вопросы. Читанное у Маркса постепенно как бы обретало российскую почву.

Остается добавить, что к разработке «Казанской программы» был, видимо, причастен еще один человек. «В 1888 году, – вспо-

¹ См.: Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 491.

² См.: Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 156.

³ Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 492.

⁴ См. там же. С. 493–494.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 324–325.

⁶ Рабочая Москва. 1924. № 92.

минал М. Г. Григорьев, — все настойчивее среди молодежи начал проявляться в Казани интерес к имени Маркса, причем в связи с разговорами о марксистском направлении начали произносить не вполне конспиративно и имя Н. Е. Федосеева и очень конспиративно имя литератора и статистика П. Н. Скворцова»¹ — одного из пионеров российского марксизма, первым бросившего перчатку народничеству в легальной прессе.

В достаточно пестрой галерее марксистов этого поколения Павел Николаевич представлял собой фигуру достаточно яркую и колоритную. «Аскет, — пишет знавший его Горький, — он зиму и лето гулял в легком пальто, в худых башмаках, жил впроголодь и при этом еще заботился о «сокращении потребностей» — питался в течение нескольких недель одним сахаром, съедая его по три осьмых фунта в день — не больше и не меньше... Он был весь какой-то серый, а светло-голубые глаза улыбались улыбкой счастливого, познавшего истину в полноте, недоступной никому, кроме него. Ко всем инаковерующим он относился с легким пренебрежением, жалостливым, но не обидным»².

С марксизмом Скворцов познакомился под влиянием киевского профессора Н. И. Зибера, воспринявшего экономическую теорию Маркса, но оставившего в тени его революционные выводы. Изучение «Капитала» стало буквально страстью Павла Николаевича. Он знал «чуть ли не наизусть целые страницы и мог часами составлять разные схемы, следуя за формулами, набросанными Марксом...»³.

Именно он и помог Федосееву в более углубленном изучении марксистской теории. Находясь под надзором полиции и работая статистиком в казанском, а затем нижегородском земстве, Павел Николаевич писал статьи для «Волжского вестника», «Казанского биржевого листка», в столичные издания, и его выводы о путях развития капитализма в России, о дифференциации российского крестьянства, наносившие удары по признанным столпам народничества, имели самый широкий резонанс, особенно в Поволжье. А когда в 1893 году Скворцов сумел переслать некоторые свои статьи Энгельсу, его авторитет в российской марксистской среде еще более возрос⁴.

¹ Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 58.

² Горький М. Собр. соч. Т. 15. С. 28.

³ Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 481–482; Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 58.

⁴ См.: Пролетарская революция. 1923. № 8. С. 58; Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 188–205.

Исследователь Г. Л. Бешкин, встречавшийся с Павлом Николаевичем в 1929 году, писал: «Чуждачества Скворцова проистекали от того, что он постоянно вел жизнь «умственного пролетария»; перебиваясь изо дня в день случайной работой, заменяя нередко обеды табаком и прогулкой, он производил странное впечатление на сталкивавшихся с ним людей своими нигилистическими манерами, скромной, иногда небрежно напяленной рубашкой, окруженный облаками табачного дыма, постоянно суетящийся над своими статистическими исследованиями... Он подходил к марксизму как к Евангелию, которое открыло истину»¹.

В 1904 году, когда Ленин стал говорить молодым большевикам о том, что он «начал делаться марксистом после усвоения 1-го тома «Капитала» и «Наших разногласий» Плеханова», Валентинов спросил его: «Когда это было?» И услышал: «Могу вам точно ответить: в начале 1889 года, в январе»².

Тогда, в Казани, ощущение постижения им «великой истины» глубоко волновало Владимира. «Помню, – рассказывает Анна Ильинична, – как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам»³.

И это – не только «рациональное», но и «эмоциональное» чувство – осталось на всю жизнь. Зимой 1917 года Ленин напишет Инессе Арманд: «Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это – настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить»⁴.

САМАРА

Новые связи и контакты Владимира не остались незамеченными полицией. Негласный надзор усилился, и губернское жандармское управление зафиксировало его «знакомство с подозрительными лицами», а также с «личностями, замеченными в по-

¹ Нижегородский краеведческий сборник. Т. 2. Н.-Новгород, 1929. С. 199.

² Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 186.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 26.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 378.

литической неблагонадежности». Отметим и его принадлежность к «марксистскому направлению»¹.

Домой своих новых знакомых Владимир, как правило, не ходил, догадываясь, что за ним следят. Да и мать не хотел беспокоить. Но она очень быстро поняла, что сыну вновь грозит опасность.

В январе 1889 года по доверенности, полученной от Ульяновых, жених Анны Ильиничны Марк Тимофеевич Елизаров покупает хутор близ деревни Алакаевки Богдановской волости Самарского уезда и губернии. За 83,5 десятины большей частью непахотной земли и мельницу, сдававшуюся в аренду местному крестьянину Алексею Евдокимову, прежнему владельцу хутора золотопромышленнику К. М. Серебрякову было уплачено 7 тысяч 500 рублей, то есть все деньги, вырученные от продажи дома в Симбирске, и часть накоплений².

Совершая эту покупку, мать тайне надеялась, что в случае, если Владимиру так и не дадут возможности получить высшее образование, он вместе с Марком Тимофеевичем – урожденным крестьянином – увлечется ведением хозяйства и это станет не только подспорьем в семейном бюджете, но и отвлечет от «нежелательных знакомств».

Впрочем, в апреле 1889 года Мария Александровна вновь предпринимает попытку добиться разрешения на выезд Владимира за границу для продолжения учебы. Он проходит медицинское обследование и 29 апреля получает справку, подписанную профессором Казанского университета Николаем Ивановичем Котовщиковым о том, что страдает болезнью желудка и нуждается в лечении щелочными водами за границей. Соответствующее прошение о выдаче загранпаспорта подается губернатору. И уже 14 июня следует категорический отказ: «Лечиться можно и на Кавказе»³.

Однако адресата он в Казани уже не застал. 3 мая семья Ульяновых уехала в Алакаевку. И, надо сказать, вовремя.

В мае в Казани начинаются обыски и аресты. А 13 июля в деревне Ключищи арестовывают Н. Е. Федосеева, потом еще нескольких «кружковцев», ходивших к М. П. Четверговой⁴.

Николая Евграфовича более чем на двухлетний срок бросают в тюрьму. И позднее Ленин, не без основания, напишет: «Весной 1889 года я уехал в Самарскую губернию, где услышал в

¹ Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 144, 161.

² См.: Зильберштейн И. С. Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 210.

³ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 41.

⁴ См.: Нафигов Р. И. ...И стал убежденным марксистом. С. 155.

конце лета 1889 года об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани»¹.

Но, уйдя от ареста, Владимир так и не избежал полицейского надзора. «4 минувшего мая, — сообщали самарские жандармы в Департамент полиции, — прибыла состоящая под гласным надзором полиции дочь действительного статского советника Анна Ульянова на хутор при дер. Алакаевке... Вместе с ней прибыли ее мать, сестры Ольга и Марья, брат Владимир, состоящий под негласным надзором полиции, и бывший студент, сын крестьянина Марк Тимофеевич Елизаров, человек сомнительной политической благонадежности. У Ульяновых Елизаров состоит в качестве доверенного по делам и управляющего их хозяйством»².

«Управляющим» Марк Тимофеевич, конечно, не был, но, как человек более опытный, он действительно взял на себя обустройство хутора. Тем более что именно в это время он стал полноправным членом семьи Ульяновых.

С Александром и Анной Ульяновыми Марк познакомился еще в Петербурге, в поволжском землячестве, когда учился в университете. В 1886 году, после его окончания он проработал год в столице, а в 1887-м вернулся в Самару, где поступил на службу в Казенную палату. Роман с Анной у него начался еще в Питере. И вот теперь решили сыграть свадьбу. 28 июля в соседнем селе Тростянки Владимир присутствовал при их венчании в качестве свидетеля.

Поначалу действительно занялись хозяйством. Купили лошадь Буланку, корову, посеяли пшеницу, гречиху, подсолнух. Но дело не заладилось. И причиной тому была крайняя нищета окрестных крестьян, оставшихся после отмены крепостного права с крошечными наделами, которые никак не могли прокормить их. Кстати сказать, жизнь и быт соседних деревень — Сколково, Заглядино и Гвардейцы — в известном рассказе «Три деревни» блистательно описал Глеб Успенский, гостивший в Сколкове у Сибирякова. Точно так же жили и в Алакаевке, где на 34 двора приходилось лишь 65 десятин пахотной земли. Мизерными были и урожаи: в хорошие годы рожь — сам-4—5, а овес — сам-4³.

Эта беспросветная нужда неизбежно порождала конфликты вокруг аренды земли, тощая деревенская скотина нередко за-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 324.

² Красная летопись. 1925. № 2. С. 150.

³ См.: Блюменталь И. И. В. И. Ленин в Самаре. Самара, 1925; Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 160.

ходила на хуторские посе­вы, а судиться с крестьянами за потра­вы никому из Ульяновых ни малейшего удовольствия не доставляло. И позднее Владимир Ильич рассказывал Крупской: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальными становятся»¹. А когда у Ульяновых украли корову, то решили, что с этим «фермерским опытом» надо кончать, и на следующий год сдали всю землю в аренду некоему Крушвицу².

Вот так на протяжении последующих четырех лет Алакаев­ка и стала для Ульяновых постоянной и любимой «летней резиденцией». Преобладающим элементом здешнего ландшафта была степь. Но именно под Алакаевкой начинался так называемый Муравельный лес, где было много дикой малины. А даль­ше – Гремячий лес, где можно было и поохотиться.

Жили в старом одноэтажном деревянном доме, к которому примыкал густой и запущенный сад, обрывом спускавшийся к ручью. Минутах в десяти от дома, у мельницы, был пруд, куда ходили купаться.

В саду у каждого был свой уголок. «Олин клен», говорили Улья­новы, и верно – у старого клена, обычно с книгой, можно было застать Ольгу. Анна больше любила березовую аллею. В тени старых лип устроил свой «кабинет» Владимир: вырыли в землю дощатый стол, скамейку, соорудили турник. Здесь он про­водил время за книгами: до обеда читал университетские кур­сы, после – политическую литературу или беллетристику. Имен­но тогда у него появилась привычка ходить во время работы, обдумывая прочитанное, и очень скоро он протоптал в своем «кабинете» дорожку в 10–15 шагов.

Вечерами на крыльце ставили самовар, зажигали керосино­вую лампу и либо читали – иногда вслух, – либо пели. Особой популярностью пользовались романсы. Например, «У тебя есть прелестные глазки» на слова Гейне или «Свадьбу» Даргомыж­ского, которые под аккомпанемент Ольги пел Владимир. А иног­да дуэтом они пели «Нелюдимо наше море...» Языкова. Неред­ко складывался и общий семейный хор, где тон задавал Марк Елизаров³.

Мария Александровна радовалась, что все так ладно и спо­койно и что Владимир, несмотря на все отказы, столь серьезно относится к будущим университетским экзаменам.

¹ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 12.

² См. там же. С. 160.

³ См. там же. С. 13, 15, 19, 20, 34, 35.

Но надежды матери на то, что переезд в самарскую глушь оградит и Анну, и Владимира от «нежелательных знакомств», не оправдались. Алакаевка давно уже была «засвечена» полицией, ибо золотопромышленник Серебряков славился не только своими деньгами, причудами, но и связями с революционными кругами, которым он время от времени оказывал и материальную помощь¹.

В середине 70-х годов он решил опробовать в Самарской губернии самые современные европейские способы ведения сельского хозяйства и для этого выписал из-за границы английские паровые плуги, сеялки, молотилки и другой инвентарь. Сюда потянулись студенты-колонисты, особенно из числа поднадзорных, желавшие «сесть на землю». Но в этой, одной из самых бедных тогда российских губерний и у Серебрякова дело не пошло. Паровые плуги ржавели по оврагам, а землю он стал распродавать.

Алакаевку купили Ульяновы, а рядом – в трех верстах – на хуторе Шарнель в 100 десятин земли поселилась студенческая коммуна, описанная в 1890 году Петропавловским-Карониным в журнале «Русская мысль» под названием «Борская колония».

Бывший студент Казанского университета, изгнанный из него за участие в беспорядках, Дмитрий Гончаров, земляк Ульяновых, хорошо знавший Илью Николаевича, стал заходить к ним в гости. Он же познакомил с Владимиром и одного из «коммунаров» – народника Алексея Преображенского². А когда 5 сентября Ульяновы переезжают из Алакаевки в Самару, количество такого рода знакомых начинает расти буквально с каждым днем.

Так уж случилось, что Самара была излюбленным местом высылки и поселения после отбытия наказания многих видных народников. Здесь в это время жили такие ветераны движения, как Иван Красноперов, пытавшийся поднять крестьянское восстание в Казанской губернии в 1863 году; Николай Долгов, осужденный по «нечаевскому делу» в 1871-м; Василий Филадельфов и Александр Ливанов, привлекавшиеся по известному «процессу 193-х» в 1878-м; Григорий Клеменц, проходивший по «делу 1 марта 1881 года»; Мария Голубева-Яснева, входившая в группу «якобинцев» П. Зайчневского. Было здесь много и народнической молодежи, студентов, высланных за участие в беспорядках.

Появление в Самаре Ульяновых вызвало в этой среде всеобщее сочувственное внимание. А. И. Самойлов, вполне либеральный земский начальник, познакомившись с Анной и Владими-

¹ См.: *Зильберштейн И. С.* Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 210.

² См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 158–160.

ром, писал, что они сразу же произвели большое впечатление и, «может быть, это впечатление усиливалось и тем ореолом мученичества, который среди интеллигенции того времени окружал казненного незадолго перед тем А. И. Ульянова и естественно распространился и на его семью»¹.

С ветеранами, прошедшими через тюрьмы и каторгу, отношения сложились самые добрые. К Красноперову Владимир заходил в губернскую земскую управу, чтобы побеседовать о статистических обследованиях крестьянского и помещичьего землевладения. К Ливанову – на чашку кофе или какао, которые по особому рецепту готовила его супруга Виктория Юлиановна. Долгов сам заглаживал к Ульяновым поиграть в шахматы. И когда в Самару выслали Марию Голубеву, он долго объяснял ей, что Владимир Ульянов – истинный демократ «и в одежде, и в обращении, и в разговорах, ну, словом, во всем»².

Владимир слушал их рассказы о народниках и народолюбцах, о приемах революционной борьбы и методах конспирации, о судебных процессах и условиях тюремного сидения. А когда они начинали ворчать на «марксятт», обвиняя их в искусственной пересадке «европейского учения» на российскую почву, Ульянов отвечал, стараясь не обидеть «стариков».

Их действительно можно было пожалеть. Именно в это время моральный авторитет старого народничества был изрядно поколеблен. В 1888 году один из лидеров «Народной воли», член ее Исполкома, соратник Желябова и Перовской, главный редактор «Вестника Народной воли» Лев Александрович Тихомиров подал на высочайшее имя прошение о помиловании и выпустил в Париже брошюру «Почему я перестал быть революционером».

В литературе, принадлежащей перу ренегатов, эта брошюра по казуистике и в то же время банальности аргументации занимает виднейшее место. Сегодня она читается с особым интересом... В общем, не захват власти, а приобщение к власти, сотрудничество с ней способно принести благо народу – эта, как выражался Салтыков-Щедрин, «премудрость вяленой воблы» и стала главной идеей, сформулированной Тихомировым.

Ответил ему Г. В. Плеханов. В 1889 году он опубликовал статью «Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова». Пример Тихомирова, писал Плеханов, «останется классическим примером человека, который не столько *изменил свои*

¹ Зильберштейн И. С. Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 227.

² Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 8, 44, 75, 86.

убеждения, сколько изменил своим убеждениям». Он старается доказать, что «был революционером лишь по вине других, лишь благодаря тому, что все наши образованные люди отличаются крайне нелепыми привычками мысли, а перестал быть революционером г. Тихомиров благодаря выдающимся особенностям своего «созидательного» ума и замечательной глубине своего патриотизма... В жалобах г. Тихомирова на неприятности, пережитые им от революционеров по поводу его «эволюции», сквозит гордое сознание своего превосходства. Он умнее других... Но г. Тихомиров жестоко ошибается. Своей «эволюцией» он обязан лишь своей *неразвитости*. Горе от ума не его горе. Его горе есть *горе от невежества*»¹.

В демократической среде вся эта история наделала много шума. Спорили до хрипоты и до драк. И главным оставался все тот же вопрос — о «захвате власти»...

Уже упоминавшаяся Мария Петровна Голубева была старше Владимира почти на 10 лет и вступила в революционное движение еще в 1881 году. После знакомства они подружились, стали встречаться довольно часто и у Ульяновых, и у нее. И Мария Петровна решила «обратить его в якобинскую веру». Но «Владимир Ильич спокойно и уверенно развивал свою точку зрения, чуть-чуть насмешливо, но нисколько не обидно опровергал меня... Часто и много мы с ним толковали о «захвате власти» — ведь это была излюбленная тема у нас, якобинцев. Насколько я помню, Владимир Ильич не оспаривал ни возможности, ни желательности захвата власти, он только никак не мог понять — на какой такой «народ» мы думаем опираться, и начинал пространно разъяснять, что народ не есть нечто цельное и однородное, что народ состоит из классов с различными интересами и т. п.»².

Судя по всему, шутками не ограничилось, ибо в работе, начатой Ульяновым в Самаре как раз в эти годы, он написал, что среди российских революционеров были и те, кто вел борьбу с правительством «во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время, — заключал Владимир Ильич, — эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит...»³.

Кончилось тем, что со временем не Голубева Ульянова, а он ее «обратил в свою веру».

¹ Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 42, 82.

² Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 87, 88.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 286.

«Старики» ворчали на молодежь и по-своему были правы. Молодежь действительно была уже «не та». Самарец Матвей Семенов, бывший студент Петровской сельхозакадемии, уже имевший за плечами опыт «хождения в народ», арест и ссылку, писал, что в конце 80-х годов народничество уже «не вызывало энтузиазма в своих адептах». О том же писал и Алексей Преображенский: «К этому времени я уже успел в достаточной степени разочароваться в прирожденной преданности крестьянства коммунистическим идеям и, сколько могу судить, относился к крестьянству без иллюзий и предрассудков». И фраза Семенова о «смутном чувстве неудовлетворенности» и о том, что они «в сущности были на распутье», довольно точно характеризовала настроения радикальной молодежи¹.

С ее самарскими лидерами Владимир Ильич познакомился сразу же после приезда из Алакаевки. Первым был Вадим Андреевич Ионов – приятель Марка Елизарова. Он был старше Владимира Ильича, считался народовольцем, но более всего интересовался вопросами развития капитализма в России. Жил он в основном в Сызрани, но часто наезжал в Самару и пользовался среди здешней молодежи большим авторитетом².

Сблизился Ульянов и с другим приятелем Елизарова – Алексеем Павловичем Скляренко (Поповым). Был он одногодком Владимира Ильича, но уже успел отбыть годичное заключение в московских Бутырьках и питерских Крестах. «Он для нас, юнцов, – писал Дмитрий Ульянов, – был окружен какой-то особой таинственностью», и его кружок охотно посещали гимназисты, семинаристы, ученицы фельдшерской школы. Импонировала даже его внешность: высокий, сильный, в студенческой фуражке на затылке, косоворотке, темных пенсне, криво сидевших на его носу, с неразлучной суковатой палкой в руках – Алексей имел вид типичного «нигилиста» старых времен³.

Познакомился Владимир Ильич и с сыном генерал-майора Аполлоном Александровичем Шухтом. Бывший воспитанник Царскосельской гимназии, затем Николаевского кавалерийского училища, а позднее – строительного училища, Аполлон оказался косвенно причастен к делу Александра Ульянова, и его выслали в Западную Сибирь на три года, а потом – под надзор – в Самару.

Среди новых знакомых Владимира Ильича был и Вильгельм Адольфович Бухгольц, прусский подданный, отец которого слу-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 42, 43, 161.

² См. там же. С. 7, 18, 64.

³ См. там же. С. 7, 9, 22, 47, 52.

жил в Самаре на железной дороге. В свое время он учился в Самарской гимназии, а затем в Петербургском университете вместе с Марком Елизаровым, но в 1887 году был выслан из столицы за участие в студенческих беспорядках. Сюда же выслали и еще одного знакомого – Викентия Викентьевича Савицкого, исключенного из Казанского университета одновременно с Владимиром Ильичем¹.

Через Складенко познакомился он с ученицами фельдшерской школы Марией Лебедевой и Аней Лукашевич. И если первая, приехав из сибирской глуши, лишь в Самаре узнала о «политике» и «политиках», то вторая уже имела опыт подпольных кружков в Вильно².

Среди молодых людей, привлеченных Складенко, были и дети весьма состоятельных самарских купцов, такие, как бывший студент Московского университета А. Г. Курлин и студент Петровской академии А. И. Ерамасов. Александр Курлин давал свою квартиру для проведения собраний и вечеринок, но, когда, спустя годы, вступил во владение миллионами, «на революцию», как выражались тогда, не дал ни копейки. Стал известным кутилой и слегка либеральным председателем Самарского биржевого комитета. А вот с Алексеем Ерамасовым связь сохранилась на всю жизнь³.

Были среди знакомых Владимира Ульянова и те, кто к «марксистам» вообще не имел никакого отношения. Например, художник Ф. Е. Буров, к которому Владимир заходил и в мастерскую, и на выставки⁴. Часто – по четвергам или пятницам – бывал он и у уже упоминавшегося старого знакомого Ульяновых, первоклассного шахматиста, присяжного поверенного Андрея Николаевича Хардина, принимал участие в организованных им шахматных турнирах⁵. Заглядывал Ульянов и на студенческие вечеринки на квартире зубного врача А. А. Кацнельсон, где в обязательном порядке танцевали «всеобщую, прямую и явную кадрили»⁶.

Впрочем, шумных студенческих сборищ (не только с танцами, но и с бесконечным «трепом» на политические темы) он избегал, ибо заканчивались они, как правило, пьянками. А уже

¹ См.: *Зильберштейн И. С.* Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 240, 241; Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 102.

² См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 58, 61.

³ См. там же. С. 17, 18, 48, 64, 100, 101.

⁴ См. там же. С. 45.

⁵ См. там же. С. 27, 28.

⁶ См. там же. С. 139–140.

в эти годы у него стала проявляться вполне определенная черта, о которой Матвей Семенов написал: «Владимиру Ильичу была чужда еще в молодости всякая богема, интеллигентская распушенность, и в его присутствии мы все, входившие в кружок, как бы подтягивались... Фривольный разговор, грубая шутка в его присутствии были невозможны»¹.

О характере этого кружка Вильгельм Бухгольц писал: «Так как эти собрания не созывались для какой-либо определенной революционной цели, то их, соответственно, нельзя называть собраниями «революционного кружка»². Скорее это был типичный для того времени кружок «саморазвития». Подавляющее большинство его участников еще недавно причисляли себя к убежденным народникам, и даже Скляренко считался «отчаянным вевистом», то есть поклонником В. Воронцова. И вот теперь, шаг за шагом, они осваивали новую теорию, которая, как им казалось, укажет «верный путь».

По сравнению с остальными Владимир Ульянов был уже более «зрелым» марксистом. Но, как писал тот же Бухгольц, он «не производил впечатления товарища, желающего играть роль вожака или вообще чем-либо выделяться из рядовых товарищей. Верно и то, что он не пытался себя как марксист противопоставлять другим»³.

Новые друзья стали более или менее регулярно встречаться, обсуждать интересующие их проблемы, новые книги. Поначалу решили заниматься по уже известной нам «казанской программе». Начиналась она с ознакомления с этикой. И вот весной 1890 года на одной из встреч, которая происходила в лодке на реке Самарке, заслушали доклад Бухгольца «Основы этического учения о благах». Между ним и Владимиром Ильичем произошел спор: существует ли «абсолютное благо» на все случаи жизни и на все времена? – вот вопрос, который поставил Ульянов. И продемонстрированный им диалектический метод анализа, казалось бы, общеизвестных понятий произвел на всех большое впечатление⁴.

Чаще всего собирались на квартире Скляренко, которую он снимал вместе с фельдшерницей Марией Лебедевой. Ходили и в Струковский сад, где у «марксят» была своя особая скамейка⁵. Впрочем, Скляренко, которого прозвали «доктором пивоведе-

¹ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 60, 101.

² Зильберштейн И. С. Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 242.

³ Там же. С. 243.

⁴ См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 63, 142.

⁵ См. там же. С. 73.

ния», любил затащить друзей и в знаменитый павильон Жигулевского пивоваренного завода, живописно расположенный на крутом берегу Волги. «Посетители там были необычайно разнообразны, и было что посмотреть: и купец, и хлебный маклер, и крючник, и масленщик, и матрос с парохода, и мелкий торговец, и какой-нибудь служащий земской управы, и ломовой извозчик, и компания чиновников, и разночинец-интеллигент, и самарский хулиган-«горчишник» – бесконечный калейдоскоп разнообразных по своему положению людей...»¹

А вечером на спусках к реке зажигались костры – это бурлаки, грузчики, мельничные рабочие, прихватив «полдиковинную» (полбутылки водки), ужинали арбузами, воблой или варили уху. «К такой компании рабочих, – вспоминал Матвей Семенов, – можно было подсесть и чужому прохожему человеку и завести разговор»².

Однажды Владимир так и поступил... Передавая воспоминания Владимира Ильича, Карл Радек со свойственным ему юмором писал: «Познакомился он с каким-то чернорабочим, которого начал пропагандировать. Чернорабочий выпивал немножко, был сентиментален и с большим удовольствием прислушивался к рассказу Ильича о политике, эксплуатации и угнетении. Владимир Ильич привел его на квартиру, чтобы ему прочесть одну брошюру. Попили чайку, Ильич читал брошюру и за каким-то делом вышел в другую комнату. Когда вернулся, не нашел уже объекта своей пропаганды. Не успел он задуматься над этим неожиданным результатом своего хождения в народ, как заметил, что вместе с униженным и оскорбленным исчезло его пальто»³.

28 октября 1889 года – в который уже раз! – Владимир пишет министру просвещения И. Д. Делянову. Он опять просит разрешить сдавать экстерном экзамены при любом российском высшем учебном заведении, ибо, «крайне нуждаясь в каком-либо занятии, которое дало бы мне возможность поддерживать своим трудом семью», «я имел полную возможность убедиться в громадной трудности, если не в невозможности найти занятие человеку, не получившему специального образования».

Министр направил запрос в Департамент полиции и от его директора П. Дурново получил ответ: «Замечался в сношениях с лицами политически неблагонадежными...» Сделав на письме Ульянова пометку «Он скверный человек», Делянов отклю-

¹ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 141–142.

² Там же. С. 40.

³ Рабочая Москва. 1924. № 92.

нил прошение, и в конце декабря 1889 года Самарское полицейское управление вручило отказ Владимиру¹.

Тогда Мария Александровна решается на отчаянный шаг. В мае 1890 года она едет в Петербург, где подает прошение в Департамент полиции и добивается приема у министра просвещения. Что она говорила Делянову? Сохранилось ее письмо, написанное ему 17 мая в Петербурге:

«Мучительно больно смотреть на сына, как бесплодно уходят самые лучшие его годы... Я тем настойчивее прошу Ваше Сиятельство снять с моего сына так долго уже лежащую на нем кару, что кара эта, вообще, не позволяет ему как человеку, принадлежащему к кругу исключительно интеллектуальных работников, найти какое бы то ни было даже частное занятие... Такое бесцельное существование без всякого дела не может не оказывать самого пагубного нравственного влияния на молодого человека, — почти неизбежно должно наталкивать его на мысль даже о самоубийстве... Я, говоря иначе, прошу именно о сохранении мне жизни сына...»

И вот 19 мая Делянов пишет резолюцию: «Можно допустить к экзамену в Университетской комиссии». А в конце июля приходит и разрешение на сдачу экзаменов экстерном при Петербургском университете².

Уже в августе 1890 года вместе с сестрой Ольгой Владимир едет в Петербург. Ольга поступает на Высшие Бестужевские женские курсы, а Владимир наводит справки о порядке сдачи экзаменов. Именно тогда Ольга и знакомит его с Василием Водовозовым — сыном известной писательницы Е. Н. Водовозовой. В свое время он был знаком с Александром и Анной Ульяновыми, в 1887 году его выслали в Шенкурск, и теперь он приехал в Питер тоже для сдачи экзаменов экстерном.

«Нужные справки, — пишет Водовозов, — я, конечно, дал и даже провел Вл. Ульянова на экзамен, который мы тогда сдавали... Там была большая толпа — человек около 400, — Ульянов затерялся в ней и просидел несколько часов прислушиваясь и присматриваясь»³.

Сдача экзаменов экстерном представляла немалые трудности. Помимо того что среди данного контингента было достаточно много «неблагонадежных», профессура опасалась и слиш-

¹ См.: *Зильберштейн И. С.* Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 228, 229, 233.

² См. там же. С. 247–249.

³ На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 174.

ком поверхностных знаний. Михаил Цвибак, изучавший этот вопрос, писал: «К ним и профессора относились с особым недоверием и предубеждением, спрашивая и пытая гораздо серьезнее, чем студентов, кроме того, экстерны не могли знать хорошо местных условий, и им для одинакового со студентами ответа надлежало проделать гораздо большую работу, чем студентам. Экстернам редко-редко удавалось получать при сдаче хорошие отметки»¹.

И вот 4 апреля 1891 года, сдав предварительное письменное сочинение по уголовному праву и уплатив 20 рублей в пользу испытательной комиссии, Владимир Ульянов является на экзамен по истории русского права. Билет: положение холопов обельных по «Русской правде» и холопов всех категорий московского времени. Оценка ответа: «весьма удовлетворительно», то есть высший балл. На следующий день – экзамен по государственному праву: сословные учреждения дворянства и крестьянское самоуправление. И опять высшая оценка. «Экзамены оказываются очень легкими... Обедать он ходит каждый день...» – писала 8 апреля Ольга Ульянова, успокаивая мать.

10 апреля – политическая экономия и статистика. Вопросы: о формах заработной платы и о германском статистике и государственном праве Конринге. Через неделю – экзамен по энциклопедии и истории философии права. Вопрос: сочинения Платона о законах. 24 апреля – история римского права. Вопрос: законы, издаваемые выборными властями. И по каждому из этих предметов вновь высший балл. На этом весенняя сессия заканчивается².

Одновременно очередные экзамены по алгебре, геометрии, химии и физике сдает на Высших Бестужевских курсах сестра Ольга. В свободные часы они вместе гуляют по столице. Весна в том году припозднилась, и они ходят на набережную Невы смотреть ледоход, делятся планами на лето. После экзаменов Ольга с подругой тоже собиралась в Алакаевку...

Но в конце апреля она совершенно неожиданно заболевает брюшным тифом. Поначалу врачи обещают вполне благополучный исход, но тиф осложняется рожей. Владимир немедленно вызывает из Самары мать... И 8 мая, спустя четыре года после казни брата – день в день – на руках у Марии Александровны и Владимира Ольга умирает.

10 мая, «в ветреный и сырой питерский день», ее хоронили...

«Я осторожно вела под руку мать Оли, – вспоминала Зинаида Невзорова-Кржижановская. – С другой стороны ее поддерживал

¹ Красная летопись. 1925. № 1. С. 139–142.

² См. там же.

Владимир Ильич... Невыносимо было хоронить Олю, чудесную 19-летнюю девушку, умницу, только что развертывавшую свои блестящие способности, милого товарища, так нелепо погибшего. Невыносимо было видеть ее мать, молчаливо идущую за ее гробом. Я знала, что один за другим падали удары на ее прекрасную седую голову: смерть мужа, страшная гибель старшего сына Александра и теперь неожиданная смерть дочери... Слишком много для одного человека. А она шла тихая, молчаливая, натянутая, как струна, крепко сжав губы. И мы все молчали»¹.

Пройдет около 9 лет, и в один из драматических моментов своей жизни, когда чуть было не прервались отношения с Плехановым, Ленин напишет: «Мы шли, как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты... Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека]... До такой степени тяжело было, что ей-богу временами мне казалось, что я расплачусь... Когда идешь за покойником, – расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления, отчаяния...»² Такого не напишешь, не пережив всю боль и горечь безвременной утраты близкого человека.

Новая сессия экзаменов началась в сентябре. После письменного сочинения на тему из области права первым устным экзаменом было уголовное право. Владимиру достались вопросы: о защите в уголовном процессе и о краже документов. Следующий экзамен – по догме римского права. Вопросы: о дарении, отношениях, из него вытекающих, и о влиянии времени на происхождение и прекращение прав.

В октябре – третий и четвертый экзамены: по гражданскому и торговому праву вместе с судопроизводством. Вопросы: об исполнении, купле-продаже, поставке, то есть о видах передаточных договоров и о торговых книгах. Пятый и шестой экзамены – по полицейскому и финансовому праву. Вопросы, соответственно, о науке полиции и ее содержании и о государственном бюджете и его составлении и исполнении.

В ноябре – два последних экзамена: по церковному и международному праву. Вопросы: об истории русского церковного законодательства и о праве нейтралитета. За сочинение и все устные экзамены этой сессии Владимир вновь получил высшие оценки и из 134 экзаменовавшихся кончил первым в выпуске.

¹ Молодая гвардия. 1924. № 2–3. С. 33, 34.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 346–347.

15 ноября 1891 года юридическая Испытательная комиссия С.-Петербургского университета присудила В. И. Ульянову диплом первой степени, соответствующий прежней степени кандидата прав¹.

ГОЛОД

В 1891 году в России начался голод. И хотя он охватил лишь 17 губерний Поволжья и Черноземного центра с населением около 30 миллионов человек, голод стал проявлением глубокого общенационального кризиса, сравнимого по значению разве что с поражением в Крымской войне².

Сбор хлебов оказался в этом году наполовину ниже, чем в предшествующие – тоже весьма скудные – годы. А поскольку недород совпал с полным истощением крестьянского хозяйства, страдавшего от безземелья, кабальной аренды, непосильных налогов и выкупных платежей, голод стал следствием не столько погодных условий, сколько социально-экономических процессов, происходивших в российской деревне после 1861 года.

Продовольственная ситуация, ставшая вполне очевидной уже в начале лета 1891 года, требовала энергичных правительственных мер. Но чуть ли не до осени бюрократия делала все для того, чтобы замолчать и приуменьшить народное бедствие. Предложение министра внутренних дел И. Н. Дурново об ограничении свободной торговли зерном и вывоза его за границу, а также о срочном создании единого правительственного органа по закупке хлеба было Советом министров отвергнуто, дабы не ущемлять интересов экспортеров – господ помещиков³. А сам Александр III категорически заявил: «У меня нет голодающих, а есть только пострадавшие от неурожая!» Голод как бы перешел на нелегальное положение. И в ходу была крылатая фраза: «Неурожай от Бога, а голод – от Царя!»⁴

А между тем с мест поступали самые тревожные вести. Священник Бузулукского уезда Самарской губернии писал в епархиальный комитет, что «во вверенном ему приходе голод уже дос-

¹ Красная летопись. 1925. № 1. С. 141–144.

² См.: Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Московский государственный историко-архивный институт. М., 1987. С. 3, 10.

³ См. там же. С. 11–12.

⁴ Оболенский В. А. Очерки минувшего. С. 197.

тиг крайних пределов. В августе население питалось остатками от скудного урожая. В начале сентября распродали за бесценок домашний скот, чтобы прокормиться. С половины сентября – есть буквально нечего. Изнуренные голодом люди с утра до вечера бродят из дома в дом, выпрашивая милостыню, и возвращаются к своим семействам с пустыми сумами: милостыни уже никто не подает». Из Рязанской губернии сообщали о том же: «Едят лебеду вместо хлеба, но и лебеда уже к концу, а впереди почти год, страшный, голодный, холодный. Ни картофеля, ни капусты, ни огурцов; скотину кормить нечем, топить тоже нечем, нет ни мякины, ни соломы, даже побираться идти некуда... Положение безвыходное... «Лучше смерть», – говорят многие...»¹

Лишь когда катастрофа стала фактом, вывоз хлеба за границу был запрещен, а все дело продовольственной помощи голодающим губерниям правительство передало земствам на места, где не было ни достаточных средств, ни зерновых запасов. Пострадавшему населению решили помогать двумя способами: нетрудоспособным по младенчеству или по старости выдавать, по мере возможности, ссуду хлебом, а трудоспособным – от 15 до 55 лет – кормиться за счет заработка на общественных работах, организуемых губернаторами.

Однако в результате бездарной организации дела и прямого казнокрадства общественные работы, на которые из казначейства было отпущено 10 млн рублей, цели не достигали. В той же Самарской губернии голодных и обессиленных крестьян заставляли своим инструментом рыть канавы, засыпать овраги и строить грунтовые дороги. Делалось это без всякого продуманного плана. По утрам часами стояли они у дома губернатора или у квартиры руководителя работ инженера Перцева в ожидании наряда, а вечером – ради получения денег. Заработок же составлял в лучшем случае лишь 10–15 копеек в день – вдвое меньше, чем платили за ту же работу обычным землекопам².

В конечном счете из ассигнованных всем голодающим губерниям 10 млн рублей до крестьян в виде заработной платы дошло менее трети отпущенной суммы³. Остальные деньги осели в карманах чиновников и подрядчиков.

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 314–315.

² См.: Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. С. 12; Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 76.

³ См.: Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. С. 12.

Столь же плачевно завершилась и история с выдачей продовольственных ссуд. По предварительным оценкам, для серьезной помощи голодающим требовалось около 300 млн рублей. Правительство ассигновало 48 млн, но до зимы отпустило лишь 20. Поэтому на закупку хлеба земства получили минимум: нижегородское земство испрашивало ссуду в 8,2 млн, а получило 2,8; саратовское – вместо 9,5 млн – 2,5; самарское просило 9,8 млн, а дали 4,4 и т. д.¹

А дальше – дальше началась обычная российская история. Получив ссуду, расторопные земцы передали закупки продовольствия спекулянтам-хлеботорговцам. В той же Самаре они втридорога переплатили купцу Шихобалову почти 1,5 млн рублей за 12 тысяч пудов порченной муки, оказавшейся непригодной для выпечки хлеба. С оставшимися миллионами – для закупки хлеба в южных губерниях – направили члена губернской управы Дементьева. После двухмесячного пребывания на юге он зерно доставил, но опять-таки, как писал «Волжский вестник», с солидной (до 30%) примесью сорняков, «песку и даже мелких камешков»².

Нечто подобное происходило и в других губерниях. Так что помощь оказалась весьма недостаточной. Даже в апреле 1892 года, когда выдача ссуд приобрела наибольший размах, их получили лишь 11,8 млн человек, то есть около трети пострадавшего населения³. И это притом, что размеры ссуды никак не спасали от голодной смерти. Дело доходило до того, что в той же Самарской губернии на нетрудоспособного едока выдавали от одного пуда до 10 фунтов и даже до 3,5 фунта в месяц или по 14,5 золотника в день⁴. И если смертность во всех пострадавших губерниях в 1891–1892 годах увеличилась в среднем на 28%, то в Самарской она возросла на 56%⁵. От еще более худшего уберег транспорт муки, прибывший в губернию весной 1892 года из Америки, и финансовая помощь английских квакеров, которых привезли в Самару граф П. А. Гейден и князья Петр и Павел Долгоруковы⁶.

И все это нисколько не мешало сердобольным земским чиновникам щедро вознаграждать друг друга за усердие. «Волж-

¹ См.: *Соколов Н. П.* Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. С. 322, 333, 334.

² Там же. С. 330.

³ См. там же. С. 12.

⁴ См.: *Плеханов Г. В.* Соч. Т. 3. С. 328.

⁵ См.: *Соколов Н. П.* Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. С. 13.

⁶ См.: *Оболенский В. А.* Очерки минувшего. С. 209.

ский вестник» сообщал: «Слободскому председателю уездного съезда г. Рассохину земское собрание определило выдать 750 руб. на разъезды, на экипаж и шубу, глазовскому – г. Курептеву на те же предметы – 60 руб., вятскому председателю г. Шубину назначено заимообразно 300 руб. Саратовское уездное земское собрание назначило председателю своей управы г. Абакумову 3000 руб. в виде «награды». Нашли люди время для наградных подношений! На 3000 руб. 2,5 тыс. пудов хлеба купить бы можно. Аткарское земство назначило 1200 руб. пенсии бывшему мировому судье, а теперь земскому начальнику г. Гордеру, богатому землевладельцу, получающему, кроме того, по новой должности более 2000 руб. в год. Камышинское земство, самое бедное, постановило выдать 3000 руб. награды председателю своей управы г. Ляух»¹.

Прав был Плеханов, когда писал: «Эти ссуды, урезанные до нескольких золотников на едока; эта мука, негодная в пищу; эти «тридцать процентов сору», перевозимые на земский счет с одного конца России на другой; эти шубы, эти экипажи, эти награды, пенсии и займы, раздаваемые земцами друг другу, – все это есть самое бессердечное, самое бесстыдное издевательство над голодными, соединенное с самым недвусмысленным хищничеством. Недостаточно устранить таких людей от заведования общественными делами, их нужно было бы, по выражению Петра Великого, весьма лишить живота»².

Даже если отойти от столь эмоциональных оценок, неспособность бюрократического аппарата эффективно справиться с продовольственной проблемой была достаточно очевидной. Мало того, вся деятельность правительственных и земских продовольственных органов – в силу их коррумпированности – с самого начала довольно-таки дурно пахла. И трудно было сохранить порядочность и, как говорится, не испачкаться, сотрудничая с ними. Поэтому параллельно и как бы в противовес «официальной» помощи с лета 1891 года стала организовываться общественность.

Начало положил Лев Толстой, который – при всем своем неприятии благотворительности – стал создавать в Тульской губернии бесплатные столовые для голодающих. Поначалу правительство решительно выступило против общественности. Его поддержала и наиболее реакционная часть дворянства. Даже знаменитый лирический поэт Афанасий Фет и тот заявил, что кре-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 331.

² Там же.

стьяне не нуждаются в благотворительности, ибо «бедствуют единственно только по своей лени и склонности к пьянству». Но когда общественная помощь, несмотря на противодействие, приобрела достаточно широкий размах, Александр III 17 ноября 1891 года издал на имя своего сына и наследника рескрипт. В нем, во-первых, он публично признал сам факт «недорода хлебных произведений», а во-вторых, учредил «Особый комитет» для руководства всем делом общественной благотворительности во главе с будущим государем Николаем II¹, который опирался прежде всего на губернаторов.

О событиях, происходивших в этой связи в Самаре, рассказывалось в воспоминаниях А. А. Белякова, М. П. Голубева, М. И. Семенова, написанных еще в 20-е годы. Однако в последнее время об этих мемуарах как бы забыли. И в новейших писаниях Волкогонова, Латышева и им подобных, а раньше – в зарубежных статьях Валентинова стали широко использоваться воспоминания В. В. Водовозова, опубликованные им в эмиграции в 1925 году.

Василий Васильевич Водовозов, о котором уже упоминалось в связи с поездкой Владимира Ульянова в Питер в августе 1890 года, прибыл в Самару осенью 1891 года. Рассказав в своих мемуарах о том, как был создан самарский комитет для помощи голодающим, он пишет: «Вл. Ульянов... резко и определенно выступил против кормления голодающих. Его позиция, насколько я ее сейчас вспоминаю, – а запомнил я ее хорошо, ибо мне приходилось не мало с ним о ней спорить, – сводилась к следующему: голод есть прямой результат определенного социального строя; пока этот строй существует, такие голодовки неизбежны; уничтожить их можно, лишь уничтожив этот строй. Будучи в этом смысле неизбежным, голод в настоящее время играет и роль прогрессивного фактора. Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город, голод создает пролетариат и содействует индустриализации края... Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического строя, разобьет веру в царя и царизм и, следовательно, в свое время облегчит победу революции»².

Тупое и бесчеловечное доктринерство, приписываемое Владимиру Ульянову, настолько, по известным причинам, устраи-

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 324, 337; Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России. С. 14.

² На чужой стороне. Прага. 1925. № 12. С. 177.

вало упомянутых выше авторов, что – откинув все иные свидетельства – они приняли именно эту позицию за аксиому, логическим продолжением которой стала позднее, по их мнению, репрессивная политика Советской власти по отношению к крестьянству. И поскольку это лживое утверждение получило достаточное распространение, стоит остановиться на мемуарах Водовозова несколько подробнее.

Итак, Водовозов пишет, что, прибыв осенью 1891 года из Архангельска в Самару, он сразу же сблизился с семьей Ульяновых. И уже в этом утверждении есть элемент неточности. Выше упоминалось, что в свое время в Питере он был знаком с Александром и Анной Ульяновыми. И незадолго до ареста Александра он дал ему для перевода статьи Маркса журнал «Немецко-французский ежегодник». Когда же Александра арестовали и над ним нависла смертельная опасность, у Василия Водовозова вырвалось лишь одно: «Как жаль, что такая ценная книга может теперь пропасть...» Об этой реплике в семье Ульяновых знали, и такое не забывается. Потому-то Мария Ильинична и подчеркивает, что в Самаре Водовозов «приходил больше к старшей сестре» Анне, с которой они «читали вместе по-итальянски»¹.

«У этого Водовозова, – вспоминая самарские годы, писал Дмитрий Ильич Ульянов, – была большая библиотека, так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкапами, все книги были чистенькие, в новых переплетах. Он очень дорожил своей библиотекой и, казалось, что книги любил больше, чем живых людей. По своей начитанности он, вероятно, был первым в городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией»².

Водовозов был старше Владимира Ильича, раньше него окончил университет, благодаря матери был лично знаком со многими знаменитостями, регулярно получал из-за границы революционную литературу, наконец, был сослан не куда-нибудь, а в далекий Шенкурск. И он вполне мог надеяться на то, что ему, а не таким провинциалам, как Ульянов или Скляренко, будут «смотреть в рот» симпатичные фельдшерицы, желторотые гимназисты и недоучившиеся студенты. Но, увы, этого не произошло.

Вспоминая о Водовозове, Мария Голубева пишет: «Это был чемодан, туго набитый книгами, но пользы от этого было мало

¹ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 17, 22.

² Там же. С. 21–22.

кому. Мне как-то досадно было, что капитал пропадает даром, и я подбила однажды Водовозова выступить перед самарской молодежью с каким-то рефератом. Насколько мне помнится, он зимой на своей квартире сделал доклад о германской социал-демократии. На этом докладе был и Владимир Ильич. Он выступал как оппонент Водовозова... Особенных резкостей со стороны Владимира Ильича не помню, но помню, что Водовозов остался недоволен этим диспутом... На мой вопрос, почему он редко ходит к Ульяновым, ответил, что у них ему «скучно». И Владимир Ильич, по-моему, мало интересовался обществом Водовозова, ему тоже с Водовозовым было скучно»¹.

Тогда же произошел и более серьезный конфликт. В связи с тем, что саратовский губернатор А. И. Косич, пользовавшийся репутацией либерала, был отправлен в отставку, Водовозов предложил поднести ему адрес от имени политических ссыльных Самары. Ульянов, для которого Косич являлся лишь одним из «российских помпадуров», «очень резко высказался против». И ссыльная молодежь поддержала его². После этого Водовозов все более сближается с самарским либеральным обществом, становится завсегдатаем светских журфиксов, и, когда стал формироваться комитет помощи голодающим, Василий Васильевич вполне естественно оказывается в его составе.

И вот тут мы сразу сталкиваемся с одним весьма существенным умолчанием у тех авторов, которые использовали воспоминания Водовозова.

Дело в том, что злополучный самарский комитет помощи голодающим, о котором пишет Водовозов, не был общественной организацией того типа, которые с легкой руки Льва Львовича Толстого, подвергаясь различного рода гонениям, возникали полулегально и функционировали в противовес правительственным продовольственным органам. К такому типу в Самарской губернии принадлежали бесплатные столовые и пекарни, организованные Л. Л. Толстым, В. Г. Короленко, а также В. А. Оболенским и В. Д. Протопоповым, прибывшими сюда из Тульской губернии по приглашению графа А. А. Бобринского³. Комитет же, в котором сотрудничал Водовозов, фактически функционировал при губернаторе, как и многие другие, возникшие в связи с упомянутым выше рескриптом государя наследнику.

¹ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 90.

² См. там же. С. 22.

³ См.: Оболенский В. А. Очерки минувшего. С. 206.

В состав комитета входили Степан Миклашевский, приятельствовавший с губернатором, часто бывавший у него дома и являвшийся, как пишет Водовозов, «посредником между комитетом и губернатором», протоиерей Лаврский, другие чиновники, «занимавшие высокие посты в местной служебной иерархии». Из мира «неблагонадежных» Водовозов называет лишь самарского гигиениста, доктора Вениамина Осиповича Португалова, Осипова и себя, привлеченного к работе в качестве юриста¹.

Заметим также, что указанный комитет создавался не для безвозмездной помощи голодающим, а для обеспечения питанием «за умеренную цену» тех крестьян, которые были заняты на земляных работах, организованных губернатором.

«В этой столовой, — рассказывает Водовозов, — порция шей стоила 2 коп., порция хлеба 2 к. и порция чаю тоже 2 коп.»². Если учесть, что за 12 часов ежедневных тяжелейших земляных работ крестьянин получал — да и то с большой задержкой — гривенник, и то, что в деревне его ждала голодная семья, то эти 6 копеек превращались в сумму немалую. И это при том, что уполномоченные по организации работ, назначенные губернатором, сразу получили на бездокументальные расходы по 5 тыс. рублей, а всего за год — 180 тыс. рублей³. Так что трения между радикальной самарской молодежью и комитетом были неизбежны, ибо участие в нем так или иначе накладывало моральную ответственность за те аферы и махинации, которые имели место при проведении всех этих «общественных работ».

Когда 14 ноября 1891 года Владимир Ульянов вернулся из Петербурга в Самару, споры вокруг деятельности комитета развернулись уже вовсю. И хотя нечистоплотность чиновников была для всех очевидна, желание помочь голодающим привело к тому, что заседания комитета стали посещать многие из ссыльных. Причем не только те, кто работал в казенных учреждениях, вроде Красноперова или Долгова, но и другие бывшие народовольцы и землевольцы, писатель Гарин-Михайловский, а также народническая молодежь, полагавшая, что работу в комитете можно использовать для революционной пропаганды среди крестьян⁴.

Заметим — убеждение в том, что голодные крестьяне являются прекрасным объектом для агитации, было распространено среди

¹ См.: На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 178.

² Там же.

³ См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 134—135.

⁴ См. там же. С. 132.

преимущественно городской народнической молодежи довольно широко. И об этом хорошо рассказал В. А. Оболенский. Но как только он сам соприкоснулся с голодными крестьянами Самарской губернии, выяснилось, что все это – сущие пустяки. «Мы хотели свою помощь, помощь общественную, – писал он, – противопоставить помощи правительственной, а нас принимали либо за царских приближенных генералов, либо за великих князей, а моего товарища Протопопова упорно считали самым наследником»¹.

Так вот, у Владимира Ильича никаких заблуждений относительно использования голода для антиправительственной пропаганды не было. И Водовозов пишет об этом прямо: «Ленин не верил в успешность такой пропаганды среди голодающих. Это соображение играло большую роль в его отрицательном отношении к нашему комитету...»² Тут Василий Васильевич прав. Но он утверждал заведомую неправду, когда писал, что его спор с Владимиром Ильичем шел по поводу того – кормить или не кормить голодающих.

На то есть и прямое свидетельство самого Ульянова. Когда через восемь лет он начинает разрабатывать программу партии, в разделе об отношении к крестьянству напишет: «Социал-демократы не могут оставаться равнодушными зрителями голодания крестьянства и вымирания его голодной смертью. Насчет необходимости самой широкой помощи голодающим между русскими социал-демократами никогда не было двух мнений»³.

«Владимир Ильич, – пишет А. А. Беляков, – не меньше других революционеров страдал, мучился, ужасался, наблюдая кошмарные картины гибели людей и слушая рассказы очевидцев о том, что совершается в далеких, заброшенных деревнях, куда не доходила помощь и где вымирали почти все жители». И Беляков отвечал своему бывшему приятелю Водовозову: «Везде и всюду Владимир Ильич утверждал только одно, что в помощи голодающим не только революционеры, но и радикалы не должны выступать вместе с полицией, губернаторами, вместе с правительством – единственным виновником голода и «всероссийского разорения», а против кормления голодающих никогда не высказывался, да и не мог высказываться»⁴.

Матвей Иванович Семенов рассказывает, что вопросы, связанные с взаимоотношениями с комитетом (комиссией) и рабо-

¹ Оболенский В. А. Очерки минувшего. С. 211.

² На чужой стороне. Прага, 1925. № 12. С. 178–179.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 233.

⁴ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 130.

той в столовых, обсуждались во всех подпольных кружках. «Обсуждались они и в нашем кружке, причем Владимир Ильич, разъясняя смысл подобных организаций в условиях царского режима, резко высказывался против какого бы то ни было отождествления работы в этой комиссии с революционной деятельностью. Стычки по этому поводу у него были как с В. В. Водовозовым, так и с другими филантропами»¹.

Это подтверждает и Мария Яснева-Голубева: «Владимир Ильич и я не принимали участия в работах этих столовых. Конечно, не нежелание помочь голодающим руководило в данном случае этим отзывчивым к чужому горю юношей: очевидно, он считал, что пути революционера должны быть иные...»²

Водовозов признает, что позиция В. Ульянова и его сторонников повлияла на некоторых членов комитета. Алексей Беляков уточняет: на заседания комитета перестали ходить и уже упоминавшийся Гарин-Михайловский, и такие старые народники, как Красноперов, Долгов, Ливанов, Осипов, Чеботаревский и др.³ В этой связи возникают вполне закономерные сомнения в том, что тот вздор о «прогрессивности голода», который Водовозов приписывал Ульянову, мог иметь столь очевидный успех у подобного рода публики. А если так, то откуда же взял Василий Васильевич весь этот набор псевдомарксистского доктринерского тупоумия?

Для читателя, мало-мальски знакомого с российской общественной жизнью начала 90-х годов XIX столетия, ответ однозначен: «источником вдохновения» стала для Водовозова та полемическая литература, которую либеральные народники буквально обрушили на головы марксистов.

Дело в том, что отношения между ними обострились к этому времени до крайности. И не только на уровне разногласий между столпами народничества и плехановской группой «Освобождение труда», но и в российской глубинке. Пока Ульянов и его друзья внимали рассказам ветеранов о славном прошлом и отдавали должное подвигам народовольцев, к их марксистским увлечениям относились с известной снисходительностью и, с легкой руки Михайловского, называли не иначе как «учениками».

Но когда стало очевидным, что симпатии демократической интеллигенции, и прежде всего молодежи, все более поворачи-

¹ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 76.

² Молодая гвардия. 1924. № 2–3. С. 30.

³ См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 132.

ваются к марксистам, когда во время голода разногласия перешли на практическую почву, взаимная конфронтация стала принимать все более резкие формы.

Если ищешь повод для конфликта – он находится всегда. И такой повод дали оренбургские ссыльные студенты, причислявшие себя к марксистам. Они действительно выступили против молодежи, отправлявшейся в голодную деревню, «кормить крестьян», ибо это, по их мнению, должно было «препятствовать процессу создания капитализма». В оренбургской глуши можно было додуматься и не до такого абсурда. И позднее Николай Федосеев напишет Михайловскому: «Я не могу допустить, что такой развитой и умный человек, как Вы, глупости оренбургских студентов и каких бы то ни было других лиц, именующих себя «марксистами», – стал бы *распространять на русский марксизм, будто бы неизбежно приводящий своих адептов к подобным преступным мыслям*»¹.

Но политическая конфронтация никогда не отличалась особой щепетильностью при выборе приемов борьбы и полемики. И в июньском номере журнала «Русская мысль» за 1892 год все-таки появилась статья Михайловского, прямо обвинявшая марксистов в проповеди *необходимости* «отделения производителей» (крестьян) от «средств производства» (земли). Вслед за ней появились работы других теоретиков народничества, приписывающие социал-демократам желание «обезземелить крестьян» и «выварить их в фабричном котле». А С. Н. Кривенко в одной из статей заявил, что для достижения марксистского «идеала» просто необходимо повсеместно «открывать кабаки», ибо они более всего способны пролетаризировать селян. И если прежние философско-теоретические споры не привлекали особого интереса широкой публики, то теперь по всей России пошла молва о том, что марксисты – это те, кто «совсем *не любят* мужика» и «*радуются* разорению деревни»².

Все это Владимиру Ульянову и его друзьям пришлось выслушивать и в Самаре. Особенно после того, как летом 1892 года сюда приезжал с рефератом сам Михайловский. Даже из среды молодежи, сочувствовавшей «марксятам», раздавался тоскливый укор: «Вот вы, конечно, и научнее, и умнее их, но зачем вы *непременно хотите* разорить крестьян, во что бы то ни стало превратить их в пролетариев?» А один из народников, застав

¹ Пролетарская революция. 1933. № 1. С. 181.

² Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 171.

однажды Скляренко за подсчетами числа безлошадных крестьян в самарских деревнях, видимо совершенно искренне и с горечью заметил: «И вам не жалко их! Вы сидите и *спокойно* констатируете эти явления?!»¹ Иными словами, эффективная «формула борьбы» была найдена, хотя для подобных утверждений и не было оснований.

Позицию марксистов в начале 1892 года сформулировал Г. В. Плеханов в статье «Всероссийское разорение» и в письмах «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». Не осуждать надо ту молодежь, тех добровольцев, писал Плеханов, кто полагает, что можно «вычерпать чайной ложечкой глубокое безбрежное море народных страданий. Эти люди бесстрашно исполняют свой долг, как они его понимают. Неужели мы останемся позади них?» Нет! Социалисты должны идти дальше и направить свои усилия на борьбу с причинами народного бедствия².

Если у правительства и буржуазии есть хлеб и деньги для благотворительности, создающей лишь иллюзию помощи, то у социалистов есть только *слово*. Они не могут накормить голодающих, но они должны разоблачать всю правительственную политику, всех чиновных казнокрадов и лихоимцев, паразитирующих на людском горе. Социалисты обязаны способствовать *росту классового сознания* трудящейся массы города и деревни, правильному пониманию причин нынешнего голода, чтобы народ мог «вырвать свою судьбу из рук царских чиновников», завоевать политические права, и прежде всего всеобщее равное и прямое избирательное право. Только созданный таким образом Земский собор сформирует правительство, способное удовлетворить народные нужды, и «даст русскому земледельцу возможность сеять *хлеб*, а не *голод*». Именно для этого социал-демократы станут добиваться «*полной экспроприации крупных землевладельцев и обращения земли в национальную собственность*». Ну а если крестьяне захотят поделить ее между общинами – «и в том не вижу я беды». Россия, заключает Плеханов, «спасет себя революцией»³.

До сих пор, опровергая наветы Водовозова, мы писали о том, чего Владимир Ильич не говорил и не мог говорить. А нет ли более серьезных источников для суждения о том, что же он говорил на самом деле, нежели воспоминания противников или друзей?

Конечно есть!

¹ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 172.

² См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 359.

³ Там же. С. 415, 420, 422, 423.

Известно, что значительная часть его работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», вышедшей позднее, была написана как раз в Самаре. Владимир Ильич анализирует в ней статьи из либерального журнала «Русское богатство», принадлежащие тем любителям «собирать салонные сплетни про злых марксистов», которые якобы, не брезгуя никакими средствами, всячески добиваются «ускорения капиталистического процесса», более всего «заботятся о развитии капиталистической промышленности», и прежде всего о росте численности российского пролетариата, – посредством всеобщего «обезземеливания крестьян» и «вываривания каждого мужика в фабричном котле»¹.

Со всеми эпитетами, которые Владимир Ильич адресует авторам подобного рода «извращений», «подтасовок» и «грязных выходов», являющихся, по его мнению, классическим образцом «пошлости»², читатель может ознакомиться, перелистав указанную работу. Но дело, конечно, не в этих малоприятных словах. А в том, что позиция Ленина не имела ни малейшего отношения к взглядам, изложенным Водовозовым.

Не идеи «разрушения крестьянского хозяйства» или «выбрасывания мужика из деревни в город» с помощью голода, которые приписывает ему Водовозов, а необходимость защиты интересов крестьян – вот что отстаивал Владимир Ильич. «Социал-демократы, – писал он, – будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения – этого оплота крепостнических учреждений и традиций». И национализация земли, о которой упоминал и Плеханов, создала бы, по мнению Владимира Ильича, демократическую почву для ликвидации крестьянского бесправия, гнета помещиков и чиновников³.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Сравнительно недавно О. В. Будницкий опубликовал сенсационный документ из коллекции С. Г. Сватикова, который, по мнению Сватикова, представляет собой «первое политическое заявление» Владимира Ульянова, относящееся к самарскому периоду. И оно якобы доказывает, что Ульянов являлся «активней-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 242, 271, 277, 279, 283, 299, 338.

² См. там же. С. 200–201, 277.

³ См. там же. С. 295.

шим, если не главным членом кружка народовольцев, объявил войну культурничеству, призвал все партии объединиться в федеративный союз, и во главе теоретического органа союза решил просить стать... группу «Освобождение труда». Низвержение абсолютизма, как цель, и революционная борьба, как единственное средство, – вот основные пункты программы...»¹

О том, что многие из тех, кто в 80-е годы становился на путь революционной борьбы, начинали с народовольчества, Ленин писал неоднократно. «Многие из них, – подчеркивал он, – начинали революционно мыслить как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора»². О том, что в Казани он сам был связан с кружком народоволки Марии Павловны Четверговой, входившим в Сабунаевскую организацию, писалось выше.

Что же касается Самары, то происхождение сватиковского документа связано, видимо, с эпизодом, о котором еще в 20-е годы поведал Алексей Беляков.

«В двадцатых числах декабря 1889 года, – пишет он, – в Самару приехал с явками на Скляренко новонародоволец, как он себя называл, М. Сабунаев, группа которого была занята собиранием сил разгромленной царским правительством «Народной воли» для организации революционных действий».

Для встречи с Михаилом Васильевичем, которому уже исполнилось 45 лет, собралось человек 12–15 молодежи. «Сабунаев зачитал нам проект программы «Союза русских социально-революционных групп», – рассказывает Беляков, – и пояснил, что «новонародническую партию надо считать переходной или, вернее, партией, объединяющей народовольцев, народников, социал-демократов и прочие оппозиционные группы в единое целое для борьбы с царским правительством». А поскольку «наша практическая программа действия среди фабрично-заводских рабочих нисколько не разнится от программы марксистов, социал-демократов», то «не исключена возможность, что мы сгруппируемся и под знаменем марксизма»³.

Главным оппонентом Сабунаева как раз и выступил на этом собрании Владимир Ульянов. Он решительно отверг возможность объединения народников с марксистами на столь неопре-

¹ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000. С. 277, 365–368.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180.

³ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 92, 93, 96.

деленной платформе. Алексей Беляков, поведавший об этой истории, о документе из коллекции С. Г. Сватикова ничего не знал. Но почти текстуальное совпадение смысла данного документа и изложенной Беляковым позиции Михаила Сабунаева несомненно. И в этой связи вполне естественно предположить, что сватиковская рукопись, видимо, является копией с какого-то сабунаевского документа, которую могли снять, например, для подготовки контрвыступлений... Остается лишь добавить то, о чем Будницкий, видимо, не знал. Экспертиза рукописи, проведенная Институтом Маркса–Энгельса–Ленина в 1934 году, показала, что почерк, которым она написана, не принадлежит Владимиру Ульянову¹.

Спустя много лет, весной 1920 года, отвечая на вопрос о том, когда именно началась его революционная деятельность, Ленин напишет в анкете: «1892–1893... Самара... Нелегальные кружки с-д...»²

И совсем не потому, что в этом году завершился процесс его марксистского самообразования и саморазвития. А потому, что политические страсти в связи и вокруг голода 1891–1892 годов заставили «марксят» четко отделить себя от остальной самарской интеллигенции.

Обозначились и противники. Прежде всего – та сытая и чиновная либеральная публика, которая в свободное от карьерной суеты время всячески имитировала «народолюбие», все еще считавшееся с прошлых лет признаком хорошего тона. Уже не раз упоминавшийся Алексей Беляков вспоминал, что, несмотря на неисчислимые толпы нищих, плач и стенания на каждом шагу, на ежедневно описываемые в газетах ужасы в голодающих районах, либеральное общество продолжало то же обычное течение жизни, «которое наблюдалось в Самаре до голодных дней. Балы, концерты, танцевальные вечера шли своим чередом», с той только разницей, что теперь иногда концертировали или танцевали «в пользу голодающих». Своим чередом устраивались и те же «журфиксы» с чаем и колбасой. Изменились лишь темы разговоров. «Стало скучней, однообразнее и тоскливее»³.

Именно такого рода едкие самарские наблюдения о тех, кто, прикрывая свое полное безразличие и равнодушие, любит «в промежутке между пирогом с визигой и зеленым (карточным. – В. Л.) столом толковать о меньшем брате и сочинять гуманные проекты «улучшения» его положения», о тех, кто собирал «са-

¹ См.: Вестник Российской академии наук. 2003. № 3.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 417.

³ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 133.

лонные сплетни про злых марксистов» и одновременно раскладывался «перед правительством за спасение народа от окончательного разорения», мы встречаем и на страницах ленинской работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», писавшейся как раз в 1892–1894 гг.¹

Если бы в этих «салонных сплетнях» речь шла о выводах из серьезного анализа марксистской литературы, то тут было бы просто необходимо без лишних эмоций поспорить по существу дела. Но обвинения в желании «разорить мужика» являлись заведомым вздором. И спокойно сносить его во имя терпимости к «инакомыслию» было не в характере Владимира Ульянова и его коллег. Они приняли вызов.

Задача была не из легких. «В то время, – вспоминала Анна Ильинична, – время большого авторитета Михайловского, В. В. и других народников, когда отблеск «Народной воли» горел еще ярко, а свет социал-демократической пропаганды только еще загорался, – особенно в таких специфических крестьянских провинциях, как Поволжье, – на молодых людей, несущих эту пропаганду, смотрели, как на чересчур самонадеянных юнцов. Все бывшие ссыльные (Самара была первым этапом из Сибири) – поднадзорные или состоявшие в тесной связи с ними, – из каковых составлялось тогда передовое провинциальное общество, или не удостаивали вовсе своим вниманием взгляды таких мальчишек, или обрушивались на них очень резко»².

Но что-то, а уж резкость менее всего пугала Ульянова и его друзей, ибо и они принадлежали к числу тех, кому, как говорится, «лезть за словом в карман» не приходилось. Владимир, Алексей Скляренко и высланный в марте 1893 года из Казани в Самару их однолеток Исаак Христофорович Лалаянц, сразу же получивший за свое отчество кличку Колумб, не упускали случая скрестить полемические шпаги с любыми оппонентами, не взирая ни на какие авторитеты.

«Вскоре в городе, – вспоминал Лалаянц, – публика нас иначе и не называла, как тройкой, прибавляя к этому слову тот или иной эпитет в зависимости от «идеологического» отношения к нам говорившего. Наша тройка... была действительно тесно спаяна, и мы всегда появлялись и «выступали» вместе. Гово-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 271, 279.

² Старый товарищ Алексей Павлович Скляренко (1870–1916). Сборник статей. М., 1922. С. 21–22.

рю «выступали» в том смысле, что если куда-нибудь приходил один или двое из нас, то вскоре появлялся и другой и третий»¹.

Общая стилистика дискуссий, которые вел Ульянов, жестко дифференцировалась. «В обращении его с людьми, – вспоминал М. И. Семенов, – отчетливо обнаруживались резкие различия: с товарищами, которых он считал своими единомышленниками, он спорил мягко, подшучивал весьма добродушно и старался всякими способами выяснить их ошибку и сделать ее для них очевидной. Но раз он усматривал в оппоненте представителя другого течения, например, заскоруждого и упорного народника, его полемический огонь становился беспощаден. Он бил противника по самым больным местам и мало стеснялся в выражениях»².

В пылу полемики не щадили никого. И, видимо, все те «малоприятные слова», которые уже упоминались в связи с работой «Что такое «друзья народа»...», впервые озвучивались как раз во время таких баталий. Как заметил по этому поводу один из самарцев – когда молодежь разочаровывается в прежних «властителях дум», то со свойственным юности максимализмом она без сожаления «выбрасывает старых «богов» в мусорную яму»³.

Это корбило «ветеранов», и, как пишет А. И. Елизарова, Владимиру «не прощались резкие нападки на таких признанных столпов общественного мнения, как Михайловский, В. В., Кареев и др. ...Более солидные слои передового общества смотрели на него, как на очень способного, но чересчур самонадеянного и резкого юношу. Лишь в кружках молодежи, будущих социал-демократов, пользовался он безграничным уважением»⁴.

Водовозов написал еще более категорично: для кружковцев Владимир Ульянов был не только «непререкаемым авторитетом, но «на него там молились...». И тут он опять-таки явно перебил. Не те это были люди.

Все знавшие Скляренко писали, что это был сильный, смелый и дерзкий юноша, «никому не позволявший наступать себе на ноги». Особым почтением к авторитетам – ни в политике, ни тем более в повседневности – он не страдал. И если уж говорить о его отношениях с Владимиром Ульяновым, который в эти годы тоже был достаточно сильным юношей, то Алексей без всякого почтения, «по-товарищески» нередко клал его на

¹ Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 45.

² Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 62.

³ Там же. С. 97.

⁴ Там же. С. 8.

лопатки во время тех борцовских схваток, которые «марксиста» любили устраивать во время летних прогулок¹.

Исаака Лалаянца тоже раздражали позднейшие писания, изображавшие взаимоотношения Владимира Ильича с товарищами как отношения учителя и учеников, «молившихся» на него.

«В обычном, организационном смысле, — писал он, — мы собой никакого *кружка* не представляли; определенных регулярных собраний этот «кружок» не устраивал и никаких систематических занятий в нем ни Владимиром Ильичем, ни кем-либо другим из нас не велось. Это просто была маленькая группа очень близко сошедшихся между собой товарищей-единомышленников, тесно сплотившихся друг с другом среди моря окружающей нас разномыслящей интеллигенции».

Собирались, как и прежде, либо у Ульяновых, чаще у Скляренко, «а то и просто, — вспоминал Лалаянц, — отправлялись куда-нибудь за город, например, в Аннаевское кумысолечебное заведение, или прямо на берег Волги, к пароводным пристаням, где можно было в достаточно чистой и уютной комнатке какой-нибудь скромной пристанской пивной вести беседы на интересующие нас темы за кружкой жигулевского пива...

Будучи в... (главных. — В. Л.) вопросах в основном вполне согласны между собой, — в понимании тех или иных частных мы иногда расходились, что порождало порою между нами жесткие споры, пока путем детального разбора темы не удавалось достигнуть полного единомыслия. Почти всегда в таких случаях бывал прав, конечно, В. И.»².

Но, естественно, не дискуссии на журфиксах и не беседы за кружкой пива составляли основное занятие друзей. Споры о том, «любят» ли социал-демократы мужика или нет, тоже были малопродуктивны. Думавшую радикальную молодежь гораздо больше интересовала та полемика о путях развития России, которую развернул в это время Георгий Плеханов вокруг книг В. В. [В. П. Воронцова] и Николай-она [Н. Ф. Даниельсона]. А эта полемика требовала основательного владения материалами земской статистики, на которых теоретики народничества строили свои выводы и о сугубой самобытности крестьянской общины, и о бесперспективности для России капиталистического пути развития. Значит, и отвечать надо было тем же оружием — цифрами и фактами, а не заверениями в «люб-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 7, 9, 22, 47, 52, 106.

² Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 47–49.

ви к мужику». И среди молодых марксистов началось повальное увлечение статистикой.

Помимо материалов земской статистики, которые Владимир Ульянов брал в библиотеках, он стал чаще заходить к И. М. Красноперову, заведовавшему статбюро губернской земской управы и выпускавшему соответствующие сборники по состоянию крестьянского хозяйства Самарской губернии. Алексей Скляренко поступил письмоводителем к земскому начальнику А. И. Самойлову. Это дало ему возможность для опроса волостных управлений рассылать анкеты, ездить для разбора дел по деревням, принимать приезжавших с жалобами в город¹.

Увлечся статистикой и Алексей Преображенский. Вместе с Ульяновым они составили опросный лист для подворного обследования села Неяловки Тростянской волости, и Владимир за свой счет отпечатал его в 200–250 экземплярах. Теперь даже в дискуссиях между собой, писал Преображенский, «спорили мы с цифрами в руках, с ссылками на книги... Как только, бывало, я в споре с Владимиром Ильичем допущу какой-либо промах, — у него сейчас же заблестит зеленый огонек в глазах: «Ну, ну, брат, поправляйся»².

Однако чем более углублялся Владимир Ульянов в изучение статистических материалов, тем более смущала его определенная ограниченность сведений, содержащихся в земских отчетах. Поначалу в них приводились лишь данные пообщинные, оперирующие усредненными цифрами о благосостоянии отдельных деревень как неких «условноцельных единиц». Когда же земская статистика перешла к подворным переписям, то проводить их стали лишь по выборочным признакам, например по количеству надельной земли, по числу рабочего скота и т. п. Это искусственное вычленение отдельных сторон крестьянского хозяйства, хотя и содержало интереснейший материал для анализа, все-таки не давало возможности для комплексного политико-экономического исследования процессов, происходивших в российской деревне.

И вот — где-то в начале 1893 года — Владимир берет в так называемой «библиотеке самарских гимназистов» новую объемистую монографию В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», вышедшую в Москве в самом конце 1891 года³. Казалось бы, жуткая скучища! Но на Владимира книга произ-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 44, 74.

² Там же. С. 162, 163.

³ См. там же. С. 50.

водит огромное впечатление, и позднее он уважительно напишет, что эта работа представляет собой «одно из наиболее выдающихся явлений в нашей экономической литературе последних лет...»¹.

Работая чиновником по устройству казенных земель в Таврической губернии, Постников скрупулезно собрал и обработал дифференцированные данные по ряду уездов Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний, которые дали ярчайшую картину прогрессирующего разложения общины и расслоения российского крестьянства.

Поскольку в данном регионе преобладало зерновое хозяйство, Постников положил в основу своих расчетов площадь посева каждого двора, причем не только на надельной, но и на арендованной и купчей земле. Используя эти данные, а также сведения о наличии рабочего скота, сельхозорудий, наемных работников, он разделил все общинное население на три группы – по степени самостоятельности и способам ведения хозяйства.

Первая группа – зажиточные крестьянские семьи, засевающие более 25 десятин на двор. Численно она составляет около 20 процентов жителей деревни. Вторая группа – средние хозяйства, обрабатывающие от 10 до 25 десятин пашни. Их доля среди общинников равна примерно 40 процентам. И третья группа – крестьяне бедные, то есть мало сеющие (до 10 десятин) или не сеющие вообще, которых среди жителей села также насчитывается около 40 процентов.

Естественно, что крестьянские дворы третьей группы, не имевшие ни собственного тягла, ни сельхозорудий, были напрочь лишены возможности вести самостоятельное хозяйство, обеспечивающее прокорм семьи. И главным источником их существования являлась продажа своей рабочей силы. Постников пришел к выводу, что и положение хозяйств средней группы является шатким и непрочным, ибо их посев способен покрыть – и то, что называется, в обрез – лишь самые скромные потребности семьи в питании и корме скоту. Лишь крепкие хозяйства первой группы, в которых и урожайность, и оснащенность сельхозорудиями гораздо выше, производят продукцию, превышающую потребности семьи. И поскольку, как правило, в них засеивается площадь, которую семья своими силами обработать не в состоянии, необходимым элементом такого хозяйства становится наем батраков.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 5.

Нынче при упоминании слова «кулак» иногда делают вид, будто придумали его чуть ли не во времена сталинской коллективизации. Между тем в пореформенной России кулаки быстро набирали силу. И богатели они не столько за счет более рачительного и старательного хозяйствования, сколько в результате жесточайшей эксплуатации своих односельчан. В солидном журнале «Вестник Европы» в октябрьском номере за 1890 год было написано: «Во многих местностях образовалось какое-то новое крепостное право. Господами являются уже не помещики, а кабатчики, кулаки и мироеды, грубые полуграмотные хищники, разоряющие народ с беспощадной последовательностью»¹.

Постников также не ограничивается в своей книге констатацией имущественного неравенства среди крестьян. Анализируя взаимоотношения между деревенской беднотой и богатыми хозяевами, он приходит к выводу об «ожесточенной борьбе», являющейся «не борьбой общинных традиций и развивающегося в сельской жизни индивидуализма, а простою борьбою экономических интересов, которая должна окончиться роковым исходом для одной части населения, в силу существующего малоземелья», ибо «все слабое в хозяйственном смысле так или иначе, рано или поздно, должно быть выброшено из крестьянского земледелия»².

Н. Валентинов считал, что книга Постникова оказала на Владимира Ульянова огромное влияние. И он прав. Дело в том, что плехановские «Наши разногласия», доказывавшие вступление России на путь капиталистического развития, оперировали данными, завершавшимися 1880 годом. С тех пор прошло более десяти лет. И новые труды столпов народничества, приводя среднеарифметические расчеты дележа общинной земли за эти годы, казалось бы, опровергали доводы марксистов. И вот теперь...

«Я вспрыгнул от радости», — писал Герцен, начав читать Фейербаха. Вероятно, — замечает Валентинов, — нечто подобное было и у Ульянова при чтении книги Постникова. Эврика! Он нашел то, что искал, что ему было нужно, что замечательно дополняло и Маркса, и Плеханова, хотя Постников никакого отношения к марксизму не имел»³.

Впрочем, как и многие другие серьезные эмпирические работы, книга Постникова страдала тем недостатком, что, поста-

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 347.

² Постников В. Е. Южно-русское крестьянское хозяйство. М., 1891. С. XXXII, 368.

³ Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 472.

вив наиболее существенные вопросы крестьянской жизни, автор – оставаясь в рамках «чистой» статистики – не давал на эти вопросы сколько-нибудь удовлетворительных ответов. Точно так же как не мог он объяснить и выявленных им процессов, происходивших в российской деревне.

Поэтому, готовя обстоятельный реферат для самарских социал-демократов по книге Постникова, Владимир Ильич переводит ее богатейшие цифровые данные на язык политико-экономического исследования. И тогда количественные различия между тремя крестьянскими группами приобретают качественный характер, свидетельствуя о коммерциализации сельского хозяйства и дальнейшем углублении дифференциации общины по мере развития капиталистических отношений.

В 1892 году, выступая против попыток народников привнести в анализ социально-экономических отношений морально-этические категории «жалко – не жалко», «любит – не любит», Георгий Плеханов писал: «Научное изучение общественных явлений требует много спокойствия и, если угодно, даже холодного бесстрастия. Но зато только оно может создать прочную основу для страстной деятельности самоотверженного политического борца...» Иными словами, не логика исследования следует чувствам, а чувства должны следовать указаниям логики¹.

С тем, что надо ставить перед собой лишь задачи, которые основываются не на «желаемом», а на реальной действительности, Ульянов был абсолютно согласен. «Первая обязанность тех, кто хочет искать «путей к человеческому счастью», – написал он, – не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что есть»². И книгу Постникова Владимир ценил прежде всего за то, что она давала картину реальной, а не придуманной жизни российской деревни. Но он никак не мог при этом не испытывать никаких чувств и оставаться холодным прагматиком.

Статистика, конечно, великая наука. Но ведь жизнь куда как сложнее. И тот самый, казалось бы, «не научный» вопрос – «жалко или не жалко» тех, кто, по словам Постникова, «так или иначе, рано или поздно» должен быть «выброшен из крестьянского земледелия», – для человека иной раз куда важнее, чем столбцы и таблицы самых наиточнейших цифр...

Именно эта, казалось бы, совсем «не научная» проблема и столкнула Ульянова не с кем-нибудь, а с самим Павлом Нико-

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 360.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 403.

лаевичем Скворцовым, который, как отмечалось выше, в какой-то мере, прямо или косвенно, способствовал приобщению к марксизму самого Владимира.

В Казани в 1887–1889 годах они так и не встретились. В 1889-м Скворцов перебрался в Нижний Новгород, опять работал в земстве статистиком, по-прежнему писал в «Волжский вестник» и столичные журналы. Вокруг него и здесь сложился марксистский кружок, через который прошли Ванеев, Сильвин, Мицкевич, Леонид и Герман Красины, Владимирский, Гольденберг-Мешковский – многие из тех, с кем позднее придется вместе работать Владимиру Ульянову.

Именно в Нижнем, в мансарде дешевой гостиницы, которую называли «У Никанорыча», в августе 1893 года и произошла первая встреча Ульянова и Скворцова. В этой «маленькой комнатке, насквозь прокуренной, – вспоминал Михаил Григорьев, участвовавший в данной встрече, – у нас с Владимиром Ильичем продолжались разговоры в течение шести часов»¹.

Много лет спустя, в 1929 году, Павел Николаевич в беседе с исследователем Г. Л. Бешкиным сказал, что спор шел главным образом о «развитии русского капитализма»². Ссылаясь на Энгельса, Скворцов утверждал, что разложение общины и «освобождение» крестьян от земли является единственным реально существующим вариантом дальнейшего развития. Этот путь прошли европейские цивилизованные страны, и иного, как бы это ни было прискорбно, не дано.

Заметим, кстати, что и Плеханов был достаточно близок к этой позиции. «Социал-демократы, – писал он в 1892 году, – не должны думать, что им легко будет предупредить предсказываемую Энгельсом экспроприацию крестьянства. Вернее всего, что это им не удастся. Но ответственность падет за это не на них, а последствия этого послужат опять-таки им на пользу»³.

Важно отметить, что если Плеханов считал все-таки возможным для социал-демократов стремление «предупредить... экспроприацию крестьянства», то Скворцов любую попытку препятствовать данному процессу оценивал как реакционную.

От своего учителя профессора Зибера Павел Николаевич унаследовал и некоторую односторонность восприятия марксистской теории. Народник М. Е. Березин писал, что «Скворцов в разговоре с ним заявил, что его интересует больше теоретическое

¹ Пролетарская революция. 1924. № 5. С. 101–102.

² Нижегородский краеведческий сборник. Т. 2. С. 209, 210.

³ Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 415.

решение вопроса, а не практика революционного движения, и производил впечатление «человека не от мира сего»¹.

Некоторые отечественные и зарубежные биографы пытались раскрыть «ленинский феномен» с помощью нехитрого приема – определения той «книжки», которая сформировала мировоззрение Владимира Ульянова. И в самом деле, как просто: прочел Чернышевского, затем Нечаева или Ткачева, увлекся и позаимствовал их взгляды на цели и средства борьбы и вообще на смысл жизни.

Нынче таких примеров – людей «одной книги» – не счесть: читал человек всю жизнь скучные брошюрки по «научному коммунизму», а потом прочел вдруг Хайека – и открылся ему новый мир, и стал он сразу ярым либералом. Что ж, вполне возможно, хотя наверняка со временем узнает он и о совсем иных – «второй», «третьей», «четвертой» книжке...

А вот с молодым Ульяновым этот «нехитрый прием» никак не проходит, хотя известен не только весь круг его чтения, но и круг знакомств. Не увлекался он ни Нечаевым, ни Ткачевым. Чернышевским – да. Марксом – да. И, видимо, придется в этой связи согласиться по крайней мере с двумя выводами. Во-первых, с тем, что формирование его мировоззрения шло достаточно долго, а не было одномоментным прозрением. А во-вторых, что оно не могло носить сугубо «книжного» происхождения и характера.

Владимир Ульянов, при всей его молодости, был «от сего мира», и о проблемах российской деревни он знал не только по литературным источникам или статистическим справочникам. С раннего детства, еще в Кокушкине – и в неторопливых рассказах охотника Карпея, и в незамысловатых байках возчиков Романа и дяди Ефима, и в обыденных разговорах крестьянских ребятишек, с которыми играл в «бабки» и ходил в ночное, – приходилось ему слышать жалобы и сетования на безземелье, непосильные налоги и поборы. В Алакаевке все деревенские толки были о том же... Только теперь, помимо сочувствия и сопереживания, они пробуждали у Владимира глубокий интерес к изучению крестьянского хозяйства и быта.

А. И. Елизарова вспоминает: «Много заимствовал Владимир Ильич и из непосредственного общения с крестьянами в Алакаевке, где он провел пять летних сезонов подряд, по 3–4 месяца в год... Знакомясь в разговорах с общим положением крестьян,

¹ Нижегородский краеведческий сборник. Т. 2. С. 194.

Ильич старался больше узнать от них, чем говорил сам, — во всяком случае, убеждений своих не высказывал»¹.

Спустя 30 лет, выступая на заседании Петросовета в марте 1919 года, Ленин скажет: «Кто бывал в деревне, тот знает, что лет 30 тому назад немало можно было найти в деревне стариков, которые говорили: «А при крепостном праве было лучше, порядку было больше, была строгость, баб роскошно не одевали»... Искренне добросовестные старики из крестьян и иногда даже просто пожилые люди говорили, что при крепостном праве было лучше»². «Лет 30 тому назад...» — это как раз Алакаевка.

Но были и совсем другие разговоры, которые, видимо, довелось ему слышать на деревенских сходах, когда стогнали крестьян для зачтения какого-либо правительственного сообщения. Во всяком случае, о таких сходах он писал в 1906 году: «Соберутся крестьяне, прослушают молча, разойдутся. А потом сойдутся одни, без начальства. И станут толковать. Станут обсуждать правительственное уверение, что чиновники и правительство не отстаивают выгоды помещиков. Посмеются. Скажут: знает кошка, чье мясо съела!.. Скажут: как это мы, дураки, до сих пор не заметили, что выгоднее нам помещиков и чиновников слушаться, чем самим решать все дела?»³ И это тоже картинка с алакаевской натуры, где в голодные годы мужиков не раз собирали для зачтения очередных сообщений «о мерах к улучшению крестьянского быта», дабы не зарились они на помещичье добро.

На хуторе Шарнеля познакомился Владимир Ульянов и с крестьянскими «смутьянами», которых власти всячески преследовали как «сектантов» за то, что свой протест они облекали в хитроумные рассуждения о том, как «жить по-божии». Именно здесь Владимир долго беседовал с известным на всю округу Амосом Прокопьевичем, описанным писателем Пругавиным, и не менее известным крестьянином Д. Я. Кисликовым. Амос из села Старый Буян был знаменит тем, что мог наизусть прочесть чуть ли не всю Библию. А Кисликов из села Гвардейцы, помимо того что хорошо знал Библию, еще и сочинял стихи.

Перетянуть их в разговоре от вопросов религиозных к житейским было нелегко, ибо главное, что занимало их, — «как придумать такую простую веру, без всякого обмана, которая бы сразу всех людей сплотила в единую семью?». Но поскольку собеседник слушал терпеливо и ясно было, что опасаться его не следу-

¹ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 10.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 10, 11.

³ Там же. Т. 13. С. 232.

ет, то и о «мирском» они высказывали свое мнение. Так что беседы складывались к общему интересу и удовольствию¹.

Спустя 12 лет Ульянову вспомнились эти беседы...

В 1905 году общероссийское крестьянское движение выдвинуло, казалось бы, странный лозунг: «Земля Божья!» Сколько сетований на невежество, на дикие деревенские предрассудки было излито тогда со страниц либеральной прессы! И совершенно напрасно... Ибо реальное содержание данного лозунга было вполне конкретно и понятно любому мужику. Раз земля «Божья», она не может оставаться собственностью помещиков и должна стать общенародным достоянием. «Земля Божья, – говорили крестьяне, – а мы у Господа арендатели».

Именно тогда, весной 1905 года, Владимир Ильич вспомнил свои беседы с Кисликовым и написал Алексею Преображенскому в Самару: «Жив ли тот радикал-крестьянин, которого Вы водили ко мне? Чем он стал теперь?»² А Кисликов стал одним из тех революционных смутьянов, которые «словом Божиим» будоражили самарские деревни.

Так что Ульянов не зря любил повторять слова Маркса о том, что у крестьянина есть не только предрассудок, но и рассудок. И давний самарский знакомый Кисликов был одним из тех, кто помог ему понять эту истину.

Любопытный материал для размышлений давали и беседы с сельскими «мироедами». В мае 1890 года, во время одного из лодочных путешествий по Волге, в селе Екатериновка разговаривался Владимир с местным торговцем П. Нечаевым, который был твердо убежден, что обнищание основной массы российских крестьян идет не с небес и не от Господа, а от «человеческой глупости и от жизни». А когда спутники Ульянова, народники, стали возражать, указывая на благотворное влияние общины и артелей, Нечаев лишь раскатисто хохотал: хороши они лишь для сбора недоимок – благо круговая порука – да еще для выпивки, и то если мордобоем не кончится. «А для серьезной работы, для хозяйства – они ни к чему»³.

Был он знаком и с кулаком Афанасием Балабиным, по прозвищу Каштан, описанным Глебом Успенским в «Трех деревнях». Когда во время голода 1891 года К. М. Серебряков передал шарнелевцам две тысячи рублей для помощи окрестным

¹ См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 102, 112, 113, 162, 163.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 30–31.

³ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 103, 104.

крестьянам, Каштан пришел к Алексею Преображенскому и угрозил физической расправой, если «коммунары» вздумают помогать бедноте. «Надо поддерживать не их, — заявил он, — а нас, потому что у них никогда ничего не было и не будет»¹.

О других эпизодах вспоминала А. И. Елизарова: «Больше всякого материала почерпал он из рассказов Марка Тимофеевича Елизарова, происходившего из крестьян Самарской губернии и сохранившего тесную связь со своими односельчанами. Беседовал он и со старшим братом Марка Тимофеевича, Павлом Тимофеевичем. Это был так называемый «крепкий» крестьянин, разбогатевший арендой близлежащих удельных (т. е. принадлежащих царскому дому) земель и пересдачей их крестьянам. Самое популярное лицо в деревне, он бессменно выбирался в земские гласные. Как все люди его типа, он стремился к округлению капиталов, лез в купцы, чего позднее и добился. Помню, что меня удивляло, как подолгу, с каким интересом мог говорить Володя с этим полуграмотным, чуждым каких бы то ни было идеалов кулаком, и лишь позднее поняла я, что он почерпал у него данные о положении крестьян, о расслоении, идущем среди них, о взглядах и стремлениях этой экономической верхушки деревни. Заразительно, как всегда, хохотал он над некоторыми рассказами купца, и тот был чрезвычайно доволен оказываемым ему вниманием и проникнут большим уважением к уму Владимира Ильича. Но он не мог понять, что хохочет Володя часто не над тем, как ловко устраивают свои делишки деревенские купчины, а над народниками, над их наивной верой в крепость крестьянского уклада, в крепость общины».

И весьма примечателен комментарий А. И. Елизаровой к этому рассказу: «В этих разговорах проявлялось характерное для Ильича умение разговаривать со всякой публикой, вытягивать из каждого нужное ему; умение не отрываться от почвы, не быть задавленным теорией, а трезво вглядываться в окружающую его жизнь и чутко прислушиваться к ее звукам»².

Вот эти-то «звуки жизни», с детства запавшие в душу вместе с запахом свежескошенного сена и парного молока, умноженные на приобретенное научное знание, и не давали возможности Владимиру Ульянову равнодушно отнестись к разорению миллионов российских крестьян. Его мысль искала реальной возможности решения проблемы способами наименее

¹ Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 161.

² Там же. С. 9.

болезненными и наиболее благоприятными для крестьянина-труженика. Потому-то и спорил он тогда – в августе 1893 года – со Скворцовым, полагавшим, что к экспроприации крестьянства надо относиться как к процессу естественно-историческому.

Опыт европейских стран действительно свидетельствовал о том, что жесткая дифференциация сельского населения в определенных исторических условиях неизбежна. Этим опытом, как правило, и оперировали марксисты. Но был ведь и иной опыт. И в поисках, как выразился Плеханов, возможности «предупредить предсказываемую Энгельсом экспроприацию крестьянства» Ульянов обращается к американскому опыту. Ведь именно там свободное фермерство на свободной земле нашло иной вариант решения проблемы развития капитализма в сельском хозяйстве.

И в первых же своих работах, написанных еще в Самаре, Ульянов формулирует идею экспроприации помещичьего землевладения и национализации земли, которые создали бы демократическую почву для расцвета *«фермерских отношений»* и подъема благосостояния всего населения¹.

Когда он высказал эти идеи Скворцову, Павел Николаевич взорвался и назвал его «ревизионистом», ибо он твердо знал: в последней главе первого тома «Капитала» говорится нечто прямо противоположное тому, что утверждал этот лобастый юноша².

Но обвинение в «ревизионизме» привело Ульянова к еще одному весьма существенному выводу, который он также сформулировал в своих работах: теория Маркса «дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются *в частности* к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»³.

«ПАЛАТА № 6»

Когда генерал Волкогонов писал биографию Владимира Ульянова, его более всего возмущало то обстоятельство, что Ленин, по его мнению, «фактически никогда не работал (в обычном понимании этого слова)»⁴. И в самом деле – подумаешь, книжки читал, статьи писал – разве это работа?! Для генерала, военного чиновника и ангажированного пропагандиста, это было, по меньшей мере, nonsensom.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 299, 300.

² См.: Нижегородский краеведческий сборник. Т. 2. С. 209, 214.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 184.

⁴ Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. Т. 1. С. 19.

И в этом смысле его позиция полностью совпадала с мнением провинциальных жандармских чинов, также полагавших, что любой образованный человек обязан — в соответствии с табелем о рангах — где-то числиться либо по военной, либо статской части.

Поэтому российская интеллигенция, дабы не попасть в разряд «неблагонадежных», всегда старалась сочетать самую бурную общественную деятельность с казенной службой. После получения университетского диплома эту проблему надо было решать и Владимиру Ульянову.

4 января 1892 года присяжный поверенный Андрей Николаевич Хардин подал в Самарский окружной суд рапорт о том, что «дворянин Владимир Ильич Ульянов... заявил желание поступить ко мне в помощники присяжного поверенного», а посему он — Хардин — и просит зачислить Ульянова таковым. Прошение было удовлетворено 30 января, но из-за отсутствия справки о благонадежности свидетельство о праве быть поверенным по чужим делам задержали до июля. Впрочем, к работе Владимир Ульянов приступил уже в марте¹. По этому случаю, видимо, именно тогда мать и сделала ему подарок.

В свое время, получив «генеральский чин», Илья Николаевич сшил для надлежащих визитов фрак. Подобных визитов оказалось немного, и после его смерти этот почти новенький фрак висел в шкафу. Теперь его извлекли оттуда, примерили — и хотя отец вроде бы фигурой был помельче — фрак Владимиру пришелся впору. И отныне, направляясь в Окружной суд для выступлений, он каждый раз облачался в сию непривычную одежду².

Нынешние критики Ленина пишут о том, что за краткое время своей адвокатской практики он провел лишь считанное количество мелких уголовных дел, из которых ни одного так и не выиграл. Между тем анализ юристом Вениамином Шалагиновым сохранившихся в архиве судебных дел, по которым выступал В. Ульянов, говорит о ложности подобного вывода.

Его первой защитой, 5 марта 1892 года, стало дело крестьянина Василия Муленкова, обвинявшегося по ст. 180 Уложения о наказаниях в «богохульстве». По этой статье любые «слова, имеющие вид богохуления или же поношения святых господних или же порицания веры и церкви православной», даже если они учинены были «без умысла оскорбить святыню, а единственно по

¹ См.: Зильберштейн И. С. Молодой Ленин в жизни и за работой. С. 283, 285, 291.

² См.: Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 107.

неразумению, невежеству или пьянству», неизбежно и без всякого изъятия карались тюрьмой. И все-таки В. Ульянову удалось смягчить приговор, сократив срок наказания.

11 марта Ульянов выступил защитником по делу крестьян села Березовый Гай Михаила Опарина и Тимофея Сахарова, забравшихся в сундук к местному богатею Мурзину. Поймали их с поличным. Вина была несомненна. Но и в этом случае адвокату удалось смягчить приговор.

16 апреля слушалось дело крестьян Ильи Уждина, Кузьмы Зайцева и Игната Красильникова, батрачивших в сельце Томашеваколке. Они пытались украсть хлеб из амбара кулака Копьякова и были взяты на месте преступления.

5 июня – дело крестьянина М. С. Бамбурова. 9 июня – крестьян П. Г. Чинова, Ф. И. Куклева и С. Е. Лаврова.

И так дело за делом... Добился оправдания по трем мелким кражам совершенно обнищавшего крестьянина. Добился освобождения из тюрьмы и оправдания 13-летнего батрака Степана Репина. И, проанализировав все сохранившиеся восемнадцать дел, по которым выступал Ульянов, В. Шалагинов делает вывод: он выигрывал почти каждое дело – либо у обвинения против обвинительного акта, либо против требования обвинения о размере наказания¹.

Были и случаи отказа Ульянова от защиты. Так, по воспоминаниям Фаины Ветцель, он отказался защищать интересы крупного хлеботорговца Федора Красикова, нагло обворовывавшего крестьян.

– Лопатой бы денежки загребали! – поучал своего молодого коллегу старый адвокат Ященко.

– Заведомого вора защищать не хочу, – резко ответил ему Ульянов, наотрез отказавшись «брать ворованные деньги за защиту»².

Был случай, когда он отказался от защиты уже во время суда. 15 сентября 1892 года слушалось дело самарского мещанина Гусева, обвинявшегося в избиении своей жены кнутом. И когда, после душераздирающих показаний жены, вина Гусева была вполне доказана, Ульянов отказался сделать заявление о смягчении наказания для подсудимого.

А 19 ноября того же года ему удалось добиться отмены суда. Слушалось дело крестьянина деревни Светловки Филиппа Лаптева, обвинявшегося в ослушании и оскорблении своего отца.

¹ См.: Шалагинов В. К. Защита поручена Ульянову. Новосибирск, 1970. С. 253–263; Аросев А. Я. Материалы к биографии В. И. Ленина. М., 1925. С. 24–26.

² Стерник И. Б. В. И. Ленин – юрист. Ташкент, 1969. С. 84.

Наказание могло быть достаточно суровым, но под предлогом вызова дополнительного свидетеля слушание отложили, а сына и отца Ульянов помирил: сын дал формальную расписку в том, что обязуется во всем подчиняться отцу, и дело на том было прекращено.

Одно из дел, которое вел Ульянов, получило довольно широкий резонанс. В мае 1892 года Владимир с Марком Елизаровым поехал в Сызрань. Оттуда они собирались в деревню Бестужевку к брату Марка Тимофеевича. Для этого надо было перебраться на левый берег Волги. Они наняли лодку и поплыли.

Но в Сызрани пароходную переправу держал известный купец Арефьев, ревниво оберегавший свою «монополию». Завидев лодку, он приказал догнать ее, «взять в багры» и прилюдно, с позором вернуть обратно. Прodelывал он такое уже десятки раз, все к этому привыкли, полагая, что найти управу на самодура невозможно. И Арефьев был крайне удивлен, когда узнал, что какой-то Ульянов, без всякой выгоды для себя, подал на него в Самаре в суд за самоуправство по статье, предусматривавшей тюремное заключение без замены штрафом. Впрочем, купец был уверен, что при его связях и деньгах все сойдет ему с рук, как и прежде.

И в самом деле, иск передали в камеру земского начальника за сотню верст от города, а когда в июне Владимир добрался туда – суд отложили. Отложили его и поздней осенью, так что и второй раз Ульянов вернулся ни с чем. Поэтому, когда дело назначили к слушанию в третий раз, даже мать стала уговаривать его не ехать: «Только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя».

Но он поехал, ибо обещал лодочникам засадить самодура. Дело выиграл. И даже спустя два года Марку Елизарову приходилось слышать от сызранцев: «А ведь Арефьев-то просидел тогда месяц в арестном доме. Как ни крутился, а не ушел. Позор для него, весь город знал, а на пристани-то сколько разговору было»¹.

Кстати сказать, и у самого Владимира Ульянова сценки из его адвокатской практики надолго остались в памяти. Зимой 1901 года в «Случайных заметках» он рисует картинку тогдашнего суда:

«Вот волостной старшина – я имею в виду провинциальный суд – конфузющийся своего деревенского костюма, не знающий, куда деть свои смазные сапоги и свои мужицкие руки, пугливо вскидывающий глаза на его превосходительство председателя

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 106.

палаты, сидящего за одним столом с ним. Вот городской голова, толстый купчина, тяжело дышащий в непривычном для него мундире, с цепью на шее, старающийся подражать своему соседу, предводителю дворянства, барину в дворянском мундире, с холеной наружностью, с аристократическими манерами. А рядом – судьи, прошедшие всю длинную школу чиновничьей лямки, настоящие дьяки в приказах поседелье... Не отбила ли бы эта обстановка охоту говорить у самого красноречивого адвоката, не напомнила ли бы она ему старинное изречение: «Не мечите бисера перед...»?»¹

За каждым из этих персонажей стоят вполне реальные прототипы: «Его превосходительство председатель палаты» – это Владимир Анненков, сын декабриста, дослужившийся до действительного статского советника; «предводитель дворянства... с аристократическими манерами» – сиятельный граф Толстой; «городской голова... с цепью на шее» – Петр Алабин; «дьяки в приказах поседелье», самарские судьи – Александр Смирнитский, Вячеслав Вейсман, Михаил Васильев, Иван Усов, Александр Мейер... Ну а «красноречивый адвокат», размышляющий о том, стоит ли «метать бисер...», – это, видимо, не кто иной, как помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов².

В апреле 1893 года ему исполнилось уже 23 года. И мысль о том, что время неумолимо идет вперед и используется оно отнюдь не лучшим образом, видимо, не раз приходила в голову Владимиру. Хардин, внимательно следивший за работой своего помощника, считал, что со временем из Ульянова выйдет отличный «цивилист» – адвокат, специализирующийся на гражданском праве. А пока – пусть занимается мелкими уголовными делами, которые дадут ему и судебный опыт, и интереснейшие жизненные наблюдения.

И мелкие дела продолжали идти одно за другим. 26 октября 1892 года Ульянов выступал в суде по делу мещан Д. А. Перушкина, 18 лет, В. И. Алашеева, 21 года, и А. А. Карташева, 22 лет, обвинявшихся в краже стальных рельсов у купца Духинова и чугунного колеса у купчихи Бахаревой. Суд был не долг: виновные, пойманные с поличным, признались в содеянном и после речи Ульянова получили по минимуму.

Конечно, можно было надеяться на то, что через год-другой ему станут поручать более серьезные и более громкие

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 409.

² См.: Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 126.

дела. А если бы он собирался стать бытописателем, то даже на мелких делах вполне можно было бы собрать богатейший материал о нравах провинциального городка. Но для человека, который все более определялся как деятель общественно-политический, этого было уже мало. И за еще и еще один «год-другой» от судебной рутины, от «чугунного колеса купчихи Бахаревой» и подобных дел можно было просто свихнуться.

Помните разговор Ольги и Ирины в чеховских «Трех сестрах»?

«— У меня постоянно болит голова и такие мысли, точно я уже состарилась. И в самом деле, за эти четыре года, пока служу в гимназии, я чувствую, как из меня выходят каждый день по каплям и силы и молодость. И только растет и крепнет одна мечта...

— Уехать в Москву. Продать дом, покончить все здесь и в Москву...

— Да! Скорее в Москву».

А еще лучше, добавил бы Ульянов, — в Питер...

Но может быть, это лишь сугубо литературные реминисценции? Отнюдь... «Издали из провинции, — писала в своих воспоминаниях В. И. Засулич, — Петербург представлялся лабораторией идей, центром жизни, движения, деятельности, и молодежь, желавшая посвятить себя революции, по выражению Чернышевского, посвятить себя «делу»... рвалась в Петербург...»¹

Основания для самых радужных надежд у Владимира были. Еще в 1891 году, когда он весной и осенью приезжал в столицу для сдачи экзаменов в университете, по рекомендации А. А. Шухта Ульянов познакомился с преподавателем аналитической химии Технологического института Людвигом Юльевичем Явейном и заведующим химической лабораторией Александровского чугунолитейного завода при Николаевской железной дороге Альбертом Эдуардовичем Тилло.

Оба они, еще с начала 80-х годов, лично знали Фридриха Энгельса, Вильгельма Либкнехта. И это уже само по себе, видимо, должно было произвести огромное впечатление на молодого марксиста. Мало того, еще в Казани Владимир мечтал прочесть книгу Энгельса «Анти-Дюринг», в которой, как ему говорили, «поставлены все принципиальные вопросы марксистского мировоззрения». Но ни в Казани, ни в Самаре книги не было. А здесь, в Питере, ее просто взяли с полки домашней

¹ *Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 471.*

библиотеки и вместе с новейшими номерами немецких социал-демократических журналов дали для прочтения и конспектирования...¹

И наконец, может быть, самое главное – именно в это время Петербург все более выдвигался как центр нарождавшегося массового пролетарского движения, которое, по твердому убеждению марксистов, должно было освободить Россию. Именно тогда, в начале 1891 года, во время забастовки судостроителей завода «Новое адмиралтейство» социал-демократическая группа М. И. Бруснева, имевшая достаточно широкие связи со столичными рабочими, установила контакт и со стачечниками. Владимир был в это время в Самаре. Но 12 апреля 1891 года, когда умер писатель-шестидесятник Николай Васильевич Шелгунов, Ульянов находился в Питере.

В свое время статьи Шелгунова по рабочему вопросу имели большой резонанс, и его похороны превратились в политическую демонстрацию. Преобладали студенты, курсистки. Пришли гимназисты и реалисты. Присутствовал сам Михайловский и другие знаменитости. Но самым неожиданным стало появление нескольких десятков рабочих. И среди множества венков был и их металлический венок с темно-зелеными дубовыми листьями и лентой с надписью: «Указателю пути к свободе и братству». После реакции 80-х годов это был чуть ли не первый публичный политический протест.

Несмотря на то что похороны были санкционированы, полиция препятствовала движению, оттесняла демонстрантов с центральных улиц, отбирала венки. В толпе шныряли шпики. Но свой венок рабочие не отдали, и перед самым Волковым кладбищем его понесли гимназисты, среди которых был худенький и очкастый Юлий Цедербаум. «Я жадно всматривался, – вспоминал он, – в лица рабочих, стараясь изучить неведомые мне типы представителей подлинного народа. Они все казались мне значительными, особенно пожилой и молодой «вожаки». Вслушивался в их разговоры и, к удивлению и разочарованию, слышал обыденные суждения об обыденных вещах. И только когда на пути происходили новые небольшие столкновения с полицией, отдававшей нелепые или противоречивые приказания, я в выражении лица некоторых из рабочей молодежи схватывал

¹ См.: Материалы к истории марксизма-ленинизма. М., 1980. Т. 8. С. 175–197; История КПСС. М., 1964. Т. 1. С. 172; Русская литература. 1968. № 3. С. 161; Рабочая Москва. 1924. № 92.

восхищавшую меня готовность пустить в ход кулаки и с не меньшим удовольствием слушал острую, хотя и цензурную, ругань»¹.

А еще через две недели, 1 мая 1891 года, за Невской заставой состоялась первая в России маевка. Полиция не успела разогнать собравшихся. И произнесенные здесь речи рабочих Николая Богданова, Федора Афанасьева, Егора Климанова и В. Прошина были оттектографированы и широко распространялись среди демократической публики.

Пройдет всего несколько лет – и Владимир Ульянов познакомится со многими из студентов и рабочих, принимавших участие в похоронах Шелгунова и первой маевке. Встретится он и с Юлием Цедербаумом, ставшим более известным под псевдонимом Л. Мартов. Но тогда, в апреле 1891 года, готовясь к очередному экзамену, Владимир корпел над занудными учебниками по философии права. А 1 мая сидел в Александровской больнице на Фонтанке у постели умиравшей сестры...

Вроде так и должно было быть. И никто не мог ни в чем упрекнуть его. Но ощущение того, что нечто важное и значительное – поистине историческое – прошло мимо и совсем рядом, видимо, оставалось.

Так почему же тогда, в 1891 году, после успешной сдачи экзаменов не остался он в Питере, а уехал в Самару и продолжал сидеть там еще полтора года? «На этот вопрос, – пишет А. И. Елизарова, – я могу ответить: сидел для матери.

...Несчастье с потерей старшего брата было из ряда вон выходящим, и все же оно не подавило ее, она выказала так много силы воли, что, скрывая, по возможности, свои слезы и тоску, заботилась, как прежде, еще больше, чем прежде, о детях, потому что после смерти мужа ей одной приходилось заботиться о них... А в год окончания Владимиром Ильичем университета над семьей стряслось новое несчастье: умерла в Петербурге от брюшного тифа его сестра Ольга... Владимир Ильич был один с матерью в первые, самые тяжелые, дни. Он привез ее домой в Самару. Он видел, как и при этом новом ударе проявилось ее мужество... Стараясь преодолеть свое горе, мать все же, конечно, сильно страдала... Одно могло облегчить несколько горе матери: близость к ней остальных детей. И Володя остался еще на год дома, в Самаре»².

И опять потянулись дни, чередовавшие судебные заседания, визиты к Хардину, реже – к другим коллегам с молодежными сходками и штудированием марксистской и иной литературы...

¹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 1924. С. 63.

² Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 128, 129.

Самарская «тройка» – Скляренко, Лалаянц, Ульянов, – что называется, спелась отлично. И это было прекрасно. Но, видимо, это и настораживало. Друзья по-прежнему регулярно встречались в Самаре и Алакаевке, обменивались мнениями по поводу новостей и прочитанной литературы, обсуждали рефераты... Но за всеми этими занятиями уже начинало казаться, что жизненное колесо проворачивается вхолостую, что беседы и дискуссии превращаются в какие-то сугубо «умственные игры», не более того.

«Самара, – писала Анна Ильинична о брате, – не могла дать простора его деятельности, она давала слишком мало пищи его уму. Теоретическое изучение марксизма, которое он мог взять и в Самаре, было уже взято им. Он начал изучать и русскую действительность, прилагая к ней метод Маркса... И городскую самарскую библиотеку – библиотеку для провинциального города хорошую – он во всем для себя существенном уже использовал».

Иными словами, период «саморазвития» кончился. Друзья вполне определились как марксисты и социал-демократы. Теперь они жаждали «дела». Но не было тогда в Самаре того дела, к которому они могли бы приложить свои силы.

Владимир старался расширить круг общения. Он переписывался с Федосеевым и, в частности, передал ему во Владимирскую тюрьму свою рукопись с подробным разбором книги Николай-она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», вышедшей в начале 1893 года. Петру Маслову он послал в Уйский поселок на Урале рукопись с обстоятельным анализом работ В. В. о развитии капитализма в России. Но более всего друзья стремились получить выход на страницы прессы.

Василию Водовозову, благодаря его связям, удалось опубликовать в столичном «Юридическом вестнике» № 3 за 1892 год корреспонденцию «Общественные работы в Самаре» о злоупотреблениях губернской администрации во время голода. Для провинциальной Самары это было событие. И когда в сентябре того же года Водовозов переехал в Питер, он договорился о том, что Владимир будет посылать ему аналогичные обличительные материалы. Для самолюбия молодого Ульянова это, видимо, был не оптимальный вариант, но он все-таки давал выход для критической информации в столичную прессу.

В 1965 году в архиве Водовозова Григорий Хаит обнаружил одно из таких писем. 24 ноября 1892 года Ульянов сообщает о попытках замять дело помещика Аксакова, поставившего голодающим гнилое зерно, о произволе земского начальника Чер-

нышева, пытавшегося свалить вину за голод на самих крестьян¹. Однако материал этот Водовозов, судя по всему, так и не использовал.

В 1893 году со статьей о влиянии голода на расслоение крестьян, написанной по статистическим данным о подворном распределении скота, на страницы «Самарского вестника» прорвался Склярченко. Но когда с подобного рода статьей о бедственном положении крестьян туда же обратился Алексей Преображенский, ему отказали. На рукописи остались пометки цензора: «У нас есть Бог!», «У нас есть Царь!», «У нас есть Родина!» Владимир посоветовал Алексею послать статью в столицу, в один из толстых журналов, но цензура уже научилась угадывать крамолу за столбцами сухих цифр².

В декабре 1892 года за аналогичную статью П. Н. Скворцова закрыли достаточно умеренный «Юридический вестник». И редакторы были начеку. В. М. Лавров – редактор журнала «Русская мысль» – писал А. П. Чехову: «Теперь, когда цензура насторожилась и смотрит на нас взором аспиды и василиска, я опасаясь, как бы не вышла какая-нибудь пакость»³. Поэтому, видимо, когда Владимир Ульянов послал в «Русскую мысль» свою статью о книге Постникова, он получил вежливый отказ⁴.

Настроения это, конечно, не прибавляло, и, как пишет Лалаянц, с началом 1893 года Владимир стал вообще избегать «широкой публики, в особенности интеллигентской молодежи» с ее бесконечными словопрениями, танцами и пьянками⁵. И, кстати, видимо, именно тогда Склярченко и Лалаянц впервые стали называть Ульянова «стариком»⁶.

Когда начинаешь размышлять над тем, о чем думал, что происходило в душе у интересующего тебя человека, и нет прямого ответа, его иной раз может дать свидетельство косвенное, скажем реакция на прочитанную книгу...

Видимо, где-то в начале 1893 года Владимиру попадает в руки ноябрьский номер журнала «Русская мысль» за прошедший год с новой повестью Чехова «Палата № 6». Повесть вызвала острейшую полемику в печати. Демократическая интеллигенция

¹ См.: Вопросы истории КПСС. 1966. № 3. С. 3–5.

² См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 57, 75, 161.

³ Чехов А. П. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. Т. 5. С. 523.

⁴ См.: Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 248; Валентинов Н. Нерисованный портрет... С. 472.

⁵ См.: Владимир Ильич Ленин в Самаре. С. 171.

⁶ См.: Красная летопись. 1926. № 6. С. 26.

встретила ее восторженно. И. Е. Репин писал Чехову: «Как я Вам благодарен... Какая страшная сила впечатления поднимается из этой вещи!» А Н. С. Лесков заметил: «В «Палате № 6» в миниатюре изображены общие наши порядки и характеры. Всюду – палата № 6. Это – Россия...»¹ И помимо прочего, мыслящая Россия увидела в этой повести осуждение философии бездействия, примирения с существующим злом.

Чеховский герой доктор Андрей Ефимович Рагин относился к окружающему «довольно равнодушно». Он был убежден в том, что, для того чтобы ликвидировать «житейские гадости и мерзости», недостаточно «одной только его воли и что это было бы бесполезно; если физическую и нравственную нечистоту прогнать с одного места, то она перейдет на другое; надо ждать, когда она сама выветрится». И вообще «все эти житейские гадости и мерзости нужны, так как они с течением времени перерабатываются во что-нибудь путное, как навоз в чернозем. На земле нет ничего такого хорошего, что в своем первоисточнике не имело бы гадости».

Картинки провинциальной жизни – эти бесконечные «умственные» разговоры, журфиксы, танцевальные вечера – были хорошо знакомы любому провинциальному интеллигенту и неизбежно вызывали свой поток ассоциаций и аллюзий...

«Все заговорили о том, как скучно порядочному человеку жить в этом городе... Андрей Ефимович медленно и тихо, ни на кого не глядя, стал говорить о том, как жаль, как глубоко жаль, что горожане тратят свою жизненную энергию, свое сердце и ум на карты и сплетни, а не умеют и не хотят проводить время в интересной беседе и в чтении, не хотят пользоваться наслаждениями, какие дает ум. Только один ум интересен и замечателен, все же остальное мелко и низменно».

Владимир Ульянов не раз наблюдал эту удивительную способность провинциальной интеллигенции создавать для себя крошечный микромир, где, отгородившись от окружающей мерзости, можно было отводить душу в «философских» беседах о Высоком и Прекрасном... Пока эта самая мерзость не растопчет и благодатный мирок, и самих носителей столь высоких мыслей.

«Андрей Ефимович и теперь был убежден, что между домом мещанки Беловой (в котором он жил прежде) и палатой № 6 нет никакой разницы, что все на этом свете вздор и суета сует.

¹ Чехов А. П. Собр. соч. Т. 5. С. 522.

Недалеко от больничного забора, в ста саженьях, не более, стоял высокий белый дом, обнесенный каменной стеной. Это была тюрьма.

«Вот она действительность!» – подумал Андрей Ефимович, и ему стало страшно...

Андрей Ефимович лег и притаил дыхание; он с ужасом ждал, что его ударят еще раз».

На Ульянова эта повесть произвела поистине ошеломляющее впечатление. «Остался у меня в памяти разговор с Володиной, – вспоминает А. И. Елизарова, – о появившейся в ту зиму в одном из журналов новой повести А. Чехова «Палата № 6». Говоря о талантливости этого рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им, – Володя вообще любил Чехова, – он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо-таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно и я заперт в палате № 6». Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем.

Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием: для него Самара стала уже такой «палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как несчастный больной Чехова. И он твердо решил, что уедет из нее...»¹

Впрочем, все образовалось как бы само собой. В июне 1893 года младший брат Дмитрий успешно сдал гимназические экзамены, и решено было, что поступать он будет в Московский университет. А стало быть, и семье надо перебираться на жительство в Москву. Исключение составил лишь Владимир.

Анна Ильинична пишет: «Он не захотел основаться в Москве, куда направилась вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет младшим братом Митей... Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре – Питере. Впрочем, его намерение искать связей среди рабочих, взяться вплотную за революционную работу заставляло его также предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы скомпрометировать»².

¹ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 129–130.

² Там же. С. 130.

24 апреля и 12 мая Владимир последний раз выступил в суде и уехал в Алакаевку. 23 июля был составлен договор о продаже за 8 тысяч рублей хутора и мельницы их соседу – помещику С. Р. Данненбергу. Но эта сделка сорвалась, и Алакаевку перекупил местный купец Данилин. 12 августа Ульянов вернулся в Самару и через четыре дня подал прошение председателю Самарского окружного суда, в котором он, «намереваясь перечислиться в помощника присяжного поверенного в округ С.-Петербургской судебной палаты», просил выдать ему справку о том, что он состоял в аналогичной должности в Самаре.

18 августа справка была получена, и уже 20-го Ульянов выехал из Самары. По дороге он на пару дней остановился в Нижнем Новгороде, где и состоялась уже описанная выше встреча с П. Н. Скворцовым, а оттуда двинулся во Владимир, где именно в эти дни должен был выйти из тюрьмы Н. Е. Федосеев.

Н. Л. Сергиевский, встречавший Ульянова на вокзале, вспоминал: «В назначенный час я пришел на вокзал и, окинув взором почти пустой буфет... тут же заметил около условленного столика маленького человека со всеми приметами В. И. Немедленно подошел к нему, сказал пароль. В. И. ответил, быстро взял свой саквояж и без дальних слов направился за мной...

Первое время мы шли почти молча... Я с любопытством наблюдал его. Маленький, щупленький, скромный, аккуратно и, что называется, прилично, но без претензий одетый человек, ничем не обращающий на себя внимание среди обывателей. Этот защитный цвет мне понравился. Все та же, что и теперь, рыжеватая бородка клинышком, усы по тому времени не стриженные, татарский разрез глаз и примечательный череп (по которому и только по одному ему... я через 7–8 лет сразу узнал В. И., как только мой взор упал на этот череп), тогда еще покрытый, хотя и крайне небогатой растительностью. Того лукавого выражения лица, которое потом уже, после ссылки, обратило на себя мое внимание, тогда я не заметил. Вероятно, в тот период оно еще отсутствовало. Осторожный, пытливо озирающийся, наблюдательный, сдержанный, при всей своей, мне уже известной по письмам, темпераментности, В. И. представлял собой полнейшую противоположность Н. Е. (Федосееву). Ого, думал я: если пламенный, отчаянный Н. Е. сложит свою буйную голову, то этот сложит голову общего врага»¹.

¹ Федосеев Николай Евграфович. Один из пионеров революционного марксизма в России. Сборник воспоминаний. М.; Пг., 1923. С. 98–99.

Встреча с Федосеевым на сей раз не состоялась. Его выпустили из тюрьмы лишь спустя месяц. Поэтому Ульянов в тот же день покинул Владимир и 26 августа прибыл в Москву.

31 августа он был уже в Санкт-Петербурге...

Пройдет совсем немного времени, и в Алакаевке застучат топоры и завизжат пилы. Купцу Данилину нужна была лишь земля — для сдачи в аренду окрестным крестьянам — и мельница. Поэтому дом разберут и перенесут в Неяловку, а сад — «Олин клен», «Володин кабинет», «Анину березовую аллею», старые липы — в общем, весь сад вырубят...

Глава 3

«СОЮЗ БОРЬБЫ»

В СТОЛИЦЕ

На молодого человека, приехавшего в столицу из провинции, Петербург нередко производил довольно тягостное впечатление. Когда, например, 17-летний Глеб Кржижановский прибыл сюда для поступления в Технологический институт, Питер буквально ошеломил его. «На первых порах, – вспоминал он, – я был подавлен мрачным величием этого города. Каменные громады зданий, гранит и мрамор его дворцов, могучая черная лента Невы, блеск европейских магазинов, синие лучи электричества на главных величественных проспектах и тонущие в нездоровой сырой мгле, балансирующие на болотистой почве угрюмые фабричные закоулки окраин.

Петербург того времени был поистине ужасным городом торжествующего царизма. Отборная рать здоровеннейших городских, торчавших на каждом перекрестке, не менее упитанные фигуры дюжих «околодков», характерная дробь барабанов с пронзительным присвистом маршевой дудочки, аккомпанирующей непрерывно маршировавшим в разных направлениях многочисленным колоннам войск, «цвет» бюрократии и генералитета, гравивших широкие тротуары Невского проспекта, и целые тучи шпионской рати, шныряющей в мглистом тумане бесконечных петербургских улиц...»¹

На Владимира Ульянова город столь тягостного впечатления, судя по всему, не произвел. Во-первых, ему было уже не 17, а 23. Во-вторых, исполнилась его мечта, и он все-таки вырвался из постылой, пыльной Самары и теперь уже был предоставлен самому себе. И наконец, он ведь приехал сюда не впервые. А с предыдущими приездами были связаны и успешные университетские экзамены, и новые столичные знакомства.

¹ Кржижановский Г. М. О Владимире Ильиче (доклад на вечере воспоминаний о В. И. Ленине 3 февраля 1924 года). М., 1933. С. 28–29.

Помнил он, конечно, и о том, как весной 1891 года гуляли они по набережной Невы с сестрой Ольгой, смотрели ледоход. Как той же весной похоронили ее. Поэтому, сняв комнату на Сергиевской улице, он в первые же дни едет на Волково кладбище. Могила Ольги в порядке, «все в сохранности – и крест и венок», – пишет он матери¹.

Суеты, связанной с обустройством, на первых порах было много. Но уже 3 сентября Владимира Ульянова зачисляют помощником присяжного поверенного к хорошему знакомому Хардина известному адвокату Михаилу Филипповичу Волкенштейну, и отныне, облачаясь в отцовский фрак, ему приходится регулярно ходить на Литейный проспект в Совет присяжных поверенных при Петербургском окружном суде для юридических консультаций и ведения судебных дел. А в Юридическом календаре на 1894 год, на странице 276, его фамилия с указанием адреса появляется в списке столичной адвокатуры.

Постепенно налаживается и повседневный быт. Обедать он ходит к близким знакомым семьи Ульяновых – Чеботаревым. По совету матери Владимир заводит приходно-расходную книгу, в которую заносит свои траты. «Оказалось, – сообщает он Марии Александровне, – что за месяц с 28/VIII по 27/IX израсходовал всего 54 р. 30 коп., не считая платы за вещи (около 10 р.), и расходов по одному судебному делу (тоже около 10 р.), которое, может быть, буду вести. Правда, из этих 54 р. часть расхода такого, который не каждый месяц повторится (калоши, платье, книги, счета и т. п.), но и за вычетом его (16 р.) все-таки получается расход чрезмерный – 38 р. в месяц. Видимое дело, нерасчетливо жил: на одну конку, например, истратил в месяц 1р. 36 к. Вероятно, пообживусь, меньше расходовать буду»².

2 октября 1893 года Владимир переселяется на Ямскую улицу и пишет матери: «Комнату я себе нашел наконец-таки хорошую, как кажется: других жильцов нет, семья небольшая у хозяйки, и дверь из моей комнаты в их залу заклеена, так что слышно глухо. Комната чистая и светлая. Ход хороший. Так как при этом очень недалеко от центра (например, всего 15 минут ходьбы до библиотеки), то я совершенно доволен»³.

Само описание этой комнаты – «других жильцов нет», «дверь... заклеена», «слышно глухо» – невольно выдает какие-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 1.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 1.

то новые, скрытые, тем более от матери, помыслы сына. Освоившись в столице, Владимир сразу же начинает искать контакты с нелегальными социал-демократическими кругами. Он едет в Царское Село и навещает семью Аполлона Шухта. А здесь – прибавление: родилась дочь Анна, которая спустя много лет станет известной скрипачкой. И 24 октября 1893 года, при ее крещении, в метрической книге Царскосельской церкви лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона в графе «Звание, имя, отчество и фамилия восприемников» появится запись: «Помощник присяжного поверенного Владимир Ильин Ульянов».

Возобновляет Владимир знакомство и с Людвигом Явейном и Альбертом Тилло. Наконец, в ход идет рекомендательное письмо, полученное им от нижегородцев к питерским студентам-землякам. В конце сентября он вручает это письмо студенту первого курса университета Михаилу Сильвину, известному нижегородцам по занятиям в кружке П. Н. Скворцова.

«В переданном им письме, – рассказывает Сильвин, – которое я тут же просмотрел, нижегородцы предлагали мне отнестись к Владимиру Ильичу с полным доверием и упомянули об Александре Ильиче. Этого было более чем достаточно... Уничтожив письмо, в тот же день я разыскал Германа Красина, сообщил об интересном приезде и настойчиво предложил познакомиться. Имя «Ульянов» произвело впечатление, но мне заявили «обсудим»¹.

Герман Красин, как и брат его Леонид, входил в свое время в брусневскую социал-демократическую организацию. После ее разгрома в 1891–1892 годах Германа выслали в Нижний. Однако, вернувшись в столицу, он сумел воссоздать новую группу, в которую вошли студенты Технологического института Степан Радченко, Петр Запорожец, Василий Старков, Глеб Кржижановский, Анатолий Ванеев, Александр Малченко, Яков Пономарев, Михаил Названов и др. Возобновили и связи с рабочими, входившими в брусневские кружки.

Работа шла – по тем временам – успешно, и «долготельство» группы во многом объяснялось строжайшей конспирацией, за которой тщательно следил Запорожец. Поэтому к каждому «новенькому» относились крайне осторожно. И, получив от Сильвина сообщение о желании «брата А. И. Ульянова» вступить в организацию, Красин и Радченко отправились к нему домой. «Пойдем посмотрим», – заметил Красин.

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958. С. 41.

Это позднее в своих мемуарах «технологи» будут рассказывать о том, что Владимира Ульянова, сразу же поразившего их марксистской эрудицией, приняли с распростертыми объятьями. В более ранних воспоминаниях тот же Герман Красин писал: «Мы явились к Владимиру Ильичу с целью познакомиться и произвести попутно легкий теоретический экзамен ему по части твердости его в принципах марксизма»¹. И хотя «экзамен» Ульянов не только выдержал, но и, как пишет Красин, сам превратился в экзаменующего, впечатление у «технологов» осталось неоднозначное.

Камнем преткновения стало отношение к народовольческому террору. «Помню, с какой горячностью, – вспоминал Владимир Старков, – он отстаивал от наших нападков свой взгляд на террор как на метод политической борьбы, который он изложил в первом своем литературном произведении, ходившем по рукам в рукописи (помнится, в статье под названием «Что такое «друзья народа»...»). Там он излагал еретическую, с нашей точки зрения, мысль в том смысле, что принципиально соц.-демократия не отрицает террор как метод борьбы».

Старков, видимо, запомнил обстоятельства данной дискуссии, ибо в работе «Что такое «друзья народа»...» об отношении к террору не говорилось ни слова. Но то, что споры были, – факт. «Нам, воспитанным на статьях Плеханова, резко критиковавших программу и тактику народовольцев, поставивших во главу угла террор, и лично поломавшим не мало копий при борьбе с народовольцами, – писал Старков, – такие мысли казались еретичными»².

«Особая позиция» Ульянова по этому вопросу проявилась еще в Самаре в спорах с Лалаянцем, который написал о «некоторых симпатиях Владимира Ильича к народовольческому террору». Ее отметили и нижегородцы, вспоминая о дискуссии Владимира со Сковрцовым по поводу «допустимости с точки зрения марксистской программы террора как средства борьбы»³. И вот теперь Герман Красин и некоторые другие «технологи», страдавшие, как писал Глеб Кржижановский, от «заедавшего порой нас элементарного буквоедства», вновь решили «с особой обстоятельностью поисповедовать Владимира Ильича относительно его взглядов на террор, причем вспоминая, как некоторые эксперты из нашей среды хотя и должны были признать право-

¹ Старый большевик. М., 1933. Сб. 2 (5). Март – апрель. С. 188.

² Красная новь. 1925. № 8. С. 111.

³ Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 49; там же. 1924. № 5. С. 102.

верность его марксистских взглядов на этот метод борьбы, но все же отмечали, что наш новый друг по своему темпераменту в этом направлении слишком «красен и недостаточно надежен»...»¹.

Кржижановский считал, что отношение к народовольческо-му террору Владимира Ульянова «шло к нему непосредственно от фамильной трагедии, от героического образа его брата, что по-иному связывало его, чем нас, с традициями предшествовавшей героической революционной борьбы»². Но Лалаянц – первый оппонент Владимира по этому вопросу – напротив, определенно писал, что «отношение к террору у Владимира Ильича несколько не было результатом непосредственного влияния на него его брата – А. И. Ульянова»³.

Характерно, что Юлий Мартов, которого нынешние биографы любят противопоставлять Ленину, рассказывая о своих политических симпатиях начала 90-х годов, писал: «Я обрел идеал революционера в Робеспьере и Сен-Жюсте, все речи которых хорошо знал. Из этого увлечения вытекало довольно простое, примитивно-бланкистское представление о задаче революции, которую я мыслил себе в виде торжества абстрактных, для всех времен годных принципов народовластия, воплощаемых в революционной диктатуре, прочно опирающейся на «бедноту» и не стесняющейся в средствах.

...Точно сейчас не помню содержания моего первого литературного опыта: помню только, что он был, что называется, «с пылу, с жару», заключал в себе яростное обличение всякой умеренности и аккуратности, защищал террор и обильно был уснащен цитатами из речей Робеспьера и Сен-Жюста. Русские революционеры призывались при решении вопроса о тактике руководствоваться принципом якобинцев: «*rérisse notre nom pour que la liberté soit sauvée*» (да погибнет наше доброе имя, лишь бы спасена была свобода)»⁴.

Так что Лалаянц, видимо, более прав, нежели Кржижановский, ибо верность марксизму в данном случае состояла в том, чтобы к оценке любого метода борьбы подходить хотя бы «исторически», то есть с учетом времени и конкретных обстоятельств самой борьбы.

Заметим, кстати, что ссылка Владимира Старкова на Плеханова, якобы воспитавшего в них принципиальное неприятие

¹ Кржижановский Г. М. О Владимире Ильиче. С. 31.

² Там же.

³ Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 49.

⁴ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 97, 101.

террора, неосновательна. В «Наших разногласиях» Плеханов прямо заявлял, что «пропаганда в рабочей среде не устраняет необходимости террористической борьбы». Да и в самой программе группы «Освобождение труда» также указывалось, что социал-демократы «не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы»¹.

С этой проблемой нам придется неоднократно сталкиваться и в последующих главах. Пока лишь заметим, что свое отношение к тактике народовольцев Ульянов не скрывал ни тогда, ни позже.

«Они проявили, – писал он, – величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира». С точки зрения практического результата «своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть». Но в тех условиях, когда не было массы, на которую они могли бы опереться, когда казалось, что страна – подобно древним восточным деспотиям – находится в историческом небытии, сам факт открытого протеста и борьбы, пускай даже одиночек, имел огромное значение. «Несомненно, – писал Ленин, – эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали – прямо или косвенно – последующему революционному воспитанию русского народа»².

Отрицать, как выразился Кржижановский, «правоверность» подобной позиции с марксистской точки зрения не было оснований. Но логика борьбы с народничеством приводила молодых социал-демократических «ортодоксов» не только к тому, что они не делали различия между революционными и либеральными народниками, но и к отрицанию всего, что было связано с ними.

Спустя много лет Леонид Борисович Красин писал: «Маркс где-то упоминает, что при наличии враждующих течений идеологическая формулировка и самая позиция более молодого течения определяется часто как отрицание идей и воззрений его предшественников. И ради того, чтобы не быть похожими на них, «молодые» часто гораздо дальше идут по таким дорогам, по которым они не пошли бы без этой полемики и этой кружковой борьбы»³. Это удивительно точное наблюдение нам, види-

¹ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. С. 266, 267, 268.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 315.

³ Пролетарская революция. 1923. № 3. С. 4, 5.

мо, тоже еще не раз придется вспоминать, анализируя позицию и самого Ленина, и его оппонентов.

Василий Старков пишет, что он не помнит, «на чем состоялось примирение» в споре о терроре, но, так или иначе, «технологии» приняли Владимира Ульянова в свою среду. Отношения, впрочем, наладились не сразу. «Впечатление, которое он произвел, вероятно, не на меня одного, — вспоминал Михаил Сильвин, — вначале было довольно смешанным. Его невзрачная, на первый взгляд заурядная фигура нам не очень импонировала, но с каждым днем каждый из нас невольно останавливался все внимательней на этом странном человеке. По-видимому, присматривался и он к нам...»¹

Поначалу быстрому сближению вероятнее всего препятствовала разница в возрасте. Четыре-пять лет, казалось бы, не столь уж много. Но когда ты первокурсник и тебе девятнадцать, как Сильвину, а Ульянову — двадцать четыре и он уже помощник присяжного поверенного, то эта разница весьма существенна. Однако, как пишет тот же Сильвин, поворот «начался довольно быстро».

Они собирались еженедельно на квартире у кого-либо из студентов-технологов. И чувство уважения к его марксистской эрудиции росло буквально с каждой встречей. В те годы, как отметил Леонид Красин, теоретическое верхоглядство было достаточно распространено в среде демократической молодежи, которая полагала, что «нечего корпеть над книжками, достаточно прочесть несколько статей Герцена, Чернышевского, проштудировать «Исторические письма» Лаврова, а если к этому еще прочесть брошюру Льва Тихомирова, то теоретическая подготовка революционера может считаться законченной и ему можно и должно идти немедленно в практическую работу»².

Среди социал-демократического студенчества тоже был свой «обязательный минимум»: первый том «Капитала» Маркса, статьи Энгельса, Каутского, Бебеля и Плеханова — и этого вполне достаточно. Поэтому, когда Ульянов рассказал о том, как с помощью рефератов прорабатывали они в Самаре марксистскую классику и иную литературу, «технологии» решили опробовать этот метод. Для начала взяли только что вышедшую книгу В. В. (Воронцова) «Наши направления» и поручили реферат Михаилу Сильвину.

¹ Пролетарская революция. 1924. № 7 (30). С. 68.

² Там же. 1923. № 3. С. 4.

Что из этой затеи вышло, рассказал сам Сильвин: «Реферат я написал, насколько теперь помню, хлесткий, но малосодержательный. Читал я его у себя же в комнате. Были, кроме Владимира Ильича, Кржижановский, Старков, Малченко, Ванеев и Г. Красин. Ввиду очевидной убогости содержания доклада особых прений или обмена мыслями не последовало, все неловко молчали, больше всех был смущен сам автор своим полным провалом и с отчаяния порвал реферат на мелкие куски, как только публика разошлась. Молчаливо признанным лидером кружка был Г. Красин, и он-то и решил спасти положение, предложив представить к ближайшему собранию реферат о рынках»¹.

В качестве объекта критического анализа он избрал уже упоминавшиеся «Очерки...» Николай-она (Н. Ф. Даниельсона). Исследуя процесс «капитализации» всего народного хозяйства, Даниельсон утверждал, что обнищание крестьянства сокращает внутренний рынок и тем самым лишает капитализм всякой почвы. Единственная его опора – покровительственная политика правительства, которое толкает Россию на ошибочный путь. И если бы не эта политика, капитализм, а с ним и полуторамиллионный российский пролетариат неизбежно были бы обречены на деградацию.

Авторитет первого переводчика Маркса, огромная эрудиция, гигантский статистический материал – все это делало Даниельсона серьезным противником. Но Германа Красина это нисколько не смущало. В свое время, в Нижнем Новгороде, он не раз обсуждал данный вопрос с П. Н. Скворцовым и, основываясь на исследованиях оборота капитала во втором томе «Капитала» Маркса и на теории более быстрого роста постоянной части капитала сравнительно с переменной, вполне логично доказал, что капитализм развивается имманентно в процессе производства средств производства для средств производства.

Поскольку оратором он был неважным, то весь текст доклада написал в тетрадке, перегнутой пополам, так что полстраницы занимали поля. Текст этот он дал Владимиру Ульянову, и тот на полях набросал свои замечания. Но Герман не придавал им особого значения, ибо был убежден в неотразимости своих аргументов.

Собрание состоялось в начале ноября 1893 года на квартире у Зинаиды Невзоровой, и, поскольку Красин являлся общепризнанным лидером кружка, публики собралось довольно много. Красин зачитал текст. Все было логично и правильно, вполне соответствуя

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 46.

цитатам из Маркса. Но кому была нужна такая правда? Это и стало очевидным, как только Ульянов изложил свои замечания.

Прежде всего выяснилось, что ни Герман, ни большинство присутствующих ничего не знают «о русском сельском хозяйстве, о всех тех многочисленных видах и формах, в которых капитализм внедрялся в самую гущу народной жизни». Без всяких ссылок на Маркса Владимир призвал своих коллег к реализму, к тому, чтобы исходить не из схем и абстракций, а из анализа российской действительности. И Даниельсон не прав не потому, что он противоречит Марксу, а потому, что его выводы не соответствуют реальности.

Опираясь на свой самарский реферат о книге Постникова, Ульянов обрисовал процесс расширения товарного производства на почве вытеснения натурального хозяйства денежным, расслоения крестьянства и его пролетаризации. «Он говорил долго, — пишет Михаил Сильвин, — со свойственным ему мастерством, старался не задевать референта, но последний, однако, чувствовал себя уничтоженным, как это чувствовали и все мы...

— Мы должны заботиться не о рынках, — закончил Владимир Ильич, — а об организации рабочего движения в России, о рынках же позаботится наша буржуазия»¹.

Это же собрание подробно описала Софья Невзорова, лишь накануне приехавшая к сестре в Питер: «Как сейчас помню нашу небольшую, в одно окно, длинную комнатку с зеленым диваном и двумя кроватями. На этом диване за столом сидит этот новый интересный человек. Владимиру Ильичу было тогда всего 23 года. Свет лампы освещает его большой, крутой лоб с кольцами рыжеватых волос вокруг значительной уже лысины, худощавое лицо с небольшой бородкой. Свои возражения по поводу статьи Германа Красина он читает по тетрадке. Напротив него на кровати, напряженный как стрела, сидит Глеб Кржижановский, дальше кругом на стульях разместились остальные: всегда на вид спокойный, но горячий в спорах Старков, чернобровый и черноглазый Малченко, высокий красивый Петр Запорожец, коренастый белокурый Ванеев, нервный и подвижной Сильвин. На кровати сидят Зина [Невзорова] и Аполлинария [Якубова], а у печки стоит, заложив руки за спину, высокий, с большим лбом Герман Красин. В стороне на столике шумит самовар, стоят стаканы, хлеб, масло. Хозяйничаю я. Владимир Ильич кончил читать. Начинается жаркий спор. Дает свои объяснения Г. Красин, горячится главным образом Кржижановский, воз-

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 48, 49.

ражают Старков, Ванеев и др. В. И. молчит, внимательно слушает, переводя свои острые, смеющиеся, пытливые глаза с одного на другого. Наконец, он берет слово, и сразу наступает тишина. Все с необыкновенным вниманием слушают, как В. И. опровергает Г. Красина и некоторых других, возражавших ему. Не помню сейчас его доводов, но осталось яркое впечатление неопровержимости их. Я видела тогда В. И. первый раз в жизни. И сразу он принес с собой что-то яркое, живое, новое, неотразимое. Я, дикая провинциалка, была прямо потрясена этим вечером. Целый вихрь мыслей кружился в голове. И так живо и ясно встает в памяти вся картина этого вечера. Как будто вчера, а не 36 лет назад стоял В. И. в нашей комнате в своем черном с мерлушковым воротником пальто. Слегка сгорбившись и надвигая поглубже мерлушковую шапку на уши, он так заразительно молодо смеялся и шутил, уходя одним из последних из нашей комнаты»¹.

Этот вечер как раз и стал поворотным пунктом и в отношении к Владимиру Ульянову, и в жизни самого кружка.

ПЕРВОЕ ПРИЗНАНИЕ

На Рождество Владимир поехал в Москву к родным. Они не виделись уже четыре месяца, и это была первая столь длительная разлука. Поэтому было и о чем поговорить, и просто посидеть всем вместе за праздничным столом. Но, как всегда, сразу же начались и иные встречи.

В эти же дни в Москву нелегально приехала его самарская знакомая Мария Голубева-Яснева, отбывавшая ссылку в Твери. Встретив одного из народовольцев, с которым имела дела еще в прежние годы, она получила приглашение на конспиративную вечеринку – «только для избранных», которая должна была состояться на Воздвиженке, в доме хозяйки книжного магазина, вполне либеральной дамы Залесской. Поначалу Владимир не хотел идти туда, но потом согласился. И совсем по другим каналам на ту же встречу получили приглашение Анна и Марк Елизаровы.

9 января в большой трехкомнатной квартире дома Залесской, совсем не ожидая того, они встретились. «Избранных», – вспоминала Анна Ильинична, – оказалась непротолченная труба. Конспирация была такова, что оказалось два входа в дом или две квартиры под одним номером, – не помню точно, – и многие

¹ Пролетарская революция. 1930. № 1(96). С. 86.

тыкались сперва неправильно, а потом описательно добивались нужного. Если принять во внимание, что это были меблированные комнаты-квартиры для студенчества, – в то время самого революционного элемента, – поэтому дежурный пост для всех шпиков, то надо признать, что менее конспиративно устроить вечеринку вряд ли было возможно. Но как быть?! Более солидная публика была в то время слишком осторожна, чтобы давать свою квартиру под большие собрания. Неустрашимой являлась, как всегда и всюду, молодежь...»¹

Сначала заслушали какой-то реферат, и «якобинка» Мария Голубева тихо ругалась: «Стоило собирать так конспиративно публику, чтобы слушать доклады об аптечках и библиотечках!» Но потом начались «дебаты, принявшие скоро, – как пишет Елизарова, – горячий характер, особенно после того, как одному очень солидному народнику, невысокого роста, плотному, с лысиной блондину, к которому молодежь обращалась очень почтительно и который сидел в некотором роде «в красном углу», стал возражать Владимир Ильич».

Стоя в дверях в другую комнату в толпе молодежи, он сначала бросил несколько иронических реплик, а потом взял слово и «со всем пылом молодости» подверг критике народническую доктрину. Присутствовавший на этом собрании Виктор Чернов – будущий лидер социалистов-революционеров – впоследствии вспоминал об этом выступлении Ульянова: «Он показался мне очень невзрачным; его картавящий голос, однако, звучал уверенностью и чувством превосходства. Он тогда еще не злоупотреблял «ругательностью» и производил приемами спора, в общем, весьма благоприятное впечатление».

Плотный лысый блондин с рыжей бородой был не кем иным, как Василием Павловичем Воронцовым – знаменитым «В. В.». Он стал отвечать Ульянову, «приставая к нему, – как пишет Чернов, – что называется как с ножом к горлу: «Ваши положения бездоказательны, ваши утверждения голословны... Покажите нам, что дает право вам утверждать подобные вещи; предъявите нам ваш анализ цифр и фактов действительности. Я имею право на свои утверждения, я его заработал: за меня говорят мои книги... А где ваш анализ? Где ваши труды? Их нет!»²

Вот этого Василию Павловичу как раз и не надо было говорить. И дело не в том, что упрек молодому человеку в отсут-

¹ Ленин Н. (В. Ульянов). Собр. соч. Т. 1. М., 1924. С. 704–705.

² Там же. С. 705–706.

ствии «фундаментальных трудов» вряд ли был корректен и сразу вызвал неприятие у присутствующих здесь студентов. Еще в Самаре Владимир не раз выступал с рефератом о книге В. В. «Судьбы капитализма в России», написал он тогда же и статью «Обоснование народничества в трудах В. В.». Поэтому «снисходительное отношение, научные возражения более старшего собеседника, — пишет Анна Ильинична, — не смутили брата. Он стал подкреплять свои мнения также научными доказательствами, статистическими цифрами и с еще большим сарказмом и силой обрушился на своего противника. Все собеседование обратилось в турнир между этими двумя представителями «отцов и детей». С огромным интересом следили за ним все, особенно молодежь. Народник стал сбавлять тон, цедить слова более вяло и, наконец, стушевался. Марксистская часть молодежи торжествовала победу»¹.

И в этой оценке *первого публичного выступления* Владимира не было комплиментарности. Агент охраны, присутствовавший, естественно, на этой «конспиративной вечеринке», также доложил, что защиту своих взглядов Ульянов провел «с полным знанием дела»². Чего не знал агент, так это комичного финала: уходя, уже в передней, Владимир спросил Голубеву: «С кем это я спорил?» И узнав, что это был сам «В. В.», ужасно смутился и рассердился, что его не предупредили³.

После этого эпизода Ульянов сразу приобрел известность в радикальных московских кругах и, как пишет Голубева, «имя «петербуржца», раздлавшего так основательно В. В., было одно время у всех на устах»⁴. Но роль модного «героя» нисколько не прельщала Владимира. И когда — уже упоминавшийся в связи с голодом 1891 года — сын генерала Сергей Прокопович, сочувствовавший социал-демократам, через Марию Голубеву пригласил Ульянова к себе домой, Владимир, как писала Голубева, вел себя в гостях «ужасно скромно»⁵.

Не обошлось и без курьезов...

Для встреч с московскими товарищами надо было подыскать подходящее место. И Мария Петровна предложила для свиданий квартиру своей сестры, муж которой, пристав, подолгу отсутствовал дома. И вот однажды Владимир Ильич и Мария Пет-

¹ Ленин Н. (В. Ульянов). Собр. соч. Т. 1. С. 705.

² Красный архив. 1934. № 1. С. 76.

³ См.: Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 271.

⁴ Ленин Н. (В. Ульянов). Собр. соч. Т. 1. С. 706.

⁵ См.: Звезда. Минск, 1924. 17 февр.

ровна пришли на эту квартиру и в ожидании товарищей «уединились в маленьком кабинетике...». Вдруг неожиданно возвращается пристав, решивший пообедать дома. И узнав, что пришла свояченица, стал приглашать к столу и ее. «Жена его сказала, что Мария Петровна не одна, а у нее сидит ее знакомый. Но пристав настоял, чтобы к обеду был приглашен и тот.

И вот Владимир Ильич пошел с Марией Петровной обедать вместе с приставом. Хозяин, не зная, конечно, с кем он имеет дело, был воплощенной любезностью и, чтобы занять своих гостей, стал рассказывать о том, что он пишет мемуары... Владимир Ильич поддакивал ему: «Да, это должно быть очень интересно»... Мария Петровна едва удерживалась от смеха... К счастью, два товарища, с которыми Владимир Ильич должен был иметь свидание, пришли позже, когда обед был уже закончен и пристав ушел...»¹

Весть о дебатах с В. В. докатилась и до Питера. Во всяком случае, когда через несколько дней Ульянов вернулся в столицу, друзья стали осаждать его просьбами – ответить Михайловскому на его статьи в «Русском богатстве», направленные против марксистов².

Опыт полемики с В. В. показал, что самарские рефераты не утратили своей «убойной силы», и Владимир решил, что неплохо было бы, подновив и доработав содержание, опубликовать их хотя бы на гектографе. И делать это надо было быстро, отложив все прочие дела и, в частности, адвокатуру. Естественно, встал вопрос – а на что жить?

Впрочем, практика помощника присяжного поверенного особых доходов ему и так не приносила. Сразу же после зачисления Владимира в Петербургскую адвокатуру Департамент полиции немедленно известил его столичных коллег о «неблагонадежности Ульянова». Так что ждать больших и громких дел, суливших успех, не приходилось. Тем не менее он продолжал регулярно ходить на Литейный для юридических консультаций и несколько раз выступал по мелким уголовным делам по назначению суда, т. е. бесплатно. Михаилу Сильвину Владимир как-то посетовал на то, что его адвокатские гонорары едва покрывают расходы на выборку документов для ведения дел³.

В Москве у него, видимо, был разговор на эту тему с матерью, и выяснилось, что материальное положение семьи стало

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 150–151.

² См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 70.

³ См. там же. С. 69; Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 107.

достаточно стабильным. Помимо накоплений, оставшихся после смерти Ильи Николаевича и продажи Алакаевки, а также пенсий, которые продолжали получать Мария Александровна, сын Дмитрий, учившийся на первом курсе медфака МГУ, и дочь Мария – гимназистка 5-го класса, высокооплачиваемую должность в Управлении Курской железной дороги получил зять – Марк Тимофеевич Елизаров. Если добавить к этому те деньги, которые Мария Александровна продолжала получать от сестры Любви Александровны Пономаревой за свою долю земли из отцовского наследства в Кокушкине, то станет очевидным, что возможность помогать Владимиру была. На том, судя по всему, и порешили¹.

Теперь Ульянов гораздо реже стал появляться в Окружном суде и чуть ли не ежедневно просиживал весь день в Публичной библиотеке, просматривая новейшую литературу, выходящую из-под пера идеологов либерального народничества.

Первый выпуск работы, получившей название «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)», был закончен уже в апреле 1894 года. Этот выпуск был целиком посвящен критике Н. К. Михайловского. В мае завершилась работа над вторым выпуском, «героем» которого стал С. Н. Южаков. А к середине июня был написан и третий выпуск, анализировавший труды С. Н. Кривенко.

Обстоятельства издания этой работы подробно освещены в воспоминаниях С. И. Мицкевича, А. А. Ганшина и В. Н. Масленникова. Ее печатали в Петербурге, Москве, в имении отца Ганшина «Горки» Переславского уезда Владимирской губернии и в Борзенском уезде Черниговской губернии. «Если принять во внимание, – писал Сергей Мицкевич, – что гектограф при нашей тогдашней технике давал 30–40 оттисков и в самом лучшем случае – 50, то оказывается, что первый выпуск был издан максимум в 250 экз., вероятно – меньше, а третья часть, по-видимому, была издана только один раз на гектографе, т. е. максимум в 50 экз.». Второй выпуск так до сих пор и не найден. И все-таки имеются достоверные данные о том, что работу «Что такое «друзья народа»...» читали тогда не только в Питере и Москве, но и в Вильно, Пензе, Владимире, Киеве и Чернигове².

Название работы пришло из старого номера «Отечественных записок» за 1879 год, где в редакционной статье говорилось:

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 2.

² См.: Ленин Н. (В. Ульянов). Собр. соч. Т. I. С. 692–693.

«Еще недавно один литературный осел лягнул «Отечественные записки» за *пессимизм к народу*, как он выразился по поводу небольшой рецензии о книжке Златовратского, в которой, кроме пессимизма к ростовщичеству и развращающему влиянию полтины вообще, ничего пессимистического не было... Либеральное болото, совсем как в сказке, всколыхалось... и, неожиданно-негаданно, явилось такое множество защитников народа, что мы, поистине, удивились тому, что народ наш имеет столько друзей... Петь деревне серенады и «строить ей глазки» вовсе еще не значит любить и уважать ее, точно так же, как и указывать ее недостатки вовсе еще не значит — относиться к ней враждебно»¹.

Вот об этой-то «любви» и «враждебности» и шла речь в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Владимир Ульянов отмечает характерную особенность: взывая к «отцовским идеалам», либеральные народники стараются выглядеть более духовно возвышенными и радикальными, нежели социал-демократы. Да, действительно, была целая эпоха освободительного движения, когда, по выражению Каутского, «каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом», когда вера в крестьянскую революцию, в общинный строй русской жизни воодушевляла и поднимала молодежь на героическую борьбу с правительством. «И вы не можете упрекнуть социал-демократов в том, — пишет Ульянов, — чтобы они не умели ценить громадной исторической заслуги этих лучших людей своего времени, не умели глубоко уважать их памяти. Но я спрашиваю вас: где же она теперь, эта вера? — Ее нет...»²

«Деревня давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм». Его программа не выходит за рамки создания «министерства земледелия», проповеди агрикультуры, необходимости для обворованных крестьян «дешевого кредита», «комиссионерских контор», «упорядочения аренды» и, конечно же, «большей старательности» в работе. Иными словами, «из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 354.

² Там же. С. 261, 271.

заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*»¹.

И Ульянов с горечью заключает: «Нельзя не вспомнить по этому поводу так метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала. Начинает этот либерал с того, что просит у начальства реформ «по возможности»; продолжает тем, что клянчит «ну, хоть что-нибудь» и кончает вечной и незыблемой позицией, «применительно к подлости». Ну, как не сказать, в самом деле, про «друзей народа», что они заняли эту вечную и незыблемую позицию...» А дабы не оставалось сомнения в том, что это не есть некая «самобытность» российского либерального мещанства, Ульянов вспоминает слова Гёте о немецких мещанах-филистерах: «Что такое филистер? Пустая кишка, полная трусости и надежды, что бог сжалятся»².

Надо сказать, что в работе этой много «ругательных» слов, в том числе и давно забытых, таких, как «пустолайка» или «пустоболтунство»³. Но, пожалуй, одним из наиболее часто повторяющихся стало слово «пошлость».

Слово это трактуется ныне достаточно однозначно: как грубый, вульгарный, низкий в нравственном отношении, даже подлый. Но в прежние времена, как отметил Даль, слово «пошлый» означало – давний, старинный, исконный, что исстари ведется. И лишь во второй половине XIX столетия слово это стало приобретать иной смысл: общеизвестный, вышедший из обычая, наскучивший, избитый...

На рубеже XIX–XX веков мир вступал в новую эпоху. Многие прежние представления утрачивали свой смысл. И не только представления... А многие интеллектуалы и политические деятели будут еще долго пытаться по-прежнему анализировать эту новую реальность, эти «новые времена» с помощью старого инструментария и прежде общеизвестных, избитых истин. Это и объясняет, почему слова «пошлый» и «пошляки» на рубеже столетий стали звучать в совершенно ином ряду.

Подобного рода пошлость особенно проявлялась тогда, когда народническая профессура начинала снисходительно рассуждать о Марксе и марксизме. Точь-в-точь как в старом анекдоте, где ребенку объясняют, что Карл Маркс – это всего лишь «экономист», в то время как тетя Цилия числится в бухгалтерии «старшим экономистом».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 272; см. также с. 242, 261, 265.

² Там же. С. 268, 269.

³ Там же. С. 198, 277.

Покровительственно похлопывая Маркса по плечу за «кропотливость» исследований и обширную «эрудицию», они иронизировали над социал-демократами по поводу явной переоценки его выводов для России. Видение ее будущего у марксистов неприемлемо уже потому, утверждал Михайловский, что оно исходит не из российских реалий, а из проекции на Россию «гегелевских триад» и «абстрактных исторических схем»¹.

России необходимо иное: надо взять все хорошее у средневековья и добавить то хорошее, что, несомненно, есть у капитализма, соединить русскую патриархальность с западной предприимчивостью и просвещением. Далее необходимо «показать соответствие этого идеального строя с «человеческой природой» и подтолкнуть на этот «истинный путь» правительство, которое до сих пор вело страну «не туда»².

С точки зрения либеральной народнической профессуры, Маркс лишь исследовал историю и механизм формирования капитализма на Западе. Но не более того. О каком-то общем «материалистическом понимании истории» не может быть и речи, ибо, как заявил Михайловский, в списке научных трудов Маркса монографии на данную тему нет³.

Обвиняя марксистов в «узости» и «безыдеальности», он утверждал, что само признание социал-демократами наличия определенных законов развития общества превращает личность в марионетку некой таинственной «исторической необходимости», лишает человека возможности нравственного выбора и тем самым разрушает мораль вообще.

И это профессорское доктринерство, сопровождаемое пошлым глумлением, мелкими издевками, бессовестным передергиванием и прежде всего – претенциозным «самовосхищением», выдавалось за новейший критический анализ марксистской теории⁴.

«Ни один из марксистов, – отвечал Ульянов, – никогда не видел в теории Маркса какой-нибудь общеобязательной философско-исторической схемы... Марксисты заимствуют безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений, и, следовательно, критерий своей оценки этих отношений видят совсем не в

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 163, 164, 195.

² См. там же. С. 139, 157, 191, 192, 197, 199, 248, 262, 273, 342.

³ См. там же. С. 130.

⁴ См. там же. С. 156, 188, 202, 270.

абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью»¹.

Что касается обвинений в том, что признание «исторической необходимости» якобы разрушает нравственность, то и это обвинение столь же неосновательно, сколь и пошло. Умение пользоваться компасом и парусом во время бури, то есть знание законов, которым подчиняется стихия, не лишает мореплавателя «свободы выбора», а подсказывает ему наиболее разумный вариант прокладки курса. Точно так же и «не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий». История, пишет Ульянов, действительно «вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей», но реальная проблема состоит не в том – существует или нет «свобода воли», а в том, «при каких условиях этой деятельности обеспечен успех?», а сама она может «принести серьезные плоды»².

Русские марксисты не сулят трудящимся «лучшее будущее». Они зовут к борьбе с абсолютизмом и бюрократией, которая фактически «правит государством российским» и, защищая интересы помещиков и буржуазии, лишь усиливает гнет и произвол, низводя своей «опекой» народ до положения «подлой черни»³. «Социал-демократы будут самым энергичным образом, – пишет Ульянов, – настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения – этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли, не включает в себе ничего социалистического, потому что складывающиеся уже у нас фермерские отношения только быстрее и пышнее расцвели бы при этом...»⁴

Так что марксисты отнюдь не являются «пессимистами» относительно будущего деревни. «Русские социал-демократы срывают с нашей деревни украшающие ее воображаемые цветы, воюют против идеализаций и фантазий, производят ту разрушительную работу, за которую их так смертельно ненавидят «друзья народа», – не для того, чтобы масса крестьянства оставалась в положении теперешнего угнетения, вымирания и порабощения, а для того, чтобы пролетариат понял, каковы те цепи, которые сковывают повсюду трудящегося, понял, как куются эти

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 195, 197.

² Там же. С. 159.

³ См. там же. С. 186, 301.

⁴ Там же. С. 299–300.

цепи, и сумел подняться против них, чтобы сбросить их и протянуть руку за настоящим цветком»¹.

И Владимир Ульянов многократно повторяет, что главная политическая задача социал-демократов состоит в том, чтобы **БУДИТЬ МЫСЛЬ РАБОЧЕГО**, способствовать превращению «глухого недовольства» и «тупого отчаяния» в разумный протест, а бессмысленных бунтов и разрозненных стачек в сознательную и организованную борьбу за освобождение всего трудящегося люда. «Основой этой деятельности служит общее убеждение марксистов в том, что русский рабочий – единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России»².

Финал работы звучал почти пророчески: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получают широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации... – тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*»³.

На читателей эта работа Владимира Ульянова производила тогда очень сильное впечатление. Спустя много лет Мартов писал: «Друзья меня познакомили с петербургской литературной новинкой, ходившей в хорошо оттектографированном виде. Это была состоявшая из трех частей брошюра «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»... От брошюры, исполненной желчных характеристик теоретической мысли и политических тенденций эпигонов народничества, веяло подлинной революционной страстью и плебейской грубостью, напоминавшей о временах демократической полемики 60-х годов. Несмотря на некоторую тяжеловесность изложения, плохую архитектуру статей и отдельные скороспелые мысли, брошюра обнаруживала и литературное дарование и зрелую политическую мысль человека, сотканного из материала, из которого создаются партийные вожди. Я интересовался личностью автора, но уровень конспирации стоял тогда так высоко, что мне ничего не удалось узнать... Лишь впоследствии, через год, я услышал имя В. И. Ульянова»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 241–242.

² Там же. С. 241, 301, 309–310.

³ Там же. С. 311–312.

⁴ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 239–240.

Попытка сформулировать общие задачи рабочего социализма в России, предпринятая Ульяновым в «Друзьях народа...», привлекла внимание всей социал-демократической публики. А поскольку марксизм начинал все более входить в моду, то вскоре после выхода гектографированных брошюр Владимира Ильича пригласили в так называемый марксистский салон¹.

Поначалу салон этот стал складываться вокруг Александры Михайловны Калмыковой. В свое время она участвовала в народовольческом движении, потом установила тесные связи с плехановской группой «Освобождение труда». Теперь ей было уже 46 лет, ее покойный муж Д. А. Калмыков был сенатором, в средствах она не нуждалась, держала в Питере книжный склад и магазин, куда частенько заглядывали социал-демократы, которым Александра Михайловна оказывала и материальную помощь. Вот в ее-то квартире, как пишет Калмыкова, «за вечерним чайным столом сходилась молодежь, заинтересованная марксизмом...»².

Тон в «салоне» задавал Петр Струве. Внук известного астронома – создателя Пулковской обсерватории, сын иркутского, астраханского, а затем и пермского губернатора, он заканчивал юридический факультет Петербургского университета. После смерти отца в 1889 году Петр жил у Калмыковой на правах приемного сына. На самом же деле, несмотря на разницу в возрасте в 21 год, они стали любовниками. Связь эта тщательно скрывалась, но Александра Михайловна открыто помогала ему всем, чем могла³.

Известность Петр Бернгардович приобрел уже в конце 1893 года, когда опубликовал в немецком социал-демократическом издании критическую заметку «К вопросу о капиталистическом развитии в России» по поводу вышедшей в свет книги Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Разгорелась оживленная полемика, и на Струве обрушились и Воронцов, и Кривенко, и сам Даниельсон. Лишь Ульянов в своих «Друзьях народа...» выступил в защиту Струве, хотя и сделал оговорку, что не может «судить о системе его воззрений», ибо другие работы этого автора не читал, да и в

¹ См.: Красная летопись. 1925. № 2(13). С. 144–145.

² Огонек. 1926. № 17.

³ См.: Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Вып. I. М., 2000. С. 10.

данной статье «солидарен не со всеми, высказанными им, положениями...»¹.

Вторая заметная фигура «салона», Михаил Туган-Барановский, был старше Струве и Ульянова на пять лет. В 1888 году он закончил Харьковский университет и уже в 1890-м опубликовал в «Юридическом вестнике» статью «Учение о предельной полезности». А в 1894 году Михаил Иванович защитил в Московском университете магистерскую диссертацию «Периодические кризисы в Англии». Свою концепцию кризисов он поставил в прямую связь с экономическими воззрениями Маркса и использовал его схемы из 2-го тома «Капитала». Теперь Туган-Барановский ждал обещанной вакансии приват-доцента в Петербургском университете.

Непременным членом «марксистского салона» являлся сын генерала Александр Потресов. Он окончил естественный факультет, два курса юрфака Петербургского университета и уже с 1892 года поддерживал связь с группой «Освобождение труда». Роберт Эдуардович Классон – еще один постоянный участник этих собраний, в свое время входил в брусневскую организацию, но после окончания в 1891 году Петербургского технологического института уехал на стажировку в Германию. В 1894-м он вернулся в Питер и возглавил строительство электростанции на Охтенских пороховых заводах.

Часто появлялись в «салоне» архитектор С. М. Серебровский, студенты Я. П. Коробко, Клобуков, Корсак и др. Нередко заглядывали сюда и молодая учительница Надежда Крупская, а также уже упоминавшаяся Ариадна Тыркова. Помимо квартиры Калмыковой иногда собирались у Классона на Большой Охте, но чаще всего беседы и дискуссии происходили на квартире Туган-Барановского, жена которого Лидия Карловна – дочь известного виолончелиста, директора Петербургской консерватории, – славилась своим гостеприимством.

Ариадна Владимировна Тыркова терпеть не могла марксистов и социал-демократов. Но судьбе было угодно распорядиться так, что именно здесь она встречалась с тремя своими ближайшими подругами по гимназии Оболенской. Две из них вышли замуж: Нина Александровна Герд за Петра Струве, Лидия Карловна – за Тугана. Третьей подругой была Надя Крупская. И поскольку Ариадна стала писательницей, она и оставила довольно яркие картинки этих собраний.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 320.

«Пили чай, судачили о народниках, спорили без конца. Угощение было незатейливое: бутерброды с чайной колбасой и сыром, иногда варенье, печенье. Чай разливала и проливала Лида, забывала кто как пьет, заговорившись, оставляла кран самовара открытым и не замечала, что горячая вода льется себе да льется на скатерть. Михаил Иванович говорил много, других слушал рассеяннo, съедал с ближайшей тарелки все пряники, потом предлагал гостям уже опустошенную тарелку. Семья Туганов очень тянулась за светскими манерами и обычаями, но в Мише никакой светскости не было, хотя этот проповедник классовой борьбы вышел из класса не пролетарского, а почти барского...

Там же, у Лиды, встретила я в первый раз П. Б. Струве... За чайным столом шли споры о нашумевшей тогда книге М. Нордау о вырождении. Многие считали, что Нордау преувеличивает... И вдруг в разговор бурей ворвался молодой рыжебородый человек. Он высвободил из-под длинных, небрежно причесанных, тоже рыжих волос большие уши, схватился за них обеими руками и, оттягивая их так, точно хотел вырвать с корнями, завопил:

– Как нет вырождения? Да вы посмотрите на меня, на мои уши!..

Все засмеялись. Смеялся и он, но продолжал выбрасывать аргументы, твердил, что вырождение есть факт неоспоримый, с такой же страстностью, с какой позже выкрикивал политические лозунги. Его жена тоже смеялась, но старалась его удержать, укоризненно говорила:

– Петя, да перестань. Ну что за глупости ты говоришь...

Сколько раз потом, в несравненно более серьезных вопросах, приходилось слышать мне его захлебывающийся голос, его страстную отрывистую речь, в которой так странно смешивались глубокие, иногда даже пророческие речи с неожиданными истерическими выкриками... Струве, как и Туган, за своими манерами не следил и следить не считал нужным. Это была общеинтеллигентская черта. Еще мода 60-х годов на опрощение не прошла... Струве был небрежен еще и потому, что не замечал людей, не интересовался их впечатлениями. Иногда он согласен был следить за их мыслями, но их вкусы, привычки, чувства его мало интересовали»¹.

Если верить Ариадне Тырковой, то дискуссии и беседы в «салоне» зачастую носили достаточно схоластический характер. «Не

¹ Тыркова-Вильямс А. В. То, чего больше не будет. С. 231–233.

Туган выдумал социализм и связанные с ним экономические теории, — писала она. — На это у него не хватило бы воображения. Но мозги его обладали редкой емкостью для впитывания книжного материала. Он мог наизусть цитировать Карла Маркса и Энгельса, твердил марксистские истины с послушным упорством мусульманина, проповедующего Коран. Экономический материализм был для него не только научной истиной, но святыней. И он, и Струве были совершенно уверены, что правильно приведенные изречения из «Капитала» или даже из переписки Маркса с Энгельсом разрешают все сомнения, все споры. А если еще указать, в каком издании и на какой странице это напечатано, то возражать могут только идиоты»¹.

Известность «марксистского салона», и прежде всего Струве, значительно возросла после того, как в сентябре 1894 года А. М. Калмыкова выпустила в Петербурге его книжку «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Александра Михайловна писала, что тираж книжки был невелик — 200 экземпляров, но поскольку она вышла легально, то и разошлась сразу. Впрочем, некоторые читатели и почитатели ее оказались весьма специфичны. «Баронесса Иксуль, — рассказывает Калмыкова, — сообщила: «Уж не знаю, к добру ли это для вашего приемного сына, «Заметки» его лежат на столе у всех министров, и в кабинетах их только и говорят о книжке его»... Заключительные слова «Критических заметок» о необходимости похерить старые народнические бредни, признать «нашу некультурность» и пойти «на выучку к капитализму» были у всех на слуху, и их повторяли чуть ли не наизусть. «Струве, — продолжает Калмыкова, — начали называть лидером марксистов. Я горячо оспаривала это...»²

Понять причину широкой популярности книги Струве, как и самой моды на марксизм, можно лишь в контексте особых обстоятельств того времени. Дело в том, что при всем разочаровании в народничестве и при всем его вырождении оно по-прежнему — с 60-х годов — оставалось некой «моральной максимой», определявшей многие нравственные ценности, принятые в интеллигентной среде. Начиная с «опрошенчества» во внешнем облике и кончая демонстративным презрением, как выражался Глеб Успенский, к «господину Купону». Не то чтобы все неукоснительно следовало данным нормам, но, во всяком случае, их учитывали, определяя, «что такое хорошо и что такое плохо...»

¹ Тыркова-Вильямс А. В. То, чего больше не будет. С. 229.

² Огонек. 1926. № 17.

Между тем развитие капитализма, с его потребностью на «умственный труд», открывало для интеллигенции новые, широкие возможности. И не только на традиционной и относительно низкооплачиваемой ниве просвещения и народного здравия, но и в правлениях солидных банков, акционерных обществ и компаний, на новых индустриальных гигантах.

Перспектива стать респектабельным интеллектуалом – совсем как в Европе – была заманчива. Но она пахла изменой принципам народолюбия и нестяжательства, признававшимся, пусть зачастую лишь на словах, в 60–80-е годы. А как известно, интеллигентный человек не может совершить низкого поступка, предварительно не оправдав его самыми высокими мотивами. Книга Петра Струве как раз и решала эту проблему. Раз прогресс связан с развитием капитализма, раз народнические теории оказались несостоятельными, то всякий интеллигент, желающий блага России, не только может, но и просто обязан идти на службу к носителям этого прогресса.

Так или иначе, но книга Струве положила начало «медовому месяцу» так называемого легального марксизма, когда, как напишет позднее Ленин, «марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг»¹.

К популярности «Критических заметок...» Струве отнесся как к должному. «Я охотно продолжил бы работать над этой темой, – сказал он, – но чувствую, что не имею на это права: пора знакомиться с пролетариатом...» «Я ответила, – рассказывала Калмыкова, – что мы с Надеждой Константиновной поможем в этом»². Роберт Классон, также полагавший, что и Струве, и Туган являются «исключительно литераторами, совершенно не знавшими рабочего класса», вспоминает, что он специально провел с ними экскурсию на Путиловский завод, дабы «они воочию увидели капиталистическое предприятие в большом масштабе»³.

Вторым шагом стало знакомство с социал-демократами «практиками». И поскольку Классон сохранял связи с «технологами», пригласили Ульянова, ибо после выхода весной 1894 года «Друзей народа...» его авторитет в среде петербургских с.-д. «нелегалов» был общепризнан. Возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что именно в «Друзьях народа...» он по некоторым вопросам поддержал Струве против народников.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 15–16.

² Огонек. 1926. № 17.

³ Красная летопись. 1925. № 2(13). С. 144.

Надо сказать, что в кругах «нелегалов» к Струве относились весьма сдержанно. Мартов, знавший его по университету, встретившись с Петром Бернгардовичем вновь в 1894 году, заметил: «Его кислая усмешка и брезгливый тон производили впечатление той «умудренности», которая обычно сопровождает отказ интеллигента от революционной активности вообще»¹.

В кружке «технологов», судя по воспоминаниям Сильвина, вопрос о сотрудничестве со Струве также вызвал неоднозначную реакцию. Но Ульянов на встречу согласился. Как раз в конце декабря 1894 года Потресов на свои средства, вопреки всем пессимистическим прогнозам, легально издал в Петербурге блистательную работу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», которая сразу же приобрела огромную популярность. Это, видимо, и стало главным аргументом в пользу выхода «нелегалов» на контакты с «марксистским салоном».

Первая встреча состоялась в квартире Классона на Охте в конце декабря. «За несколько месяцев перед тем, — рассказывает А. Н. Потресов, — вышла книга П. Струве «Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России», обратившая на себя и на ее автора всеобщее внимание. А чуть ли не за несколько дней до занимающего нас собрания мне удалось выпустить в свет, под псевдонимом Бельтова, книгу Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», книгу, давшую огромный решительный толчок распространению марксизма в России. Ленин, вскользь чрезвычайно хвалебно отозвавшись о книге Плеханова — Бельтова, с тем большей энергией, со всей ему свойственной ударностью, направил свою критику против Струве»².

Дело в том, что Владимир Ильич пришел с рефератом, который он написал на книгу Струве, озаглавив его «Отражение марксизма в буржуазной литературе». Реферат этот он уже читал в кругу тогдашних марксистов. Критический тон его был достаточно резок. Но Ульянов без всякой дипломатии заявил, что готов смягчить его ради публикации в легальном марксистском сборнике.

На встрече со стороны «нелегалов» помимо Владимира Ильича присутствовали Василий Старков и Степан Радченко. Их собеседниками были Струве, Потресов и Классон. «Насколько я помню, — писал Струве, — прочтя краткое резюме своей статьи упомянутой группе лиц, Ленин прочел ее целиком мне одному у

¹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 224.

² Источник. 1993. № 4. С. 21.

меня в комнате на Литейном. Он сделал это с определенной целью, общей нам, а именно чтобы сделать возможным ее появление вместе с моим ответом моим критикам в намечавшемся сборнике. Это чтение, требовавшее не только внимательного, но и напряженного слушания с моей стороны и прерываемое разговорами, часто принимавшими характер продолжительного и оживленного спора, заняло несколько вечеров»¹.

Надо сказать, что собеседники друг другу не понравились сразу. Струве полагал, что Ульянов почувствовал в нем противника и «в этом он руководствовался не рассудком, а интуицией, тем, что охотники называют чутьем»². Впрочем, возможно, что на воспоминания Струве и особенно Потресова об этих встречах наложили свою печать «наслоения» последующих лет. Роберт Классон, напротив, писал, что «собеседования в общем протекали в дружелюбной атмосфере, несмотря на чрезвычайно пылкие споры, обычные для романтического периода марксизма»³.

О том же вспоминал и Василий Старков: «Споры доходили до самых глубин исторических и экономических проблем и в конечном счете велись почти исключительно между Струве и Владимиром Ильичем, причем, полагаю, Струве был не меньше нас поражен глубиной и всесторонностью познаний Владимира Ильича... Бывало не раз так, что Струве оперировал при спорах каким-либо литературным материалом (обычно иностранным), неизвестным Владимиру Ильичу. В таких случаях Владимир Ильич забирал тома материалов у Струве или находил их в публичной библиотеке и на следующее заседание, всего лишь через день или два дня, являлся во всеоружии, вполне владея этим материалом...»⁴

Струве, спустя много лет, напрасно писал о том, что Ульянов «был лишен абсолютно всякого духа компромисса»⁵. Итогом дискуссий стало то, что Владимир Ильич снял столь обидный для Струве заголовок своей статьи и значительно смягчил саму полемику, дабы споры увенчались, как он выразился, «союзом людей крайних с людьми весьма умеренными»⁶. Со своей стороны и Струве после указанной полемики «полевел», взял, как

¹ Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. 1991. № 4. С. 219.

² Там же.

³ Красная летопись. 1925. № 2(13). С. 145.

⁴ Красная новь. 1925. № 8. С. 111.

⁵ Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. 1991. № 4. С. 219.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 16.

заметил Мартов, «более боевую по отношению к капитализму ноту»¹ и внес существенную поправку к своим «Критическим заметкам». «Пойдем на выучку к капитализму», — написал он в статье, предназначенной для сборника, — это вовсе не означает, для меня по крайней мере, — «будем служить буржуазии», ибо капиталистические отношения подразумевают не одну буржуазию, но и ее антипода...»

В апреле 1895 года сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» отпечатали в столичной типографии довольно большим по тем временам тиражом — две тысячи экземпляров. В него вошли две статьи Плеханова (псевдонимы — Д. Кузнецов и Утис), статьи Ульянова (псевдоним — К. Тулин), Струве, Потресова, П. Скворцова, В. Ионова и перевод Классона обширного очерка Эдуарда Бернштейна о недавно вышедшем III томе «Капитала» Маркса. Таким образом, сборник впервые представлял «союз» эмигрантского, подпольного и легального марксизма.

Однако после скандала с выходом книги Плеханова — Бельтова петербургская цензура была уже начеку. И помимо других материалов особенно возмутила цензоров статья Тулина, откровенно излагавшего программу марксистов. Тираж сборника немедленно конфисковали и сожгли. Потресову удалось спасти лишь сотню экземпляров, которые стали распространяться по марксистским кружкам столицы, провинции и в эмиграции.

«ПРОБУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА...»

Получив в Цюрихе уже в мае экземпляр сборника, Павел Аксельрод внимательно прочел его. Позднее он вспоминал: «Мое внимание привлекла обширная статья К. Тулина, имя которого я встретил впервые. Эта статья произвела на меня самое лучшее впечатление. Тулин выступал здесь с критикой народничества и «Критических заметок» Струве. Статьи были построены несколько нестройно, пожалуй, даже небрежно. Но в них чувствовались темперамент, боевой огонек, чувствовалось, что для автора марксизм является не отвлеченной доктриной, а орудием революционной борьбы»². И хотя в то время, когда писались эти воспоминания, Павел Борисович являлся одним из самых ярых оппонентов Ленина, он схватил самую суть работы молодого Ульянова.

¹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 261.

² Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1–2. М., 1925. Т. 1. С. 269.

Один из главных упреков, который Владимир Ильич адресует Струве, – это абстрактность анализа российской действительности: «Г-н Струве рассуждает *вообще*, обрисовывает переход от натурального к товарному хозяйству, указывает, что бывало на свете дело по большей части вот так-то и так-то, и при этом отдельными, беглыми указаниями переходит и к России, распространяя и на нее общий процесс...» Естественно, что за этой абстрактной кажущейся «простотой», свойственной не только Струве, но и либеральным народникам, совершенно пропадают специфические общественно-экономические отношения, характерные именно для России¹.

Недостаток этот усугубляется тем, что Струве всячески пытается демонстрировать свой «объективизм», то есть стремление стать «над схваткой», над реальными интересами тех или иных классов российского общества. «Это покушение подняться выше классов, – замечает Владимир Ильич, – приводит к крайней туманности положений автора, туманности, доходящей до того, что из них могут быть сделаны буржуазные выводы...» И это прежде всего касалось пассажей, воспевавших «выгодность» капиталистического прогресса «*вообще*»².

То, что отсталость России ужасна, – это бесспорно. То, что капитализм действительно несет с собой прогресс, – это факт. И никто не станет возражать, что даже плохонький пароход лучше бурлацкой лямки, ибо облегчает труд человека. Все это так. Мало того, Ульянов доказывает, что стремление народников «задержать капитал в его средневековых формах, соединяющих эксплуатацию с раздробленным, технически отсталым производством» лишь многократно усиливает страдания трудящихся. «Поэтому надо желать не задержки развития капитализма, а, напротив, полного его развития, развития до конца»³.

Но значит ли это, что можно ограничиться хвалебной одой в честь парохода, прогресса и капитализма вообще? «Объективист, – пишет Ульянов, – доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения»⁴.

Достаточно заглянуть на тот же Путиловский завод, где в качестве экскурсанта побывал Струве, чтобы за грохотом привод-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 445, 485.

² Там же. С. 496.

³ Там же. С. 497, 510, 511.

⁴ Там же. С. 418.

ных ремней, идущих к каждому станку, увидеть, что весь этот сказочный технический прогресс не ликвидирует ни эксплуатации, ни голода, ни нового раскола на новых бедных и новых богатых. И на «прогресс» надо смотреть не только с точки зрения крупного капитала, как это делает Струве, но и глазами «антипода» — рабочих, то есть определять свое место в этой реальности и свою позицию.

Точно так же, когда речь идет о деревне, слишком мало объективной констатации недостатка земли у крестьян. Земли мало и будет еще меньше — это факт. И народник справедливо сетует на малоземелье, «он хочет, чтобы ему земли было больше (*продано*)». Мало и благих пожеланий о применении технических и агрономических новаций, от которых Струве ждет «выгоды» для крестьян. Во-первых, потому, что у малоземельного крестьянина нет денег на покупку земли или техники. А во-вторых, — и это главное — указанные вполне объективные рассуждения почему-то замалчивают и обходят другой факт: «малоземелье» крестьян тесно связано с «многоземельем» дворянства, владеющего обширными поместьями, на которых сохраняются самые дикие феодальные пережитки¹.

Иными словами, утверждает Ульянов, «узкий объективизм», продемонстрированный Струве в «Критических заметках», не поднимается до истинного материализма, ибо материалист «последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм»².

Впрочем, дело не только и даже не столько в объективной констатации реалий или выявлении тех или иных противоречий русской жизни. Гораздо важнее для Ульянова другое — каким образом разрешить эти противоречия и где, «не мороча самих себя», искать, как выражались народники, «путей к человеческому счастью»³.

Марксизм отнюдь не означает, как это утверждали либералы, «отрицания частных реформ». Если эти реформы, пишет Владимир Ильич, «ускорят вымирание особенно отсталых форм капитала, ростовщичества, кабалы и т. п., ускорят превращение их в более современные и человеческие формы европейского капитализма», если они «могут принести трудящемуся некоторое (хотя и мизерное) улучшение его положения», то социал-демократы всячески поддержат такого рода преобразования⁴.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 382, 383, 417, 446, 485, 499.

² Там же. С. 418, 445.

³ Там же. С. 407.

⁴ Там же. С. 385.

В программах старых революционных народников марксисты поддерживают и такие общедемократические прогрессивные меры, как «расширение крестьянского землевладения», «самоуправление», «свободный и широкий доступ знаний к народу», создание в деревне «технических и других училищ», подъем мелкого хозяйства «посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочений сбыта и т. д., и т. д., и т. д.». И «чем решительнее будут такие реформы в России», тем больше продвинут они «экономическое развитие» страны, тем «выше поднимут жизненный уровень» трудящегося, повысят уровень его потребностей, «ускорят и облегчат его самостоятельное мышление и действие»¹.

Вопрос заключается лишь в том – кто? как? когда? проведет указанные реформы. Либеральные народники полагают, что это может сделать существующее правительство и государство. Надо лишь, преодолев «невежество» и «грубость чувств», поставить их на стезю «современной науки, современных нравственных идей» и тем самым как раз и указать истинный «путь к человеческому счастью»².

Самое удивительное, что и Струве оказался достаточно близок к этой позиции, ибо, выступая против «ортодоксии» и «корректируя» Маркса, он утверждал, что современное государство – «прежде всего организация порядка». А поскольку, в отличие от революций, реформы это и есть некое упорядочение, то возможность проведения их сверху вполне реальна.

«...Дело изображается так, – замечает по поводу такого рода либеральных иллюзий Ульянов, – будто нет каких-нибудь глубоких, в самых *производственных отношениях* лежащих причин неосуществления подобных реформ, а есть препятствия только в грубости чувств: в слабом «свете разума» и т. п., будто Россия – *tabula rasa*, на которой остается только правильно начертать правильные пути». Между тем такая постановка вопроса «на самом деле означает лишь «чистоту» институтских мечтаний, которая делает народнические рассуждения столь пригодными для бесед в кабинетах»³.

И Ульянов напоминает в этой связи читателям Салтыкова-Щедрина, его «Вольный союз пенкоснимателей», которые «за отсутствием настоящего дела и в видах безобидного препро-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 385, 530, 531.

² Там же. С. 407, 532.

³ Там же. С. 532.

вождения времени» решили, «не пропуская ни одного современного вопроса, обо всем рассуждать с таким расчетом, чтобы никогда ничего из сего не выходило»¹.

Маркс, пишет Владимир Ильич, был прав, утверждая, что даже самое современное государство является органом классового господства. Это по-прежнему публичная власть, отделенная от народа и противостоящая народу. Соответственно, и бюрократия, сосредоточившая всю полноту реальной власти, выражает совершенно определенные классовые интересы. Именно в ее руках – сила. Поэтому никакие проповеди либеральными профессорами самых «современных нравственных идей» не заставят ее отказаться от своих корыстных интересов. Сделать это сможет только иная – противостоящая данному государству сила, опирающаяся на *«разум того, от кого только и зависит перемена»*, т. е. на массу самих трудящихся. «Против класса, – заключает Ульянов, – обратиться тоже к классу... Это единственный, а потому ближайший «путь к человеческому счастью»...»²

Иронические издевки, а то и гомерический хохот сопровождали любое заявление подобного рода о *«разуме»* масс, как только раздавалось оно в среде либеральной публики. «Темнота» и «терпение» русского мужика были здесь не только предметом постоянных пересудов, но и основой убеждения в том, что любые перемены возможны в России лишь «сверху». Потому и рассуждали они о мужике, о его «завещанной от отцов и дедов... святой обязанности трудиться, обязанности в поте лица добывать свой хлеб», а не помышлять – на западный манер – о «праве на труд» и тем более о «праве на отдых от чрезмерной работы, которая калечит и давит его»³.

Работа «Экономическое содержание народничества» написана достаточно спокойно. Лишь временами в ней прорывается не только страсть, но, если хотите, ярость. И происходит это как раз тогда, когда Владимир Ульянов цитирует подобные «прекраснодушные» рассуждения либералов...

Он вспоминает известную «сказку» Салтыкова-Щедрина «Коняга»:

«Коняга лежит при дороге и тяжело дремлет. Мужичок только что выпряг его и пустил покормиться. Но Коняге не до корма. Полоса выбралась трудная, с камешком: в великую силу они с мужичком ее одолели...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 366, 594.

² Там же. С. 370, 438, 439, 528.

³ Там же. С. 420.

Худое Конягино житье. Хорошо еще, что мужик попался добрый и даром его не калечит. Выедут оба с сохой в поле: «Ну, милый, упирайся!» – услышит Коняга знакомый окрик и понимает. Всем своим жалким остовом вытянется, передними ногами упирается, задними – забирает, морду к груди пригнет. «Ну, каторжный, вывози!» А за сохой сам мужичок грудью напирает, руками, словно клещами, в соху впился, ногами в комьях земли грузнет, глазами следит, как бы соха не слукавила, огреха бы не дала. Пройдут борозду из конца в конец – и оба дрожат: вот она, смерть, пришла! Обоим смерть – и Коняге, и мужику; каждый день смерть...

Нет конца полю, не уйдешь от него никуда! Исходил его Коняга с сохой вдоль и поперек, и все-таки ему конца-краю нет... Для всех природа – мать, для него одного она – бич и истязание. Всякое проявление ее жизни отражается на нем мучительством, всякое цветение – отравой. Нет для него ни благоухания, ни гармонии звуков, ни сочетания цветов; никаких ощущений он не знает, кроме ощущения боли, усталости и злосчастия».

А вокруг будто слившихся воедино Мужика и Коняги кружат Пустоплясы и восторженно умиляются этому воплощению «русской души» и российского долготерпения: вот, мол, «понял он, что уши выше лба не растут, что плетью обуха не перешибешь», а потому «труд дает ему душевное равновесие, примиряет его и со своей личной совестью, и с совестью масс, и наделяет его тою устойчивостью, которую даже века рабства не могли победить!»

Владимиру Ильичу нет надобности приводить эти фрагменты из Салтыкова-Щедрина. У всех его читателей они в памяти. Он лишь многократно напоминает о Мужике и Коняге, для того чтобы поняли они, что «долготерпение» не вечно, что никакой «устойчивости» нет, что чем гнуснее это надругательство над человеком, тем страшнее станет возмездие, ибо борьба неизбежна, «борьба уже идет, но только глухая, бессознательная, не освещенная идеей». И от того, насколько успешно будут восприняты освободительные идеи, насколько вообще удастся «просветлить разум» и «придать идейность идущей борьбе», зависит и то, какие формы примет сам процесс пробуждения личности в забитом и затравленном труженике. И будто заглядывая на десятилетия вперед, Ленин пишет: «...пробуждение человека в «Коняге» – пробуждение, которое имеет такое гигантское, всемирно-историческое значение, что для него закон-

ны все жертвы, – не может не принять буйных форм при капиталистических условиях вообще, русских в особенности»¹.

Он не пугал читателей. Читатели знали, что рабочие стачки и 80-х, и начала 90-х годов нередко действительно принимали «буйные формы» и сопровождались эксцессами. Ломали станки, фабричные помещения. В Тейкове, к примеру, случилось даже убийство директора-англичанина. У всех на памяти была и юзовская стачка 1892 года, закончившаяся страшным погромом, вызовом войск и расстрелом шахтеров. В таких диких формах – в ответ на нечеловеческие условия жизни – прорывались отчаяние и месть. Но не только это... С точки зрения исторической перспективы стачки становились началом протеста, утраты исконной веры в незыблемость давящих их порядков, разрыва с рабской покорностью перед начальством. Рождалось чувство необходимости коллективного отпора. Иными словами, это были первые – пусть примитивные, пусть уродливые – шаги пробуждения сознательности².

В марксизме существуют положения, которые имеют характер аксиом. Не потому, что не нуждаются в доказательстве, а в силу того, что именно они являются базой всего мировоззрения. Кстати, именно такие «аксиомы» чаще всего забываются теми, кто причисляет себя к марксистам. Одно из таких положений – народ не может быть лишь объектом благоденствия сверху, и освобождение трудящихся должно стать делом самих трудящихся.

К чести Плеханова, он постоянно напоминал об этом молодым российским марксистам, дабы помышляли они не о «захвате власти», а о трудной и долгой работе революционного просвещения и организации масс.

«Если бы бог, – писал Плеханов, – спросил современного социалиста: желаешь ли ты, чтобы я немедленно, без всяких усилий со стороны страдающего человечества, даровал ему экономическое блаженство? – то социалист ответил бы ему: творец, оставь блаженство себе, а страдающему и мыслящему человечеству, современному пролетариату, позволь освободиться собственными силами, дай ему возможность прийти к доступному для него счастью путем борьбы, развивающей его ум и возвышающей его нравственность. Завоеванное *такой* борьбой, его счастье будет не только несравненно полнее: оно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 397, 403, 409, 528.

² См. там же. Т. 4. С. 292, 294, 295.

будет также гораздо *прочнее*. Всем обязанные тебе, люди навсегда останутся рабами; «Господь дал, и Господь взял», — смиренно будут твердить они... А когда они освободят себя *сами*, тогда, — не взыщи на резком слове, всевышний, — тогда придет конец твоей власти, потому что тогда и они будут, как «бози»... Мы знаем, товарищи, путь, ведущий социалистов к их великой цели. Он определяется немногими словами: *содействие росту классового сознания пролетариата*. Кто содействует росту этого сознания, тот социалист. Кто мешает ему, тот враг социализма»¹.

Ульянов полностью разделял эту позицию. И когда либеральные народники, воспевавшие сермяжную «народную правду», поглядывали с опаской на этот самый народ и советовали, что «лучше бы без борьбы», Владимир Ильич ответил: они «абсолютно неспособны понять, какое всеобъемлющее значение имеет самостоятельное выступление тех, во имя кого и пелись эти сладкие песни»².

Смысл деятельности «идеологов трудящегося класса», пишет он, состоит «в формулировке задачи и целей той «суровой борьбы общественных классов», которая идет перед нашими глазами...». И с этими идеями из «тесных кабинетов интеллигенции», а тем более из «либеральных салонов» надо идти к рабочим, к тем, для кого «идеалы» «нужны», потому что без них им приходится плохо»³.

В заключение своей работы Владимир Ильич предостерегает молодых социал-демократов от иллюзий быстрого и блестящего успеха. Для «утилизации» революционных идей «требуется громадная подготовительная работа, притом работа, по самому существу своему, невидная. До этой утилизации может пройти более или менее значительный период времени, в течение которого мы будем прямо говорить, что нет еще никакой силы, способной дать лучшие пути для отечества...» И независимо от того, когда это произойдет, на протяжении длительного периода для российских социал-демократов единственной «мерой успеха своих стремлений является не разработка советов «обществу» и «государству», а степень распространения этих идеалов в определенном классе общества...»⁴

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. 3. С. 402–403.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 365, 467.

³ Там же. С. 408, 533.

⁴ Там же.

Василий Шелгунов был одним из тех продвинутых питерских пролетариев, через которых и народники и марксисты еще в конце 80-х годов выходили на контакты с рабочими кружками.

Встретив как-то у Калмыковой Петра Струве, Василий Андреевич спросил, не согласится ли Петр Бернгардович в качестве пропагандиста вести занятия в таком кружке. В ответ Струве, как обычно, «скорчил физиономию какого-то божества. Очевидно, ему и хотелось, но в то же время, прикидывая в уме, не будет ли это с его стороны большой щедростью, он сказал: «...Видите ли, у меня сейчас более серьезные задачи. Я решил посвятить себя более серьезному труду»¹.

Для Владимира Ульянова подобного вопроса не существовало. Еще в работе «Что такое «друзья народа»...» он написал, что для социал-демократа «на 1-ое место непременно становится всегда практическая работа пропаганды и агитации по той причине, во-первых, что теоретическая работа дает только ответы на те запросы, которые предъявляет вторая. А во-вторых, социал-демократы слишком часто, по обстоятельствам от них не зависящим, вынуждены ограничиваться одной теоретической работой, чтобы не ценить дорого каждого момента, когда возможна работа практическая»².

Если обратиться к литературе о первых шагах российского пролетарского движения, то зачастую складывается впечатление, будто появление рабочих кружков было связано исключительно с революционно-просветительской деятельностью радикальной интеллигенции. Парадоксально, но примерно так изображали дело и жандармы, убежденные в том, что именно «студенты-социалисты» сворачивали с пути истинного и подстрекали к бунту заблудших агнцев. Между тем процесс роста пролетарского самосознания и активности был гораздо сложнее.

80-е годы иногда называют «мертвым» десятилетием. Десятилетием упадка и ретроградного движения. Порой казалось, что все и вся уперлось в какой-то тупик. Но именно в это время вызревали – невидимые для обывательского глаза – силы, которые в 90-е годы дали толчок бурному росту экономики и оживлению в общественной жизни.

Мало менялись лишь чудовищные условия труда и быта русского рабочего. Полуграмотный, недавно вышедший из дерев-

¹ Старый большевик. 1930. № 1. С. 105–108.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 308.

ни человек жил однообразной, беспросветной, полуживотной жизнью. И хотя даже в «мертвое» десятилетие не было года, не отмеченного стихийными стачками, многим действительно казалось, что этот «Коняга», отданный в жертву хозяевам, никогда не сможет вырваться из проклятой кабалы и найти лучшую дорогу. Только редкие одиночки думали о необходимости перемен, читали, учились, старались подняться выше. И как раз в 80–90-е годы помимо сугубо личностных, человеческих мотивов для этого появились и новые побудительные причины.

Подъем индустриального производства резко повысил спрос на квалифицированные кадры. В какой-то мере он удовлетворялся приглашением иностранных мастеров и рабочих. Но наиболее разумные хозяева решили, что таких профессионалов можно готовить и у себя. Это и привело к открытию при некоторых предприятиях и в фабричных районах различного рода общеобразовательных школ и ремесленных училищ.

Так, В. П. Варгунин, сын основателя Невской писчебумажной фабрики, впервые в России применившей в данном производстве паровые машины, получив сам университетское образование, основал за Невской заставой школу для детей рабочих, технические классы и воскресную школу для взрослых. Именно в ней учительствовали уже упоминавшиеся Надежда Крупская, Зинаида Невзорова и Аполлинария Якубова¹.

Появление на предприятиях грамотных, высококвалифицированных рабочих сразу поставило их в центр всей заводской жизни. Некто К. С-кий так нарисовал портрет передовых петербургских металлистов: «Все это народ развитой, с большой индивидуальностью, с довольно хорошим заработком... Во всяком случае, эта группа рабочих может еще отчасти жить без особой жгучей нужды – при неустанной работе, конечно. Они могут снимать дешевую, но все же квартиру, раз они семейные люди. Жена может заняться домом. Есть очаг, которого лишены многие другие рабочие группы... Работа на механических производствах, несмотря на всю тягость ее, должна развивать в человеке стремление к индивидуализации. Здесь должно быть место творчеству: рабочий должен много думать, соображать на самой работе... По форме разговора, даже по языку они ничем почти не отличаются от наших интеллигентов. По-моему, они интереснее, потому что суждения их свежее и убеждения, раз

¹ См.: *Тахтарев К. М.* Рабочее движение в Петербурге (1893–1901 гг.). По личным воспоминаниям и заметкам. Л., 1924. С. 28.

воспринятые, очень тверды. А за последнее время они растут морально чисто по-русски, не по дням, а по часам...»¹

Такие рабочие выделялись среди своих товарищей даже внешним видом. Когда в 1893 году студент Военно-медицинской академии Константин Тахтарев познакомился с металлистом Иваном Бабушкиным, он был немало удивлен: «Бабушкин вносил некоторую дисгармонию своей внешностью. Он был одет по-праздничному. На нем было что-то вроде сюртука с жилетом, крахмаленный воротничок и манишка, манжеты, брюки на выпуск. Волосы на голове были заботливо причесаны, и руки его, по сравнению с руками товарищей, были безукоризненно чисты. Помню, что эта внешность его произвела на меня первоначально не совсем благоприятное впечатление... Я тогда еще не понимал вполне естественного и понятного стремления рабочего к поднятию не только умственного, но и вообще культурного уровня своей жизни, вполне законного желания, хоть в праздничный день, забыть о серой обстановке своей обычной рабочей жизни и одеться как можно получше»².

К. С-кий, который цитировался выше, был прав, когда писал, что сам характер труда таких рабочих развивал в них «индивидуализацию». Но Плеханов справедливо заметил, что коллективизм рабочего прямо пропорционален развитию его индивидуальности. Прогрессируя как личность, рабочий осознает свое положение в обществе и это лишь укрепляет в нем чувство классовой солидарности и желание пробудить это чувство у других рабочих³.

Николай Дементьевич Богданов, создавший кружок самообразования из своих товарищей в железнодорожных мастерских еще в 1886 году, писал: «Чтобы быть организатором рабочего класса, нужно самому быть, во-первых, честным во всех отношениях, а во-вторых, хорошим товарищем и, наконец, — знающим человеком, к которому могли бы обращаться со своими вопросами... А потому надо воспитывать себя и учиться»⁴.

А вопросы задавались им самые заковыристые: отчего бывает день и ночь или солнечное затмение, откуда появилась Вселенная, Земля, Человек? И услышав, что «от обезьяны», недо-

¹ См. статью И. С. Розенталя в сб.: Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 147–148.

² Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 23.

³ См.: Российский пролетариат... С. 148.

⁴ См.: От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886–1894). Сборник. Ростов н/Д, 1921. С. 40.

верчиво и откровенно смеялись. Но, конечно, более всего рабочих интересовало не «происхождение видов», а их собственная жизнь. Именно для ответа на такие вопросы и стали создаваться кружки самообразования, где наиболее развитые рабочие пытались сами вести занятия.

Тахтарев писал о Шелгунове: «Несмотря на недостаток времени, он очень много читал, интересуясь самыми различными вопросами... Василий Андреевич пользовался всякими способами, чтобы пополнить свое образование, и его можно было увидеть иногда и на какой-нибудь публичной лекции в городе и даже в университете, на защите особо интересной в общественном отношении научной диссертации»¹. Но даже таким рабочим для ведения занятий собственных знаний зачастую не хватало. Это и вывело их на контакты с радикальной интеллигенцией. Именно так в 80-е годы в Петербурге возникли кружки Дмитрия Благодеева, Павла Точисского, а в начале 90-х – брусневские кружки. С такими же кружками поддерживала связь и социал-демократическая группа «технологов», в которую вошел Владимир Ульянов.

Надо сказать, что и после установления подобного рода связей рабочие не сливались с интеллигентами в общую организацию, а сохраняли самостоятельность своих кружков. И без их согласия никто из «учителей» вести занятия не мог. Между тем в этот период на петербургских заводских окраинах конкурировало между собой несколько групп. Помимо известных нам «технологов», которых стали называть «стариками», появились и «технологи» «молодые» – Илларион Чернышев, Евгений Богатырев, Сергей Муромов, Фридрих Ленгник, зубной врач Николай Михайлов и др. Особняком держались студенты Военно-медицинской академии – Константин Тахтарев, Александр Никитин, Николай Богораз. Всем им противостояла «Группа народовольцев». Она имела свою типографию, и в нее входили Михаил Александров (Ольминский), Александр Ергин, Михаил Сущинский, Б. Л. Зотов, Александр Федулов, А. И. Шаповалов и др. Были, наконец, и просто «дикие» – не признававшие интеллигентов кружки, которые вели сами рабочие².

Соперничество было достаточно жестким. Как писал Шелгунов, хорошо знавший и Точисского, и Бруснева, и Германа Красина, «на интеллигенцию смотрели только как на просветителей», и «рабочие чувствовали себя «дичью», на которую охотились с

¹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 37.

² См. там же. С. 45.

двух сторон: народовольцы и марксисты». Кружковцы нередко приглашали на занятия и тех и других, слушали их споры, постепенно разбирались в разногласиях, а потом и самоопределялись¹.

Еще одной особенностью кружковых занятий являлась концентрация внимания преимущественно на вопросах общетеоретических и общеобразовательных. «Я до сих пор вспоминаю, — рассказывает Глеб Кржижановский, — как беспощадно терзал я учебой головы своих слушателей, большинство которых было теми питерскими ткачами, которые еще в далекой степени не порвали своей связи с деревней. А между тем я настойчиво требовал от этих полудеревенских рабочих отчетливого усвоения первой главы «Капитала» Маркса. Наряду с этой углубленной работой по Марксу мы в наших кружках немало заботились и о широкой культурной подготовке своих слушателей...»²

Это воспоминания самого пропагандиста. А вот что писал по поводу такого рода занятий еще один из авторитетных питерских рабочих — Константин Максимович Норинский: «Отработав день до 6 часов вечера, в 7 часов мы уже сидели и слушали до 12—1 ночи, а случалось и дольше. Рассказ лектора порой действовал на товарищей усыпляюще. Больше всех в этом отношении отличался — можно даже сказать, побил рекорд — Петр Кайзо: обычно он уже в 9-м часу начинал клевать носом. Вначале чуть-чуть, незаметно; далее — больше, и, наконец, видишь, он пересаживается в какой-нибудь из дальних уголков, откуда под общий смех неожиданно услышится здоровый храп»³.

О своем желании работать в кружке Владимир Ульянов заявил сразу же после знакомства с «технологами». Но только поздней осенью 1893 года Герман Красин сводит его с Василием Андреевичем Шелгуновым. Поначалу особо благоприятного впечатления Владимир Ильич не произвел. И прежде всего потому, что «переконспирировал» с одеждой. «Одет он был, — рассказывал Шелгунов, — я бы сказал, во всяком случае, хуже меня. У меня было пальтишко, правда, дешевенькое, с Александровского рынка, но все же чистенькое, новенькое, у него же поношенное, хотя тоже чистенькое». Да и возраст Ульянова был для Шелгунова несколько непривычен: «Он снял фуражку, и в глаза бросилась лысина с углов лба... Ожидал я встретить важного студента, а пришел какой-то чиновник и уже довольно потертый»⁴.

¹ См.: От группы Благоева... С. 17, 56, 58.

² Кржижановский Г. М. О Владимире Ильиче. С. 30.

³ От группы Благоева... С. 10—11.

⁴ Старый большевик. 1930. № 1. С. 105—108.

Свои первые кружки Владимир Ильич получил, видимо, лишь весной 1894 года. Именно весной, 9 апреля, накануне Пасхи, состоялось собрание, на которое Шелгунов пригласил социал-демократов «стариков» – Красина, Радченко, Старкова, от «молодых» – Михайлова, от медиков – Тахтарева, от народовольцев – Александрова, Сущинского и Зотова. Пришли и несколько видных рабочих – Норинский, Афанасьев (Фунтиков), Фишер, Яковлев, Хотябин, Кузюткин и др.

К этому времени большинство кружковцев вполне определилось, и собравшиеся приняли решение «уничтожить грызню и не устраивать сепаратных кружков. На собрании выяснилось, – пишет Шелгунов, – что почти все рабочие, за исключением Хотябина и Кузюткина, были с.-д. После прений народовольцам предложили ходить в кружки в качестве сведущих людей и говорить, о чем предложат рабочие. Для этой цели образован был контроль из развитых рабочих и интеллигентов социал-демократов. На обязанности контролера – присутствовать в том кружке, где выступал народоволец, и «одергивать» его, т. е. ставить в рамки, желательные марксистам. В числе других контролеров ходил и я...»¹.

Но контроль осуществлялся недолго. 21 апреля 1894 года основное ядро «Группы народовольцев», выданное провокатором Кузьмой Кузюткиным, было арестовано. Пришлось срочно заполнять бреши. И когда к Шелгунову поступила «заявка» на лектора-марксиста от рабочих Петербургской стороны и Невской заставы, он направил туда Ульянова. Двадцатидвухлетний Владимир Князев – мастеровой порта Нового Адмиралтейства, на квартире которого собирались представители рабочих кружков, рассказывает: «В назначенный час ко мне постучали. Открыв дверь, я увидел мужчину лет тридцати, с рыжеватой маленькой бородкой, с проницательными глазами, в фуражке, нахлобученной на глаза, в осеннем пальто с поднятым воротником... Вообщем – на вид этот человек показался мне самым неопределенным по среде человеком».

Однако дебют прошел вполне успешно: «Подойдя к собравшимся, он познакомился с ними, сел на указанное ему место и сообщил план работы, для которой мы все собрались. Речь его отличалась серьезностью, определенностью, обдуманностью. Собравшиеся слушали его внимательно. Они ответили на его вопросы: кто и на каком заводе работает, каково развитие рабочих завода, каковы их взгляды, способны ли они воспринимать

¹ От группы Благоева... С. 56; ср.: Исторический архив. 1959. № 6. С. 101.

социалистические идеи, что больше всего интересует рабочих, что они читают и т. д.». А когда занятия кончились и Ульянов ушел, кружковцы обступили Князева: «Кто это такой? Здорово говорит...» Но, кроме того что лектора надо называть «Николаем Петровичем», Князев ничего не знал¹.

Лишь несколько месяцев спустя, когда в связи с тяжбами о наследстве ему дали адрес опытного адвоката Ульянова, Владимир Александрович, придя к нему домой на прием, буквально опешил, увидев «Николая Петровича» в цилиндре, приличном пальто и фраке².

Летом занятия в кружках обычно прерывались. Многие студенты-пропагандисты были иногородними и на каникулы отправлялись домой. Как шутили рабочие, «революция разъезжалась на дачи»³. 14 июня уехал в Подольск, где снимала дачу Мария Александровна, и Владимир Ильич. Заботы, связанные с изданием «Друзей народа...», встречи с московскими социал-демократами, перевод с немецкого брошюры Каутского об Эрфуртской программе и другие дела заняли все лето. И в Питер Ульянов вернулся лишь 27 августа.

Между тем разговоры о «Николае Петровиче» уже, видимо, ходили среди рабочих. На квартире Владимира Князева собирались представители кружков Петербургской и Выборгской сторон, Васильевского острова и Колпина. Так что известность Ульянов приобрел довольно широкую. Поэтому Шелгунов сразу предложил ему кружки Никиты Меркулова и Ивана Бабушкина за Невской заставой. Ранее с ними вел занятия Тахтарев. Затем его сменил студент-«технолог» из «молодых» Николай Малишевский. Но рабочие остались им недовольны, и Бабушкин попросил на замену «Николая Петровича»⁴.

Впечатление, произведенное Ульяновым на новых слушателей, также оказалось более чем благоприятным. В воспоминаниях, написанных Бабушкиным в 1902 году, рассказывается: «Начались занятия по политической экономии, по Марксу. Лектор излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызывать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Та-

¹ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 39.

² См.: Об Ильиче. Сборник статей, воспоминаний, документов. Л., 1924. С. 112–115.

³ От группы Благоева... С. 57.

⁴ См.: Ленин Н. (В. Ульянов). Собр. соч. Т. 1. С. 585, 588, 610.

ким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный... Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора». Между собой рабочие называли его иногда «Лысым», но обычно шутливо добавляли, что это «от слишком большого ума у него волосы вон лезут»¹.

Ульянов начинает вести занятия и в других кружках – П. Дмитриева на Выборгской стороне, Ивана Яковлева на Васильевском острове, в кружке братьев Арсения и Филиппа Бодровых за Невской заставой, ходит на рабочие сходки к Шелгунову, Борису Зиновьеву, Илье Костину². В конце концов, как пишет Тахтарев, «к зиме 1894 года наиболее ценные связи с рабочими за Невской заставой перешли к группе В. И. Ульянова...»³.

Меняется и характер самих занятий. Многие из рабочих, несмотря на молодость, имели за плечами богатый жизненный опыт и были достаточно «индивидуализированы», чтобы представлять интерес не только в качестве слушателей, но и собеседников. Тот же Тахтарев писал, например, что Илья Костин, поначалу занимавшийся у него в кружке, поражал «своим широким, пытливым и чутким умом. Помню, одно время он очень интересовался религиозным вопросом и внимательно читал Библию. По сравнению с ярым рационалистом Бабушкиным Костин казался человеком религиозным. Это бесспорно была очень тонкая и богато одаренная человеческая личность, очень чутко отзывавшаяся на все окружающее, привлекавшая к себе других очень сильно»⁴.

Впрочем, и менее развитые рабочие обладали тем опытом и знанием повседневной пролетарской жизни, которых так не хватало Владимиру Ильичу. Поэтому каждое занятие он начинает делить как бы на две части: сначала теория, чаще всего «Капитал» Маркса, а потом разговор «на злободневные темы. И это была, – пишет Крупская, – самая оживленная часть бесед»⁵.

Василий Андреевич Шелгунов, заглядывавший на занятия Ульянова, как он говорил, «отдохнуть душой», вспоминал: «В этих кружках начинающих рабочих, где ему приходилось сплошь и рядом говорить не о политэкономии, не о важных государственных вопросах, а часто о том, как у рабочего живут дома,

¹ Воспоминания И. В. Бабушкина. Л., 1925. С. 14, 51.

² См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 93, 94, 96, 98, 110.

³ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 39.

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Творчество. 1920. № 7–10. С. 4.

как у него семья, как жена, как она смотрит на его отлучки, когда он уходит на кружок, как мастер к нему относится, чем он больше всего интересуется на заводе – все это он узнавал так просто, незаметно...» И менее всего это походило на какой-то «педагогический прием». Рабочие сразу отличили бы снисходительное любопытство или заигрывание интеллигента от подлинного человеческого интереса. «Так вот, – заключал Шелгунов, – и эти рабочие и я – мы вынесли одно и то же впечатление: много было хороших людей тогда среди революционеров, но большей простоты в отношениях, чем у Ильича, не замечалось ни у кого никогда»¹.

Если бы Владимир Ульянов стал писателем, из этих бесед, видимо, родились бы живые рассказы или очерки о рабочей жизни; если бы университетским историком или экономистом, то вполне мог бы создать нечто вроде вышедшей в 1898 году книги Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Но он избрал иную стезю. И чем более ширилась работа в кружках, тем явственней ощущалась неудовлетворенность ее результатами.

В сферу влияния кружков входили десятки рабочих. Да, они росли и культурно, и политически, вникая во все тонкости теории борьбы. Но за пределами кружков стояли десятки и сотни тысяч пролетариев, тех самых «коняг» Салтыкова-Щедрина, которые все свое свободное время проводили в трактирах и враждебно относились к любым «бунтарям». «Недаром рядовые рабочие, – писал Тахтарев, – называли в это время кружковых рабочих безбожниками и сторонились их, говоря: «Кто от бога и от царя отрекся, что же с ними разговаривать!» Очевидно, еще требовалось много предварительной, подготовительной работы, чтобы сделать серую рабочую массу сознательной...»²

Тахтарев знал, что писал... Возвращаясь как-то в воскресенье из кружка за Невской заставой и проходя мимо церкви Михаила Архангела, он не снял шапку. Стоявшие у паперти рабочие тут же набросились на него, сбили шапку и изрядно излупили «дюжими кулаками» под одобрителное улюлюканье толпы³.

По опыту других стран было очевидно, что вовлечь таких рабочих в сферу сознательной борьбы за свои интересы может лишь массовое пролетарское движение. И неудовлетворенность «узостью» своей деятельности все более испытывали сами круж-

¹ Старый большевик. 1930. № 1. С. 105–108.

² Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 31.

³ См. там же. С. 30.

ковцы. «К черту кружки! – говорили они, когда это чувство доходило до крайности. – Они создают лишь умственных эпикурейцев. Нужно взамен их собирать маленькие собрания из рабочих от разных мастерских данного завода, а также представителей от соседних фабрик. На этих собраниях нужно выяснять и обсуждать свое положение, записывать о положении дел там и здесь, собирать материалы... Надо, по примеру поляков, возможно шире распространять литературу, прямо раскидывая ее по мастерским»¹.

Спустя восемь лет в книге «Что делать?» Владимир Ильич напишет о «жалком кустарничестве» и будет «вспоминать о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал...». Он поясняет: «Пусть не обижается на меня за это резкое слово ни один практик, ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе. Я работал в кружке, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, – и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров – и мы перевернем Россию!»²

Как видим, настроения и пропагандистов, и рабочих вполне совпадали. И в кружках Ульянова и его товарищей беседы на «злободневные темы» начинали приобретать все более целенаправленный характер. «Мы получили от лектора, – писал Иван Бабушкин, – листки с разработанными вопросами, которые требовали от нас внимательного знакомства и наблюдения заводской, фабричной жизни»³.

Многим рабочим это давалось нелегко, ибо как раз на привычное и повседневное они меньше обращали внимания. Сам Владимир Ильич, вспоминая о своих беседах со слесарем судостроительного завода «Новое Адмиралтейство» Александром Ильиным, не без юмора писал: «Как сейчас помню свой «первый опыт»... Я возился много недель, допрашивая «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но зато рабочий, бывало, вытирая пот, го-

¹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 44.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 127.

³ Воспоминания И. В. Бабушкина. С. 51.

ворил под конец занятий с улыбкой: «Мне легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать!»¹

Потребность в переходе к массовой агитации ощущалась во многих промышленных центрах. В частности, осенью 1894 года этот вопрос долго дебатировался среди виленских социал-демократов. В конце концов выпускник Казанского университета Александр Кремер, высланный из Питера за участие в революционных кружках Военно-медицинской академии, написал нечто вроде реферата. Его обсудили, и находившийся там же, в Вильно, Юлий Цедербаум (Мартов) отредактировал текст и написал введение. Так что получилась вполне самостоятельная брошюра «Об агитации». Издали ее позднее, но уже в октябре 1894 года Мартов привез рукопись в Петербург и передал столичным социал-демократам².

Спустя четверть века в мемуарах Мартов написал, что среди «молодых» брошюра нашла самый горячий прием. А вот «старики» встретили ее достаточно равнодушно и чуть ли не до осени 1895 года, когда в работу питерских социал-демократов включился сам Мартов, продолжали придерживаться прежних, рутинных методов работы. Что касается Ульянова, писал Мартов, то «у меня, — правильно или нет, другой вопрос, — создалось даже впечатление, что к работе над подъемом классового самосознания масс путем непосредственной экономической агитации он относился холодно, если не пренебрежительно»³.

Вопрос о том, «правильно или нет» это «впечатление» Мартова, решается очень просто. Помимо цитированных выше воспоминаний рабочих и самого Ульянова можно, например, взять работу Владимира Ильича «Экономическое содержание народничества...» и прочесть в ней: «Самым высоким идеалам цена — медный грош, покуда вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе, слить с теми «узкими» и мелкими житейскими вопросами данного класса, вроде вопроса о «справедливом вознаграждении за труд», на которые с таким величественным пренебрежением смотрит широковещательный народник»⁴. Так что «впечатление» Мартова на сей раз оказалось ошибочным.

Вскоре после его отъезда в Вильно на квартире Ванеева и Сильвина «старики» собрали совещание. Присутствовали Ульянов,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 152.

² См.: Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 236, 239.

³ Там же. С. 239, 258, 267.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 408.

Красин, Радченко, Запорожец, Крупская, Якубова, а также Шелгунов, Бабушкин, Меркулов, Зиновьев и др. Шелгунов пишет, что «обсуждали брошюру в рукописи «Об агитации», а Сильвин рассказывает, что после выступления Владимира Ильича решили «перейти от кружковой пропаганды, не прекращая ее, однако, к агитации в массах на почве их насущных требований». Шелгунов утверждает, что слово «насущных» в решение вставил он¹.

Но что действительно вызвало у «стариков» настороженность по отношению к брошюре «Об агитации», так это утверждение о том, что рабочие пока не способны воспринимать политические идеи и необходимо сначала пройти подготовительный этап развития, когда агитация должна ограничиваться сугубо экономическими сюжетами. Насторожил и другой момент: говоря о приемах экономической агитации, авторы рекомендовали максимальную открытость всей социал-демократической работы. В Вильно, где они имели дело преимущественно с мелкими ремесленными мастерскими, где все друг друга хорошо знали, такие методы, может быть, и оправдывали себя, но в Питере они грозили явным провалом.

Поэтому совещание «стариков» не приняло ни первой, ни второй рекомендации. А в 1902 году, когда вопрос о соотношении политической и экономической борьбы приобрел принципиальное значение и когда участники указанных событий были живы, Владимир Ильич напомнил: «Особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что *первые* социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией* – (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации») – не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, *с самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности»².

Бывают такие совпадения... 20 октября 1894 года Ульянов пришел на квартиру Сильвина, где должны были состояться занятия кружка. Запоздавший рабочий Адмиралтейского завода А. П. Ильин принес вечернюю газету с сообщением о смерти императора Александра III³.

¹ См.: От группы Благоева... С. 57; Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 90.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 31.

³ См.: Рабочая газета. 1926. 22 янв.

Он умирал, сидя в кресле на террасе Ливадийского дворца в Крыму. Еще утром он сказал супруге: «Чувствую конец». И за два часа до кончины потребовал к себе наследника и приказал ему тут же подписать манифест о восшествии на престол. «Точно так, папенька», — услышал он в ответ.

Николаю II было в это время 26 лет. Он стал 18-м по счету царем династии Романовых. И, как всегда в России, не только при смене монарха, но и любого начальства вообще, началась — особенно в либеральной среде — пора надежд и ожиданий благих перемен, исходящих сверху... Так что напоминание о политических задачах и бескомпромиссном отношении к самодержавию, сделанное на упомянутом выше совещании «стариков», оказалось как раз кстати.

Спустя месяц, как выразился Ульянов, «усердно занимаюсь экономической агитацией», социал-демократы все-таки проглядели начало волнений, вспыхнувших под самое Рождество 1894 года на Невском механическом заводе (бывшем Семянникова). Поводом стала задержка на несколько дней выдачи зарплаты. Такое уже случалось два или три раза, и хозяева полагали, что рабочие вполне могут подождать и на этот раз. Но не тут-то было.

23 декабря, в пересменку, около 8 вечера, когда утренняя смена еще не ушла, а вечерняя только-только явилась и на заводе скопилось около трех тысяч человек, молодежь перегородила проезжавшими санями Шлиссельбургский проспект и остановила паровую конку. Начался погром: разнесли проходную, контору, заводскую лавку, побили стекла в цехах, подожгли дом управляющего. Для подавления беспорядков прибыли две сотни казаков, полиция и пожарная команда, которая на морозе стала из шлангов окачивать рабочих ледяной водой. Погром прекратился, но семянниковцы не расходились. За разбежавшимися от страха конторщиками послали казаков, их привезли в санях, и уже глубокой ночью жандармские офицеры сами выдали рабочим получку.

Когда после этих событий Владимир Ильич пришел в кружок Ивана Бабушкина, где были и семянниковцы, он долго корил их за то, что они прозевали выступление. Вместе с Бабушкиным они написали листовку по поводу волнений, ее обсудили и, поскольку гектографа в этот момент не было, переписали от руки в 4 экземплярах. Иван Васильевич пронес их на завод и разбросал по цехам. «2 листка, — пишет Крупская, — подняли

сторожа, а два подняты были рабочими и пошли по рукам – это считалось большим успехом тогда»¹.

Текст этой листовки не сохранился, но через несколько дней Глеб Кржижановский написал новый листок, в котором, видимо, повторил основные идеи. Листок распечатали на гектографе и вновь разбросали по заводу. В нем вместе с призывом рабочих к организации разъяснялось, что стихийные бунты не только бессмысленны, но и вредны: «Возьмем хотя бы наш пример. Здесь заранее можно было сказать, что разгром хозяйских построек приведет только к быстрому вмешательству полиции, рабочим заткнут рты, и дело кончится так, как оно кончилось. Ведь все знают, что и заводчики, и полиция, и вся государственная власть – все они заодно и все против нас»².

А вскоре от кружковцев пришло известие, что назревает выступление в порту «Нового Адмиралтейства». В январе 1895 года командир порта генерал Верховский своим приказом фактически удлинил рабочий день, отменив «льготные» 15 минут в начале смены и урезав на 15 минут обеденный перерыв. Но и этого генералу показалось мало. 6 февраля, в понедельник, он передвинул начало смены еще на полчаса, а время обеда сократил еще на 15 минут.

На сей раз социал-демократы не опоздали. К 7 февраля листок «Чего следует добиваться портовым рабочим?» с изложением требований был готов. В этот день «часть рабочих, – рассказывает очевидец, – пришла на работу по-старому. Их не пустили. Ворота были заперты, и они принуждены были заплатить штраф как не работавшие часть дня. Запоздавших собралось человек 100. Рабочие просили сторожей впустить их, но получили отказ. Тогда они разломали ворота и вошли в мастерские. Там они обратились к работавшим товарищам, приглашая бросить работу, что немедленно же и было сделано. Администрация немедленно же призвала отряд городских и околоточных с приставом во главе. Последовало обычное: «А! Вы бунтовать!» – и приличная случаю ругань. На замечание со стороны рабочих, что они желают не ругаться, а поговорить серьезно о деле, пристав стих... Каждый отвечал, что «бунтовать» он не думает, а надобно ему лишь исполнение условий, договоренных администрацией при найме... Кроме того, один рабочий от имени това-

¹ Творчество. 1920. № 7–10. С. 5; *Тихтаев К. М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 40, 41; *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. С. 82.

² Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1934. С. 1.

рищей подробно и толково выяснил дело и высказал все требования. Сделанная попытка его арестовать не удалась, благодаря сопротивлению со стороны всей массы рабочих. В час дня был дан гудок на работу, но он возымел как раз обратное действие. На следующий день та же история. Порядок среди рабочих был образцовый. Было очевидно, что кто-то умело руководит движением... В среду та же история.

В четверг сама администрация «прекратила» работу до конца недели под предлогом «наступления масленицы», а в понедельник на первой неделе поста рабочие пошли на работу на старых условиях. Победа была одержана, притом на казенном заводе. Среди кружковых рабочих наступает пора новых веяний. Совершался перелом. Все сильнее и сильнее укрепляется мысль, что действительно сознательный рабочий должен ближе стоять к окружающей жизни, должен активнее относиться к нуждам и требованиям массы рабочих и к повседневным нарушениям всяких человеческих прав...»¹.

«ЛИДЕР ПИТЕРСКИХ ЭСДЕКОВ»

Надо было прожить те самые 80-е годы, когда казалось, что впереди нет и не будет никакого просвета, чтобы понять ту вполне интеллигентную публику, которая с воцарением Николая II ожидала от него благих перемен.

Знакомый нам по Самаре князь Владимир Оболенский в это время уже служил в столице «столоначальником» в Министерстве земледелия. Он пишет, что многие действительно «верили в либерализм молодого монарха». И были на то основания. «Рассказывали, – вспоминает Оболенский, – что он (Николай II) вышел из Мариинского дворца без всякой свиты и, купив в табачном магазине папирос, вернулся обратно. Эту необычную для России картину наблюдали многие случайно проходившие по Невскому люди, и молва о необыкновенной простоте и доступности молодого монарха моментально распространилась по городу»².

Однако эта пора надежд и ожиданий длилась недолго. Мать его, вдовствующая императрица Мария Федоровна (в девичестве – принцесса София Фредерика Дагмара), не раз поучала

¹ *Тахтарев К. М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 42–43.

² *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 131.

сына: «Твой дед либеральничать вздумал, вот его бомбой и разорвало. А отец твой никакого либеральничанья не допускал и, слава богу, как добрый христианин скончался»¹.

Государь внял совету. На приеме в Аничковом дворце представителей земств, городов и сословий 17 января 1895 года он заявил: «Пусть все знают, что я... буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Что же касается робких просьб о привлечении «общественности» к делам управления Россией, то государь назвал их «бессмысленными мечтаниями»².

Речь эту написал Победоносцев, и ее текст, выведенный крупными буквами, Николай II положил в барашковую шапку, которую держал в руке. «Я видел явственно, – вспоминал тверской земец А. А. Савельев, – как он после каждой произнесенной фразы опускал глаза книзу, в шапку, как это делали бывало мы в школе, когда нетвердо знали урок».

Государь говорил в повышенном тоне, и его супруга, тогда еще слабо понимавшая по-русски, спросила у фрейлины: «Не случилось ли что-нибудь? Почему он кричит?» На что фрейлина ответила достаточно громко, чтобы слышали присутствующие: «Он объясняет им, что они дураки»³.

Выяснилось, кстати, что и весь эпизод с выходом государя на Невский без всякой охраны – чистейший миф. «Оказалось, – пишет Владимир Оболенский, – что покупал себе папиросы на Невском не Николай II, а его двоюродный брат, будущий Георг V, который как близнец был на него похож»⁴.

25 апреля 1895 года в Ярославле на бумагопрядильной фабрике Большой (бывшей Корзинкинской) мануфактуры началась стачка. Полиция, как обычно, арестовала зачинщиков. А когда толпа рабочих пошла освобождать товарищей, солдатам Фангорийского полка был дан приказ стрелять. Трех убили, восемнадцать ранили. На донесении о случившемся Николай II начертал: «Весьма доволен спокойным и стойким поведением войск во время фабричных беспорядков»⁵.

Этих событий Владимир Ульянов уже не застал. 25 апреля 1895 года он выехал за границу.

¹ Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1987. С. 76.

² История КПСС. Т. 1. С. 185.

³ Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. С. 77.

⁴ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 131.

⁵ Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. М., 1961. Т. IV. Ч. 1. С. 81.

Заграничный паспорт, в котором столько раз ему отказывали прежде, был выдан 15 марта 1895 года. Но о необходимости поездки в Швейцарию для установления прямых связей с группой «Освобождение труда» питерские социал-демократы договорились уже в самом начале года. Вопрос о том, кому ехать, дискуссий не вызывал. К этому времени лидерство Ульянова стало уже очевидным.

Как и почему занял он это место? В бюрократическом аппарате лидера-начальника назначают. Тут все ясно. В демократической системе его можно выбрать, хотя и в этом случае бывают «неформальные лидеры». Но в революционной среде тех лет лидеры не назначались и не выбирались. Ими становились лишь в силу авторитета знаний, опыта, а главное – авторитета самой личности.

Александр Потресов не признал за Ульяновым авторитета знаний и опыта. Спустя 32 года он написал: «Никто, как он, не умел заряжать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью»; никто другой не обладал «секретом излучающегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал, – господства над ними... Только Ленин представлял собой, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя».

Однако поскольку «гипнотическое воздействие» можно оказать не на каждого, то, как полагает Потресов, «он умел подбирать вокруг себя расторопных, способных, энергичных, подобно ему волевых людей, безгранично в него верящих и беспрекословно ему повинующихся, но людей без самостоятельной индивидуальности, без решимости и способности иметь свое особое мнение...»¹.

Вот так, походя, можно – вроде бы и достаточно интеллигентно – унизить вполне достойных людей. Но вот ведь незадача. Не Ульянов подбирал себе окружение, а оно выдвинуло его. И «технологи», входившие в ядро организации, не были теми «расторопными» среднестатистическими «технарями», которые в силу каких-то формальных данных или «гипнотического воздействия» готовы были «беспрекословно» принять чье-либо главенство. «По своим личным свойствам, – заметил Сильвин, – каждый из нас был, конечно, вполне индивидуален: спокойный, сдержанный, даже несколько скрытный, но добродушный Степан Радченко, с хохлацким юмором и с хитрой усмешкой опытно-

¹ Источник. 1993. № 4. С. 25, 26.

го конспиратора; чувствительный и нежный поэт-революционер Кржижановский; всегда казавшийся замкнутым в себе Старков, которому, по-видимому, чужды были всякие сантименты; Малченко – изящный брюнет, с лицом провинциального тенора, всегда молчаливый, всегда любезный товарищ; широкоплечий, кудлатый Запорожец, в глазах которого светилась вера подвижника; Ванеев – с его тонкой иронией, в которой сквозил затаенный в душе скептицизм к вещам и людям; и, наконец, я, смотревший на мир жадно открытыми глазами, часто полными наивного недоумения, которое приводило иногда в смешливое настроение Владимира Ильича»¹.

«Мы единогласно, бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером, нашим главой, – писал тот же Михаил Сильвин. – Это его главенство основывалось не только на его подавляющем авторитете как теоретика, на его огромных знаниях, необычайной трудоспособности, на его умственном превосходстве, – он имел для нас и огромный моральный авторитет...»²

Итак, авторитет знаний, ума, трудоспособности и моральный авторитет. Иных источников лидерства в этой среде не существовало. Но с этим никак не соглашался Струве. И если Потресов не мог признать за Ульяновым авторитета знаний, то Петр Бернгардович полностью отрицал какое-либо моральное превосходство.

«В своем отношении к людям, – написал он, – Ленин подлинно источал холод, презрение и жестокость. Мне было ясно даже тогда, что в этих неприятных, даже отталкивающих свойствах Ленина был залог его силы как политического деятеля: он всегда видел перед собой только ту цель, к которой шел твердо и непреклонно. Или, вернее, его умственному взору всегда предносилась не одна цель, более или менее отдаленная, а целая система, целая цепь их. Первым звеном в этой цепи была власть в узком кругу политических друзей. Резкость и жестокость Ленина – это стало ясно мне почти с самого начала, с нашей первой встречи – была психологически неразрывно связана, и инстинктивно и сознательно, с его неукротимым властолюбием»³.

Эту формулу с восторгом приняли Дмитрий Волкогонов и прочие нынешние «лениноеды» не только потому, что она была

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 32–33.

² Пролетарская революция. 1924. № 7(30). С. 75.

³ Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. 1991. № 4. С. 219.

предельно проста. С пропагандистской точки зрения она была и вполне перспективна, ибо апеллировала к опыту российских 90-х годов XX столетия, когда мотивы политической деятельности предельно упростились и борьба за власть, как источник личного благополучия, стала вполне обычным, бытовым явлением.

Между тем, судя по всему, приведенные характеристики Потресо́ва и Струве отражали не столько реальные впечатления и наблюдения 90-х годов XIX века, сколько наслоения политической борьбы последующих десятилетий. И в этом более всего убеждают воспоминания Мартова.

В мемуарах, написанных в 1919 году, он замечает: «В нем еще не было, или, по меньшей мере, не сквозило той уверенности в своей силе, — не говорю уже: в своем историческом призвании, — которая заметно выступала в более зрелый период его жизни... Первенствующее положение, которое он занял в социал-демократической группе «стариков», и внимание, которое обратили на себя его первые литературные произведения, не были достаточны для того, чтобы поднять его в собственном представлении на чрезмерную высоту над окружающей средой... В. Ульянов был еще в той поре, когда и человек крупного калибра, и сознающий себя таковым, ищет в общении с людьми больше случаев самому учиться, чем учить других. В этом личном общении не было и следов того апломба, который уже звучал в его первых литературных выступлениях, особенно в критике Струве... Но и в отношениях к политическим противникам в нем сказывалась еще изрядная доля скромности». И еще одно весьма существенное замечание Мартова: «Элементов личного тщеславия в характере В. И. Ульянова я никогда не замечал»¹.

Константин Тахтарев, принадлежавший к числу идейных оппонентов Ульянова, также постарался быть более объективным. «Я не знаю, — писал он, — хотел ли с самого начала Владимир Ильич непременно руководить его окружавшими, стремился ли он непременно стать во главе движения... Мне лично думается, что он в большинстве случаев становился руководителем своих товарищей и окружавших его не потому, что непременно хотел быть среди них первым, а потому, что он шел всегда впереди их, показывая им дорогу своим личным примером и невольно ведя их за собой»².

Особенно любопытно в этой связи мнение тех продвинутых, влиятельных рабочих, которые были не только вполне независи-

¹ *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 270–271.

² *Тахтарев К. М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 167.

мы в суждениях, но и в силу жизненного опыта, – как говорится, за версту почувствовали бы малейший намек на «властолюбие», а уж тем более на «холод, презрение и жестокость» к людям.

Характеристика Ульянова, данная Шелгуновым, уже приводилась: «Много было хороших людей тогда среди революционеров, но большей простоты в отношениях, чем у Ильича, не замечалось ни у кого никогда». А вот мнение Матвея Фишера с завода «Сименс и Гальске» – человека, прошедшего через народолюбческие и марксистские кружки, с 1901 года в эмиграции активно участвовавшего в английском рабочем движении и вернувшегося в Россию лишь спустя 20 лет. Вспоминая 90-е годы и Ульянова, он написал: «Внешне он ничем особенным не отличался от революционной интеллигенции. Разве только тем, что обладал очень небольшим запасом волос. Одним словом, ничего особенного, но его обхождение все-таки отличалось от обхождения других. Он не был напорист, не ушибал, не хвастал и не щеголял своими знаниями. Он умел так подойти к человеку, что тот, незаметно для самого себя, начинал чувствовать себя как дома, непринужденно выкладывал свою душу, чувствуя, что он получит ответ на все свои запросы»¹.

Звучит, может быть, и несколько комплиментарно, но, зная авторов, трудно заподозрить их в неискренности. Во всяком случае, указанные мнения дают основание для того, чтобы поставить под сомнение «холод, презрение и жестокость» к людям, которые действительно следует отнести у Струве к наслоениям жесточайшей политической борьбы последующих лет.

К подобного рода «наслоениям» надо, видимо, отнести и портрет молодого Ульянова, нарисованный в 1927 году Потресовым: «Он был молод – только по паспорту. На глаз же ему можно было дать никак не меньше сорока–тридцати пяти лет. Поблекшее лицо, лысина во всю голову, оставлявшая лишь скудную растительность на висках, редкая рыжеватая бородка, хитро и немного исподлобья прищуренно поглядывающие на собеседника глаза, немолодой сиплый голос... У молодого Ленина на моей памяти не было молодости. И это невольно отмечалось не только мною, но и другими, тогда его знавшими. Недаром... его звали «стариком», и мы не раз шутили, что Ленин даже ребенком был, вероятно, такой же лысый и «старый», каким он нам представлялся в 95 году»².

¹ Об Ильиче. Сборник статей. М., 1930. С. 124–125.

² Источник. 1993. № 4. С. 20–21.

Ну а теперь прочтите Глеба Кржижановского: «Кличка Старик находилась в самом резком контрасте с его юношеской подвижностью и бывшей в нем ключом молодой энергией». Или Германа Красина: «Нас встретил необычайно живой и веселый человек...» «Он обладал неистощимым юмором и умел смеяться заразительно, до слез»¹. Или Софью Невзорову о том, как в феврале 1895 года решили они поехать за город, «собраться всем вместе и молодо, весело провести вечер».

«Едем в Лесной институт. Там были ледяные горы и маленький трактирчик, где можно было остановиться, попить и поесть. Были предприняты всевозможные предосторожности. Выехали с различных вокзалов и различными путями... В большой отдельной комнате трактира веселой гурьбой пили чай, закусывали. До упоения накатавшись с высоких ледяных гор, вернулись опять в комнату, пели, плясали русскую и казачка. Особенно мастерски плясал Петр Запорожец, а около него меланхолично, но старательно выплясывал Мих. Названов. Владимир Ильич был очень весел, шутил, смеялся, принимал самое живое участие в хоровом пении и катании с гор... Было морозно, снежно, небо усыпано звездами. Молодо и бодро чувствовали мы себя все тогда!»²

Насчет того что «пили чай» – Софья Павловна или запомняла, или слухавила. Сильвин был более определен: «В ярко освещенном зале мы за маленьким столиком пили вино и танцевали вместе с другими гостями этого заведения... Были с нами и наши дамы. Владимир Ильич также танцевал и был непринужденно весел»³.

Откуда же столь контрастные и столь несовместимые характеристики?

Утверждение Потресова и Струве о том, что с первой встречи они «раскусили» Ульянова, весьма сомнительно. Ибо и после этого, на протяжении достаточно длительного времени, они не только сотрудничали, но и поддерживали личные отношения. Помимо практических соображений, о которых уже говорилось, Владимира Ильича привела в «салон» сама возможность «скрестить шпаги» с весьма серьезными и сильными оппонентами. Как полагает тот же Сильвин, Ульянов «нашел в них, в лице Струве, Потресова, Классона, Калмыковой, Туган-Барановского, Булгакова и др., людей с большими знаниями, с высокораз-

¹ Горьковская правда. 1955. 22 апр.; Московский строитель. 1940. 21 янв.; Старый большевик. 1933. Сб. 2(5). С. 188.

² Пролетарская революция. 1930. № 1(96). С. 87–88.

³ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 59.

витыми общественными интересами, с навыками научного мышления. На собраниях у Калмыковой, у Классона и Потресова велись споры не только на политические темы... но и на темы отвлеченные. Владимир Ильич склонен был к чистому мышлению, любил его как гимнастику ума»¹.

Но то, что с самого начала подобные контакты не влекли за собой особых взаимных симпатий, – это факт. И можно предположить, что неприязнь – кроме политических мотивов – была связана с отношением Ульянова к «салонным радикалам» вообще. Это обстоятельство и порождало ту сдержанность и холодность, о которой писал Струве.

В светском салоне традиционно принято вести себя *прилично*. То есть вы обязаны быть со всеми изысканно любезным, всем улыбаться и, по возможности, говорить комплименты, даже если вы глубоко презираете собеседника. С такого рода условностями Владимир Ильич не считался ни в Самаре, ни в Питере. Он никогда не изображал из себя благовоспитанного молодого человека. Просто был добр, внимателен и, как заметил Сильвин, «бесконечно *деликатен*»² по отношению к друзьям, соратникам. И не очень умел скрывать своей неприязни и иронии в адрес тех, кого считал недругами.

Кстати, именно при подобных обстоятельствах, на квартире Классона, Ульянов познакомился с Крупской. На Масленицу устроили блины. Пили, ели, вели беседу... «Владимир Ильич, – пишет Надежда Константиновна, – говорил мало. Больше присматривался». Зашла речь о политике, и «кто-то сказал – кажется, Шевлягин, – что очень важна, мол, работа в комитете грамотности. Владимир Ильич засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех – я потом никогда не слыхала у него такого смеха:

– Ну, что ж, кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем...

Людам, называвшим себя марксистами, стало неловко под пристальными взорами Владимира Ильича.

Я сидела в соседней комнате с Коробко и слушала разговор через открытую дверь. Подошел Классон и, взволнованный, пощипывая бородку, сказал:

– Ведь это черт знает, что он говорит.

– Что же, – ответил Коробко, – он прав. Какие мы революционеры»³.

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 66.

² См. там же. С.59, 61.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 211, 212.

Так или иначе, вне зависимости от того, кто был прав и «источал он холод и презрение», как полагает Струве, или был «бесконечно деликатен», как утверждает Сильвин, Ульянова признали лидером и интеллигенты-«технологи», и наиболее авторитетные питерские рабочие. И после этого, как заметил Михаил Григорьев, «мне не приходилось более слышать обязательного прибавления к фамилии Ульянова, что это брат и т. д.»¹.

В начале 1895 года эта нелегальная столичная организация уже поддерживала регулярные контакты с социал-демократическими группами Москвы, Нижнего Новгорода, Иваново-Вознесенска, Киева, Вильно. И пора было устанавливать прямые связи с социал-демократическим центром в эмиграции – женеvской группой «Освобождение труда».

18 или 19 февраля 1895 года в Петербурге состоялось совещание. Столичных социал-демократов на нем представляли Ульянов и Кржижановский, московских – Евгений Спонти, киевских – Яков Ляховский, виленских – Тимофей Копельзон. Поскольку совещание подобного рода происходило впервые, то вполне естественно, что его участники попытались прежде всего прояснить принципиальные позиции, касавшиеся содержания и методов работы.

Спонти и Ляховский заявили, что стоят «за необходимость перейти к агитации, которую понимали так, как это было изложено в известной брошюре того времени «Об агитации». Но когда, как пишет Копельзон, они стали пояснять, что «русский пролетариат еще не созрел для восприятия политических лозунгов», возник спор. Спонти факт дискуссии отрицал: «Помнится, со стороны Ленина были реплики, возможно, в тех местах наших докладов, где указывалось на необходимость при агитации в массах придерживаться, главным образом, экономической почвы, пока масса не созреет для восприятия политических лозунгов. Но эти реплики не казались нам требующими дискуссии, так как никто из нас в принципе не отрицал необходимости также и политического воспитания масс... У меня осталось такое впечатление, что Ленин был, в общем, согласен с тем, что нами говорилось. По крайней мере, кроме указанных реплик, он ничем не обнаруживал своего несогласия. И только когда зашла речь о необходимости поездки за границу и Ленину было предложено передать имеющиеся у петербургской группы материа-

¹ Пролетарская революция. 1924. № 3(26). С. 103.

лы для напечатания, Ленин заявил, что вопрос о поездке за границу петербургской группой уже решен и что они выполняют эту задачу самостоятельно»¹.

Как уже говорилось, заграничный паспорт Ульянов получил 15 марта. Видимо, тогда же он был готов уехать, но тяжелое воспаление легких уложило его в постель. И точно так же, как он во время болезни Софьи Невзоровой или Михаила Сильвина навещал их, теперь все «по очереди забегали к нему и, — как пишет Софья Павловна, — делали все нужное: меняли компрессы, поили чаем, бегали за лекарствами и т. д.»².

Сильвин пригласил ординатора Мариинской больницы доктора Кноха, и тот посоветовал немедленно вызвать мать. Мария Александровна приехала, и Владимира Ильича стал лечить бывший семейный врач Ульяновых в Симбирске профессор Александр Александрович Кальян, который с 1888 года жил в столице³.

Через пару недель Владимир Ильич был уже достаточно здоров и 25 апреля 1895 года выехал за границу.

В «ПРЕКРАСНОМ ДАЛЕКЕ»

При пересечении границы никаких проблем не возникло, хотя вслед уже летело предписание департамента полиции — «учредить за деятельностью и заграничными сношениями Владимира Ульянова тщательное наблюдение»⁴. Но сразу же обнаружились проблемы с языком. Выяснилось, что тот немецкий, которому учил его в гимназии Яков Михайлович Штейнгауэр, будучи вполне пригодным для чтения литературы, не совмещается с тем языком, на котором говорят австрийцы и немцы.

2 мая, во время остановки в Зальцбурге, Владимир Ильич пишет матери: «Я оказался совсем швах [слаб], понимаю немцев с величайшим трудом, лучше сказать, *не понимаю вовсе*. (Не понимаю даже самых простых слов, — до того необычно их произношение, и до того они быстро говорят.) Пристаешь к кондуктору с каким-нибудь вопросом, — он отвечает; я не понимаю. Он повторяет громче. Я все-таки не понимаю, и тот сердится и ухо-

¹ О Ленине. Воспоминания. Кн. III. М.; Л., 1925. С. 21–22; Записки Института Ленина. Т. III. М., 1928. С. 71–73.

² Пролетарская революция. 1930. № 1(96). С. 88.

³ См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 68.

⁴ Красный архив. 1934. № 1(62). С. 79.

дит. Несмотря на такое позорное фиаско, духом не падаю и довольно усердно коверкаю немецкий язык»¹.

Следующее письмо уже из Швейцарии: «Природа здесь роскошная. Я люблю ее все время. Тотчас же за той немецкой станцией, с которой я писал тебе, начались Альпы, пошли озера, так что нельзя было оторваться от окна вагона...»²

В Лозанне, у родственников Классона, он получает адрес Плеханова, едет в Женеву и здесь впервые встречается с Георгием Валентиновичем. О том, что Плеханов с первого взгляда произвел на него огромное впечатление, упоминалось в предисловии. Владимир Ильич сразу вспомнил фразу Фердинанда Лассаля – «физическая сила ума». Спустя почти два десятилетия он скажет Ивану Попову о Плеханове: «Вы только взгляните на него, и увидите, что это сильнейший ум, который все одолевает, все сразу взвешивает, во все проникает, ничего не спрячешь от него. И чувствуешь, что это так же объективно существует, как и физическая сила»³.

Сказать, что Ульянов отнесся к нему с должным почтением, как к признанному российскими марксистами патриарху, было бы не совсем точно. Речь идет о другом: о *«юношеской влюбленности»*, как выражались в старые времена. Георгий Валентинович был для него духовным пастырем, который в какой-то мере способствовал выбору жизненного пути. А от Плеханова прямую тянулась ниточка к тем, кто стал кумирами его поколения революционеров, – к Марксу и Энгельсу. Через несколько лет Владимир Ильич откровенно напишет о «громадной любви к нему», о том, что он и его друзья «были влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки...»⁴.

Впрочем, в то первое знакомство внешне это никак не проявилось. Евгений Спonti, прибывший в Швейцарию несколько раньше и присутствовавший при этой встрече, писал, что Владимир Ильич «был очень сдержан... держал себя с большим достоинством» и, видимо, от волнения «говорил мало, вернее, ничего, кроме необходимых в общем разговоре реплик»⁵.

Во время этой беседы Ульянов презентовал Плеханову свою книгу «Что такое «друзья народа»...». Георгий Валентинович

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Ленин всегда с нами. Воспоминания советских и зарубежных писателей. С. 95.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 344.

⁵ Записки Института Ленина. III. 1928. С. 71–73.

«бегло посмотрел брошюру и заметил: «Да, это, кажется, серьезная работа»¹. Он был вполне любезен и приветлив, но, как пишет со слов Владимира Ильича Анна Ильинична, «чувствовался все же некоторый холодок». И это объяснялось не какими-то нюансами его отношения к Владимиру Ильичу, а обычной для него манерой держать дистанцию даже по отношению к близким людям, тем более к молодым россиянам, постоянно домогавшимся встреч и знакомства.

Сразу приходит на память отзыв Максима Горького: «Когда меня «подводили» к Г. В. Плеханову, он стоял скрестив руки на груди и смотрел строго, скучновато, как смотрит утомленный своими обязанностями учитель на еще одного нового ученика»².

Много лет спустя Валентинов подробно расписывал, как в 1917 году Плеханов якобы говорил ему, что уже тогда, в 1895-м, при первой встрече, он «сразу разглядел, что наш 25-летний парень Ульянов – материал совсем сырой и топором марксизма отесан очень грубо»³. Эта информация так, наверное, и вошла бы в историческую литературу... Но вот беда, сохранилось письмо Георгия Валентиновича жене, написанное сразу же после визита Владимира Ильича: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный, даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди»⁴. На такой высокой ноте визит, судя по всему, и завершился.

Время было обеденное, но кормить Ульянова и Спonti у себя Плеханов не стал – жена была в отъезде, а порекомендовал недорогой ресторанчик, куда они и направились. Для Владимира это был, видимо, первый ресторанный обед за границей, и, как это часто бывает с россиянами, без смешного не обошлось. «Не знакомые с заграничным меню, – пишет Спonti, – мы с Лениным, после второго блюда, раза два, к великому удовольствию прислуживающей нам девушки, брались за шапки и пытались расплатиться, но оказывалось, что обед еще не окончен»⁵.

Для более конкретных переговоров с группой «Освобождение труда» Плеханов направил Владимира Ильича в Цюрих к Павлу Аксельроду. И если почтение, испытываемое к Георгию Валентиновичу, в какой-то мере сковывало Ульянова, то Павел Бори-

¹ Записки Института Ленина. III. 1928. С. 71–73.

² Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 17. М., 1952. С. 7.

³ Валентинов Н. В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 189–190.

⁴ Исторический архив. 1958. № 6. С. 209.

⁵ Записки Института Ленина. III. 1928. С. 73.

сович чем-то напомнил ему покойного отца, Илью Николаевича, и у них сразу сложились самые теплые дружеские отношения. На неделю они уехали в деревушку Афольтерн – в часе езды от Цюриха и, как вспоминал Аксельрод, проводили «целые дни вместе», гуляли в окрестностях, поднимались «на гору около Цуга и все время беседовали о волновавших обоих вопросах».

Говорили главным образом о содержании и формах социал-демократической работы. И за всеми разговорами Павел Борисович настойчиво проводил одну мысль – пора создавать партию. Каждый раз, когда собирались международные конгрессы Интернационала, Плеханов и его коллеги получали мандаты от достаточно случайных групп. С эмигрантским «Союзом русских социал-демократов за границей», созданным в 1893 году, дело явно не заладилось. Его молодые члены позволяли себе попрекать «стариков» оторванностью от российской революционной практики, и в воздухе уже пахло расколом. Летом 1896 года предстоял 4-й конгресс Интернационала. И Аксельрод полагал, что если связи питерцев с рабочими, как это следовало из рассказов Ульянова, достаточно прочны, то необходимо оформлять организацию. А назвать ее можно, к примеру, – «Союз освобождения труда»¹.

Убеждать Владимира Ильича в необходимости создания партии не приходилось. За год до встреч в Швейцарии, в работе «Что такое «друзья народа»...» он выдвинул эту задачу в качестве первоочередной². Поэтому дискуссий не возникало. Договорились о регулярной переписке, о том, что в Питере надо попытаться поставить нелегальную газету для рабочих, а в Швейцарии, под редакцией Аксельрода, начать издание неперIODических сборников «Работник», материалы к которым будут присылать из России³.

Общее впечатление о встрече было превосходным, и спустя много лет Аксельрод писал, что «эти беседы с Ульяновым были для меня истинным праздником. Я и теперь вспоминаю о них, как об одном из самых радостных, самых светлых моментов в жизни группы «Освобождение труда»⁴. И тем не менее, когда в ходе бесед зашла речь о статье Тулина «Экономическое содержание народничества...», Павел Борисович, дав ей самую высокую оценку, не стал скрывать, что не может согласиться с от-

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 273, 274.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 304.

³ См.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 265–275.

⁴ Там же. С. 271.

ношением Ульянова к либералам: «У вас заметна тенденция, прямо противоположная тенденция, той статьи, которую я писал для этого же самого сборника. Вы отождествляете наши отношения к либералам с отношениями социалистов к либералам на Западе...

— Знаете, Плеханов сделал по поводу моих статей, — ответил Ульянов, — совершенно такие же замечания. Он образно выразил свою мысль: «Вы, — говорит, — поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом»...

Ульянов, несомненно обладая талантом и имея собственные мысли, вместе с тем обнаруживал готовность и проверять эти мысли, учиться, знакомиться с тем, как думают другие. У него не было ни малейшего намека на самомнение и тщеславие... Держался он деловито, серьезно и вместе с тем скромно»¹.

Из Швейцарии Владимир Ильич направляется в Париж. 8 июня он пишет матери: «Получил твое письмо перед самым отъездом в Париж... В Париже я только еще начинаю мало-мало осматриваться: город громадный, изрядно раскинутый, так что окраины (на которых часто бываешь) не дают представления о центре. Впечатление производит очень приятное — широкие, светлые улицы, очень часто бульвары, много зелени; публика держит себя совершенно непринужденно, — так что даже несколько удивляешься сначала, привыкнув к петербургской чинности и строгости. Что-бы посмотреть как следует, придется провести несколько недель»².

Владимир Ильич намеревался прежде всего встретиться с Полем Лафаргом. Талантливейший пропагандист идей марксизма, один из лидеров социалистического Интернационала, зять Маркса — для любого социалиста, тем более молодого, он был фигурой знаковой. Но Плеханову и его коллегам было важно, видимо, и другое: «предъявить», так сказать, живого представителя российской социал-демократии, связанной с нарождавшимся пролетарским движением. И когда визит состоялся, Лафарг не случайно более всего интересовался тем, как именно русские социалисты ведут практическую работу.

Со слов Ульянова, об этой беседе рассказал Мартов:

«— Чем же вы занимаетесь в этих кружках? — спросил Лафарг. Ульянов объяснил, как, начиная с популярных лекций, в кружках из более способных рабочих штудируют Маркса.

— И они читают Маркса? — спросил Лафарг.

— Читают.

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 270, 271.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 8, 9.

— И понимают?

— И понимают.

— Ну, в этом-то вы ошибаетесь, — заключил ядовитый француз. — Они ничего не понимают. У нас после 20 лет социалистического движения Маркса никто не понимает»¹.

Помимо визита к Лафаргу в планы Ульянова входило посещение Национальной библиотеки. Здесь он составляет список книг парижских коммунаров, вышедших еще в 1871 году: «Социальная война» Андре Лео, «Третье поражение...» Бенуа Малона, «Социальный антагонизм» Адольфа Клеманса, «Красная книга об юстиции «деревенщины» Жюля Геда, «Восемь майских дней на баррикадах» Лиссагаре. Он читает их, а книгу Гюстава Лефрансе конспектирует².

Впрочем, законспектировал он лишь первую ее часть. Сидеть в жаркие летние дни в библиотеке не хотелось. И позднее он напишет матери: «Я жил в Париже всего месяц, занимался там мало, все больше бегал по «достопримечательностям»³. Судя по всему, был он и у Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез, и в Музее революции 1789 года, и в Музее восковых фигур Гравена, в Зоологическом саду и Люксембургском саду... Он исходил все улочки и переулки, где сражались на баррикадах французские рабочие. И позднее Владимир Бонч-Бруевич рассказывал: «С особой любовью Владимир Ильич вспоминал, зная буквально все на память, события Парижской коммуны. Он знал, где какие были бои, кто погиб, кто проявил особый героизм. Он так увлекался, говоря об этих днях, что, казалось, мы... присутствуем там, где не так давно совершились великие бои парижского пролетариата»⁴.

Есть основания полагать, что из Парижа Ульянов намеревался двинуться в Англию для встречи с Энгельсом. За год до этого Плеханов познакомил в Лондоне с Энгельсом Александра Потрессова. Теперь ему можно было представить Ульянова. Эта встреча могла бы стать кульминацией всей его заграничной поездки. Но выяснилось, что состояние здоровья Энгельса резко ухудшилось и визит практически невозможен.

Из Парижа Владимир Ильич возвращается в Швейцарию. 18(6) июля он пишет матери: «Я многоноcko пошлялся и попал теперь... в один швейцарский курорт: решил воспользоваться

¹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 266.

² См.: Иностранная литература. 1957. № 4. С. 7–17.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 74.

⁴ Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 157–159.

случаем, чтобы вплотную приняться за надоевшую болезнь (желудка), тем более что врача-специалиста, который содержит этот курорт, мне очень рекомендовали как знатока своего дела. Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, пансион прекрасный, и лечение видимо дельное, так что надеюсь дня через 4–5 выбраться отсюда. Жизнь здесь обойдется, по всем видимостям, очень дорого; лечение еще дороже, так что я уже вышел из своего бюджета и не надеюсь теперь обойтись своими ресурсами. Если можно, пошли мне еще рублей сто...»¹

Заграничную переписку русская полиция перлюстрировала тщательно. Поэтому трудно сказать, был ли Владимир Ильич на курорте. Вернее всего – не был. А вот то, что из Парижа он приехал в Женеву, а оттуда вместе с Плехановым, Александром Воденом и прибывшим из России Александром Потресовым отправился в горы, в глухую деревушку Ормоны, это факт². Причем факт, ускользнувший от составителей биографии В. И. Ленина.

Здесь, в горах, у подножья альпийских снегов, они, как пишет Потресов, проводили все время «в прогулках и бесконечных разговорах на ходу»³. И хотя и природа, и это общество были великолепны, Владимир Ильич, судя по всему, чувствовал себя не вполне комфортно. Во-первых, в присутствии Плеханова по-прежнему ощущалась определенная скованность. А во-вторых, «бесконечные разговоры на ходу» слишком напоминали светский салон...

Георгий Валентинович действительно был человеком светским, по манерам своим более всего походившим на аристократа. С его феноменальной эрудицией, «с его, – как пишет Потресов, – всеобъемлющими интересами, дававшими пищу для неизменно яркого и талантливого реагирования его ума», Плеханов буквально фонтанировал идеями. Из него, «как из неиссякаемого кладеза мудрости, можно было черпать мысли и сведения по самым различным отраслям человеческого знания, беседовать с ним с поучением для себя не только о политике, но и об искусстве, литературе, театре, философии...»⁴.

На этом фоне, замечает Потресов, Владимир Ульянов казался «серым и тусклым». С ним, «при всей его осведомленности в русской экономической литературе и знакомстве с сочинениями

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 9–10.

² См.: Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксизма. М., 1997.

³ Источник. 1993. № 4. С. 22.

⁴ Там же.

Маркса и Энгельса, тянуло говорить лишь о вопросах движения. Ибо малоинтересный и не интересный во всем остальном, он, как мифический Антей, прикоснувшись к родной почве движения, сразу преображался, становился сильным, искрящимся, и в каждом его соображении сказывалась продуманность, следы того жизненного опыта, который, несмотря на его кратковременность и относительную несложность, успел сформировать из него настоящего специалиста революционного дела и выявить его прирожденную даровитость»¹.

Каково? В который уже раз, читая такого рода характеристики, поражаешься умению автора прикрывать неприязнь к прежде близкому человеку флером, казалось бы, вполне корректных фраз. Вроде бы и «даровитый», но «малоинтересный». Вроде бы и «жизненный опыт» есть, но «кратковременный» и «несложный». Когда о России говорит, становится «сильным» и «искрящимся», а в общем-то – «серый и тусклый». И все это безотносительно к тому, ради чего, собственно, ехал Ульянов за тысячу верст в Швейцарию и колесил по Европе, перехватывая у матери совсем не лишнюю сотню из семейного бюджета. Ну а насчет «серости», то в 1918 году, рисуя портрет Плеханова, тот же Потресов напишет, что – о чем бы ни шла беседа – лишь только разговор касался России, Георгий Валентинович весь преображался, «он загорался, когда о ней говорил...»².

Георгий Валентинович был человеком проницательным, и он, видимо, уловил состояние Ульянова. Поэтому Плеханов продолжил тему, начатую в беседе с Владимиром Ильичем Павлом Аксельродом. Оба они, как со слов брата рассказывала Анна Ильинична, «нашли некоторую «узость» в постановке вопроса об отношении к другим классам общества в статье за подписью Тулина. Оба считали, что русская социал-демократическая партия, выступая на политическую арену, не может ограничиться одной критикой всех партий, как в период своего формирования; что, становясь самой передовой политической партией, она не должна упускать из поля своего зрения ни одного оппозиционного движения, которое знаменует пробуждение к общественной жизни... различных классов и групп»³.

Поскольку в «Друзьях народа...» Владимир Ильич писал о необходимости в борьбе с абсолютизмом стать «во главе всех демократических элементов», то принципиальных разногласий не

¹ Источник. 1993. № 4. С. 22.

² Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксизма. С. 131.

³ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. С. 208.

возникло, и он, как пишет Аксельрод, заявил, что «признает правильность точки зрения «Группы» на этот вопрос»¹. Досталось, впрочем, и «Друзьям народа...». Ухватив фразу о «материалистическом методе», Плеханов прочел Ульянову целую лекцию. И через четыре года, когда ту же фразу Владимир Ильич встретил у Каутского, он написал Потресову: «Помните, как один наш общий знакомый в «прекрасном далеке» зло высмеивал и разносил в пух и прах меня за то, что я называл материалистическое понимание истории «методом»? А вот, оказывается, и Каутский повинен в столь же тяжком грехе, употребляя то же слово: «метод»².

Впрочем, никаких обид не осталось. Спустя два года Ульянов встретился с Петром Красиковым, который подробно рассказал ему о том бедственном – моральном и материальном – положении, в котором находился Плеханов в конце 1893 – начале 1894 года после смерти пятилетней дочери Машеньки. Владимир Ильич ответил: «Вы, конечно, знаете, теперь дело с Плехановым стоит уже иначе. Мы сделали и сделаем все, чтобы привлечь и сберечь для нашего общего дела такой блестящий ум и сделать общим достоянием такую огромную литературную силу. Вот эта книжка, – он указал на легально изданную книгу Плеханова под псевдонимом Бельтов, – прекрасная книжка, и в то же время она дала Георгию Валентиновичу изрядную сумму франков. Когда я его видел в 1895 году, от «штанов с бахромой» уже не осталось и следа! А теперь мы смело можем сказать, что он нужды уже никогда не увидит»³.

Во второй половине июля Ульянов едет в Берлин. 10 августа он пишет матери: «Не знаю, получила ли ты мое предыдущее письмо, которое я отправил отсюда с неделю тому назад... Устроился я здесь очень недурно: в нескольких шагах от меня – Tiergarten (прекрасный парк, лучший и самый большой в Берлине), Шпре, где я ежедневно купаюсь, и станция городской железной дороги. Здесь через весь город идет (над улицами) железная дорога: поезда ходят каждые 5 минут, так что мне очень удобно ездить в «город» (Моабит, в котором я живу, считается собственно уже предместьем).

Плохую только очень по части языка: разговорную немецкую речь понимаю несравненно хуже французской. Немцы произносят так непривычно, что я не разбираю слов даже в публичной речи, тогда как во Франции я понимал почти все в таких речах с первого же раза»⁴.

¹ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 272.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 26.

³ Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 154.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 11.

В следующем письме Владимир Ильич пишет: «Чувствую себя совсем хорошо, – должно быть, правильный образ жизни [переезды с места на место мне очень надоели, и притом при этих переездах не удавалось правильно и порядочно кормиться], купание и все прочее, в связи с наблюдением докторских предписаний, оказывает свое действие... По вечерам обыкновенно шляюсь по разным местам, изучая берлинские нравы и прислушиваясь к немецкой речи. Теперь уже немножко освоился и понимаю несколько лучше... Мне вообще шлянье по разным народным вечерам и увеселениям нравится больше, чем посещение музеев, театров, пассажей и т. п.»¹.

Насчет «шлянья» и «увеселений» он в основном пишет в расчете на цензуру. Ибо из документов и воспоминаний видно, что его берлинское время заполнено вполне определенными делами. В читальном зале Прусской государственной библиотеки он изо дня в день штудирует новейшую марксистскую литературу. Посещает рабочие собрания и на одном из них слушает доклад об аграрной программе германской социал-демократии. Встречается со старым самарским знакомым Вильгельмом Бухгольцем. Через него знакомится с виленскими социал-демократами И. Айзенштадтом и М. Розенбаумом и договаривается о связях с Питером.

Тем временем приходит печальное известие о смерти 24 июля (5 августа) Фридриха Энгельса, и Владимир Ильич садится писать статью-некролог...

В начале сентября его принимает один из лидеров Германской социал-демократической партии – Вильгельм Либкнехт. Ради этой встречи Плеханов написал ему письмо: «Рекомендую Вам одного из наших лучших русских друзей. Он возвращается в Россию... Он расскажет Вам об одном, очень важном для нас, деле. Я уверен, что Вы сделаете все от Вас зависящее»². Они обсуждают возможность издания в Германии и транспортировки нелегальной литературы в Россию. А уже 7 сентября Владимир Ульянов вполне легально, в пассажирском поезде, пересекает русскую границу у станции Вержболово.

Его желтый чемодан с двойным дном, наполненным запретной печатной продукцией, был сработан немцами отлично. И начальник пограничного отделения докладывает в департамент полиции, что по самому тщательному досмотру багажа Ульянова ничего предосудительного не обнаружено³. Шпики фиксируют приобретение им билета до Вильно, но «засечь» его в самом Вильно не удается.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 12.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 105.

³ См. там же.

О дальнейших своих маршрутах Владимир Ильич сообщает в письме Аксельроду: «Буду рассказывать по порядку. Был прежде всего в Вильне. Беседовал с публикой о сборнике. Большинство согласно с мыслью о необходимости такого издания и обещают поддержку... Дескать, посмотрим, будет ли соответствовать тактике агитационной, тактике экономической борьбы. Я напирал больше всего на то, что это зависит от нас.

Далее. Был в Москве... Там были громадные погромы (аресты. — В. Л.), но, кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается. Мы имеем оттуда материал — описание нескольких стачек... Вышлем.

Потом был в Орехово-Зуеве. Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в центральном промышленном районе: чисто фабричный городок, с десятками тысяч жителей, только и живущий фабрикой. Фабричная администрация — единственное начальство. «Управляет» городом фабричная контора. Раскол народа на рабочих и буржуа — самый резкий. Рабочие настроены поэтому довольно оппозиционно, но после бывшего там недавно погрома осталось так мало публики и вся на примете до того, что сношения очень трудны. Впрочем, литературу сумеем доставить.

...Напишите поподробнее о сборнике: какой материал есть уже, что предположено, когда выйдет 1-ый выпуск, чего именно недостает для 2-го. Деньги, вероятно, пришлем...»¹

Есть в этом послании — и в содержании, и в тоне — нечто необычное. Владимир Ильич и раньше писал письма родным, друзьям, близким и дальним знакомым. Делился мыслями, спорил, высказывал какие-то пожелания. Но в этом письме он впервые *отчитывается* о проделанной работе. Он впервые ощущает себя как бы частью некоего весьма значимого для него целого, где отношения строятся не на личном приятельстве, а на сопричастности *общему делу*.

В этом деле он сам взял на себя определенные обязательства, ради них совершил опасное путешествие по России. И новое качество отношений несколько его не тяготит. Он с явным удовольствием пишет в Цюрих о бумаге и краске для печатного станка, о каналах связи, явках, способах переписки. О том, что в китайскую тушь надо «прибавить маленький кристаллик хромпика

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 8–9.

(K₂Cr₂O₇): тогда не смоется». А при пересылке корреспонденции в переплетах книг «необходимо употреблять очень жидкий клейстер: не более чайной ложки крахмала (и притом картофельного, а не пшеничного, который слишком крепок) на стакан воды»¹.

В Петербург Владимир Ильич возвращается 29 сентября. И уже в ближайшие недели он предпринимает шаги к объединению столичных социал-демократических групп, все еще существовавших в автономном режиме. Первой из них становится группа Мартова, о которой Ульянов получил дополнительную информацию и в Швейцарии, и в Вильно. Они сами вышли на контакт со «стариками» через Любовь Радченко с предложением о слиянии. Группа располагала опытными пропагандистами, хорошими связями на границе для транспортировки литературы и, что особенно важно, имела свой мимеограф – типографскую новинку, позволявшую гораздо проще и качественней, чем на гектографе, тиражировать листовки.

Первая встреча состоялась в октябре. «Стариков» представляли Ульянов, Кржижановский, Старков; группу – Юлий Мартов и Яков Ляховский. Владимир Ильич начал с рассказа о своей поездке за границу: о визите к Лафаргу в Париже, о беседах в Швейцарии, и, как заметил наблюдательный Мартов, он «был всецело проникнут почтением к вождям социал-демократии, Плеханову и Аксельроду, с которыми он недавно познакомился, и заметно чувствовал себя по отношению к ним еще учеником»².

Затем разговор зашел об общем направлении работы, и Мартов стал критиковать «стариков» за оторванность «от процессов стихийного недовольства, тлеющих в массах». Ему ответили, что «в организации новая точка зрения на методы работы более или менее усвоена», что рабочая молодежь «рвется выйти из тесных рамок кружковых занятий и кое-где на собственный риск и страх делает попытки непосредственного обращения к серым массам». В конечном счете вопрос об организационном слиянии в принципе был решен³.

После этого обсудили вопрос о возможности объединения с группой «молодых», пытавшихся конкурировать со «стариками» в рабочей среде. Мнения по этому вопросу полностью совпали: для слияния с «молодыми» существует, по меньшей мере, два препятствия. И первое из них – сам характер взаимоотношений внутри группы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 10.

² Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 266, 271.

³ См. там же. С. 265, 268.

Ее лидер Илларион Чернышев, как отметили присутствовавшие, ведет себя крайне высокомерно и «играет в ней роль непогрешимого папы, а остальные ее члены... связаны именно этим почитанием вождя»¹. Заметим, кстати, что и рабочие считали подобное поведение совершенно неприемлемым. Уже упоминавшийся Константин Норинский, признавая «начитанность» Чернышева, прямо писал, что Илларион Васильевич «любил осмелять чуть ли не каждого», был абсолютно нетерпим, «носил в себе много генеральского. И без мальчиков, прислужников – ни шагу»².

Мемуары Потресова, обвинявшие Ульянова в подборе кадров по признаку «личной преданности» и «отсутствия самостоятельности», были написаны спустя десятки лет, и Мартов, естественно, не знал о них. Тем интереснее его свидетельство о том, что в среде «стариков» такое было просто невозможно. Настолько, что это и стало причиной их отказа от объединения с Чернышевым, ибо они полагали, что «диктатура Чернышева в его группе должна вести к ее заполнению несамостоятельными и слишком молодыми политиками». Именно «к такому революционному «генеральству», – подчеркивает Мартов, – мы все относились отрицательно». А Ульянов? Он, отмечает Мартов, «вращаясь в среде серьезных и образованных товарищей... играл роль «первого между равными»...»³.

Второе обстоятельство, препятствовавшее объединению с «молодыми», касалось «правой руки» Чернышева – зубного врача Николая Михайлова. Относительно него существовали серьезные опасения в том, что он связан с охранкой. Подозрения на этот счет были и у Мартова, знавшего его около четырех лет, и у самих «стариков», которые заметили, что Михайлов, через знакомых рабочих-кружковцев, пытается совать свой нос в сугубо конспиративные вопросы деятельности организации. В этой связи они, как пишет Сильвин, оповестили «товарищей, в особенности рабочих, не иметь дела с этим мерзавцем»⁴.

Оставалась еще одна, державшаяся особняком группа столичных социал-демократов, ядро которой составляли студенты Военно-медицинской академии. В первых числах ноября ее лидера Константина Тахтарева пригласили на собрание рабочих групп, состоявшееся за Невской заставой на квартире Шелгунова. «Собрание началось, – пишет Тахтарев, – с выяснения положения дел

¹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 268.

² От группы Благоева... С. 34.

³ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 268, 269, 270.

⁴ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 132.

в различных районах». Вел его Ульянов, и более всего его интересовало — «каковы условия труда и отношения рабочих и администрации на различных заводах и фабриках, где замечается особое недовольство рабочих, и каковы причины, где имеются связи с рабочими и где можно надеяться на успех агитации...»¹.

Начались прения. «Владимир Ильич настаивал на немедленном переходе к агитации и ведении ее в самых широких размерах, его поддерживали и другие...» Но Тахтарев выступил против. Он заявил, что концентрация «наших сравнительно немногочисленных сил на агитации» грозит неизбежным и скорым провалом. Он был уверен, что его поддержат и некоторые «старики», в частности Сергей Радченко, высказывавший ранее аналогичные опасения, и такие старые кружковцы, как Шелгунов и Бабушкин, которые прежде занимались у него в кружке и побаивались, что с выходом на открытую арену будет утрачен годами накопленный «человеческий капитал». Однако, как пишет Тахтарев, вопреки ожиданиям, Ульянова поддерживали «и мои приятели Бабушкин и Шелгунов, а также и Зиновьев, последний с особенным жаром... Большинство быстро склонилось на сторону Владимира Ильича и... вопрос о немедленном переходе к широкой агитации в массах во всех районах был решен положительным образом»².

Помимо несогласия относительно агитации Тахтарев, по существу, выступил и против самой идеи общегородской организации социал-демократов. Он противопоставил ей предложение о создании «объединенной рабочей кассы». Дело в том, что в прежние годы многие рабочие кружки создавали подобные кассы для закупки литературы и помощи товарищам. Иногда эти кассы соединялись в рамках районов. В них Тахтарев и увидел возможность самостоятельного объединения рабочих и своего рода противовеса социал-демократической интеллигенции. Ульянов решительно выступил против. По его мнению, не слияние касс, а лишь сплочение социал-демократических групп, связанных с пролетарским движением, способно выразить интересы рабочего класса. Однако переубедить Тахтарева не удалось, и вопрос об объединении с его группой отпал сам собой³.

Более успешными оказались переговоры с «Группой народных удовольцев». Впрочем, в данном случае речь шла не об объединении, а о сотрудничестве. После апрельских арестов 1894 года

¹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 47.

² Там же. С. 47, 48.

³ См. там же. С. 48.

ее молодые члены, оставшиеся на свободе, возобновили свою деятельность. «В их среде, — пишет Сильвин, — наблюдалось заметное шатание. Немногие стояли на почве старой народовольческой ортодоксии. Большинство же склонялось к марксизму и искало сотрудничества с нами»¹. Они стали передавать «старикам» свои кружки, связи с рабочими, а главное — предложили совместно издавать рабочую газету, благо в их распоряжении была нелегальная типография.

Переговоры поручили Ульянову, и он провел их столь тактично, что особых дискуссий не возникло. Договорились о том, что марксисты воздержатся от критики «идейных традиций» революционного народничества, а народовольцы не станут пропагандировать террор и касаться вопроса о путях экономического развития России. Предполагалось, что газету будут редактировать представители обеих групп, каждый из которых пользовался правом «вето». Но, как пишет Мартов, «первый номер группа [народовольцев] предлагает составить нам целиком, что уже совсем нас растрогало и обрадовало. Кржижановскому, мне и Ульянову организация поручила составить первый номер, и мы взялись за работу»². О результатах этих переговоров Владимир Ильич уже в середине ноября сообщает в Цюрих Аксельроду³.

К этому времени городская организация была окончательно оформлена. На собрании, где это произошло, присутствовало все ядро группы «стариков»: Владимир Ульянов, Анатолий Ванеев, Петр Запорожец, Глеб Кржижановский, Александр Малченко, Яков Пономарев, Сергей и Любовь Радченко, Михаил Сильвин, Василий Старков, Зинаида Невзорова, Аполлинария Якубова, Надежда Крупская. От группы Мартова, помимо него самого, были Яков Ляховский, В. М. Тренюхин и С. А. Гофман. Эти 17 человек составили костяк городской организации. Кандидатами для ее пополнения в случае провалов наметили В. К. Сережникова, И. А. Шестопалова, И. Смидович и от «мартовцев» — Федора Гурвича-Дана, Бориса Гольдмана-Горева и М. А. Лурье⁴.

Все члены организации распределялись по районам. Заречная часть города — Васильевский остров, Петербургская и Выборгская сторона с Охтой поручались Ванееву, Сильвину,

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 96.

² Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 276–277.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 10–11.

⁴ См.: Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 271–272; Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 103.

Невзоровой, Гофману и Тренюхину. Шлиссельбургский тракт и Колпино с заводами: Семянниковским, Александровским и Обуховским – Кржижановскому, Малченко, Крупской и Ляховскому. И в третьем районе, на Путиловском заводе и предприятиях, расположенных по Обводному каналу и за Московской заставой, работали Старков, Запорожец, Пономарев, Якубова и Мартов.

В состав «Центральной группы» – руководящего центра всей организации – вошли Ульянов, Кржижановский, Ванеев, Старков и Мартов. Помимо этого Ульянов назначался редактором предполагаемых изданий, Сергей и Любовь Радченко взяли на себя конспиративные и финансовые дела, Пономарев – технику, а Крупская – связи с рабочими, которые она поддерживала и возобновляла через вечернюю школу. Конечно, все это распределение обязанностей было достаточно условно, но Мартов прав, оценивая указанные решения как первый шаг на пути создания партии¹.

Оставался нерешенным весьма существенный вопрос: о вводе рабочих в состав руководящей «Центральной группы». И поскольку в последующем он был излишне политизирован и драматизирован обвинениями в «диктатуре вождей», имеет смысл несколько прояснить его².

Дело в том, что еще в 1894 году из числа наиболее авторитетных рабочих различных районов сложилась так называемая «Центральная рабочая группа» во главе с Шелгуновым, которая осуществляла посреднические функции между социал-демократической интеллигенцией и кружками. Казалось бы, достаточно включить ее представителя в единый руководящий центр – и двухступенчатость организации ликвидируется. Однако возникла проблема, которая усложнила столь простое решение вопроса.

В связи с переходом к прямой агитации на заводах между старыми рабочими-кружковцами и молодым пополнением стали возникать явные трения. Среди молодых своим задором, подвижностью и «той страстностью, с которой они восприняли идею широкой массовой агитации», особенно выделялись путиловцы Борис Зиновьев и Петр Карамышев. «В противоположность старым кружковцам, типа Богданова, Шелгунова или Бабушкина, – пишет Сильвин, – они не обнаруживали особой склонности к углублению в кладезь премудрости, к теоретическим занятиям, к книжному чтению. С психикой не сектантов, а боевиков, они и по внешности своей были иными. Какой-то порыв

¹ См.: *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 271–272; *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. С. 103.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 28.

чувствовался во всем их поведении, в движениях, в жестах, в манере выражаться... К старым методам пропаганды они относились насмешливо, вышучивая стариков-рабочих с их проповедью медленного, постепенного накопления развитых единиц. Они стояли за открытую агитацию и вели ее всюду, где только могли, — на заводах, в трактирах, на улицах, на квартирах рабочих, в фабричных казармах. С осени 1895 года они играли важнейшую роль во всей нашей работе»¹.

Так кого же включать в руководящий центр? Вводу шелгуновской «рабочей группы», рассказывает Мартов, «препятствовало то обстоятельство, что они все, или почти все, являлись типичными образцами рабочих-книжников, прошедших старую школу кружковщины, очень тугих к усвоению новых приемов работы... Ввести же в центр, по нашему усмотрению, лишь некоторых из них представлялось щекотливым и могущим вызвать недовольство остальных. Можно было через головы этих старейших рабочих ввести в центр лучших из того нового пролетарского поколения, на которое мы, собственно, и рассчитывали в деле постановки массовой агитации, но тут нас останавливала боязнь перед организационной и конспиративной неопытностью этих молодых рабочих»².

Судя по биографической хронике, Владимир Ильич не раз встречается в эти дни и с Борисом Зиновьевым, и с Василием Шелгуновым, и с Иваном Бабушкиным. Но решение так и не приходит. «В конце концов, — пишет Мартов, — излив свое огорчение по поводу ясных для нас неудобств сложившегося положения, мы решили временно не разрубать запутанного узла и поддерживать «двухпалатную» систему руководящего и рабочего центра, с которым фактически лишь совещались, и предоставить времени дать нам материал для иной постройки организации»³.

Плодить конфликты между собой действительно было совсем не ко времени. В самом начале ноября, на том собрании, где присутствовал Тахтарев, «были опрошены... два ткача с фабрики Торнтон, которая в этот момент привлекала собой особое внимание собравшихся, так как на ней предвиделась стачка. Опросом ткачей Торнтон, — рассказывает Тахтарев, — руководил Владимир Ильич, который скоро оказался в роли главного руководителя собрания. Опрос торнтоновских рабочих он дей-

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 94.

² Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 273.

³ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 274; ср.: От группы Благоева... С. 57, 58.

ствительно вел мастерски, ставя вопросы очень умело и получая необходимые ему сведения, которые он немедленно же записывал карандашом на лежавшем перед ним на столе листочке бумаги. Он, очевидно, собирал материал, который должен был послужить для соответствующего воззвания к рабочим фабрики Торнтона»¹.

Тахтарев не ошибся. Через несколько дней написанная Глебом Кржижановским листовка была готова, отпечатана на мимеографе и разбросана по фабричным корпусам и жилым казармам. На рабочих листовка произвела огромное впечатление. И 5 ноября забастовали 500 ткачей. Прибывший фабричный инспектор начал переговоры и лишь ценой повышения заработка добился прекращения стачки 8 ноября. И в этот день, как бы подводя итоги выступления, появилась новая листовка, написанная Ульяновым.

«Ткачи своим дружным отпором хозяйской прижимке, – говорилось в ней, – доказали, что в нашей среде в трудную минуту еще находятся люди, умеющие постоять за наши общие рабочие интересы, что еще не удалось нашим добродетельным хозяевам превратить нас окончательно в жалких рабов... Мы вовсе не бунтуем, мы только требуем, чтобы нам дали то, чем пользуются уже все рабочие других фабрик по закону, что отняли у нас, надеясь лишь на наше неумение отстоять свои собственные права»².

С помощью группы молодежи, подобранной Зиновьевым и Карамышевым, листки забрасывали в цеха через вентиляционные системы, раздавали при выходе с завода, прямо на улице. «Ткачи подходили к ним сначала с опаской. «Видит листок, и хочется ему взять, а боится», – рассказывал нам Зиновьев». И лишь потом, прочитав листок, оживленно комментировали: «Ловко подернули!» ... Читали его теперь уже громко, то есть публично...»³

А еще через два дня, 10 ноября, к Ульянову прибежал Сильвин – на Васильевском острове бунтуют папиросницы фабрики Лаферма. Вдвоем они отправились к месту событий. Фабрика была оцеплена полицией. Из выбитых окон высовывались возбужденные работницы и швыряли вниз все, что попадало под руку: инструмент, мебель, табак, папиросную бумагу. А по окнам, по распоряжению градоначальника фон Валя, били из шлангов ледяной водой пожарные машины.

Ульянов и Сильвин зашли в ближайший трактир. Из разговоров выяснилось, что на фабрике поставили новую машину для

¹ *Тахтарев К. М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 47.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 70, 74.

³ *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. С. 107.

набивки папирос, что привело к росту браковки, штрафов и снижению расценок с выработки. Но никакого сочувствия по этому поводу со стороны трактирных завсегдатаев не высказывалось. Наоборот, перебирая подробности обливания работниц пожарными, они лишь гоготали: «Ни-и скандал!» Впрочем, сиятельный градоначальник оказался еще циничнее. Выслушав жалобы выдворенных с фабрики работниц на снижение зарплат, он изрек: «Можете дорабатывать на улице», т. е. на панели¹.

Сильвин отправился вслед за расхаживавшими по домам работницами, представился студентом и был приглашен на чай. А уже через несколько дней листовка с изложением причин конфликта и требований папиросниц подсовывалась под двери и разбрасывалась вокруг домов, где жили работницы. «С тех пор, — пишет Сильвин, — фабрика Лаферма стала как бы моей революционной вотчиной, и почти все прокламации и статьи, касавшиеся ее, до самого моего ареста писались мною»².

15 ноября листовки были распространены на фабрике «Скороход», и трехдневная стачка обувщиков завершилась уступками администрации. Еще через несколько дней листки появились на Путиловском заводе. Мимеограф работал на славу. На полную мощь заработала и нелегальная типография: трехтысячным тиражом выпускается брошюра Ульянова «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах».

Получив из Петербурга эту брошюру и торнтоновскую листовку, Плеханов и Аксельрод дали им самую высокую оценку. Ульянов ответил: «Ваши... отзывы о моих литературных попытках (для рабочих) меня чрезвычайно ободрили. Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих»³.

Если сравнить книги «Что такое «друзья народа»...» или «Экономическое содержание народничества» с листком и брошюрой «О штрафах», то может показаться, что они принадлежат совершенно разным авторам. Там — размышления о сложнейших философских и экономических проблемах. Тут — разговор о расценках за «шмиц» драпа «бибер» и драпа «урал».

Послушайте: «Вознаграждения за убыток требуют от человека равного, а штрафовать можно только человека подчиненного... Штраф назначается иногда в таких случаях, когда ника-

¹ *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 278, 279; *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. С. 108, 109.

² *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. С. 110.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 12.

кого убытка хозяину не было: напр., штраф за курение табака. Штраф есть наказание, а не вознаграждение за убыток. Если рабочий, скажем, заронил при курении [искру] и сжег хозяйскую материю, то хозяин не только штрафует его за курение, но еще сверх того вычтет за сожженную материю.

...Возьмем еще пример: работает заводский рабочий на станке около электрической лампочки. Отлетает кусок железа, попадает прямо в лампочку и разбивает ее. Хозяин пишет штраф: «за порчу материалов». Имеет ли он на это право? Нет, не имеет, потому что рабочий не по небрежности разбил лампочку: рабочий не виноват, что ничем не защитили лампочку от кусков железа, которые всегда отлетают при работе».

Это из брошюры «О штрафах». А вот из листовки: «Ткачи зарабатывали в последнее время, почитай что на круг, по 3 р. 50 к. в полумесяц, в течение же этого времени они ухищрялись жить семьями в 7 человек на 5 р., семьей из мужа, жены и ребенка – всего на 2 р. Они попустили последнюю одежонку, прожили последние гроши, приобретенные адским трудом... Заработок в 1 р. 62 к. в полумесяц, который уже стал появляться в расчетных книжках некоторых ткачей, может стать в скором времени общим заработком ткацкого отделения... Если, наконец, не совсем окаменели ваши сердца к страданию таких же, как и вы, бедняков, сплотитесь дружно около наших ткачей... Хочет у нас хозяин грабить заработок таким образом, так пусть идет вчистую, так, чтобы мы твердо знали, что от нас хотят отжилить...»¹

Важно, видимо, понять, что это не просто способность журналиста адаптироваться к новой теме за счет жаргона и новых, сугубо профессиональных слов. Чтобы выражать чьи-то интересы, надо для начала научиться понимать их. В Кокушкине и Алакаевке Ульянов услышал язык и увидел жизнь российской деревни. Теперь он осваивал новый пласт народной, *рабочей* жизни со всеми ее разговорами, мельчайшими деталями производства и быта. Тот пласт народной жизни, с которым он впервые соприкоснулся здесь, в Питере.

Успех листовок говорил о том, что общий язык между рабочей массой и социал-демократической интеллигенцией найден. «Листки, а потом уступки, – пишет Тахтарев, – производили какое-то магическое действие на рабочих: подымалась энергия, появлялась вера в возможность бороться, вера в силу массового натиска и в силу единения. Дело объединения рабочих разных районов

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 19–20, 71, 73.

Петербурга и создания общей организации продвигалось вперед. Настроение среди организованных рабочих было самое бодрое. Наконец-то найдено средство применять свои силы, развитие и знания, накопившиеся за время чисто кружковой жизни»¹.

Именно это соединение социал-демократии с пролетарским движением и стало решающим шагом на пути создания партии. Но не мало ли этого? Нет, не мало. «Разве эта организация, – писал спустя два года Владимир Ульянов, – не представляет из себя именно зачатка революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата... не устраивая никаких заговоров и почерпая свои силы именно из *соединения* социалистической и демократической борьбы в одну нераздельную классовую борьбу петербургского пролетариата?»²

Возникал ли вопрос о названии организации? Судя по всему, да. Вокруг того, кто и когда назвал ее «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», страсти кипят до сих пор. Первая листовка с такой подписью появилась лишь 15 декабря 1895 года. Это факт. И о нем речь пойдет в следующей главе. Но разговоры на эту тему были, видимо, и раньше.

В этой связи сошлемся на забытые исследователями свидетельства арестованных рабочих о сходке 4 декабря, состоявшейся на квартире Бориса Зиновьева и Петра Карамышева. Помимо хозяев квартиры на ней из группы «старых интеллигентов» присутствовали Василий Старков и Юлий Цедербаум (Мартов), а из рабочих – Николай Данилов, Иван Львов, Дмитрий Морозов, Семен Шепелев, Дмитрий Демичев.

Николай Данилов на допросе показал: «На сходке Зиновьев и Карамышев доказывали, что необходимо, ввиду предполагавшейся на Путиловском заводе сбавки заработной платы, выпустить воззвание, и один из интеллигентов (Мартов. – В. Л.) сказал, что может приготовить такие воззвания, причем уговорились, что вечером в тот же день Зиновьев отправится к интеллигенту за этими воззваниями. Тут же было решено, что воззвания должны и впредь выпускаться от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

...Обвиняемый Львов также подтвердил, что 4 декабря на сходке было решено впредь прокламации выпускать от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»³.

¹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 51.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 460.

³ Ленин Н. (В. Ульянов). Собр. соч. Т. 1. С. 573, 574. См. также с. 590, 593, 610, 613, 614.

6 декабря завершилась подготовка первого номера газеты. По соглашению с «группой народовольцев» ее назвали «Рабочее дело». Собрание прошло на квартире Радченко. И, открывая его, Ульянов сказал: «Я понимаю свои обязанности редактора самодержавно», – исключая, таким образом, ненужные прения по содержанию статей, уже согласованных с авторами и редакторами»¹. Утвердили содержание номера. Четыре статьи принадлежали Владимиру Ильичу, в том числе передовая, призывавшая российский пролетариат к завоеванию политической свободы. Остальные статьи написали Мартов, Кржижановский, Ванеев, Сильвин, Запорожец и др.

Вечером решили пойти на традиционный студенческий благотворительный бал, проводившийся в зале Дворянского собрания. Надо сказать, что подобного рода балы занимали особое место в деятельности социал-демократов. Перед балом студенческая корпорация избирала несколько комиссий. Артистическая, приглашавшая известных актеров, и танцевальная полностью отдавались «белоподкладочникам», то есть более состоятельным студентам.

А вот хозяйственную комиссию возглавляли, как правило, народники или социал-демократы. Они подбирали самых красивых курсисток для продажи – по совершенно несообразным ценам – входных билетов для гостей (не менее 10 руб.), цветов (25 руб. за бутоньерку) и шампанского (до 100 руб. за бокал). Выручка шла на взнос платы за обучение и на пособия бедным студентам. И лишь совсем малый процент поступал в фонд студенческих организаций. Его-то и отдавали нелегалам².

Вот на такой бал и пришла, как пишет Борис Горев, «повеселиться» и «отвести душу» вся группа «стариков» с Ульяновым во главе. Концерт был хорош. Начались танцы. Веселье было в полном разгаре, когда в кругу столичных знаменитостей появился, окруженный стайкой поклонниц, Михайловский. Горев, которому позарез были нужны деньги на «технику», подошел к нему и буркнул что-то про «общественные нужды». Михайловский, прекрасно понимая, о чем идет речь, барственно протянул туго набитый бумажник. Борис извлек из него четвертной, остальное вернул и с победным видом, под дружный хохот, вернулся к своим. Впрочем, к 2 часам ночи веселья поубавилось: среди публики появились явные шпики³.

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 106.

² См. там же. С. 133.

³ См.: Горев Б. И. Из партийного прошлого. Воспоминания. 1895–1905. Л., 1924. С. 17.

Служка усиливалась изо дня в день. Теперь ее не составляло труда заметить. Владимир Ильич купил себе новое пальто и сменил адрес. Видимо, по принципу «клин клином», он переезжает на Гороховую улицу в дом № 61 – совсем рядом с охранкой.

В эти декабрьские дни он пишет матери: «Живу я по-прежнему. Комнатой не очень доволен – во-первых, из-за придирчивости хозяйки; во-вторых, оказалось, что соседняя комната отделяется тоненькой перегородкой, так что все слышно и приходится иногда убегать от балалайки, которой над ухом забавляется сосед... На рождество, когда кончается срок моей комнаты, не трудно будет найти другую. Погода стоит теперь здесь очень хорошая, и мое новое пальто оказывается как раз по сезону»¹.

Днем 8 декабря Ульянов успел провести еще одно редакционное собрание по «Рабочему делу». Все материалы газеты для передачи в типографию забрал Ванеев. А в ночь на 9 декабря начались аресты. Из рабочих взяли Василия Шелгунова, Никиту Меркулова, Ивана Яковлева, Бориса Зиновьева, Петра Карамышева и других. Из «стариков» – Анатолия Ванеева, Петра Запорожца, Глеба Кржижановского, Александра Малченко, Василия Старкова. В ночь на 9-е взяли и Владимира Ульянова.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 14.

Глава 4

ТЮРЬМА И ССЫЛКА

ОДИНОЧКА

Сколько революционеров сломала царская тюрьма с ее одиночками и карцерами, тупыми надзирателями и раз навсегда заведенным распорядком жизни... Ломала не скудностью казенного пайка, не жесткостью арестантской койки. Ломала одиночеством и кажущейся безысходностью. Тюрьма становилась экзаменом для революционного романтизма, нередко разбивавшегося об эти холодные стены.

Петербургский дом предварительного заключения на Шпалерной улице был обычной российской тюрьмой. А камера № 193, в которую поместили Ульянова, — обычной одиночкой: от дверей до окна шесть шагов. Так что рассказы самарских стариков о поведении на допросах, законах «сидения» и тюремного выживания, которые он внимательно выслушивал за чашкой кофе у Виктории Юлиановны и Александра Ивановича Ливановых или во время игры в шахматы от Николая Степановича Долгова, вполнегодились.

Особенно тяжкими были первые недели. Еще в ноябре, когда из Москвы приезжали погостить Мария Александровна и Анна Ильинична, он попросил сестру — в случае ареста — «не пускать мать для хлопот о нем в Питер»¹. Просьбу исполнили. И вот теперь он сидел без свиданий и передач, ничего не зная о том, кто арестован вместе с ним и что вообще происходит на воле.

В отличие от уголовных, которых выводили на общие прогулки, где они затевали шумные игры и могли сколько угодно общаться между собой, политических действительно «выдерживали» одиночеством. Зарешеченные окна находились в глубокой нише чуть ли не под потолком. Для человека, привыкшего к гимнастическим упражнениям, можно было, оперевшись

¹ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 107.

одной ногой на парашу и изогнувшись всем корпусом, ухватиться за решетку и подтянуться к окну. Тогда, на считанные секунды, покуда хватало сил, открывался вид сверху на тюремный двор с дощатыми загородками для одиночных прогулок, которые Владимир Ильич сразу назвал «шпацирен-стойлами»¹. Но ни эти наблюдения, ни перестукивание стен по тюремной азбуке результатов не давали.

Первый допрос состоялся 21 декабря. На вопросы подполковника Отдельного корпуса жандармов Клыкова и товарища прокурора С.-Петербургской судебной палаты А. Е. Кичина Владимир Ильич ответил: «Зовут меня Владимир Ильич Ульянов. Не признаю себя виновным в принадлежности к партии социал-демократов или какой-либо партии. О существовании в настоящее время какой-либо противоправительственной партии мне ничего не известно. Противоправительственной агитацией среди рабочих не занимался... О знакомствах своих говорить не желаю, вследствие опасения компрометировать своим знакомством кого бы то ни было»². Судя по всему, из этого допроса обе стороны сделали надлежащие выводы: допрашивавшие – что толку от бесед с подследственным пока мало и надо его «выдержать», а у допрашиваемого – что улики против него немного, а посему и следствие может затянуться на достаточно долгое время.

Ну а для длительного «сидения» – Ульянов знал это – надо было решить, по меньшей мере, три задачи. Во-первых, наладить регулярную связь с «волей». Во-вторых, определить то повседневное дело, которое достаточно плотно займет его время. И третье – позаботиться о собственном здоровье, дабы избежать обычных спутников одиночного заключения – психических расстройств и туберкулеза. А для всего этого необходимо было добиться максимального количества свиданий и передач, возможности получения книг и неказенной еды, то есть полностью использовать свои «права» и вытянуть у администрации тюрьмы все «блага», положенные подследственному, но еще не осужденному.

Рождество и Новый год он впервые встретил один. Вместо традиционной маминой елки, смешных подарков и семейного застолья – разговор с прокурором. А. Е. Кичин, прославившийся реакционными взглядами даже в судебном ведомстве, был известен своим злобным отношением к политзаключенным, в каждом из которых он видел чуть ли не личного врага³. Как про-

¹ См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 165.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 443, 444.

³ См.: Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 300.

шла их беседа с Ульяновым – протоколом не зафиксировано. Но законы и тюремные правила Владимир Ильич знал. Пугать или спорить с ним было бесполезно. Ведомо было прокурору и то, что шеф Ульянова, известный в столице адвокат М. Ф. Волкенштейн и председатель Совета присяжных поверенных Петербурга В. О. Люстих изъявили желание взять подследственного на поруки¹. Поэтому исход беседы с прокурором был благоприятен.

Уже 2 января 1896 года Владимир Ильич пишет Александре Кирилловне Чеботаревой, у которой он столовался, для передачи «знакомым»: «Литературные занятия заключенным разрешаются: я нарочно справился об этом у прокурора, хотя знал и раньше (они разрешаются даже для заключенных в тюрьме). Он же подтвердил мне, что ограничений в числе пропускаемых книг нет. Далее, книги разрешается возвращать обратно, – следовательно, можно пользоваться библиотеками. С этой стороны, значит, дела обстоят хорошо»².

Судя по всему, вопрос о «повседневном деле» он для себя к этому времени решил. «У меня есть план, – говорилось в письме, – который меня сильно занимает со времени моего ареста и чем дальше, тем сильнее. Я давно уже занимался одним экономическим вопросом (о сбыте товаров обрабатывающей промышленности внутри страны), подобрал некоторую литературу, составил план его обработки, кое-что даже написал... Бросить эту работу очень бы не хотелось, а теперь, по-видимому, предстоит альтернатива: либо написать ее здесь, либо отказаться вовсе»³.

К письму прилагался обширнейший список литературы. Его основная часть действительно связывалась с предстоящей работой. Но были в нем и записи совсем иного рода. Комбинируя реальных авторов и названия их работ с явно вымышленными, он запрашивал о судьбе товарищей.

Так, включив в список книгу Н. Костомарова «Герои смутного времени», он знал, что друзья поймут – речь идет о Ванееве и Сильвине, носивших клички Минин и Пожарский. Желая получить монографию В. Воронцова, книгу Брема «О мелких грызунах» или Майн Рида «Минога», он спрашивал о Старкове, имевшем кличку Веве, о Кржижановском, которого называли Сусликом, и о Надежде Крупской. А исторический роман некоего Гуцулла – да еще во французской транскрипции – означал Петра Запорожца. И когда позднее с воли ответили, что из «Ге-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 126.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 15.

³ Там же.

роев смутного времени» в библиотеке есть лишь первый том и нет ни Воронцова, ни Брема, ни романа Гуцулла, Владимир Ильич понял, что арестованы Ванеев, Старков, Кржижановский, Запорожец, а Сильвин и Крупская пока на свободе¹.

А с 9 января, через месяц после ареста, ему разрешают свидания с родными и передачи. Из Москвы приезжает Анна Ильинична, и он получает из дома и от друзей посылки за все прошедшие рождественские праздники...

Максим Горький написал как-то: «Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или прожив год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал»². Письма Ульянова из предварилки – полная тому противоположность. Все происходящее в тюрьме он воспринимал прежде всего с юмором.

12 января Владимир Ильич пишет Анне Ильиничне: «Получил вчера припасы от тебя, и как раз перед тобой еще кто-то принес мне всяких снедей, так что у меня собираются целые запасы: чаем, например, с успехом мог бы открыть торговлю, но думаю, что не разрешили бы, потому что при конкуренции с здешней лавочкой победа осталась бы несомненно за мной. Хлеба я ем очень мало, стараясь соблюдать некоторую диету, – а ты принесла такое необъятное количество, что его хватит, я думаю, чуть не на неделю, и он достигнет, вероятно, не меньшей крепости, чем воскресный пирог достигал в Обломовке»³.

Спустя два года, когда в тюрьму попадает его младший брат Дмитрий, Владимир Ильич пишет матери: «Нехорошо это, что у него уже за 2½ месяца одутловатость какая-то успела появиться. Во-1-х, соблюдает ли он диету в тюрьме? Поди, нет. А там, по-моему, это необходимо. А во-2-х, занимается ли гимнастикой? Тоже, вероятно, нет. Тоже необходимо. Я по крайней мере по своему опыту скажу, что с большим удовольствием и пользой занимался *каждый день* на сон грядущий гимнастикой. Разомнешься, бывало, так, что согреешься даже в самые сильные холода, когда камера выстыла вся, и спишь после того куда лучше. Могу порекомендовать ему и довольно удобный гимнастический прием (хотя и смехотворный) – 50 земных поклонов. Я себе как раз такой урок назначал – и не смущался тем, что надзиратель, подсматривая в окошечко, диву дается, откуда это вдруг

¹ См.: Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 109, 110; см.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 128.

² Горький М. Собр. соч. Т. 17. С. 24.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 17.

такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предварилкинской церкви!»¹

А спустя пять лет, когда в тюрьму попадает его младшая сестра Мария, он пишет ей: «Как-то ты поживаешь? Надеюсь, наладила уже более правильный режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему, как бы лучше всего «режим» установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом *обратные*, т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо.

...Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы – с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику – чрезвычайно много помогает... После обеда, вечером для отдыха я, помню, *regelmässig* [регулярно] брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме»².

Списки беллетристики, которую он «смаковал» в одиночке, не сохранились. А вот списки других книг, доставлявшихся Анной Ильиничной с помощью Потресова из библиотек университета, Академии наук, Вольного экономического общества, известны. Это прежде всего толстенные (и скучнейшие!) статистические сборники различных губерний, статистические обзоры промышленности России, указатели фабрик и заводов, книги о крестьянском хозяйстве, промыслах и общине, экономические доклады губернских управ и т. д.

На чтение литературы подобного рода уходила бóльшая часть времени. И уже в январе 1896 года альтернатива (писать или не писать книгу) была решена. «Сплю я по девять часов в сутки, – сообщает он Анне Ильиничне, – и вижу во сне различные главы будущей своей книги»³. Одновременно начинаются и систематические занятия переводом с немецкого.

В январе Анна Ильинична пробыла в Питере недолго – около месяца. Перед возвращением в Москву обсудили вопрос о дальнейших контактах. После ее отъезда их могла бы поддер-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 72.

² Там же. С. 208, 209.

³ Там же. С. 18.

живать «невеста». «Относительно «невесты» для свиданий и передач, – пишет Анна Ильинична, – помню, что на роль таковой предложила себя Надежда Константиновна Крупская, но брат категорически восстал против этого, сообщив мне, что «против нейтральной невесты ничего не имеет, но что Н. К. другим знакомым показывать на себя не следует»¹. Иными словами, «засвечиваться» ей не стоит. Пришлось воспользоваться услугами «нейтральной невесты», которую дал политический Красный крест.

В марте Анна Ильинична ненадолго приезжала вновь. И лишь в мае, когда мать и дочери устроились на даче близ Петербурга, для Владимира Ильича на эти несколько летних месяцев началась просто «райская жизнь». На получасовые личные свидания по понедельникам, хоть и не регулярно, стали приходить Мария Александровна и Мария Ильинична, а по четвергам, на общие часовые свидания через двойную решетку, – Анна Ильинична. Она же доставляла книги и вела шифрованную переписку. Три раза в неделю из дома приносили приготовленные матерью передачи, которые позволяли держать предписанную врачами строгую диету. За отдельную плату Владимиру Ильичу разрешили также получать платные обеды, минеральную воду и молоко².

Нынешние «лениноеды» ерничают, поминая эти обеды, молоко и минеральную воду: это, мол, не тюрьма, а просто санаторий. Но так могут рассуждать лишь те, кто никогда не приближался к тюрьме ближе сотни шагов и полагает, что все ее проблемы зависят лишь от качества кормежки. Но заключенные страдали не только от скверных харчей.

Именно в этом «санатории», имея и свидания, и передачи, получил чахотку Анатолий Ванеев. Здесь сошел с ума Петр Запорожец. Заболел тяжелым психическим расстройством Сергей Гофман. Покончил с собой, перерезав горло осколком стекла, инженер Костромин. А Мария Ветрова, арестованная по делу упоминавшейся выше народовольческой типографии, после того как ее, Сильвина, Гофмана и других перевели в Петропавловскую крепость, где условия были никак не хуже предварилки, облила себя керосином, подожгла и трагически погибла 12 февраля 1897 года³.

«Трудно совладать с унынием, – писал невесте из предварительной одиночки Михаил Сильвин, – все те же стены, та же

¹ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 111.

² См. там же. С. 111, 112.

³ См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 162, 168.

грязь, тот же шум, а тут еще погода пошла под осень, дни стали короче, хмурое небо висит сырым, душным, неприветливым покровом, дождь однообразным звуком стучит по крыше и в окна, отдаваясь в моей душе невеселой мыслью «я тебя доконаю, я тебя доконаю...»¹

В своих мемуарах он рассказывает: «Настроение у меня в тюрьме было чрезвычайно изменчиво; то оно было ровным, спокойным, даже апатичным... То вдруг всего охватывала безысходная тоска, жалко было гибнущей молодости, хотелось жить, дело, в которое свято верил, казалось безнадежным, книга валилась из рук, ничего не хотелось делать, ни о чем думать. Как зверь, метался я от окна к двери, машинально отсчитывая шесть роковых шагов, – нет выхода, все то же, все то же. И как будто опускаясь в бездонную мрачную пропасть, полный глухого отчаяния, я закрывал глаза и, поникнув головой на скат подоконника, долго стоял неподвижно...»²

А были ли у Владимира Ильича хоть какие-то «перепады настроения», о которых писали многие заключенные? Или в отличие от них он обладал действительно железными нервами? На этот вопрос ответила Крупская: «Как ни владел Владимир Ильич собой, как ни ставил себя в рамки определенного режима, а нападала, очевидно, и на него тюремная тоска»³. Об этом в письме младшей сестре вскользь упоминает и он сам: «Иногда ухудшение настроения – довольно-таки изменчивого в тюрьме – зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить ее, чтобы войти в норму и совладать с нервами»⁴. Значит, не в том дело, что не было у него «перепадов», а в том, что любыми способами он старался их преодолеть и никогда не писал ни родным, ни товарищам о том, «как он страдал».

А поводов для трепки нервов было предостаточно. Зубной врач Михайлов дал жандармам обширную информацию. Но использовать ее было достаточно сложно. Во-первых, нельзя было «засвечивать» провокатора. А во-вторых, о деятельности «стариков» Михайлов знал, как говорится, лишь из «третьих рук» – ближе его не подпускали. Поэтому арестованные продолжали проводить на допросах тактику «запирательства», полностью отрицая предъявляемые обвинения. Отступали от этого принципа лишь для того, чтобы облегчить участь товарища.

¹ См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 164.

² Там же.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 221.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 209.

30 марта 1896 года на допросе, который вели жандармский подполковник Филатьев и уже упоминавшийся Кичин, Ульянов показал: «В квартирах рабочих на Васильевском острове, за Невской и Нарвской заставами я не бывал. Относительно предъявленных мне рукописей... отобранных, по словам лиц, производящих допрос, у Анатолия Ванеева, — объясняю, что они писаны моей рукой... Фактических объяснений о рукописях... я представить не могу»¹.

На допросе 7 мая, проводившемся теми же лицами, Владимир Ильич ответил: «К показанию своему от 30 марта сего года я добавить ничего не могу. Относительно же свертка, в котором, по словам лица, производящего допрос, оказались предъявленные мне на предыдущем допросе мои рукописи, я ничего сказать не могу. По поводу сделанного мне указания на имеющиеся против меня свидетельские показания — объясняю, что не могу дать объяснений по существу вследствие того, что мне не указаны показывающие против меня лица»².

Однако ситуация вскоре осложнилась. Кичин оказался достаточно тонким психологом. И если со «стариками» и старыми рабочими-кружковцами он так ничего и не добился, то долгие беседы с молодым вожаком путиловцев Борисом Зиновьевым оказались более эффективными. А попался он, как полагает Мартов, «на удочку политического тщеславия»³.

Кичин не скупился на лесть, изумлялся его талантам, интеллектуальному развитию и просил лишь об одном: прояснить, ради каких целей путается с интеллигентами столь выдающийся пролетарский лидер. В конце концов Зиновьев «раскололся». Сначала он говорил лишь о положении рабочего класса и задачах движения. Потом стал рассказывать о том, как участвовал в проведении стачек. Затем — как осуществлялась агитационная работа и как для помощи движению он «использовал» интеллигентов. Борис не был ни предателем, ни провокатором. Но его искренность и разговорчивость со столь опытными следователями сыграли весьма плохую роль.

«Как бы то ни было, — пишет Мартов, — а результатом этой «партизанской» политики, как ее после, — защищая, — назвал сам Зиновьев, явилось то, что его признание встреч с нами на собраниях разрушало всю нашу систему защиты, построенную на

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 445.

² Там же. С. 445–446.

³ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 301.

упорном отрицании фактов, добытых шпионской слежкой или оговорами предателей»¹.

Все это потребовало нового сговора и точной координации показаний, благо связь между заключенными уже была налажена. Перестукивание по элементарной тюремной азбуке через несколько камер или этажей, которое они практиковали в первые дни после ареста, многого дать не могло и исключало скольконибудь серьезные сюжеты. Важную роль в передаче необходимой информации стали играть общие часовые свидания. В отличие от личных свиданий, где жандарм присутствовал постоянно, на общих «можно было сказать гораздо больше: надзиратель полагался один на ряд клеток, и говорить можно было свободнее. Мы пользовались с братом, – пишет Анна Ильинична, – псевдонимами, о которых условливались в шифрованных письмах... Пользовались, конечно, вовсю иностранными словами, которые вплетали в русскую речь»².

После первых свиданий она стала передавать необходимую информацию родным и «невестам», приходившим к другим заключенным, и договаривалась с ними о том, какую книгу необходимо попросить товарищам в тюремной библиотеке. На страницах этой книги малозаметными точками отмечались буквы, из которых и складывалось послание. Именно так Ульянов переписывался с Кржижановским и Старковым, послал ободряющую записку Сильвину.

Что же касается связи с волей, то помимо «отточенных» книг, возвращаемых по четвергам в библиотеку, в ход пошла и самая простая тайнопись. «Конечно, – пишет Анна Ильинична, – никаких химических реактивов в тюрьме получить было нельзя. Но Владимир Ильич вспомнил, как рассказывал мне, одну детскую игру, показанную матерью: писать молоком, чтобы проявлять потом на свечке или лампе. Молоко он получал в тюрьме ежедневно. И вот он стал делать миниатюрные чернильницы из хлебного мякиша и, налив в них несколько капель молока, писать им меж строк жертвующей для этого книги». Если же надзиратель заглядывал в «глазок», чернильница немедленно отправлялась в рот. Так что иной раз за писанием одного послания приходилось съедать их не менее полудюжины. В общем, «диетическое питание», не дающее до сих пор покоя «лениноедом», пригодилося. И на свидании Владимир Ильич, сме-

¹ *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 301.

² *Пролетарская революция.* 1924. № 3. С. 111.

сь, говорил сестре: «Нет такой хитрости, которую нельзя было бы перехитрить»¹.

Связь с волей ломала столь тщательно выстроенное жандармами одиночество и оказывала заключенным огромную моральную поддержку. Но от «воли» зависела и дальнейшая их судьба. Если бы организация продолжала действовать, то в какой-то мере с них можно было снять и обвинение в руководстве ею. Социал-демократы, уцелевшие после первых арестов 9 декабря 1895 года, прекрасно понимали это. И уже 15 декабря в квартире какого-то дьякона на Аптекарском острове состоялось собрание, на которое пришли около двадцати человек².

Прежде всего избрали новый руководящий центр. В него вошли Степан Радченко, Сильвин, Мартов и Ляховский. Заведование техникой оставили Пономареву. В состав организации ввели прежних кандидатов – студента Лесного института И. А. Шестопалова, Федора Гурвича-Дана, Бориса Гольдмана-Горева, М. А. Лурье и новых членов – студентов университета Е. Д. Стратановича, Л. Г. Попова и М. Н. Лемана.

Предстояло решить две задачи. Во-первых, доказать, что аресты никак не затронули группу, за которой охотилась полиция. А во-вторых, что главные виновники волнений на предприятиях находятся на свободе и массовая агитация на фабриках и заводах продолжается.

Обе задачи можно было решить немедленным выпуском и распространением листовок. «Тут же, – пишет Сильвин, – было прочитано и одобрено к выпуску воззвание ко всем петербургским рабочим, написанное еще до арестов, кажется, Кржижановским и оставшееся у кого-то из товарищей в рукописи. Затем Мартов прочитал проект обращения к рабочим по поводу арестов, которое тоже было принято без поправок»³. Обе прокламации решили выпустить от имени «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Выше отмечалось, что до сих пор вокруг вопроса о том, кто и когда придумал это название, кипят страсти. Первым, кто ответил на него, был Мартов. В воспоминаниях, написанных в 1919 году, указано: «Мы долго колебались, как назвать организацию... После разных предложений все сошлись на моем: назваться

¹ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 115, 116.

² См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 119; Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 290–291.

³ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 119.

«Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Названию суждено было не только привиться, но и завоевать себе славу»¹. В 1920 году эту версию поддержала Крупская. На собрании 15 декабря она не была, но, хотя несколько спутала содержание листков, написала вполне определенно: «По предложению Мартова группа была названа «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса»...»²

В январе 1924 года иную версию изложил Тахтарев: «Ни одно из названий, предлагавшихся тем или другим из участников собрания, не удовлетворяло почему-либо других. Одно из этих названий, предложенное, по словам Аполлинару Александровны (А. А. Якубовой), М. А. Сильвиным, вполне соответствовало своему назначению, но казалось другим слишком длинным. Это название было «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»³.

Естественно, что эту версию изложил в мемуарах, вышедших в 1958 году, и сам Михаил Сильвин: «Мартов предлагал назваться «Петербургский рабочий союз». Я оспаривал это... Предлагаю назваться «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». После кратких прений мое предложение было принято значительным большинством голосов. Тут же постановили заказать печать и поставить ее на первом же выпускаемом листке»⁴.

Напомним и третью версию, излагавшуюся в предшествующей главе: решение об этом названии могло быть принято на сходке 4 декабря, то есть до арестов. Впрочем, споры о том, кто первым сказал «А», не столь уж существенны. Важно, что название действительно прижилось и именно оно вошло в историю. Заметим лишь, что, когда в 1896 году встал вопрос о годовщине «Союза», его основатели и члены без всяких колебаний отметили «юбилей» в *сентябре*...

«ГИДРА РЕВОЛЮЦИИ»

Появление воззвания «От Союза борьбы за освобождение рабочего класса» стало сенсацией. Говоря о волнениях, проходивших ранее на фабриках Торнтон, Лаферма и Путиловском заводе, о листовках, «от одного вида которых у капиталистов дыбом

¹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 292.

² Творчество. 1920. № 7–10. С. 6.

³ Былое. 1924. № 24. С. 12; Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 52, 168.

⁴ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 122.

встают волосы», и указывая на аресты в ночь с 8 на 9 декабря, воззвание сообщало, что «листки появляются по-прежнему, читаются и встречают всюду сочувствие, и «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который их распространяет, остается невредимым и будет продолжать свое дело. Полиция ошиблась в адресе»¹.

Это воззвание, пишет Тахтарев, «произвело большой переполох в правящих сферах. Казалось, что охранное отделение и жандармы на самом деле попали впросак и не арестовали тех, кого было нужно арестовать в первую голову. Это был настоящий скандал»².

Последовала новая полоса арестов, и в ночь с 4 на 5 января 1896 года взяли Мартова, Ляховского, Пономарева, рабочих – Бабушкина, Львова, Шепелева и др. Из «молодых» арестовали Малишевского, Богатырева, Муромцева. Взяли и Тахтарева, но отцу уже через три месяца удалось выволить его из тюрьмы «на поруки». Новый центр «Союза борьбы» сконструировался буквально через несколько дней после арестов. В него вошли Радченко, Сильвин, Крупская, Гурвич и Гофман. Технику возложили на Гольдмана и вновь перераспределили ответственных за районы³.

Недостатка в людях уже не было. «Блестящий дебют нашего «Союза», – пишет Мартов, – выявил назревший среди революционной молодежи перелом, и десятки студентов, курсисток и вообще интеллигентов стали предлагать «Союзу» свои услуги всякого рода, так что организация скоро оказалась окруженной множеством содействовавших ей групп... Благодаря этому, она не имела недостатка ни в средствах, ни в технических возможностях»⁴. В работе «Союза» начинают участвовать Потресов и его приятель, секретарь Вольного экономического общества К. К. Бауэр. Помогает «Союзу» и А. М. Калмыкова.

8 февраля, в день годовщины университета, состоялось традиционное чаепитие, на которое в большой кухмистерской собралось до 600 человек. Помимо студентов пришли и наиболее почитаемые профессора, писатели. Дежурный околоточный, выпив поднесенный ему коньяк, мирно дремал в передней, а в зале произносились речи. Выступали Южаков и Кареев, Н. Водозов и Туган-Барановский. Все было как всегда...

¹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 53.

² Там же. С. 54.

³ См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 129, 130.

⁴ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 303.

Но как раз накануне Потресов выпустил еще одну книгу Плеханова – «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В. В.)», и первые 400 экземпляров стали продавать тут же во время чаепития. На Воронцова, присутствовавшего в зале, жалко было смотреть. Его коллеги-народники произносили свои речи, а за столиками, чуть не у каждого студента, как совсем недавно книжки самого В. В., красовались зеленые обложки книги Плеханова.

«Лесгафт смотрел сердито на эту книгу и на горевшие гордостью лица студентов, – рассказывает Сильвин, – и, наконец, взял слово... «Вы, – говорил он студентам, – хватаетесь за книгу, как за откровение; откровений нет, истина добывается только критическим исследованием, изучением живой жизни, а вы угашаете дух, вы догматики, буквоеды, если хватаетесь, как за евангелие, за новую модную книгу»¹. Студенты любили Лесгафта, устроили ему овацию. Но факт полного преобладания симпатий к социал-демократам в молодежной среде был очевиден².

Впрочем, судьбы российской социал-демократии решались не на студенческих вечеринках, а на фабриках и заводах. А там «репутация «Союза» гремела по всему Петербургу и о листках шли разговоры по всем фабрикам. Рабочие тех фабрик, где не было никого, кто бы имел сношения с «Союзом», молили всех богов, чтобы и к ним как-нибудь проникли «студенты» со своими листками». И как только листовки появлялись, «на завод наезжали власти всех сортов. На глазах у рабочих фабричная инспекция и жандармский полковник производили исследования, пробовали тухлую некипяченую воду в баках, вешали гири, проверяли весы, меряли куски... Словом, эффект получался полный.. Настроение у рабочих было самое радостное, особенно когда после всей этой встряски уничтожались уж очень очевидные злоупотребления»³.

В феврале – апреле, получив необходимую информацию у рабочих-кружковцев, «Союз» издал листки о порядках и требованиях рабочих завода «Феникс», мануфактуры Воронина, Чугунного завода, Калининской фабрики, Сестрорецкого завода. А листовка с требованиями судостроителей Нового порта вызвала немедленную реакцию со стороны самого министра внутренних дел И. Л. Горемыкина, который во избежание стачки предложил не медля «войти в рассмотрение указываемых в воззвании обстоя-

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 134, 135.

² См. там же. С. 135.

³ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 55.

ательств». И морской министр Н. М. Чихачев тут же предписал командиру порта выполнить требования рабочих¹.

Обо всей этой работе члены «Союза» регулярно информировали Владимира Ильича. «В письмах с воли, — вспоминала Анна Ильинична, — ему сообщали о выходящих листках и других подпольных изданиях; выражались сожаления, что листки не могут быть написаны им, и ему самому хотелось писать их»². Он несколько раз предпринимал такую попытку: известен его первомайский листок 1896 года, прокламация «Царскому правительству», отпечатанная «Союзом» на мимеографе.

Но Владимир Ильич понимал, что листки требуют большей оперативности и ее могут обеспечить другие члены «Союза». Поэтому в письмах на волю он начинает разрабатывать темы листовок: о прибылях капиталистов и заработках рабочих, о 8-часовом рабочем дне и т. д.³ А когда возникает необходимость сформулировать основные принципы, программу русских социал-демократов, то по просьбе товарищей он охотно берется за ее написание⁴.

Уже к началу 1896 года «Проект программы» был написан Владимиром Ильичем между строк какой-то книги молоком, затем проявлен и вновь переписан симпатическими чернилами между строк статьи С. Чугунова «Шейное ребро у человека с точки зрения теории эволюции» в журнале «Научное обозрение». Летом 1896 года он написал «Объяснение программы» и вместе с «Проектом» они составили одну цельную работу.

Развитие капитализма в России, говорилось в ней, не ведет к созданию общества всеобщего благоденствия. Наоборот. «В России созданся целый класс крупных денежных тузов, фабрикантов, железнодорожников, купцов, банкиров, созданся целый класс людей, живущих доходами с денежных капиталов... Роскошь и мотовство во всех этих классах богачей достигли небывалых размеров, и парадные улицы больших городов застроились их княжескими палатами и роскошными замками»⁵.

И одновременно все более ухудшается положение рабочих. Дело не только в том, что усиливается эксплуатация и дорожа-

¹ См.: *Сильвин М. А.* Ленин в период зарождения партии. С. 136; *Рабочее движение в России в XIX веке.* Т. IV. Ч. 1. С. 839.

² *Пролетарская революция.* 1924. № 3. С. 115.

³ См.: *Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника.* Т. 1. С. 123, 126, 127.

⁴ См.: *Тихтаев К. М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 85.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 89.

ют «жизненные припасы». Но и в том, что фабрика все более подавляет саму личность рабочего. «Фабрика распоряжается уже им как ей угодно, не обращая никакого внимания на привычки рабочего, на обычный образ жизни, на его семейное положение, на умственные потребности... Рабочий становится частью громадного машинного аппарата: он должен быть так же бесприкосновен, порабощен, лишен собственной воли, как и сама машина»¹.

Надеяться на правительство нет оснований. Оно лишь делает вид, что является «как бы совершенно независимым от народа». На самом деле оно «берет под свою защиту класс имущих против класса неимущих, капиталистов против рабочих». Поэтому «русскому народу нужна не помощь неограниченного правительства и его чиновников, а освобождение от его гнета»².

«Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». И они уже ведут эту борьбу. «Было время, когда вражда рабочих против капитала выражалась только в смутном чувстве ненависти против своих эксплуататоров, в смутном сознании своего угнетения и рабства и в желании *отомстить* капиталистам. Борьба выражалась тогда в отдельных восстаниях рабочих, которые разрушали здания, ломали машины, били фабричное начальство... Вместо мести капиталистам они переходят теперь к борьбе за уступки, они начинают выставлять одно требование за другим к классу капиталистов и требуют себе улучшения условий работы, повышения платы, сокращения рабочего дня»³.

Задача же социал-демократов «состоит не в том, чтобы сочинять из головы какие-либо модные средства помощи рабочим, а в том, чтобы примкнуть к движению рабочих, внести в него свет, помочь рабочим в этой борьбе, которую они уже сами начали вести»⁴. А «внести в него свет» можно лишь «развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы»⁵.

Ее ближайшие задачи состоят в достижении политической свободы, а это прежде всего всеобщее и прямое избирательное право, созыв Земского собора для выработки конституции, свобода стачек, союзов, собраний и печати, равенство граждан перед законом, свобода вероисповеданий и равноправие всех национальностей, свобода промыслов, занятий,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 94.

² Там же. С. 84, 85, 100.

³ Там же. С. 102, 103.

⁴ Там же. С. 101–102.

⁵ Там же. С. 84.

передвижений и отмена паспортов, право преследовать любого чиновника перед судом¹.

Для рабочих русская социал-демократическая партия потребует особо: 8-часового рабочего дня, запрещения ночных работ и смен, установления праздничного отдыха, распространения фабричных законов и независимой фабричной инспекции на все промышленные предприятия, кустарей и надомников, создания промышленных судов с равным представительством от хозяев и рабочих для разрешения конфликтов, право контроля выборов от рабочих за расценками, браковкой и штрафами, ответственность фабрикантов за содержание школ, медицинскую помощь и за увечья рабочих².

Для крестьян партия потребует: возвращения отрезанных у них в 1861 году земель, отмены выкупных платежей, равных налогов для крестьянской и помещичьей земли и отмены законов, стесняющих крестьян в распоряжении их земель³.

Что же касается конечных целей пролетарской борьбы, то они состоят в переходе «политической власти в руки рабочего класса, передаче всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства... Продукты, производимые общим трудом, будут тогда идти в пользу самих трудящихся... служить для удовлетворения потребностей самих рабочих, для полного развития всех их способностей и равноправного пользования всеми приобретениями науки и искусства»⁴.

В тюремной одиночке, вышагивая свои шесть шагов от дверей до окна, Владимир Ильич, быть может, с особой силой ощутил жизненную потребность человека в свободе и возможности сохранения чувства собственного достоинства. Отчасти, видимо, поэтому и были столь тщательно прописаны права и свободы человека труда в его «Проекте программы». Но особо важным стало то, что именно эти мотивы начинают задавать тон в листовках «Союза борьбы», выпущенных весной 1896 года.

В частности, в первомайском листке, распространенном в тысячах экземпляров по фабрикам и заводам, говорилось: «Мы создаем несметные богатства, золото и ткани, парчу и бархат, добываем из недр земли железо и уголь, строим машины, сооружаем корабли и дворцы... Все богатство мира создано на-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 85.

² См. там же. С. 85, 86.

³ См. там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 84, 97.

шими руками, добыто нашим потом и кровью. По справедливости мы должны бы жить в хороших квартирах, носить хорошее платье и уж во всяком случае не нуждаться в хлебе насущном. Но всем нам хорошо известно, что нашей заработной платы хватает едва на то, чтобы существовать... Всякому терпению бывает конец. В минувшем году русские рабочие показали своим хозяевам, что покорность рабов сменяется в них стойким мужеством... Мы перестали быть безответными страдотерпцами и принялись за борьбу»¹. И эта апелляция к чувству собственного достоинства не осталась без ответа.

Все вроде бы шло своим чередом, не предвещая особых событий. Но в мае всю Россию, да и не только Россию, потрясла ходынская катастрофа...

Согласно существовавшим законам, за манифестом о воцарении, подписанным Николаем II 20 октября 1894 года, должна была состояться коронация. Ее назначили на май 1896 года в Москве. Обширная программа трехнедельных празднеств, помимо официальных торжеств, балов, концертов, банкетов и званых обедов, предусматривала 18 мая и народное гуляние на Ходынском поле с раздачей царских подарков.

Этот обширный пустырь, служивший учебным полем для московского гарнизона, был весь изборозжен траншеями и брустверами, рвами и ямами. Засыпать их не стали, а вот 400 тысяч кулков, каждый из которых содержал сайку, кусок колбасы, пряник, десяток леденцов, пяток орехов и эмалированную памятную кружку с инициалами государя – изготовили.

С вечера 17-го и всю ночь к Ходынке стекались сотни тысяч людей. Никакой службы охраны порядка не было. И когда приступили к раздаче гостинцев, началась давка. А первые падения в рвы и ямы, крики затапываемых вызвали панику...

О «Ходынке» писали Лев Толстой и Максим Горький, десятки русских и зарубежных журналистов. Но и они признавались, что выразить в словах весь этот ужас – невозможно. По официальным данным, погибло 1389 человек, 3000 получили тяжкие ранения. Число зашибленных и увечных исчислялось десятками тысяч. «Отвратительное впечатление осталось от этого известия», – записал в своем дневнике царь².

Но это никак не помешало государю вечером 18 мая явиться на бал к французскому послу. Сто тысяч роз, привезенных из

¹ *Тихтаев К. М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 56, 57.

² *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. С. 90, 93.

Прованса, роскошный серебряный сервиз, присланный из Версаля, семь тысяч гостей, восторженно приветствовавших его, несколько сгладили «отвратительное впечатление». И в те самые вечерние часы, когда на Ходынке солдаты штабелями укладывали трупы на телеги, царская чета на балу под всеобщие аплодисменты танцевала кадрили...¹

В дни официальных коронационных торжеств, продолжавшихся 14–16 мая, все российские фабрики и заводы стояли. 17 мая работы возобновились как обычно. А на следующий день уже поползли слухи о ходынской трагедии. Казенные праздники еще продолжались, но петербургские ткачи не пожелали в них участвовать, а тем более терять свой заработок. 23 мая на Калининской мануфактуре они явились в контору и потребовали уплаты за «коронационные» дни. Это требование – по тем временам – уже само по себе звучало политически. Но, опасаясь скандала в столь торжественный исторический момент, деньги выдали. Тогда рабочие потребовали платы за те лишние минуты, которые они ежедневно перерабатывали из-за того, что станки пускались раньше положенного времени.

На другой день началась стачка. 27 мая ткачи вышли на работу, но с обеда вновь возобновилась забастовка. К ней присоединились Большая екатерингофская мануфактура, затем две Кениговских фабрики, Митрофаньевская, Триумфальная, Новая, Кожевниковская мануфактуры Нарвской заставы и Обводного канала, Невская мануфактура около Смольного, ткацкие фабрики Паля, Максвеля, Торнтон. Стачка перекинулась за Невскую заставу – на Спасскую и Петровскую мануфактуры, оттуда на Выборгскую, Петербургскую стороны, Васильевский остров – на Сампсоньевские и Охтенскую мануфактуры, фабрики Воронина, Гука, Бека, «Невку». Всего бастовало теперь около 30 тысяч рабочих².

Примерно сто представителей этих предприятий, собравшись в Екатерингофском парке, сообща выработали требования. Их передали «Союзу борьбы», и уже 30 мая вышла листовка «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен и ткацких». «Мы хотим, – говорилось в ней, – чтобы рабочий день... продолжался 10½ часов вместо 13 часов»; чтобы повышение расценок не уменьшало заработка; «чтобы заработок... выдавали правильно и вовремя»; «чтобы шабашили по

¹ См.: Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. С. 94.

² См.: Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 61–63, 73.

субботам везде одновременно в 2 часа» и «чтобы было заплачено сполна за коронационные дни»¹.

1, 3, 4, 5, 9, 10 июня листки выходили вновь, иногда по 2–3 в день. Они обращались не только к стачечникам, но и к рабочим тех предприятий, которые не бастовали, с призывом о сборе денег для поддержки ткачей. И почти в каждой прокламации рабочим советовали держаться дружно, не производя ни беспорядков, ни буйств, которые были бы на руку лишь полиции. И выдержанность рабочих действительно поражала всех.

«Забастовка, – пишет Сильвин, – возникла не по инициативе «Союза борьбы», а была организована всецело самими рабочими, инициативные группы которых переходили с одной фабрики на другую...» Но царские чиновники справедливо заметили, что «быстрота распространения волнений... единство требований... наконец, необычайное внешнее спокойствие массы при этом брожении – все это указывало на то, что стачки возникли на почве, подготовленной предшествовавшей преступной пропагандой среди рабочих»².

В эти дни все «товарищи наши, – продолжает Сильвин, – работали не покладая рук и не только распространяли листовки, встречаясь с отдельными рабочими в трактирах, на кладбищах, в скверах и т. п., но, надев рабочие блузы, иной раз вымазав лицо сажей, шли в самую гущу рабочих на их импровизированные сборища и собрания... Работа велась дружно; на этой работе и произошло фактическое объединение с нашим «Союзом борьбы» всех до сих пор отдельно работавших групп, группы Ленгника с его товарищами, остатков тахтаревской группы (Катин-Ярцев), глазовской группы. Все они распространяли наши листки и координировали работу своих агитаторов с нашими»³.

В российской прессе о стачке не печатали ни единой строчки. Но повсюду – в чиновных кругах и светских салонах, в трактирах и на улицах – только о ней и говорили. По просьбе «Союза» Потресов написал обращение «К русскому обществу» с призывом к пожертвованиям. «Это, – говорилось в листовке о забастовках, – стремление вперед из тины застоя, это – поднимающаяся волна сознательной или становящейся сознательною массы, призванной смести нашего общего врага – самодержавие»⁴.

¹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 62.

² Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 142, 143.

³ Там же. С. 143.

⁴ Там же. С. 144.

Пресса Англии, Франции, Германии, Австрии, Швейцарии давала о стачке самую подробную информацию. В Англии сбор пожертвований начало «Общество друзей русской свободы», во главе которого стояли эмигранты-народники Н. Чайковский и Ф. Волховский. Откликнулись английские тред-юнионы. Собранные деньги, вместе с «Адресом английских рабочих», подписанным лидерами социалистических партий и профсоюзов, переслали в Россию. И позднее – вместе с ответом, составленным Потресовым, – «Союз» опубликовал «Адрес» листовкой¹.

10 июня градоначальник, генерал-майор Клейгельс, как бы заимствуя методы «Союза», расклеил по фабричным районам листки, требовавшие прекращения забастовки и обещавшие рабочим, что «жалобы, подлежащие удовлетворению согласно закону, будут удовлетворены немедленно». А в беседах с рабочими, обращаясь к их патриотическим чувствам, он говорил: «Успокойтесь, подумайте, что царю надо возвращаться домой. Как же он въедет в бунтующую столицу?» Но увещевания не помогали, и, сдирая генеральские листки, стачечники посмеивались: «Наши – то есть прокламации «Союза» – лучше»².

Тогда на окраины двинули полицию и казаков. «Около 5 часов утра, – рассказывал рабочий фабрики Кожевникова, – во двор дома № 12 по Воронежской улице, где помещается около $\frac{3}{4}$ всех рабочих Кожевниковской фабрики, пригнали массу жандармов и полицейских с дворниками. Околоточные, в сопровождении городских и дворников, стали ходить по квартирам и таскали с постели. Раздетых женщин брали с постели от мужей... Таким образом, полицейские разбудили и выгнали из дома большую половину его жильцов. Впрочем, большая часть попряталась, кто на чердак, кто в ватерклозет. Несмотря на то что на фабрику под руку водили, всего удалось загнать туда человек 20, и те с 8 часов утра ушли все до единого»³.

Лишь к 18 июня стачка улеглась. «Рабочие всюду вновь вернулись к своим станкам, но уже не теми, какими от них отошли. За время стачки рабочим пришлось столкнуться с правительством лицом к лицу, и столкновение не прошло бесследно. С одной стороны, «увещевания», подкрепляемые угрозами, с другой стороны, крутые меры, применяемые к мирным забастовщикам, производили настоящую революцию в головах даже

¹ См.: *Тихтачев К. М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 71, 75.

² Там же. С. 71, 76.

³ Там же. С. 76.

наименее сознательных и наиболее забытых рабочих, заставляя их задуматься над вопросом, кто их действительные друзья и защитники их интересов и кто их угнетатели и враги... Тем, чем раньше интересовались лишь единицы и десятки, теперь стали интересоваться тысячи»¹.

Начались массовые аресты и высылки забастовщиков из столицы. «По опустевшим улицам рабочих районов, – рассказывает Тахтарев, – передвигались отряды жандармов и казаков. Петербург казался на военном положении. Можно было бы подумать, что на улицах его совершается революция...» И нередко «можно было видеть идущую по городу толпу рабочих, оцепленную полицией... Это – вели «подстрекателей» в какой-нибудь не заполненный еще участок, где держали несколько часов или дней, потом высылали. В этих толпах, попадавших на улицы Петербурга, вы могли увидеть и довольно хорошо одетых «квалифицированных» и бедно одетых чернорабочих, даже молодых матерей с ребятами на руках, и отца с шагавшим подле сынишкой. И шли они часто даже как будто веселые...»²

О настроении, в котором пребывали члены «Союза», Борис Горев вспоминает: «Нам казалось, что все кругом уже насыщено революционным электричеством. Помню, я шел раз с М. А. Сильвиным в один из ярких солнечных... майских вечеров по набережной Невы, и Сильвин, передавая то настроение, которое наполняло нас обоих, с глубоким убеждением сказал: в воздухе пахнет революцией, «гидра революции поднимает голову»... Более трезвым людям мы могли казаться смешными фантазерами...»³

А 15 (27) июля в Лондоне открылся IV конгресс Интернационала. Впервые российская делегация представляла на нем не эмигрантские группы, а реальное пролетарское движение. Помимо Плеханова, получившего мандат от «Союза борьбы», и других членов группы «Освобождение труда» для участия в конгрессе прибыли и трое знакомых Владимира Ильича: из Берлина – Бухгольц, а из Питера – Струве и Потресов. И делегаты конгресса особо приветствовали молодых русских социал-демократов⁴.

Информацию о стачке Владимир Ильич регулярно получал от Анны Ильиничны. Так что характер движения и его масштабы были ему известны. Как бы вновь повторялась ситуация 1891 года. Где-то совсем рядом тяжелой поступью вышагивала

¹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 72.

² Там же. С. 67, 68.

³ Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 21.

⁴ См.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 1. С. 141–142.

сама *История*, а обстоятельства — на сей раз тюрьма — изолировали его от этих событий. Впрочем, упрекнуть себя в чем-либо он не мог: его роль в том, что происходило на воле, была достаточно очевидна, и даже противники — ни тогда, ни позднее — не могли отрицать ее¹. Ну а поскольку, как заметил Мартов, «личным тиеславием» Владимир Ильич не страдал², то гораздо больше, нежели дележ лавровых венков, его занимала другая проблема.

Как раз накануне стачки ткачей произошел эпизод, о котором вскоре вроде бы и забыли. «Быть может, под впечатлением известий о московской «ходынке», — рассказывает Мартов, — во время коронационных торжеств на улицах Петербурга произошли дикие сцены, особенно в фабричных районах: подвыпившая молодежь и, главным образом, конечно, хулиганы, произвели ряд бесчинств, заставивших прекратить празднества»³. И в июньской книжке «Русского богатства» Михайловский с горечью написал: «Мысль невольно поднимается к общему вопросу о нашем отношении к народу вообще, к его духовной жизни в частности».

Мартов так расшифровал смысл этой фразы: Михайловский полагает, что «развитие капитализма создает у нас не революционное рабочее движение, а общественное разложение, выражающееся в хулиганстве «дикарей цивилизации»⁴. Иными словами, сентиментальное «народолюбие», на котором воспитывалось несколько поколений российской молодежи, у либеральной интеллигенции постепенно сменялось патологической «народобоязнью».

Правда, в те дни, когда тираж журнала вышел в свет, питерские рабочие вполне доказали свою «цивилизованность». Но проблема-то оставалась...

Полагать, что Михайловский в принципе отвергал какие-либо народные выступления, было бы неверным. Как раз *в принципе* — он был за. Но за выступления организованные, дисциплинированные, четко формулирующие цели и задачи движения. Так, как это делалось, например, в Германии: принимается решение, собираются рабочие, строятся в колонны, поднимают лозунги и транспаранты, а впереди — оркестр и известные всем лидеры. Получается солидно, вполне цивилизованно, а стало быть, и результативно. Значит, необходимо *сначала* просветить рабочих, поднять уровень их сознательности и организованности, а уж *потом* затевать активные действия.

¹ См.: *Тихтачев К. М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 168, 169.

² См.: *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 270.

³ Там же. С. 305.

⁴ Там же.

И в те самые дни, когда Михайловский публикует свой обзор, Ульянов заканчивает в тюрьме работу над брошюрой «О стачках». Он пишет ее молоком меж книжных строк, Крупская проявляет и переписывает текст, а затем отдает в набор. Но 24 июня при аресте Лахтинской типографии народовольцев рукопись изымается и пропадает в полицейских архивах.

И все-таки отношение Владимира Ильича к стачкам достаточно полно прослеживается по другим его работам этого времени. Особенно в «Объяснении программы», законченном сразу после забастовки ткачей. А кроме того, существует его рукопись «О стачках», переписанная рукой Крупской. Ее относят к 1899 году, но датировка эта основана лишь на кратком примечании, которое вполне могло быть позднейшей припиской, а весь материал, используемый автором, не выходит за рамки 1895–1896 годов.

Так вот, в противоположность Михайловскому, предлагавшему сначала просвещать, а уж потом бороться, Ульянов считал, что в российских условиях ждать, когда с помощью кружков саморазвития, воскресных школ, специальных книжек и лекций для народа будет достигнут должный (??) уровень сознания и организованности, – бессмысленно. Даже малейшие попытки подобной деятельности пресекались нещадно. И об этом, на примере собственного отца, он знал еще с детства.

А между тем опыт тех же 90-х годов говорил о том, что ничто не оказывает столь мощного организационного и воспитательного воздействия на массу рабочих, как сама борьба, и в частности такая ее форма, как стачка.

«Возможно ли соединить массу стороннего друг другу сбродного народа, работающего хотя бы и на одной фабрике?» – спрашивает Ульянов. Да, возможно, ибо «бессильный в одиночку, рабочий становится силой в соединении со своими товарищами». И «среди русских рабочих это соединение выражается чаще всего и сильнее всего в стачках...»¹.

Именно стачки более всего просвещают, ибо «стачка учит рабочих понимать, в чем сила хозяев и в чем сила рабочих, учит думать не об одном только своем хозяине и не об одних только ближайших товарищах своих, а о всех хозяевах, о всем классе капиталистов и о всем классе рабочих... Но стачка открывает глаза рабочим не только на капиталистов, а также и на правительство и на законы... Всякому рабочему становится ясно, что

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 91, 92.

царское правительство – его злейший враг, защищающий капиталистов и связывающий рабочих по рукам и ногам»¹.

И наконец, именно стачки пробуждают чувство человеческого достоинства, желание противостоять злу и несправедливости. Этот сугубо нравственный аспект борьбы интересует Владимира Ильича более всего. «Когда рабочие поодиночке имеют дело с хозяевами, – пишет он, – они остаются настоящими рабами, вечно работая из куска хлеба на чужого человека, вечно оставаясь покорным и бессловесным наймитом. Но, когда рабочие сообща заявляют свои требования и отказываются подчиняться тому, у кого толстая мошна, тогда рабочие перестают быть рабами, они становятся людьми...»²

В дни летней стачки 1896 года на тех предприятиях, куда не доходили прокламации «Союза борьбы», рабочие иногда сами брались за перо. «Сольемся, братцы, в один дух и будем стойко бороться за улучшение нашего положения, – говорилось в одном из таких рукописных листков. – Господа рабочие товарищи! Обратите внимание и ваш взгляд на жизнь свою. Если бы вам пришлось встретить иностранца, по чину равного себе, то вы сразу сознаетесь, что вы против их дикари... Они по-нашему в часы отдыха не валяются в грязи, в рваной одежде около кабаков и трактиров, не относятся с ругательством и нередко с побоями к своим товарищам, как русский мужик, а собираются вместе и толкуют об улучшении, или же захочет развеселиться, то садится на велосипед и едет кататься и вместе с тем развивает свою мускульную силу... Они также были угнетаемы своими хозяевами, но благодаря их острому понятию давно улучшили свое положение... Так будем, братцы, помогать друг другу в продолжение этой стачки»³.

Листок был написан корявым почерком, с множеством грамматических ошибок, но вряд ли можно отрицать определенное созвучие мыслей этого рабочего с выводом Ульянова о том, как «велико нравственное влияние стачек»⁴. В этом он как раз и усматривал перспективу движения, ибо, как хорошо сказал прусский министр фон Путткамер, и Владимир Ильич цитирует его, «из-за каждой стачки выглядывает гидра (чудовище) революции»⁵.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 294, 295.

² Там же. С. 292.

³ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 64, 65.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 294.

⁵ Там же. С. 295.

Значит, не выжидать, когда рабочая масса дорастет до уровня «цивилизованных» пролетариев, не сторониться «буйных форм» движения, не отворачиваться брезгливо при виде «эксцессов», а идти в эту массу, просвещать рабочих, учить на опыте их собственных побед и поражений. А главное – прилагать все возможные усилия для того, чтобы повести их за собой на осмысленное и организованное действие.

Если и существуют какие-то каноны того течения политической мысли, которое позднее получит имя «большевизма», то это, видимо, и есть один из наиболее существенных. И более двух десятилетий спустя Ленин напишет: «Что коммунисты потворствуют стихийности, это лгание... Филистеры не способны понять, что коммунисты считают – и вполне правильно – своим долгом *быть с борющимися массами* угнетенных, а не со стоящими в сторонке и выжидающими трусливо героями мещанства. Когда массы борются, ошибки в борьбе неизбежны: коммунисты, видя эти ошибки, разъясняя их массам, добиваясь исправления ошибок, неуклонно отстаивая победу сознательности над стихийностью, *остаются с массами*. Лучше быть с борющимися массами, в ходе борьбы освобождающимися постепенно от ошибок, чем с интеллигентами, филистерами, каутскианцами, выжидающими в сторонке «полной победы»...»¹

Так он напишет в 1919 году. И хотя за двадцать лет до этого ни об «интеллигентах», ни тем более о «каутскианцах» не было и речи, написанное им в тюрьме было столь же взрывоопасно. И, кстати сказать, небезопасно для него самого...

В одиночках регулярно проводился «шмон», и жандармы переворачивали не только вещи, но и просматривали все бумаги и книги, находившиеся в камере. Как раз летом, когда Ульянов писал «О стачках» и «Объяснение программы», на очередном обыске жандармский офицер стал усердно листать сложенную в углу изрядную кучу книг, таблиц и выписок. Но в конце концов не выдержал и отделался шуткой: «Слишком жарко сегодня, чтобы статистикой заниматься». Так вот и обошлось...

Анна Ильинична во время свиданий не раз предупреждала Владимира, что «могут и каторгу дать за такую дерзость, как писание нелегальных вещей в тюрьме». Впрочем, и без этого «послаблений» никто не ждал. Все помнили судьбу Михаила Бруснева, арестованного в 1892 году и приговоренного к шести годам тюрьмы и десяти годам сибирской ссылки, Михаила Алек-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 393.

сандрова (Ольминского), арестованного в 1894-м и после пяти лет тюрьмы отправленного на пять лет в Якутию. Знал и наверняка думал об этом и Владимир Ильич, но, отвечая сестре, лишь посмеивался: «Я в лучшем положении, чем другие граждане Российской империи, — меня взять уже не могут»¹.

«ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ»

После трехмесячного вояжа по Европе государь император Николай II 19 октября 1896 года вернулся в Петербург. Он загорел, посвежел, и о Ходынке уже никто в его окружении не вспоминал. В канун Нового года царь записал в дневнике: «Дай Бог, чтобы следующий, 1897 год прошел бы так же благополучно, как этот»².

Но как раз с Нового года опять начались неприятности...

Нашумевшая на всю Европу летняя стачка столичных ткачей 1896 года завершилась к 18 июня отчасти и потому, что 15 июня министр финансов Сергей Юльевич Витте вывесил на предприятиях объявление, в котором обещал рассмотреть требования стачечников и сократить рабочий день. Но прошло полгода, а «улучшений» не последовало.

В декабре «Союз борьбы» выпустил листовку, в которой, напомнив обещания министра, призвал рабочих к продолжению борьбы. «Фабриканты и правительство, — говорилось в ней, — только под постоянным напором наших сил будут удовлетворять наши требования. На этих клячах без кнута далеко не уедешь»³.

И сразу же после Нового года на двух фабриках Максвеля — Петровской и Спасской — прекратили работу. 3 января стачечники послали своих представителей на Обводный канал, и волнения начались на Российской мануфактуре, затем на Александровском чугунном и Обуховском заводах. О своей готовности к стачке заявили на фабриках: Екатерингофской, Новой, Воронина, Чешера, Кенига, Штиглица, на Старо- и Новосампсоньевских мануфактурах. 5 января на собрании представителей этих фабрик и заводов решили вновь предъявить летние требования и начать общую забастовку 7 января⁴.

¹ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 117, 118.

² Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. С. 99.

³ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 87.

⁴ См. там же. С. 89, 91.

Однако уже 3 и 5 января фабриканты и фабричные инспекторы собрались на совещание у Витте. Сергей Юльевич спросил у градоначальника Клейгельса, может ли он заставить рабочих работать. Тот ответил: «Если бы рабочие толпились на улице, нарушали бы тишину и порядок, я с ними справился бы. Но раз они сидят по домам, я ничего не могу с ними поделать». Тогда Витте обратился к фабрикантам – готовы ли они идти на уступки. Большинство хозяев крупнейших предприятий ответило положительно, и решено было оповестить рабочих о частичном удовлетворении их требований, сокращении рабочего дня до 11 часов, о передаче в Сенат нового фабричного закона, который и был издан 2 июня 1897 года¹.

Поставив в порядок дня «рабочий вопрос», правительство как бы признало «законным» само его существование. А это несколько меняло отношение к рабочему движению и в какой-то мере к его организаторам. Так что, как выяснилось, январская стачка весьма благоприятно сказалась на судьбе «стариков».

«Мы внезапно узнали, – пишет Мартов, – что первоначально намеченные для нас приговоры с долголетней ссылкой высшими инстанциями смягчены и заменены значительно более короткими, причем для части рабочих ссылка в более или менее отдаленные места будет заменена надзором полиции вне столиц... Вместо ожидавшихся 8–10 лет Восточной Сибири шестеро из членов «Союза борьбы» (Ульянов, Кржижановский, Ляховский, Старков, Ванеев и я) получили по три года... И только П. К. Запорожец, как раз самый молодой член «Союза» (главным образом, ввиду приписанного ему авторства статей, предназначенных для газеты), получил 5 лет...

С рабочими расправились еще мягче: одних (В. А. Шелгунова, Н. Рядова, Н. Полетаева, Н. Меркулова, Кайзера, Н. Иванова, В. Антушевского) сослали в Архангельскую губернию, других, как Ив. Ив. Яковлева, Самохина, И. В. Бабушкина, Б. Зиновьева, П. Карамышева, отправили под надзор полиции в провинцию». А когда стали выяснять причины подобных «послаблений», то чиновники «мотивировали эту перемену в нашей судьбе тем, что, мол, социал-демократы ведут лишь экономическую, а не политическую борьбу»².

Для подобных, казалось бы, абсолютно вздорных суждений действительно появились некоторые основания...

¹ См.: *Тихтачев К. М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 90, 94.

² *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 314, 315.

В интеллигентских кругах, особенно у радикальной молодежи, мода на марксизм продолжала расти как снежный ком. И в той среде, где это было только модой, уже вполне определились свои кумиры. Если еще вчера, пишет Борис Горев, восторженные курсистки стайкой вились вокруг Михайловского или Южакова, то теперь Струве и Туган-Барановский «стали теми авторитетами, которым, по тогдашнему выражению, курсистки «в рот смотрели» и за которыми они ходили табунами на всех студенческих балах и вечеринках»¹.

Эти балы и вечеринки, овеянные столь притягательным духом «оппозиционности», с удовольствием посещали известные в ту пору адвокаты, писатели, артисты. И сестра Мартова – Лидия Цедербаум – вспоминает, между прочим, как в ноябре 1896 года на благотворительный концерт, устроенный курсистками, она пригласила молодого Федора Шаляпина, певшего тогда в частной опере Панаева.

Князь Владимир Оболенский, вращавшийся в столичных общественных сферах и считавший себя почти марксистом, вспоминает: «Признанным вождем марксистов был П. Б. Струве, тогда еще почти юноша, выпустивший небольшую книжку с резкой полемикой против народничества... Несколько менее популярным, но тоже весьма почитаемым молодежью марксистским лидером был молодой приват-доцент М. И. Туган-Барановский, написавший толстую, мало кем читавшуюся, но быстро составившую славу автору книгу о мировых экономических кризисах...

Выступления молодых марксистов, и в особенности П. Б. Струве, покрывались шумными аплодисментами, несмотря на то, что говорил он весьма мудреным языком, непонятным большинству аудитории, а по внешней форме говорил очень плохо, подыскивая слова и делая паузы в ненужных местах. В те времена, впрочем, вообще у русской интеллигенции совершенно не было практики публичного произнесения речей и большинство говорило плохо»².

Появилась и легальная марксистская пресса. Осенью 1896 года А. А. Санин, П. П. Маслов, В. В. Португалов и др. взяли в аренду у помещика, предводителя бузулукского дворянства Николая Реутовского газету «Самарский вестник», приносившую ему чистый убыток. Она и стала первой легальной газетой, в которой стали печататься российские марксисты. Число ее

¹ Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 12.

² Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 133, 140.

подписчиков выросло вдесятеро. Газету читали в Питере, Москве, других городах, в Лондоне, Париже и... на Сандвичевых островах. Прислушиваясь к моде, марксистские статьи стал публиковать журнал «Научное обозрение». Даже либерально-народническая «Русская мысль» предоставила свои страницы Плеханову и Струве. А в начале 1897 года, с помощью А. М. Калмыковой, Струве и Туган-Барановский перекупили столичный журнал «Новое слово», сотрудниками которого стали виднейшие марксистские авторы, в том числе и В. И. Ульянов.

Определенные изменения происходили и на нелегальном марксистском поприще. Выше упоминалось, что после январских арестов 1896 года, когда взяли Мартова, Ляховского, Бабушкина и др., была сформирована новая Центральная группа «Союза борьбы» в составе Радченко, Сильвина, Крупской, Гурвича-Дана и Гофмана. Однако вслед за летней стачкой ткачей все они, а также сестры Невзоровы, Бауэр, Лурье, Шестопалов, Шаповалов и др. – 16 июня и 11 августа попали за решетку.

За отсутствием улик в сентябре выпустили Радченко, Крупскую и Якубову. Оставался на свободе и Борис Горев, заведовавший техникой «Союза». Они-то и восстановили новый Центр, в который, помимо указанных «стариков», привлекли Потресова, Иваншина, Тахтарева и Катина-Ярцева¹.

15 сентября «Союз» вновь дал знать о себе листовкой. «Наш «Союз», – говорилось в ней, – причинивший столько хлопот и огорчений фабрикантам и правительству, «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» – *вступил во второй год своего существования*. Славный это был для нас год. Суровая борьба научила нас многому. Мы стали сознательнее, стали лучше понимать общие нам всем интересы и задачи»². Так говорилось в прокламации. Однако на самом деле все обстояло не столь уж благополучно.

Полицейские изъятия прежних руководителей и наиболее развитых рабочих, прошедших кружковую школу, совпавшие со стремительным ростом забастовочного движения, втянувшего в борьбу менее развитые слои, породили новые проблемы. «Резким подчеркиванием политических задач движения, – писал Сильвин, – мы боялись отпугнуть от «Союза борьбы» рабочую массу, которая казалась нам более «серой», чем она была в действительности... Мы решили считаться прежде всего

¹ См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 144, 149, 159; Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 27, 28.

² Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 86–87.

с этим большинством, с его настроениями, с очевидными для него возможностями»¹.

14 июля за Шуваловским парком у станции Парголово по инициативе самих рабочих было проведено собрание представителей столичных заводов и фабрик. Собралось человек тридцать. Сильвин поставил вопрос: какого типа листки более желательны – «общего содержания на политические темы... или же листки частного характера, касающиеся отдельных фактов рабочей жизни и условий труда на той или иной фабрике»? При этом Сильвин сказал: «Как вы скажете, так мы и приготовим». Большинство высказалось за листовки второго типа, но при этом «нашло также очень желательным выпуск листов общего, то есть политического содержания»².

После августовских арестов, осенью 1896 года, положение усугубилось. «В качестве наиболее активного из «старших» членов «Союза» (теперь я уже попал в «старшие»), – рассказывал 22-летний Борис Горев, – я сделался фактически его руководителем. Рядом со мной был первое время Тахтарев... а из «стариков» Якубова. В отдалении мы берегли С. И. Радченко, как «мужа совета», как человека, на котором лежала «благодать» первой группы «стариков». Впоследствии постоянным членом Центральной группы сделался Катин-Ярцев. Изредка на заседания этой группы приходила еще одна представительница «старшего поколения» Н. К. Крупская, преподававшая тогда в рабочей вечерней школе за Невской заставой. Впрочем, центральная группа (т. е. то, что теперь называют комитетом) и тогда не была вполне оформлена организационно»³.

В такой ситуации Тахтарев стал будировать вопрос о необходимости расширения базы организации путем создания на предприятиях «рабочих касс» и «касс взаимопомощи», которые объединили бы в одно целое всю рабочую массу, не деля ее на «сознательных» и «серых». И в этой связи он упрекал «Союз» в «недемократичности», настаивал на необходимости отказа от прежней централистской структуры и кооптации в руководящий центр рабочих, дабы ликвидировать «перегородку», отделяющую их от социал-демократической интеллигенции.

Радченко и Горев отводили это предложение, ссылаясь на его неконспиративность. Летом 1896 года, до ареста Бауэра, Центральная группа не раз собиралась в его кабинете в Вольном

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 139.

² Там же. С. 153, 154, 156.

³ Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 29.

экономическом обществе, и Гореву запомнилось, как лакеи в белых перчатках подавали им чай. Позднее собирались на квартире писателя Вересаева, затем в Военно-медицинской академии. Появление в таких местах рабочих привело бы к неминуемому провалу¹. Но Тахтарев не соглашался, а после его отъезда в эмиграцию в январе 1897 года эту позицию продолжали отстаивать Якубова и Катин-Ярцев. И подобного рода споры в руководящем ядре «Союза» продолжались на протяжении всей зимы 1896/97 года².

14 февраля 1897 года Ульянова и его товарищей выпускают из тюрьмы.

Можно сколько угодно иронизировать относительно мнения тех чиновников, которые полагали, что социал-демократы не ведут «политической борьбы», но так или иначе «послабление» стало фактом. 29 января, по всеподданнейшему докладу министра юстиции статс-секретаря Муравьева, государь император высочайше повелел «разрешить настоящее дознание административным порядком», а не судом. И 65 человек, привлеченных по делу «Союза борьбы», получили свои места и сроки ссылки куда более мягкие, нежели предполагалось.

Мало того, «наши родственники, – пишет Мартов, – возыме-ли дерзкую мысль коллективно хлопотать о том, чтобы нам разрешили всем ехать не «по этапу», а вольными пассажирами за свой счет. Добившись этого только для отдельных лиц, в том числе для В. Ульянова, они, во всяком случае, для большинства остальных добились другой, доселе неслыханной льготы – разрешения перед отправкой в ссылку побыть четыре дня на свободе для устройства своих дел»³.

Тут, видимо, вкралась неточность. Коллективной петиции не было. Порознь хлопотали действительно почти все семьи. Однако когда такого рода письмо, подкрепленное подписью помощника начальника Главного тюремного управления Коваленского с просьбой «посодействовать к улучшению передвижения и участи Ульянова», пошло по инстанции, на него легла начальственная резолюция: «Надо при случае сказать С. Г. Коваленскому, что Ульянов не заслуживает особых снисхождений. Это Елизарова хлопочет»⁴.

А. И. Елизарова уточняет: «Этой небывалой льготы добилась сначала для своего сына мать Ю. О. Цедербаума (Мартова), че-

¹ См.: Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 33.

² См.: Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 97–101.

³ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 315–316.

⁴ РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 3. Ед. хр. 11. Л. 22.

рез какое-то знакомство со Зволянским; а затем, раз прецедент создан, глава полиции не считал возможным отказывать другим». И о реакции Владимира Ильича при выходе из предварилки на столь неожиданную «свободу» Анна Ильинична пишет: «Очень ясно запомнилось выразительно просиявшее бледное и худое лицо его, когда он в первый раз забрался на империал конки и кивнул мне оттуда головой»¹.

Итак, 14 февраля Ульянов и его товарищи вышли из тюрьмы. До вечера 17-го, когда они должны были покинуть столицу, оставалось трое суток. Из них два вечера подряд, до поздней ночи, заняла встреча, которую провели на квартире Радченко и Мартова «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы». Присутствовали Ульянов, Мартов, Запорожец, Кржижановский, Старков, Ванеев, Малченко, Ляховский, Борис Зиновьев, а также остававшиеся на свободе Горев, Якубова и Катин-Ярцев.

Члены новой Центральной группы сочли своим долгом отчитаться о работе, проделанной за год. Помимо этого, «в своем докладе, — пишет Горев, — я указал на назревающие в «Союзе» разногласия, на уклон в сторону специфического «демократизма» и «рабочефильства», и эти именно вопросы вызвали наибольшее обсуждение и даже страстность»².

Поводом для дискуссии стал написанный Катиним-Ярцевым «Устав рабочей кассы», который со свойственной ей горячностью отстаивала Аполлинария Якубова. Говоря о необходимости пролетарской самостоятельности, она предлагала объединить в «кассах» самые широкие слои рабочих и в конечном счете подчинить их контролю деятельности «Союза». Ее главным оппонентом стал Владимир Ильич.

Спустя пять лет он вспоминал: «Беседа велась главным образом об организации и, в частности, о том самом «Уставе рабочей кассы»... Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых»... сразу обнаружилось резкое разногласие, и разгорелась горячая полемика... «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п.»³.

¹ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 119, 120.

² Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 37.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 34.

О том же писал и Мартов: «Так как повседневная практика «Союза» по-прежнему выражалась в руководстве профессиональной борьбой рабочих, то построение всей партийной организации применительно к этой практике (а к этому вело если не растворение «Союза» в проектируемой массовой кассе, то подчинение «Союза», как руководящего центра, ее контролю) должно было сковать это руководящее ядро во всех попытках расширить русло своей революционной работы, выведя ее из обложки чисто профессиональной борьбы»¹.

В определенной мере тахтаревское «рабочефильство» действительно отдавало какими-то интеллигентскими комплексами. За год-два до этого такие рабочие, как Иван Бабушкин, Никита Меркулов, Борис Зиновьев, Петр Карамышев, во многом определили деятельность «Союза». И не потому, что они были рабочими, а потому, что приобрели знания и опыт, необходимый для революционной агитации. Поэтому, когда в 1895 году начались разговоры об «интеллигентском засилье» и «диктатуре вождей», Ульянов «доказывал невозможность при российских условиях «первобытного демократизма», говорил... о том, что такая организация вызывается потребностями дела, а вовсе не недоверием к кому-либо»².

И теперь он так же считал эту проблему надуманной. Он говорил: «Если у вас есть сознательные и заслуживающие доверия отдельные рабочие, введите их в центральную группу, вот и все. Больше никакой особой «рабочей политики» не нужно»³. А когда Якубова назвала А. М. Соловьева с Балтийского завода и Карла Сака с Обуховского, их тут же ввели в состав центральной руководящей группы «Союза»⁴.

Во время спора Аполлинария Александровна «очень разволновалась, – пишет А. И. Елизарова, – слезы выступили у нее на глаза. И тягостно было ей, видимо, спорить с Ильичем, которого она так ценила, выходу которого так радовалась, и мнение свое не могла не отстаивать»⁵.

Рассказывая об этой дискуссии, Владимир Ильич делает существенное замечание: «Само собой разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным»⁶.

¹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 317.

² Яковлев Б. В. Страницы автобиографии В. И. Ленина. С. 168.

³ Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 37.

⁴ См.: Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 170.

⁵ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 120.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 34.

Во время этой встречи обсудили также вопрос о возможности соглашения с вновь организовавшейся группой народовольцев. Горев пишет, что в данном случае Ульянов «проявил тот деловой оппортунизм, в форме уважения к чужой силе, который так характерен для него. «Раз у них есть типография, – говорил он, – то они многое могут диктовать нам, и мы на многое должны соглашаться»¹.

«Кроме этой беседы, – вспоминает Мартов, – нам пришлось еще собираться «промеж себя», чтобы объяснить с Б. И. Зиновьевым по поводу его «партизанского» выступления на допросах. Разговор с ним принял весьма бурный характер, ибо Зиновьев, основываясь на малооформленном характере нашей организации, упрямо отстаивал свое право строить свои отношения с жандармами так, как он сам считал наиболее полезным для дела развить перед властями социальные стремления нарождающегося рабочего движения... Нас он, разумеется, не убедил, и мы заявили ему, что сохраняем за собой право формального расследования партией его дела...»²

После встречи у Мартова, когда все разошлись, Владимир Ильич и Юлий Осипович еще долго беседовали и, пожалуй, впервые разговорились, что называется, «по душам». Брат Мартова – В. О. Цедербаум (В. Левицкий) пишет: «Он остался... ночевать у нас, чтобы вдосталь наедине поговорить с Юлием, к которому он заметно относился с большой симпатией и уважением. Они не ложились даже спать, проговорив до утра. Эта ночь, вероятно, положила начало тем близким личным отношениям, которые установились между ними...»³

Левицкий оставил и «словесный портрет», запечатлевший Владимира Ильича в эти дни: «Выглядел он даже еще старше благодаря огромной лысине, блестящей во всю длину его черепа. Высокий большой лоб, обнаруживавший силу мысли, резко очерченные черты лица, живые, умные, «с хитрецей», немного косые и часто прищуриваемые глаза, загоравшиеся от времени до времени огнем и порой сверкавшие добродушной усмешкой, ироническая складка у губ под рыжими усами, рыжая бородка («как у ярославского мужика» – говорили у нас) – таким запечатлелся в моей памяти Ленин после первой встречи с ним»⁴.

¹ Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 38.

² Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 318.

³ Левицкий В. (В. О. Цедербаум). За четверть века. Революционные воспоминания. М., 1926. С. 51.

⁴ Там же.

Трехдневный срок, данный Департаментом полиции на сборы, истек. Но Мария Александровна, ссылаясь на ухудшение своего здоровья, добилась для Владимира Ильича разрешения заехать на два дня в Москву. И 17 февраля, с матерью и сестрой, он покинул столицу.

На вокзале в тот день было шумно илюдно. Повсюду снова-ли жандармы и шпики. И совсем не потому, что из столицы отправлялся административно-ссылный Ульянов. «По Высочайшему повелению и по делам Всеподданнейшей службы их Величеству» в командировку выезжали Его сиятельство генерал-адъютант князь Долгорукий, Их Высокопревосходительства генерал-майор Пашков, гофмейстер граф Кайзерлинг, камергер Лебедев и другие высокопоставленные лица. Об этом писали все столичные газеты. И еще они сообщали о том, что 17 февраля в Сельскохозяйственном музее состоится очередное публичное чтение агронома Сергея *Ленина*. Фамилия эта была знакома Ульянову. Статью Ленина «Сельскохозяйственные орудия и машины» в журнале «Вестник финансов» он проштудировал, еще будучи в тюрьме¹.

Владимир Ильич приезжает в Москву 18 февраля и решает отказаться от права проезда к месту ссылки за свой счет, предоставленного ему и Якову Ляховскому. Он предполагает добровольно «заарестоваться», дожидаться в пересыльной тюрьме питерских товарищей и далее следовать с ними по этапу. В тот же день Мария Александровна – «очень против воли» своей, как пишет А. И. Елизарова, – направила соответствующее прошение.

«Владимиру Ильичу, – рассказывает Анна Ильинична, – не хотелось пользоваться льготой по сравнению с товарищами. Помню, что это очень огорчило мать, для которой разрешение Володе ехать на свой счет было самым большим утешением... А. Калмыкова предлагала даже средства для этого. Мать отказалась от помощи, передав через меня А. М. Калмыковой, что пусть те деньги пойдут для более нуждающихся, например Кржижановского, а она сможет отправить Владимира Ильича на свои средства.

И вот, после того как матери доказывали, насколько важно добиться поездки на свой счет, после того как ей передали слова кого-то из старых ссыльных: «Ссылку мог бы повторить, этап – никогда», Владимир Ильич решает отказаться от полученной с трудом льготы и добровольно пойти опять в тюрьму»².

¹ См.: Яковлев Б. Ленин в Красноярске. М., 1965. С. 15, 16.

² Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 121; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1989. Т. 1. С. 86.

В ожидании приезда питерцев в Бутырскую пересыльную тюрьму Владимир Ильич ежедневно посещает Румянцевскую публичную библиотеку. Здесь он добирает материалы для начатой еще в предварилке книги. Но, отчасти, его влекут туда и другие причины. «Привыкнув к правильным, размеренным занятиям, которые в тюремных условиях сохранили его уравновешенность, — пишет Анна Ильинична, — он не захотел отходить от них круто, сразу погружаться в нервное ничегонеделанье, глотать слишком много впечатлений после невольной тишины и однообразия Дома предварительного заключения. Может быть, и совершенно инстинктивно поступал он так, погружаясь на несколько часов в день в тишину и уединенность библиотечного зала. При всей своей выдержке он должен был чувствовать, как и все после долгого тюремного заключения, что нервы взбудоражены, шалят, что не надо загружать их без необходимости обилием новых впечатлений»¹.

Но намерениям Ульянова, столь огорчившим его мать, не суждено было сбыться. Утром 22 февраля его вызвали в московскую охранку и, поскольку вместо двух разрешенных дней прошло уже три, поставили перед выбором: либо его тут же арестуют, сажают в тюрьму и отправляют по этапу одного, не дожидаясь товарищей, либо он в тот же день отправится в ссылку сам. Владимиру Ильичу не оставалось ничего другого, как получить проходное свидетельство и дать расписку о выезде.

И в самый разгар Масленицы, когда все добропорядочные семьи усаживались за праздничный стол, семья Ульяновых — Мария Александровна, Владимир, Анна, Мария и Марк Елизаров, наскоро собравшись, отправились с Курского вокзала до Тулы. Там они простились с Владимиром Ильичем, и далее, согласно проходному свидетельству, он уже должен был следовать в одиночестве.

Впрочем, одиночество длилось недолго. В том же поезде ехал красоярский врач Владимир Крутовский. Ему было уже за 40. Он дружил с Короленко, Михайловским, Анненским. И незадолго до отъезда из Петербурга, по рекомендации Калмыковой, к нему заходила Елизарова с расспросами об условиях жизни в его краях, куда ссылается брат. Хлопотала за Ульянова как за своего «хорошего знакомого и друга Петра Струве» и сама Александра Михайловна.

В поезде было чрезвычайно тесно и душно. То ли в Москве отцепили для ремонта вагон, то ли, как обычно, продали лишние билеты, но толчея была даже в классных купе. И вот, начиная от Тулы, Крутовский заметил юношу «небольшого роста, довольно худощавого, с маленькой клинообразной бородкой,

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 88.

очень живого и подвижного, который все ссорился с железнодорожным начальством, указывая на ужасное переполнение поезда и требуя прицепки лишнего вагона...».

Сам Крутовский принадлежал к числу тех интеллигентных людей, которые в подобных случаях предпочитают «не связываться». Ибо, как известно, «плетью обуха не перешибешь» и все равно «ничего не выйдет». И настырность молодого человека поначалу лишь забавляла Владимира Михайловича. Однако, к его удивлению, юноша наседавал на железнодорожников все энергичнее. Постепенно его стали поддерживать другие пассажиры. И когда в Самаре местное начальство обступила уже целая толпа и молодой человек решительно потребовал «прицепить лишний вагон и хотя несколько разгрузить тесноту... — начальник станции, обращаясь к составителю поездов, изрек: «Ну его к черту! Прицепите вагон»¹.

В вокзальном буфете Крутовский заметил, что юноша пишет на конверте знакомый адрес: «Петербург. А. М. Калмыковой...» Они тут же познакомились. А когда к их составу прицепили новенький вагон и Ульянову — а это был он — пассажиры, как инициатору «акции протеста», уступили двухместное купе, он пригласил в него и Крутовского. Так что от Самары они ехали уже вместе.

В Самаре Владимиру Ильичу, видимо, удалось встретиться с кем-то из старых знакомых. Во всяком случае, в вагоне он выложил перед своим спутником полный комплект марксистского «Самарского вестника». А поскольку Владимир Михайлович всей душой сочувствовал народникам, то чтение газеты вызывало острейшие дискуссии. «На этой почве, — пишет Крутовский, — всю дорогу до Красноярска мы спорили... И иногда дело доходило до горячих схваток, хотя все кончалось мирно, и мы принимались или за чаепитие, или за чтение»².

После Челябинска и до самого Новосибирска — тогда Кривошекова — за окошком вагона потянулась голая и унылая степь. «Ни жилья, ни городов, — пишет Владимир Ильич матери, — очень редко деревни, изредка лес, а то все степь. Снег и небо — и так в течение всех трех дней»³. Но, как это часто бывает именно в вагоне, унылость пейзажа во многом скрашивается не только чаепитиями, но и долгими беседами. И если уж быть точным, то за неделю пути от Самары до Красноярска они не столько спорили о марксизме и народничестве, сколько говорили о том, что ждет Ульянова в Сибири.

¹ Пролетарская революция. 1929. № 1(84). С. 91–96.

² Там же. С. 93, 94.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 23.

«Встретился в нашем поезде, — пишет Владимир Ильич матери, — с тем самым Arzt'ом [врачом], у коего Аня была в С.-Петербурге. От него узнал кое-какие полезные для меня вещи насчет Красноярска и др. ... Благодаря беседе с Arzt'ом мне уяснилось (хотя приблизительно) очень многое, и я чувствую поэтому себя очень спокойно: свою нервность оставил в Москве. Причина ее была неопределенность положения, не более того. Теперь же неопределенности гораздо менее, и поэтому я чувствую себя хорошо»¹.

Столь заметное улучшение настроения стало следствием вполне конкретных предложений многоопытного Владимира Михайловича. Отправляясь из Москвы, Ульянов полагал, что, добравшись до Красноярска, он двинется дальше по железной дороге до Канска, а оттуда, прикупив тулуп, валенки и зимнюю шапку, почти 800 верст на лошадях до Иркутска, где находилась резиденция Горемыкина — генерал-губернатора Восточной Сибири.

Но Крутовский считал, что ехать дальше Красноярска не следует. Он хорошо знал губернатора — человека весьма своенравного — и был уверен, что общение с ним добром для Ульянова не кончится. Еще в Питере он посоветовал Анне Ильиничне написать в Иркутск прошение о направлении Владимира в ссылку либо в Красноярск, либо на юг Енисейской губернии. Такую бумагу мать послала 22 февраля. Значит, надо было сидеть в Красноярске и ждать ответа. И тут же пройти медицинское освидетельствование, получить справку о «слабости здоровья» и целесообразности ссылки в Минусинский уезд, который и в шутку и всерьез называли «Сибирской Италией».

План звучал вполне реально, и теперь даже пейзаж за окном не казался столь унылым. «Дальше будет, говорят, сначала тайга, а потом, от Ачинска, горы, — пишет Владимир Ильич матери. — Зато воздух степной чрезвычайно хорош: дышится легко. Мороз крепкий: больше 20°, но переносится он несравненно легче, чем в России... Сибиряки уверяют, что это благодаря «мягкости» воздуха... Весьма правдоподобно»².

«ЦИВИЛИЗОВАННАЯ» ССЫЛКА

4 марта 1897 года поздним вечером поезд прибывает в Красноярск. Крутовский приглашает Ульянова к себе. Но дабы не утруждать и не ставить в неловкое положение человека, занимавшего в городе вполне официальный пост, Владимир Ильич

¹ Ленин В. И. Полн собр. соч. Т. 55. С. 23–24.

² Там же. С. 23.

селится у вдовы чиновника Клавдии Гавриловны Поповой, сдававшей жилье политическим, и в ее деревянном двухэтажном доме получает маленькую, но вполне приличную комнату с полным пансионом за 60 копеек в день. На следующий день он спешит в Енисейское губернское правление и узнает, что никаких распоряжений относительно него не поступало. Складывалось впечатление, что прошение матери оставлено без последствий и ему придется все-таки, согласно проходному свидетельству, тащиться за тысячу верст в Иркутск.

Но – надо же такому случиться – в губернском правлении Ульянов узнает и о том, что сам губернатор, генерал от инфантерии Александр Дмитриевич Горемыкин «сей минут», со 2 марта, находится лично в Красноярске. И по совету Крутовского Владимир Ильич тут же пишет прошение: «Имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить мне остаться в городе Красноярске впредь до распоряжения о назначении мне места жительства... Я ходатайствую о назначении мне места жительства, ввиду слабости моего здоровья, в пределах Енисейской губернии и, если возможно, в Красноярском или Минусинском округе»¹.

6 марта походная канцелярия губернатора принимает прошение. На нем ставится соответствующий штамп, но резолюции нет. А 7 марта Александр Дмитриевич Горемыкин убывает в Иркутск...

Трудно сказать, знали или не знали родные Владимира Ильича, но никто из них не упоминает о том, что в самой канцелярии губернатора у него, видимо, был «покровитель». Александр Александрович Корнилов, ставший позднее известным историком, с апреля 1894 года служил чиновником особых поручений при Горемыкине и занимался крестьянскими и переселенческими делами. По прежним временам его хорошо знала Лидия Книпович из группы питерских народовольцев, тесно сотрудничавших с «Союзом борьбы». Вместе с женой Корнилова – Натальей Антиповной Федотовой она училась на Бестужевских курсах. И уже 14 февраля (в день выхода «стариков» из предварилки) она направила Александру Александровичу письмо, в котором сообщала о высылке в Восточную Сибирь Ульянова, Кржижановского, Старкова и просила помочь им устроиться в более «цивилизованном» месте. Давала она и «зацепку»: слабое здоровье ссыльных. Об Ульянове, в частности, в письме говорилось: «Это человек очень образованный и край-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 451.

не симпатичный, но с очень слабыми легкими. Нельзя ли будет устроить их всех в одном месте, т. к. с Кржижановским едет мать и в таком случае мать Ульянова была бы совсем спокойна и за своего сына, который был бы под призором матери Кржижановского»¹.

В эти же дни Крутовский устраивает медицинскую комиссию. «По моей просьбе к товарищам из врачебного отдела, — пишет он, — у Владимира Ильича нашли якобы верхушечный процесс в легких и что ему по состоянию здоровья необходимо жить в более теплом климате в Енисейской губернии, а таковым считался Минусинский уезд»².

Прочел губернатор прошение Ульянова или нет — неизвестно. Но то, что оно было принято, да еще подкреплено медсправкой, оказалось весьма существенным. Спустя два дня, 8 марта, в Красноярск приехал, и также за свой счет, «подельник» Ульянова доктор Яков Ляховский. В Питере, как пишет Владимир Ильич, они договорились о том, что «если придется путешествовать до Иркутска, то поедem уже вместе»³.

Вдохновленный примером Ульянова, Ляховский тоже попытался задержаться и ждать решения своей судьбы в Красноярске. Но не тут-то было. «Ему, — пишет Владимир Ильич, — не позволили ждать здесь дольше, т. е. не позволило местное начальство». Убывавшего на почтовых лошадях в Иркутск Ляховского Ульянов проводил 15 марта, а о себе написал: «Меня пока не тревожат, да и не могут, я думаю, ибо я подал прошение генерал-губернатору и теперь жду ответа. Впрочем, абсолютно невозможного нет ничего и в том, что мне придется тоже проделать такое путешествие»⁴.

Потекли долгие дни ожидания: официального уведомления от губернатора и приезда товарищей, следовавших по этапу «на казенный счет».

Ссылных в Красноярске было превеликое множество. Преобладали народники и народовольцы. Из немногих марксистов Владимир Ильич ближе других познакомился с Петром Красиковым. Дед его — минусинский казак, был красноярским протоиереем, а самого Петра выслали из Питера на родину за знакомство в Женеве с Плехановым и социал-демократическую пропаганду среди студентов столичного университета.

Из ссылных народовольцев он чаще других встречается с Василием Карауловым и Петром Кулаковым, заведовавшим статот-

¹ Минувшее. М., 1992. № 11. С. 110, 111.

² Пролетарская революция. 1929. № 1(84). С. 95.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 23.

⁴ Там же. С. 25.

делом Енисейской губернии. Они попытались сразу же втянуть Ульянова в публичные дискуссии с местным народническим «теоретическим светилом» Николаем Яцевичем, но споры эти, видимо, мало привлекали Владимира Ильича¹.

Дабы избежать «говорильни», а заодно собрать дополнительные материалы для своей работы, начатой в тюрьме, он, заручившись рекомендацией Крутовского, ходит в знаменитую библиотеку купца-библиофила Геннадия Васильевича Юдина, находившуюся в красноярском предместье Тараканово.

«В библиотеку хожу ежедневно, и так как она находится в 2-х верстах от окраины города, то мне приходится проходить верст 5 – около часа пути, – пишет он матери 15 марта. – Прогулкой такой я очень доволен и гуляю с наслаждением, хотя частенько прогулка меня совсем усыпляет. В библиотеке оказалось гораздо меньше книг по моему предмету, чем можно было думать, судя по общей ее величине, но все-таки есть кое-что для меня полезное, и я очень рад, что могу провести здесь время не совсем зря. Посещаю и городскую библиотеку: в ней можно просматривать журналы и газеты; приходят они сюда на 11-й день, и я все еще не могу свыкнуться с такими поздними «новостями»².

Через десять дней он вновь пишет матери: «Живу по-прежнему, шляюсь в библиотеку за город, шляюсь просто по окрестностям для прогулки, шляюсь к знакомым, сплю за двоих, – одним словом, все как быть следует». И в следующем письме опять о прогулках: «Окрестности города, по реке Енисею, напоминают не то Жигули, не то виды Швейцарии: я на днях совершил несколько прогулок (дни стояли тут совсем теплые, и дороги уже высохли), которыми остался очень доволен...»³

Так уж случилось, что томительное ожидание ответа от губернатора и приезда товарищей завершилось почти одновременно. 4 апреля Ляховский послал из Иркутска телеграмму о том, что Ульянов, Кржижановский и Старков, то есть именно те, за кого хлопотала Книпович в письме Корнилову, «назначаются в Минусинский округ». И 4 апреля почтовым поездом в Красноярск прибывают его друзья по «Союзу борьбы».

Вопреки ожиданиям поездка эта оказалась не столь уж тяжелой. Впервые – не по «Владимирке», а по новой сибирской магистрали – партия ссыльных в сопровождении жандармского полковника, минуя все промежуточные этапы, проделала этот путь за столь

¹ См.: Яковлев Б. Ленин в Красноярске. С. 116, 122.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 26.

³ Там же. С. 28, 31.

короткий срок. «Путешествие в отдельном вагоне, длившееся 10 дней, – писал Мартов, – было довольно комфортабельно»¹.

Когда поезд остановился, Владимир Ильич и сестра Глеба Кржижановского Антонина бросились к вагону и через открытые окна стали обмениваться с прибывшими «рукопожатиями и торопливыми вопросами». Полковник, выскочивший из вагона для торжественного рапорта местным властям, был взбешен. «Шашки наголо!» – скомандовал он, и конвойные стали силой оттаскивать цеплявшихся за окна арестантов. А «станционные жандармы, – рассказывает Мартов, – догадались схватить Ульянова и его спутницу буквально за шивороты и на наших глазах потащить их в какую-то комнату...

Эта сцена произвела ошеломляющее впечатление на маленькую нашу спутницу, четырехлетнюю Валю Юхоцкую... Когда нас начали выводить из вагона... и к нам, окруженным конвоем с шашками наголо, подошла кучка чиновников и высших офицеров, девочка, смотря прямо в глаза нашему толстому полковнику, сказала громким и необычайно злым голосом: «А мы тебя повесим!...»

Весь лоск соскочил с этого весьма корректного и надушенного экс-гвардейца... «А мы вас также», – прорычал он и внезапно растерялся. Нам стало весело, и мы дружно расхохотались»².

Судьба прибывших определилась довольно скоро. По указанию генерал-губернатора их должны были водворить на места ссылки с началом навигации на Енисее. Кржижановский и Старков, как уже говорилось, направлялись в Минусинский уезд, Лепешинский – в Енисейский, а Мартов и Ванеев – в далекий Туруханск.

23 апреля их выпустили из пересыльной тюрьмы, а 24-го, так же как и Ульянову, вручили под расписку проходные свидетельства. Но до отъезда друзья успевают устроить в тюрьме, как выразился Мартов, довольно рискованную и «дерзкую штуку».

Из московских Бутырок в Красноярск привозят Николая Федосеева, который отсюда должен был проследовать в Иркутскую губернию. Узнав, что Ульянов находится в городе, он попросил питерцев устроить ему свидание с Владимиром Ильичем. Они пытались встретиться и раньше – в Поволжье, Владимире, но неудачно. И вот, наконец, представился случай.

«Мы, выходя из тюрьмы, – рассказывает Мартов, – не забрали своих пожитков, а на следующий день явились за ними в

¹ *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 334.

² Там же. С. 334–336.

тюремный цейхгауз с телегой, которую, кроме возчика, сопровождал Ульянов в качестве... якобы хозяина телеги. Одета в шубу купецкая фигура Ульянова показалась часовым подходящей для извозопромышленника, и они нас пропустили. В цейхгаузе же мы потребовали у надзирателя вызова Федосеева, как «старосты» политиков, для сдачи нашего имущества. Таким образом, пока мы извлекали и нагружали свое добро, Ульянов и Федосеев могли беседовать, к великому смущению «помощника», понявшего, что его одурачили, но не пожелавшего поднять шума»¹.

Утром 30 апреля вице-губернатор поднял флаг навигации. Капитан «Святого Николая» дал гудок. Ему ответили колокола городских церквей. И пароход стал медленно отваливать от пристани. «Сегодня, — написал Анатолий Ванеев родным, — проводил трех товарищей, назначенных в Минусинский округ (в Минусинск навигация уже открылась). Веселыми и жизнерадостными уехали они... Один — в село Шушенское, двое других — в Тесинское...»² Вместе с Ульяновым, Старковым и Кржижановским ехала мать Глеба Максимилиановича — Эльвира Эрнестовна Розенберг. Примкнула к ним и совсем юная Лида Удимова, только что закончившая фельдшерскую школу Крутовского и занимавшаяся в социал-демократическом кружке Красикова.

На пароходе было шумно илюдно. С первым рейсом ехали купцы и золотопромышленники, артели плотогонов и камнеломов, монастырские послушники, горняки и золотоискатели...

Под вечер «Святой Николай» причалил к пристани Скит у самого устья Филаретова ручья, неподалеку от монастыря. По традиции вся команда во главе с капитаном пошла в монастырь отслужить молебен «О плавающих и путешествующих», а оставшиеся пассажиры расположились у костров на берегу: солидные люди из кают 1 и 2 класса — у одного, артельщики — у другого, монастырские послушники — у третьего. Ссылным тоже пришлось устраиваться отдельно. Пароходные буфеты в избытке снабдили этот «пикник» напитками и закусками, так что никто не скучал. Не скучала и компания «государственных преступников».

Это была ночь под 1 мая. Сидя в Бутырках, Глеб Кржижановский перевел с польского на русский текст «Варшавянки» Свен-

¹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 336–337.

² Яковлев Б. Ленин в Красноярске. С. 143.

щицкого. И вот теперь, по случаю праздника, и состоялось первое исполнение на воле. Слова песни: *«Но мы поднимем гордо и смело / Знамя борьбы за рабочее дело, / Знамя великой борьбы всех народов / За лучший мир, за святую свободу»* – как нельзя лучше соответствовали настроению. Вот так, у костра, и встретили наступавшее 1 мая. А утром поднялись на крутую террасу над устьем Шумихи, откуда открывался вид на Бирюсинские и Дивные горы, еще раз спели «Варшавянку». Затем на пристани у Бирюсинского займища вместе с командой и артельщиками трое друзей погрузили на пароход дрова, и «Святой Николай» двинулся дальше вверх по течению¹.

Гульба, начавшаяся на верхней и нижней палубах в первый день, продолжалась и в последующие. В один из вечеров Владимир Ильич и Лида Удимова устроились на корме, где было потише и куда не задувал холодный ветер. «Наш разговор, – вспоминала она, – начался о Енисее, по которому мы ехали, о его красотах. Я многое могла рассказать Владимиру Ильичу, как приезжему человеку. Говорила ему и о своих товарищах, о нашем кружке. Но больше слушала Владимира Ильича. Мне запомнилась его манера говорить и держаться, необычайная подвижность, быстрота движений и в особенности запомнился жест правой руки, быстро схватывающей рукоятку лебедки, возле которой на канатах, брошенных на корме, мы и сидели, разговаривая всю ночь»².

Молебен, отслуженный в монастыре, – «сохраняющая и избавляющая от всякого злаго обстояния видимых и невидимых врагов», исправно хранил путешествующих четыре дня. На пятый вода в реке спала и у Сорокина разбоя «Святой Николай» сел на мель. Пришлось нанимать подвод и, согласно проходному свидетельству, двигаться дальше «по суху». Дорога большей частью шла в гору, сначала через хребет Туран, потом через Тепсей. На крутых подъемах друзья вылезали из телеги и подталкивали ее, хотя и одежда их и обувь были мало приспособлены для этого. «Хорошо еще, – напишет потом Владимир Ильич, – что была прекрасная погода, – а если бы еще дожди»³.

Видимо, где-то на этом пути и произошел у них любопытный разговор. Глеб Кржижановский вспомнил слова знамени-

¹ См.: Яковлев Б. Ленин в Красноярске. С. 148.

² Там же. С. 144.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 37.

того немецкого хирурга Теодора Бильрота: «Здоровье выражается в яркой отчетливости эмоциональной деятельности». Владимир Ильич тут же подхватил: «Вот именно так. Если здоровый человек хочет есть, – так уж хочет по-настоящему; хочет спать, так уж так, что не станет разбирать, придется ему спать на мягкой кровати или нет... И если возненавидит, так уж тоже по-настоящему...» Глядя на раздумывавшегося на ветру Владимира Ильича, на блеск его глаз, Глеб Максимилианович подумал: «Вот ты-то именно и есть прекрасный образец такого здорового человека»¹.

Поздно вечером 6 мая они добрались до Минусинска. Переночевали у ссыльного Ефима Брагина. А наутро отправились к окружному исправнику Мухину, самодуру и хаму. «Вошли, – рассказывает Брагин. – Сидит грозное начальство на кресле, дергает усами, тарашит на нас глаза, точно съесть хочет. Сели, конечно, и мы...

– Требую стоять! – рыкнул Зевс в полицейском мундире. – Здесь присутственное место...

– Но вы же, господин исправник, сидите!

Так и не встали...»²

Оставив у исправника прошения «о назначении установленного законом пособия на содержание, квартиру и одежду» и получив предписание убыть из Минусинска на следующий же день, друзья зашли в знаменитый краеведческий музей и библиотеку, созданные местным провизором Николаем Михайловичем Мартяновым.

Здесь и познакомились они с некоторыми из минусинских ссыльных: Феликсом Коном, водворенным сюда после десятилетней каторги, Аркадием Тырковым, сосланным в Сибирь навечно за участие в покушении на Александра II, народовольцем Стояновским, землевольцем Тютчевым и др. Ефим Брагин, уже присмотревшийся к Ульянову, пишет, что Владимир Ильич «среди своих любил пошутить и отличался очень подвижным и веселым характером. Среди малознакомых, в большом обществе он, наоборот, был замкнут, осторожен и сдержан»³.

А в ночь на 8 мая – уже без своих спутников, отправившихся в село Тесинское, – Ульянов по Урянхайскому тракту выезжает на телеге из Минусинска и, преодолев 55 верст, в тот же день

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1969. Т. 2. С. 12.

² Яковлев Б. Ленин в Красноярске. С. 158, 159.

³ Там же. С. 157.

прибывает в Шушенское, или, как напишет он сам, в «Шу-шу-шу»... как я называю в шутку место моего окончательного успокоения»¹.

В одном из первых писем, отправленных отсюда матери, Владимир Ильич пишет: «Шу-шу-шу – село недурное. Правда, лежит оно на довольно голом месте, но невдалеке (версты $1\frac{1}{2}$ –2) есть лес, хотя и сильно повыврубленный. К Енисею прохода нет, но река Шушь течет около самого села, а затем довольно большой приток Енисея недалеко (1 – $1\frac{1}{2}$ версты), и там можно будет купаться. На горизонте – Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые, и снег на них едва ли когда-либо стаивает. Значит, и по части художественности кое-что есть, и я недаром сочинял еще в Красноярске стихи: «В Шуше, у подножия Саяна...», но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил!»²

Однако в следующих письмах «художественности» поубавилось. «Село, – пишет он, – большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных, – все как быть следует. Стоит в степи – садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шушь, теперь совсем обмелевшая... Верстах в $1\frac{1}{2}$ – «бор», как торжественно называют крестьяне, а на самом деле преплохонький, сильно повыврубленный лесик, в котором нет даже настоящей тени... Горы... насчет этих гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат *верстах в 50*, так что на них можно только глядеть, когда облака не закрывают их... точь-в-точь как из Женевы можно глядеть на Монблан. Поэтому и первый (и последний) стих моего стихотворения содержит в себе некую поэтическую гиперболу (есть ведь такая фигура у поэтов!) насчет «подножия»...»³

А поубавилось «художественности» потому, что с того момента, как стало ясно, что Владимира Ильича ожидает сибирская ссылка, Мария Александровна намеревалась отправиться вслед за ним, как это сделала мать Кржижановского. Но Владимир под разными предлогами оттягивал это решение. А когда приехал в Шушенское, сразу написал: «Я устроился здесь настолько хорошо (и несомненно лучше всех остальных товарищей), что беспокоиться маме совсем уже нет резонов, а насчет летнего отдыха я тоже думаю, что за границей можно не в при-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 34.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 47–48.

мер лучше отдохнуть ей, чем здесь, проехав несколько тысяч верст всякими способами»¹.

Его беспокоило здоровье матери. Когда же Мария Ильинична упрекнула его в «негостеприимстве», он ответил: «Насчет моего «ужасного негостеприимства» я буду с тобой спорить... Поездка сюда – вещь довольно хлопотливая и малоприятная...»² Из письма в письмо он повторяет свои доводы, пока в июне Мария Александровна и Мария Ильинична не уезжают за границу.

Насчет того, что устроился он вполне сносно, Владимир Ильич не преувеличивал. По рекомендации волостного писаря поселился он у крестьянина Аполлона Зырянова. Первые дни жил с хозяевами в общей комнате, а потом выделили ему маленькую отдельную, куда вошли кровать, стол, угловик и – еле-еле – четыре стула. И все горизонтальные поверхности, кроме кровати, тут же заняли привезенные книги и бумаги.

Именно о книгах – его главная забота. «Меня удивляет, – спрашивает он мать в первом же письме из Шушенского, – что ты не пишешь ни слова о посылке мне остальных книг. Жаль, если они еще не посланы...» Он отправляет дополнительный список газет и журналов, необходимых для продолжения той большой работы о рынках, которую начал в тюрьме. А узнав, что книги посланы на красноярский адрес, сожалеет: «Я думал, что они уже в пути. Надо бы узнать теперь, когда они придут в Красноярск. Пожалуй, не раньше конца лета!»³

Ну а пока надо было обустроиваться. «Кушал он часто с нами, – рассказывал Зырянов, – по-крестьянски, из общего котла, пускался в разговоры, всегда заразительно, громко смеялся. Уж очень задухновенный был человек Владимир Ильич, веселый»⁴.

«Владимир Ильич за свое «жалованье» – восьмирублевое пособие – имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья, – рассказывала Крупская, – и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин был простоват – одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест – покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь...»⁵

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 40.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 35, 39.

⁴ Ленин в Шушенском встречает XX век. Документы. Письма. Воспоминания. М., 1980. С. 50.

⁵ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т. М., 1984. Т. 1. С. 226.

«Полный пансион» у Зырянова избавлял от многих бытовых хлопот. «Столичные привычки давно пора бросить: здесь они совсем не к месту и надо привыкать к местным, — заметил Владимир Ильич в одном из писем матери. — Я уже привык, кажется, достаточно, только вот насчет закупок все еще рассуждаю иногда по-питерски: сто́ит, дескать, зайти в лавку и взять...»¹

Шушенское было довольно большим селом — 257 дворов с 1382 жителями. Здесь находилось волостное правление, одна церковь, четыре купеческие лавки, два кабака и одна начальная школа на 30 учеников с одним учителем. К нему поначалу и стал присматриваться Владимир Ильич, «пробовал завести знакомство с учителем, — вспоминает Крупская, — но ничего не вышло. Учитель тянул к местной аристократии: попу, паре лавочников. Дулись они в карты и выпивали. К общественным вопросам интереса у учителя никакого не было»².

Напрашивались на знакомство местные евреи — лавочники Матовы, тоже претендовавшие на «интеллигентность». Но, как писала Крупская, к ним Владимир Ильич питал «особенную антипатию за их навязчивость»³. С другим лавочником — Иоанникием Заверткиным отношения сложились более приятельские. Ульянов часто заходил к нему за чернилами и прочей канцелярской мелочью, а иногда помогал вести бухгалтерские книги⁴.

А вот с волостным писарем Степаном Журавлевым он просто подружился. «Владимир Ильич, — рассказывает Крупская, — говорил про него, что он по природе революционер, протестант. Журавлев смело выступал против богатеев, не мирился ни с какой несправедливостью. Он все куда-то уезжал и скоро помер от чахотки»⁵.

Подружился Ульянов и с двумя шушенскими ссыльными рабочими. Один из них, приехавший позднее, — путиловский рабочий, финн Оскар Энгберг. Второй — поляк, лодзинский шляпочник Ян Проминский, отбывавший ссылку с женой и пятью детьми. Втроем они и составили, как шутил Владимир Ильич, «маленький Интернационал». И уже очень скоро в его письмах к родным появляются просьбы: «Детям Проминского нечего читать. Я даже думал такую вещь сделать: выписать себе «Ниву». Для ребят Проминского это было бы очень весело (картинки еженедельно), а для меня — полное собрание сочинений Турген-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 55.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 224.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 404.

⁴ См.: Рабочая Москва. 1924. 2 февр.

⁵ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 225.

нева, обещанное «Нивой» в премию, в 12 томах. И все сие за семь рублей с пересылкой!»¹

В первые же дни знакомится он и с местными охотниками И. О. Ермолаевым и П. Т. Строгоновым, которые стали брать его на дальнюю охоту. Стрелял он с ними зайцев, уток, тетеревов, а уж охотничьих баек наслушался – и про медведей, и про оленей и даже про диких коз в горах. На мелкую дичь в ближних местах нередко выбирался с кем-либо из новых друзей. «Ходим большей частью, – пишет Владимир Ильич матери, – вместе с Проминским; беру хозяйскую собаку, которую я приучил ходить с собой и которая имеет некоторые (небольшие, правда) охотничьи способности. Завел себе свою собаку – взял щенка у одного здешнего знакомого и надеюсь к будущему лету вырастить и воспитать его: не знаю только, хороша ли выйдет собака, будет ли чутье. Распознавать это я не умею...»²

Вот так и потекли день за днем, день за днем, отсчитывая установленный высочайшим повелением срок. Наиболее болезненный период адаптации прошел довольно быстро. «Я в первое время своей ссылки, – писал позднее Владимир Ильич младшей сестре, – решил даже не брать в руки карт Европейской России и Европы: такая, бывало, горечь возьмет, когда развернешь эти карты и начнешь рассматривать на них разные черные точки. Ну, а теперь ничего, обтерпелся...»³

Уже 17 августа 1897 года он сообщает матери: «Про себя писать, право, нечего. Потому и письма коротки, что жизнь слишком однообразна: всю внешнюю обстановку я уже описал; с внутренней же стороны день ото дня отличается только тем, что сегодня читаешь одну книгу, завтра – другую; сегодня идешь гулять направо из села, завтра – налево; сегодня пишешь одну работу, завтра – другую... Здоров я, конечно, вполне...»⁴

И когда в конце сентября Владимир Ильич приезжает на несколько дней в Тесинское, то на фоне хворавшего и ужасно нервничавшего Глеба Кржижановского он смотрелся просто великолепно. «Здесь тоже, – пишет Владимир Ильич матери, – все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу все питерские болезни побоку!»⁵

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 80.

² Там же. С. 36, 39, 54.

³ Там же. С. 107.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Там же. С. 54.

Где-то с началом зимы Аполлон Долмантьевич Зырянов стал замечать, что жилец его загрустил, «разговаривать стал мало, не шутил и смеяться перестал»¹. Прошедшим летом, в июле к Василию Старкову приехала сестра Кржижановского Антонина. 30 июля они сыграли свадьбу, и Владимир Ильич был на ней шафером. В конце лета к Анатолию Ванееву приехала Доминика Труховская, ходившая к нему как «невеста» еще в предва- рилку. К Михаилу Сильвину в Тасеевское собиралась его невеста Ольга Александровна Папперек. Из Питера приходили вести о счастливой семейной жизни Струве. После драматического разрыва с Калмыковой он 1 мая 1897 года женился на Нине Герд². На ее подруге Лиде Давыдовой женился Туган...

Сметливый Зырянов стал подшучивать: «Стоит ли грустить из-за этого. Вон сколько невест на селе...»³ Но Ульянов и Кржижановский, который тоже стал «нервничать», на шуточки не отвечали. Они ждали: Глеб Максимилианович – Зинаиду Невзорову, а Владимир Ильич – Надежду Крупскую. Обе они после предварительного заключения вот-вот должны были получить ссылку и тогда можно было бы начать хлопоты, как ныне говорят, о «воссоединении семей».

Судя по всему, с Надеждой Крупской Ульянов познакомился в «марксистском салоне» на квартире Классона в начале 1895 года. Общепринятая дата – февраль 1894 года, видимо, неточна ровно на год, ибо в начале 1894 года Классон еще находился в Германии. Сама Крупская относилась к времени их первой встречи именно к зиме 1894/95 года⁴.

Родилась она 14 (26) февраля 1869 года и была на год старше Владимира Ильича. Отец ее – Константин Игнатьевич Крупский происходил из обедневших дворян Виленской губернии и после окончания Михайловского артиллерийского училища и Военно-юридической академии дослужился до чина майора. Мать – Елизавета Васильевна, получив диплом домашней учительницы, время от времени работала гувернанткой⁵.

¹ Красноярский рабочий. 1941. № 17. 21 янв.

² См.: *Пайпс Р.* Струве: левый либерал. 1870–1905. М., 2001. С. 250–254.

³ Советская мысль. Устюг. 1926. 23 марта.

⁴ См.: Творчество. 1920. № 7–10. С. 4.

⁵ См.: *Соколов Б.* Арманд и Крупская. Женщины вождя. Смоленск, 1999. С. 9, 10, 21.

В повести «Моя жизнь» Надежда Константиновна писала: «В те времена среди офицерства было много недовольных. Отец всегда очень много читал, не верил в бога, был знаком с социалистическим движением на Западе. В доме у нас постоянно, пока был жив отец, бывали революционеры (сначала нигилисты, потом народники, потом народовольцы); насколько сам отец принимал участие в революционном движении, я судить не могу. Он умер, когда мне было 14 лет...»¹

После смерти Константина Игнатьевича в феврале 1883 года мать и дочь жили в Петербурге на небольшую пенсию. Однако благодаря помощи брата покойного мужа, действительного статского советника Александра Игнатьевича Крупского, Надю определили в уже упоминавшуюся престижную частную гимназию княгини Оболенской. Ближайшие подруги – Ариадна Тыркова и дочь директора этой гимназии Нина Герд были из довольно состоятельных семей. Когда они заходили к Наде и видели ту «аккуратную бедность», которая столь характерна для малоимущей интеллигенции, «я, – пишет Ариадна, – удивлялась, как могут они с матерью существовать в такой тесноте»².

«Свою маленькую, скудно обставленную квартирку, – рассказывает Тыркова, – мать Нади держала в большом порядке, создавала уютное благообразие, хлопотала тепло и приветливо, поила нас чаем с вкусным домашним вареньем, угощала домашними булочками. В темном простом платье, с гладко зачесанными русыми волосами, она была похожа на монашку. Мне нравился ее ласковый пристальный взгляд, то, как она прислушивалась к нашей болтовне, к нашим переходам от запутанных мыслей о всеобщем благоденствии к детскому смеху, которому она охотно вторила. Нравилось мне, что в каждой комнате горит перед образом лампадка. Комнаты маленькие, а образа большие, гораздо больше, чем у нас... От Нади Крупской и ее матери излучалась на меня добрая приветливость, теплая тишина»³.

Подруги были достаточно тактичны, но определенные комплексы у Надежды все-таки сформировались. Сама она называла их позднее «людобоязнь» или, что более точно, «дикой застенчивостью» («совершенно неожиданно вдруг найдет на меня прилив самой дикой застенчивости – не могу слова выговорить... Какое это мучительное чувство и как от него трудно отделаться...»⁴).

¹ См.: Соколов Б. Арманд и Крупская. Женщины вождя. С. 19.

² Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. С. 214.

³ Там же. С. 112–113, 114.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 419, 426.

А между тем девушки росли. «У меня, — пишет Тыркова, — уже шла девичья жизнь. За мной ухаживали. Мне писали стихи. Идя со мной по улице, Надя иногда слышала восторженные замечания обо мне незнакомой молодежи. Меня они не удивляли и не обижали. Мое дело было пройти мимо с таким независимым, непроницаемым видом, точно я ничего не слышу... Надю это забавляло. Она была гораздо выше меня ростом. Наклонив голову немного набок, она сверху поглядывала на меня, и ее толстые губы вздрагивали от улыбки... Надя этих соблазнов не знала. В ее девичьей жизни не было любовной игры, не было перекрестных намеков, взглядов, улыбок, а уж тем более не было поцелуйного искушения. Надя не каталась на коньках, не танцевала, не ездила на лодке, разговаривала только со школьными подругами да с пожилыми знакомыми матери»¹.

Гимназию Надежда окончила с золотой медалью и была оставлена в восьмой «педагогический» класс. В 1887 году, получив диплом домашней учительницы по русскому языку и математике, пошла работать в училище Пospelовой, где девочек обучали шитью. В 1889-м поступила на Бестужевские высшие женские курсы, встретила там свою старую подругу Ольгу Витмер, которая и познакомила ее с Брусневым и другими «технологами»-марксистами.

Позднее, в письме к Марии Ильиничне Ульяновой, Крупская расскажет об этом периоде своей жизни: «Я вспомнила, как я металась в твои годы. То решила в сельские учительницы идти, но не умела места найти и стремилась в провинцию. Потом, когда Бестужевские курсы открылись, я на них поступила, думала, сейчас там мне расскажут о всем том, что меня интересует, и когда там заговорили совсем о другом, бросила курсы. Одним словом, я тогда металась совершенно беспомощно. Только в 21 год я услышала, что существуют какие-то «общественные науки», а до тех пор серьезное чтение мне представлялось в образе чтения по естествознанию или по истории, и я бралась то за какого-нибудь Россмелера, то за историю Филиппа II, Испанского... «Хлебное занятие», не знаю, стоит ли к нему готовиться, думаю не стоит, а если понадобятся деньги, поступить на какую-нибудь железную дорогу, по крайней мере отзвонил положенные часы — и заботушки нет никакой, вольный казак...»²

Именно так Надежда и сделала. Бросив Бестужевские курсы, она поступила на службу в Главное управление железных

¹ Соколов Б. Арманд и Крупская. С. 29–30.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 172.

дорог, а по вечерам, три раза в неделю, стала бесплатно преподавать географию в уже известной нам Варгунинской рабочей школе за Невской заставой¹. Там в 1894 году она и услышала впервые о приезде «волжанине».

К этому времени у Владимира Ильича сложились самые дружеские отношения не только с «технологами», составлявшими костяк питерской социал-демократической организации, но и с «курсистками», преподававшими в рабочей школе и активно работавшими в «Союзе борьбы». Ульянов явно симпатизировал Зинаиде и Софье Невзоровым, но особенно выделял Аполлинарию Якубову, которую подруги ласково называли Лирочкой. Нравилась она и Марии Александровне и Анне Ильиничне. Да она и на самом деле была, пожалуй, наиболее яркой из социал-демократических «курсисток».

Умные карие глаза, неизменная ласковая улыбка на румянном лице. Лирочка, как пишет Софья Невзорова, «своей искренностью, энергией и правдивостью привлекала к себе всех ее знавших». Ей симпатизировали и товарищи, и подруги, и ученики рабочей школы... «Спорщица она была горячая... А как заразительно смеялась!.. При этом ярко блестели ее белые зубы, а глаза превращались в маленькие, веселые щелочки». Буквально на всех Аполлинария производила впечатление цельной, здоровой натуры, «казалась воплощением здоровья, и мы, — пишет Софья, — шутя часто называли ее «черноземной силой»².

Луис Фишер, проживший много лет в России, автор интересной книги «Жизнь Ленина», опираясь, видимо, на какие-то слухи, написал: «Есть веские основания думать — хотя документальных свидетельств этому нет, — что до встречи с Крупской Ленин неудачно сватался к Аполлинарии Якубовой, тоже учительнице и марксистке, подруге Крупской по вечерне-воскресной школе для рабочих. Аполлинария Якубова отвергла сватовство Ленина, выйдя замуж за профессора К. М. Тахтарева... Разочарованный, Ленин стал ухаживать за Крупской и победил ее сердце»³.

В прежней «лениниане» сюжет этот был закрыт напрочь. Но ныне без него не обходится никто из «ленинovedов». Конечно, с самого начала гораздо продуктивнее было бы не запрещать, а разобраться в этой истории.

¹ См.: Соколов Б. Арманд и Крупская. С. 21, 30.

² Старый большевик. М., 1933. Сб. № 2(5). Март — апрель. С. 152, 153.

³ Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 40.

Никаких следов «сватовства» Ульянова к Якубовой нет ни в воспоминаниях (в том числе и опубликованных за рубежом) многочисленных подруг Аполлинару и Надежды, ни в обширной переписке этих лет Калмыковой, весьма осведомленной по данной части, ибо все упомянутые курсистки работали у нее на книжном складе, а сама она преподавала в той же рабочей школе.

Конечно, Крупская с ее молчаливой застенчивостью во многом являла собой полную противоположность общительной и веселой Аполлинару. Но крайне стеснительная среди сторонних людей, она буквально преображалась в школе. Ученики уважали и любили ее, а стеснительность, скованность исчезали как бы сами собой. Ее подруга Ариадна отмечала, что как только Надежда начинала рассказывать о школе, она буквально «расцветала. Добрые голубые глаза светились... Я радовалась за нее»¹.

После знакомства у Классона Ульянов пошел провожать ее. Они разговорились. Потом стали встречаться все чаще и чаще. Кончилось тем, что по воскресеньям, возвращаясь с занятий в рабочих кружках, Владимир Ильич стал заходить к ней домой на Старо-Невский.

Ариадна Тыркова вскоре заметила, что с Надей что-то происходит. Поначалу она не отвечала на расспросы, а только краснела. «У Нади была очень белая, тонкая кожа, а румянец, разливавшийся от щек на уши, на подбородок, на лоб, был нежно-розовый. Это так ей шло...» Но постепенно подружки разговорились, и все стало ясно. «Надина жизнь уже определилась, наполнилась мыслями и чувствами, которым ей было суждено служить с ранней молодости и до могилы... Эти мысли и чувства были неразрывно связаны с человеком, который ее захватил, тоже целиком... Надя говорила о нем скудно, неохотно. Я ни одним словом не дала ей понять, что вижу, что она в него влюблена по уши... Я была рада за Надю, что она переживает что-то большое, захватывающее»².

«Я была в то время влюблена в школу, — пишет Крупская, — и меня можно было хлебом не кормить, лишь бы дать поговорить о школе, об учениках... Надо сказать, что рабочие относились к учительницам с безграничным доверием: мрачный сторож громовских лесных складов с просиявшим лицом докладывал учительнице, что у него сын родился; чахоточный текстильщик желал ей за то, что выучила грамоте, удалого жениха; рабочий-

¹ Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. С. 189.

² Там же. С. 192, 194.

сектант, искавший всю жизнь бога, с удовлетворением писал, что только на страстной узнал он от Рудакова (другого ученика школы), что бога вовсе нет, и так легко стало... напивавшийся каждое воскресенье до потери человеческого облика табачник, так насквозь пропитанный запахом табака, что, когда наклонился к его тетрадке, голова кружилась, писал каракулями, пропуская гласные, что вот нашли на улице трехлетнюю девчонку и живет она у них в артели, надо в полицию отдавать, а жаль; приходил одноногий солдат и рассказывал, что Михайла, который у вас прошлый год грамоте учился, надорвался над работой, помер, а помирая, вас вспоминал, велел поклониться и жить долго приказал...»¹

Владимир Ильич внимательно слушал эти рассказы, а мать Крупской, Елизавета Васильевна – кормила их вкусным обедом, что в холостяцком быту Ульянова тоже было событием достаточно приятным. Заходил он, конечно, и к Аполлинарии, снимавшей комнату вместе с Зинаидой Невзоровой. Но заходил по делам. Там было типичное жилье курсисток, мало похожее на теплый семейный очаг.

Впрочем, «Ильич требовал отказа, – пишет Крупская, – от обычного в те времена интеллигентского времяпрепровождения: хождения друг к другу в гости, неделовых разговоров, «перебалтывания», как мы тогда говорили. Тут были у Ильича определенные революционные традиции. Я помню, как меня раз выругала Лидия Михайловна Книпович, старая народоволка, за то, что я пошла в театр с человеком, с которым работала вместе в кружке. А Ильич ругал нашу молодую публику за хождение друг к другу в гости. Зинаида Павловна [Невзорова] вспоминает: зашла она с приятельницей своей Якубовой к Ильичу, жившему неподалеку, зашла без всякого дела, не застала дома. А вечером, часу в двенадцатом уже, кто-то к ним звонит. Оказывается, пришел Ильич – только что приехал из-за Невской заставы, усталый, с каким-то болезненным видом. Стал спрашивать встревоженно, что случилось, зачем приходили, и когда услышал, что дела не было, что так просто зашли, сердито воркнул: «Не особенно умно» – и ушел. Зинаида Павловна рассказывает, как они опешили»².

В общем, никаких примет «сватовства» в этот период никем отмечено не было. Но симпатии были, и это факт. Попав в одиночку, Владимир Ильич обратился к Крупской и Якубовой с просьбой. Каждый день, когда его выводили на прогулку, из одного окна тю-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 213–214.

² Крупская Н. К. О Ленине. С. 118.

ремного коридора просматривался небольшой отрезок тротуара на Шпалерной улице. «Вот он и придумал, – пишет Крупская, – чтобы мы – я и Аполлинария Александровна Якубова – в определенный час пришли и стали на этот кусочек тротуара, тогда он нас увидит. Аполлинария почему-то не могла пойти, а я несколько дней ходила и простаивала подолгу на этом кусочке»¹.

В предыдущей главе рассказывалось о том, что именно в это время в «Союзе борьбы» и появился Константин Тахтарев. Его разговоры о необходимости «демократизации» организации пришлись Аполлинарии по душе, и во всех спорах на данную тему она стала отстаивать его позицию. Владимиру Ильичу, видимо, сообщили об этом. Но когда он вышел из заключения, Аполлинария была среди первых, кто встретил его. «Помню, – пишет Анна Ильинична, – как в тот же день к В. И. прибежала и расцеловала его, смеясь и плача одновременно, А. А. Якубова»². А на следующий день, на квартире Радченко, состоялось известное собрание, где Ульянов столкнулся в дискуссии с Аполлинарией.

О том, что полемика приняла тогда самый острый характер, говорилось выше. Но Тахтарев дополняет рассказ: «В пылу спора Владимир Ильич обвинил А. А. Якубову в анархизме, и это обвинение так сильно подействовало на нее, что ей стало дурно»³. Хотя, как уже отмечалось, Ульянов не раз повторял, что возникшие разногласия – лишь случайный эпизод, все, видимо, переплелось в этом обмороке, ибо, кроме резких слов, ей стало очевидно и другое: он сделал свой выбор.

Крупская сидела в это время в тюрьме. И на следующий день Владимир Ильич, проведая Елизавету Васильевну, написал Надежде «химией» письмо с объяснением в любви⁴. Что же касается Аполлинарии, отношения с которой и у него и у Крупской сохранялись еще долгие годы, то ей он мог писать позднее лишь о «старой дружбе»⁵.

В общем, Анне Ильиничне, в то время не очень симпатизировавшей Крупской, было уже ясно, что в ссылку к Владимиру Ильичу «поедет наверное по окончании дела Надежда Константиновна (тогда видно уже было, к чему шло дело), и он будет не один»⁶.

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 221.

² Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 119.

³ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 170.

⁴ См.: Новый мир. 1957. № 2. С. 167.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 56.

⁶ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 119.

Пока Надежда Константиновна находилась в заключении, он терпеливо ждал. Лишь в мае 1897 года, обустроившись в Шушенском, Владимир Ильич попросил сестру передать Надежде «поклон от меня» и прислать фотографию «в обмен на мою»¹. Но в конце года, когда стало известным, что Зинаиде Невзоровой уже вручен приговор – 3 года ссылки – и она хлопочет о переводе в Минусинский округ к Глебу Кржижановскому, Ульянов заволновался. «Весьма возможно, – пишет он Марии Ильиничне, – что и Надежда Константиновна ко мне поедет: этот вопрос, вероятно, скоро вырешится, а может быть, даже и вырешился, когда ты читаешь это письмо»².

Судя по всему, еще летом он послал Крупской большое письмо. Текст его, к сожалению, не сохранился. Но Вера Дридзе – секретарь Надежды Константиновны в 30-е годы – передает ее рассказ об этом эпизоде.

«Приехав в Шушенское, где он должен был отбывать ссылку, Владимир Ильич написал Надежде Константиновне, опять «химией», большое письмо, в котором звал ее к себе, просил стать его женой. В своем ответном письме она написала: «Ну что ж, женой так женой». Почему же Надежда Константиновна так ответила Владимиру Ильичу?

Разные бывают люди, – продолжает Дридзе, – и по-разному выражают они свои чувства. Одни – свои мелкие чувства выражают громко и шумно, высокопарными словами, другие же – свои очень глубокие, сильные чувства не умеют выразить. Таким человеком была и Надежда Константиновна. Она глубоко любила Владимира Ильича, знала о его отношении к ней, но из-за застенчивости, смущения, боязни громких фраз она так ответила ему»³. И как только становится известным приговор о высылке ее на три года в Уфимскую губернию, Крупская подает прошение о переводе в Сибирь, в Енисейскую губернию, для вступления в брак с Владимиром Ульяновым.

В ожидании своих невест Глеб Максимилианович и Владимир Ильич решили встретить Новый год вместе. Глеб приехал в Шушу 24 декабря, и все дела были отложены в сторону. По утрам Владимир выталкивал любившего поспать Глеба во двор и началась борьба, переходившая в веселую возню в снежных сугробах. «Живем мы отлично, – пишет Владимир Ильич родным, – и очень много гуляем, благо погода стоит большей частью очень

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 42.

² Там же. С. 59, 65.

³ Дридзе В. Надежда Константиновна. М., 1969. С. 54.

теплая... Охотимся очень усердно, ...хотя и очень несчастливо. Зимой какая уж тут охота! Прогулки зато приятные»¹.

Гулять приходилось много и потому, что дома у хозяев – Зыряновых, по случаю праздников, мужики напивались крепко и все норовили усадить за стол и «дорогих гостей». «Праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, – пишет Владимир Ильич, – и я не заметил, как прошли эти десять дней. Глебу очень понравилась Шу-ша... Саяны его приводили в восторг, особенно в ясные дни при хорошем освещении. Глеб стал теперь великим охотником до пения, так что мои молчаливые комнаты сильно повеселели с его приездом и опять затихли с отъездом. Но у него не имеется нот и песен». И, вспоминая алакаевские вечера, он просит мать: «У нас ведь немало было, кажись, этой дряни (от тех времен, когда мы, бывало, тоже «кричали»)... Хорошо бы их послать ему: он был бы рад. Базиль [В. В. Старков] – музыкант (на гитаре) и стал бы ему перекладывать песни. Здоровье Глеба у меня несколько поправилось благодаря правильному режиму и обильным прогулкам, и он уехал очень ободренный»².

«Молчаливые комнаты», видимо, опять стали навевать грустное настроение, и 8 января 1898 года Владимир Ильич отправляет телеграмму директору Департамента полиции: «Имею честь просить разрешить моей невесте Надежде Крупской переезд в село Шушенское». А уже 24 января он пишет матери: «Надежду Константиновну обнадеживают, что ей заменят 3 года Уфимской губернии 2-мя годами в Шуше, и я жду ее с Елизаветой Васильевной. Подготавливаю даже помещение – соседнюю комнату у тех же хозяев... Выходит у нас забавная конкуренция со здешним попом, который тоже просится к хозяевам на квартиру. Я протестую и настаиваю, чтобы подождали окончательного выяснения моих «семейных» обстоятельств»³.

Но прошел январь, затем февраль, март, а «семейное» дело все еще гуляло по полицейским инстанциям. В апреле, в связи с начинающимся на Енисее ледоходом, связь с Россией на две-три недели полностью прерывалась⁴. Вот так и случилось, что приезд Надежды Константиновны и Елизаветы Васильевны 1 мая в Красноярск, а 7 мая – с первым же пароходом (дотащившим их лишь до того же Сорокина разбоя) в Шушенское стал полной неожиданностью.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 64.

² Там же. С. 66, 67.

³ Там же. С. 69.

⁴ См. там же. С. 86.

«В село Шушенское, где жил Владимир Ильич, – рассказывает Крупская, – мы приехали в сумерки; Владимир Ильич был на охоте. Мы выгрузились, нас провели в избу. В Сибири – в Минусинском округе – крестьяне очень чисто живут, полы устланы пестрыми самоткаными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой. Комната Владимира Ильича была хоть невелика, но также чиста. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы. В избу набились все хозяева и соседи и усердно нас разглядывали и расспрашивали». Надежда Константиновна им понравилась: и своей приветливостью, и своим «городским» платьем, и большими – тогда еще не тронутыми базедкой – глазами, и особенно – длинной и толстой косой.

Владимира Ильича решили разыграть. Когда, возвращаясь с охоты, он подошел к дому и увидел в окне своей комнаты свет, хозяин, Аполлон Зырянов, поджидавший его на улице, сказал, что пришел, мол, сильно пьяный Оскар Энгберг, стал буяннить и раскидал все его книжки. Владимир Ильич бросился на крыльцо... и тут-то навстречу ему и вышла Надежда Константиновна¹.

Так уж сложилось, что за год знакомства и общения они, видимо, ни разу не говорили о своих чувствах. А два «химических» письма Владимира Ильича – одно с признанием в любви, а второе с предложением выйти за него замуж – никак не могли заменить душевных разговоров, которые во все времена вели на эти темы симпатизирующие друг другу молодые люди.

И вот теперь, когда ушли соседи и хозяева, а уставшая с дороги Елизавета Васильевна улеглась спать в соседней комнате, они впервые разговорились и, как пишет Крупская, «долго мы проговорили в ту ночь»². В ее воспоминаниях можно уловить какие-то отзвуки этого ночного разговора...

Ранее в Красноярске, в ожидании начала навигации, она и Елизавета Васильевна жили у молодых фельдшериц, адрес которых дала Владимиру Ильичу его попутчица на «Святом Николае» Лида Удимова. Здесь Надежде попал в руки томик Писарева. В свое время, как и Чернышевский, он был для нескольких поколений российской молодежи непререкаемым «учителем жизни», определявшим не только отношение к себе и между собой, но и к самой действительности как таковой. Всю неделю Надежда читала и перечитывала Писарева, и более всего ее увлек «глубокий внутренний разрыв» со всем прежним бытом и

¹ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 223, 224.

² Там же. С. 224.

привычным укладом жизни, «попытка создать новые, не связанные никакими условностями человеческие отношения»¹.

С этими мыслями она и ехала в Шушенское. И они были созвучны с мыслями Владимира Ильича. В юности, рассказывает Крупская, ему «очень нравился рассказ Тургенева «Андрей Колосов», где ставился вопрос об искренности в любви...».

Герой этого рассказа, университетский студент Андрей Николаевич Колосов был человеком чуждым фразе, искренним, полным молодых сил, в общем – натурой «совершенно необыкновенной», ибо естественность, простоту и чистоту чувств, не замутненных никакими предрассудками и условностями, он ставил превыше всего.

Случайно он знакомится с застенчивой 17-летней дочерью отставного поручика Варварой Ивановной и увлекается ею. «Она была не очень хороша собой, довольно бледна, довольно худая; но я и прежде и после не видывал ни таких глаз, ни таких волос». Возникшее чувство, встретив взаимность, целиком захватывает Андрея. Но проходит год, и Колосов понимает, что душа его охладела, что с его стороны это лишь увлечение, а никак не настоящая любовь. Тогда, напомнив Варе пушкинские строки «Что было, то не будет вновь», – он прерывает с ней всякие отношения.

Друг Колосова, от имени которого и ведется рассказ, глядя на страдания Варвары Ивановны и горячо симпатизируя девушке, тут же делает ей предложение. Но и он постепенно начинает осознавать, что сострадания, жалости, великодушия недостаточно для того, чтобы скрепить отношения семейными узами. И вот резюме рассказа: «Кто из нас сумел вовремя расстаться со своим прошедшим? Кто, скажите, кто не боится упреков, не говорю упреков женщины... упреков первого глупца? Кто из нас не поддавался желанию то щегольнуть великодушием, то себя-любиво поиграть с другим, преданным сердцем? Наконец, кто из нас в силах противиться мелкому самолюбию – *мелким хорошим чувствам*: сожалению и раскаянию?..»

О, господи! человек, который расстается с женщиной, некогда любимой, в тот горький и великий миг, когда он невольно сознает, что его сердце не все, не вполне проникнуто ею, этот человек, поверьте мне, лучше и глубже понимает святость любви, чем те малодушные люди, которые от скуки, от слабости продолжают играть на полупорванных струнах своих вялых и чувствительных сердец!»²

¹ Яковлев Б. Ленин в Красноярске. С. 145.

² Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1954. Т. 5. С. 16, 27, 35.

Конечно, Тургенев несколько упростил проблему, ибо к числу «условностей» его герой относит и те взаимные обязательства, которые неизбежно возникают в отношениях между порядочными людьми. И Крупская справедливо замечает, что «конечно, вопрос не так просто разрешается, как там описано, и не в одной искренности дело, нужна и забота о человеке и внимание к нему...»¹.

Трудно сказать, говорили ли они об этом в ту шушенскую ночь, но сама Надежда Константиновна рассказывала, что с самого начала, с того момента, «когда они стали жить вместе с Владимиром Ильичем, у них был уговор: никогда ни о чем друг друга не спрашивать – без величайшего доверия они не мыслили себе совместной жизни. И еще об одном договорились они: никогда не скрывать, если их отношения друг к другу изменятся»².

Матери Владимир Ильич собрался написать письмо лишь через три дня: «Приехали ко мне наконец, дорогая мамочка, и гости. Приехали они седьмого мая вечером, и как раз ухитрился я именно в этот день уехать на охоту, так что они меня не застали дома. Я нашел, что Надежда Константиновна высмотрит неудовлетворительно – придется ей здесь заняться получше своим здоровьем. Про меня же Елизавета Васильевна сказала: «Эк Вас разнесло!» – отзыв, как видишь, такой, что лучше и не надо!»³

Письма Крупской Марии Александровне в эти первые недели после приезда еще более веселые и успокаивающие. «Мне уж кажется, – пишет она 14 июня, – что я целый век в Шуше живу, акклиматизировалась вполне. В Шуше очень даже хорошо летом. Мы каждый день ходим по вечерам гулять, мама-то далеко не ходит, ну а мы иногда и подальше куда-нибудь отправляемся. Вечером тут совсем в воздухе сырости нет и гулять отлично. Комаров хотя много, и мы пошили себе сетки, но комары почему-то специально едят Володю, а в общем жить дают... Володя на охоту это время не ходит (охотник он все же не особенно страстный)... даже охотничьи сапоги снесены на погреб... А за Енисеем чудо как хорошо! Мы как-то ездили туда с массой всякого рода приключений, так очень хорошо было»⁴.

Родные и друзья стали уж было напрашиваться на свадьбу, но тут вышла заминка. Для оформления брака нужны были документы, а Ульянов, как и все ссыльные, паспорта не имел. Его

¹ Крупская Н. К. О Ленине. С. 32.

² Дридзо В. Надежда Константиновна. С. 62.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 88.

⁴ Там же. С. 391.

заменял так называемый «статейный список». Но он, как выяснилось, затерялся где-то в красноярском тюремном правлении.

Переписка и волокита по этому поводу шла почти два месяца. И 30 июня в прошении начальнику Енисейской губернии Владимир Ильич пишет: «Получается крайне странное противоречие: с одной стороны, высшая администрация разрешает по моему ходатайству перевод моей невесты в село Шушенское и ставит условием этого разрешения *немедленный* выход ее замуж; с другой стороны, я никак не могу добиться от местных властей выдачи мне документа, без которого вступление в брак не может состояться; и в результате всего виновной оказывается моя невеста...»¹

Наконец, в начале июля документы были получены, и можно было идти в церковь. Но тут случилась новая оказия. Не оказалось ни поручителей, ни шаферов, ни обручальных колец, без которых свадебная церемония немыслима. Дело в том, что из Минусинска бежал ссыльный социал-демократ С. Г. Райчин. И исправник категорически запретил выезд из Тесинского на бракосочетание и Кржижановским, и Старковым. Конечно, можно было бы опять начать хлопоты, но Владимир Ильич решил не ждать.

Поручителями и шаферами – к великому их удовольствию – пригласили знакомых шушенских крестьян: писаря Степана Николаевича Журавлева, лавочника Иоанникия Ивановича Заверткина, Симона Афанасьевича Ермолаева и др. А Оскар Энгберг, бывший когда-то учеником у ювелира, изготовил из медного пятака и надраил до золотого блеска обручальные кольца. 10 июля 1898 года в местной церкви священник Иоанн Орестов таинство венчания свершил. И надел он жениху и невесте кольца... И водили их вокруг аналая... И причащались они и кланялись иконам Спасителя и Божьей Матери у Царских Врат... Все как положено...²

СЕМЬЯ

В тот же день состоялось и новоселье. До этого первые два месяца жили они у Зыряновых. Но шумные пьянки, которые постоянно устраивали зыряновские мужики, вынудили поменять жилье. И 10 июля Ульяновы переехали к крестьянке П. А. Петровой, у которой за четыре рубля сняли полдома и огород.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 454.

² РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Ед. хр. 46.

«Зажили семейно, – вспоминала Крупская. – Летом никого нельзя было найти в помощь по хозяйству. И мы с мамой вдвоем воевали с русской печкой. Вначале случалось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. Потом привыкла. В огороде выросла у нас всякая всячина – огурцы, морковь, свекла, тыква... Устроили из двора сад – съездили мы с Ильичем в лес, хмелю привезли, сад соорудили. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство. Я выучила ее грамоте, и она украшала стены мамиными директивами: «Никовды, никовды чай не выливай»...»¹

С тещей Елизаветой Васильевной отношения у Владимира Ильича сложились самые добрые. Иногда она пыталась вовлечь его в какие-то домашние хозяйственные дела. Когда, к примеру, он должен был поехать в Красноярск к дантисту, ему вменили «в обязанность купить себе 2 шапки, полотна себе на рубахи, общий тулуп, коньки и т. д. Заказывала я было, – пишет Крупская, – купить на кофточку дочери Проминского, но т. к. Володя отправился к маме спрашивать, сколько «фунтов» надо купить на кофточку, то и был освобожден от сей тяжелой обязанности»².

Он часто старался сказать Елизавете Васильевне что-нибудь приятное. Правда, иногда невпопад. «Володей, – пишет Крупская в другом письме, – мама недовольна: он недавно самым добросовестным образом принял тетерку за гуся, ел и хвалил: хороший гусь, не жирный»³.

А когда у Елизаветы Васильевны портилось настроение, а портилось оно и оттого, что редко приходят письма, и оттого, что надоели все эти горшки, ухваты, клюки и веселки, – вот тогда, как и положено теще, она начинала ворчать. «Вчера, – пишет Крупская, – посмеялись мы порядком. Кроме газет, ничего не было, и мама стала обвинять почтальона в том, что он по злобе скрывает письма, а нас в том, что мало даем ему на чай, наших знакомых – в черном эгоизме и опять нас в том, что мы почтальону вот жалеем денег, а так зря тратим, третьего дня ездили к Курнатовскому и зачем? только человеку работать помешали и обед его съели, кончилось тем, что мы все смеяться стали, и неприятное чувство, которое всегда бывает при скудной почте, прошло»⁴.

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 226.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 396.

³ Там же. С. 404.

⁴ Там же. С. 401.

Надо сказать, что к местным обычаям и порядкам Ульяновы относились достаточно терпимо и своих городских привычек, как, кстати, и своего атеизма, не демонстрировали. «Хотя Володя и протестует, — писала Крупская накануне Пасхи, — но я все-таки собираюсь яйца красить и пасху варить. Знаете, тут обычай — убирать к пасхе комнаты пихтой. Это очень красиво, а потому и мы собираемся «придержаться»... этого обычая»¹.

А когда устроили такую необычную «городскую» диковинку, как каток, он вскоре стал развлечением для всего Шушенского. «Около нашего дома на речке, — рассказывала Надежда Константиновна, — по инициативе Володи и Оскара сооружен каток, помогали учитель и еще кое-кто из обывателей. Володя катается отлично... Оскар катается плохо и очень неосторожно, так что падает без конца, я вовсе кататься не умею... Учитель ждет еще коньков. Для местной публики мы представляем даровое зрелище: дивятся на Володю, потешаются надо мной и Оскаром и немилосердно грызут орехи и кидают шелуху на наш знаменитый каток»².

И все-таки Сибирь — это Сибирь, место лихое. Даже Аполлон Зырянов — вроде бы и не варнак-каторжник, а уважаемый в селе человек, но и он совершенно спокойно рассказал Владимиру Ильичу, как однажды батрак его украл со двора кожу, а он — Аполлон Долмантьевич — догнал его у ручья и убил³. Так что бабка зыряновская, глядя, как жилец сидит по вечерам со своими книжками у открытого окна, все страшила: «Не дай бог — пальнет кто...»

Владимир Ильич посмеивался, но, помимо ружья для охоты, приобрел и револьвер. На всякий случай. Когда уезжал куда-нибудь, отдавал его Надежде Константиновне. Они с Оскаром пытались даже научить ее стрелять. А если Ульяновы отправлялись куда-то вдвоем, то оставляли револьвер Паше. И она более всего боялась не варнаков, а того, «кабы этот револьверт сам не стрельнул»⁴.

Впрочем, свои сюрпризы в любой момент могла преподнести и сибирская тайга. Однажды Ульянова застигла в лесу буря. «На этих днях, — писал он, — здесь была сильнейшая «погода», как говорят сибиряки, называя «погодой» ветер, дующий из-за Енисея, с запада, холодный и сильный, как вихрь. Весной все-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 410.

² Там же. С. 404.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 225.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 36, 396; Власть труда. Минусинск, 1928. 28 янв.

гда бывают здесь вихри, ломающие заборы, крыши и пр. Я был на охоте и ходил в эти дни по бору, — так при мне вихрь ломал громаднейшие березы и сосны»¹. О том, каково ему было в этот момент, Владимир Ильич рассказывать не стал.

Повседневное общение с мужиками и бабами, или, как нынче говорят, с «работягами», было всегда суровым экзаменом не только для тех, кто считал их «быдлом», но и для иных искренних «народолюбцев». Ибо одно дело любить народ вообще, в принципе. И совсем другое — эту конкретную бестолковую и жадную бабу или пьяного и хитрого мужика...

Дабы избежать такого рода общения, одни ссыльные, не смешиваясь с окружающей средой, жили обособленными коммунами. Другие всячески стремились вырваться из своих «медвежьих углов» хоть в какой-нибудь городишко, где можно было найти работу и обрести более интеллигентный круг общения. Так, кстати, поступили некоторые друзья Владимира Ильича.

Поначалу предполагалось, что и Ульяновы будут добиваться перевода из Шуши в более цивилизованное место, хотя бы в тот же Минусинск — как-никак, а город. Но чем больше проходило времени, тем решительней Владимир Ильич стал противиться этому. Ибо выяснилась старая и простая истина, что интеллигентская публика с ее безалаберностью, рефлексией, бесконечными разговорами и выяснением отношений — для экстремальных условий ссылки не всегда является наилучшей компанией.

Нередко склоки буквально раздирали ссыльные колонии. Уж в какую, казалось бы, туруханскую дыру попал Мартов, где и изб-то было не более трех десятков, а ссыльных всего-навсего пятеро, но и тут летом 1898 года по вине некоего Петрашека разгорелась свара. «У Юлия в Туруханске, — писал Владимир Ильич матери, — вышла крайне грустная «история»: один из ссыльных (скандалист) поднял против него нелепо-дикие обвинения, последовал разрыв, пришлось разъехаться, Юлий живет теперь один, расхворался, развинтились нервы, не может работать. Упаси, господа, от «ссыльных колоний»! и ссыльных «историй»!»²

А в Минусинске и того хуже... «Сыр-бор, — рассказывает Лепешинский, — загорелся из-за побега одного политического, некоего Райчина, примыкавшего к социал-демократам. Задумавши эмигрировать, Райчин не подготовил к этому акту остальных ссыльных и, несмотря на обещание, данное им Старкову, не удирать раньше известного срока, необходимого остальной

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 162.

² Там же. С. 92.

колонии, чтобы пообчиститься и подготовиться к возможным полицейским репрессиям после его бегства, слова своего почему-то не сдержал и неожиданно для всех скрылся с горизонта.

Минусинские «аборигены» (Ф. Я. Кон, Тырков, Яковлев, Мельников, Орочко и некоторые другие) подняли шум: свинство, мол, игнорирование элементарных правил ссыльной этики и т. п. В. В. Старков был почему-то взят ими под подозрение в соучастии с Райчиным в заговоре и в нарочитом обмане остальной ссыльной братии. Получилась одна из глупейших историй со всеми характерными признаками ссыльной склоки.

Был у этой истории и еще один малоприятный аспект...

Каторга и ссылка тоже имели свою иерархию авторитетов. Старые народовольцы занимали в ней особое место, являлись своего рода ссыльной «аристократией». Наплыв в Сибирь никому не известных личностей, именовавших себя социал-демократами, среди которых было немало и полуграмотных или недостаточно образованных рабочих, вроде Райчина, вызвал известное отторжение». «Старая народовольческая ссылка, — вспоминал рабочий А. Шаповалов, — считала, что только она... нюхала революционный порох, и относилась к марксистам даже с известной долей презрения, как к людям, среди которых нет никого, кто пошел бы на виселицу за дело революции... Марксистов, в особенности рабочих, обижало и возмущало случайно или намеренно однажды высказанное народовольцем... Тютчевым мнение, что с появлением в Сибири марксистов в лице их пошла в ссылку «улица»¹.

Дело дошло до товарищеского суда. Приехал из Шуши Владимир Ильич и взял на себя представительство интересов обвиняемой стороны (Старкова и Кржижановского). Он великолепно повел тактику формально-юридического процесса... Не давая воли своим субъективным реакциям на политические выпады противников, он с карандашом и бумажкою в руках записывал их ответы на предлагаемые им вопросы. На чем основано такое-то утверждение или такая-то квалификация? Где факты? Какие документальные доказательства? Какие улики? Имеются ли свидетельские показания? И т. д. и т. д.

А как раз вот по части именно фактов, улик, документов у обвинителей дело обстояло очень плохо по вполне понятным причинам, потому что самое обвинение возникло, как плод расстроенного воображения и как результат больных нервов закисших в ссылке людей... Метод Владимира Ильича, холодно зам-

¹ О Ленине. Кн. III. М., 1925. С. 72.

кнувшегося в оболочку формалиста-юриста, положительно губил «стариков». Они, видимо, жаждали проявления вспышки раздражения у другой стороны, какой-нибудь истерической выходки, потери душевного равновесия у противника, каких-нибудь неосторожных с его стороны слов, чтобы иметь повод раздрать ризы свои и таким образом с честью выйти из своего затруднительного положения, в которое они были поставлены тактикой Владимира Ильича, но этот последний не давал им возможности ни охнуть, ни вздохнуть... В результате получился полный разрыв дипломатических отношений»¹.

Именно после этой «истории» у народовольца Аркадия Тыркова и осталось на всю жизнь впечатление, что Ульянов – «злой человек... И глаза у него волчьи, злые»². Но как раз злобы-то и не было. Сам Владимир Ильич рассказывал тогда Крупской: «Нет хуже этих ссыльных историй, они страшно затягивают, у стариков нервы больные, ведь чего только они не пережили, каторгу перенесли. Нельзя давать засасывать себя такими историями – вся работа впереди, нельзя себя растрчивать на эти истории». И Владимир Ильич настаивал на разрыве со стариками. Помню собрание, на котором произошел разрыв. Решение о разрыве было принято раньше, надо было провести его по возможности безболезненно. Рвали потому, что надо было порвать, но рвали без злобы, с сожалением. Так потом и жили врозь»³.

В других ссыльных колониях подобного рода разрывы проходили куда скандальнее. Например, в Орлове Вятской губернии, где среди вполне интеллигентной публики отбывал срок Потресов, дело дошло до вульгарной драки с применением «подручных» средств... «Н-да-с, – писал ему Владимир Ильич, – Вы уж воюете, так даже вчуже страшно: с палками и проч.! К счастью, Восточная Сибирь, кажется, немного отстала от Вятской губернии в воинственности»⁴.

Очень больно задела Ульянова трагическая гибель Федосеева. О том, что в Верхотенске, где Николай Евграфович отбывал ссылку, началась склока, Владимир Ильич узнал еще в январе 1898 года. Некто Юхоцкий обвинил Федосеева чуть не в растрате общественных денег. И Ульянов писал сестре: «Отвратительный нашелся какой-то скандалист, напавший на Н. Е.»⁵. В

¹ Лепешинский П. Н. На повороте. М., 1955. С. 96–98.

² Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. С. 343.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 231.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 17.

⁵ Там же. Т. 55. С. 71.

Верхоленске устроили «разбирательство», и колония решительно отвергла лживые обвинения Юхоцкого. Однако он не унимался и продолжал рассылать по колониям свои наветы.

«Н. Е. был страшно поражен этим и удручен, – рассказывал Владимир Ильич Анне Ильиничне. – Из-за этого он решил не брать *ни от кого* помощи и терпел страшные лишения... Черт знает что такое! Хуже всего в ссылке эти «ссылочные истории», но я никогда не думал, что они могли доходить до таких размеров! Клеветник давно был открыто и решительно осужден всеми товарищами, и я никак не думал, что Н. Е. (обладавший некоторым опытом по части ссылочных историй) берет все это так ужасно близко к сердцу»¹.

В какой-то момент, получив от Юхоцкого очередное мерзкое послание, Федосеев не выдержал. Товарищу по ссылке Якову Ляховскому он сказал, что не может работать, а «когда убедился, что не может работать, решил, что не будет жить». После этого он ушел в лес и застрелился из револьвера. А когда известие о смерти Николая Евграфовича пришло в Архангельск, покончила с собой его невеста Мария Гопфенгауз².

«23.VI, – писал Владимир Ильич сестре, – его похоронили. Оставил письмо Глебу и ему же рукописи, а мне, дескать, велел передать, что умирает «с полной беззаветной верой в жизнь, а не от разочарования»³.

После гибели Федосеева ни о каком переезде в более «цивилизованное» место Ульянов и слышать не хотел. Поехать в гости, принять друзей у себя, погулять, побеседовать, поспорить, сыграть партию-другую в шахматы – ради бога! А вот ежедневно тереться боками друг о друга, а главное постоянно выяснять отношения, разбирать склоки – нет уж, увольте! И в сердцах он написал сестре: «Нет, уж лучше не желай мне товарищей в Шушу из интеллигентов!»⁴

Что же касается рабочих Проминского и Энгберга, отбывавших ссылку в Шушенском, то до конца срока они оставались для Владимира Ильича самыми близкими товарищами, а для его домашних – самыми желанными гостями. «За это время, – отметила Надежда Константиновна, – мы порядком-таки попривыкли к нашим шушенским товарищам, если почему-либо не придет какой-нибудь день Оскар или Проминский, так точно чего-то не хватает...»⁵

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 98.

² См. там же. С. 97, 98.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 71.

⁵ Там же. С. 413.

С крестьянами Заверткиным, Степаном Журавлевым и Симоном Ермолаевым они в связи со свадьбой по всем деревенским обычаям вообще как бы породнились. А когда Надежда Константиновна пошла в крестные матери к сыну Василия Ермолаева, они с Владимиром Ильичем стали кумовьями и для этого обширного семейства.

О чем писал Ульянов с утра до ночи, шушенцам, естественно, было неизвестно. Однажды бабушка Зырянова, глядя на объемистые статистические сборники, попросила: «Ты бы, голубчик, чем про себя-то читать, прочел бы мне вслух свою книгу. Наверно божественная – вон толстая какая!» Владимир Ильич стал читать. Старушка сначала слушала внимательно, но потом махнула рукой: «Ты хоть и по-русски читаешь, но что-то непонятно». А когда исправник спросил Пашу Мезину, чем занимается Ульянов, она уверенно ответила: «Сочинения книг пишет».

Шушенцам очень нравилась его деликатность и уважительность. Дело даже не в том, что при встрече на улице он всегда здоровался первым. А когда хотел, чтобы ему истопили баньку, вежливо просил хозяйку: «Если Вас не затруднит, то милости прошу оказать мне эту услугу». Главное, что не было в его общении с односельчанами фальши. И Степанида Плешкина, муж которой делал на все Шушенское горшки, не раз беседовавшая с Ульяновым, заметила: «Не брезговал он нашей бедностью. С нами и со всеми другими крестьянами был очень обходительный».

А после того как по воскресеньям он завел у себя «юридическую консультацию», круг общения еще больше расширился. Особое впечатление произвело на шушенцев «дело» бедняка Пронникова, с которого – без всяких на то оснований – суд постановил взыскать 50 рублей за потраву в пользу местного богатей Зацепина. К удивлению односельчан, привыкших к произволу сильных и богатых, благодаря прошению, составленному Ульяновым, это решение было отменено¹.

Шла не только беднота, но и местные богатеи. «Он пользовался большой популярностью как юрист, – пишет Крупская, – так как помог одному рабочему, выгнанному с приисков, выиграть дело против золотопромышленника. Весть об этом выигранном деле быстро разнеслась среди крестьян. Приходили мужики и бабы и излагали свои беды. Владимир Ильич внимательно слушал и вникал во все, потом советовал... Часто достаточно было угрозы обижаемого, что он пожалуется Ульянову, чтобы обидчик уступил».

¹ См.: Ленин в Шушенском встречает XX век. С. 56, 57.

Так что утверждения и рассказы шушенцев о всеобщем уважении, которое питали к Ульянову на селе, можно, видимо, принять как вполне достоверные.

Не обходилось, естественно, и без курьезов.

Однажды, вспоминала Крупская, «пришел крестьянин за двадцать верст посоветоваться, как бы ему засудить зятя за то, что тот не позвал его на свадьбу, где здорово гуляли. «А теперь зять поднесет, если приедете к нему?» – «Теперь-то поднесет». И Владимир Ильич чуть не час убил, пока уговаривал мужика с зятем помириться»¹.

А в другой раз к нему обратился крестьянин, которого ложно обвинили в поджоге казенного леса. Владимир Ильич составил соответствующее прошение и предупредил, что если лесничий, которому выгодно спихнуть вину на кого-то, не примет бумагу, то надо будет сразу отправить ее по почте. Однако, когда главный лесничий выставил крестьянина из кабинета, он на почту не пошел, а свернув из прошения кулек, купил на базаре детишкам фунт сахара. Когда же он явился к Ульянову и рассказал все, как было, то «таким сердитым, – рассказывал Зырянов, – я Ильича никогда не видел. Он в этот раз так разволновался, что, не дослушав до конца оправданий крестьянина, ушел в свою комнату»².

Незадолго до свадьбы Крупская получила весточку о Якубовой. «Прислали ее карточку, снятую с нее на другой день после освобождения, – так вид у нее прямо ужасный... Иногда я подумываю, – писала Надежда Константиновна Марии Александровне, – не пришлют ли ее в Шушу, славно было бы, в Шуше она, может, и отошла бы немного»³. А на четвертый день после свадьбы от нее пришло письмо. Оказывается, в начале июля Аполлинария Александровна приехала в Красноярск и оттуда проследовала в село Казачинское, где уже отбывали срок Лепешинские, Ленгник и др.

9 августа Крупская писала Анне Ильиничне: «Получили вчера письмо от Лирочки, веселое-развеселое, описывает свое житье в Казачинском. Там 10 человек ссыльных, большинство живет коммуной, завели свой огород, корову, сенокос, живут в одном большом доме. Лира пишет, что наслаждается свободой, ходит за ягодами, сено гребет, хозяйничает, в книжку и не заглядывает... Письмо длинное и оживленное, ну и рада я за нее порядком, хоть отдыхает человек»⁴.

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 225.

² Красноярский рабочий. 1941. № 17. 21 янв.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 392.

⁴ Там же. С. 393.

В августе сыграли свадьбу Глеб Максимилианович и Зинаида Невзорова. К концу года все рассыпанные по округу ссылки-ные социал-демократы решили съехаться в Минусинск, куда перебрались Кржижановские и Старковы, чтобы вместе отпраздновать Рождество. Исправник разрешил, и 24 декабря все уже были в сборе.

10 января 1899 года Крупская писала Марии Александровне: «Праздники мы провели в Минусе отлично, встряхнулись надолго. На рождество в город съехался почти весь округ, так что Новый год встретили большой компанией и встретили очень весело. Разъезжаясь, все говорили: «А славно мы встретили Новый год!» Главное, настроение было отличное. Сварили глинтвейн; когда он был готов, поставили стрелку на 12 часов и проводили старый год с честью, пели все, кто во что горазд, провозглашали всякие хорошие тосты: «за матерей», «за отсутствующих товарищей» и т. д., а в конце концов плясали под гитару... Вообще время провели по-праздничному, Володя с утра до вечера сражался в шахматы и... всех победил, конечно; катались на коньках (Володе прислали из Красноярска в подарок коньки Меркурий, на которых можно «гиганить» и всякие штуки делать. У меня тоже новые коньки, но и на новых, как и на старых коньках, я так же плохо катаюсь или, вернее, не катаюсь, а переступаю по-куриному, мудрена для меня эта наука!), пели хором, даже катались на тройке!»¹

Крупская обратила внимание, что прежнего душевного разговора с Аполлинарией у них как-то не получается. И только позднее стало понятно, в чем дело. Когда Якубова сидела в тюрьме, старых друзей и подруг на воле уже не было. А из Бельгии, через свою мать, жившую в Питере, слал ей одно за другим самые теплые письма Константин Тахтарев. Своих чувств он не скрывал, и она постепенно привыкла к этой переписке, привыкла делиться с ним «всеми своими личными переживаниями»².

В марте 1899 года он сделал ей предложение – бежать к нему за границу. Какое-то время она колебалась, но потом согласилась и летом бежала из ссылки в Либаву, где ее ждал Тахтарев, а оттуда вместе – в Берлин³. Спустя год Крупская писала: «Мы с ней прежде всегда удивительно сходились во взглядах, но за последние три года с ней что-то сотворилось, я ее совсем не узнаю. Может, при свидании мы бы и сговорились, но перепис-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 405, 406.

² Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 112.

³ См. там же. С. 148, 149.

ка у нас совсем не вяжется... По правде сказать, я никак не могу примириться с ее замужеством. Ее муж произвел на меня впечатление чего-то такого самоуверенно-ограниченного...»¹

Крупская писала обо всем – и о том, как собирали грибы и ягоды, как настаивали на малине наливку и солили огурцы, что росло в огороде и саду, о котенке и собаке Дженьке... Но более всего – особенно в письмах Елизаровой, Калмыковой и Нине Струве – о работе... Как Ульянов пишет монографию о рынках, как переводят они книгу Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма», об отправке очередных статей и правке корректур... Именно эти письма и дали знакомым пищу для размышлений о том, что же лежит в основе отношений молодоженов.

Александра Михайловна Калмыкова 10 августа 1898 года написала Потресову: «Свадьба В. И. с Н. К. состоялась. Я недавно видела его сестру. Я никак не решу, что это – *mariage d'estime* [брак по взаимному уважению], *mariage de raison* [брак по здравому размышлению] или настоящий *mariage* [т. е. брак по любви]»².

В более поздние времена, когда «лениниана» оказалась под крылом профессиональных ханжей, определенная недосказанность писем была возведена в особую добродетель. И однажды, когда Крупской попала в руки рукопись рассказа, где автор описывал, как сидели они с Владимиром Ильичем в ссылке с утра до ночи и с ночи до утра и занудно переводили с английского толстенную книжку, Надежда Константиновна не выдержала: «Подумайте только, на что это похоже! Ведь мы молодые тогда были, только что поженились, крепко любили друг друга, первое время для нас ничего не существовало. А он – «все только Веббов переводили». О другой аналогичной рукописи она коротко, но достаточно эмоционально написала: «Мы ведь молодожены были... То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти»³.

Был еще один вопрос, который начинал все более волновать семейство Ульяновых, но о чем Надежда Константиновна не писала ни слова...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 416.

² Амстердам. Международный институт социальной истории. Архив. Коллекция документов Потресова. С 2/II/20. 1898.

³ Дридзе В. Надежда Константиновна. С. 56; Исторический архив. 1957. № 2. С. 38.

Ариадна Тыркова, человек наблюдательный, очень точный и жесткий в характеристиках, отметила, что у Крупской не было ни грамма тщеславия. Была доброта, искренность, прямодушие. Был тот своеобразный аскетизм, которым отличались многие русские революционеры. «Но своеобразная женственность, — пишет Тыркова, — в ней была. Полнее всего выразила она ее в той цельности, с которой она вся, навсегда отдалась своему мужу и вождю. И еще в любви к детям»¹.

19 апреля 1898 года, а по новому стилю как раз в день пролетарского праздника 1 мая, у Петра Струве родился сын Глеб. О гениальности ребенка счастливые родители прожужжали знакомым все уши. «Писала, между прочим, — рассказывает Крупская, — Нина Александровна Струве мне о своем сынишке: «Уже держит головку, каждый день подносим его к портретам Дарвина и Маркса, говорим: поклонись дедушке Дарвину, поклонись Марксу, он забавно так кланяется»².

У другой подружки — Лидии Карловны, жены Тугана, — роды кончились трагически. В 30 лет, после нескольких выкидышей, она умерла от острой анемии. Впрочем, Михаил Иванович очень быстро женился вновь, и вторая жена благополучно родила ему сына³. Двое детей было уже у Степана Радченко. В самой Шуше шестой ребенок родился у Проминских. У Кржижановских и Лепешинских родились дочери. Жена Ванеева — Доминика уже ходила в положении, и бабки сулили ей сына. А у Старковых новорожденный ребенок умер⁴.

В конце концов Мария Александровна Ульянова, тосковавшая по внукам, не выдержала. После новогодних праздников, в письме Надежде Константиновне, она спросила напрямую, здорова ли она и долго ли еще ждать «прилета пташечки». Крупская ответила: «Что касается моего здоровья, то я совершенно здорова, но относительно прилета пташечки дела обстоят, к сожалению, плохо: никакой пташечки что-то прилететь не собирается»⁵.

Паниковать по этому поводу не стали, но через год, когда Крупская приехала в Уфу для завершения срока ссылки, она обратилась к врачу. «Надя, — писал Владимир Ильич, — должно быть, лежит: доктор нашел (как она писала с неделю тому назад), что ее болезнь (женская) требует упорного лечения, что она должна на 2–6 недель лечь»⁶.

¹ Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. С. 194, 195.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 229.

³ См.: Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. С. 236, 269.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 101, 413, 415.

⁵ Там же. С. 409.

⁶ Там же. С. 183. Т. 46. С. 456.

Лениновед Григорий Хаит отыскал в Уфе запись окончательного диагноза, поставленного доктором Федотовым: «генитальный инфантилизм». И никакое лечение в те времена помочь не могло.

Писать об этом приходится не ради суетного любопытства, а лишь потому, что и этот сугубо деликатный вопрос тоже стал поводом для грязных сплетен и глумливых инсинуаций.

Для Владимира Ильича и Надежды Константиновны это была драма. Оба они любили детей. Он, выросший в окружении трех десятков разновозрастных, шумных родных и двоюродных братьев и сестер... Она, готовившая себя к педагогической деятельности и влюблявшаяся в каждую глазастую и смышленную девчушку...¹ Им так недоставало их теперь – *своих*.

А дети были все время рядом. Приезжали в гости с трехмесячной дочерью Лепешинские. И «за те два дня, что у нас пробыли, – писала Крупская, – наполнили нашу квартиру шумом, детским плачем, колыбельными песенками и т. д. Девчурка у них славненькая, но оба они такие нежные родители, что ни минуты не дают девочке покою, поют, танцуют, тормозят ее»².

Привязались и к Миньке – сыну поселенца, латыша-катанщика Петра Ивановича и Анны Егоровны Кудум, снимавших флигель в том же дворе у Петровой. «Отец был горький пьяница, – рассказывает Крупская. – Было Миньке шесть лет, было у него прозрачное бледное личико, ясные глазки и серьезный разговор. Стал он бывать у нас каждый день – не успеешь встать, а уж хлопает дверь, появляется маленькая фигурка в большой шапке, материной теплой кофте, закутанная шарфом, и радостно заявляет: «А вот и я». Знает, что души в нем не чаяла моя мама, что всегда пошутит и повозится с ним Владимир Ильич»³.

Рассказывала о нем Крупская и в письмах: «Мальчуган лет пяти и часто у нас толчется. Утром, как узнал, что Володя приехал, второпях схватил матернины сапоги и стал торопливо одеваться. Мать спрашивает: «Куда ты?» – «Да ведь Владимир Ильич приехал!» – «Ты помешаешь, не ходи...» – «О, нет, Вл. Ил. меня любит!» (Володя действительно его любит). Когда же вчера ему дали лошадь, которую Володя привез ему из Красноярска, то он проникнулся к Володе такой нежностью, что даже не хотел идти домой спать, а улегся с Дженькой на полуике. Потешный мальчушка!»⁴

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 423.

² Там же. С. 411.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 227.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 399.

Постоянно толклись и кормились у Ульяновых и младшие детишки Проминского. С каждой посылкой, приходившей из Москвы, и в каждую поездку Владимира Ильича в Красноярск им обязательно доставались игрушки и подарки.

Казалось бы, ну и слава богу! Однако естественное желание помочь этой многодетной семье дало повод нынешним «лениноведам» обвинить Ульянова в «болезненной патологической агрессивности», которая уже тогда предвещала, что «в недалеком будущем *обагрит горячей, тяжелой соленой волной крови всю российскую землю*».

Это цитата из книги Владимира Солоухина «При свете дня». В его руки попала как-то книжка Доры Штурман «В. И. Ленин». И он с восторгом выписал из нее обширный пассаж: Крупская «в своих воспоминаниях о нем [Ульянове] рассказывает, как однажды в Шушенском он охотился на зайцев. Была осень, пора, предшествующая ледоставу. По реке шла шуга – ледяное крошево, готовое вот-вот превратиться в броню. На маленьком островке спасались застигнутые ледоставом зайцы. Владимир Ильич сумел добраться в лодке до островка и прикладом ружья набил столько зайцев, что лодка осела под тяжестью тушек... *Способность испытывать охотничье удовлетворение от убийства попавших в естественную западню зверьков для Ленина характерный штришок*»¹.

Нашему лирическому поэту и писателю взять бы и прочесть саму Крупскую... Да нет, куда там. Пассаж Доры Штурман устраивал его гораздо больше, ибо давал возможность столкнуть «антиподов»: истинно русского человека, некрасовского дедушку Мазая и полукровку, человека, как полагает Солоухин, «по духу» совсем не русского – Ульянова².

А Крупская пишет вот что... Осенью 1898 года у Проминского кончался срок ссылки. И всем своим семейством – из восьми человек – «он собирался назад в Польшу на работу и погубил несметное количество зайчишек на шубки детям»³. Паша Мезина, девчонка, помогавшая Ульяновым по хозяйству, уточняет: «У пана Проминского семья большая была, шапки из зайцев шили, одеяла, шубы»⁴.

Не надо быть скорняком, чтобы понять, что для пошива двух шуб взрослых, шести шубок детских, восьми шапок, одеял и, добавим, рукавиц действительно надо было «несметное» коли-

¹ Солоухин В. А. При свете дня. М., 1992. С. 116.

² См. там же. С. 35, 37, 116.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 224.

⁴ Власть труда. Минусинск, 1928. 18 янв.

чество зайцев. Вот Проминский и обратился за помощью к друзьям – сначала к Оскару Энгбергу, а уж потом они вместе пошли к Ульянову и «стали, – как пишет Крупская, – соблазнять Володю ехать на охоту на какой-то Агапитов остров, где, по их словам, зайцев тьма-тьмущая...»¹.

Вот как Крупская в воспоминаниях описывает охоту: «Поздней осенью, когда по Енисею шла шуга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы, кругом. Целую лодку настреляют, бывало, наши охотники»². Письма Надежды Константиновны позволяют установить даже наиболее вероятную дату этой охоты – 14 октября 1898 года. Именно в этот день, пишет Крупская, отправились они «на охоту за зайцами на остров на целый день, он в этом году ни одного зайца не изничтожил еще»³. Вспоминал об этой охоте спустя полтора месяца и сам Владимир Ильич: «Зайцев здесь я бил осенью порядком, – на островах Енисея их масса... Проминский набил их несколько десятков, собирая шкурки на шубу»⁴.

Так что же остается от Доры Штурман, как говорится, в «сухом остатке»? Осень – есть. Остров – есть. Шуга – есть. Даже лодка есть. И есть не один, а трое охотников. А вот избиения прикладами, а главное – «болезненной, патологической агрессивности» и «удовлетворения от убийства» беззащитных зверьков – вот этого нет.

Конечно, охота – дело суровое. Но испокон веков русские мужики, бабы и детишки ходили в заячьих тулупах и шубейках не потому, что были патологически кровожадны... Холодно было зимой на Руси, а в Сибири – тем более. И уж коли помянули дедушку Мазая, то вспомните и его слова: *«Только весенние воды нахлынут,/ И без того они сотнями гинут, – / Нет! еще мало! бегут мужики,/ Ловят, и топят, и бьют их баграми...»* и т. д. И вспомните его прощанье с убегающими зайчишками: *«Смотри, косой,/ Теперь спасайся,/ А чур зимой/ Не попадайся!/ Прицельсь – бух!/ И ляжешь... Уу-х!...»*

Длинноватым получилось «журналистское расследование» по делу об охоте на зайцев 14 октября 1898 года. Но оно понадобилось потому, что, как увидим, точно такой же методикой будут пользоваться «лениноеды» для доказательства (а точнее, для фальсификации) куда более серьезных обвинений.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 398.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 228.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 400.

⁴ Там же. С. 114.

Деловитый и бодрый тон многих писем Ульянова родным, и особенно его писем к матери, стал поводом для нескончаемых рассуждений о том, как вольготно жилось «политическим» в царской ссылке. В ход пошло все – от уже упоминавшегося зырянского барана до тетерок, подстреленных Владимиром Ильичем на охоте. Будто бараньими котлетами можно восполнить утрату свободы и высылку на край света. Непонятным стал бы тогда и тот трагический мартиролог, которым отмечена вся история ссылки. Ибо даже если брать лишь тех, кто проходил по делу «Союза борьбы», то и тут список жертв будет весьма значительным.

После архангельской ссылки умерла в 1898 году от чахотки молодая учительница воскресной рабочей школы Вера Сибилева. Умер сосланный в Восточную Сибирь Николай Богданов. Знакомый читателю 25-летний здоровяк Борис Зиновьев, отбывавший ссылку в Тверской губернии, заболел и умер в 1899 году. А друг его – 20-летний путиловец Петр Карамышев, находившийся там же, – стал сотрудничать с охранкой, сломался, запил и бесследно сгинул куда-то. Петру Запорожцу ссылку пришлось заменить на психиатрическую больницу. В такую же больницу попал из Тесинского и рабочий М. Д. Ефимов.

А 8 сентября 1899 года в селе Ермаковском умер от чахотки Анатолий Ванев. «На похороны, – рассказывал Михаил Сильвин, – собрались товарищи, приехал Владимир Ильич. Мы сами несли гроб до могилы, и удивительно легок он был: так исхудал и высох Анатолий за время болезни. Было морозно, сыпал снежок, синицы чирикали на ветках. Молча мы засыпали его землей, молча постояли над свежей могилой и разошлись. Никаких речей никто не произносил, да и не к чему это было»¹.

Ссылка – это ссылка. И если Ульянов не заkis, не заболел, не сломался, если сохранил и здоровье и бодрость духа, то не только в силу каких-то особых, присущих ему черт характера всей человеческой натуры, но и в значительной степени потому, что была у него в ссылке, как до того и в тюрьме, – каждодневная, напряженная работа. Или, как он выразился, – «дело». «Лучше же быть, – написал Владимир Ильич сестре, – за делом: без этого в ссылке пропадешь»².

Он вообще стал деловым человеком. Когда похолодало и начало дуть из всех щелей, «даже пилу от хозяев притащил и дверь стал пилить, чтобы лучше запиралась»³. Вместо того чтобы быть

¹ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 199.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 94.

³ Там же. С. 396.

от тоски, глядя на серую и убогую шушенскую жизнь, брал лопату и шел расчищать каток, ставший если не праздником, то во всяком случае развлечением для всего села. Вместо того чтобы сетовать на отсутствие в местных лавках шахмат, брал нож и вырезал из коры замысловатые фигурки. А чтобы не страдать от однообразия деревенской пищи, прихватив ружье, уходил на охоту. Точно так же научился он и управлять лошадьми, вместо того чтобы при каждой поездке нанимать возчика.

Выше уже упоминалось, что Дмитрий Волкогонов упрекал Ульянова в том, что он никогда не работал, то есть (в отличие от нашего генерала) не служил в казенном ведомстве. Ну а то, что было написано Владимиром Ильичем в ссылке, – это работа или нет?

За три шушенских года Ульянов написал фундаментальное исследование «Развитие капитализма в России». Объем – 500 страниц. Выпустил сборник «Экономические этюды и статьи» – 290 страниц. Перевел и отредактировал двухтомник Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Объем – 770 страниц. Написал около двух десятков статей и рецензий на книги Каутского, Гобсона, Парвуса, Богданова, Гвоздева, Струве и Туган-Барановского, Булгакова и др. Все они были опубликованы в столичных журналах «Новое слово», «Мир Божий», «Начало», «Жизнь», «Научное обозрение». Объем – более 100 страниц. Наконец, две его брошюры «Новый фабричный закон» и «Задачи русских социал-демократов» были изданы за границей, в Женеве. И это не считая десятка статей, которые тогда опубликовать не удалось.

Так что это – работа или нет? Если вы обратитесь к действующим ныне нормам для научных сотрудников Российской академии наук, то убедитесь, что Ульянов превысил их многократно. Да, это была работа, причем работа повседневная, трудная, порой изнуряющая. И прогулки, каток, шахматы, о которых он с таким удовольствием писал родным, шли в ход, как правило, лишь тогда, когда работа не клеилась или когда, по выражению Крупской, «уже окончательно «упишется»¹.

22 ноября 1898 года Надежда Константиновна писала: «Володя ушел уже решительно и окончательно в свои «рынки», жадничает на время страшно, у Проминских мы не были уже несколько месяцев. По утрам Володя просит будить его в 8 часов и даже 7½, но мое бужение, конечно, обыкновенно оканчивается ничем, помычит-помычит, закроется с головой и заснет опять. Сегодня ночью во сне толковал что-то о г-не Н.-оне и натуральном хозяйстве...»²

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 405.

² Там же. С. 404.

Эта работа давала и солидный приработок к тому мизерному восьмирублевому пособию, которое Ульянов получал как ссыльный. Из переписки с родными видно, что Владимир Ильич в связи с обустройством, с приездом Крупской по меньшей мере трижды обращался к матери с просьбой о «внутреннем займе». Но из этой же переписки видно и другое – долги он отдавал. На все его литературные гонорары – а лишь за «Развитие капитализма...» он получил около 1500 рублей, за перевод Веббов около 1000 – была выписана доверенность Анне Ильиничне, которая возвращала деньги матери и оплачивала книги, посылавшиеся в Шушенское¹. Так что Волкогонов, утверждавший, что Ульянов все годы ссылки сидел на иждивении у матери, и на сей раз сказал заведомую неправду.

Впрочем, все свои работы Ульянов писал не только и даже не столько ради заработка. Там, за тысячу верст от Шушенского, российское революционное движение все более набирало силу. Оно ставило множество проблем и вопросов. И здесь, в сибирской глуши, он пытался дать на них ответы. Это и было его главным делом.

По поводу своей работы «Развитие капитализма в России», вышедшей под псевдонимом В. Ильин, спустя десять лет он напишет: «Что доказывал и доказал Ильин? Что развитие аграрных отношений в России идет капиталистически *и* в помещичьем хозяйстве *и* в крестьянском, *и* вне *и* внутри «общины». Это раз. Но это развитие уже *бесповоротно* определило не иной путь развития, как капиталистический, *не* иную группировку классов, как капиталистическую. Это два. Из-за этого был спор с народниками. Это надо было доказать. Это было доказано. Это остается доказанным... Мы были вполне правы и мы не могли *не* сосредоточить всей силы, всего внимания на вопросе: капитализм *или* «народное производство». Это было и естественно, и неизбежно, и законно»².

Эта работа, начатая еще в тюрьме, была завершена вчерне в августе 1898 года, а окончательно – в январе 1899-го. Базу ее составило огромное количество источников: книг, обзоров, справочников, статей в русской и зарубежной прессе. Но особенно ценные сведения были почерпнуты автором из переписи населения Российской империи 1897 года, фабрично-заводской статистики промышленного развития России, статистических сборников по сельскохозяйственному производству и кустарным промыслам Владимирской, Воронежской, Вятской, Калужской,

¹ См.: Ленин В. И. Полн собр. соч. Т. 55. С. 62, 80, 98, 101, 109, 111, 155.

² Там же. Т. 47. С. 227, 228.

Костромской, Московской, Нижегородской, Пермской, Псковской, Самарской, Саратовской, Тверской губерний, конских переписей 1888–1891 и 1893–1894 годов по 38 губерниям и т. д.

О том, что все эти подворные, бюджетные, кустарные, конские и прочие обследования давали богатейший материал, никак не уступающий современным социологическим опросам, уже упоминалось. Читаешь после этого наших «лениноедов», утверждающих, что Ульянов не знал России, и невольно начинаешь сомневаться: а знают ли они, кто такие «заглодь», «дарственники», «трехдневники»? и что такое «скопщина» или «покрут»? и что это за русская мера веса – «берковец»? и чем отличаются «камушники» от «канипельщиков»? и какие крестьянские повинности предусматривала Уставная грамота митрополита Киприана Константино-Еленинскому монастырю в 1391 году? Не уверен, что знают. А если так, то пусть хотя бы полистают «Развитие капитализма в России».

В нашей литературе никогда не упоминалось о том, что Ульянов первоначально назвал свою книгу «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности». Но Марк Елизаров, а потом и Петр Струве, исходя из ее реального содержания, а отчасти и рекламно-коммерческих соображений, стали настаивать на более широком заголовке. Так и появилось – «Развитие капитализма в России».

Поначалу Владимир Ильич противился. Но уже 10 января 1899 года написал в Питер: «Я и не придираюсь насчет перемены заглавия, хотя оно мне и не нравится, соображение насчет того, что с широким заглавием лучше «пойдет», тоже не нравится. Заглавие нарочно было выбрано поскромнее. Впрочем, раз в подзаголовке оно сохранено, – это не так важно...» А 13 февраля он пишет сестре: «Заглавие надо бы поскромнее, чем «Развитие капитализма в России». Это слишком смело, широко и многообещающе. Лучше, по-моему: «К вопросу о развитии капитализма в России»¹. Но и это уточнение Водовозовой не было принято.

Книга вышла в марте 1899 года большим по тем временам тиражом – 2400 экземпляров. «Я издала ее весной, – писала тогда же М. И. Водовозова, – и несмотря на наступление лета и отлив молодежи из столиц перед пасхой, эта книжка расходуется с невероятной быстротой... Нельзя читать эту книгу без самого захватывающего интереса»². Причем и в столичных, и в провинциальных рецензиях единодушно отмечали, что при всей полемической

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 117, 127, 139.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 224–225.

антинароднической направленности «книга Вл. Ильина заслуживает внимания своим строгим научным объективным исследованием»¹.

Борьба с народничеством, судя по многим признакам, вступала в заключительную фазу. 15 ноября 1897 года Николаю Константиновичу Михайловскому исполнилось 55 лет. Впрочем, отмечал он обычно не день рождения, а именины – 6 декабря. И в прежние годы день этот был праздником радикальной интеллигенции. У дверей его квартиры возникали буквально очереди желающих поздравить юбиляра от редакций газет и журналов, университетов, институтов и т. д.

На сей раз очереди не получилось. Редакторы либеральной прессы – были. А вот из учебных заведений пришли лишь студенты Института пути. Молодежь явно ушла к социал-демократам. Так что было от чего впасть в «исторический пессимизм». Ибо свое поражение народники восприняли не иначе как конец всей предшествующей освободительной эпохи и полное забвение великого наследия демократов 40–70-х годов. «Чем дальше дела пойдут так, – полагали они, – тем хуже». А стало быть, «лучше застой, чем капиталистический прогресс»².

В том же 1897 году Ульянов продолжил полемику с народниками из ссылки большой статьей «От какого наследства мы отказываемся?». В великом наследии демократов-просветителей он выделяет три наиболее характерные черты. Первая – полное неприятие и вражда по отношению к крепостничеству «и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области». Вторая: «горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России». Третья: «отстаивание интересов народных масс... искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние и искреннее желание содействовать этому». И с этой точки зрения, заключал Ульянов, не либеральные народники, а именно социал-демократы являются верными хранителями действительно великого наследия³.

Для сравнения Владимир Ильич берет две книги – А. Н. Энгельгардта «Из деревни. 11 писем», публиковавшуюся в 1872 году в «Отечественных записках», и Ф. П. Скалдина «В захолустье и в столице», печатавшуюся там же в 1867–1869 годах. Конечно, было бы куда интереснее сравнить идеи Михайловского, Южакова или Кри-

¹ История КПСС. Т. 1. С. 320.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 534, 541; Горев Б. И. Из партийного прошлого. С. 42.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 519, 542.

венко с работами Герцена или Чернышевского. И об этом Ульянов упоминает в своей статье¹. Но по цензурным соображениям он был лишен такой возможности. Впрочем, и взятые им авторы, выражаясь театральным языком, из второго и третьего состава, тоже давали вполне достаточный материал для сопоставления и анализа.

Безусловно, представители либерального народничества по своим взглядам не составляли однородное целое. В этом смысле Михайловский весьма отличался от Южакова, как и Южаков от Кривенко. Но Ульянов вычленяет нечто общее – причем касавшееся именно базовых, принципиальных вопросов, что объединяло их всех.

Так, вместо признания неизбежности «европеизации» России, характерной для просветителей 60–70-х годов, либеральные народники 80–90-х твердо верили в возможность некоего «самобытного развития». Они были убеждены, что капитализм является «регрессом, ошибкой, уклонением с пути, предписываемого якобы всей исторической жизнью нации, от пути, освященного якобы вековыми устоями и т.п. и т.д.». Те черты самобытности, которые присущи России, считали они, позволяют ей пойти иным, нежели Европа, путем, и в этом смысле «отсталость есть счастье России»².

Отрицать самобытность российской деревни, считал Ульянов, было бы неверно. Но беда в том, что, говоря о «самобытности» и «вековых устоях», народники закрывают глаза на новую реальность деревенской жизни. Тот же Энгельгардт, не отрицавший ни «артельности», ни «общинности», с юмором рассказывал, как «живущие в одном доме и связанные общим хозяйством и родством бабы моют каждая отдельно свою дольку стола, за которым обедают, или по очереди доят коров, собирая молоко для *своего* ребенка (опасаются утайки молока) и приготовляя отдельно каждая для своего ребенка кашу...»³

«Я не раз указывал, – писал Энгельгардт, – что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации... Каждый гордится быть шукой и стремится пожрать карася». Иными словами, заключает Ульянов, «тенденция крестьянства – вовсе не к «общинному» строю... а к самому обыкновенному, всем капиталистическим обществам свойственному, мелкобуржуазному строю – показана Энгельгардтом превосходно»⁴.

Самобытные черты российской деревни отнюдь не перечеркивают общих законов развития, ибо не все, но многое в этой «само-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 520, 604.

² Там же. С. 532.

³ Там же. С. 523.

⁴ Там же.

бытности» — лишь пережиток прежних крепостнических отношений. «Народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, — пишет Владимир Ильич, — сопоставляя всегда *действительность* капитализма с *вымыслом* докапиталистических порядков... Эта фальшивая идеализация, желавшая во что бы то ни стало видеть в нашей деревне нечто особенное, вовсе не похожее на строй всякой другой деревни во всякой другой стране в период докапиталистических отношений, — находится в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства»¹.

Народники утверждали, что, позитивно оценивая развитие капитализма, марксисты тем самым лишь поддерживают всю фабричную систему жесткой регламентации, вторгающейся в народный быт. Или, как выразился писатель Боборыкин в романе «По-другому», вышедшем как раз в 1897 году, марксисты мечтают, мол, о «казарме с нестерпимым деспотизмом регламентации».

Отвечая Боборыкину, Ульянов солидаризируется с Верой Засулич, которая писала, что, пытаясь оградить общину и сохранить патриархальные формы хозяйства, якобы соответствующие «русской душе», народники как раз и поддерживают ту «регламентацию», которая была порождена крепостным правом и стала ныне совершенно «нестерпимой». И тот, кто помышляет о благе деревни, должен помнить, что оно возможно лишь «в атмосфере такого же широкого и всестороннего отсутствия этой старой регламентации, какое существует в передовых странах Западной Европы и Америки»².

Характерной чертой народничества является, как пишет Ульянов, «интеллигентное самомнение»: «Народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать, какие бедствия встретятся, если «мы» направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы «мы» себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которым пошла старуха-Европа, если бы «взяли хорошее» и из Европы, и из нашей исконной общинности, и т. д. и т. п. Отсюда то поразительное легкомыслие, с которым пускается народник (забыв об окружающей его обстановке) во всевозможное социальное прожектерство...»³

Уповая на «разум и совесть, знания и патриотизм руководящих классов», народники рекомендовали губернской администрации и земствам более энергичное вмешательство в крестьянское хозяйство. И Владимир Ильич приводит в этой связи саркастические замечания Энгельгардта по поводу обязательных

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 532, 533.

² Там же. С. 538.

³ Там же. С. 539.

правил, имеющих в виду «блага мужика», а посему запрещающих ему продавать землю и отказываться от надела, сеять рожь до 15 августа, пить водку на мельнице, бить щук весной, курить в лесу, рубить березки на «май», разорять птичьи гнезда и т. д.

«Забота о мужике, — едко писал Энгельгардт, — всегда составляла и составляет главную печаль интеллигентных людей. Кто живет для себя? Все для мужика живут!.. Мужик глуп, сам собою устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю испортит и сам весь перемрет»¹.

Не ужесточение регламентации, не «вмешательство кабинетных «ученых» в хозяйство» миллионов крестьян способны улучшить положение деревни, замечает в этой связи Ульянов. Скалдин прав, — что не «насильственное уничтожение» общины, не «грубое вмешательство в крестьянскую жизнь» и принудительное «введение» иной системы землепользования способны дать позитивный результат. Решить эти проблемы могут *только сами крестьяне*. Ибо главное — и в этом Владимир Ильич опять-таки соглашается со Скалдиным — укрепить «личную свободу и нравственное достоинство крестьянской семьи, т. е. те высшие блага человека, без которых невозможны никакие успехи гражданственности»².

В противовес надеждам на благие перемены «сверху», на совесть и патриотизм «руководящих классов» Ульянов приводит одно из фундаментальных, или, как он пишет, «одно из самых глубоких и самых важных положений» всей марксистской теории: «Вместе с основательностью исторического действия будет расти и объем массы, делом которой оно является». Иными словами, чем более сложные и радикальные проблемы предстоит решать России, тем более широкая масса людей — со всеми их идеалами и предрассудками — будет неизбежно вовлечена в это широкомасштабное «историческое действие»³.

Выше уже отмечалось, что именно базовые «аксиомы» марксизма оказались позднее забытыми многими его последователями. Между тем именно данное положение, отмечает Ульянов, четко отделяет марксистов от всех тех, кто «рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности, как об объекте тех или других более или менее разумных мероприятий, как о материале, подлежащем направлению на тот или иной путь...»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 524, 525, 535.

² Там же. С. 516, 517, 538.

³ Там же. С. 539.

⁴ Там же. С. 540.

Те, кто действительно желает блага России, должны думать не о «социальном прожектерстве», не о том, как облагодетельствовать народ «сверху», а о том, чтобы просвещать массу трудящихся, дабы их участие в решении судеб страны носило не только самостоятельный, но и сознательный характер. «Исторический оптимизм» марксизма, пишет Ульянов, как раз и состоит в убеждении, что реальное развитие России ведет именно к такому результату¹.

Могут ли социал-демократы оказать влияние на ход этого развития? Конечно, могут. Ульянов убежден, что организация, объединяющая крупнейшие пролетарские центры России, организация, пользующаяся среди рабочих таким же авторитетом, как питерский «Союз борьбы», – «подобная организация была бы крупнейшим политическим фактором в современной России, – фактором, с которым правительство не могло бы не считаться во всей своей внутренней и внешней политике...»².

И первое, что необходимо для создания такой организации, – программа. В тюрьме Владимир Ильич написал «Проект и объяснение программы социал-демократической партии». В ссылке, продолжая эту работу, он пишет «Задачи русских социал-демократов» (1897).

Работая над программными документами российской социал-демократии, Ульянов был уверен, что объединение ее организаций и групп в партию – вопрос самого ближайшего времени. О совещании представителей питерских и киевских социал-демократов летом 1896 года в Полтаве он знал от Крупской, которая участвовала в этой встрече. Знал о попытках созвать общероссийский съезд в том же 1896 году московским «Рабочим союзом», а в марте 1897 года – киевским «Рабочим делом». Знал о созданной киевлянами «Рабочей газете». Крупская рассказала ему и о I съезде РСДРП, состоявшемся в Минске в марте 1898 года.

На съезде С. И. Радченко представлял петербургскую организацию, А. А. Ванновский – московскую, П. Л. Тучапский – киевскую, а Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик – «Рабочую газету», К. А. Петрусевич – Екатеринослав, а А. И. Кремер, А. Мутник и Ш. Кац – созданный в сентябре 1897 года «Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше».

Накануне съезда его организаторы решили, что необходимо будет выпустить манифест о создании партии с кратким изложением ее программных принципов. Первоначально Радченко,

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 540, 541.

² Там же. С. 461.

видимо, предполагал использовать для этого «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» Ульянова. Но, судя по всему, для нескольких страничек краткого манифеста эта брошюра оказалась слишком обширной. Киевляне внесли свой вариант, а когда Радченко отклонил его, предложили обратиться к Плеханову. Однако, поскольку связь с Плехановым, а тем более с Ульяновым, была достаточно сложной и требовала солидного запаса времени, Степан Иванович, поддержанный бундовцами, получил полномочия договориться со Струве¹.

В биографии Струве этот манифест стал высшей точкой его «марксистского грехопадения». И много позднее, оправдываясь, он писал, что стремился выразить в нем лишь общепринятые «традиции социал-демократической церкви»: «Я сделал все, что было в моих силах, чтобы не внедрить в текст манифеста ничего из моих собственных убеждений, которые либо были бы восприняты как ересь, либо просто оказались бы недоступны для восприятия среднего социал-демократа»².

Можно лишь добавить, что рамки «ортодоксии» были достаточно четко определены и проектом программы Ульянова, находившимся у Радченко. Степан Иванович вместе с Кремером, тщательно редактировавшие, как члены избранного на съезде ЦК, окончательный текст манифеста, вряд ли допустили бы какую-то «ересь», противоречившую социал-демократической «традиции».

Как бы то ни было, но и Плеханов, и Ульянов, и Мартов, и многие другие видные социал-демократы «Манифестом» остались довольны. Лепешинский вспоминает, что Владимир Ильич «радовался, как ребенок. Он с величайшей гордостью заявил нам, своим ближайшим товарищам по ссылке и единомышленникам, что отныне он член Российской соц.-дем. рабочей партии. Мы тоже все с большим удовольствием подхватили этот новый для нас мотив и как будто сразу выросли в своих собственных глазах»³. Что пили по этому поводу в Шушенском – неизвестно, а вот в Туруханске, как рассказал Мартов, событие это «было нашей маленькой колонией отпраздновано покупкой и распитием бутылки шустовской наливки (выше этого товара на туруханском рынке вообще ничего не было)»⁴.

¹ См.: История КПСС. Т. 1. С. 261, 262, 265; *Пайнс Р.* Струве: левый либерал. С. 275.

² *Пайнс Р.* Струве: левый либерал. С. 277–278.

³ *Лепешинский П. Н.* Первый съезд партии. М., 1928. С. 26.

⁴ *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 396.

Но благая весть, как это часто случается, была омрачена и дурной. Крупская рассказала Владимиру Ильичу, как, вернувшись со съезда, Степан Иванович Радченко «вынул из корешка книги хорошо знакомый нам «манифест», написанный Струве и принятый съездом, и разрыдался: все почти участники съезда — их было несколько человек — были арестованы»¹. И все вернулось «на круги своя»... И надо было начинать все сначала.

Конечно, в борьбе с таким противником, как самодержавие, жертвы неизбежны. Но нельзя ли «уменьшить число жертв»?² Над этим вопросом Ульянов размышлял еще в тюрьме, когда — подтянувшись к тюремной решетке — видел все большее число друзей, выгуливающих свою прогулочную норму во внутреннем дворе. И потом, в ссылке, получая вести о новых арестах, он все более убеждался, что это не только результат хорошего полицейского сыска, но и плохой организации самих революционеров.

Один из главных пороков организации состоял в том, что — судя по опыту «Союза борьбы» — все знали *все* и все занимались *всем*. Одни и те же люди собирали материалы для листовок на заводах, писали прокламации, печатали их на гектографе, а затем распространяли среди рабочих. При такой системе после ареста у каждого набиралось достаточно пунктов обвинения, чтобы получить тюремный срок и ссылку.

А что, если весь процесс нелегальной революционной работы раздробить на части? К примеру, один — собирает материал. Другой — пишет листовку. Третий — печатает. Четвертый — распространяет. И тот, кто собирает информацию, не знает, кто пишет и кто печатает. А тот, кто печатает, не знает, кто распространяет. При такой «специализации» каждый становится как бы «частичным работником» общего революционного дела³.

Смысл такой системы, изложенной Ульяновым в статье «Насущный вопрос» для возобновлявшегося после арестов официального органа партии — «Рабочей газеты», заключался вовсе не в недоверии друг к другу. А в том, что такая система вела к экономии сил. С другой стороны, дробление дела дробит и «вину», то есть при аресте облегчает участь каждого участвующего в устной и листовочной агитации настолько, «чтобы их *нельзя было* привлечь к суду за это». Точно так же и в других видах неле-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 223.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 467; Т. 4. С. 194.

³ См. там же. Т. 4. С. 196.

гальной работы. И даже если в эту цепочку проникает провокатор, он сможет «засветить» лишь крайне ограниченный сектор деятельности организации¹.

Уроки конспирации, полученные еще в Самаре «от старых русских революционных партий»², как видим, давали свои плоды. Теперь, казалось бы, достаточно, используя такую «специализацию», активизировать работу организаций, вновь наладить между ними связи, договориться и – точно таким же способом, каким собирали Первый съезд, – созвать следующий, второй. Такие попытки не раз предпринимались и в 1898, и в 1899, и в 1900-м годах. Однако результатов они не дали. И постепенно становилось очевидным, что сам способ этот уже не пригоден, ибо вся обстановка в социал-демократическом движении принципиально изменилась.

Распространение марксизма вширь не только давало организациям массовый резерв «революционных рекрутов». Оно снизило уровень и теоретической, и политической, и даже практической работы многих социал-демократических групп. Проявлением этого кризиса движения и стал так называемый «экономизм».

Первые признаки появления «экономизма» были отмечены Плехановым и Ульяновым в связи с выходом виленской брошюры «Об агитации» и деятельностью питерских кружков «молодых». Живой отклик даже самых отсталых рабочих на «фабричные обличения», затрагивавшие их повседневные нужды, а главное – завоевание ряда реальных уступок вполне объясняют увлечение некоторых социал-демократов сугубо экономическими сюжетами. Но пока «старики» компенсировали этот недостаток своей деятельностью, он не делал погоды.

Позднее Ульянов писал Плеханову: «Экономическое *направление*, конечно, всегда было ошибкой, но направление ведь это очень молодо, а *увлечение* «экономической» агитацией было (*и есть кое-где*) и без направления, и оно было законным и неизбежным спутником *шага вперед* в той обстановке нашего движения, которая была *налицо в России* в конце 80-х или начале 90-х годов. Обстановка эта была такая убийственная, что Вы себе, наверно, и не представляете, и нельзя осудить людей, которые, выкарабкиваясь из этой обстановки, спотыкались. Некоторая узость была, для целей этого выкарабкивания, необходи-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 468, 469.

² Там же. Т. 4. С. 194.

ма и законна... Естественность же увлечения «экономической» агитацией и служением «массовому» движению, помнится, признали и Вы в «Новом походе», писанном в 1896 г., когда виленский экономизм был уже à l'ordre du jour [в порядке дня], а питерский рождался и складывался»¹.

Но уже в 1897 году «экономизм» стал проявлять себя как вполне определенное направление. Столкновение «стариков» с «молодыми» в феврале того же года, о котором рассказывалось выше, было отнюдь не случайным, как это поначалу показалось Ульянову. Вышедшие в октябре и декабре в Петербурге первые номера нелегальной газеты «Рабочая мысль» внесли в этот вопрос полную ясность.

В создании газеты активно участвовали два рабочих кружка – Василия Полякова с Обуховского и Якова Андреева с Колпинского механического завода. Кружки эти были связаны с членами бывшей тахтаревской группы Военно-медицинской академии – Николаем Богоразом и Николаем Алексеевым², и знакомые мотивы «молодых» об интеллигентском засилье в движении стали звучать с первого же номера «Рабочей мысли». К числу интеллигентских «штучек» была отнесена и политическая агитация. Экономизм возводился в ранг добродетели – «истинно рабочей политики». А это означало уже не ошибку или увлечение, а вполне сознательное уклонение от принципов социал-демократии.

Газета приобрела популярность, и более всего она объяснялась корреспонденциями с фабрик и заводов, рассказывавшими о стачках и рабочей жизни. Поначалу они никак не обрабатывались, и Вера Засулич писала, что «особенности языка» свидетельствовали о том, что «статьи пишутся и редактируются самими рабочими»³.

Однако после арестов 8 января 1898 года руководство газетой перешло к бывшему садовнику Карлу Коку, и он перенес издание в Берлин. Теперь «Рабочую мысль» печатали уже не по 500 экземпляров на самодельном мимеографе, а полторатысячным тиражом в образцовой типографии профсоюза немецких типографских рабочих. Корреспонденции, доставлявшиеся из Петербурга, стали усиленно редактироваться, а недостаток материалов восполнялся статьями самого Кока. Впрочем, вскоре – через Е. Д. Кускову – он связался с Тахтаревым, и для № 4, вышедшего уже трехтысячным тиражом, тот написал передовицу и статью⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 67–68.

² См.: Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 113.

³ Там же. С. 124.

⁴ См. там же. С. 113, 114, 135.

Направление «Рабочей мысли» вполне определилось. «Она, — писал позднее сам Тахтарев, — не стремилась революционизировать рабочие массы, полагая, что они сами будут революционизироваться в ходе борьбы за свои классовые интересы... Но эта борьба в описываемое время не выходила еще из узких рамок частичных столкновений... Это по большей части была борьба за повседневные требования рабочих, их обычные нужды, которые еще были весьма ограниченными». Как в ходе такой борьбы «за пятак» рабочие «сами будут революционизироваться» — Константин Тахтарев умалчивал¹.

Между тем, несмотря на недовольство направлением газеты со стороны ряда влиятельных рабочих кружков, в декабре 1898 года в Питере произошло объединение группы «Рабочей мысли» с остававшимися на воле членами «Союза борьбы», и газета стала органом Петербургского комитета РСДРП. Однако сразу же начались и разногласия. Повод для них дали декабрьские стачки.

Рабочие фабрик Паля и Максвеля обратились в фабричную инспекцию с жалобой на взяточничество, обшеты и дурное обращение мастеров. Инспекторы признали жалобы справедливыми, но хозяева полностью игнорировали их. Тогда 13 декабря от имени «Союза борьбы» на предприятиях распространили листовки с требованиями рабочих, а 14-го началась четырехтысячная забастовка.

Градоначальник Клейгельс стал угрожать стачечникам высылкой из столицы, а в ночь на 15-е решили провести аресты в фабричных казармах. Однако рабочие, забаррикадировав двери и лестницы, не пустили полицию. Тогда, по указанию пристава Барача, полицмейстера Полибина и жандармского офицера Галле, «каждому городовому и жандарму (а их было около трехсот) было принесено водки для разгара сердца», и, обнажив шашки, они ринулись на штурм. Из окон в них полетели кастрюли, ведра, поленья, а когда дрова кончились — стали лить кипяток. С боем брали все пять этажей и чердак. «Война была полных 4 часа, был очень большой шум и крик, потому что у русского народа не было командира, а городовые были все пьяные. От такого шума малютки-дети испугались и кричали дурным голосом»².

Рабочих, их жен сбрасывали с кроватей, выталкивали во двор, а там в две шеренги стояли жандармы. «Рубите их, как капусту!» — скомандовал пристав, и на рабочих, проходивших сквозь

¹ См.: Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 133.

² Там же. С. 138, 139, 142.

строй, обрушились нагайки. Выбитые зубы, поломанные ребра, разбитые головы и исполосованные спины – таков был кровавый итог расправы. Около полусотни рабочих арестовали, избили в участках, а 15 человек, в том числе 4 женщин, отдали под суд¹.

Члены бывшего «Союза борьбы» решили оповестить об этой расправе как можно более широкие круги общественности в России и на Западе. Цитировавшаяся выше корреспонденция «Бой за правду», написанная участниками событий, была направлена в Берлин, в «Рабочую мысль». Однако Кок не стал печатать присланный ему «политический» текст, а в передовице № 5 посоветовал рабочим, возмущенным зверством полиции, проявлять «побольше спокойствия и побольше хладнокровия». Тогда все те, кто примыкал ранее к «Союзу борьбы», отказались участвовать в распространении газеты².

Кок считал себя после этого совершенно свободным от каких-либо обязательств по отношению к питерской организации РСДРП. И когда в Берлин из ссылки приехала Якубова, ставшая теперь женой Тахтарева, между ней и Коком сразу возникли острейшие споры, ибо при всех ее симпатиях к «экономизму» и «рабочей самостоятельности» Аполлинария, как заметил ее муж, «все же была очень далека от того направления, выразителем которого был Кок»³.

Жесткие разногласия проявились и в социал-демократической эмиграции. Нападки «молодых» на группу «Освобождение труда» начались еще в 1894 году в период основания «Союза русских социал-демократов за границей». Но авторитет Плеханова и его коллег был слишком велик, и борьба против них в значительной мере носила скрытый характер. Лишь к 1897 году, когда эмиграция значительно расширилась за счет более молодого пополнения, а главное, когда стало очевидным, что у «экономистов» появилась опора в самой России, противостояние стало принимать все более жесткие формы⁴.

Тон в «Союзе» стали задавать такие вновь принятые члены, как Прокопович, Кускова, Тахтарев, выступавшие уже не только против группы «Освобождение труда», но и против марксизма вообще. А когда в 1898 году Плеханов предложил исключить

¹ См.: *Тахтарев К. М.* Рабочее движение в Петербурге. С. 141.

² См. там же. С. 136, 143, 147.

³ Там же. С. 149.

⁴ См.: *Жуйков Г. С., Комиссарова Л. И., Ольховский Е. Р.* Борьба В. И. Ленина против «экономизма». М., 1980. С. 55.

их из «Союза», его не поддерживали ни Аксельрод и Засулич, ни Степан Радченко в Питере, полагавшие, что не надо вытаскивать разногласия наружу и давать простор «свежим силам»¹.

«Эта борьба против группы «Освобождение труда», – писал позднее Ульянов, – это оттирание ее велось втихомолку, под сурдинкой, «частным» образом, посредством «частных» писем и «частных» разговоров, – говоря просто и прямо: посредством *интриг*...»² И, как это часто бывает, интриги оказались куда сильнее принципов. На 1-м съезде «Союза русских социал-демократов за границей», состоявшемся в Цюрихе в ноябре 1898 года, группа «Освобождение труда» потерпела полное поражение. Руководство «Союзом» перешло в руки «экономистов», был принят соответствующий устав, а вместо «Работника» и «Листка «Работника», выпускавшихся группой «Освобождение труда», стали издавать журнал «Рабочее дело», в редакцию которого вошли Б. Н. Кричевский, П. Ф. Теплов (Сибиряк) и В. П. Иваншин³.

«НОВЫЕ ВРЕМЕНА»

Позднее, когда смысл происходившего прояснился окончательно, стало очевидным, что 1897 год завершил целый этап в истории российской социал-демократии.

И связан был этот этап прежде всего с борьбой против народничества. Оценивая его, Владимир Ильич писал, что в 1894–1898 годах главное внимание марксистов было устремлено «на идейную борьбу с противниками социал-демократии, с одной стороны, на развитие практической партийной работы, – с другой».

Характерной чертой этого этапа являлось то, что в эти годы не было серьезных и непримиримых разногласий в среде самих социал-демократов. «Социал-демократия была тогда единой идейно, и тогда же сделана была попытка добиться также единства практического, организационного (образование Российской социал-демократической рабочей партии)». И победа над народниками была достигнута.

¹ Жуйков Г. С., Комиссарова Л. И., Ольховский Е. Р. Борьба В. И. Ленина против «экономизма». С. 57, 102.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 35.

³ См.: Жуйков Г. С., Комиссарова Л. И., Ольховский Е. Р. Борьба В. И. Ленина против «экономизма». С. 103.

Однако начиная с 1897–1898 годов, отмечает Ульянов, стало все более проявляться «господство (или, по крайней мере, широкое распространение) «экономического» направления», и на первый план теперь уже вышли «выяснение и решение внутренних партийных вопросов»¹.

Открывая новый этап борьбы, важно было отбросить все крики о противостоянии «молодых» и «стариков» и понять, что же произошло в самом рабочем движении. Почему успех стачек, выдвигавших мелкие, частичные требования, нередко поддерживаемые даже казенной фабричной инспекцией, ведет к отторжению политических лозунгов и создает благоприятную почву для раскольнической деятельности «экономистов».

Анализируя эти проблемы, Ульянов пишет большую статью «Попытное направление в русской социал-демократии».

Говорить о рабочем классе «вообще», размышляет он, – значит затуманивать смысл процессов, происходящих в пролетарской среде. Среда эта четко дифференцируется на три вполне определенных слоя. И с представителями каждого из них Владимир Ильич был достаточно близко знаком и в Питере, и здесь, в ссылке.

Первый, относительно небольшой, но влиятельный слой – передовики, *рабочая интеллигенция*, которые «несмотря на безобразную обстановку своей жизни, несмотря на отупляющую каторжную работу на фабрике, – находят в себе столько характера и силы воли, чтобы учиться, учиться и учиться и вырабатывать из себя сознательных социал-демократов...». И они становятся ими, участвуют в руководстве движением, во всей его практической и теоретической работе².

Второй – «широкий слой *средних рабочих*». Они участвуют в кружках, в агитации, более всего поглощены местной работой и, хотя не могут еще разобраться во многих сложных теоретических и практических вопросах, читают социалистические газеты и книги. От передовиков они отличаются «только тем, что не могут стать вполне самостоятельными руководителями социал-демократического рабочего движения»³.

И наконец, третий слой – масса *низших* слоев пролетариата. Да, социалистическая пресса и политическая агитация пока недоступны им. Они участвуют в движении, лишь исходя из сию-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 438.

² См. там же. Т. 4. С. 247, 269.

³ Там же. С. 269.

минутных интересов. Они тоже пытаются понять причины своего бедственного положения, но в силу своей неразвитости вполне могут попасть «на удочку любой подачи со стороны правительства и буржуазии». Однако «поддерживать среди низших слоев рабочих политическое невежество», подлаживаться к ним, «сводить все движение к интересам минуты – значит спекулировать на неразвитости рабочих, играть на руку их худшим страстям»¹.

«Пока «Рабочая мысль», – писал Ульянов, – приспособляясь, видимо, к низшим слоям пролетариата, старательно обходила вопрос о конечной цели социализма и политической борьбе, но не заявляла о своем особом направлении – многие социал-демократы только качали головой, надеясь, что с развитием и расширением своей работы члены группы «Раб. мысли» сами легко освободятся от своей узости. Но когда люди... полезно трудившиеся до сих пор над бочонком меда, начинают с «публичным оказательством» вливать в него ковши дегтя, – тогда мы должны решительно восстать против этого попятного направления!»²

Таким образом, острота ситуации определялась не только тем, что с расширением движения в него все более втягивались наименее сознательные слои рабочих, но и тем, что среди причислявших себя ранее к социал-демократам также началась глубокая идейная дифференциация, неизбежно сопровождавшаяся и организационным разладом.

Сторонники «экономизма» либо брали в свои руки руководство существовавшими социал-демократическими организациями, либо шли на раскол и создавали свои группы. Так было в Петербурге и Москве; в Центральном промышленном районе – Иваново-Вознесенске, Ярославле, Костроме, Твери, Туле; на Урале – в Перми, Екатеринбурге; на Кавказе и в Западном крае. Идейный и организационный разброд охватил почти все районы страны³.

В социал-демократической среде начался, как заметил Ульянов, процесс естественного «выветривания». Неожиданностью он не был. «Что «выветривание» есть и будет, – писал Владимир Ильич Потресову, – в этом я ни капельки не сомневаюсь»⁴. К этому времени, по выражению Аксельрода, под знаменем марк-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 261, 270, 272.

² Там же. С. 272–273.

³ См.: Жуйков Г. С., Комиссарова Л. И., Ольховский Е. Р. Борьба В. И. Ленина против «экономизма». С. 81–101.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 22.

сизма собралось немало «переодетых либералов». Теперь они стали отруливать от социал-демократии.

Позднее, в статье «Всегда в меньшинстве», об этом хорошо написал Мартов: «Едва только замолк шум борьбы между марксизмом и народничеством, как появились первые ласточки борьбы против самого марксизма... Устранив социально-реакционного противника, мешавшего ей беззаветно работать над делом общественного прогресса, увлеченная марксизмом интеллигенция тотчас ощутила потребность отделаться от тех основных элементов нового учения, которые не вмещаются в рамки ее собственных социальных интересов... Марксизм понадобилось исправить и дополнить, подвергнуть «критическому пересмотру», чтобы сделать его... годным к общению в салонах»¹.

Причины отхода от социал-демократов были, конечно, разными. Некоторых, жаждавших «яркой борьбы», просто коробило от серости и убогости «экономизма». А поскольку в это время начинает складываться партия социалистов-революционеров, пытавшаяся соединить марксизм с терроризмом, то от эсдеков к эсерам переходят такие люди, как Борис Савинков, Егор Сазонов, Иван Каляев, В. Балмашев.

Все более дистанцируются от социал-демократов и «легальные марксисты» – Струве, Прокопович, Булгаков, Бердяев и др. Центральной фигурой среди них был, конечно, Петр Струве.

Отношения со Струве у Ульянова сложились довольно своеобразные. Годы ульяновской ссылки в деловом отношении как бы сблизили их. Петр Бернгардович заботился об отправке в Шушенское литературных новинок. Доставал деньги и вел переговоры об издании сборника статей и книги Ульянова «Развитие капитализма в России». Печатал в редактируемых им журналах статьи Владимира Ильича. Жена его Нина брала на себя даже корректуру некоторых работ Ульянова. И Владимир Ильич был благодарен им за эти достаточно обременительные хлопоты.

Он даже пытался иногда защищать Струве от нападок Петра Маслова, а позднее – Потресова. «Насчет статьи Струве, в оценке которой мы не сходимся, – писал Владимир Ильич Потресову, – приходится, конечно, сказать, что по ней одной нельзя судить точно о взглядах автора»².

Впрочем, и его самого все больше и больше раздражали статьи и Струве, и особенно Тугана: «Черт знает что за глупый и

¹ Заря. 1901. № 2/3.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 15; Т. 55. С. 36, 140.

претенциозный вздор! Без всякого исторического изучения доктрины Маркса, без всяких новых исследований... заявлять о «новой теории», об ошибке Маркса, о перестройке... Прав был Михайловский, назвав его «человеком эховым»...» Но тут же Владимир Ильич добавлял: «Конечно, всего этого мало для окончательного вывода, и я очень могу ошибаться»¹.

Однако при всей осторожности оценок сам Ульянов – как только это доходило до Шуши – не пропускал ни одного выпада Струве и его коллег против марксизма. В своих статьях Владимир Ильич подчеркивал, что отнюдь не выступает против критики марксизма вообще, а лишь против критики эклектичной и неосновательной, которую «легальные марксисты» вели под флагом борьбы с «ортодоксией».

Разногласия между марксистами, пояснял Ульянов, состоят в том, что те, кого не очень точно называют «ортодоксами», не призывают «брать что бы то ни было на веру» и заниматься «истолковыванием» Марксовых цитат. Они «критически претворяют» и развивают марксистскую теорию «сообразно с изменяющимися условиями и с местными особенностями разных стран». А оппоненты – Струве, Туган-Барановский, Булгаков и др. – отвергают наиболее существенные стороны этой теории и в философии, становясь на сторону неокантианства, и в политической экономии, обвиняя Маркса в классовой «тенденциозности»².

До этого какое-то время Владимиру Ильичу казалось, что весь «поход критиков» – лишь «ученый вздор и бесплоднейшая схоластика... Попытаться воевать с марксизмом, имея в багаже одни сочиненные глупейшим образом *дефиниции*... – слишком уже забавное предприятие»³. Однако по мере того как в Германии шла дискуссия и даже Каутский занял в ней примирительную позицию, по мере того как идеи Бернштейна стали «утилизироваться» российскими «экономистами», Ульянов становится на более жесткую позицию.

«Я вполне убедился в том, – пишет он в апреле 1899 года Потресову, – что я понимал отрывочные статьи Бернштейна неверно и что он заврался действительно до невозможности, до того, что его приходится именно *begraben* [похоронить, угробить], как выразился [Плеханов]... в открытом письме к Каутскому... Если П. Б. [Струве] такой горячий защитник Берн-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 29, 30.

² Там же. Т. 3. С. 634, 635; Т. 4. С. 87.

³ Там же. Т. 55. С. 169.

штейна, что чуть не «ругается» из-за него, то это очень и очень печально... Знаете ли Вы, что ее [теорию Бернштейна] уже утилизируют наши «молодые» (ультраэкономисты)...»¹

В том, что со Струве «необходима будет серьезная война», Ульянов не сомневался. И в письме Потресову 27 июня 1899 года он написал: «Это будет, конечно, громадной потерей для всех Genossen [товарищей], ибо он человек очень талантливый и знающий, но, разумеется, «дружба – дружбой, а служба – службой» и от этого необходимость войны не исчезнет»².

Относительно «вклада» Струве, Тугана и Булгакова в политическую экономию Ульянов писал в статьях «Заметка к вопросу о теории рынков», «Еще к вопросу о теории реализации», «Капитализм в сельском хозяйстве (о книге Каутского и статье г. Булгакова)» и др. Что же касается философии, то Владимир Ильич был уверен, что по этим вопросам обязан выступить Плеханов, ибо «очень хорошо сознаю, – писал он Потресову, – свою философскую необразованность и не намерен писать на эти темы, пока не подучусь. Теперь именно этим и занимаюсь, начавши с Гольбаха и Гельвеция и собираясь перейти к Канту. Главнейшие сочинения главнейших классиков философии я достал...»³

«По вечерам, – вспоминала Крупская, – Владимир Ильич обычно читал книжки по философии – Гегеля, Канта, французских материалистов...»⁴ С Ф. В. Ленгником, увлекавшимся философией и отбывавшим ссылку по соседству, в 70 верстах, в Казачинском, он завел регулярную переписку, и некоторые его письма «иногда представляли собой целые трактаты по философии». Ленгник вспоминал: «В своих ответных письмах Владимир Ильич, насколько я помню, очень деликатно, но и вполне определенно выступил решительным противником и юмовского скептицизма, и кантовского идеализма, противопоставляя им жизнерадостную философию Маркса и Энгельса»⁵. И чем больше Ульянов углублялся в эти проблемы, тем очевиднее становилось для него, что «с неокантианством действительно необходимо посчитаться серьезно. Я уже не утерпел, – пишет он Потресову, – и вклеил замечания и вылазки против него и в ответ Струве...»⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 25–26.

² Там же. С. 32.

³ Там же. С. 15, 31.

⁴ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 229.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 442.

⁶ Там же. Т. 46. С. 30.

Так что чтение философских статей Струве или Булгакова особого удовольствия Ульянову не доставляло. «Да, еще эта идея различения «социологических» и «экономических» категорий, пущенная Струве (в № 1 «Научного обозрения»)... — пишет Владимир Ильич Потресову. — По-моему, не обещает ничего, кроме бессодержательнейшей и схоластичнейшей игры в дефиниции, называемой кантианцами громким именем «критики понятий» или даже «гносеологии». Я решительно не понимаю, какой смысл может иметь такое различение??»¹

Предположим, что Ульянов был философом начинающим. Но ведь и Плеханову чтение подобных статей навевало сходные мысли. «После довольно-таки продолжительного периода, — писал он о Струве, — приучившего нашу научно-публицистическую литературу хотя и к образному, но простому языку, внезапно статьи в журналах, рассчитанных на самый широкий круг читателей, начали обставляться тяжеловеснейшей словесной артиллерией немецкой философии. Самые обыкновенные, иногда банальные мысли стали высказываться в такой неудобоваримой для мозгов обыкновенного рядового читателя форме, стали облекаться в такую филистерскую мантию, что профанам остается уподобиться той несчастной пташке, которую очковая змея одним своим взглядом окончательно лишает способности двигаться самостоятельно, чтобы затем с тем большим удобством проглотить ее со всеми потрохами... И если г. П. Струве не заговорит... по крайней мере по-гречески, мы сочтем это за особую милость судьбы»².

Изучать эту неокантианскую литературу было необходимо, но куда как интереснее была сама жизнь...

В феврале 1899 года зима в Шушенском вдруг кончилась. И 7 марта Крупская писала: «В воздухе весна. Река постоянно покрывается водою, на ветлах воробьи поднимают неистовое чирканье, быки ходят по улице и мычат, а у хозяйки курица под печкой так по утрам клохчет, что всегда будит». А на Масленицу приехали друзья из Минусинска и пять дней гуляли и праздновали, как пишет Надежда Константиновна, — «лихо»³.

В апреле подсохло, и 1 мая утром к Ульяновым пришел Проминский. «Он имел сугубо праздничный вид, надел чистый воротничок и сам весь сиял, как медный грош. Мы очень быстро

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 30.

² История ВКП(б). Т. I. Вып. 1. С. 204.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 147.

заразились его настроением и втроем пошли к Энгбергу, прихватив с собой собаку Женьку. Женька бежала впереди и радостно тявкала... Оскар заволновался нашим приходом. Мы расселись в его комнате и принялись дружно петь:

*День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь, раздайся удалая!
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить,
За решетку посадить.
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом,
Гоп-га! Гоп-га!*

...Решили пойти после обеда отпраздновать Май в поле. Как наметили, так и сделали. В поле нас было больше, уже шесть человек, так как Проминский захватил своих двух сынишек. Проминский продолжал сиять. Когда вышли в поле на сухой пригорок, Проминский остановился, вытащил из кармана красный платок, расправил его на земле и встал на голову. Дети завизжали от восторга. Вечером собрались все у нас и опять пели. Пришла и жена Проминского. К хору присоединились и моя мать, и Паша»¹.

А когда все разошлись, Владимир Ильич, все эти недели работавший над статьей о Струве, написал сестре в Подольск: «Конечно, полемика между своими неприятна, и я старался смягчать тон, но замалчивать разногласия уже не только неприятно, а *прямо вредно*, — да и нельзя замолчать тех коренных разногласий между «ортодоксией» и «критицизмом», которые выступили в марксизме немецком и русском. Противники все равно пользуются уже разногласиями...»²

Дело в том, что разногласия эти уже вышли за сугубо российские рамки. Именно в 1896–1898 годах, когда Ульянов находился в Сибири, в теоретическом журнале немецкой социал-демократии «Die Neue Zeit» («Новое время») Эдуард Бернштейн опубликовал серию статей под общим заголовком

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 226–227.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 160–161.

«Проблемы социализма». То, что мир вступает в новую эпоху, которую позднее назовут эпохой империализма, чувствовали многие. У капитализма – за счет вывоза капитала, колоний и других факторов – открывались новые возможности и новое поле для маневра.

И вот, наблюдая только-только нарождавшуюся в среде либеральной европейской буржуазии тенденцию к поиску социального компромисса в самой метрополии, Бернштейн делал вывод о возможности замены «грубого» капитализма более цивилизованными отношениями и без революционной ломки. А посему, заключал он, социалистическую революцию, чреватую кровавыми потрясениями, можно снять с повестки дня, а вести борьбу за реформы, за улучшение экономического положения рабочих: «движение – все, конечная цель – ничто».

Немецкие левые сразу же оценили «Проблемы социализма» как попытку общей ревизии марксистской теории. Однако ЦК партии довольно долго воздерживался от публичной полемики. Она была открыта в «Новом времени» лишь в июле 1898 года статьей Георгия Плеханова «Бернштейн и материализм». И тот факт, что именно Плеханов стал зачинателем этой дискуссии, не был случайным.

Пестрота российской действительности, где элементы наиновейшего капитализма переплетались с остатками седого средневековья, острота социально-экономических и политических противоречий, высочайший интеллектуальный уровень лидеров революционной демократии и целый ряд других причин привели к тому, что многие из проблем, волновавших международную социал-демократию в канун XX столетия, нашли свое отражение в теоретических дискуссиях сначала в России, а уж потом в Европе.

По этой причине к эскападам Бернштейна был вполне готов и Владимир Ульянов. Еще в 1894 году, в «Критических заметках» Струве, уже тогда кокетничавшего своей «неортодоксальностью», Владимир Ильич выделил пассаж, где говорилось о том, что представление о переходе от капитализма к социализму через революцию («резкое падение») – устарело и ныне в точку зрения Маркса «внесен был важный корректив»: признана возможность перехода к новому строю с помощью реформ.

В том же 1894 году Ульянов ответил Струве: «Борьба за реформы нисколько не свидетельствует о «коррективе», нимало не исправляет учения о пропасти и резком падении, так как эта борьба ведется с открыто и определенно признанной целью –

дойти именно до «падения»; а что для этого необходим «целый ряд переходов» – одного фазиса борьбы, одной ступени ее в следующие, – это признавал и Маркс в 1840-х годах, говоря в «Манифесте», что нельзя *отделять* движение к новому строю от рабочего движения (и, следовательно, от борьбы за реформы)...»¹

Стоит заметить, что в это время Струве, вопреки всем своим позднейшим мемуарам, не только высоко оценивал интеллектуальные возможности Ульянова, но и возлагал на него определенные надежды. «Ильин после критики на мою книгу, – писал Струве Потресову в начале 1899 года, – скорее удалился от ортодоксии, чем приблизился к ней... Я, впрочем, думаю, что по отношению к *Zusammenbruchtheorie* [теории краха, крушения капитализма] Ильин еще не отрешился от ортодоксии, но надеюсь, что рано или поздно это произойдет... У Ильина живой и прогрессирующий ум и есть истинная добросовестность мышления»².

О новейших тенденциях в развитии капитализма Ульянов был весьма начитан: не зря он переводил Веббов, рецензировал Гобсона, Парвуса, Каутского и др. Зарекаться от «резкого падения» даже применительно к Западной Европе, полагаться на то, что именно поиски социального компромисса станут господствовать в политике буржуазии, не было пока серьезных оснований. А уж тем более если говорить о России. Поэтому, когда в Шушенское приходят номера «*Die Neue Zeit*» со статьями Бернштейна, Ульянов сразу же дает им свою оценку: «Его «теория» против *Zusammenbruch*'а [краха, крушения капитализма] – непомерно узкая для Западной Европы – и вовсе негодна и *опасна* для России»³.

Оценка, как видим, вполне определенная. Но может быть, она являлась проявлением его собственной «узости», той самой «ортодоксии», против которой и восстали «молодые»? Сидеть в какой-то сибирской дыре и судить оттуда с такой категоричностью о ситуации в Западной Европе?

Но вот что любопытно. Именно в те самые годы, когда Эдуард Бернштейн вынашивал для «Нового времени» «Проблемы социализма», другой человек – глава римско-католической церкви папа

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 460–461.

² Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С. 33.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 26.

Лев XIII обратился к пастве с энцикликой «*Regum Novarum*» (тоже «Новые времена»). Анализируя те же процессы, что и Бернштейн, он пришел к не столь благостным выводам: «Вследствие перемен и революций общество разделилось на две касты, и пропасть между ними все шире. С одной стороны, образовался класс, владеющий богатством и потому обладающий силой... С другой стороны, есть нуждающаяся и обездоленная масса, озлобленная страданиями и всегда готовая к возмущениям»¹.

Значит, дело, видимо, не только в приверженности той или иной доктрине, если взгляды, изложенные в «Коммунистическом манифесте» и папской энциклике, в чем-то совпали. Очевидно, существенное значение имел и нравственный аспект: то, чьими глазами смотришь на мир – сытого, самодовольного бюргера или той самой «обездоленной массы», о которой напомнил Лев XIII.

Именно такая «ортодоксальность», то есть верность самой сути марксизма, преобладала тогда и среди немецких социалистов. В октябре 1898 года на Штутгартском съезде и в октябре 1899 года на Ганноверском – бернштейнианство было осуждено германской социал-демократией. Но, оставаясь в партии, Бернштейн продолжал пропагандировать свои идеи. А в марте 1899-го его статьи были выпущены отдельной книгой – «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». В России она сразу же выдержала три издания. Поэтому, отвечая Плеханову, Бернштейн снисходительно заметил, что его оппонент, будучи эмигрантом, не отражает взглядов российских практиков.

Конечно, это был сугубо полемический прием. В отличие от Струве, сразу же поддержавшего Бернштейна, российские практики-«экономисты» избегали открытого изложения своих воззрений. Но всегда находятся люди, способные не только выболтать подноготную любой завуалированной позиции, но и довести ее если и не до абсурда, то – во всяком случае – до логического конца. На сей раз именно такую роль сыграла Е. Д. Кускова.

«АНТИ-КРЕДО»

Екатерина Дмитриевна Кускова и ее супруг Сергей Николаевич Прокопович, только что закончивший Брюссельский университет, после победы «экономистов» на 1-м съезде «Союза русских социал-демократов» направились в Россию. В Петер-

¹ См.: Свободная мысль. 1994. № 7–8. С. 97.

бурге они сразу же оказались в центре дискуссий «молодых» с «ортодоксами», которых, как отметила Екатерина Дмитриевна, «тогда еще было довольно много».

Однажды, после довольно бурной полемики, ее попросили «формулировать кратко свои взгляды на спорные вопросы, чтобы удобнее было в споре опираться на что-либо стройное и целое». И Кускова набросала «спешно и не для печати краткое изложение своих взглядов. Бумажонка, — пишет Екатерина Дмитриевна, — была взята кем-то из участников спора»¹.

Насчет «спешки» и «бумажонки» она явно лукавила. Рукопись получилась достаточно объемной, а ее стилистика, отточенность каждой фразы исключали какую бы то ни было случайность или торопливость. Наоборот, весь текст говорил о тщательной продуманности излагаемых мыслей и абсолютной искренности автора.

Как отмечалось, до сих пор «экономисты» уклонялись от столь откровенного формулирования своих взглядов, и «ортодоксам», как говорится, не за что было ухватить своих оппонентов. Теперь же... Теперь лишний раз подтвердилось, что, как заметил один литературный персонаж, бумаги не только не горят, но и обретают вполне самостоятельную жизнь.

Как раз в это время, видимо, в мае 1899 года, в Питер приехала из Москвы Анна Ильинична Елизарова. И когда, как обычно, она зашла на Литейном в книжный склад Калмыковой, Александра Михайловна передала ей среди прочего листки, написанные, как она выразилась, — лицами, влиятельными среди «молодых». Особого значения этим листочкам Анна Ильинична не придавала, но потом все-таки переписала их «химией», озаглавила «Кредо» молодых и в июле — с невестой Сильвина Ольгой Александровной — отправила в Шушенское². Уже 1 августа, когда Сильвин привозит посылку, Владимир Ильич просит родных сообщить ему об этом документе подробнее, ибо он не только заинтересовал, но и глубоко возмутил его³.

Поводов для возмущения действительно было предостаточно. Кускова, например, писала, что пролетарии Западной Европы добились успехов в организации своих сил и улучшении материального положения только потому, что без всякой борьбы получили из рук буржуазии политическую свободу и доступ в

¹ Ленин Н. (В. Ульянов). Собр. соч. Т. 1. С. 666.

² См. там же. С. 665.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 168, 175.

парламент. Все политические слова марксистов о «захвате власти», о «крушении капитализма» являлись лишь «ходячей фразой», сыгравшей в свое время определенную роль в сплочении рабочих. Однако основной была и остается борьба экономическая, упрочение экономических организаций. И необходимо прислушаться к Бернштейну, который предлагает изменить положение партии в обществе, добиваться ее всеобщего признания и поддержки. А для этого «стремление к захвату власти» должно раз и навсегда уступить место стремлению «к реформированию современного общества в демократическом направлении»¹.

Стало быть, и в России необходимо прежде всего отказаться от бесплодных попыток создания нелегальной политической партии и пересмотреть свое отношение к буржуазии. Российские рабочие, в отличие от европейских, не имеют ни «организационного духа», ни «политического чутья». Они смогут обрести их лишь в результате участия в той политической жизни, которая реально существует в России. А это «требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях». Общий вывод: «Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности»².

Конечно, Кускова, что называется, подставила «экономистов». Ибо даже в «Рабочей мысли» они формулировали свои идеи куда осторожнее. Но дело было сделано. И поскольку Бернштейн уже публично ссылался на солидарность с ним российских социал-демократических практиков, Ульянов сразу сел писать «Протест российских социал-демократов».

Прежде всего, неправда, отметил он, что рабочие Европы получили свободу без всякой борьбы. Они активно участвовали во всех революциях XIX столетия, и именно это обеспечило им политические права. Неправда и то, что русские социал-демократы навязывают стачечникам политические лозунги. Их выдвинуло само рабочее движение. И царское правительство шло на экономические уступки именно тогда, когда забастовки приобретали политическое звучание. Но главная неправда состоит в том, что «экономисты», клявшиеся в верности социал-демократии, на деле отрицают ее основные принципы, изложенные в «Манифесте», принятом I съездом РСДРП³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 167.

² Там же. С. 168.

³ См. там же. С. 175–176.

Марксисты, писал Ульянов, никогда не отрицали значения экономической борьбы. Речь шла лишь о необходимости ее соединения с борьбой политической в единую классовую борьбу. А тот «профессорский социализм», который проповедуют авторы «Кредо», зовущий к поддержке движения «либерально-опозиционных элементов... за правовые реформы», означает лишь «стремление затушевать классовый характер борьбы пролетариата, обессилить эту борьбу каким-то бессмысленным «признанием общества», сузить революционный марксизм до дюжинного реформаторского течения... Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии...»¹.

По просьбе Ульянова 20 августа социал-демократы, отбывавшие ссылку в Минусинском округе, собрались в селе Ермаковском. Помимо Владимира Ильича и Крупской тут были супруги Ваневы, Кржижановские, Старковы, Лепешинские, а также Сильвин, Егор Барамзин, Курнатовский и трое питерских рабочих — Оскар Эрнберг, А. Шаповалов и Н. Панин. Ульянов зачитал «Протест», его приняли за основу, и начались довольно бурные дебаты, занявшие чуть ли не три дня.

Прежде всего, среди собравшихся были те, кто полагал, что «нет причин раздувать до размеров важного события случайное частное мнение...». Были и те, которые «вообще не хотели ссориться с хорошими людьми, добрыми товарищами, хотя бы те и уклонялись немного вправо»². Лепешинский вспоминал: «Нельзя сказать, чтобы единогласие было достигнуто сразу... Наоборот, и тут, как всегда водится, выделилась оппозиция к проекту и «слева» и «справа». А. А. Ванев возмущался мягкостью тона резолюции и требовал более категорического, более решительного осуждения авторов одиозного документа. В то же самое время Ф. В. Ленгник настаивал на том, чтобы изъять из резолюции те места, которые устанавливают связь новой линии русских «молодых» социал-демократов с шатанием философской марксистской мысли среди оппортунистических элементов немецкой социал-демократии (неокантианцев)... Владимир Ильич, идя на уступку в этом отношении, исключил некоторые абзацы из протеста...»³

В конце концов все 17 человек «Протест» приняли. Копию послали Мартову, и социал-демократы небольшой колонии Ту-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 172, 173.

² Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 189.

³ Лепешинский П. Н. На повороте. С. 114—115.

руханска также одобрили его. Вторую копию «Протеста», направленную в Орлов Вятской губернии, поддержали А. Н. Потресов, Ф. И. Гурвич (Дан), В. В. Воровский, Н. Э. Бауман, К. И. Захарова, В. Г. и Е. П. Громан и др. – всего 23 человека¹.

Все три документа были посланы за границу – Плеханову. Именно в это время его и других членов группы «Освобождение труда» новое руководство «Союза русских с.-д. за границей» всячески оттирало от связей с практическим движением. Легко понять то чувство искренней благодарности, которое испытывали Георгий Валентинович и его коллеги, получив столь неожиданную и столь серьезную поддержку из самой России.

Между тем близился конец ссылки Ульянова, Мартова, Потресова и большинства тех, кто проходили по делу «Союза борьбы». Все вроде бы шло к тому, чтобы начинать собирание сил для созыва нового съезда.

Но как и вокруг чего? Опять, как это было сделано в «Протесте», ссылаться на «Манифест» I съезда РСДРП, написанный Струве, для того чтобы бороться с его же новыми единомышленниками?

И вот, в последние месяцы ссылки, Владимир Ильич пишет несколько работ программного характера: «Наша ближайшая задача», «Наша программа» и «Проект программы нашей партии». С самого начала он формулирует отношение российских социал-демократов к теории: «Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности...»

А уж коли именно марксистскую теорию ты «по своему крайнему разумению считаешь истинной», то эту теорию ты просто обязан защищать «от неосновательных нападений и от попыток ухудшить ее». Конечно, найдутся люди, которые станут обвинять нас в том, что «мы хотим превратить социалистическую партию в орден «правоверных», преследующих «еретиков» за отступление от «догмы», за всякое самостоятельное мнение и пр. Знаем мы все эти модные хлесткие фразы. Только нет в них ни капли правды и ни капли смысла»².

Все дело в том, о каком «мнении» и о какой «критике» идет речь. Когда, например, Павел Николаевич Скворцов упрекал

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 479.

² Там же. Т. 4. С. 183, 184.

Ульянова в том, что он нередко предпочитает не цитировать, а излагать мысли Маркса, Владимир Ильич ответил ему довольно резко: «Подумайте только! Излагает Маркса «своими словами»! «Настоящий» марксизм состоит в том, чтобы выучить «Капитал» наизусть и цитировать его кстати и некстати...»¹ Это уже не ортодоксия, а чистейший догматизм и буквоедство.

И совсем другое дело, когда критика направляется против самой сути данной теории. Именно таким было отрицание «экономистами» политического характера классовой борьбы пролетариата. Как раз в этой связи Ульянов и формулирует еще одно базовое положение марксизма, которое, как и предыдущие, было забыто его последователями на многие десятки лет.

Борьба против самодержавия за политические свободы и необходимость его ниспровержения, пишет Владимир Ильич, поддержка всякого революционного движения против абсолютизма важны «не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития. Такое указание необходимо... ибо, с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата, — интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения...»².

Что же касается критики как таковой, то социал-демократ не может быть «врагом всякой критики. Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»³.

К этому Ульянов возвращается неоднократно. Признание марксистской теории всеми социал-демократами, пишет он, ни в каком случае не должно «вести к забвению *особенностей* России, которые должны найти *полное выражение* в особенностях нашей программы. Забегая вперед, укажем сейчас же, что эти особенности относятся, во-1-х, к нашим политическим задачам

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 617.

² Там же. Т. 4. С. 220.

³ Там же. С. 184.

и средствам борьбы; во-2-х, к... особой постановке *крестьянского* вопроса»¹.

Исходной точкой для создания программы партии становится для Ульянова проект программы, изданный группой «Освобождение труда» в 1885 году².

Конечная цель – переход политической власти в руки пролетариата, а всех средств производства в общественную собственность с последующим социалистическим переустройством всех производственных и общественных отношений; определение специфики России, где трудящиеся массы находятся под двойным гнетом: развивающегося капитализма и отживающего феодализма; первоочередная необходимость свержения абсолютизма – все это должно сохраниться полностью и в новой программе.

Но вполне очевидны и определенные изменения и дополнения. Во-первых, необходимо уточнить, что термин «захват власти» отнюдь не означает организацию «заговоров». Социал-демократы считают, пишет Ульянов, что борьбу с абсолютизмом «должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолютизма, прибавляющей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и вынуждающей у этого правительства уступки»³.

Во-вторых, нет необходимости заранее определять в программе те средства борьбы, к которым могут прибегнуть рабочая партия и пролетарское движение, ибо это будет зависеть от тысячи различных обстоятельств. «Рассуждать же наперед о том, к какому средству прибегнет эта организация для нанесения решительного удара абсолютизму, предпочтет ли она, например, восстание или массовую политическую стачку или другой прием атаки, – рассуждать об этом наперед и решать этот вопрос в настоящее время, – пишет Владимир Ильич, – было бы пустым доктринерством»⁴.

Точно так же необходимо снять в перечне «средств политической борьбы» и упоминание о возможности террора. «Чтобы не оставлять места недомолвкам, – поясняет Ульянов, – огово-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 220.

² См. там же. С. 216.

³ Там же. Т. 2. С. 460; Т. 4. С. 216.

⁴ Там же. Т. 2. С. 461.

римся теперь же, что, по нашему лично мнению, террор является в настоящее время нецелесообразным средством борьбы, что партия (как партия) должна отвергнуть его... и сосредоточить все свои силы на укреплении организации...»¹

К вопросу о методах и средствах борьбы Ульянов возвращается во всех программных статьях. «Редакторы «Раб. мысли», — пишет он, — относят к рабочему социализму только такой, который достигается мирным путем, исключая путь революционный... Рабочий класс предпочел бы, конечно, мирно взять в свои руки власть... Но отказываться от революционного захвата власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической и с практической-политической точки зрения, безрассудством... Очень вероятно — даже наиболее вероятно, — что буржуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием. Тогда рабочему классу не останется другого пути для осуществления своей цели, кроме революции. Вот почему программа «рабочего социализма» и говорит вообще о завоевании политической власти, не определяя способа этого завоевания, ибо выбор этого способа зависит от будущего, которое с точностью мы определить не можем»².

Необходимо также снять из программы группы «Освобождение труда» и тезис, связывающий «победу социализма с заменой парламентаризма прямым народным законодательством...». Во-первых, как заметил Каутский, «прямое народное законодательство относится к области «государства будущего...». А во-вторых, подчеркивает Ульянов, в условиях русского абсолютизма и политической неразвитости массы населения опасность вырождения различных форм «всенародного одобрения» в демагогический «империалистический плебисцит» — слишком велика. Поэтому вполне достаточно ограничиться требованием «демократической конституции»³.

Владимир Ильич полностью сохраняет и дополняет общедемократическую часть программы требованиями «полного равенства прав женщины с мужчиной», «прогрессивного подоходного налога», «выбора чиновников народом» и правом каждого гражданина «преследовать судом всякого чиновника», а главное — указанием «на поддержку всех борцов против абсолютизма». Русская социал-демократия, пишет он, должна поднять

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 223.

² Там же. С. 264.

³ Там же. С. 223, 224.

«общедемократическое знамя, чтобы сгруппировать вокруг себя все слои и элементы, способные бороться за политическую свободу или хотя бы только поддерживать чем бы то ни было такую борьбу»¹.

Особое место в проектах программы, написанных им в ссылке, занимал крестьянский вопрос. Вопреки всем наветам, обвинявшим марксистов в том, что они якобы приветствуют капиталистическую «пролетаризацию» деревни, Владимир Ильич пишет: развитие капитализма действительно «само собой, естественным путем» ведет к устранению крепостнических пережитков. Но происходит это крайне медленно, а «главное – «естественный путь» означает не что иное, как вымирание крестьян...». Мириться с этим социал-демократы не могут, и «рабочая партия поставила на своем знамени *поддержку* крестьянства... *поскольку это крестьянство способно на революционную борьбу против остатков крепостничества вообще и против абсолютизма в частности*»².

Запугивание кошмарным «русским бунтом», столь модное в наши дни, было не менее популярным и более ста лет назад. В программе группы «Освобождение труда» было справедливо записано, что «главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства»³. Так что же – стать в один ряд с теми, кто держит деревню «в узде» и всячески препятствует самостоятельности крестьянства? Конечно нет.

В свое время, говоря о поддержке французскими крестьянами династии Бонапарта, Маркс писал: «Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого...» И это противоречие не теории, а самой жизни, ибо крестьянство отличается двойственными чертами.

Наличие революционных элементов в крестьянстве, пишет Ульянов, не подлежит ни малейшему сомнению. «Мы несколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, несколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», и революционной борьбой... Но из всего этого следует только то, что... рабочая партия не может, не нарушая

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 222, 224, 225.

² Там же. С. 227, 234.

³ Там же. С. 231.

основных заветов марксизма и не совершая громадной политической ошибки, *пройти мимо* тех революционных элементов, которые есть в крестьянстве, не оказать поддержки этим элементам... Вопрос о том, как именно и с какой силой проявят себя эти элементы крестьянства, решит история»¹.

Поэтому, в отличие от прежних работ, где говорилось о национализации и передаче крестьянам всей помещичьей земли, Владимир Ильич предлагает снять из программы конкретные «указания на форму крестьянского землевладения», предоставив решение этих вопросов самим крестьянам. Это «потребует всестороннего рассмотрения местных условий местными выборными, крестьянскими комитетами, – в противовес тем дворянским комитетам, которые совершали свой «законный» грабеж в 60-х годах... Это был бы именно «радикальный пересмотр аграрных отношений», о котором говорит программа группы «Освобождение труда»².

Формулируя столь осторожно свою позицию, Ульянов отнюдь не отказывался от прежней своей мысли о том, что *«чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем выше был бы жизненный уровень населения...»*. Именно так написал он в ответ на критику Павлом Скворцовым «Развития капитализма в России»³.

В общем и целом программа РСДРП приобретала все более четкие и зримые очертания. Теперь надо было ее обсудить, а потом... Вот о том, как ее обсуждать и особенно – что делать потом, ясности как раз и не было.

Прежде, когда среди социал-демократов не существовало принципиальных разногласий или, во всяком случае, они не делали погоды, объединение являлось результатом налаживания связей и соглашения между всеми организациями и группами без каких-либо разборок (сегодня такое объединение называли бы «моделью консенсуса»). Но когда разборки уже начались и под флагом социал-демократии действовали самые разнородные элементы, необходимо было понять сам принцип соединения в партию.

В 1894 году, в полемике со Струве, Ульянов написал: «По каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 228–229, 231, 233.

² Там же. Т. 1. С. 299; Т. 4. С. 222, 235.

³ Там же. Т. 3. С. 628.

реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей...»¹ Но чтобы судить по действиям, то есть по делам, надо, видимо, предложить и само общее дело.

Трудно сказать, вспоминал ли Ульянов давний самарский опыт Скляренко, пытавшегося уговорами склонить «вождей» местных, довольно пестрых кружков к объединению. «Консensusа» тогда не вышло. И уговоры завершились общей пьянкой и головной болью на следующий день. Но вполне возможно, что от той поры могли остаться и другие воспоминания...

В свое время Владимир не раз встречал на Волге ватаги бурлаков. В отличие от случайных компаний, возникающих на почве веселого времяпрепровождения, ватаги создавались для конкретного дела — тянуть баржу. Именно способность к такой «тяге» и определяла подбор людей. Это тот тип организации, который создается прежде всего для совместного действия и под конкретное дело.

Ульянов считал, что таким общим делом, способным вытянуть партию из болота «экономизма», сплотить ее идейно и организационно, могло бы стать издание общероссийской нелегальной газеты.

Идея эта, судя по всему, возникла летом 1899 года в ходе переписки Владимира Ильича с А. Н. Потресовым. Прежняя дружба Александра Николаевича со Струве, особенно после его разрыва с Калмыковой, ушла в прошлое. Статьи Петра Бернгардовича с резкими нападка на Плеханова порой приводили его просто в «бешенство». И Потресов настаивал на решительном размежевании с «критиками» вообще и Струве — прежде всего.

В письме 27 июня 1899 года Ульянов ответил ему, что «если «критики» вызовут окончательную размежевку», то в легальных журналах вроде «Начала» или «Жизни» — «ее не выйдет и не может выйти: выйдут лишь частные статьи против «критиков» марксизма. Нужна же для нее именно 3-го рода литература...». То есть не легальный журнал или нелегальные листки и брошюры, а регулярно выходящая нелегальная газета — орган партии. «Только тогда, наконец, — написал Владимир Ильич, — Genossen будут размежеваны с «посторонними» «наездниками»

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 423–424.

и только тогда никакие личные причуды и теоретические «сногшибательные открытия» не будут создавать смуты и анархии»¹.

К концу года идея эта была продумана Ульяновым во всех деталях. Он обсуждал ее в переписке с Потресовым и Мартовым, в беседах с Крупской, Кржижановским и другими товарищами по ссылке. Окончательно она была сформулирована им в статьях «Наша ближайшая задача» и «Насущный вопрос».

Именно на страницах *«правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии»* мог бы развернуться обмен мнениями вокруг программы партии. Такая полемика помогла бы выяснить, «в чем собственно состоят разногласия, *насколько они глубоки*, есть ли это разногласия по существу или разногласия в частных вопросах, мешают ли эти разногласия совместной работе в рядах одной партии или нет»².

Но не только проведение коллективного обсуждения программных вопросов занимало Ульянова. Не менее важными были организационные проблемы. И если в области теории российские социал-демократы постоянно обращали свои взоры на Запад, то при решении организационных задач, как выразился Владимир Ильич, «готовых образцов нам искать негде», ибо «русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западноевропейское. Было бы очень опасно впасть на этот счет в какие-либо иллюзии»³.

На просторах России – от Петербурга до Кавказа и от Польши до Красноярска – существовали уже десятки социал-демократических групп. Та же ссылка достаточно наглядно демонстрировала широчайшую географию распространения марксистских идей в стране. И эти группы не только существовали, но и работали: по мере сил вели агитацию, выпускали листки, руководили стачками. Но при такой сугубо местной работе особой потребности в соединении с другими группами или вообще не возникало, либо она носила чисто умозрительный характер. «Вопрос, следовательно, стоит о том, – писал Ульянов, – следует ли ту работу, *которая уже ведется*, продолжать вести по-«кустарному» или следует организовать ее в работу одной партии...»⁴

Совместное издание *«правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии»* как раз и могло стать тем делом, которое обеспечило бы сплочение раз-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 32, 33.

² Там же. Т. 4. С. 191, 215.

³ Там же. С. 190.

⁴ Там же. С. 193.

розненных организаций. Регулярное корреспондирование, участие в обсуждении общих вопросов, постановка, как говорили немцы, нелегальной «красной почты», обеспечивающей переправу через границу и распространение газеты по стране, — все это создавало бы систему связей, выводило работу групп за «местные» рамки, координировало ее с деятельностью целого, придавало общероссийский характер.

Открывались и широкие возможности для той самой «специализации», которая помогла бы партии избежать излишних жертв. Одни члены партии занимались бы развозкой газеты по России, другие — разноской по городам, третьи — устройством конспиративных квартир, четвертые — пересылкой корреспонденций, пятые — сбором средств и т. д. «Такая специализация требует, мы знаем это, — писал Ульянов, — гораздо большей выдержки, гораздо больше умения сосредоточиться на скромной, невидной, черной работе, гораздо больше истинного героизма, чем обыкновенная кружковая работа»¹.

У европейских рабочих, заключал Владимир Ильич, «есть кроме газет масса других способов публичного проявления своей деятельности, других способов организации движения: и парламентская деятельность, и выборная агитация, и народные собрания, и участие в местных общественных учреждениях... и пр. и пр. У нас *заменой всего этого*, но именно *всего этого*, должна служить — пока мы не завоевали политической свободы — революционная газета, без которой у нас невозможна *никакая* широкая организация всего рабочего движения»².

«Лев Толстой где-то писал, — вспоминает Крупская, — что едущий первую половину дороги думает о том, что он оставил, а вторую — о том, что ждет его впереди. Так и в ссылке. Первое время больше подводились итоги прошлого. Во второй половине больше думалось о том, что впереди. Владимир Ильич все пристальнее и пристальнее думал о том, что нужно делать, чтобы вывести партию из того состояния, в которое она пришла... Перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях... Чем дальше, тем больше овладевало Владимиром Ильичем нетерпение, тем больше рвался он на работу»³.

Считать дни до окончания ссылки он стал чуть ли не с лета. В июне Ульянов пишет Потресову: «Мой срок кончается

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 195.

² Там же. С. 192.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 232.

29.I.1900. Только бы не прибавили срока – величайшее несчастье, постигающее нередко ссыльных в Восточной Сибири. Мечтаю о Пскове. А Вы о чем?»¹

Опасения насчет «прибавки» не были безосновательными. В начале 1899 года Анатолия Ванеева обвинили в содействии побегу В. П. Акимова (Махновца). Доказательств не было, но срок ссылки ему продлили на два года. И только смерть избавила Ванеева от перевода в одну из северных деревень на пути к Туруханску. А в декабре того же года сдали на два года в солдаты для прохождения воинской службы Михаила Сильвина...

Владимир Ильич знал, что в его деле лежит рапорт исправника губернатору о самовольной поездке в Минусинск осенью 1897 года. Помнил он и о неожиданном обыске 2 мая 1899 года. На заблаговременно посланное Крупской прошение – разрешить ей провести остаток ссылки в Пскове – ответа не поступало. Так что поводов для беспокойства вполне хватало.

30 декабря приехал погостить Курнатовский. Вместе встретили Новый год, а для детворы устроили невиданную в сих местах диковину – елку. 3 января появился Василий Старков, и по его приватным сведениям никаких «задержек» с окончанием срока вроде бы не предвиделось. А уже 12 января Владимир Ильич пишет ему в Минусинск: «Из волости сообщают (приватным и окольным путем), что пришла бумага о моем освобождении и об отправке Нади в «Уфимский город»².

«Наконец-то вопрос выяснился: можно ехать в Россию, – пишет Крупская Марии Александровне 19 января 1900 года, – прибавки срока не предвидится. Вещи отправляем 28-го, а 29-го двигаемся сами. Едем компанией: с В. В. [Старковым] и Ольгой Александровной [Сильвиной]... Выедем из Минусы, вероятно, 30-го... Теперь у нас только и разговору, что о дороге. Книги уложили в ящик и свесили, выходит около 15-ти пудов. Книги и часть вещей отправляем транспортом, впрочем, вещей у нас будет, кажется, не очень много... Отъезд так уж близко, что мама сегодня собиралась было стряпать в дорогу пельмени. Нам советуют брать в дорогу непременно пельмени, остальное все замерзнет. Вот мама и собирается настряпать уйму этого снабдьа, без жиру и луку»³.

А вот без слез не обошлось. «Рекой по ночам разливалась Паша, ставшая за два года настоящей красавицей, – вспоминала

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 32.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 240.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 180, 181.

Крупская, – Минька суетился, перетаскивая к себе домой остающуюся бумагу, карандаши, картинки и пр., приходил Оскар Александрович, садился на кончик стула, видимо, волновался, принес мне подарок – самодельную брошку в виде книги с надписью «Карл Маркс»... заглядывали то и дело в комнату хозяйка или соседка, недоумевала наша собака, что весь этот переполох должен означать, и ежеминутно отворяла носом все двери, чтобы удостовериться, все ли на месте...»¹

29 января – день в день – выехали в Минусинск. Паша поехала провожать, благо возчиком был ее брат, прихватили и собаку Женьку. «Доехали до Минусы... Там уже собралась вся наша ссыльная братия, – рассказывает Крупская, – было то настроение, которое бывает, когда кто-нибудь из ссыльных уезжает в Россию... Думали о России, а говорили так, о всякой пустяковине. Барамзин подкармливал бутербродами Женьку, которая оставалась ему в наследство, но она не обращала на него внимания, лежала у маминых ног и не сводила с нее глаз... Наконец, урядившись в валенки, дохи и пр., двинулись в путь»².

Ехали на лошадях в двух крытых санях-кошечках. В одни сел Владимир Ильич и Старков, в другие – Надежда Константиновна с матерью и Ольга Сильвина. Но на первой остановке, когда выяснилось, что женщинам тесновато, Крупскую пересаживали к Старкову, а Ульянов устроился с ямщиком на облучке. «На лошадях 300 верст по Енисею, день и ночь, благо луна светила... Мчались вовсю, – пишет Надежда Константиновна, – и Владимир Ильич – он ехал без дохи, уверяя, что ему жарко в дохе, – засунув руки во взятую у мамы муфту, уносился мыслью в Россию...»³

На станцию Ачинск спешили вовремя. В семь утра 2 февраля 1900 года почтово-пассажирский поезд Иркутск – Москва двинулся в путь. Ехали третьим классом. Владимир Ильич занял верхнюю полку, был молчалив и всю дорогу читал.

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 233.

² Там же.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 233; Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 202, 203.

Глава 5

НА ПОРОГЕ XX ВЕКА

«ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ»

6 февраля поезд прибыл в Уфу.

В Уфе поначалу устроились в гостинице. Но не успели разобраться с вещами, как заявили местные марксисты – земский статистик Александр Цюрупа, ссыльные студенты – киевлянин В. Крохмаль и петербуржец Алексей Свидерский. Стали приглашать на встречу с социал-демократами. Но Ульянов отложил встречу на другой день, а сам, вместе с Крупской, направился в другое место.

Здесь, в Уфе, держала книжный магазин и отбывала свою бесконечную ссылку народоволка Мария Павловна Четвергова – та самая, в кружок которой Владимир ходил в Казани. Они не виделись почти 12 лет, но память о долгих беседах, которые вели они тогда о Чернышевском и о жизни вообще, – сохранилась. И вот теперь они опять встретились, и «какая-то особенная мягкость, – пишет Крупская, – была у него в голосе и в лице, когда он разговаривал с ней».

Правда, прежней близости и взаимопонимания уже не возникало. Рассказывая об этой встрече, Надежда Константиновна вспоминает фразу из ленинской книги «Что делать?» о том, что многие социал-демократические лидеры «начинали революционно мыслить, как народовольцы... Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции... сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали». Этот абзац, заключает Крупская, – «кусочек биографии Владимира Ильича»¹.

На следующий день вечером пошли на квартиру Крохмалю, где собрались местные социал-демократы: Цюрупа, П. И. Попов, Алексей Петренко, Газенбуш, Бойков. Пришел и старейший земледелец, работавший когда-то с Плехановым и Аксель-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 234.

родом, а теперь – заведующий земской психиатрической больницей Осип Васильевич Аптекман. Разговорились о последних новостях, и «спор шел на тему об «экономизме» и о необходимости вести политическую борьбу. Более активное участие в споре из нашей ссыльной братии, – вспоминал Петренко, – принимали Попов и Бойков. Владимир Ильич, как старший товарищ, без задору, хотя и в приподнятом настроении, легко парировал возражения... Но спор не носил бурного характера. Крупных расхождений не выявлялось»¹.

Остаться в Уфе Ульянову было нельзя, и, договорившись с товарищами о последующих контактах и попросив их помочь обустроиться жене и теще, Владимир Ильич через несколько дней уехал в Москву.

«Мы жили в то время на окраине Москвы у Камер-Коллежского вала, по Бахметьевской улице, – рассказывает Анна Ильинична. – Увидав подъехавшего извозчика, мы выбежали все на лестницу встречать Владимира Ильича. Первым раздалось горестное восклицание матери:

– Как же ты писал, что поправился? Какой ты худой!

– Я действительно поправился. Я только за последнее время, перед отъездом, сдал»².

За предшествующие месяцы Мария Александровна буквально извелась. Младшего сына Дмитрия – студента V курса университета – после 9-месячной одиночки выслали в Тулу, и ей только-только удалось добиться его перевода в Подольск. А приехавшую на студенческие каникулы из Брюсселя младшую дочь Марию арестовали, отобрали заграничный паспорт и выслали в Нижний Новгород. Так что все это время матери приходилось ездить то в Нижний, то в Тулу, то в Подольск.

К приезду Владимира в Москве собрались все, и, как заметила Анна Ильинична, Марии Александровне так хотелось хоть на короткое время «иметь Владимира Ильича всецело для себя». Но после первых объятий, расспросов о здоровье, семейных делах посыпались совсем иные вопросы: «А Юлий приехал? Было письмо? Телеграмма?» И узнав, что вестей от Мартова не было, заволновался: «Что бы это могло значить?» И тут же сел писать текст телеграммы, с которой отправил на почту брата.

Лишь после этого сели за стол, опять начались расспросы и рассказы о ссылке. Владимир Ильич стал напевать те «новинки»,

¹ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 130.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 59.

которые привез из Сибири. «Он напевал нам, – рассказывает Анна Ильинична, – сложенную Цедербаумом в ссылке песенку:

*Там, в России, люди очень пылки,
Там под стать геройский им наряд,
Но со многих годы дальней ссылки
Быстро позолоту соскоблят.
И порывы эти все сведет на ноль
Сдобренный махоркой алкоголь.*

Пел Ильич, и сестра подбирала за ним на фортепиано также польские революционные песни, которым он научился от ссыльных рабочих поляков, отчасти по-польски, отчасти в русском переводе их, сделанном Кржижановским... Ясно помню Володю, как он расхаживал из угла в угол по нашей маленькой столовой и пел с увлечением...»¹

А Москва гуляла. «Самый разгар масленицы, – писала газета «Новости дня». – Вот она, пришла-таки наконец, веселая, раздольная, широкая московская масленица! Благодать. Нет, немец такого праздника выдумать не мог! Сравните нашу масленицу с западноевропейской. Там масленица – одна аллегория. Устраиваются шествия, снуют в толпе сатиры и Пьеро. А у нас никто никого не обличает и никто ни над кем не смеется. Смеются над требованиями медицины, и только...»²

В Уфе первым визитом Владимира Ильича стало посещение Четверговой, в кружке которой он начинал. Приехав в Москву, он отправился 17 февраля к Герману Красину, который более шести лет назад ввел Ульянова в круг столичных марксистов³. Но и тут, судя по всему, разговора не получилось. Герман Борисович отошел от организации, интересы его переместились в иную плоскость. Он становился все более известным уже не как нелегал, а как преуспевающий инженер-технолог⁴.

А на следующий день из Екатеринослава приехал давний самарский товарищ – Исаак Лалаянц. Была пятница, и «Русский листок» писал:

*– Что же в пятницу творится –
И пером не описать:
Мест в театрах не добиться,
Трезвых вовсе не видать...*

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 59, 60.

² Дрейден С. В зрительном зале – Владимир Ильич. М., 1986. Кн. 1. С. 31.

³ Красный архив. 1934. № 1. С. 131.

⁴ См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 130.

Но они «добились» и вечером 18-го пошли в сад «Эрмитаж» на Каретном. Смотрели спектакль Художественного театра «Геншель» Гауптмана. В этот день они увидели на сцене Лужского, Алееву, Москвина, Савицкую... И даже спустя год Владимир Ильич писал матери: «Превосходно играют в «Художественно-Общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году...»¹

Но родные Владимира Ильича видели, что еще больше его занимают совсем другие дела. И что Лалаянц приехал не только как старый друг, но и как член Екатеринославского комитета, редактор популярной нелегальной газеты «Южный рабочий». Через два дня он уехал, а Ульянов отправился в Нижний Новгород. Оттуда в Петербург. И здесь у Калмыковой он встречается с Верой Ивановной Засулич.

В Питер Вера Ивановна приехала накануне Нового года нелегально — по болгарскому паспорту на имя Велики Дмитриевны Кировой. Поселилась на Песках, но к Александре Михайловне заходила почти каждый день. После 20 лет эмиграции воспоминания молодости буквально обрушились на нее. Она ходила по улицам — к дому, где стреляла в Трепова, на Саперный, где когда-то находилась тайная типография, к предварилке, где сидела... И всякий раз, как пишет Калмыкова, Вера Ивановна «плакала и задыхалась от волнения».

У Александры Михайловны она повидала Михайловского, Вересаева, Струве, Явейна. Но ей были нужны Ульянов и Потресов. Теперь они, наконец, встретились. Беседа была долгой. Состоялся разговор Владимира Ильича и со Струве. Лишь после этого, 26 февраля, Ульянов приезжает в Псков, где ему и надлежало — сразу по прибытии из ссылки — находиться под надзором полиции².

Псков был в то время, пожалуй, одним из самых маленьких и захолустных губернских городов России. Но близость к Петербургу делала его для поднадзорных особо привлекательным. Псковским губернским земским собранием руководил известный либерал граф Петр Александрович Гейден, заведующим земской статистикой здесь служил народник Николай Михайлович Кисляков, а его помощником — уже знакомый нам князь Владимир Андреевич Оболенский, который всегда готов был подыскать жилье и работу. Так что в Пскове Ульянов сразу встретил знакомых.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 204; Дрейден С. В зрительном зале — Владимир Ильич. Кн. 1. С. 31.

² См.: Былое. 1926. № 1. С. 67; Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. II. С. 102–105.

Тут были волжанин Николай Сергиевский, высланная из столицы Любовь Николаевна Радченко с детьми, к которой регулярно наведывался Степан Радченко. А главное, уже прибыл из ссылки Потресов, и теперь они с Ульяновым получили, наконец, возможность обговорить все то, что не могли или не успели обсудить в переписке. Владимир Ильич потом «смеясь рассказывал, как малышки-девочки Радченко, Женюрка и Люда, передразнивали его и Потресова. Заложив руки за спину, ходили по комнате рядом, одна говорила «Бернштейн», другая отвечала «Каутский»...»¹.

В первые дни по приезде в Псков Ульянов жил у Оболенского — друга детства Потресова. С женой Оболенского Ольгой Владимировной Винберг была знакома по гимназии и Крупская. Спустя много-много лет Владимир Андреевич написал, что Владимир Ильич «имел очень невзрачную наружность. Небольшого роста, как коленка лысый, несмотря на свой молодой возраст, с серым лицом, слегка выдающимися скулами, желтенькой бородкой и маленькими хитроватыми глазками, он своим внешним видом скорее напоминал приказчика мучного лабаза, чем интеллигента».

Своей «личной антипатии» по отношению к Ульянову князь не таил, как не скрывал он и ее причины. Владимира Андреевича оскорбило то, что — как выяснилось — «моя личность его не интересовала». Естественно, это было обидно².

Но вот другой портрет, относящийся к тем же дням... 2 апреля Ульянов тайно приезжает из Изборска в Ригу, где встречается с Сильвиным и латышскими социал-демократами. «Было часов двенадцать дня, — пишет Сильвин, — когда Владимир Ильич в мягкой фетровой шляпе, в перчатках и с тросточкой, одетый вполне джентльменом, появился на пороге нашей комнаты... Мы отправились затем к латышам... Здесь я еще раз убедился, насколько [он] был одарен способностью увлекать, импонировать...» и далее целая страница об «огромном обаянии» и т. д. и т. п.³ Что ж, видимо, латыши оказались ему более интересны, чем Владимир Андреевич Оболенский.

Самое любопытное, что при личной антипатии к Ульянову Оболенский вполне разделял его позицию: «Нам, статистикам, он был известен как автор книги, вышедшей под псевдонимом Ильина... Тогда она произвела большую сенсацию как первая попытка переработки данных земской статистики, до сих пор неизменно обрабатывавшихся народниками с определенной тенденцией, в марксистском духе».

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 234.

² См.: Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 177, 178, 179.

³ См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 219, 223.

В Пскове существовал социал-демократический кружок, в который помимо Оболенского входили А. М. Стопани, Н. М. Кисляков, П. А. Блинов, Н. Ф. Лопатин, В. В. Бартенев и незадолго до того высланный из Питера к родителям отчаянный «экономист» – студент Н. Н. Лохов. И как только Ульянов появился в этом кружке, он, пишет Оболенский, «сразу сделался центральной фигурой, благодаря своей эрудиции в экономических вопросах и в особенности их марксистской интерпретации».

«Закрытые собрания, – продолжает Оболенский, – на которые допускались лишь человек 10 верных людей, происходили на моей квартире. Обычно все мы молчали, а спорили [Ульянов] с Лоховым. Оба они были блестящими полемистами и эрудитами в марксистской литературе. Но [Ульянов] несомненно одерживал верх над своим юным противником. Положение Лохова было особенно трудным, т. к. ему приходилось отстаивать точку зрения, которая не разделялась никем из участников собраний. Я тоже был всецело на стороне Ульянова...»¹

Впрочем, самого Ульянова подобные собрания не очень привлекали. Время кружковых рефератов и дискуссий давно прошло, и теперь было не до этого. Он переехал от Владимира Андреевича к местному провизору Лурьи, у которого снял пятнадцатиметровую комнатку, и «званным вечерам» у Оболенских и Бартеневых предпочитал библиотеку и прогулки. А в самом Пскове и его окрестностях было, как он писал матери, «не мало красивых мест»². В подтверждение этого он послал ей открытку с видом на знаменитый Троицкий собор. А когда по предложению псковских статистиков Владимир Ильич принимает участие в разработке программы обследования крестьянских хозяйств, он начинает регулярно наезжать в Изборск.

Здесь вообще многое было ему в новинку. И древние церкви новгородской архитектуры с зелеными шлемовидными покрытиями и звонницами вместо колоколен... Мужики с подбритыми затылками и подстриженными усами... Женщины в старинных нарядах... Говор псковичей, которые, особенно в западных районах, «цокали», т.е. вместо «ч» говорили «ц»... И то, как по-старому любого помещика, называли они не «барином», а «боярином»³.

Время, однако, шло. Вместе с Потресовым Ульянов тайно наведывался в Питер. К ним не раз приезжала Калмыкова. Надо было решать множество неотложных вопросов. Но для Ульяно-

¹ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 177, 178, 179.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 182, 183.

³ См.: Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 171.

ва и Потресова все еще не хватало, как говорится, «кворума». Наконец, предварительно побывав в Омске, Уфе и Самаре, в конце марта в Псков приехал из Петербурга Мартов.

Если действительно бывают встречи *долгожданные*, то именно такой стала встреча Ульянова, Потресова и Мартова. Во всяком случае, сообщая матери о прибытии в Псков Мартова, Владимир Ильич так и написал: «...«завертелся»... по случаю приезда долгожданного путешественника»¹.

Жизнь в Шушенском отгораживала от ссыльных интеллигентских склок, но предельно ограничивала сферу общения. Владимир Ильич старался компенсировать это перепиской. Она велась им с десятками адресатов. Но лишь двое из них стали по-настоящему близки ему – и по духу, и по общему пониманию стоящих задач, и по восприятию жизни вообще. Это были Александр Потресов и Юлий Мартов.

До ареста никто из них не испытывал особой близости по отношению друг к другу. Между Ульяновым и Мартовым она зародилась в Питере после выхода из тюрьмы и долгого ночного разговора, о котором рассказывалось выше. В ссылке переписка стала интенсивной, а объемистые письма скорее напоминали неторопливый обстоятельный разговор, где даже небольшой перерыв ощущался как некий «разрыв непрерывности».

«Вопросов для разговора действительно накопилась масса, – писал Ульянов Потресову 27 апреля 1899 года, – а поговорить по-подробнее, на темы литературного преимущественно свойства, здесь не удастся... Без разговоров с коллегами чувствуешь себя слишком оторванным от писания. Здесь же один Юлий принимает все это вполне близко и *активно* к сердцу, но с ним проклятые «большие расстояния» мешают беседовать достаточно подробно»².

Конечно, все трое были очень разными. Но в чем-то они как бы дополняли друг друга. Во всяком случае, Владимиру Ильичу импонировали интеллектуализм и обширная эрудиция Потресова, публицистический талант и человеческая жизнестойкость Мартова. А в Ульянове того и другого, судя по всему, привлекали основательность и то чувство реальной жизни, которое сегодня, видимо, назвали бы *почвенностью*. Совместная акция по подписанию ульяновского «Анти-Кредо» окончательно сблизила их. Эта общность позиции в главном как раз и создала возможность договориться еще там – в ссылке – о создании некой «литературной группы».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 182.

² Там же. Т. 46. С. 22.

«В конце последнего года ссылки, – вспоминал Мартов, – я получил от В. И. Ульянова письмо, в котором он мне глухо предлагал «заключить тройственный союз», в который входил бы, кроме нас двоих, еще А. Н. Потресов, для борьбы с ревизионизмом и «экономизмом». Этот союз прежде всего должен соединить свои силы с «Группой освобождения труда». Сквозь строки письма я угадывал какое-то налаживающееся предприятие журнального характера. Я ответил, конечно, полным согласием, предлагая товарищам располагать моими силами и обещая, не медля ни одного дня, отправить по окончании ссылки туда, куда это будет нужно»¹.

И вот, наконец, они встретились...

Прежде всего речь зашла об общем впечатлении от первых встреч и контактов. Оно оказалось довольно неожиданным. «Александр Николаевич и Ульянов, – писал Борис Николаевский, – были даже несколько поражены тем приемом, какой им был оказан в самых различных кругах. Они ехали из ссылки с уверенностью, что будут встречены если не враждебно, то во всяком случае с большой настороженностью. Издали им казалось, что за «критиками», на которых они смотрели как на прямых противников, идет большинство молодых «практиков», – и были готовы выступить на борьбу против нового поветрия в качестве небольшого меньшинства. И вдруг оказалось, что не только молодые «практики», но и сами теоретики-«критики» встречали их, как признанных руководителей движения...»²

Владимир Ильич рассказал о встрече в Москве с Лалаянцем. Екатеринославский комитет, начав в январе 1900 года выпуск газеты «Южный рабочий», вступил в контакт с «Бундом» и взял на себя инициативу созыва в *конце апреля в Смоленске* II съезда РСДРП. Ульянова официально приглашали на съезд и предлагали взять на себя редактирование газеты – центрального органа партии.

Владимир Ильич ответил, что «он не один, а их небольшая группа – из трех человек: он и еще двое – Мартов и Потресов». Он ознакомит их с предложением, но при всех вариантах они смогут участвовать в съезде лишь как «особая, самостоятельная группа, не связывающая себя заранее решениями съезда». Что касается газеты, то «они это дело охотно бы взяли в свои руки, но опять-таки при условии, что они его будут вести в таком духе и направлении, в каком, по их мнению, следовало бы вести это дело, предварительно подробно изложив перед съездом свои взгляды на этот счет».

¹ *Мартов Ю.* Записки социал-демократа. С. 411.

² *Потресов А. Н.* Посмертный сборник произведений. С. 36.

И наконец, Ульянов изложил Лалаянцу причину всех сомнений и оговорок: по его мнению, «действительному восстановлению партии должна предшествовать длительная подготовительная работа по выработке и установлению основных принципов в области организационных, программных и тактических вопросов, на которых должна быть построена партия, и тогда, по завершении такой работы, следовало бы созвать съезд»¹.

В искренности предложения Лалаянца сомневаться не приходилось. Но вот другая встреча – с посланником эмигрантского «Рабочего дела» – вызвала множество вопросов. Обычно, со слов Мартова, пишут, что это была встреча с Тимофеем Копельзоном, секретарем «Союза русских социал-демократов за границей». Между тем разговор с Копельзоном произошел позднее, а в марте в Псков приезжал Петр Павлович Маслов, с которым Ульянов переписывался еще с 80-х годов.

Выяснилось, что экономистское руководство «Союза» также активно включилось в подготовку съезда (смоленского) и направило в Россию Копельзона и Теплова для объезда организаций. Маслов рассказал Ульянову, что в редакции «Рабочего дела» сложились две группы. Одна – во главе с Тепловым – считает возможным сотрудничество с Плехановым, но, зная его характер, возражает «против его единоличного руководства [центральным] органом». Другая группа – Кускова, Прокопович, Иваншин – полагает, что работать с Плехановым невозможно, ибо он «настроен непримиримо ко всем молодым». В такой ситуации «тепловцы» готовы пригласить в центральный орган Ульянова, Потресова и Мартова, с тем чтобы они стали противовесом и против Плеханова, и против «кусковцев».

«Я приехал в Псков, – пишет Маслов. – В беседе, продолжавшейся почти до утра, [Ульянов] настаивал на необходимости борьбы против всей группы «Рабочего дела», не вступая ни с кем ни в какие соглашения и переговоры... Напрасно я старался убедить, что не следует сваливать в одну кучу всех эмигрантов, составлявших «заграничную группу». После реплики [Ульянова] «Плеханов не может ошибаться!», поразившей меня безграничной верой Плеханову, спор прекратился»².

Не менее неожиданным оказалось и поведение Струве и Туган-Барановского – главных «предполагаемых противников». «Не без удивления узнал я от своих товарищей, – пишет Мар-

¹ Пролетарская революция. 1929. № 1. С. 69; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 159.

² В. И. Ленин и Псковский край. Л., 1971. С. 123.

тов, — что, подобно «рабочедельцам», наши «легальные марксисты» встретили их весьма радушно, явно показывая, что они готовы видеть в нашей группе естественную руководительницу социал-демократической партии и что они склонны поддержать наши начинания...»¹

В политике нет положения более глупого и унижительного, чем оказаться игрушкой или разменной монетой в чужой игре. Мартов сразу заподозрил в поведении «рабочедельцев» и «струвистов» интригу, макиавеллистский ход — попытку изолировать и низвергнуть Плеханова. Но Потресов и Ульянов успокоили его, заявив, что поведение «друго-врагов» свидетельствует не столько о желании перессорить их с группой «Освобождение труда», сколько о желании «проложить нашими руками мост к примирению с нею»².

Любая попытка с помощью интриг оторвать «литературную группу» от Плеханова была абсолютно бессмысленной, ибо о главном все уже было договорено с Засулич. Владимир Ильич рассказал о своей февральской беседе с Верой Ивановной в Питере. Она действительно жаловалась на то, что, утратив прочные связи с российскими организациями, группа «Освобождение труда» оказалась в сложном положении. Но духом они не падали. В феврале Плеханов выпустил брошюру «Vademecum [путеводитель] для редакции «Рабочего дела», в которую включил и ульяновское «Анти-Кредо», а Аксельрод — брошюру «Открытое письмо в редакцию «Рабочего дела». И оба эти издания пользовались в России большим спросом.

Ульянов в свою очередь сообщил ей тогда о попытке екатеринославцев и Бунда собрать съезд. О намерениях «литературной группы». О том, что в данной ситуации они, не сливаясь с группой «Освобождение труда», сохраняют свою самостоятельность. И в заключение твердо заявил, что они не только «за Плеханова», но и в принципе не считают для себя возможным «вести дело без таких сил, как Плеханов и группа «Освобождение труда»...»³. Так что слово было дано.

Но все эти, если можно так выразиться, «генеральские игры в партийных верхах» не имели бы существенного значения, если бы Ульянов, Потресов и Мартов не сошлись в главном — в оценке происходящего в социал-демократических «низах».

Встречи в Питере, Москве, Уфе, Самаре, Омске свидетельствовали о том, что кажущееся преобладание «экономистов»

¹ Ленинский сборник, IV. М.; Л., 1925. С. 55.

² Там же. С. 53.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 42, 43.

являлось не столько следствием их силы, сколько прямым результатом слабости организаций. Иными словами, самоограничение вопросами текущей экономической борьбы воспринималось многими социал-демократами не как «идейная позиция», а как констатация своей неспособности поставить вопросы, связанные с борьбой против самодержавия, в практическую плоскость. А стало быть, надо не отгораживаться от них, а помочь им и привлечь на свою сторону¹.

«Обсудив всесторонне вопрос, – рассказывает Мартов, – мы решили принять приглашение на съезд... и сейчас же списаться с группой «Освобождение труда», предложив ей *прислать нам свой мандат* на этот съезд. На съезд мы должны были представить обстоятельное «исповедание веры», в котором отчетливо были бы выражены революционные задачи партии, как мы их понимаем, и коллективную свою кандидатуру в редакторы партийного органа мы должны были принять только на основе утверждения съездом этой программы»².

Спор возник вокруг вопроса о взаимоотношениях со Струве и его друзьями. Мартов, который вообще недолго любил Струве, полагал, что поворот легальных марксистов к либерализму вполне определился и вести с ними дело бесполезно и вредно, ибо, даже сотрудничая с социал-демократами, они будут тянуть одеяло на себя. Но Александр Николаевич объяснил ему, что без поддержки Струве все их планы повисают в воздухе.

На постановку легального журнала в Питере в то время необходимо было около 30–40 тысяч рублей. О такой сумме на свои нелегальные издания они не могли и помышлять. Две тысячи мог выделить из своих личных средств Потресов. Тысячу давала Калмыкова. Одну или две тысячи обещал Ульянову давний самарский знакомый Алексей Ерамасов. Еще тысячу рублей мог дать приятель Потресова по гимназии, богатый помещик и переводчик Канта Д. Е. Жуковский, в Саратове – губернский предводитель дворянства граф А. Д. Нессельроде, а в самом Пскове – бывший народник Николай Федорович Лопатин, получивший наследство от деда. Но, как выразился Потресов, вся эта «марксистскообразная демократия» непременно закрыла бы «перед нами свои кошельки, если б Струве и К^о объявили нам войну». Поэтому Александр Николаевич считал, что на определенных условиях союз со Стру-

¹ См.: Ленинский сборник, IV. С. 50–53, 55, 57.

² Там же. С. 54.

ве необходим и надо держать себя по отношению к нему вполне лояльно и гибко¹.

Позиция Владимира Ильича была иной. Он, как и Мартов, был уверен, что эволюция Струве в сторону либерализма неизбежна. Но для того чтобы занять достойное место в кругу именитых земцев, ему необходимо было выступать в роли представителя «сильной революционной партии действия». Это и объясняло его готовность к сотрудничеству с социал-демократами даже в качестве «второй скрипки». А коли так, считал Ульянов, то не надо заниматься дипломатией, демонстрировать лояльность или идти на «союз». «По-моему, – писал он Потресову еще в январе 1899 года, – «утилизировать» – гораздо более точное и подходящее слово...»², то есть ограничиться сугубо деловыми контактами, несущими свои выгоды обеим сторонам.

В конечном счете все трое сошлись на том, что «разговоры со Струве и его коллегами, которые должны были вскоре приехать в Псков, должны вестись на основе ясно сформулированного нами нашего *Credo*, в котором должна быть недвусмысленно подчеркнута наша позиция... Я предсказывал, – пишет Мартов, – что в этом случае соглашение будет сорвано в самом начале. «Посмотрим», – отвечали мне товарищи»³.

ДВА ПАСПОРТА

Ульянов тут же засел за написание принципиального заявления «литературной группы», и, поскольку все было оговорено, очень скоро документ был готов. Обычно его публикуют под заголовком «Проект заявления редакции «Искры» и «Зари». Однако более точным является, видимо, название первой публикации в IV «Ленинском сборнике»: «Проект заявления «От редакции», – ибо об «Искре» и «Заре» в марте 1900 года открытого разговора не было. Речь шла о редакции «Рабочей газеты», центрального органа партии, которую должен был утвердить смоленский съезд, и о заграничном журнале.

Проект заявления «От редакции» как раз и формулировал позицию и задачи этих изданий. Наше движение, писал Ульянов, находится «в критической стадии». С одной стороны, несмотря на повальные аресты, оно с поразительной быстротой

¹ См.: Ленинский сборник, IV. С. 56–58; *Пайнс Р.* Струве: левый либерал. С. 357–360, 365.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 20.

³ Ленинский сборник, IV. С. 57.

«проникает все глубже в рабочий класс» и «пустило в самых различных углах России так много здоровых ростков...». С другой – это движение раздроблено, носит кустарный характер, и местные кружки оторваны от аналогичных групп, действующих не только в других местах, но и в тех же самых центрах. И если в начальный период эта раздробленность была в какой-то мере неизбежна, то теперь она стала недопустимой, ибо интересы движения требуют перехода к высшей форме организации – созданию партии¹.

Положение усугубляется тем, что такая литература, как «Кре-до» или нелегальная газета «Рабочая мысль», пытается создать «особое направление», которое отрицает необходимость сплочения, всецело полагаясь на «естественный процесс». А русская «легальная литература с той пародией на марксизм, которая способна только развращать общественное сознание, еще усиливает этот разброд и эту анархию...». И главная опасность состоит в том, что «узкий практицизм», проповедуемый и теми и другими, грозит разрушить связь между социал-демократией и стихийным рабочим движением².

Нисколько не отрицая значения I съезда РСДРП и разделяя основные идеи его «Манифеста», мы тем не менее полагаем, писал Ульянов, что нельзя механически восстановить прежний центр, что «объединение нельзя попросту декретировать... его необходимо выработать». А для этого важно «разобраться» в различных разнородных интеллигентских течениях, создать программу, которая развивала бы социалистические идеи «в духе Маркса и Энгельса» и отвергала оппортунистические поправки Бернштейна, разработать приемы и методы самого объединения. Именно эти задачи и призваны решить предлагаемая общероссийская нелегальная газета и журнал³.

В мемуарах, вышедших спустя много лет, Оболенский, как и положено, пишет, что по отношению к тем, кто не соглашался с «ортодоксальной» позицией, Ульянов был ужасно нетерпим: «Спорил он исключительно неприятно – высокомерно и презрительно, усыпая свою гладко льющуюся речь язвительными и часто грубыми выходками...»⁴

Но в заявлении «От редакции» этой нетерпимости нет. Скорее наоборот. Вместе с определенной демонстрацией своей «орто-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 322, 323.

² См. там же. С. 324.

³ См. там же. С. 325, 327, 329, 330.

⁴ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 179.

доксальной» позиции заявление отразило и впечатления, вынесенные Ульяновым из встреч в Петербурге и Москве, Уфе и Нижнем Новгороде, из бесед в Пскове с Потресовым и Мартовым, Оболенским и его коллегами. И проявилось это прежде всего в том, что Владимир Ильич решительно отказывался от разрыва с колеблющимися и искренне заблуждавшимися социал-демократами, оставляя для них «возможность совместной работы».

Во-первых, «разнообразие местных условий» и «особенности во взглядах местных деятелей будут существовать всегда и... именно это разнообразие свидетельствует о жизненности движения и о здоровом росте... Объединение его отнюдь не исключает разнообразия».

Во-вторых, «мы отнюдь не намерены, — пишет Ульянов, — выдавать всех частных своих взглядов за взгляды всех русских социал-демократов... Напротив, мы хотим сделать наши органы — органами *обсуждения* всех вопросов всеми русскими социал-демократами со взглядами самых различных оттенков. Полемику между товарищами на страницах наших органов мы не только не отвергаем, а, напротив, готовы уделить ей очень много места».

И наконец, третье — «было бы еще преждевременно судить о том, насколько глубока эта рознь, насколько вероятно образование особого направления (мы отнюдь не склонны решать эти вопросы уже теперь в утвердительном смысле, отнюдь не теряем еще надежды на возможность *совместной работы*)...»¹.

Одобрив этот проект, Ульянов, Потресов и Мартов стали ждать «гостей». Буквально через день из Питера прибыл Степан Радченко и сообщил, что следующим поездом приедут Струве и Туган-Барановский. Красочное описание этого совещания оставил Юлий Мартов...

Проект читал Ульянов. «Во время чтения, — пишет Мартов, — я наблюдал за лицами наших гостей... На лице М. И. Туган-Барановского было заметно не то огорчение, не то недоумение, моментами он явно сдерживался, чтобы не прервать чтение. Напротив, Струве держался с олимпийским спокойствием, сквозь которое, однако, иногда можно было схватить чуть-чуть насмешливый огонек в глазах...

— Что же думаете вы, господа, обо всем этом? — спросил Ульянов.

Струве сказал что-то общее и неопределенное... Говорил он как бы неохотно, выцеживая из себя слова... Простодушному Михаилу

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 323, 324, 331.

лу Ивановичу, по-видимому, дипломатия была не по душе. Он заговорил горячо о том, что во всей той части декларации, которая говорит о состоянии социал-демократии и марксизма, он усматривает острое, направленное лично против него и Струве и притом крайне несправедливое... Сама характеристика критики марксизма дана такая, что он, Туган, должен поставить перед собой вопрос: могут ли они со Струве поддерживать наше начинание, если это место останется в декларации? Продолжавший молчать Струве выражением своего лица одобрял Тугана в его вылазке».

Но скандала не получилось. Ульянов и Потресов, приводя факты, отвечали, что именно легальные марксисты, «идеологически поддерживая бунт против «ортодоксии» и тем соблазняя малых сих из социал-демократической молодежи», несомненно способствовали разброду и усилению внутрипартийной борьбы. Они говорили твердо, но тактично. «В общем, беседа велась в очень мирных тонах и, когда Ульянов выразил готовность чуть-чуть смягчить пассус, говорящий о роли, сыгранной «критиками марксизма», то, к моему удивлению, дело явно пошло на соглашение...

И когда мы спросили: каково же, в конечном счете, ваше отношение к нашему начинанию, я удивленно услышал твердое заявление Струве: мы считаем его необходимым и будем посильно поддерживать, после чего попросил принять от него ежемесячный взнос, помнится, в 5 рублей. Туган-Барановский, который, по-видимому, не прочь был еще поспорить и «поторговаться», сказал с несколько хмурым лицом, что он вносит тоже, как ежемесячную лепту, 10 рублей»¹.

После отъезда гостей договорились о ближайших практических действиях. Потресов, сразу после получения заграничного паспорта, должен был выехать в Швейцарию, встретиться с Плехановым и Аксельродом и «озаботиться об издании теоретического журнала, который, во всяком случае, будет выходить за границей. Относительно политической газеты, — пишет Мартов, — мы пока что должны были считаться с желанием практиков попробовать ее издание в России... Ульянов должен был остаться в Пскове до партийного съезда и один или вместе со мной представлять на нем нашу группу...»².

¹ Ленинский сборник, IV. С. 58–60.

² Там же. С. 60.

Однако жизнь очень скоро внесла в эти планы свои коррективы. Как они и предполагали, с созывом смоленского съезда так ничего и не вышло. В середине апреля полиция провела в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и других городах аресты, а в ночь на 17 апреля взяли главных организаторов – членов екатеринославского комитета во главе с Лалаянцем. И когда в конце апреля в Смоленск приехал Копельзон, то, как он пишет, «на съезд явились, кроме меня, представители Бунда Н. Портной и Давид Кац и представитель «Южного рабочего» Абрам Гинзбург». От крупнейших местных комитетов РСДРП не было никого. «Прождавши напрасно несколько дней, мы решили разъехаться, считая дальнейшую деятельность по организации съезда уже бесполезной»¹.

Лишь после этого Копельзон поехал в Псков к Ульянову. «Я все еще питал надежду, – пишет он, – что «молодым» удастся как-нибудь сговориться с Ильичем и товарищами по вопросу об общей работе». Однако Владимир Ильич «держался крайне сдержанно, мало говорил о своих планах, обещая в ближайшем будущем побывать за границей и окончательно решить вопрос о своих отношениях к заграничным группировкам. И хотя я лично не мог жаловаться на отношение ко мне Ильича, я все же остался недоволен результатами своей поездки в Псков. Я чувствовал и сознавал, что группа Ильича не пойдет с разношерстной толпой «молодых», у которых в целом не было ни единой тактики, ни ясно определенной программы»².

Незадолго до этого, 10 апреля, Ульянову исполнилось 30 лет. Уже не впервые он встречал этот день не в кругу родных, а в чужом городе, окруженный людьми, среди которых было много знакомых, но мало близких друзей. Мартов уехал в самом начале апреля. С Потресовым личностные отношения только-только начинали выстраиваться. И ни о какой вечеринке по случаю «юбилея» никто из многочисленных псковских мемуаристов не вспоминает.

30 лет – вроде бы не так уж много. Но за его плечами университет и адвокатура, тюремная одиночка и сибирская ссылка, первые революционные кружки и крупная – по тем временам – социал-демократическая организация, авторство листовок, нелегальных брошюр и солидный сборник статей, капитальная научная монография, изданные в столичных издательствах. Для 30 лет не так уж мало.

¹ О Ленине. Кн. III. С. 26.

² О Ленине. Кн. III. С. 29, 30; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 41, 43.

Но сам он старался поменьше думать об этом. Как скажет он вскоре Плеханову, «лучше будет, если мы больше внимания уделим тому, что́ будет, а не тому, что́ было»¹.

Когда через год к нему за границу придет Крупская, появится привычка уходить в этот день куда-нибудь в лес, на природу. «У нас в быту сложилось как-то так, — вспоминала Надежда Константиновна, — что в дни его рождения мы уходили с ним куда-нибудь подальше в лес, и на прогулке он говорил о том, что его особо занимало в данный момент. Весенний воздух, начинающий пушиться лес, разбухшие почки — все это создавало особое настроение, устремляло мысль вперед, в будущее хотелось заглянуть»².

Может быть, начало этой «традиции» и было положено именно в Пскове. 18 мая Владимир Ильич напишет матери: «Много гуляю, благо погода стоит великолепная; после 2–3-х дней дождя все позеленело, пыли нет еще, воздух прекрасный, — так и тянет ins Grüne [на лоно природы]»³.

С провалом попытки созыва смоленского съезда дальнейший план действий определился окончательно. Теперь уже речь могла идти лишь о реализации первоначального замысла — издании общероссийской газеты за рубежом. Очевидно, именно тогда и определились окончательно с ее названием: «Искра». Борис Николаевский пишет, что автором его был Потресов, и это вполне возможно.

Сомнительно другое: Николаевский, якобы со слов самого Потресова, пишет, что при составлении окончательного варианта «Заявления от редакции «Искры» не Ульянов, а именно Потресов настоял на включении в него слов «о желательности и необходимости для социал-демократии возглавления общедемократического движения России»⁴. А звучит это место так: «объединить под своим знаменем все демократические элементы страны» для победы «над ненавистным режимом»⁵.

Спустя 30 лет, будучи уже в эмиграции, когда Потресов называл Ульянова не иначе как «сектантом с марксистской выучкой», он мог утверждать и такое. Но в 1900 году, когда Александр Николаевич в переписке с Владимиром Ильичем называл себя «братом», он никогда не решился бы на подобное утверждение. И прежде всего потому, что это неправда...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 350.

² Крупская Н. К. О Ленине. С. 66–67.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 188.

⁴ Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений. С. 39.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 359.

Кто вставил Ульянову в «Друзья народа» еще в 1894 году слова о необходимости для свержения абсолютизма стать «во главе всех демократических элементов»? Кто включил ему в статьи, написанные в тюрьме в 1897 году, слова о том, что задача социал-демократии – «вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма»? И кто, наконец, водил его рукой, когда в 1899 году в ссылке он заявил, что рабочая партия должна «опереться на *все* оппозиционные элементы в России» и «превратить социал-демократию в передового борца за демократию...»?¹

В том, что именно так – при всех оттенках и нюансах – понимали «гегемонию» и Потресов, и Плеханов, и Аксельрод, и Мартов, сомнений нет. Когда новые идеи витают в воздухе, их улавливает достаточное количество думающих людей, которые и объединяются сообразно общности своих взглядов.

«Оттенки» и «нюансы» тоже были. Они проявились еще в 1895 году, когда Плеханов сказал Ульянову: «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы – лицом», в формулировках различных выступлений и статей. Позднее эти разногласия углубятся еще более.

Как и было оговорено, в конце апреля Потресов уехал в Швейцарию. А 5 мая заграничный паспорт получил, наконец, Ульянов. Утром 19 мая из Полтавы прибывает Мартов, и вечером они отправляются в Петербург.

У Владимира Ильича имелось разрешение лишь на поездку к матери в Подольск. Так что посещение Питера было явно «незаконным». И если бы он знал, что все это время за ним тщательно следила полиция, Ульянов вряд ли рискнул бы на такое путешествие. Но ни Владимир Ильич, ни Мартов слежки, видимо, не заметили.

А между тем филеры сообщали: «Вечером с поездом № 18 Ульянов и Цедербаум чрезвычайно конспиративно поехали в С.-Петербург, на станции Александровская в 7 ч. 26 мин. утра сего 20 мая они вышли и путались по аллеям Царского Села, скрываясь от наблюдения, до 9 утра; когда по Царскосельской дороге приехали в С.-Петербург, здесь они оставили имевшуюся с ними небольшую ручную корзинку в здании, где помещается статистический комитет народной переписи (Козачий пер.), а сами разошлись порознь...»²

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 312; Т. 2. С. 466; Т. 4. С. 198, 259.

² Красная летопись. 1924. № 1. С. 21, 22–23.

Утром 21-го, при выходе из квартиры Малченко, где он ночевал, Ульянова взяли. Причем сразу схватили, как он рассказывал потом, «за руки, один – за правую, другой – за левую, да так взяли, что не двинешься... если бы надо было что-нибудь проглотить, не дали бы. Привезли в градоначальство, обыскали, стали допрашивать: «Зачем приехали? Ведь вам известно, что в столицы вам запрещен въезд?» Начальник петербургской охраны полковник Пирамидов иронизировал: «И выбрали путь, нечего сказать! Через Царское Село! Да разве вы не знаете, что там мы за каждым кустиком следим?»¹

Так вот и бывает: годами вынашиваются планы, тщательно продумываются детали, а потом на какой-то мелочи все готово вот-вот разрушиться в прах. «Значит, не попасть ему за границу! Ну, конечно, – вспоминала Анна Ильинична, – если даже у Мани отобрали заграничный паспорт и не позволили ехать учение продолжать, то его-то уж, конечно, не пустят... Владимир Ильич беспокоился главным образом за химическое письмо Плеханову, написанное на почтовом листке с каким-то счетом... Оно выдало бы его с головой... Всего больше беспокоило его, что химические чернила иногда со временем выступают самостоятельно»².

Сидеть пришлось в самой паршивой одиночке. «Инсекты не дают покоя ни днем ни ночью, – рассказывал Владимир Ильич, – и вообще грязь невозможная, а кроме того, ночью шум, ругань; как раз около камеры усаживаются каждую ночь в карты играть городовые, шпики и пр.»³.

Впрочем, все складывалось не так уж плохо. На бумажку с «химией» внимания не обратили. Но жандармов насторожило, что при обыске – в подкладке жилета – у него обнаружили 1300 рублей. На допросе 23 мая Ульянов объяснил: «Крупные суммы я всегда вожу с собой [защитыми] таким образом, что может быть легко проверено осмотром прочих моих жилетов». А сами деньги – это гонорар, полученный им за перевод в издательстве Поповой, и «остатки сбережений». Жандармы проверили, и факт получения гонорара – 963 рубля 75 коп. – полностью подтвердился⁴.

Конечно, это были совсем не эти деньги, взятые Анной Ильиничной еще в октябре 1899 года. Судя по всему, в жилет была защита та тысяча рублей, которую в день отъезда из Пскова пе-

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 121.

² Там же. С. 62, 63.

³ Там же. С. 121.

⁴ См.: Красная летопись. 1924. № 1. С. 22–23.

редал Ульянову на издание газеты Николай Федорович Лопатин¹. Но это были уже «детали», неведомые жандармам.

В такой ситуации на его месте, казалось бы, надо сидеть тихо и «не высовываться». Но не тот был характер. Он все-таки обжаловал «условия содержания» в тюрьме, после чего в камере провели дезинсекцию. И это запомнилось надолго...

Спустя двадцать лет, когда делегаты конгресса III Интернационала пожалуются на то, что в 4-м Доме Советов их поедом едят клопы, он продиктует секретарю Совнаркома: «Владимир Ильич указывает, что даже при царизме умели выводить клопов при помощи аппарата, похожего на самовар, причем это делалось в учреждении, не предназначенном для гостей, а именно в тюрьме, чему он сам был свидетелем. И если мы в Советской России не умеем вывести клопов, то это должно вызывать не улыбку и не фельетонный доклад, а чувство стыда»².

31 мая 1900 года «за недостатком улик» Ульянова из тюрьмы выпустили и в сопровождении «провожатого надзирателя» препроводили в Подольск, куда ему и надлежало следовать в соответствии с разрешением Департамента полиции. 1 июня надзиратель доставляет его по назначению, прямо к исправнику Подольского уезда.

«Исправник, некий Перфильев, – рассказывает Дмитрий Ульянов, – старый чинодрал, любивший при случае метнуть гром и молнию, но трус по существу, потребовал у Владимира Ильича документы. Тот предъявил свой заграничный паспорт. Перелистав и просмотрев его, исправник положил документ к себе в письменный стол и сказал: «Теперь вы можете идти, а паспорт останется у меня». Самое страшное для Владимира Ильича случилось: у него отобрали заграничный паспорт, и кто отобрал? Какой-то уездный исправник! «Документ мне нужен, – сказал Владимир Ильич, – возвратите его мне». Исправник величественно ответил: «Вы слышали: документ останется у меня, а вы можете идти»³.

Было от чего прийти в ярость... Но Ульянов сдержался и твердо заявил: «На основании статей закона (следовало многочисленное их перечисление) вы не имеете права задерживать мой паспорт! Если вы не возвратите мне его сейчас же, я буду жаловаться, я этого так не оставлю!» Сказав это, он круто повернул-

¹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. С. 253.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 511. Л. 1.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 122.

ся и вышел. Но он не сделал и десятка шагов, как его догнал околоточный и вручил бесценный паспорт¹. Юридическое образование и выдержка на сей раз помогли.

«Володя пробыл у нас с неделю, – вспоминала Анна Ильинична, – принимая участие в наших прогулках пешком и на лодке по живописным окрестностям Подольска, играл с увлечением в крокет во дворе. Приезжал туда к нему Лепешинский, приезжали Шестернин с женою Софьей Павловной... И я помню, как горячо обрушился Володя на позицию защищаемой ими заграничной группы «Рабочее дело». Приезжал и еще кто-то. Со всеми Владимир Ильич договаривался насчет шифра, убеждал в необходимости правильного корреспондирования в намечавшуюся общерусскую газету...»²

7 июня вместе с матерью и старшей сестрой Ульянов отправился к жене в Уфу. До Нижнего Новгорода ехали поездом, а там пересели на пароход «Ост». «Был июнь месяц, – пишет Анна Ильинична, – река была в разливе, и ехать на пароходе по Волге, потом по Каме и, наконец, по Белой было дивно хорошо. Мы проводили все дни на палубе. Володя был в самом жизнерадостном настроении, с наслаждением вдыхая чудный воздух с реки и окрестных лесов. Помню наши с ним подолгу в ночь затягивавшиеся беседы на пустынной верхней палубе маленького парохода, двигавшегося по Каме и по Белой. Мать спускалась, утомленная, в каюту. Редкие пассажиры исчезали еще раньше. Палуба оставалась лишь для нас двоих...»³

Как бы компенсируя полицейский клоповник и постоянное нервное напряжение последних месяцев, судьба на сей раз, как говорится, улыбнулась и сделала подарок. Он знал, что за границу уезжает надолго, что неизвестно, когда придется свидеться... Но ровный гул машины в трюме, мягкое шлепанье колес по воде вносили в душу умиротворение и покой. Потому и запомнилось это путешествие на долгие годы.

«Хорошо бы летом на Волгу! Как мы великолепно прокатились с тобой и Анютой весной 1900 года!» – это он пишет из Лондона матери в Самару в 1902-м. «Шлю большой привет из Неаполя. Доехал сюда пароходом из Марселя: дешево и приятно. Ехал как по Волге» – это матери в подмосковное Михнево из Италии в 1910-м. «Здесь так оторванным себя чувствуешь, что

¹ См.: Об Ильиче. Кн. III. М.; Л., 1924. С. 46.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. I. С. 63.

³ Там же. С. 64.

подобные рассказы о впечатлениях и наблюдениях «с Волги» (соскучился я по Волге!) – бальзам настоящий» – это из Парижа в Саратов Марку Елизарову в 1911 году...¹

Впрочем, когда на верхней палубе они с сестрой оставались одни, были и разговоры сугубо деловые. «Я указывала ему, – пишет Анна Ильинична, – как и Шестернин и другие практические работники, что нам нельзя порывать связи с «Рабочим делом», потому что лишь оно одно дает нам популярную литературу, печатает наши корреспонденции, исполняет заказы... От группы же «Освобождение труда» нет ни шерсти, ни молока, даже на письма ответа не дожидаться. Владимир Ильич говорил, что, конечно, они люди старые, больные, чтобы выполнять практическую работу, в этом молодые должны помогать им, но не обособляясь в особую группу, а признавая целиком их вполне правильное и выдержанное теоретическое руководство»².

В Уфе сразу началась нескончаемая толчея. Все время были какие-то собрания, встречи. Кто-то приходил, уходил. На собраниях, как пишет Цюрупа, «были споры и даже горячие бои». Но буквально все разговоры Ульянов поворачивал к одному – помощь будущей газете: денежными сборами, корреспонденциями, организацией транспорта. Из Бирска приезжал Павел Савинов, сосланный по делу «Союза борьбы». Из Нижнего Новгорода – Пискуновы, из Самары – Румянцев. И с ними разговор о том же – адреса, шифры, явки, пароли. Ради этого Владимир Ильич едет и на станцию Раевка Белебеевского уезда, где в кумысолечебнице Тукаева встречается с братьями Носковыми – Владимиром и Василием из Ярославля. С ними – разговор об организации транспорта будущей газеты через Смоленск³.

Была встреча и с председателем губернской земской управы князем Вячеславом Александровичем Кугушевым, сочувствовавшим социал-демократам и пригревавшим в управе ссыльных статистиков. С его родственником князем Егором Егоровичем Кугушевым, студентом-«технологом», Ульянов познакомился в Питере еще в 1894 году. Связь поддерживалась и в последующие годы, когда Егора Егоровича сослали в Вятскую губернию⁴. Так что встреча с Вячеславом Александровичем была, видимо, не случайной.

«Визит Владимира Ильича в губернскую земскую управу, – записал Вячеслав Александрович, – и беседа в моем кабинете

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 223, 315, 317.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 64.

³ См.: В. И. Ленин и Башкирия. Уфа, 1984. С. 303, 304, 311.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 386, 573.

те... Темы беседы: положение крестьянства в губернии; настроения среди городской интеллигенции и рабочих; крохоборческий характер земской работы... От т.т. ссыльных, обильно представленных в земской управе, узнал, что Владимир Ильич вел с ними деловые беседы, подготавливая связи и устанавливая способы сношения и конспиративные приемы переписки и пересылки литературы»¹.

Беседа с князем Кугушевым была, безусловно, интересной и полезной. Но истинное удовольствие Ульянов получил от знакомства с рабочим железнодорожных мастерских Иваном Якутовым. Своим стремлением самому «дойти до всего» он напоминал лучших питерских рабочих-передовиков и вызывал чисто человеческую симпатию своей открытостью, общительностью и добротой. На революционную работу он смотрел не как на тяжкий крест, а как на доброе и нужное людям дело.

«Он был большой конспиратор, – вспоминала Крупская, – пуще всего ненавидел крик, хвастовство, большие слова. Надо делать все основательно, без шума, но прочно». Даже к неизбежным репрессиям он относился спокойно, без надрыва. «Он рассказывал, – пишет Надежда Константиновна, – что его жена Наташа тоже ему сочувствует, и им никакая ссылка не страшна, он нигде не пропадет, руки везде его прокормят»².

В Уфе, как пишет Крупская, стояла в эти дни «отвратительная духотища», и через три дня Мария Александровна и Анна Ильинична уехали. Надежда Константиновна писала потом, что «все думала, как поговорю с Анютой и о том и о другом. Хотелось поговорить о многом. Но когда они приехали, я чего-то совсем растерялась и растеряла все мысли, а тут еще эти посторонние гости. На проверку вышло, что я ни разу как следует не поговорила...»³.

А поговорить было о чем, ибо в этих двух неделях пребывания Ульянова в Уфе была не только деловая толкотня, но и много сугубо личного. После свадьбы и почти двухлетнего ежедневного общения они впервые не виделись четыре с лишним месяца. Шестинедельный курс лечения у доктора Федотова закончился. Но, видимо, скоро стало очевидно, что результатов он не дал...

Как раз в это время у рабочего-екатеринославца Ивана Мазанова родилась дочь Зина. И Владимир Ильич с удовольствием таскал ее на руках. А однажды Надежда Константиновна

¹ В. И. Ленин и Башкирия. С. 309.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 235.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 417, 419.

наблюдала его в момент серьезного разговора со своей ученицей: «Я давала уроки дочке одного машиниста – десятилетней девчурке. Она приходила ко мне на дом. Раз я застала девчурку с котенком на руках, беседующую с Владимиром Ильичем. Она рассказала ему, что, когда мы занимаемся, котенок просится в комнаты, просовывает лапу в щелку под дверь. Ей тогда делается ужасно смешно, и она не может заниматься. Владимир Ильич смеялся, качал головой, гладил котенка и говорил: «Как нехорошо! Как нехорошо!» ...Дети очень чутки. И они сразу чувствовали в Ильиче близкого, интересного для них человека»¹.

Саму Надежду Константиновну, когда она встречалась с детьми, буквально захлестывали самые нежные чувства. «Я даю уроки тут у одного купца-миллионера, – писала она Марии Александровне, – обучаю его многочисленное потомство (5 штук)... Так вот младшая девчурка (7 лет) ужасно милая, с прелестным характером, умненькая, хорошенькая и такая усердная и внимательная ученица, что страх. Ей каждый день «ужасная охота» и читать, и писать, и считать. А чуть что поинтереснее, глазенки так и блестят. Она теперь постоянно поджидает меня на лестнице и докладывает все события их детской жизни. Одним словом, эта маленькая девчурка совсем полонила меня»².

В начале июля Владимир Ильич из Уфы уехал. Остановился он ненадолго в Самаре. Потом в Сызрани, где повидался с Алексеем Ерамасовым, обещавшим дать деньги на газету. 10 июля Ульянов был уже в Подольске, попрощался с родными и 13-го прибыл в Смоленск. Здесь он встречается с Владимиром Николаевичем Розановым, участвовавшим в подготовке смоленского съезда. Почти целый день проводит со старым своим знакомым Иваном Бабушкиным, работавшим в городе на строительстве трамвая. Ему Ульянов рассказывает о плане и цели издания за границей газеты и журнала, договаривается о связях. С помощью щавелевой кислоты, принесенной из аптеки Прасковьи Рыбас, женой Ивана Васильевича, учит его писать «химические письма». И если судить по нашей литературе, этим его смоленские встречи исчерпываются.

Был, однако, у Ульянова и третий собеседник, о котором официальная биохроника упорно умалчивала. Собеседником этим был Петр Струве.

¹ В. И. Ленин и Башкирия. С. 300, 310.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 423–424.

О времени пребывания Ульянова в Смоленске известно из информации местной газеты «Смоленский вестник», которую издавала Ю. П. Азанчевская, знакомая Крупской. В ежедневной хронике этой газеты было указано, что «г-н Ульянов» прибыл 14-го, поселился в «Европейской гостинице» и 15-го убыл. И в эти же самые числа прибыл и убыл «г-н Струве», остановившийся, правда, в более дорогом «Гранд-Отеле». Судя по всему, он привез те две тысячи рублей, которые из-за ареста Владимир Ильич не смог получить у Калмыковой. И вряд ли, живя по соседству два дня, Струве и Ульянов не переговорили о дальнейших планах.

Теперь можно было и уезжать. Деньги собраны... С друзьями и коллегами все договорено... Паспорт в кармане...

Впрочем, судя по всему, паспортов было два.

Вопрос о том, как и откуда весной 1901 года у Владимира Ульянова появился псевдоним Николай Ленин, вызвал множество версий. Тут были и топонимические – по реке Лене (аналогия: Волгин – Плеханов), по деревушке Ленин под Берлином. Лепешинский намекал, что псевдоним этот стал производным от имени его дочери – Леночки. Во времена становления «ленинства» как профессии искали «амурные» источники. Так появилось утверждение, что во всем якобы повинна казанская красавица Елена Ленина, в другом варианте – хористка Мариинского театра Елена Зарецкая и т. д. Но ни одна из указанных версий не выдерживала мало-мальски серьезной проверки.

Обо всем этом подробно написал в уже упоминавшейся книге «Ульяновы и Ленины. Тайны родословной и псевдонима» Михаил Штейн. Он же впервые разгадал и происхождение ульяновского псевдонима¹.

Впрочем, автор этих строк может засвидетельствовать, что еще в 50–60-е годы в Центральный партийный архив поступали письма родственников некоего Николая Егоровича Ленина, в которых излагалась достаточно убедительная житейская история. Заместитель заведующего архивом Р. А. Лавров пересылал эти письма в ЦК КПСС, и, естественно, они не стали достоянием широкого круга исследователей. Так что Михаил Гиршевич Штейн был действительно первым, кто поведал об этом в своих статьях и книге.

¹ См.: Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. С. 176–230.

Род Лениных вел свое начало от казака Посника, которому в XVII веке за заслуги, связанные с завоеванием Сибири и созданием зимовий по реке Лене, пожаловали дворянство, фамилию Ленин и поместье в Вологодской губернии. Многочисленные потомки его не раз отличались и на военной, и на чиновной службе. Один из них – Николай Егорович Ленин, дослужившись до чина статского советника, приболел, вышел в отставку и в 80-х годах XIX столетия поселился в Ярославской губернии.

Дочь его – Ольга Николаевна, окончив в 1883 году историко-филологический факультет Бестужевских курсов, пошла работать в Смоленскую вечернюю рабочую школу в Петербурге, где познакомилась с Крупской. И когда возникло опасение, что власти могут отказать Владимиру Ильичу в выдаче заграничного паспорта, и Калмыкова стала подыскивать контрабандные варианты перехода границы, Надежда Константиновна обратилась к Лениной за помощью. Ольга Николаевна передала эту просьбу брату – видному чиновнику министерства земледелия, агроному Сергею Николаевичу Ленину. С аналогичной просьбой к нему, видимо, обратился и его друг – статистик Александр Дмитриевич Цюрупа, познакомившийся с Ульяновыми в Уфе.

Сам Сергей Николаевич знал Владимира Ильича по встречам в Вольном экономическом обществе в 1895 году и по его трудам. В свою очередь и Ульянов знал Ленина, он трижды ссылался на его статьи в «Развитии капитализма в России». Посоветовавшись, брат и сестра решили передать Ульянову паспорт отца – Николая Егоровича, который к тому времени был уже совсем плох (он умер 6 апреля 1902 года).

Согласно семейному преданию, Сергей Николаевич по служебным делам отправился в Псков. «Там, по поручению Министерства земледелия, он принимал прибывавшие в Россию из Германии сакковские плуги и другие сельскохозяйственные машины. В одной из псковских гостиниц С. Н. Ленин и передал паспорт своего отца с переделанной датой рождения Владимиру Ильичу, проживавшему тогда в Пскове»¹.

Версия, по тем временам, вполне достоверная, и, видимо, именно так и объясняется происхождение главного псевдонима Ульянова – Н. Ленин.

16 июля 1900 года Владимир Ильич выехал за границу.

¹ Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. С. 207.

О первых неделях пребывания за границей Ульянов подробно рассказал сам: «Приехал я сначала в Цюрих, приехал один и не видевшись раньше с Арсеньевым (Потресовым). В Цюрихе П. Б. [Аксельрод] встретил меня с распростертыми объятиями, и я провел 2 дня в очень душевной беседе. Беседа была как между давно не видавшимися друзьями: обо всем и о многом прочем, без порядка, совершенно не делового характера.

...П. Б. очень «льстил» (извиняюсь за выражение), говорил, что для них *все* связано с нашим предприятием, что это для них возрождение, что «мы» теперь получим возможность и против крайностей Г. В. [Плеханова] спорить – это последнее я особенно заметил, да и вся последующая «гистория» показала, что это особенно замечательные слова были»¹.

Из Цюриха Ульянов направился в Женеву, где встретился с Потресовым. Выяснилось, что он тоже был у Аксельрода, потом у Плеханова и изложил им планы и намерения «литературной группы». Плеханову он отдал и проект заявления «От редакции». Георгий Валентинович, вместе с Засулич, прочел его и «ничего не возразил по существу. Он выразил только желание исправить слог, приподнять его, оставив весь ход мысли». Но у Александра Николаевича осталось впечатление, что Г. В. крайне недоволен, ужасно подозрителен и с ним «надо быть очень осторожным»².

Вне зависимости от разговора с Потресовым, поводов для плохого настроения у Плеханова было предостаточно. В апреле 1900 года на II съезде «Союза русских социал-демократов за границей» в Женеве произошел окончательный разрыв группы «Освобождение труда» с экономистским руководством и большинством «молодых» членов «Союза». Кускова – с несвойственной для светской дамы солдатской прямоотой – заявила: «Ну, что ж, Георгий Валентинович, до сих пор вы стояли во главе революционного движения. Теперь пришла очередь Сергея Николаевича [Прокоповича]»³. И Плеханов с немногочисленными сторонниками создал самостоятельный «Русский социал-демократический союз», переименованный затем в «революционную организацию «Социал-демократ».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 334.

² Там же. С. 334, 338.

³ Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 210.

Всякий раскол неизбежно сопровождается склокой. И по приезде за границу Ульянов, вопреки своему желанию, сразу же попал в атмосферу столь не любимой им эмигрантской сутолоки, бесконечных разговоров и выяснения отношений. «В сутолоке я живу довольно-таки изрядной, даже чрезмерной, – писал Владимир Ильич Крупской в Уфу, – и это (NB) несмотря на сугубые, сверхобычные меры предохранения от сутолоки! Почти, можно сказать, в одиночестве живу – и сутолока тем не менее!»¹

Знакомые и знакомые знакомых из числа «молодых» убеждали его в том, что причина всей заграничной смуты в дурном характере Плеханова, что его поведение – «это сплошной натиск на личности и т. п., сплошное генеральство и раздувание пустяков из-за оплевания личностей, сплошное употребление «недопустимых» приемов etc.»². Надо сказать, что некоторые «приемы» действительно были весьма сомнительны. Еще в Пскове Ульянова, Потресова и Мартова изрядно смутило, например, то обстоятельство, что в брошюре «Vademecum» Георгий Валентинович использовал попавшие к нему сугубо частные письма Копельзона и Кусковой.

То, что характер у Плеханова был, как говорится, не сахар, – хорошо известно. Он обладал удивительной способностью восстанавливать против себя людей. «Вера Ивановна [Засулич] очень тонко заметила, – писал Ульянов, – что Г. В. всегда полемизирует так, что вызывает в читателе сочувствие к своему противнику»³.

Когда, например, встал вопрос о назначении одним из редакторов заграничных изданий Копельзона-Гришина, Плеханов выступил против. Копельзон был, в общем-то, добродушным и неглупым человеком, хорошим практиком, хотя и довольно беспомощным в области теории. Так бы ему и сказать об этом. Но Георгий Валентинович сделал по-другому. «Чтобы доказать тов. Тимофею нелепость его притязаний, – рассказывал Стеклов, – Плеханов, дружески обняв его за талию, подвел к зеркалу и сказал ему: «Ну, посмотрите на себя в зеркало, разве такие редактора бывают?»⁴ Рядом с элегантным Плехановым толстый, с большими рыжими усами Копельзон выглядел действительно непрезентабельно. От редакторства он, естественно, отказался, но прежней любви к Плеханову уже не испытывал.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 34.

² Там же.

³ Там же. Т. 4. С. 339.

⁴ Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 209.

Александр Кремер, хороший знакомый Мартова, рассказывал о своих попытках договориться с Плехановым. Он приехал в Швейцарию из Вильно с представителем литовских социал-демократов. Во время первой встречи Георгий Валентинович вдруг вспомнил о его брошюре «Об агитации» и, не давая сказать ни слова, стал нещадно ругать и брошюру, и автора. Правда, на следующий день он пришел и извинился за резкость, но после начала второй беседы в какой-то момент «ему показалось, — рассказывал Кремер, — что мы его учим, и он крикнул нам: «Вас еще не было, а мы уже под виселицами ходили!» Произнеся эти слова, Плеханов стал уходить. За ним, ни слова не говоря, пошла Вера Ивановна... Ни один из остальных участников совещания тоже не произнес ни единого слова, как будто в присутствии Плеханова они не могли иметь своего мнения...»¹.

Почтенный анархист князь Петр Кропоткин, наблюдая Плеханова на протяжении долгих лет эмиграции, довольно зло пошутил: «Вернись он, Кропоткин, в Россию при Николае II, его бы отправили на Сахалин проводить там геологические изыскания, тогда как если бы Россией правил Плеханов, то его просто повесили бы»².

Наслушавшись этих разговоров и предполагая выступить в роли «собирателей сил», Ульянов, Потресов и Мартов еще в России решили взять дистанцию и сохранить свою самостоятельность. В псковской беседе с Копельзоном Владимир Ильич так и заявил: «Мы хотим остаться самостоятельными. Мы не считаем возможным вести дело без таких сил, как Плеханов и группа «Освобождение труда», но отсюда *никто не вправе заключать*, что мы *теряем хоть частичку нашей самостоятельности*»³.

И там же, в Пскове, было твердо договорено: «Редакторами будем мы, а они — ближайшими участниками. Я, — пишет Ульянов, — предлагал так формально и ставить с самого начала (еще с России), Арсеньев предлагал не ставить формально, а действовать лучше «по-хорошему» (что сойдет-де на то же), — я соглашался. Но оба мы были согласны, что редакторами должны быть мы, как потому, что «старик» крайне нетерпимы, так и потому, что они не смогут аккуратно вести черную и тяжелую редакторскую работу: только эти соображения для нас и решали дело, идейное же их руководство мы вполне охотно признавали»⁴.

¹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 110.

² Пайнс Р. Струве: левый либерал. С. 368.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 42.

⁴ Там же. Т. 4. С. 342.

Столкнувшись за границей с таким накалом страстей, дошедших буквально до истерик и драк, Потресов, например, стал просто скисать. Реакция Ульянова была иной. «На бога грех бы роптать, – написал он Крупской, – благо я далеко не так нервен, как наш милый книгопродавец [Потресов], впадающий в черную меланхолию и моментальную прострацию под влиянием этой сутолоки»¹.

И Владимир Ильич решил во всем разобраться.

Он изучил материалы и документы, связанные с расколом, и итог своих размышлений изложил в письме Крупской. Во всей этой смуте, пишет он, на деле *«преобладает»*, в громадной степени преобладает *принципиальная* сторона, и нападки на личности – лишь придаток, неизбежный при тех запутанных и донельзя обостренных отношениях, которые постарались создать «молодые». *Vademecum* – это – вопль, прямо-таки вопль против пошлого экономизма... И против всяких обвинений, направленных на Плеханова, надо прежде всего решительно установить, что *вся суть* его брошюры – именно объявление войны «позорным» принципам «кредизма» и «кусковщины», именно принципиальный раскол...»².

Иными словами, поскольку в сфере теории и принципов Плеханов абсолютно прав, а это – главное, то, стало быть, разговоры о том, хорош он или плох как человек не имеют существенного значения.

И вот, наконец, Ульянов встретился с Плехановым.

Поначалу все было очень мило. Они много гуляли. Георгий Валентинович, как всегда, мягко подтрунивал над собеседниками. Правда, не всегда удачно. Юрий Стеклов рассказывает, как во время одной из прогулок Плеханов стал подшучивать над Владимиром Ильичем и стал цитировать Глеба Успенского, которого он блестяще знал, относительно того, почему люди лысеют. Но, начав цитату, он вдруг запнулся, сообразив, что она невыгодна именно для него...

Ульянов мгновенно подметил это и, «катаясь от смеха по траве», продолжил: «Что же это вы, Георгий Валентинович, не договариваете? Позвольте, я сейчас приведу эту цитату. У Успенского сказано так: «Который человек лысеет ото лба, и то от большого ума (он показал на свою лысину, которая действительно шла ото лба). А который лысеет от затылка (и тут он ехидно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 34.

² Там же. С. 34–35.

показал пальцем на Плеханова, у которого лысина шла одновременно и ото лба и от затылка), и то от развратной жизни»...»¹

Но когда началось обсуждение вопросов, связанных с изданием «Искры» и «Зари», шутки кончились.

На протяжении почти трех недель они беседовали минимум семь раз. И через несколько дней после завершения переговоров, 20 августа – Ульянов, буквально потрясенный произошедшим, на бланке привокзального кафе пишет Крупской подробный отчет об этих встречах. «Как чуть не потухла «Искра»?» – так называет он этот документ, который мы и цитируем.

Но сначала – одно предварительное замечание.

В предыдущих главах мы избегали копания в чужих душах и чтения чужих мыслей. О том, что думал, чувствовал, переживал Владимир Ильич, упоминалось, как правило, лишь тогда, когда для этого имелись вполне достоверные данные. А было их не столь уж много, ибо сам он не очень-то любил ни публичное «самокопание», ни выяснение отношений. На этом основании некоторые авторы и заключали, что был Ульянов человеком «без души», напрочь лишенным тонких душевных порывов и эмоций.

Документ, о котором идет речь, представляет своего рода исключение. Он не предназначался ни для публикации, ни вообще для чужого глаза. Надо было немедленно «излить душу», и написал его Владимир Ильич, как говорится, на одном дыхании, вопреки обыкновению, почти без поправок и помарок. И свет этот документ увидел лишь после смерти Ульянова.

Для любителей психологического анализа – это объект самого пристального внимания. Пусть же задумается над ним и наш читатель.

Первые же разговоры с Плехановым, рассказывает Владимир Ильич, «сразу показали, что он действительно подозрителен, мнителен и [всегда считает себя донельзя правым]. Я старался соблюдать осторожность, обходя «больные» пункты, но это постоянное держание себя настороже не могло, конечно, не отражаться крайне тяжело на настроении. От времени до времени бывали маленькие «трения» в виде пылких реплик Г. В. на всякое замечаньице... Г. В. проявлял абсолютную нетерпимость, неспособность и нежелание вникать в чужие аргументы... Самые отдаленные намеки на то, что и он впал в крайности (напр., мой намек на опубликование частных писем и на неосторож-

¹ Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 222.

ность этого приема), приводили Г. В. прямо в отчаянное возбуждение...»¹.

«К «союзникам» [«Союзу русских с.-д. за границей»] он проявлял ненависть, доходившую до неприличия (заподозривание в шпионстве, обвинение в гешефтмахерстве, в прохвостничестве, заявления, что он бы «расстрелял», не колеблясь, подобных «изменников» и т. п.)...»

Что касается отношений с «Бундом», то тут Плеханов «проявляет феноменальную нетерпимость, объявляя его прямо не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, говоря, что наша цель – вышибить этот Бунд из партии, что евреи – сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя «в пленение» «колену гадову» и пр. Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели, и Г. В. остался всецело на своем, говоря, что у нас просто недостает знаний еврейства, жизненного опыта в ведении дел с евреями»².

И уж совсем невозможным становится обсуждение вопроса об отношениях со Струве и Туганом. Во-первых, «Г. В. старался в спорах представить дело так, будто мы не хотим беспощадной войны со Струве, будто мы хотим «все примирить» и проч.». А когда ему на фактах показали, что и в 1895-м и в 1897 году именно он уклонился от полемики, а никак не Ульянов, «Г. В., – пишет Владимир Ильич, – заявил после горячего спора, кладя мне руку на плечо: «Я ведь, господа, не ставлю условий, там обсудим все это... сообща и решим вместе». Тогда это меня очень тронуло»³.

Становится очевидным, что псковская формула «мы – редакторы, они – ближайшие сотрудники» не сможет служить основой согласия. И Ульянов и Потресов предлагают – «*соредакторство*». Однако поведение Плеханова свидетельствует о том, что и такое положение он вряд ли примет.

Взяв, к примеру, у Потресова проект заявления «От редакции», Г. В. сказал, что поправит лишь стиль и «приподнимет слог». Но при встрече с Ульяновым он вернул проект без единой пометки. Повторные просьбы исправить текст результата не дали. Тогда Ульянов сам правит его, выбрасывая все то, что Плеханов счел «оппортунистичным»: возможность дискуссий между сотрудниками и т. п.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 334, 337.

² Там же. С. 337, 338–339.

³ Там же. С. 337, 340.

И тем не менее, когда на следующем заседании это заявление стали читать, Г. В. «вскользь, мимоходом, бросил ядовитое и злое замечание, что он-то бы... уж, конечно, не такое заявление написал. Вскользь брошенное, кстати, прибавленное к какой-то фразе иного содержания, – пишет Владимир Ильич, – это замечание Г. В. меня особенно неприятно поразило: идет совещание соредакторов, и вот один из соредакторов (которого два раза просили дать свой проект заявления или проект исправлений нашего заявления) не предлагает никаких изменений, а только саркастически замечает, что он-то бы уж, конечно, не так писал (не так робко, скромно, оппортунистически – хотел он сказать). Это уже ясно показало, что нормальных отношений между ним и нами не существует»¹.

А когда, после уже упоминавшейся реплики Плеханова о том, что вопрос о Струве и Тугане решим «сообща и вместе», Ульянов и Потресов предлагают их «условное приглашение», «Г. В. очень холодно и сухо заявляет о своем полном несогласии и демонстративно молчит в течение всех наших довольно долгих разговоров с П. Б. [Аксельродом] и В. И. [Засулич], которые не прочь и согласиться с нами. Все утро это проходит под какой-то крайне тяжелой атмосферой: дело безусловно принимало такой вид, что Г. В. ставит ультиматум – или он, или приглашать этих «прохвостов»².

Ульянов и Потресов ловят себя на том, что чем жестче ведет себя Плеханов, тем упрямее становятся и они сами: «Невероятная резкость Г. В. просто как-то инстинктивно толкает на протест, на защиту его противников». А это уже никуда не годилось, ибо настроение начинало заслонять дело. «Видя это, мы оба с Арсеньевым решили уступить и с самого начала вечернего заседания заявили, что «по настоянию Г. В.» отказываемся [от приглашения Струве]. Встречено это заявление было молчанием (точно это и само собою подразумевалось, что мы не можем не уступить!). Нас порядочно раздражила эта «атмосфера ультиматумов» (как формулировал позже Арсеньев) – желание Г. В. властвовать неограниченно проявлялось очевидно»³.

На другой день, в воскресенье «собрание назначено не у нас, на даче, а у Г. В. Приезжаем мы туда... Входит Г. В. и зовет нас в свою комнату. Там он заявляет, что лучше он будет сотрудником, простым сотрудником, ибо иначе будут только трения, что

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 339.

² Там же. С. 339–340.

³ Там же. С. 339, 340.

он смотрит на дело, видимо, иначе, чем мы, что он понимает и уважает нашу, партийную точку зрения, но встать на нее не может. Пусть редакторами будем мы, а он сотрудником.

Мы совершенно опешили, выслушав это, прямо-таки опешили и стали отказываться. Тогда Г. В. говорит: ну, если вместе, то как же мы голосовать будем; сколько голосов? – Шесть. – Шесть неудобно. – «Ну, пускай у Г. В. будет 2 голоса, – вступает В. И. [Засулич], – а то он всегда один будет, – два голоса по вопросам тактики». Мы соглашаемся.

Тогда Г. В. берет в руки бразды правления и начинает в тоне редактора распределять отделы и статьи для журнала, раздавая эти отделы то тому, то другому из присутствующих – тоном, не допускающим возражений.

Мы сидим все как в воду опущенные, безучастно со всем соглашаясь и не будучи еще в состоянии переварить происшедшее. Мы чувствуем, что оказались в дураках, что наши замечания становятся все более робкими, что Г. В. «отодвигает» их (не опровергает, а отодвигает) все легче и все небрежнее, что «новая система» *de facto* всецело равняется полнейшему господству Г. В. и что Г. В., отлично понимая это, не стесняется господствовать вовсю и не очень-то церемонится с нами. Мы сознавали, что одурачены окончательно и разбиты наголову...»¹.

«Как только мы остались одни, как только мы сошли с парохода и пошли к себе на дачу, нас обоих сразу прорвало... Тяжелая атмосфера разразилась грозой. Мы ходили до позднего вечера из конца в конец нашей деревеньки, ночь была довольно темная, кругом ходили грозы и блистали молнии. Мы ходили и возмущались. Помнится, начал Арсеньев заявлением, что личные отношения к Плеханову он считает теперь раз навсегда прерванными и никогда не возобновит их... Его обращение оскорбительно... Он нас третирует и т. д. Я поддерживал всецело эти обвинения...

Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннее заявление Плеханова об отказе его от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западней для наивных «пижонов»: это не могло подлежать никакому сомнению, ибо если бы Плеханов искренне боялся соредакторства, боялся затормозить дело, боялся породить лишние трения между нами, – он бы никоим образом не мог, минуто спустя, обнаружить (и грубо обнаружить), что его соредакторство совершенно равносильно его *едино*редакторству.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 341–342.

Ну а раз человек, с которым мы хотим вести близкое общее дело... пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход, — тут уж нечего сомневаться в том, что это человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человек неискренний»¹.

Так может быть, стоило сразу ухватиться за утреннюю «отставку» Плеханова и вернуться к псковскому варианту, то есть взять всю редакцию на себя? Нет! «Брать *на себя* редакторство... — пишет Владимир Ильич, — было бы теперь просто противно, это выходило бы именно так, как будто бы мы гнались только за редакторскими местечками, как будто бы мы были Streber'ами, карьеристами, как будто бы и в нас говорило такое же тщеславие, только калибром пониже...»²

Те, кто утверждают, что Ульянов с его «железобетонной одиозностью» был напрочь лишен какой бы то ни было интеллигентской рефлексии, судя по всему, никогда не читали этого документа.

Точно так же не прав был, видимо, и Владимир Андреевич Оболенский, который, услышав в Пскове реплику о том, что Ульянов и Потресов «живут душа в душу», ревниво и зло заметил: «Живут они не душа в душу, а голова в голову, так как у [Ульянова] души нет»³. Была, Владимир Андреевич, душа, была. И, как оказалось, довольно ранимая...

«Трудно описать с достаточной точностью, — писал Владимир Ильич, — наше состояние в этот вечер: такое это было сложное, тяжелое, мутное состояние духа! Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как любимым детищем, долгие годы...

Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтением, veneration, ни перед кем я не держал себя с таким «смирением» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка».

И все от того, что мы были раньше влюблены в Плеханова: не будь этой влюбленности, относись мы к нему хладнокровнее, ровнее, смотри мы на него немного более со стороны, — мы иначе бы повели себя с ним и не испытали бы такого, в буквальном смысле слова, краха, такой «нравственной бани», по совершенно верному выражению Арсеньева. Это был самый резкий жизненный урок, обидно-резкий, обидно-грубый»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 343–344.

² Там же. С. 344.

³ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 178.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 343, 344–345.

И, осознав это, они принимают решение: «Так нельзя!.. Мы не хотим и не будем, *не можем* работать вместе при таких условиях... Мы бросаем все и едем в Россию, а там наладим дело заново и ограничимся газетой. Быть пешками в руках этого человека мы не хотим...»¹

На следующее утро пришел Аксельрод. «Я слышу, – рассказывает Ульянов, – как Арсеньев [Потресов] откликается, отворяет дверь – слышу это и думаю про себя: хватит ли духу у Арсеньева сказать все сразу? а лучше сразу сказать, необходимо сразу, не тянуть дела. Умывшись и одевшись, вхожу к Арсеньеву, который умывается. Аксельрод сидит на кресле с несколько натянутым лицом. «Вот, NN, – обращается ко мне Арсеньев, – я сказал П. Б. о нашем решении ехать в Россию, о нашем убеждении, что так вести дело нельзя». Я вполне присоединяюсь, конечно, и поддерживаю Арсеньева... Аксельрод вообще полусочувствует нам, горько качая головой и являя вид до последней степени расстроенный, растерянный, смущенный... бедный П. Б. имел совсем жалкий вид, убеждаясь, что наше решение – твердо»².

Пошли к Вере Ивановне Засулич. «Никогда не забуду я того настроения духа, – пишет Владимир Ильич, – с которым выходили мы втроем: «мы точно за покойником идем», сказал я про себя. И действительно, мы шли, как за покойником, молча, опуская глаза, подавленные до последней степени нелепостью, дикостью, бессмысленностью утраты... До такой степени тяжело было, что, ей-богу, временами казалось, что я расплачусь... Когда идешь за покойником, – расплакаться всего легче именно в том случае, если начинают говорить слова сожаления, отчаяния...»

У Веры Ивановны рассказали о своем решении. Засулич «угнетена была страшно, и упрашивала, молила почти что, нельзя ли нам все же отказаться от нашего решения... Это было до последней степени тяжело – слушать эти искренние просьбы человека, слабого пред Плехановым, но человека безусловно искреннего и страстно преданного делу, человека, с «героизмом раба» (выражение Арсеньева) несущего ярмо плехановщины»³.

После обеда, в назначенный час, встретились с Плехановым. «Арсеньев начинает говорить – сдержанно, сухо и кратко, что мы отчаялись в возможности вести дело при таких отношениях, *какие* определились вчера, что решили уехать в Россию посоветоваться с тамошними товарищами, ибо на себя уже не берем решения...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 344.

² Там же. С. 345, 346.

³ Там же. С. 346, 347.

Плеханова, видимо, немного коробит. Он не ожидал такого тона, такой сухости и прямоты обвинений. «Ну, решили ехать, так что ж тут толковать, – говорит он, – мне тут нечего сказать, мое положение очень странное: у вас все впечатления да впечатления, больше ничего: получились у вас такие впечатления, что я дурной человек. Ну, что же я могу с этим поделать?.. *На меня не рассчитывайте.* Если вы уезжаете, то я ведь сидеть сложа руки не стану и могу вступить до вашего возвращения в иное предприятие.

Ничто так не уронило Плеханова в моих глазах, – пишет Ульянов, – как это его заявление... Это была такая грубая угроза, так плохо рассчитанное запугивание, что оно могло только «доконать» Плеханова, обнаружив его «политику» по отношению к нам: достаточно-де будет их хорошенько припугнуть...

Но на угрозу мы не обратили *ни малейшего внимания*. Я только сжал молча губы... И вот, увидав, что угроза не действует, Плеханов пробует другой маневр. Как же не назвать в самом деле маневром, когда он стал через несколько минут, тут же, говорить о том, что разрыв с нами равносильен для него полному отказу от политической деятельности, что он отказывается от нее и уйдет в научную, чисто научную литературу, ибо если-де он уж с нами не может работать, то, значит, ни с кем не может... Не действует запугивание, так, может быть, поможет лесть!.. Но *после* запугивания это могло произвести только отталкивающее впечатление... Разговор был короткий, дело не клеилось... Остаток вечера провели пусто, тяжело»¹.

На том бы и закончилась вся эта «гистория». Но именно в тот момент, когда, казалось бы, все стало на свои места, Ульянов начинает осознавать, что и с ними происходит нечто невероятное и ненормальное: «Точно проклятье какое-то! Все налаживалось к лучшему – налаживалось после таких долгих невзгод и неудач, – и вдруг налетел вихрь – и конец, и все опять рушится. Просто как-то не верилось самому себе [точь-в-точь как не веришь самому себе, когда находишься под свежим впечатлением смерти близкого человека] – неужели это я, ярый поклонник Плеханова, говорю о нем теперь с такой злобой и иду, с сжатыми губами и чертовским холодом на душе, говорить ему холодные и резкие вещи, объявлять ему почти что о «разрыве отношений»? Неужели это не дурной сон, а действительность?»²

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 347–349.

² Там же. С. 346–347.

Утром – ни свет ни заря – приходит Потресов. Он тоже в полном смятении духа. Вспоминают слова Аксельрода о том, что «Плеханов тоже убит, что теперь на нашей душе грех будет, если мы так уедем, и пр. и пр.». Вспоминают Веру Ивановну, молившую их: «...Нельзя ли попробовать, может быть, на деле не так страшно, за работой наладятся отношения, за работой не так видны будут отталкивающие черты его [Плеханова] характера...» И Потресов говорит, что ночью он «придумал последнюю возможную комбинацию, чтобы хоть кое-как наладить дело, чтобы из-за порчи *личных* отношений не дать погибнуть серьезному *партийному* предприятию... Если же Плеханов заупрямится, – тогда черт с ним, мы будем знать, что сделали все, что могли... Решено»¹.

Из своей деревни Везена, вместе с Аксельродом и Засулич, они – в который уже раз – едут в Женеву. Плеханов сразу «берет тон такой, будто вышло лишь печальное недоразумение на почве нервности: участливо спрашивает Арсеньева о его здоровье и почти обнимает его – тот чуть не отскакивает... Мы говорим, что по вопросу об организации редакторского дела возможны три комбинации (1. мы редакторы, он – сотрудник; 2. мы все соредакторы; 3. он – редактор, мы – сотрудники), что мы обсудим в России все эти три комбинации, выработаем проект и привезем сюда.

Плеханов заявляет, что он решительно отказывается от 3-ей комбинации, решительно настаивает на совершенном исключении *этой* комбинации, на первые же *обе* комбинации *соглашается*. Так и порешили: пока, *впредь до представления* нами проекта нового редакторского режима, оставляем старый порядок (соредакторы все шесть, причем 2 голоса у Плеханова)»².

Все, казалось бы, вернулось на «круги своя». «Плеханов проявил всю свою ловкость, весь блеск своих примеров, сравнений, шуток и цитат, невольно заставлявших смеяться... Мы решили не говорить о происшедшем никому, кроме самых близких лиц, – решили соблюсти аппарансы, – не дать торжествовать противникам. По внешности – как будто бы ничего не произошло, вся машина должна продолжать идти, как и шла, – только внутри порвалась какая-то струна...» И в момент, когда Георгий Валентинович плел свои «кружева», Владимир Ильич подумал: «Дурак же ты, если не видишь, что мы теперь уже не те, что мы за одну ночь совсем переродились»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 347, 349, 350.

² Там же. С. 350.

³ Там же. С. 349, 351.

Николай Валентинов даже из этого письма умудрился выудить свою «рыбку». По его мнению, «жизненный урок», полученный Ульяновым в результате этой драмы, был предельно прост: в отношениях с людьми «он принял себе за правило «держат камень за пазухой»¹.

А вот как звучит это место в письме к Крупской: «Влюбленная юность получает от предмета своей любви горькое наставление: надо ко всем людям относиться «без сентиментальности», надо держать камень за пазухой. Бесконечное количество таких горьких слов говорили мы в тот вечер. Внезапность краха вызывала, естественно, немало и преувеличений, но в основе своей эти горькие слова были верны»².

Значит, «горькие слова», не более того. А «жизненный урок», извлеченный Ульяновым, состоял в другом: «Мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это – мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти «мелочные» недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретической правоте неспособно заставить забыть его *отталкивающие* качества... Идеал был разбит, и мы с наслаждением попирали его ногами, как свергнутый кумир...»

И главный вывод: «Ослепленные своей влюбленностью, мы держали себя в сущности как *рабы*, а быть рабом – недостойная вещь...»³

«ЛИЧНЫЕ СВЯЗИ»

15 августа Ульянов выезжает из Женевы в Мюнхен, но по дороге останавливается в Нюрнберге, где необходимо было договориться с немецкими социал-демократами о некоторых деталях их технической помощи изданию «Искры» и «Зари».

Все первые дни тяжелое впечатление от произошедшего конфликта не проходило, но текущие хлопоты постепенно оттесняли эти переживания как бы на второй план.

«Сегодня 2 сентября [20 августа], воскресенье, – пишет Владимир Ильич из Нюрнберга Крупской. – Значит, это было *толь-*

¹ Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 521.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 345.

³ Там же. С. 344, 345.

ко неделю тому назад!!! А мне кажется, что это было с год тому назад! Настолько уже это отошло далеко!» И еще: «По мере того, как мы отходили подальше от происшедшей истории, мы стали относиться к ней спокойнее и приходить к убеждению, что дело бросать совсем не резон, что бояться нам взяться за редакторство... пока нечего, а взяться необходимо именно нам, ибо иначе нет абсолютно никакой возможности заставить правильно работать машину и не дать делу погибнуть от дезорганизаторских «качеств» Плеханова»¹.

Еще по дороге в Нюрнберг он начинает писать проект соглашения между группой «Освобождение труда», именуемой теперь группой «Социал-демократ», и русской группой, которую он впервые называет «Группой «Искра». «Ввиду солидарности основных взглядов и тождества практических задач», говорилось в этом документе, обе «организации заключают между собой союз». Плехановская группа «принимает ближайшее редакционное участие» в «Заре» и «Искре», а также в их распространении, расширении связей и «приискании материальных средств»².

Порядок голосования в редакции Ульянов напишет позже – 6 октября. Он будет предусматривать равенство голосов обеих групп, а в случае разногласий – публикацию особого мнения как группы, так и отдельных ее членов. О двух голосах Плеханова уже не упоминалось³. И еще одна деталь: было окончательно договорено, что редакция «Искры» будет работать не в Швейцарии, под боком у Плеханова, а в Мюнхене, куда должна была переехать Вера Ивановна Засулич.

Владимир Ильич садится и за переработку первоначального проекта заявления «От редакции», написанного еще в Пскове. Текст его не только сокращается вдвое, но и становится более жестким. Георгий Валентинович все-таки «вышиб» из него все те фразы, которые были слишком мягки и отдавали, по его мнению, «оппортунизмом». Выпало, например, упоминание о преждевременности оценки существующих разногласий как факта образования «особого направления», вылетела фраза о «возможности совместной работы» с социал-демократами «различных оттенков» и т. п.

«Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, – пишет Ульянов, – мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 341, 352.

² Там же. С. 353.

³ См. там же. С. 484.

фикцией, прикрывающей существующий разброд... Мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм...»¹

Ни одно из этих уточнений не меняло общего духа прежнего проекта. Сохранялось и подвергнутое критике Плехановым положение о полемике: «Обсуждая все вопросы со своей определенной точки зрения, мы вовсе не отвергаем полемику между товарищами на страницах нашего органа. Открытая полемика пред всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают... представители различных взглядов...»²

Сохранилось главное: «Объединение всех русских социал-демократов... нельзя декретировать, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение... Необходимо, во-вторых, выработать организацию...» Только тогда «партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а следовательно, и могущественной силой»³.

Было, впрочем, еще одно отличие у этого документа. Если прежний псковский проект назывался просто «От редакции», то теперь он получает законченное наименование – «Заявление редакции «Искры».

Трудно сказать, просочились в эмигрантские круги какие-то слухи о произошедшем конфликте или нет. Впрочем, для всех, кто встречал Ульянова в эти дни, об этом нетрудно было догадаться. «В эти дни, – рассказывал Потресов, – он перестал есть, спать, осунулся, пожелтел, даже почернел»⁴. Да и сам Александр Николаевич временами опять начинал впадать в «черную меланхолию». И это тоже было заметно.

Так или иначе, но буквально сразу после приезда в Нюрнберг Ульянова атаковали представители «Союза русских социал-демократов за границей». Ссылаясь на его псковский разговор с Копельзоном, они просили о немедленной встрече, сооб-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 358.

² Там же.

³ Там же. С. 357.

⁴ Валентинов Н. Недорисованный портрет... С. 520.

шали о том, что возлагают надежды и «претендуют» не только на него, но и хотели бы «слияния», на худой конец – «федерации» со всей его «литературной группой». «Взоры Союза обращены к Вам» – таким патетическим призывом заканчивалось переданное послание.

Однако расчеты на то, что обиды и амбиции создадут почву для сближения, не оправдались. Уже 23 августа [5 сентября] Ульянов ответил: «Наше *неизменное* решение остаться самостоятельной группой и пользоваться ближайшим сотрудничеством группы «Освобождение труда»... В настоящее время, когда все наши жизненные соки должны уходить на питание нашего имеющего родиться младенца [«Искры»], мы не можем браться за кормление чужих детей».

Отношения с «Союзом», конечно, будут, но это прежде всего будут «отношения между полемизирующими». В следующем письме, уже из Мюнхена, он подтверждает: «От личного знакомства с тем или другим союзником мы вовсе не думаем отказываться, но в специальном сношении между Литературной группой и Союзом в настоящее время не видим пользы». Если кто-либо захочет помочь «Искре» – дорога открыта: «...спешим послать Вам адрес, по которому могли бы быть посылаемы всякие материалы из России...»¹

В том же сентябре возникла и другая ситуация, ставшая своего рода проверкой принципиальности и для «Группы «Искра», и для плехановцев. 23–27 сентября в Париже проводился очередной Международный социалистический конгресс. Руководство «Союза русских с.-д. за границей» – Б. Кричевский, К. Тахтарев и др. – своевременно получило мандаты от нескольких российских организаций. У Плеханова и его коллег, уже привыкших присутствовать на международных конгрессах, положение оказалось более сложным.

С Россией их связывала теперь главным образом «Группа «Искра». И она выполнила свои обязательства. Для Засулич был получен мандат от московских социал-демократов, а для остальных членов группы «Освобождение труда» – через Крупскую – прислали мандаты Уфимская и Уральская группы. Всего получили шесть мандатов, и их хватило даже для Б. А. Гинзбурга-Кольцова. О том, чтобы на конгрессе присутствовал кто-либо из «Группы «Искра», и речи не заходило².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 42–45.

² См.: Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. Т. 2. С. 135–136.

На Парижском конгрессе в составе Русской секции встретились, таким образом, как бы две делегации. И это дало повод для нового искушения. Плеханов, столь резко протестовавший против ульяновской формулы о «возможности *совместной работы*», стал вдруг вести разговоры с Тахтаревым о том, что «желательно бы примирить направления у нас в России...»¹.

Газета «Рабочая мысль» переживала в этот момент не лучшие времена. После весенних арестов ее петербургская группа перестала существовать, и издание должно было перейти в руки «Союза борьбы». А поскольку недовольство ее направлением проявлялось со стороны рабочих и ранее, то как сложатся отношения с газетой теперь – было не вполне ясно.

Поэтому, когда Плеханов стал говорить Тахтареву, что «желательно было бы *им* более или менее согласиться, как представителям «крайних» направлений; что, мол, он понимает, что и «политики» и «Рабочая мысль» слишком перегибают лук в одну сторону, а истина посередине», – Константин Михайлович сразу ухватился за это предложение².

Он тут же заявил, что готов «предложить Плеханову что-нибудь написать для «Рабочей мысли». Георгий Валентинович ответил согласием, но «попросил подождать, ибо ему надо спросить совета группы «Освобождение труда» и Литературной группы. Аксельрод и особенно Засулич полностью одобрили предложение и сообщили об этом Ульянову, добавив, что – по ряду признаков – в направлении «Рабочей мысли» наметился «поворот»³.

Владимир Ильич ответил «не категорически, не безусловно: «Мы затрудняемся в данный момент посоветовать», – писал я, т. е. прямо обуславливал наше решение предварительным выяснением дела... Необходимо было для нас дать себе полный отчет в том, произошел ли действительно «поворот»... и какой именно поворот»⁴.

Поняв, что решение вопроса зависит от Владимира Ильича, Тахтарев решил обратиться прямо к нему. «Он в это время жил в Мюнхене, куда я и поехал для переговоров по поводу «Рабочей мысли», совершенно не зная, как он встретит меня, которого... он, конечно, считал одним из своих противников. Но он встретил меня по-товарищески. Быть может, причиной его

¹ Ленинский сборник, XIII. С. 109.

² См. там же.

³ Там же. С. 97, 110.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 54.

дружеского ко мне отношения были некоторые наши общие личные связи. Наш разговор во всяком случае имел чисто товарищеский характер»¹.

Самому Ульянову эта беседа принесла довольно огорчительную информацию. Похоже, что угроза Плеханова «вступить в иное предприятие» оказалась не пустым звуком, ибо речь шла не о публикации его отдельной статьи, а совсем о другом. В Париже Тахтарев прямо предложил ему возглавить «Рабочую мысль», и «Георгий Валентинович, как это стало мне ясно из нескольких моих разговоров с ним, — пишет Тахтарев, — готов был согласиться на мое предложение и стать редактором «Рабочей мысли» при условии, конечно, изменения ее направления»². То есть весь план выпуска «Искры» вновь мог повиснуть в воздухе.

Для Ульянова это был еще один урок «большой политики», но он твердо решил не пускаться в какие бы то ни было интриги, а занять прямую и открытую позицию.

План, предложенный Тахтаревым, как он сам пишет об этом, «мог смешать карты Владимира Ильича и очень осложнить и затруднить ту борьбу, которую он в то время вел... Он мог, быть может, даже изменить ее окончательный исход». Поэтому Ульянов «самым решительным образом воспротивился тому, чтобы Плеханов стал во главе «Рабочей мысли»... Владимир Ильич совершенно откровенно высказал причины, делавшие в его глазах мой план для него неприемлемым. И я понял, что при его несогласии план этот неосуществим. Понял я также и то, что главным вождем русского социал-демократического движения был уже не Плеханов, а Ульянов... Откровенность и прямота Владимира Ильича, проявленная им при только что описанном свидании, мне очень понравились, хотя мне было и больно, что он разрушил мои планы. Расстались мы с ним вполне по-товарищески»³.

Эти слова Тахтарев написал в 1924 году. А тогда, в 1900-м, в ход были пущены и упомянутые им «личные связи». 12 (25) октября Ульянов получил большое письмо от жены Константина Михайловича — Аполлинии Якубовой.

Письмо было пространное и немножко нервным. Отвечая на него, Владимир Ильич написал: «Странное впечатление производит Ваше письмо ко мне. Если исключить сообщения об адресах и передачах, в нем остаются только упреки, — голые упреки без всяких объяснений по существу». Главным был уп-

¹ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге. С. 172–173.

² Там же.

³ Там же. С. 173.

рек в том, что именно он «отсоветовал» Плеханову контактировать с «Рабочей мыслью». «Упреки доходят даже до попыток, — продолжал Владимир Ильич, — сказать колкость («убеждены ли Вы, что это сделали Вы к пользе русского рабочего движения или к пользе Плеханова?»), — но колкостями я, конечно, уже не буду с Вами обмениваться»¹.

Вскоре от нее пришло еще более обширное послание, в котором она просила простить «за те резкие слова, которые я Вам написала в своем первом письме. Произошло это в значительной степени от того общего раздраженного состояния духа, в котором находишься все это время...»² Они были знакомы вот уже семь лет. А теперь она сама перешла на «Вы». И то, что идейные разногласия разводили их по разным лагерям, вызывало у Аполлинарии горечь и досаду.

Вспоминая о совместной борьбе с народниками в Питере в прежние времена, Якубова писала, что теперь она поняла: «плодотворного в тех распрях и полемике ничего не было; народо-вольцев смела с дороги не полемик, а сама жизнь, выступление на сцену не «героев», а «толпы»... На *действительную* работу всегда мало людей, а на чесанье языка всегда много найдется; а это последнее вредно еще и тем, что оно так гипнотизирует человека, что он на предложение ему заняться полезным делом отвечает смущенно: «Я еще не выяснил, кто я». Эх, да полноте вам, ведь от вас только и требуется вот то-то да то-то. Для этого достаточно быть порядочным, честным человеком, сочувствующим рабочему классу. «Да, правда... но... все же!...» Ну махнешь рукой и оставишь человека в покое. Мне обидно то, что это языкочесанье до такой степени поглощает человека, что он воображает, что *дело делает*...»³

И чтобы не оставалось сомнений относительно того, что она имеет в виду не только прежние времена, Аполлинария Александровна написала: «Я и теперь представляю себе очень ясно всех этих «cred'истов» и «anticred'истов»... в студенческих мундирах, которые из кожи лезут, доказывая правоту своих «убеждений». А «убеждения» их, право, гроша медного не стоят, ибо ничего-то в них нет самостоятельного и глубокого... Вот потому-то всякие credo и anticredo и т. д. мне представляются в высшей степени вредными, ибо они плодят в нашей публике «словесный разврат»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 53–54.

² Ленинский сборник, XIII. С. 103–104.

³ Там же. С. 104, 105.

⁴ Там же. С. 104.

Ее заключение было предельно кратко сформулировано в письме Мартову, приложенному к письму Ульянову: если направление «Рабочей мысли» для вас неприемлемо, а я его разделяю, то «боритесь, если не совестно».

Владимир Ильич принял вызов. «Вы пишете другу: «боритесь, если не совестно»... Нисколько не совестно бороться, – раз дело дошло до того, что разногласия затронули самые основные вопросы, что создалась атмосфера взаимного непонимания, взаимного недоверия, полнейшей разноголосицы... Чтобы избавиться от этой томящей духоты, можно (и должно) приветствовать даже бешеную грозу, а не только полемику в литературе»¹.

Одно из двух: либо предмет спора слишком мелок, сводится к личностям, амбициям – и тогда это «суета сует», – либо речь действительно идет о судьбе страны. Если правильно второе, если полемика с «экономистами» касается самого смысла борьбы, ее целей, то отмахиваться от таких споров могут лишь те, кому безразличны и рабочее движение, и сама Россия.

«Конечно, все мы ошибаемся», – с этим Ульянов был абсолютно согласен. Он сам осуждал Плеханова за то, что тот «всегда считает себя донельзя правым». Но «если я ошибаюсь, – пишет Владимир Ильич Якубовой, – прошу разъяснить мне мою ошибку». Для этого и существует полемика и «как же без борьбы выделить эти частные ошибки...».

Потому-то «и нечего так особенно бояться борьбы: борьба вызовет, может быть, раздражение нескольких *лиц*, но зато она расчистит воздух, определит точно и прямо отношения, – определит, какие разногласия существенны и какие второстепенны, определит, где находятся люди, действительно идущие совсем другой дорогой, и где сотоварищи по партии, расходящиеся в частностях»².

Не надо только при этом обвинять противников «экономизма» в том, что они, как выразилась Аполлинария, «для потехи наших врагов» разрушают своей полемикой единство социал-демократии. «Единства уже нет, оно уже разрушено, разрушено по всей линии. Русский марксизм и русская социал-демократия, – заключает Ульянов, – рассыпанные храмины, и открытая, прямая борьба – одно из необходимых условий *восстановления* единства... А что открытая, прямая и честная борьба вылечит эту болезнь и создаст действительно единую, бодрую и сильную социал-демократию, – в этом я ни на минуту не сомневаюсь»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 55.

² Там же. С. 54, 55.

³ Там же. С. 56.

Много лет спустя Надежда Крупская напишет, что «личная привязанность к людям делала для Владимира Ильича расколы неимоверно тяжелыми», политически порывая с человеком, «он рвал с ним и лично, иначе не могло быть, когда вся жизнь была связана с политической борьбой...»¹. Но это наблюдение – скорее итог многолетней борьбы. Тогда – на рубеже века – ему иногда казалось, что идейная борьба может и не затрагивать сферу личных отношений.

Надо сказать, что – вопреки обыкновению – Владимир Ильич написал два варианта ответа Якубовой и несколько вставок, которые он потом вычеркнул. Среди них была и сугубо личная. Отрицая какой-либо смысл в полемике, происходившей между другими, Аполлинария Александровна проявила абсолютную нетерпимость по отношению к критике «Рабочей мысли». Поэтому негативная позиция Ульянова исключала, по ее мнению, возможность прояснения их собственных отношений и «как бы предрешила вопрос, необходимо ли наше свидание».

«Значит, – написал Владимир Ильич, – Вы ставите свидание в зависимость от чисто деловых отношений между нами по вопросу об участии (нашем) в «Р. м.»? Вы хотите сказать: если вы категорически отказываетесь, то незачем и видаться? Так я Вас понял? Я думаю, нам надо говорить вполне прямо»².

Так он – судя по письму – и поступил. Заканчивая его, Владимир Ильич написал: «Может быть, очень неуместно, что именно в письме к Вам так часто приходится говорить о борьбе (литературной). Но я думаю, что наша старая дружба обязывает больше всего к *полной прямоте*»³.

А Плеханову, настаивавшему после разрыва переговоров на решительной атаке против «Рабочей мысли», он сообщил: «В «воинственности» «Рабочей мысли» *теперь* я сомневаюсь: некоторые шаги «к нам» (*пassez moi le mot* [извините, что я так выразился]) они все же хотят сделать, и их надо бы постараться считать *verbesserungsfähig* [исправимыми, не безнадежными]. Но атака, конечно, все же *должна* быть: без атаки они не исправимы»⁴.

Переписка с Георгием Валентиновичем возобновилась в октябре. К этому времени Ульянов, видимо, уже вышел из стрессового состояния, в котором он находился после конфликта с

¹ Крупская Н. К. О Ленине. С. 22, 23.

² Ленинский сборник, XIII. С. 98–99.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 56.

⁴ Там же. С. 67.

Плехановым. В какой-то мере помог приезд сестры. Анна Ильинична отдыхала в это время за границей, и 30 августа приехала к брату. «Как это может умный человек [Плеханов], – вспоминала она, – поступать так глупо!» – воскликнула я, – выслушав рассказ брата об этом инциденте...»

Они долго гуляли, разговаривали. И Владимир Ильич, что называется, выговорился до конца. И больше к этой истории никогда не возвращался. А Анна Ильинична написала о том осадке, который остался у нее на душе: «Обидно становится за ту глубину дружеских чувств, веры в лучшие свойства человека, которые были разрушены и оскорблены»¹.

Но надо было делать дело. И переписка между Мюнхеном и Женевой приняла регулярный, спокойный и конструктивный характер. Разве что, в отличие от посланий Аксельроду, в письмах Плеханову Владимир Ильич явно избегал каких-либо эмоций.

С Потресовым все оказалось несколько сложнее. Несмотря на то что конфликт был улажен и именно теперь надо было сосредоточить все силы на подготовке выпуска «Искры», он рвался в Россию.

2 (15) октября Аксельрод писал Ульянову: «Если у Вас обоих или у него одного нет абсолютно важных причин, безусловно требующих его отъезда, я позволю себе высказать [мое скромное мнение], что раньше, чем Алексей [Мартов] не прибудет к Вам, грешно было бы ему оставлять Вас. Как видите, я рассуждаю исключительно с точки зрения делового интереса, чтобы не быть заподозренным в каких-нибудь соображениях сентиментального свойства, словом, в адуевщине»².

Это был период, когда Потресов и Ульянов действительно жили «душа в душу». И во время всей «гистории» с Плехановым у них совпадали не только сугубо деловые, принципиальные позиции, но и нюансы душевных переживаний. Тот факт, что теперь в переписке с Ульяновым Александра Николаевича называли не иначе, как «братом», – говорил о многом: для Владимира Ильича это было, как говорится, святое слово. И он всячески старался поддержать «брата», отговаривал от поездки, тем более что опасность ареста была слишком велика.

5 (18) октября Ульянов ответил Аксельроду: «С Вашим взглядом на поездку брата я совершенно согласен. Что с ним поделаешь?.. Я всеми силами убеждаю брата либо не ехать, либо мах-

¹ Пролетарская революция. 1924. № 7. С. 254.

² Ленинский сборник, III. С. 65.

нуть в две недели, и убеждаю, и высмеиваю, и ругаюсь (я никогда с ним так ругательски не ругался) – ничего не действует, заладил одно: домой да домой!.. Вот сейчас... я ему дам прочесть сие – пускай «испровергает», если совести хватит!» И Потресов написал: «Письмо прочел и содержания оно не одобрил. Брат»¹.

В конце октября в Мюнхен перебралась Вера Ивановна Засулич, из России для работы секретарем редакции прибыла Инна Смидович-Леман, и Потресов все-таки уехал... Вернулся он лишь 11 (24) декабря, как раз в тот день, когда первый номер «Искры» вышел в свет². Мартову удалось выбраться за границу еще позднее, в марте 1901 года. Так что из всей «святой троицы», как называл их Аксельрод, Ульянов оказался в это время в Мюнхене один.

«ВЕТЕР ПЕРЕМЕН»

Эти полтора месяца до выхода «Искры» стали для Ульянова сплошной нервотрепкой. Очень подвели немецкие социал-демократы, твердо обещавшие дать свою типографию, но нещадно тянувшие с решением данного вопроса. «Нервы развинтились препорядочно, – писал Владимир Ильич Аксельроду, – главное, эта томительная неопределенность, кормят эти черти немцы завтраками, – ах! я бы их!..»³ Лишь в ноябре договорились о печатании «Искры» в Лейпциге в типографии Дитца, и только 27 ноября приступили к набору.

Уйму времени отнимала редактура и переписка по этому поводу. Все маститые авторы – «отцы-основатели» – норовили дать в газету статьи журнального объема. К сокращениям и правке относились крайне болезненно. А уж замечаний по каждой чужой заметке было хоть отбавляй. О сроках и говорить нечего – тот же Аксельрод прислал свою обширную статью для первого номера «Искры» буквально в самый последний момент.

Сам Павел Борисович 17 ноября написал Ульянову: «При всем моем интересе даже к частностям положения дел, я слишком дорожу Вашим и других коллег временем, чтобы претендовать на получение подробных вестей. По-моему, излишняя роскошь даже посылать все статьи и корреспонденции, хотя, чтобы предупредить недоразумение – я очень рад получать и прочитывать их»⁴.

¹ Ленинский сборник, III. С. 69, 70; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 50, 51.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 75.

³ Там же. С. 51.

⁴ Ленинский сборник, III. С. 107.

Формулировка, как видим, была достаточно дипломатичной, и дабы «предупредить недоразумение», приходилось учитывать каждое замечание.

Впрочем, не всегда.

Георгий Валентинович попросил, например, в статье Ульянова о расколе в заграничном «Союзе» (в том месте, где говорилось о нападках «Рабочего дела» на Плеханова) убрать слово «обвинение»: «Наши враги из «Рабочего дела», — пояснил Плеханов, — могут лгать на нас и сплетничать о нас. Но *обвинять*, а следовательно, и судить нас они не могут: русского революционера, как средневекового рыцаря, могут судить только его *перы* (равные), а нашими перами не могут быть люди, разделяющие идеи г. Г[ришина-Копельзона]». Из этой же статьи он попросил выбросить и «слова насчет заслуг «Рабочего дела», ибо кроме клеветы на Плеханова в этой газете якобы печатались лишь статьи «для глупых интеллигентов...»¹.

Насчет «неподсудности» Ульянов отвечать не стал. Он просто оставил слово «обвинение». А по поводу второго замечания написал Аксельроду: «Я внес желаемые Вами исправления, но не мог только выкинуть вовсе слова о заслугах «Рабочего дела», — мне кажется, что было бы несправедливо по отношению к противнику, имеющему не только проступки перед социал-демократией»².

В ходе переписки постепенно выяснялось, что, согласившись на ужесточение «Заявления редакции «Искры» и выбросив из него места, которые показались Плеханову слишком «оппортунистичными», Ульянов не собирался уступать в самом принципе — в отказе от «крайностей» в полемике.

Надо сказать, что жесткость идейных споров была вообще характерной чертой российской демократической публицистики. В оправдание этой жесткости еще Белинский писал: «Гадки и пошлы ссоры личные, но борьба за понятия — дело святое, и горе тому, кто не боролся». Когда Плеханов написал книгу о Михайловском, он, например, решил предпослать ей эпиграф из Глеба Успенского: «А пора бы тебе, старичок, помирать». И Потресову стоило немало труда «убедить Плеханова отказаться от этой безвкусицы»³.

Даже «легальные марксисты» писали в аналогичной стилистике. Такой знаток творчества Струве, как Ричард Пайпс, заметил, что в ту пору и Петр Бернгардович «усвоил манеру спора...

¹ Ленинский сборник, III. С. 116.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 72.

³ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 263.

предполагающую, что любой выражающий несогласие человек обязательно является либо дураком, либо лицемером, либо тем и другим вместе, в силу чего частым проявлением этой манеры был презрительный сарказм»¹.

Напротив, статьи Ульянова становились более сдержанными. Еще в ссылке он понял, что времена самарских рефератов и эпатажа прошли. В письме Анне Ильиничне он заметил: «Насчет резкостей я теперь вообще стою за смягчение их и уменьшение их числа. Я убедился, что в печати резкости выходят неизмеримо сильнее, чем на словах или в письме, так что надо быть поумереннее в этом отношении». Даже в споре с заведомым противником он «елико возможно, старался смягчить свой тон...»².

Юрию Стеклову, примыкавшему к плехановской группе и приславшему для «Искры» довольно резкую статью Рязанова, Ульянов тактично заметил, что в полемике надо избегать таких пассажей, которые дали бы повод для обвинений в «мелких придирах». Свою собственную позицию Владимир Ильич изложил так: «Вы сами указывали на некоторые крайности теперешней полемики... и *Вы были совершенно правы*; а раз крайности были, нам теперь надо быть осторожнее: не в том смысле, чтобы хоть на капельку поступаться принципами, а в том смысле, чтобы *без нужды* не озлоблять людей, работающих, по мере их разумения, для социал-демократии»³.

На статью Рязанова он дал более десятка принципиальных и построчных замечаний, свидетельствовавших о том, насколько серьезно относился он к своим редакторским обязанностям. А это требовало уймы времени. Его стало не хватать для ответа на письма, что тоже вызывало нарекания. От Инны Смидович толку оказалось немного, ибо сразу после приезда она родила, и хлопоты, связанные с ребенком, естественно, заполнили все ее время. От Веры Ивановны Засулич помощи в каких-то организационных делах ждать не приходилось.

К тому же и быт как-то не складывался. Поселился Ульянов у владельца пивной, немецкого социал-демократа Ритмейера без пансиона. И когда Анна Ильинична приехала к брату в Мюнхен, она нашла, что живет он весьма скудно, что нет у него самых необходимых вещей, и по такому случаю подарила подушку⁴. «Комнатешка у Владимира Ильича, – рассказывала позднее

¹ Пайнс Р. Струве: левый либерал. С. 261.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 139, 158.

³ Там же. Т. 46. С. 38.

⁴ См.: Ленинский сборник, III. С. 81.

Крупская, — была плохонькая, жил он на холостяцкую ногу, обедал у какой-то немки, которая угощала его [мучными блюдами]. Утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана»¹.

Вся эта неустроенность, а главное, нескончаемая ежедневная текучка не давали возможности сосредоточиться. А тут еще от европейской сырости Владимир Ильич подхватил инфлюэнцу. И в сердцах написал Аксельроду: «Я временами изнемогаю и совсем отвыкаю от своей настоящей работы»².

В такой ситуации единственным выходом становился жесточайший временной режим.

Варвара Федоровна Кожевникова — молодая фельдшерица детского отделения питерской клиники Виллие — приехала в Мюнхен и стала помогать редакции несколько позднее, когда общий распорядок жизни Ульянова сложился вполне. И был он достаточно плотным.

«Владимир Ильич, — вспоминала Кожевникова, — работал целый день, часов с 9, с небольшим перерывом на еду... Часто по вечерам, проработав целый день, он вдруг обращался ко мне и говорил: «Ну, идем отдыхать! На полчаса!» И мы с ним быстро шли в кафе выпить кружку пива.

Каждый вечер члены редакции и, если были таковые, товарищи из России собирались в одном и том же кафе, и я, любя послушать и поболтать, всегда тянула Владимира Ильича в то кафе, где были они. Но Владимир Ильич очень редко заходил туда, а большей частью указывал рукою в противоположную сторону, и мы заходили в какое-нибудь маленькое кафе, где, понятно, из редакции никого не было. Брали по кружке, и Владимир Ильич рассказывал что-нибудь интересное, веселое, а я с восторгом его слушала...

Но Владимир Ильич и отдыхал по часам. Всегда вовремя посмотрит на часы и скажет: «Осталось 2 минуты, кончайте скорее свою кружку и идем».

Как-то раз я настойчиво звала его пойти в то кафе, где были товарищи. Но Владимир Ильич с жаром ответил: «Это значит потерять весь вечер: заговоришься, увлечешься каким-нибудь бесконечным спором и просидишь там до глубокой ночи. Нет, пойдем в «наше» кафе. Отдохнем, потом еще поработаем, а затем — на все 4 стороны, идите туда, их еще застанете»³.

¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 238.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 50; Т. 55. С. 192.

³ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 135.

Так что, когда Ульянов писал Аксельроду, что временами он «изнемогает» от редакционной текучки, он несколько не преувеличивал. В письме матери 23 ноября (6 декабря), не имея возможности рассказать ей о своих делах, он напишет об этом по-другому: «Я живу по-старому, болтаюсь без толку по чужой стране, все еще только «надеюсь» пока покончить с сутолокой и засесть хорошенько за работу»¹. Толк все-таки был, газету постепенно набирали, но ведь он должен был не только редактировать, согласовывать, проталкивать, улаживать, но и писать сам.

Еще в Пскове, обмениваясь впечатлениями от поездок по России, все трое — Ульянов, Потресов и Мартов — уловили некий «ветер перемен».

Промышленный подъем 90-х годов, с которым была связана успешность экономических стачек, все более выдыхался. В годы подъема срыв поставок заказчикам, неизбежный при забастовках, приносил гораздо больший ущерб, нежели мелкие подачки рабочим. Теперь, с ухудшением конъюнктуры, фабриканты уже не шли на уступки, а, наоборот, использовали стачки для массовых увольнений. В 1900 году число забастовок не только сократилось. Участились случаи столкновений рабочих с властями, полицией. Процесс «политизации» движения набирал силу, и это было явным предвестником банкротства «экономизма».

«Не надо быть пророком, — писал Ульянов в ссылке еще в 1897 году, — чтобы предсказать неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах... поставит, таким образом, перед всеми рабочими массами в острой форме те вопросы социализма и демократизма, которые давно уже встали перед каждым сознательным, каждым думающим рабочим»².

Вместе с тем в такой ситуации «экономизм» несколько не утрачивал своей опасности. Наоборот, она еще более возрастала. Ибо, как правильно заметил Мартов, если тенденция к «самоограничению» вопросами текущей фабричной борьбы утвердится в рядах социал-демократии, то в тот момент, когда рабочие массы «осознают свои общегражданские политические интересы, они будут склонны свою борьбу за них повести вне рядов своей классовой организации, под флагом какой-нибудь буржуазно-демократической партии»³.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 195.

² Там же. Т. 2. С. 466.

³ Ленинский сборник, IV. С. 50.

Якубова была права, когда писала Ульянову, что решающую роль в развенчании народничества сыграла не столько идейная полемика, сколько реальный выход на политическую арену не «героев», а «толпы». Но эту истину сделала очевидной для всех именно полемика вокруг данных проблем. И социал-демократы одержали верх «в словах» именно потому, что уловили новый вектор исторического развития в самой жизни.

Здесь, в Мюнхене, Ульянов вернулся к размышлениям на эту тему в связи с совершенно конкретным поводом. В начале сентября от Мартова приехал в Цюрих рабочий Виктор Ногин, сосланный в Полтаву за участие в питерских стачках. Он привез для «Искры» обширную корреспонденцию Осипа Ерманского, основанную на свидетельствах самих рабочих, о знаменитой маевке 1900 года в Харькове. Предполагалось, что корреспонденция будет сокращена до размеров обычной газетной информации, но Владимир Ильич настоял на публикации всего полученного материала отдельной брошюрой, к которой он написал предисловие.

Для России эта маевка стала поистине выдающимся событием. Впервые многотысячные толпы рабочих появились с красными знаменами на улицах большого губернского города. Социал-демократы были признанными руководителями этого выступления. На митингах открыто провозглашались требования 8-часового рабочего дня, политической свободы, гарантий неприкосновенности личности. «Сказка о том, — написал Ульянов, — будто русские рабочие не доросли еще до политической борьбы... — эта сказка решительно опровергается харьковской маевкой»¹.

Но эта маевка наглядно показала и слабость организации социал-демократов. Они планировали собрать все рабочие колонны на Конной площади, где и должен был состояться главный митинг. Однако полиции, получившей сведения об этом замысле, удалось разъединить и блокировать отдельные группы манифестантов. А у социал-демократического «штаба» маевки не хватило сил, а главное — умения прорвать полицейские кордоны, повести рабочих по иным маршрутам к новому месту общего сбора.

Все перипетии харьковских событий лишний раз доказали, пишет Ульянов, что «не о проведении искусственно сочиненной грани между интеллигентами и рабочими, не о создании «чисто рабочей» организации, а именно о таком соединении должны мы заботиться прежде всего и больше всего». Ибо события показали, что организация революционеров обязана быть

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 364.

вполне профессиональной в том смысле, что она «должна соединить в себе социалистическое знание и тот революционный опыт, который выработали уроки многих десятилетий в русской революционной интеллигенции, с тем знанием рабочей среды и умением агитировать в массе и вести ее за собой, которое свойственно передовикам-рабочим»¹.

Одновременно с работой о харьковской маевке Ульянов пишет для первого номера «Искры» передовую статью «Насущные задачи нашего движения». И в ней – те же сюжеты, что и в предисловии к брошюре.

«Русская социал-демократия, – отмечал он, – переживает период колебаний, период сомнений, доходящих до самоотрицания». И колебания эти вызывает проблема взаимоотношений между социалистической интеллигенцией и рабочим движением. Разрыв между ними существовал во многих странах, и в каждой он разрешался «особым путем, в зависимости от условий места и времени». Одно было несомненным: «во всех странах такая оторванность приводила к слабости социализма и рабочего движения...»²

Специфические условия развития российского революционного движения также «породили увлечение одной стороной движения. «Экономическое» направление (поскольку тут можно говорить о «направлении») создало попытки возвести эту узость в особую теорию», привело к ослаблению «связи между русским рабочим движением и русской социал-демократией, как передовым борцом за политическую свободу». И опыт уже свидетельствует о том, что именно в России «оторванность социалистической мысли от передовых представителей трудящихся классов гораздо больше, чем в других странах, и что при такой оторванности русское революционное движение осуждено на бессилие»³.

В этой связи Ульянов формулирует вывод, который ляжет потом в основу его работы «Что делать?» (1902): «Оторванное от социал-демократии, рабочее движение мельчает и необходимо впадает в буржуазность: ведя одну экономическую борьбу, рабочий класс теряет свою политическую самостоятельность, становится хвостом других партий, изменяет великому завету: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 365.

² Там же. С. 372, 373.

³ Там же. С. 372–374.

⁴ Там же. С. 373.

С этой точки зрения определял он и место рабочих в самой партии. Соединение социал-демократической интеллигенции с рабочим движением отнюдь не предполагает того, что интеллигенты возьмут на себя роль руководителей, а рабочим останется лишь удел «ведомых». «Ни один класс в истории, — пишет Ульянов в передовой первого номера «Искры», — не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им. И русский рабочий класс показал уже, что он способен выдвигать таких людей...»¹

Бездну остроумия проявили его противники, доказывая, что социал-демократические организации той поры состояли исключительно из интеллигентов, весьма далеких от рабочей массы. А ведь достаточно посмотреть списки репрессированных активистов «Союза борьбы», чтобы увидеть, каков был удельный вес рабочих в организации: из 74 осужденных — 28 интеллигентов и 46 рабочих, то есть 63%².

Кроме того, существуют репрезентативные общероссийские подсчеты Марка Волина, которые говорят о том, что на рубеже века рабочие составляли 61% всего состава социал-демократических групп. Это был цвет российского пролетариата: 48% из них являлись металлистами, 18 — текстильщиками, 10% — полиграфистами и т.д. Интеллигенты составляли 36% членов партии. Из них 40% являлись студентами и учащимися, 21 — учителями, 20% — медиками и т.д. Социал-демократы были молоды — четверть из них не достигла и 20 лет; от 21 до 25 лет — 40%; от 26 до 30 — свыше 21%³.

Кто-нибудь опроверг эти данные? Никто. Стало быть, как говорил один литературный персонаж, «даже самое блистательное остроумие бессильно против фактов». И прав был Ульянов, когда написал в «Искре», что «борьба русских рабочих за 5—6 последних лет показала, какая масса революционных сил таится в рабочем классе, как самые отчаянные правительственные преследования не уменьшают, а увеличивают число рабочих, рвущихся к социализму, к политическому сознанию и к политической борьбе»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375.

² См.: Ленин Н. (В. Ульянов). Собр. соч. Т. 1. С. 603—617.

³ См.: Революция 1905—1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976. С. 176—181.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375.

Ульянов отметил одну характерную особенность харьковского выступления. В выдвинутых манифестантами лозунгах политические требования, признанные всем международным социалистическим движением и обращенные к государственной власти, сочетались с мелкими, сугубо экономическими требованиями к хозяевам о частичных улучшениях на отдельных предприятиях. Такое сочетание харьковские социал-демократы, дабы их не заподозрили в «экономизме», сочли проявлением слабости маевки и признали своей недоработкой. Ульянов в общем согласился с ними, хотя и сделал оговорку, что между теми и другими требованиями есть несомненная внутренняя связь.

Пройдут годы, и, анализируя опыт пролетарской борьбы, Ульянов придет к выводу, что на самом деле речь идет не о переходной, а о новой форме движения – массовой революционной стачке, которая именно благодаря сочетанию разнородных требований будет втягивать в борьбу и сплачивать самые различные по уровню сознания пролетарские слои, выбрасывать самые «крамольные» лозунги на улицу, в народ. Такая стачка станет мощным орудием воздействия на все «общественное мнение» и непосредственным предвестником революционной бури.

Владимир Ильич приводит эпизод маевки, когда на вопрос фабричного инспектора, что, собственно, нужно рабочим, из толпы раздался одинокий крик: «Конституции!» Сам корреспондент назвал данный ответ «полукомичным». А Владимир Ильич по этому поводу замечает: «Собственно говоря, ничего смешного в таком ответе не было: смешным могло показаться только несоответствие этого одиноко заявленного требования изменить весь государственный строй с требованиями сократить на полчаса рабочий день и производить в рабочие часы получку. Но связь между этими последними требованиями и требованием Конституции есть несомненно, и если мы добьемся (а мы несомненно добьемся этого), чтобы эту связь сознали массы, то крик: «конституции!» будет уже не одинок, а раздастся из уст тысяч и сотен тысяч, и тогда этот крик будет уже не смешным, а грозным»¹.

И в передовой первого номера «Искры» Ульянов пишет: «Содествовать политическому развитию и политической организации рабочего класса – наша главная и основная задача»². Помнить об этом необходимо и потому, что именно данная цель определяет выбор средств – конкретных форм и методов борьбы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 369.

² Там же. С. 374.

«Социал-демократия, — отмечает Владимир Ильич, — не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы, — она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях»¹.

Значит ли это, что для достижения великой и праведной цели возможно использование любых, в том числе «неправедных», средств, или, как говаривали иезуиты, «цель оправдывает средства»? Обвинение марксистов со стороны их противников именно в этом грехе столь же популярно, сколь и — по крайней мере, в сфере теории — неосновательно.

О том, что отнюдь не любые средства способны привести к намеченной цели, писал еще Маркс: «Цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель...»² И это было не декларацией о «добрых намерениях», а пониманием той элементарной истины, что иезуитская мораль, ориентированная на сиюминутный результат, в конечном счете нецелесообразна и «непрактична».

Маркс и Энгельс подчеркивали тесную взаимозависимость методов борьбы и ее конечных результатов. Соотношение между средствами и целью в политической борьбе, указывали они, аналогично соотношению между результатом и методом его получения в научном исследовании. «Не только результат исследования, — писали они, — но и ведущий к нему путь должен быть истинным»³.

Казалось бы, стоит лишь составить список средств «правых» и «неправых» и действовать сообразно этому списку, как проблема будет решена. Но в том-то и дело, что использование того или иного средства, рассматриваемое абстрактно, не может быть оценено на все случаи жизни как добро или зло.

Зло или благо — нож, режущий тело человека? В руках бандита и насильника — безусловное зло. Точно так же, как и насилие, взятое само по себе, есть средство «неправое». Но когда приходится прибегать к таким средствам не потому, что они заданы внутренними целями данного движения, а навязаны конкретными обстоятельствами борьбы, тогда употребление наси-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 376.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 65.

³ Там же. С. 7.

лия может стать «правым средством», как становится благом нож хирурга, спасающий человеческую жизнь.

В «Сказании о Флоре» В. Короленко справедливо заметил: «Сила руки не зло и не добро, а сила; зло же или добро в ее применении. Сила руки – зло, когда она подымается для грабежа и обиды слабейшего; когда же она поднята для труда и защиты ближнего – она добро».

Самое сложное состоит, вероятно, в том, что реальный выбор форм борьбы приходится делать не из какого-то списка «добродетельных» средств, а из того, что есть, то есть из самого движения. А оно зачастую рождает заведомо «дурные» и явно нецелесообразные формы. Поэтому задача революционера, полагал Ульянов, состоит в том, чтобы не плестись в хвосте движения, а активно участвовать в выработке средств борьбы, облагораживать их своим влиянием, выступать против нецелесообразных средств во имя целесообразных и «правых».

Это пространное отступление вызвано исключительно тем, что именно данную проблему совершенно запутали в современной литературе и коммунисты, и антикоммунисты. Для первого поколения российских социал-демократов, для многих читателей «Искры», воспитывавшихся на трудах Маркса, Энгельса, Каутского, Плеханова, все эти рассуждения были вполне очевидны.

Поэтому, когда в передовой первого номера «Искры» Ульянов написал, что все средства и формы борьбы должны соотноситься с целью – «содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса», что «всякий, кто отодвигает эту задачу на второй план, кто не подчиняет ей всех частных задач и отдельных приемов борьбы, тот становится на ложный путь и наносит серьезный вред движению»¹, – читателям газеты был вполне понятен предмет разговора.

Прочитав предисловие к брошюре о харьковской маевке, Павел Борисович Аксельрод написал Ульянову: «Предисловие прекрасное, два раза прочел – и оба раза очень понравилось. Почти жалею, что оно так приурочено к брошюре-корреспонденции, что не может быть напечатано в газете, как самостоятельная статья...»

Но еще более ему понравилась ульяновская передовица для «Искры»: «Наши задачи» (Ваша передовица) подействовали на меня как живительная струя свежей воды – именно своим то-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 374.

ном, языком, словом, литературной формой... Я сразу почувствовал себя в грамотной компании...» И, выражая сомнения относительно популярности собственной статьи, добавил: «Насколько она резко отличается от других статей газеты и явится ли она среди них диссонансом, это Вы гораздо лучше меня можете судить. Да и вообще я-то, в сущности, руководствуюсь довольно смутным представлением о наших читателях, скорее воспоминанием о впечатлениях из моего давнего опыта»¹.

Выход газеты 11 (24) декабря 1900 года стал праздником для всех «искровцев». Три статьи Ульянова, две – Мартова, статьи Аксельрода, Раковского, обширная хроника рабочей жизни и освободительного движения... После года напряженной работы, собирания сил, средств, опасных разъездов по России, арестов многих соратников и коллег – дело было сделано. Со временем это событие войдет и в историю страны. Но пока...

«Если предприятию [«Искре»], – написал Ульянов Аксельроду, – суждено иметь успех... но мой прежний «оптимизм» насчет этого условия изрядно поколеблен «прозой жизни»². Эта «проза жизни» несколько подпортила праздник.

16 (29) декабря в Мюнхен приехал Струве.

«ВЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ СИЛЬНЫ»

После выхода первого номера «Искры» стало очевидным, что для ее дальнейшего выпуска не хватает, во-первых, денег, а во-вторых, «политических» материалов. Дело в том, что по социал-демократическим каналам шла корреспонденция, касавшаяся в основном рабочего и социалистического движения. Информации, отражающей общественно-политическую жизнь России, было явно недостаточно.

Во время ноябрьских встреч Потресова со Струве в Петербурге Петр Бернгардович намекнул, что он знает, как решить эту проблему и обеспечить издания и деньгами, и соответствующими материалами, что у него есть связи с самыми высокими учреждениями, откуда возможно получение сенсационных документов.

Потресов вернулся в Мюнхен, окрыленный этими обещаниями. «Оказалось, – пишет Ульянов, – как раз наоборот. Произошла эта странная ошибка оттого, вероятно, что Арсеньеву [По-

¹ Ленинский сборник, III. С. 105, 106.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 63.

тресову] очень уж хотелось того, чем «манил» близнец [Струве], именно политического материала, корреспонденций etc. [и так далее], а «чего хочется, тому верится», и Арсеньев верил в возможность того, чем манил близнец, хотел верить в искренность близнеца, в возможность приличного *modus vivendi* [способа ужиться] с ним»¹.

В самом начале разговора, состоявшегося 16 (29) декабря, Владимир Ильич стал спрашивать Струве, как он мыслит себе дальнейшие отношения, будет ли сотрудничать в «Искре» и «Заре». Петр Бернгардович ответил «с полной решительностью, что для него это психологически невозможно работать на журнал, в коем его «разделявают под орех» (буквальное его выражение), что не думаем же мы, что мы будем его ругать, а он нам будет «политические статьи писать» (буквально!), что о сотрудничестве могла бы идти речь только при условии полной равноправности... что раньше он хотел ограничиться ролью «благожелательного пособничества», а теперь он не намерен ограничиться этим...»².

Что же произошло? Почему то, что было приемлемо в марте, стало невозможным в декабре? Ведь критика в адрес Струве и других «критиков» была и раньше.

Отвечая на этот вопрос, некоторые исследователи указывают на «борьбу за власть» в социал-демократическом движении, в особенности на «жажду власти» со стороны Ульянова и на прочие мелкие, корыстные мотивы личного свойства.

Между тем суть конфликта далеко выходила за рамки личностных отношений и лежала совсем в иной плоскости.

С 1899 года возобновилось довольно бурное студенческое движение. В Петербургском университете дело дошло до стычек с полицией. Зашевелились земцы. В том же 1899 году они основали общество «Беседа», которое стало налаживать общероссийские связи. Но власть имущих гораздо больше пугало другое. При опросах, проводившихся правительственными чиновниками, помещики в один голос твердили: «Не городские, не фабричные и даже не столичные беспорядки опасны для государства, опасность *глядит из деревни*»³. Пройдет немногим более года – и весной 1902-го вспыхнут крестьянские волнения в Полтавской и Харьковской губерниях. Волнения перекинутся в Центрально-Черноземный район, Поволжье, Грузию. И запылают помещичьи усадьбы...

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 386.

² Там же. С. 387.

³ История ВКП(б). Т. 1. Вып. 1. М.; Л., 1926. С. 230, 231, 232.

Струве был убежден, что время революций прошло, что «с теоретической точки зрения социальная революция не только неверна и бесполезна — она вводит в заблуждение». Единственным перспективным путем — реформы. Они «вовсе не представляют собой «жалкого штопанья», а, наоборот, являются лишь звеньями в той органической цепи форм, которая ведет от одной общественно-экономической формации к другой»¹.

Никто не спорил о том, что реформы нужны и полезны, что «мирный путь», как отмечал и сам Ульянов, предпочтителен². Но были ли реальные основания для надежд на реформы сверху? И не в Германии или Франции, не вообще, а конкретно в России? Ибо даже самая правильная мысль, выведенная за рамки определенных условий, становится пошлостью.

В ответ на студенческие беспорядки 1899 года правительство ответило «временным положением», позволявшим за «учинение скопом беспорядков» исключать из учебных заведений и сдавать в солдаты. В ответ на робкие протесты земцев и попытки объединения правительство отправило ряд видных земцев в отставку и урезало финансовые права самих земств. В докладной записке Витте государю было вообще предложено ликвидировать земства как противоречащие самой идее самодержавия. А когда в Харьковской и Полтавской губерниях начались волнения, туда двинули около 10 тысяч солдат и более тысячи крестьян отдали под суд.

Позднее уступки были сделаны — крестьянам обещали облегчить выход из общины, отменили круговую поруку. Но все это лишний раз убеждало в том, что реформы могут стать не результатом доброй воли монарха, а лишь следствием революционной борьбы, что правительство уступает только силе. А заглядывая в будущее, можно добавить, что элементарные политические свободы, Государственная дума появятся в России лишь *после* того, как рабочие возьмутся за оружие, а пламя крестьянских восстаний охватит чуть ли не всю страну.

Тогда, вспоминая слова Маркса «слабость всегда спасалась верой в чудеса», Владимир Ильич, обращаясь к рабочим, напишет: «Революция есть удел сильных!» «Если вы хотите революции, свободы... вы должны быть сильны... Слабые всегда *будут* рабами»³.

¹ *Пайнс Р.* Струве: левый либерал. С. 314, 321; *Струве П.* На разные темы. СПб., 1902.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 264.

³ Там же. Т. 11. С. 329, 331.

А для того чтобы стать силой, полагал он, необходимо не только сплочение и избавление пролетариата от экономического рабства, но и освобождение его от рабства духовного.

Никто не повинен в том, что он родился рабом. Но есть рабы и рабы... «Раб, не сознающий своего рабства и прозябающий в молчаливой, бессознательной и бессловесной рабской жизни, — напишет позднее Владимир Ильич, — есть просто раб». Раб, довольный своей рабской жизнью, своим «добрым и хорошим господином, есть холоп, хам». Наконец, «раб, сознающий свое рабское положение и борющийся против него, есть революционер»¹.

Причем именно политическая борьба, сплочение на почве общественных устремлений возвышает рабочего над его сугубо частным, эгоистическим интересом, расширяет кругозор, пробуждает ум, совесть, чувство собственного достоинства, способствует осознанию общности народных интересов — все то, без чего немыслимы ни развитие самого человека, ни прогресс человечества.

Путь революционной борьбы был для Струве неприемлем. Поэтому он искал контактов с либеральными земцами, встречался с Шаховским, Родичевым. Еще в конце 1899 года он стал сотрудничать в газете «Северный курьер», основанной князем В. В. Барятинским². Его статьи встречали в либеральных кругах благожелательный отклик. И когда земцы стали вынашивать планы создания своего печатного органа за рубежом, на должность главного редактора этого издания котировались две кандидатуры: Милюкова и Струве³.

После «блинов» у Классона, где собирались малоинтересные для Петра Бернгардовича инженеры-технологи и эсдеки-подпольщики, после аудиторий, где ему рукоплескали желторотые студенты и курсистки, перед Струве открывались совершенно иные возможности. Имена тех, кто входил в «Беседу», знала вся Россия: Петр и Павел Долгоруковы, Е. Н. и С. Н. Трубецкие, П. С. Шереметьев, Д. И. Шаховской, Ю. А. Новосильцев — все они были известны не только своим аристократическим происхождением, но и богатством.

Трудно сказать, знал ли об этих новых возможностях, открывающихся перед ним, сам Струве или нет (при его связях и информированности, видимо, что-то знал), но теперь роль «вто-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 40.

² См. там же. С. 360.

³ См.: Пайнс Р. Струве: левый либерал. С. 435–437.

рой скрипки» в социал-демократическом оркестре его уже никак не могла прельстить.

Мало того, причастность к социал-демократам начинала мешать. И сам он позднее написал: «Я вполне осознавал, что мое влияние как среди либералов, так и среди демократов уменьшится или даже сведется к нулю, а то и скатится в минус, если я присоединюсь к «ортодоксалистам». Именно поэтому я был таким решительным и твердым»¹.

Благодаря фундаментальному исследованию Ричарда Пайпса сегодня можно проследить буквально каждый шаг эволюции Струве. И все-таки один вопрос остался открытым: *побудительные мотивы*. Пайпс многократно ссылается на мемуары князя Владимира Андреевича Оболенского, дружившего со Струве более 40 лет. Однако один из фрагментов этих воспоминаний, отвечающий как раз на данный вопрос, он оставил без внимания.

«Не столько искание правды и справедливости, — пишет Оболенский, — привели [Струве] к марксизму, сколько его увлекла теоретическая стройность и схематическая логичность этого учения... Человеческая толпа и ее поклонение никогда не увлекали Струве, что не мешало ему быть в известной мере честолюбивым человеком. Но честолюбие его было особенным. Оно влекло его к отталкиванию от трафаретно мыслящей толпы, к оригинальности и парадоксальности... Идя против господствующих течений с нарочитой резкостью, он возвышал себя над толпой, находя в этом удовлетворение своему честолюбию. Такому человеку подлинный демократизм органически чужд, и если Струве был когда-то демократом и социалистом, то лишь случайно, встретившись с этими доктринами на путях своего мышления»².

Когда в ноябре, будучи в Петербурге, Потресов дал Струве и Тугану прочесть «Заявление редакции «Искры», Туган заявил, что больше не желает иметь дел с социал-демократами. Но Струве не стал «хлопать дверью». Он решил уйти, но попытавшись кое-что прихватить с собой, а именно — саму организацию заграничного издания с прочной полиграфической базой в Германии, связи и транспорт, то есть те элементы, которых так не хватало либералам.

Из питерских разговоров с Потресовым Струве понял, что «Искра» и «Заря» находятся в трудном положении. И он решил не церемониться. «Он приехал с полной уверенностью в нашем

¹ Пайпс Р. Струве: левый либерал. С. 374.

² Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 135.

бессилии – так формулировал сам Арсеньев результаты переговоров, и это формулирование было совершенно верно. Близнец явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия сдачи...»¹ Он заявил, что отныне роль сотрудника его уже удовлетворить не может и он желает быть редактором. Но не «Искры» и не «Зари», а нового – третьего издания, журнала «Современное обозрение».

По его замыслу, «Заря», где главную роль должен был играть Плеханов, будет журналом сугубо теоретическим. «Искра», коей руководит Ульянов, станет более «популярной» по форме и более «рабочей» по содержанию. А «Современное обозрение» сосредоточится на общественно-политической тематике, причем и «Искра», и «Заря» должны «давать в этот орган и весь свой общеполитический материал». Оговаривалось и особое условие: «на обложке [«Современного обозрения»] не должно стоять ничего социал-демократического, ничего указывающего на нашу фирму...»²

Даже после пяти лет достаточно сложных деловых и личных отношений такой поворот оказался для Ульянова полной неожиданностью. «По первоначальной передаче дела Арсеньевым я понимал так, – пишет Владимир Ильич, – что близнец идет к нам... И именно это собрание окончательно и бесповоротно опровергло такую веру. Близнец показал себя с совершенно новой стороны, показал себя «политиком» чистой воды, политиком в худшем смысле слова, политиканом, пройдохой, торгашом и нахалом»³.

Струве разговаривал как хозяин, обладающий достаточными силами и средствами, чтобы настоять на своем. Но делал он это не так, как сделал бы хамоватый торгаш или наглый в своей безнаказанности жандарм. Наоборот. Петр Бернгардович был предельно любезен. И в этом было нечто знакомое, описанное еще Тургеневым.

Милейший помещик, почти либерал Аркадий Павлыч Пеночкин из рассказа «Бурмистр» никогда лично не порол на конюшне своих мужиков; даже делая заведомую пакость, не устраивал скандалов и не повышал голос...

В одном из ближайших номеров «Искры» Ульянов напомним этот образ читателям: «Тургеневский цивилизованный помещик не только не шел сам на конюшню, но ограничивался вполголо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 386–387.

² Там же. С. 387.

³ Там же. С. 386.

са сделанным замечанием через одетого во фрак и белые перчатки лакея: «Насчет Федора... распорядиться»¹.

Вот и тогда – в декабре 1900 года – Струве совершил свой «поворот» вполне изящно и элегантно, «проделал это, – как пишет Ульянов, – в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего «критика»².

Если бы речь шла о том, чтобы потесниться на социалистическом Олимпе, переделить «генеральские чины», то тут можно было вести переговоры, добиваться взаимоприемлемых решений. Именно так, между прочим, поняли ситуацию Засулич и Потресов, которые стали выяснять, уговаривать Струве и т. п. Между тем разговор о «чинах» служил лишь прикрытием. Ибо осуществление проекта Струве означало лишь одно: вся политическая проблематика, обращенная к другим классам и воздействующая на «общественное мнение» страны, перекочевала бы из «Искры» и «Зари» в несоциал-демократический, либерально-буржуазный орган. В этом и заключалась вся суть.

Когда имеешь дело с людьми такого рода, очень важно, не поддаваясь на их риторику и дипломатические уловки, сразу вытащить наружу существо проблемы. Ульянов ничего не знал о закулисных перипетиях, происходивших в стане либералов. Но суть он ухватил сразу. «Я прямо сказал, – пишет Владимир Ильич, – что об основании 3-его органа не может быть и речи, что дело сводится тут к вопросу о том, социал-демократия ли должна вести политическую борьбу или либералы самостоятельно и самодовлеюще (я выразился яснее и определеннее, точнее). Близнец понял, озлился и заявил, что после того, как я высказался с *aner kennenswerter Klarheit* [с заслуживающей признательности ясностью] (буквальные слова!), нечего и говорить об этом... На близнеца наседали еще Арсеньев и Велика [В. И. Засулич], требовали от *него* объяснений, спорили, я больше молчал, смеялся (так, что близнец ясно это видел)...»³

В ходе последующих переговоров напор Потресова и Засулич дал свои результаты – Струве уступил и согласился на обложке «Современного обозрения» напечатать: «Приложение к социал-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 301.

² Там же. Т. 4. С. 387.

³ Там же. С. 388.

демократическому журналу «Заря». И Засулич, Потресов, а потом и Аксельрод уже праздновали победу – «наша взяла».

Ульянов обратился за поддержкой к Плеханову. Причем в письме к нему он называл Струве уже не «близнецом», как прежде, а так, как именовал его в переписке сам Плеханов – Иудой. Для них он окончательно стал теперь не «заблудшим товарищем», а ренегатом¹.

«Дело ясное, – писал Владимир Ильич, – конкуренция направляется не столько против «Зари», сколько против «Искры»: то же преобладание политического материала, тот же газетный характер – *обозрение* текущих событий... Мы будем бегать по исполнению поручений Иуды, который своим хозяйничаньем в «Современном обозрении»... сделает великолепную либеральную карьеру и попытку оттереть не только тяжело-весную «Зарю», но и «Искру». Мы будем бегать, хлопотать, корректировать, перевозить, а его сиятельство г. Иуда будет *redacteur en chef* [главным редактором] наиболее влиятельного (в широком *so genannten* [так называемом] «общественном» мнении) журнальчика. ...Спрашивается, неужели пресловутая «гегемония» социал-демократии не окажется при этом простым *sant'om* [лицемерием]?..

Если нам суждено и возможно добиться действительной гегемонии, то исключительно при помощи политической газеты (подкрепленной научным органом), и когда нам с возмутительной наглостью заявляют, что политический отдел нашей газеты не должен конкурировать с политическим предприятием гг. либералов, то наша жалкая роль ясна, как божий день». Иными словами, «мы продаем право нашего первородства за чечевичную похлебку и оказываемся *genasfuhr*t [водимыми за нос] Иудой...»².

Тут может возникнуть ряд вопросов. Почему, например, разногласия с Якубовой не влекли за собой разрыва личных отношений, а здесь, со Струве, надо было рвать? Почему, когда в Пскове договаривались со Струве о сотрудничестве и ему предлагалась роль «второй скрипки», это не считалось зазорным? Так почему бы теперь, точно так же, не перейти на вторые роли и самому Ульянову?

Во-первых, потому, что и в том и в другом случае отношения устанавливались и выяснялись открыто, без каких-либо умол-

¹ См.: Ленинский сборник, III. С. 126.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 80, 81.

чаний. Здесь же речь шла об интриге. Во-вторых, – и это главное – и в том и в другом случае, при всех разногласиях, предполагалась принадлежность сторон к одному лагерю и все «разночтения» возникали все-таки на почве «общего дела».

Ведь в чем проблема лебедя, рака и щуки в крыловской басне? Совсем не в том, что лебедь рвется в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду. Иначе быть и не могло. По-другому они просто не могут. Проблема в другом, в том, что они взялись вместе тащить один воз.

Бывают случаи, когда люди ссорятся и расходятся не из-за «жажды власти» или врожденной склочности характера, а по иным – принципиальным мотивам.

«Я был бы совсем плохим социал-демократом, – писал Плеханов, – если б не признавал самой полной свободы теоретического исследования. Но я был бы столь же плохим социал-демократом, если б не понимал, что *свобода исследования* должна сопровождаться и дополняться *свободой группировки людей* *сообразно их взглядам*.

Я убежден, – и можно ли не быть убежденным в этом? – что люди, расходящиеся между собой в основных взглядах в теории, имеют полное право разойтись между собой также и на практике, т. е. сгруппироваться по разным лагерям. Я убежден даже в том, что бывают такие «ситуации», когда *они обязаны это сделать...*»¹

Так и в данном случае, речь шла не о терпимости по отношению к иным взглядам и не о том, «кто главнее», а о переходе Петра Бернгардовича совсем в другой лагерь и невозможности, таким образом, тащить вместе с ним один воз. А поскольку как раз перед этим Струве клялся в верности РСДРП и никто при этом за язык его не тянул, то в данном случае можно было говорить и об *измене*. И у Плеханова были основания назвать его *Иудой*².

Сам Струве, между прочим, это прекрасно понимал. Когда позднее он вновь приехал в Мюнхен и на встречу с ним пошла только Крупская, «он говорил о том, что его считают ренегатом, и еще что-то в том же роде, издевался над собой». Надежда Константиновна пишет: от свидания этого «пахнуло какой-то тяжелой Достоевщиной»³.

¹ Плеханов Г. В. Соч. Т. XVII. С. 3–4.

² См. там же.

³ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 244.

Владимир Ильич предложил Плеханову поднять против Струве «знамя восстания. Лучше разрыв [со Струве], чем это фактическое подчинение программе *Credo* наряду с громкими фразами против *cred'изма*». Ультиматума он, впрочем, не ставил: «Если большинство выскажется за, – я, конечно, подчинюсь, но только умыв наперед свои руки»¹.

Однако Плеханов, опасавшийся, что разрыв со Струве блокирует источники финансовых поступлений, ответил: «Обстоятельства таковы, что разрыв *теперь* погубит нас; а *после* мы посмотрим»². И Ульянов подчинился большинству. Обстоятельства, однако, сложились так, что вскоре после возвращения в Россию Струве был арестован, выслан в Тверь и дело с «Современным обозрением» разладилось само собой. А «Искра» прочно встала на ноги и без помощи Струве.

Наступавший XX век с самого начала предвещал России великие социальные потрясения. Как заметил один из участников харьковской маевки 1900 года, «рабочие не перестают говорить положительно все, что это только начало, что *будет буря...*» Через пять лет начнется первая русская революция, эхо которой прокатится по всему миру от Мексики до Китая. Но и на рубеже нового столетия на Руси уже пахло дымом.

«У нас в воздухе висит что-то зловещее: каждый день на горизонте зарево пожаров, по земле стелется кровавый туман, дышится и живется трудно, точно перед грозой. Мужик утрюмо молчит, а если заговаривает иногда, то так, что мороз по коже пробирает» – это письмо из Воронежской губернии. А вот письмо из Тамбовской: «Надо уехать, пока совсем не повесили на воротах... Происходит какая-то пугачевщина...»³ И «красное колесо» крестьянских восстаний, то ускоряя, то замедляя свой бег, будет катиться по России почти два десятка лет.

Проблема состояла уже не в том, что лучше – реформа сверху или революционная борьба снизу, быть насилью или не быть. Своей репрессивной политикой правительство само поставило насилие в повестку дня.

Неспособность, а главное – нежелание царских властей идти на политический диалог, на уступки сам Струве вскоре почув-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 79, 80, 81.

² Ленинский сборник, III. С. 133.

³ История ВКП(б). Т. 1. Вып. 1. С. 230, 231, 232.

ствовал, как говорится, «на собственной шкуре». Вернувшись в начале марта из Германии в Петербург, он принял участие в демонстрации протеста против сдачи студентов в солдаты.

Демонстранты заполнили всю Казанскую площадь. Начались речи, и на ступеньках собора взвился маленький красный флажок. «В ответ на его мельканье, — рассказывает Ариадна Тыркова, — раздался топот казачьих лошадей. Смутно донеслись слова команды... Отовсюду уже доносились истерические женские голоса. Визг. Вопли...

Манифестанты были, конечно, безоружны. Голыми руками отбивались студенты и студентки от налетавших на них с нагайками казаков... Какая-то девушка схватилась за узду казачьей лошади, повисла на ней. Казак нагайкой сбил с девушки шляпу. Волосы ее распустились. На щеке показалась кровь. Недалеко от меня, защищаясь от нагаек, два студента закрывали лицо руками, по которым текла кровь. Двое городских тащили под руки совсем молоденькую девушку. Она иступленно кричала, отбивалась от них...

Манифестанты понемногу сбивались вместе. Некоторые были без шапок, без шляп. Тут была не только университетская молодежь, но и люди постарше. Среди них я увидела П. Б. Струве. Он был в совершенном иступлении. Увидав Тугана, он бросился к нему и, размахивая руками, захлебываясь кричал:

– Это черт знает что такое! Как они смели? Как они смеют меня, меня по ногам колотить нагайкой! Вы понимаете – меня!..

Он хлопал руками по своему пальто, на котором нагайка оставила грязные следы. Мы все были возбуждены, возмущены тем, что творилось кругом. Но жизнь любит смешивать трагическое и комическое, и, глядя на взлохмаченные рыжие волосы и рыжую бороду Струве, на его искаженное от негодования лицо, слушая его нелепый, нескладный, несколько раз повторенный выкрик – меня! меня! – я чуть не рассмеялась»¹.

Борьба уже началась, и теперь можно было выбирать лишь одну из борющихся сторон. Отрицание борьбы, отказ от насилия против насильников, возведенный в принцип ради спасения собственной души и сохранения внутреннего душевного комфорта, в условиях жесточайших социальных битв вполне мог стать антигуманным и аморальным.

«Искра» опубликовала сатирические стихи Мартова, выступившего под псевдонимом Нарцисс Тупорылов:

¹ Тыркова-Вильямс А. То, чего больше не будет. С. 254, 255, 256.

*Грозные тучи нависли над нами,
Темные силы в загромок нас бьют,
Рабские спины покрыты рубцами,
Хлещет неистово варварский кнут.
Но потираючи грешное тело,
Мысля конкретно, посмотрим на дело:
«Кнут ведь истреплется, скажем народу,
Лет через сто ты получишь свободу».*

Отказ от насилия против насильников мог лишь продлить существование таких режимов и таких общественных отношений, которым насилие над человеком сопутствовало неизбежно и неотвратно. Насилие – дурное средство. Само по себе оно отвратительно. Однако решимость применить его в *правом деле*, в борьбе с насильниками могла стать признаком нравственного мужества.

И вряд ли можно винить теоретиков рабочего движения XIX столетия в том, что XX век круто обошелся со многими благими идеями. Точно так же, как вряд ли стоит бросать Христу обвинение в кровавых крестовых походах или изуверстве инквизиции. Разгадка такого рода метаморфоз лежит, видимо, в тех исторических условиях, которые препятствовали осуществлению и извращали самые благие проповеди. В этом смысле прав был Достоевский, когда устами одного из братьев Карамазовых горько пошутил: если бы Христос опять сошел на нашу землю со своей проповедью, то он вновь был бы распят – и на сей раз уже христианами...

Ульянов сделал свой выбор цели в происходящей борьбе. Отмечая рост ненависти «в массах простого народа» по отношению к власти имущим, он – в который уже раз – напишет, что задача революционеров состоит прежде всего в том, чтобы просвещать эту массу, нести в нее «луч сознания своих прав и веру в свои силы». Только тогда, подчеркивал он, «оплодотворенная таким сознанием и такой верой, народная ненависть найдет себе выход не в дикой мести, а в борьбе за свободу»¹.

Все то, о чем спорили еще в кружках, из-за чего, в частности, и рвал Ульянов со Струве: *кто* поведет за собой народ, вернее, *за кем* пойдет народ, – все это станет уже не предметом книжного знания, а реальностью политической борьбы. И сверхзадача рабочего класса России будет состоять именно в том, су-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 416.

меет ли он направить «пугачевщину» крестьянской войны в русло общенародного освободительного движения, осознающего свои политические цели. Всемерно содействовать данному процессу, тому, чтобы рабочий класс смог в наступавшую новую эпоху осуществить свою историческую миссию, – в этом, считал Ульянов, и состояла высшая цель социал-демократии.

Как раз за несколько дней до приезда Струве начались рождественские праздники. «Здесь уже Weihnachten [Рождество] – всюду Christbaume [елки], – пишет Владимир Ильич матери 26 декабря, – на улицах в эти дни было необычное оживление... Но только неприятная зима – без снега. В сущности, даже и зимы-то никакой нет, а так, какая-то дрянненькая осень, мокроть стоит... Надоедает слякоть, и с удовольствием вспоминаешь о настоящей русской зиме, о санном пути, о морозном чистом воздухе. Я провожу первую зиму за границей, первую совсем не похожую на зиму зиму и не могу сказать, чтобы очень доволен был, хотя иногда перепадают великолепные деньки вроде тех, что бывают у нас хорошей поздней осенью.

Живу я по-старому, довольно одиноко и... к сожалению, довольно бестолково. Надеюсь все наладить свои занятия систематичнее, да как-то не удастся... Пометавшись после шушенского сидения по России и по Европе, я теперь соскучился опять по мирной книжной работе, и только непривычность заграничной обстановки мешает мне хорошенько за нее взяться»¹.

Это было написано 26 декабря. Через несколько дней, после разрыва со Струве, надо было вносить в свои планы определенные коррективы...

За предшествующие пять лет, несмотря на тюрьму и ссылку, ему удалось выйти за рамки подполья, издать ряд научных работ, сделавших его имя и его идеи известными самому широкому – по тем временам – кругу читателей.

Разрыв со Струве рвал и многие нити, связывавшие Ульянова с легальной научной ареной и определенной частью российской общественности. Так что же – добровольная «самоизоляция», «отчужденность» от общества? На этот вопрос он ответил еще в ссылке. «Мне кажется, – писал Владимир Ильич Потресову, – что «отчужденность от общества» отнюдь еще не означает непременно этого «изолирования», ибо есть общество и общество...»²

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 197–198.

² Там же. Т. 46. С. 16.

Пройдет совсем немного времени, и в феврале 1903 года Ульянов прочтет четыре лекции по аграрному вопросу в России и Европе в парижской Русской высшей школе общественных наук. Собственно, организаторы этой школы – известные русские ученые Максим Ковалевский и Юрий Гамбаров, относившиеся к марксистам неприязненно и вообще избегавшие «политики», приглашали В. Ильина – автора «Развития капитализма в России» и других солидных экономических работ. Лекции прошли с успехом.

«Закончил свою первую лекцию Владимир Ильич, – рассказывает очевидец, – под настоящий гром аплодисментов, перешедших в бурную, длительную овацию, какую стены Школы никогда раньше не слышали». И узнав, что лектор В. Ильин – это и есть чуть ли не главный «подпольщик» В. Ульянов, Максим Ковалевский ужасно огорчился. «А какой хороший профессор мог бы из него выйти», – заметил он. «В устах профессора Ковалевского, – пишет слушатель Школы Григорий Зиновьев, – это была самая высокая похвала»¹.

Но Ульянов давно сделал свой выбор.

Записывая в ночь с 29 на 30 декабря 1900 года свои впечатления о переговорах со Струве, Ульянов констатирует: «Это было знаменательное и «историческое» в своем роде собрание... по крайней мере историческое в моей жизни, подводящее итог целой – если не эпохе, то странице жизни и определяющее надолго поведение и жизненный путь»².

Ульянов знал, что борьба предстоит долгая и отчаянная. В ней нельзя было рассчитывать ни на близкий успех, ни на какую-либо выгоду. И Владимир Ильич считал, что необходимо добиваться «профессионализации» членов партии, то есть «подготавливать людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь...». Что касается собственной судьбы, тут было все ясно: «Это – великое дело, – напишет он, – и на такое дело не жалко и всю жизнь отдать»³.

Весной 1901 года – с началом XX столетия – он впервые начнет подписывать свои работы новым псевдонимом: **ЛЕНИН**.

¹ Пролетарская революция. 1924. № 3. С. 146; Зиновьев Г. Ленин. Изд. 2-е. Л., 1925. С. 14.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 386.

³ Там же. С. 376; Т. 7. С. 183.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов – 122
Аверьянов В. – 60
Адоратский В. В. – 83
Азанчевская Ю. П. – 380
Айзенштадт И. Л. – 226
Акимов В. (Махновец В. П.) – 354
Аксаков – 154
Аксельрод П. Б. – 186, 219–221, 224, 225, 227, 228, 231, 235, 260, 331, 333, 356–357, 359, 365, 370, 373, 382, 388, 391, 393, 397, 398, 403–405, 407, 408, 414, 415, 422
Алабин П. – 150
Алашеев В. И. – 150
Алеева – 359
Александр II (Романов А. Н.) – 21, 22, 24, 26, 27, 54, 55, 57, 284
Александр III (Романов А. А.) – 19, 57, 72, 74, 76, 119, 123, 205
Александр Македонский – 92
Александров – см. Ольминский М. С.
Александров П. А. – 42
Алексеев К. – 86
Алексеев Н. – 328
Амбарова А. – 84
Аммосов К. М. – 58
Амос Прокопьевич – 143
Андреев Я. – 328
Андреюшкин П. И. – 68, 72, 76, 84
Андреевский И. Е. – 66, 78
Анненков В. И. – 150
Анненков П. В. – 54
Анненский Н. Ф. – 275
Антушевский В. Я. – 266
Апраксин А. – 17, 24
Аптекман О. В. – 357
Аракчеев А. А. – 21
Ардашев А. Ф. – 88
Ардашева-Пономарева Л. А. – 18, 88, 99
Арефьев А. Н. – 149
Аристов А. П. – 21
Арманд И. Ф. – 105, 289–292
Аронсон Н. Л. – 6, 7
Аросев А. Я. – 148
Арсеньев – см. Потресов А. Н.
Аскет – см. Скворцов П. Н.
Ауновская Н. И. – 30
Ауновский В. А. – 27
Афанасьев (Фунтиков) – 199
Афанасьев Ф. – 153
Arzt – см. Крутовский В. М.

- Бабушкин И. В. – 196, 200, 201, 203, 205, 206, 230, 232, 233, 251, 266, 268, 272, 279
 Бакунин М. А. – 25, 87
 Балабин А. (Каштан) – 144, 145
 Балмашев В. – 334
 Бамбуров М. С. – 148
 Барамзин Е. В. – 344, 355
 Баранов Д. О. – 16, 17
 Барач – 329
 Бартенев В. В. – 361
 Барсов Ф. – 17
 Бярятинский В. В. – 418
 Бауман Н. Э. (Полетаев) – 345
 Бауэр К. К. – 251, 268, 269
 Бахарева – 150, 151
 Бебель Август – 166
 Бек Джеймс – 257
 Бекетов Н. Н. – 47
 Белинский В. Г. – 90, 405
 Белова Ю. – 84
 Белокрысенко А. Ф. – 30
 Бельтов – см. Плеханов Г. В.
 Беляков А. А. – 123, 127, 128, 132, 133
 Бердяев Н. А. – 334
 Бердяев Н. С. – 103
 Березин М. Е. – 141
 Бернштейн Эдуард – 186, 335, 336, 338–341, 343, 360, 368
 Бетховен Людвиг ван – 18
 Бешкин Г. Л. – 105, 141
 Бильрот Теодор – 284
 Бирон Эрнст Иоганн – 21
 Благоев Димитр – 197, 198–200, 205
 Благосветлов Г. Е. – 29
 Бланк А. Д. – 11, 14
 Бланк А. (Сруль, Израиль) Д. – 15–20, 22, 31, 66, 88
 Бланк Д. А. – 18
 Бланк Д. (Аба, Абель) Д. – 15–18
 Бланк Е. А. (по первому мужу – Алехина, по второму мужу – Залежская) – 18, 19
 Бланк М. (Дмитрий) И. – 14–16
 Бланк С. А. (по мужу Лаврова) – 18
 Бланки – 13–16
 Блинов П. А. – 361
 Блюменталь И. И. – 107
 Боборыкин П. Д. – 322
 Бобринский А. А. – 125
 Богатырев Е. Г. – 197, 251
 Богданов А. (Малиновский А. А.) – 317
 Богданов Н. Д. – 153, 196, 232, 316
 Боголюбов А. – 42
 Богораз Л. – 84
 Богораз Н. – 197, 328
 Бодров А. И. – 201
 Бодров Ф. И. – 201
 Бойков – 356, 357
 Бонапарта (династия) – 349
 Бонч-Бруевич В. Д. – 222
 Борис Годунов – 75
 Брагин Е. – 284
 Брагинский М. – 70
 Брем Альфред Эдмунд – 242, 243
 Брехов М. С. – 12
 Брехов С. М. – 11, 12
 Бруснев М. И. – 152, 162, 197, 264, 291
 Будницкий О. В. – 131–133, 165
 Булгаков С. Н. – 214, 317, 334–337

- Бунаков Н. Ф. – 58
 Бунге Н. Х. – 47
 Буров Ф. Е. – 113
 Бутлеров М. А. – 68
 Бухарин Н. И. – 15
 Бухгольц В. А. – 112, 114, 226, 260

 В. В. – см. Воронцов В. П.
 Вагнер Н. П. – 68
 Валентинов Н. В. – 35, 50, 65, 76, 81, 90–94, 100, 103–105, 123, 139, 151, 219, 394, 396
 Валь В. В. фон – 234
 Ванеев А. А. (Минин) – 162, 167–169, 204, 211, 231, 232, 238, 239, 242, 243, 245, 247, 266, 271, 281, 282, 289, 316, 344, 354
 Ванеев В. А. – 141, 344
 Ванеева (Труховская) Д. В. – 289, 312, 344
 Ванеевы – 344
 Ванновский А. А. – 324
 Варгунин В. П. – 195, 292
 Васильев М. – 150
 Вебб Беатриса – 311, 317, 318, 340
 Вебб Сидней – 311, 317, 318, 340
 Вебер Георг – 92, 93
 Вейсман В. – 150
 Вентури Франко – 15
 Вересаев (Смидович) В. В. – 44, 270, 359
 Веретенников А. И. – 40, 48
 Веретенников И. Д. – 13
 Веретенников Н. И. – 34, 39, 46, 88
 Веретенникова (Бланк) А. А. – 13, 18, 19, 40
 Веретенникова А. И. – 19, 95, 96
 Верховский В. П. – 207
 Ветрова М. Ф. – 245
 Ветцель Ф. – 148
 Вигдорчик Н. А. – 324
 Виллие Я. В. – 19
 Винберг О. В. – 360
 Витмер О. К. – 291
 Витте С. Ю. – 265, 266, 417
 Вишневский И. В. – 44
 Владимирский – 141
 Воден А. М. – 223
 Водовозов В. В. – 6, 116, 123–128, 130, 131, 154, 155
 Водовозов Н. В. – 251
 Водовозова Е. Н. – 116
 Водовозова М. И. – 319
 Воейков Д. – 58
 Волгин – см. Плеханов Г. В.
 Волин М. – 411
 Волкенштейн М. Ф. – 161, 242
 Волкогонов Д. А. – 5, 17, 123, 146, 211, 317, 318
 Волховский Ф. В. – 259
 Воровский В. В. – 89, 90, 94, 345
 Воронин И. А. – 252, 257, 265
 Воронцов В. П. (В. В.) – 90, 114, 134–136, 154, 166, 170–172, 179, 242, 243, 252
 Воскресенский И. – 84
 Выгорницкий К. – 84

 Газенбуш К. К. – 356
 Галеви Фроманталь – 97
 Галилей Галилео – 15
 Галле – 329
 Гамбаров Ю. – 428

- Ганшин А. А. – 173
- Гарин-Михайловский Н. Г. – 44, 126, 128
- Гауптман Герхарт – 359
- Гвоздев (Циммерман) Р. Э. – 317
- Гегель Георг Вильгельм Фридрих – 90, 336
- Гед (Базиль) Жюль – 222
- Гейден П. А. – 121, 359
- Гейкинг – 42
- Гейне Генрих – 75, 108
- Гельвеций Клод Адриан – 336
- Генералов В. Д. – 68, 72, 76, 99
- Герд Н. А. – см. Струве Н. А.
- Георг V – 209
- Герцен А. И. – 21, 22, 25, 139, 166, 321
- Гёте Иоганн Вольфганг – 175
- Гинзбург А. – 371
- Гинзбург Б. А. – см. Кольцов Д.
- Гобсон Джон Аткинсон – 317, 340
- Говорухин О. М. – 68, 69, 72
- Годунов Б. Ф. – см. Борис Годунов
- Голицын А. Н. – 17
- Голубев М. П. – 123
- Голубева (Яснева) М. П. – 109–111, 124, 128, 169–172
- Гольбах Поль Анри Дитрих – 336
- Гольденберг (Мешковский) И. П. – 141
- Гольдман Б. – см. Горев Б. И.
- Гончаров Д. А. – 109
- Гончаров И. А. – 30, 41
- Гопфенгауз М. Г. – 307
- Гордер – 122
- Горев (Гольдман) Б. И. – 231, 238, 249, 251, 260, 267–273
- Горемыкин А. Д. – 277, 278
- Горемыкин И. Л. – 252
- Горький Максим (Пешков А. М.) – 3, 85, 98, 99, 103, 104, 219, 243, 256
- Гофман С. А. (Иван Федорович) – 231, 232, 245, 251, 268
- Гравен – 222
- Гранат А. Н., И. Н. – 102
- Грановский Т. Н. – 21
- Грессер Ю. В. – 70
- Григорьев М. Г. – 104, 141, 216
- Гринмут В. А. – 16
- Гришин – см. Копельзон М. Т.
- Громан В. Г. – 345
- Громан Е. П. – 345
- Грошофф Александра И. – 18
- Грошофф Амалия И. – 18
- Грошофф Анна И. (по мужу Бланк) – 18, 19
- Грошофф (Эстедт) А. К. – 18
- Грошофф Г. И. – 18
- Грошофф Е. И. – см. Эссен Е. И. фон
- Грошофф И. И. – 18
- Грошофф И. Ф. (Иоганн Готлиб) – 17, 18
- Грошофф К. И. – 18
- Грошофф Каролина И. (по мужу Биуберг) – 18
- Гука (фабрика) – 257
- Гуно Шарль – 97
- Гурвич Ф. И. – см. Дан Ф. И.
- Гурко (Ромейко-Гурко) И. В. – 34
- Гусев – 148
- Гуцул – см. Запорожец П. К.
- Гучков А. И. – 42

- Давыдова Л. К. – см. Туган-Барановская Л. К.
- Даль В. И. – 175
- Дан (Гурвич) Ф. И. – 231, 249, 251, 268, 345
- Даниельсон Н. Ф. (Николай-он, Н.-он) – 136, 154, 167, 168, 179, 317
- Данилин – 158, 159
- Данилов Н. – 237
- Данненберг С. Р. – 158
- Дарвин Чарлз Роберт – 312
- Даргомыжский А. С. – 108
- Дахно П. – 84
- Дворкина М. Д. – 14
- Десянов И. Д. – 44, 62, 84, 86, 94, 115, 116
- Дементьев – 121
- Демичев Д. С. – 237
- Деренков – 85
- Динес В. А. – 15
- Дитц Иоганн Генрих Вильгельм – 404
- Дмитриев П. Д. – 201
- Дмитриева В. И. – 70, 71
- Добролюбов Н. А. – 21, 68, 69
- Долгов Н. С. – 109, 110, 126, 128, 240
- Долгорукий – 274
- Долгоруков Павел Д. – 121, 418
- Долгоруков Петр Д. – 121, 418
- Достоевский Ф. М. – 64, 426
- Дрейден С. Д. – 358, 359
- Дридзо В. С. – 296, 300, 311
- Дубасов Ф. В. – 34
- Дунин И. Н. – 58
- Дурново И. Н. – 119
- Дурново П. Н. – 73, 94, 115
- Духинов – 150
- Дягилев С. П. – 64
- Евдокимов А. А. – 106
- Елизаров М. Т. – 106–108, 112, 113, 145, 149, 169, 173, 275, 319, 377
- Елизаров П. Т. – 145, 149
- Елизарова А. И. – см. Ульянова-Елизарова А. И.
- Ерамасов А. И. – 113, 366, 379
- Ергин А. А. – 197
- Ерманский О. А. – 409
- Ермолаев В. – 308
- Ермолаев И. О. – 288
- Ермолаев С. А. – 301, 308
- Ефимов М. Д. – 316
- Желябов А. И. – 55, 65, 110
- Жуйков Г. С. – 330, 331, 333
- Жуковский В. А. – 63
- Жуковский Д. Е. – 366
- Жуковский Ю. Г. – 90
- Журавлев С. Н. – 287, 301, 308
- Заверткин И. И. – 287, 301, 308
- Загоскин Н. П. – 83
- Зайцев В. А. – 29
- Зайцев К. Ф. – 148
- Зайчневский П. Г. – 25, 87, 109
- Закржевский Ю. Ф. – 97
- Залежский А. А. – 19
- Залесская – 169
- Запорожец П. К. (Гуцул) – 162, 168, 205, 211, 214, 231, 232, 238, 239, 242, 243, 245, 266, 271, 316
- Зарецкая Е. – 380

- Засулич В. И. (Велика Дмитриевна Кирова) – 42, 93, 151, 322, 328, 331, 359, 365, 382–384, 388, 389, 391, 393, 395, 397, 398, 404, 406, 420–422
- Захаров В. Н. – 27, 28
- Захарова К. И. – 345
- Зацепин – 308
- Зволянский С. Э. – 271
- Зегржда – 85
- Зибер Н. И. – 104, 141
- Зильберштейн И. С. – 20, 100, 101, 106, 109, 110, 113, 114, 116, 147
- Зиновьев Б. И. – 201, 205, 230, 232–234, 237, 239, 247, 266, 271–273, 316
- Зиновьев Г. Е. – 428
- Златовратский Н. Н. – 174
- Знаменский В. – 29
- Зотов Б. Л. – 197, 199
- Зырянов А. Д. – 286, 287, 289, 298, 303, 308, 309
- Зыряновы – 297, 301
- Иванов Н. Я. – 266
- Иванский А. И. – 88
- Иксуль Юлия Шарлотта – 182
- Иваншин (Иваньшин) В. П. – 268, 331, 364
- Ильин А. П. – 203, 205
- Ильин В. – см. Ленин В. И.
- Ионов В. А. – 112, 186
- Ишерский И. В. – 78
- Ишутин Н. А. – 28, 29
- Кайзер В. В. – 266
- Кайзерлинг – 274
- Кайзо П. – 198
- Калашников В. А. – 37, 38, 43
- Калмыков Д. А. – 179
- Калмыкова А. М. – 179, 180, 182, 194, 214, 215, 251, 268, 274–276, 289, 293, 311, 342, 351, 359, 361, 366, 380, 381
- Кальян А. А. – 217
- Каляев И. П. – 334
- Каменев (Розенфельд) Л. Б. – 15
- Кант Иммануил – 336, 366
- Каракозов Д. В. – 28, 29, 79
- Карамзин Н. М. – 34
- Карамышев П. И. – 232, 234, 237, 239, 266, 272, 316
- Караулов В. А. – 279
- Кареев Н. И. – 135, 251
- Каронин С. (Петропавловский Н. Е.) – 109
- Карташев А. А. – 150
- Касвинов М. К. – 209, 256, 257, 265
- Катин-Ярцев В. Н. – 258, 268–271
- Каутский Карл – 166, 174, 200, 225, 317, 335, 336, 340, 348, 360, 414
- Кац Д. – 371
- Кац Ш. – 324
- Кацнельсон А. А. – 113
- Кашкадамова В. В. – 67, 73, 74, 76, 79
- Кениг Л. Л. – 265
- Керенский А. Ф. – 44, 65
- Керенский Ф. М. – 44, 48, 53, 54, 60, 74, 77, 82
- Киприан – 319
- Кисликов Д. Я. – 143, 144
- Кисляков Н. М. – 359, 361
- Кичин А. Е. – 241, 247

- Классон Р. Э. – 180, 183–186, 214, 215, 218, 289, 293, 418
- Клейгельс Н. В. – 259, 266, 329
- Клеманс Адольф – 222
- Клеменц Г. А. – 6, 109
- Климанов Е. А. (Афанасьев) – 153
- Клобуков – 180
- Клыков – 241
- Книпович Л. М. – 278, 280, 294
- Кнох – 217
- Князев В. А. – 199, 200
- Князев – 75
- Ковалевский М. М. – 428
- Коваленский С. Г. – 270
- Кожевникова В. Ф. – 407
- Кожевникова И. В. (фабрика) – 259
- Кок Карл – 328, 330
- Кольцов Д. (Гинзбург Б. А.) – 397
- Комиссаров – 27, 28
- Комиссарова Л. И. – 330, 331, 333
- Кон Ф. Я. – 284, 305
- Кондратьев И. П. – 87, 88
- Конринг Герман – 117
- Копельзон (Гришин) Т. М. – 216, 364, 370, 383, 384, 405
- Копьяков – 148
- Коринфский А. А. – 48, 49, 51, 60
- Корнилов А. А. – 278, 280
- Коробко Я. П. – 180, 215
- Короленко В. Г. – 44, 54, 125, 275, 414
- Корсак – 180
- Косич А. И. – 125
- Костин И. Ф. – 201
- Костомаров Н. И. – 242
- Костромин – 245
- Котляревский М. М. – 42
- Котовщиков Н. И. – 106
- Красев А. А. – 58
- Красиков П. А. – 225, 279, 282
- Красиков Ф. – 148
- Красильников И. В. – 148
- Красин Г. Б. – 141, 162, 163, 168, 169, 197–199, 205, 214, 358
- Красин Л. Б. – 141, 162, 164, 166
- Красноперов И. М. – 109, 110, 126, 128, 137
- Кремер А. И. – 204, 324, 325, 384
- Кремлев Н. А. – 82, 86
- Кржижановская З. П. – см. Невзорова-Кржижановская З. П.
- Кржижановский Г. М. (Суслик) – 3–5, 9, 10, 160, 162–165, 167, 168, 198, 207, 211, 216, 228, 231, 232, 234, 238, 239, 242, 243, 248, 249, 266, 271, 274, 278–285, 288, 289, 296, 297, 301, 305, 307, 310, 312, 344, 352, 358
- Кривенко С. Н. – 129, 173, 179, 320–321
- Кричевский Б. Н. – 331, 397
- Кропоткин П. А. – 23, 28, 384
- Крохмаль В. Н. – 103, 356
- Крупская Е. В. – 289, 294, 295, 297, 298, 300, 302
- Крупская Н. К. – 5, 34, 49–51, 56, 63, 81, 94, 100, 108, 180, 183, 195, 201, 205, 206, 215, 231, 232, 242, 245, 246, 250, 251, 262, 268, 269, 286, 287, 289–303, 306–315, 317, 318, 324, 326, 336, 337, 344, 352–356, 360, 372, 376, 378–381, 383, 385, 386, 394, 397, 402, 407, 423

- Крупский А. И. – 290
 Крупский К. И. – 289, 290
 Крутовский В. М. – 275–280, 282
 Крушвиц – 108
 Крылов И. А. – 423
 Кугушев В. А. – 377, 378
 Кугушев Е. Е. – 377
 Кудум А. Е. – 313
 Кудум М. (Минька) – 313
 Кудум П. И. – 313
 Кузнецов М. Ф. – 51
 Кузюткин К. – 199
 Куклев Ф. И. – 148
 Кулаков П. Е. – 279
 Куприн А. И. – 4, 5
 Курептев – 122
 Курлин А. Г. – 113
 Курнатовский В. К. – 302, 344, 354
 Курочкин В. С. – 29
 Курциус Эрнст – 17
 Кускова (Есипова) Е. Д. – 328, 330, 341–343, 364, 382, 383
 Кюн Ц. А. – 47

 Лавров В. М. – 155
 Лавров П. Л. – 23, 41, 87, 166
 Лавров Р. А. – 380
 Лавров С. Е. – 148
 Лаврский – 126
 Ладыгин – 85
 Лалаянц И. Х. (Колумб) – 134, 136, 154, 155, 164, 358, 359, 363, 364, 371
 Лаптев Ф. Е. – 148
 Лассаль Фердинанд – 60, 218
 Латышев А. Г. – 123
 Лафарг Поль – 221, 222, 228
 Лаферм – 234, 235, 250
 Лебедев – 274
 Лебедева М. И. – 113, 114
 Лев XIII, папа Римский – 341
 Левицкий В. (Цедербаум В. О.) – 273
 Леер Г. А. – 47
 Леман М. Н. – 249
 Ленгник Ф. В. – 197, 258, 309, 336, 344
 Ленин В. И. (В. Ильин, Лысый, Николай Петрович, Н. Ленин, К. Тулин, Старик) – 3–428
 Ленин Н. Е. – 380, 381
 Ленин С. Н. – 274, 381
 Ленина Е. – 380
 Ленина О. Н. – 381
 Ленины – 16
 Лео Андре – 222
 Леонидов О. Л. – 4
 Лепешинские – 309, 312, 313
 Лепешинский П. Н. – 281, 304, 306, 325, 344, 376, 380
 Лесгафт П. Ф. – 252
 Лесков Н. С. – 156
 Лессинг Готхольд Эфраим – 98
 Лефрансе Гюстав – 222
 Либкнехт Вильгельм – 151, 226
 Ливанов А. И. – 109, 110, 128, 240
 Ливанов Н. – 21
 Ливанова В. Ю. – 110, 240
 Липкин-Череванин Ф. А. – 103
 Лирочка, Лира – см. Якубова А. А.
 Лиссагаре Проспер Оливье – 222
 Лобачевский Н. И. – 13
 Лопатин Н. Ф. – 361, 366, 375
 Лохов Н. Н. – 361
 Лужский (Калужский) В. В. – 359
 Лукашевич А. – 113

- Лукашевич И. Д. – 68, 72, 76
 Лукашевич П. Л. – 324
 Луначарский А. В. – 5–7
 Лурье М. А. – 231, 249, 268, 361
 Львов И. А. – 237, 251
 Люстих В. О. – 242
 Ляух – 122
 Ляховский Я. М. – 216, 228, 231, 232, 249, 251, 266, 268, 271, 274, 279, 280, 307
 Магницкий М. Л. – 21
 Мазанов И. П. – 378
 Мазанова З. И. – 378
 Маков Л. С. – 54
 Максвель Д. Д. – 257, 265, 329
 Малишевский Н. Г. – 200
 Малон (Бенуа Малон) – 222
 Малченко А. Л. – 162, 167, 168, 211, 231, 232, 239, 271, 374
 Мандельштам М. Л. – 100–102
 Мария Федоровна – 208
 Маркс Карл – 9, 60, 67, 69, 76, 89, 90, 100–105, 124, 133, 139, 142, 144, 146, 154, 166–168, 175, 176, 182, 186, 189, 190, 198, 200, 201, 218, 221, 222, 224, 244, 312, 335, 336, 339, 340, 346, 349, 355, 368, 413, 414, 417
 Мартов Л. (Цедербаум Ю. О.) – 87, 152, 153, 164, 171, 178, 184, 186, 204, 212, 221, 222, 228, 229, 231–233, 235, 237, 238, 241, 247–251, 261, 266–268, 270–273, 281, 282, 304, 325, 334, 344, 345, 352, 357, 358, 362–367, 369–371, 373, 383, 384, 401, 403–405, 408, 409, 415, 425
 Мартыанов Н. М. – 284
 Масленников В. Н. – 173
 Маслов П. П. – 154, 267, 334, 364
 Матовы – 287
 Махновец В. П. – см. Акимов В. П.
 Мезенцов Н. В. – 42
 Мезина П. А. – 302, 303, 308, 314, 338, 354, 355
 Мейер А. – 150
 Мельников Ю. Д. – 305
 Менделеев Д. И. – 68
 Меркулов Н. Е. – 200, 205, 239, 266, 272
 Мешковский – см. Гольденберг И. П.
 Мещерский В. П. – 57, 58
 Миклашевский С. – 126
 Милль Джон Стюарт – 90
 Милюков П. Н. – 418
 Милютин Д. А. – 43
 Минаев Д. Д. – 29
 Минин А. Н. – 79
 Михаил, митрополит – 17
 Михаил Павлович (Романов), вел. кн. – 19
 Михайлов А. Д. – 64
 Михайлов Н. Н. – 197, 199, 229, 246
 Михайловский Н. К. – 90, 128, 129, 134, 135, 152, 172, 173, 176, 238, 261, 262, 267, 275, 320, 321, 335, 359, 405
 Мицкевич С. И. – 141, 173
 Модель В. – 17
 Молчанова Е. П. – 33
 Морозов Д. И. – 237
 Москвин И. М. – 359
 Мотовилов Н. – 84

- Муленков В. Ф. – 147
 Муравьев М. Н. – 77
 Муравьев Н. В. – 270
 Муравьев-Апостол С. И. – 77
 Муратов В. И. – 60
 Мурзин – 148
 Муромов С. – 197
 Муромцев С. А. – 251
 Мутник А. – 324
 Мухин – 284
 Мякина М. С. – 11
- Назарьев В. Н. – 32, 54
 Названов М. К. – 162, 214
 Наполеон I – 92, 93
 Наумов А. Н. – 35, 51–53, 75, 77
 Нафигов Р. И. – 79, 83, 85, 86, 88, 91, 94, 96, 100, 103, 104, 106
 Н. Е. – см. Федосеев Н. Е.
 Невзорова-Кржижановская З. П. – 117, 167, 168, 195, 231, 232, 268, 289, 292, 294, 296, 310, 344
 Невзорова-Шестернина С. П. – 214, 217, 268, 292, 376
 Невский В. И. – 14, 15
 Неклюдов Н. А. – 77
 Некрасов Н. А. – 38, 56, 63, 89
 Нессельроде А. Д. – 366
 Нефедьев Н. Г. – 39
 Нечаев П. – 144
 Нечаев С. Г. – 142
 Никитин А. А. – 197
 Никитин И. С. – 36
 Николаев И. Н. – 43
 Николаевский Б. – 363, 372
 Николаи А. П. – 57
 Николай I (Романов Н. П.) – 16, 21, 24, 57
 Николай II (Романов Н. А.) – 17, 51, 206, 208, 209, 256, 265, 270, 384, 417
 Николай Николаевич Старший, вел. кн. – 35
 Николай-он, Н.-он – см. Даниельсон Н. Ф.
 Николай Петрович – см. Ленин В. И.
 Никонов С. – 72
 Новорусский М. В. – 76
 Новосильцев Ю. А. – 418
 Ногин В. П. – 409
 Нордау Макс (Макс Зидфельд) – 181
 Норинский К. М. – 198, 199, 229
 Носков Василий А. – 377
 Носков Владимир А. – 377
- Оболенский В. А. – 35, 119, 121, 125, 127, 208, 209, 267, 359–361, 368, 369, 390, 419
 Оболенской (частная гимназия) – 180, 290
 Оксман Ю. Г. – 14, 15
 Ольминский (Александров) М. С. – 197, 199, 264–265
 Ольховский Е. Р. – 330, 331, 333
 Опарин М. В. – 148
 Орестов Иоанн – 301
 Орлов-Соколовский А. А. – 97
 Орлова А. – 49
 Орочко А. – 305
 Осинский В. А. – 42
 Осипанов В. С. – 72, 76
 Осипов Н. П. – 128
 Оскар – см. Энгберг О. А.
 Охотников Н. М. – 46

- Пазухин А. Д. – 33
 Пайпс Ричард – 289, 305, 367, 384, 405, 406, 417–419
 Паль К. Я. – 257, 329
 Панаев В. А. – 267
 Панин Н. Н. – 344
 Папперек О. А. – см. Сильвина О. А.
 Парвус (Гельфанд) А. Л. – 317, 340
 Пастернак Б. Л. – 3
 Паша – см. Мезина П. А.
 Пашков – 274
 Перовская С. Л. – 56, 77, 87, 110
 Перушкин Д. А. – 150
 Перфильев – 375
 Перцев – 120
 Песковская (Веретенникова) Е. И. – 73
 Песковский М. Л. – 73, 74
 Петр I Великий – 21, 122
 Петренко А. И. – 356, 357
 Петров А. Г. – 13–14
 Петрова П. А. – 301, 313
 Петропавловский Н. Е. – см. Каронин С.
 Петрусевич К. А. – 324
 Пирамидов В. М. – 374
 Писарев А. – 77
 Писарев Д. И. – 298
 Пискунов А. И. – 377
 Пискунова Е. И. – 377
 Платон – 117
 Плеханов Г. В. (Бельтов, Волгин, Д. Кузнецов, Утис) – 7, 69, 90, 99, 103, 105, 110, 111, 118, 120–123, 130, 131, 136, 139–141, 146, 163–166, 184, 186, 192, 193, 196, 218–226, 228, 235, 252, 260, 268, 279, 325, 327, 330, 335–337, 339, 341, 345, 351, 356, 359, 364, 365, 370, 372–374, 380, 382–403, 405, 414, 420, 422–424
 Плеханова М. Г. – 225
 Плешкина С. – 308
 Плещеев А. Н. – 59
 Победоносцев К. П. – 47, 209
 Подбельский Н. – 84
 Пожарский – см. Сильвин М. А.
 Покровский И. – 79
 Полетаев – см. Бауман Н. Э.
 Полетаев Н. Г. – 266
 Полибин – 329
 Поляков В. – 328
 Полянский С. – 84, 86
 Пономарев А. П. – 88–90
 Пономарев Я. П. – 162, 231, 232, 249, 251
 Пономарева (Бланк) Л. А. – см. Ардашева-Пономарева Л. А.
 Попко Г. А. – 42
 Попов И. Ф. – 7, 39, 218
 Попов Л. Г. – 249
 Попов П. И. – 278, 356, 357
 Попова К. Г. – 278
 Попова О. Н. – 374
 Портной Н. – 371
 Португалов В. В. – 267
 Португалов В. О. – 126
 Посник – 381
 Пospelова – 291
 Постников В. Е. – 137–140, 155, 168
 Потапов Н. Г. – 86
 Потресов А. Н. (Арсеньев, Брат) – 180, 183–186, 210–215, 222–225, 229, 244, 251, 252, 258–260,

- 268, 306, 311, 333–337, 340, 345, 351–353, 359, 360–367, 369–373, 382–385, 387–391, 393, 396, 403–405, 408, 415, 416, 419–422, 427
- Преображенский А. А. – 109, 112, 137, 144, 145, 155
- Прибыловская – 29
- Прокопович С. Н. – 171, 330, 334, 341, 364, 382
- Проминский И. (Ян) Л. – 287, 288, 302, 307, 312, 314, 315, 317, 337, 338
- Пронников – 308
- Протопопов В. Д. – 125, 127
- Прошин В. – 153
- Пругавин В. С. – 143
- Прушакевич В. П. – 43
- Пугачев В. В. – 15
- Путткамер Роберт Виктор фон – 263
- Пушкин А. С. – 17, 56, 75
- Радек К. Б. – 100, 101, 115
- Радецкий Ф. Ф. – 34
- Радченко Л. Н. – 228, 231, 232, 238, 360
- Радченко С. И. – 162, 184, 199, 204, 210, 230–232, 238, 249, 251, 268, 269, 271, 295, 312, 324–326, 331, 360, 369
- Райчин С. Г. – 301, 304, 305
- Раковский Х. Г. – 415
- Рассохин – 122
- Рачинский С. А. – 57
- Рейнгардт Н. В. – 83
- Репин И. Е. – 156
- Репин С. – 148
- Реутовский Н. – 267
- Рид Томас Майн – 242
- Ритмейер – 406
- Робеспьер Максимильен – 164
- Родичев – 418
- Розанов В. Н. – 379
- Розенбаум М. М. – 226
- Розенберг А. М. – см. Старкова А. М.
- Розенберг Э. Э. – 282, 285
- Розенталь И. С. – 196
- Романовы (династия) – 206
- Россмеслер – 291
- Рудаков М. И. – 294
- Румянцев П. П. – 377
- Русанов Н. С. (Тарасов К.) – 41, 42
- Рыбас П. – 379
- Рядов Н. Е. – 266
- Рязанов А. И. – 406
- Сабунаев М. В. – 100, 132, 133
- Савельев А. А. – 209
- Савинков Б. В. – 334
- Савинов П. – 377
- Савицкая М. Г. – 359
- Савицкий В. В. – 113
- Сазонов Е. – 334
- Сак Карл – 272
- Салтыков-Щедрин М. Е. – 47, 68, 110, 175, 189–191, 202
- Самойлов А. И. – 109, 137
- Самохин Т. Т. – 266
- Санин А. А. – 267
- Сарбатова В. Г. – 31
- Сахаров Т. И. – 148
- Сватиков С. Г. – 131–133
- Свенцицкий В. – 282–283

- Свидерский А. И. – 356
 Семевский В. И. – 68
 Семенов М. И. – 112, 114, 115, 123, 127, 135
 Сен-Жюст Луи – 164
 Сенин А. С. – 42
 Сергиевский Н. Л. – 158, 360
 Серебровский С. М. – 180
 Серебряков К. М. – 106, 109, 144
 Сержников В. К. – 231
 Сибилева В. В. – 316
 Сибиряков – 107
 Сильвин М. А. (Пожарский) – 162, 166–168, 172, 184, 204, 205, 207, 210, 211, 214–217, 229, 231–235, 238, 241–243, 245, 246, 248–253, 258, 260, 268, 269, 316, 342, 344, 354, 358, 360
 Сильвина (Папперек) О. А. – 289, 342, 354, 355
 Скалдин (Еленев Ф. П.) – 90, 320, 323
 Сворцов А. И. – 84
 Сворцов П. Н. (Аскет) – 104, 105, 140–141, 146, 155, 158, 162, 163, 167, 186, 345, 350
 Складенко А. П. (Попов) – 112–114, 124, 130, 134–137, 154, 155, 351
 Скобелев М. Д. – 34
 Смилович-Леман И. Г. – 231, 404, 406
 Смирнитский А. – 150
 Смирнов А. Л. – 12
 Смирнова Т. А. – 12
 Соколов Б. – 289–292
 Соколов Н. П. – 119–121, 123
 Сократ – 7
 Соловьев А. К. – 55
 Соловьев А. М. – 272
 Соловьев В. С. – 71
 Соловьев С. М. – 21
 Солоухин В. А. – 314
 Спonti Е. И. – 216, 218, 219
 Сталин (Джугашвили) И. В. – 14
 Старков Василий В. (Базиль, Веде) – 162, 166–169, 184, 185, 199, 211, 228, 231, 232, 237, 239, 242, 243, 248, 266, 271, 278, 280–282, 289, 297, 301, 304, 305, 310, 311, 344, 354, 355
 Старков Владимир В. – 163, 164
 Старкова (Розенберг) А. М. – 281, 289, 312
 Стеклов Ю. М. – 383, 385, 406
 Стерник И. Б. – 148
 Степняк-Кравчинский (Кравчинский) С. М. – 42
 Стопани А. М. – 361
 Стояновский М. В. – 284
 Странден Н. П. – 28
 Стратанович Е. Д. – 249
 Стржалковская Н. – 78
 Строганов П. Т. – 288
 Струве Г. П. – 312
 Струве Н. А. – 180, 289, 290, 311, 312, 334
 Струве П. Б. (Близнец) – 179–189, 211–216, 260, 267, 268, 275, 289, 312, 317, 319, 325, 326, 334–341, 345, 350, 351, 359, 364, 366, 367, 369, 370, 379, 380, 384, 387, 388, 405, 406, 415–428
 Суворов А. В. – 92
 Сущинский М. – 197, 199

- Тахтарев К. М. – 195–197, 199–203, 207, 208, 212, 229, 230, 233, 234, 236, 237, 250–253, 256–261, 263, 265, 266, 268–270, 272, 292, 295, 310, 328–330, 384, 397–399
- Теплов П. Ф. (Сибиряк) – 331, 364
- Тилло А. Э. – 151, 162
- Тимофеев А. В. – 29
- Тихомиров Л. А. – 110, 111, 166
- Ткачев П. Н. – 142
- Толстой Д. А. – 44, 47, 58
- Толстой Л. Л. – 125
- Толстой Л. Н. – 63, 94, 122, 256, 353
- Торнтон Д. Д. – 233, 234, 250, 257
- Точисский П. В. – 197
- Тренюхин В. М. – 231, 232
- Трепов Ф. Ф. – 42, 359
- Трофимов Ж. А. – 31, 33, 34, 44, 45, 51, 54–61, 65, 68, 72–76, 82
- Трубецкой Е. Н. – 418
- Трубецкой С. Н. – 418
- Труховская Д. В. – см. Ванеева Д. В.
- Туган-Барановская Л. К. – 180, 181, 289, 312
- Туган-Барановский М. И. – 180–183, 202, 214, 251, 267, 268, 289, 312, 317, 334–336, 364, 369, 370, 387, 388, 419, 425
- Тукаев – 377
- Тулин К. – см. Ленин В. И.
- Тургенев И. С. – 67, 94, 287–288, 299, 300, 420
- Тучапский П. Л. – см. Лукашевич П. Л.
- Тырков А. В. – 284, 305
- Тыркова-Вильямс А. В. – 5, 180–182, 290, 291, 293, 306, 312, 425
- Тютчев Н. С. – 284, 305
- Тютчев Ф. И. – 23
- Тютюкин С. В. – 223, 224
- Уждин И. И. – 148
- Удимова Л. – 282, 283, 298
- Ульянин В. Н. – 11
- Ульянин Н. Г. – 11
- Ульянин П. В. – 11
- Ульянин С. В. – 11
- Ульянин Ф. Н. – 11
- Ульянина А. С. – 11
- Ульянов А. И. – 27, 29, 30, 34, 36, 37, 39, 40, 43, 45, 47, 56, 59–61, 65–81, 83, 84, 94, 95, 99, 101, 107, 110, 112, 116, 118, 124, 162, 164
- Ульянов А. Н. – 12
- Ульянов В. И. – см. Ленин В. И.
- Ульянов В. Н. – 12, 13
- Ульянов Д. И. – 31, 59, 61, 65, 79, 97, 98, 112, 124, 157, 173, 243, 357, 375
- Ульянов И. Н. – 11–13, 20, 21, 24, 26–33, 35–38, 40, 41, 44, 46, 47, 55–63, 66, 77–80, 97, 109, 118, 147, 173, 220
- Ульянов Н. – 79
- Ульянов (Ульянин, Ульянинов) Н. В. – 11–13, 21
- Ульянова (Смирнова) А. А. – 12, 21, 31
- Ульянова (Бланк) М. А. – 11, 13, 18–20, 27, 29, 31, 36–40, 45, 59, 61, 62, 65–67, 73–76, 78–80, 88, 94, 96, 97, 106, 108,

- 116–118, 153, 161, 173, 200, 217, 240, 243, 245, 274–277, 285, 286, 292, 300, 309, 310, 312, 354, 357, 376, 378, 379, 427
- Ульянова М. И. – 13, 14, 31, 33, 48, 88, 107, 124, 173, 244, 245, 275, 286, 291, 296, 357, 374
- Ульянова М. Н. – 12
- Ульянова О. И. – 31, 38, 45, 49, 50, 61, 66, 78, 96, 97, 102, 107, 108, 116–118, 153, 159, 161
- Ульянова Ф. Н. – 12
- Ульянова-Елизарова А. И. – 13, 14, 22, 24, 26, 27, 29, 30, 34, 40, 43, 45, 46, 50, 56, 57, 59–63, 65–68, 70, 73–76, 88, 89, 96, 102, 105–109, 116, 124, 134, 135, 142, 145, 153, 154, 157, 159, 162, 169–171, 219, 224, 240, 243–245, 248, 253, 260, 265, 270–272, 274, 275, 277, 292, 295, 307, 309, 311, 318, 342, 357, 358, 374, 376–378, 403, 406
- Ульяновы (семья) – 16, 21, 22, 27, 30, 31, 33–35, 38, 41, 43–47, 50, 51, 56, 57, 62, 65, 76, 78, 79, 82, 96, 98, 106–111, 113, 124, 125, 136, 157, 161, 275, 301, 303, 304
- Умов В. – 29
- Усов И. – 150
- Успенский Г. И. – 90, 144, 182, 385, 405
- Ушинский К. Д. – 23, 26
- Фармаковский В. И. – 58
- Фармаковский М. В. – 56
- Федосеев Н. Е. – 98–100, 102–104, 106, 107, 129, 154, 158, 159, 281, 282, 306, 307
- Федотов Н. К. – 313, 378
- Федотова Н. А. – 278
- Федотченко А. – 66
- Федулов А. – 197
- Фейербах Людвиг – 139
- Фёрстер Отфрид – 7
- Фет (Шеншин) А. А. – 122
- Филадельфов В. – 109
- Филатьев – 247
- Филипп II, исп. король – 291
- Фишер Луис – 292
- Фишер Матвей (Герман) А. – 199, 213
- Фосс Е. Н. – 87
- Фотиева Л. А. – 8
- Фридрих Вильгельм III – 17
- Фроимович Марьям (Марем) – 15
- Хаит Г. Е. – 154, 313
- Хайек Фридрих Август фон – 142
- Халтурин С. Н. – 55
- Хардин А. Н. – 98, 113, 147, 150, 153, 161
- Хотябин – 199
- Хренков – 71
- Цаплин В. В. – 14, 15
- Цвибак М. – 117
- Цедербаум В. О. – см. Левицкий В.
- Цедербаум Л. О. – 267
- Цедербаум Ю. О. – см. Мартов Л.
- Цюрупа А. Д. – 356, 377, 381

- Чайковский Н. В. – 259
 Чеботарев И. Н. – 68, 161
 Чеботарева А. К. – 161, 242
 Чеботаревский – 128
 Чернов В. М. – 170
 Чернышев И. В. (Николай Иванович) – 197, 229
 Чернышев – 154–155
 Чернышевский Н. Г. – 22, 80, 81, 89–94, 100, 142, 151, 166, 298, 321, 356
 Чертков И. Д. – 19
 Четвергова (Орлова) М. П. – 99–102, 106, 132, 356, 358
 Чехов А. П. – 44, 64, 155–157
 Чешер О. – 265
 Чигорин М. И. – 98
 Чингисхан (Тэмуджин, Темучин) – 93
 Чинов П. Г. – 148
 Чириков Е. Н. – 85, 86, 101
 Чихачев Н. М. – 253
 Чугунов С. – 253
 Чудаков А. П. – 64

 Шагинян М. С. – 12, 13
 Шалагинов В. К. – 147, 148
 Шаляпин Ф. И. – 267
 Шаповалов А. И. – 197, 268, 305, 344
 Шаховской Д. И. – 418
 Шевлягин – 215
 Шевченко Т. Г. – 18
 Шевырев П. Я. – 72, 76
 Шекспир Уильям – 71
 Шелгунов В. А. – 194, 197–202, 205, 213, 229, 230, 232, 233, 239, 266
 Шелгунов Н. В. – 25, 152, 153
 Шепелев С. П. – 237, 251
 Шереметьев П. С. – 418
 Шестернин С. П. – 376, 377
 Шестернина С. П. – см. Невзорова-Шестернина С. П.
 Шестопалов И. А. – 231, 249, 268
 Шихобалов – 121
 Шредер – 34
 Штейн М. Г. – 14, 16, 18, 19, 380, 381
 Штейнгауэр Я. М. – 47, 48, 217
 Штиглица (фабрика) – 265
 Штурман Д. – 314, 315
 Шубин – 122
 Шухт Анна А. – 162
 Шухт Аполлон А. – 112, 151, 162

 Щапов А. П. – 24–25
 Щедрин – см. Салтыков-Щедрин М. Е.
 Щербо Александра – 50

 Эйдельман Б. Л. – 324
 Энгберг О. А. – 287, 298, 301, 303, 307, 315, 338, 344, 355
 Энгельгардт А. Н. – 90, 320–323
 Энгельс Фридрих – 9, 60, 90, 102–105, 133, 141, 146, 151, 166, 182, 218, 222, 224, 226, 336, 368, 413, 414
 Эссен (Грошофф) Е. И. фон – 18–20, 31, 46
 Эссен Мария – 81

 Юдин Г. В. – 280
 Южаков С. Н. – 173, 251, 267, 320, 321
 Юстинова В. – 50

- Юхоцкая В. – 281
Юхоцкий – 306, 307
- Явейн Л. Ю. – 151, 162, 359
Языков Н. М. – 108
Яковлев Б. В. – 34, 39, 48–51, 150,
222, 225, 272, 274, 280, 282–
284, 299
Яковлев Е. В. – 21–24, 26–28, 30,
32, 33, 36, 37, 41, 47, 50, 54,
56, 58, 59, 61, 74, 77–79, 96
- Яковлев И. И. – 39, 201, 239, 266,
305
Яковлев – 213
Якубова (Тахтарева) А. А. – 168,
195, 205, 231, 232, 250, 269–
272, 292–295, 309, 310, 330,
399–402, 422
Якутов И. С. – 378
Якутова Н. – 378
Яцевич Н. В. – 280
Яценко – 148

ОГЛАВЛЕНИЕ

Какого цвета глаза у Ленина? <i>(Вместо предисловия)</i>	3
--	---

ГЛАВА 1. НАЧАЛО ПУТИ

У корней родословного древа	11
«Шестидесятники»	20
Симбирск	29
Гимназия	43
1 марта 1881 г.	53
Старший сын в доме	62
Аттестат зрелости	73

ГЛАВА 2. «БРАТ ПОВЕШЕННОГО...»

Казань	82
Кокушкино	88
«Мутный доклад»	96
Самара	105
Голод	119
Самоопределение	131
«Палата № 6»	146

ГЛАВА 3. «СОЮЗ БОРЬБЫ»

В столице	160
Первое признание	169
«Марксистский салон»	179

«Пробуждение человека...»	186
«Николай Петрович»	194
«Лидер питерских эсдеков»	208
В «прекрасном далеке»	217
«Зачаток партии»	227

ГЛАВА 4. ТЮРЬМА И ССЫЛКА

Одиночка	240
«Гидра революции»	250
«По высочайшему повелению»	265
«Цивилизованная» ссылка	277
Свадьба	289
Семья	301
Работа	316
«Новые времена»	331
«Анти-Кредо»	341

ГЛАВА 5. НА ПОРОГЕ XX ВЕКА

«Тройственный союз»	356
Два паспорта	367
«Нравственная баня»	382
«Личные связи»	394
«Ветер перемен»	404
«Вы должны быть сильны»	415
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	429

ВЛАДЛЕН ТЕРЕНТЬЕВИЧ ЛОГИНОВ

Владимир Ленин

Выбор пути

Биография

Заведующий редакцией
и ведущий редактор издания *М. М. Беляев*
Редактор *Т. И. Шагова*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Т. А. Новикова*
Корректоры *Т. И. Андрианова, Т. Ю. Коновалова*

ЛР № 010273 от 10.12.97.

Сдано в набор 04.11.04. Подписано в печать 15.02.05.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52. Уч.-изд. т 27,53.
Тираж 1500 экз. Заказ № 334

Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Издательство «Республика»
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
Министерства культуры и массовых коммуникаций
Российской Федерации.

ГП издательство «Республика».
Миусская пл., 7, Москва. А-47, ГСП-3 125993.

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Владлен Логинов

Логинов Владлен Терентьевич (р. 1929) – один из самых известных и авторитетных исследователей биографии В. И. Ленина, доктор исторических наук, профессор, автор более трехсот научных работ по русской истории, особенно по проблемам революционного движения в России («Ленин и «Правда» 1912–1914 годов», «В. И. Ленин — революционер, мыслитель, человек», «Штрихи к портрету» и др.). Он также автор романа-хроники «Февраль», сценариев художественных и документальных фильмов «Доверие», «Чичерин», «Николай Бухарин», созданных в содружестве с М. Шатовым и А. Зархи.

ISBN 5-250-01891-2

9 785250 018913 >

Издательство
«РЕСПУБЛИКА»